

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

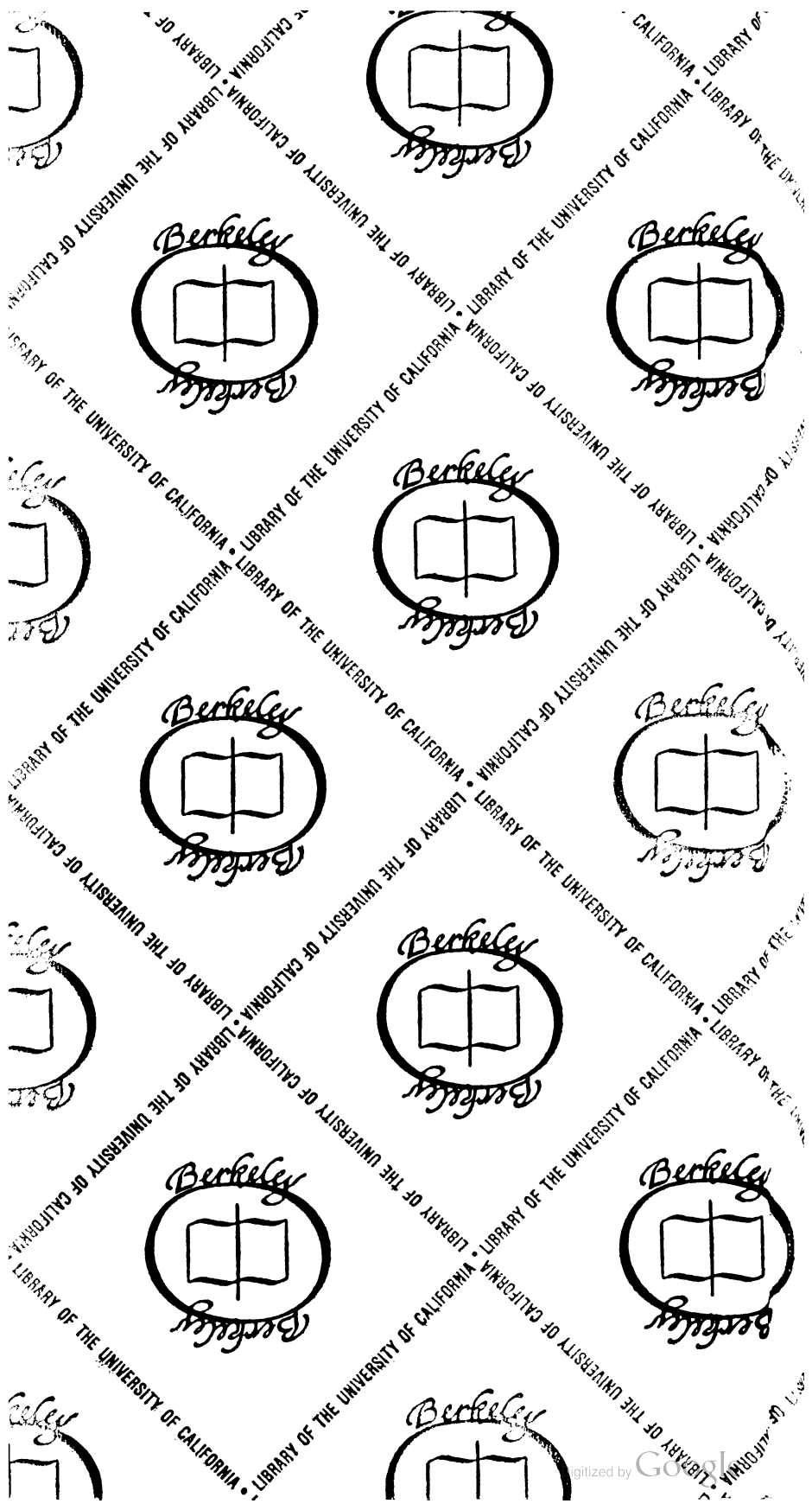
Мы также просим Вас о следующем.

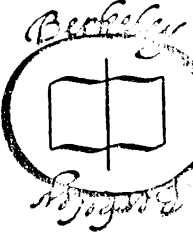
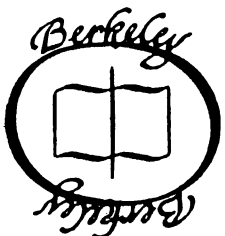
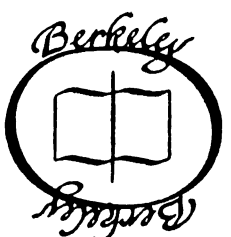
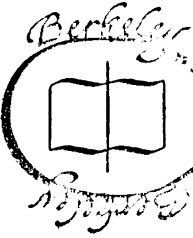
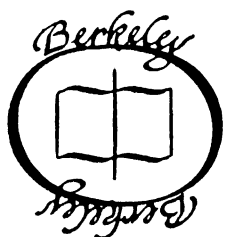
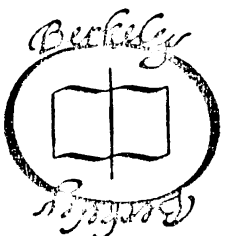
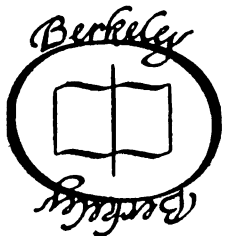
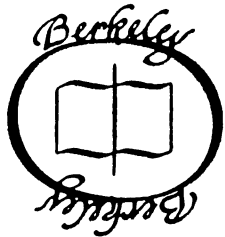
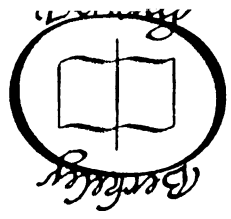
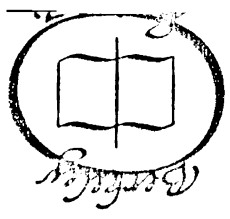
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

ОБРАЗОВАНИЕ

ФЕВРАЛЬ

По Постановленію СПБ. Комитета по дѣламъ печати на первый номеръ журнала наложенъ арестъ. Подписчикамъ, не получившимъ этого номера, будутъ въ теченіе февраля мѣсяца выданы двѣ книги: № 2 и № 2а.

Содержаніе № 2.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
1. Поручикъ Курнатовскій. Разсказъ М. Волохова	1— 36
2. Герценъ какъ соціалистъ. Прив.-доц. В. Ивановскаго	37— 57
3. * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	58
5. Аграрный вопросъ. Разсказъ А. Кипень	91—107
6. Роль деревни и города въ политической жизни П. Берлина	108—124
7. Два міра. Романъ Корн. Гюнгенсъ , перев. съ нѣмецк. В. Величкиной	125—152
8. Національный вопросъ и марксизмъ В. Инсарова	153—184
9. Горе дяди Пито. Разсказъ Октава Мирбо , перев. съ франц. О. Черносветовой	185—191
10. * * Стихотвореніе С. Омскаго	192
11. О теоретическихъ основахъ муниципализаціи земли Мих. Оленова	193—230
13. * * Стихотвореніе В. Башкина	240

ОТДѢЛЪ II.

14. Идеинныя теченія современнаго народничества Б. Веселовскаго	1—30
15. О суррогатѣ государственной росписи Финансиста	31—39
16. Происхожденіе современнаго синдикализма В. Шаха	40—60
17. Община и указъ 9 ноября А. Лосицкаго	61—77

А 1.

XVI.

1907

Образование

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

413 - 2

№ 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.

1907.

✓

L 51
O 35
v. 16:2
MAIN

СОДЕРЖАНИЕ № 2.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
1. Поручикъ Курнатовскій. Разсказъ. М. Волохова	1—86
2. Герценъ какъ социалистъ. Прив.-доц. В. Ивановскаго	37—57
3. ** Стихотвореніе О. Боголюбовой	58
5. Аграрный вопросъ. Разсказъ А. Кипень	91—107
6. Роль деревни и города въ политической жизни П. Берлина	108—124
7. Два міра. Романъ Корн. Гюнгенсъ , перев. съ нѣмецк. В. Величкиной	125—152
8. Національный вопросъ и марксизмъ В. Инсарова	153—184
9. Горе дяди Пито. Разсказъ Октава Мирбо , перев. съ франц. О. Черносвитовой	185—191
10. ** Стихотвореніе С. Омскаго	192
11. О теоретическихъ основахъ муниципализаціи земли М. Оленова	193—230
12. ** Стихотвореніе В. Башкина	240

ОТДѢЛЪ II.

14. Идеинныя теченія современнаго народничества Б. Веселовскаго	1—30
15. О суррогатъ государственной росписи Финансиста	31—39
16. Происхожденіе современнаго синдикализма В. Шаха	40—60
17. Община и указъ 9 ноября А. Лосицкаго	61—77
18. ИЗЪ ЖИЗНИ и ЛИТЕРАТУРЫ . „Они идутъ!“ (По поводу нѣкоторыхъ сборниковъ „Знанія“). В. Львова . Апоееозъ догматовъ. (Сочиненія А. Вербидкой) О. Миртова	78—99
19. ВА ЗАПАДЪ . (Изъ Франціи). Стачка французскихъ рабочихъ О. Езерскаго	100—127

20. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.** 1. Ю. Айхенвальдь. Силуэты русских писателей. **О. Миртова.** 2. Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія.—аго. 3. З. Н. Гиппиусъ. Новые люди. **Е. Колтоновской.** 4. Библиотека великихъ писателей. Байронъ. Проф. **Л. Шепелевича.** 5. О Мирбо. Дневникъ горничной. **Е. Колтоновской.** 6. Г. Энгель и В. Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 гг. **Л. Вас—аго.** 7. Проф. Г. Еллинекъ. Конституція, ихъ измѣненія и преобразованія. **П. Б—ина.** 8. Р. Энзоръ. Современный социализмъ. **П. Б.** 9. Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи. **Б. Володина.** 10. Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики социаль-демократіи. **П. Л.** 11. Л. Клейнбортъ. Безработица и движеніе безработныхъ. **Б. В—аго.** 12. Де-Воланъ. Въ странѣ миллиардовъ и демократіи. **Н. Березина.** 13. К. Н. Вентцель. Свободное воспитаніе и образованіе. Борьба за свободную школу. **А. Налимова.** 14. Д-ръ Л. Котельманъ. Основы школьной гігіены. **А. Вирениуса.** Новые книги, поступившія въ редакцію. . 128—159
22. Объявленія.

А. 1.

Поручикъ Курнатовскій.

Рассказъ Марна Волохова.

I.

Въ вторѣй половинѣ ноября молодой врачъ Павелъ Владиміровичъ Бураковъ уѣзжалъ изъ Кіева въ глухое мѣстечко къ женѣ и маленькому сыну. Павелъ Владиміровичъ, психіатръ по специальности, былъ ассистентомъ при извѣстномъ профессорѣ. Жену съ ребенкомъ онъ давно уже уславъ подалше отъ всѣхъ городскихъ ужасовъ, а теперь и самъ отправлялся „поотдохнуть нервами и позаняться“. До отхода поѣзда оставалось еще минутъ пять, и Бураковъ, поднявъ узкія, худыя плечи и опустивъ голову въ воротникъ, стоялъ на перронѣ и слѣдилъ за вокзальной суетой. Приятно было быть на людяхъ, среди яркаго свѣта электрическихъ фонарей. Люди суетились, бѣгали, кричали. И, глядя на толкающихся пассажировъ, на артельщиковъ, кричащихъ: „Берегись! Дорогу!“, на монументальнаго жандарма, на начальника станціи, Буракову казалось, что всѣ они безъ различія знаютъ что-то общее, радостное и побѣдное, или унижительное и ужасное. Нужно было крикнуть, только крикнуть властное слово. И, думая о другихъ злобахъ дня, Бураковъ заглядѣлся на электрической фонарь, въ которомъ что-то копошилось и жалобно гудѣло и отъ времени до времени прислушивался къ вою вѣтра, дувшему изъ-за вагоновъ со стороны открытаго поля такъ порывисто, словно онъ собрался потушить большое пламя или сорвать гдѣ-нибудь крышу. Но вотъ раздалось два отрывочныхъ, рѣзкихъ удара въ вокзальный колоколь, и Бураковъ, вздрогнувъ, бросился къ своему вагону. Минутъ черезъ пять поѣздъ двинулся. Отъ Буракова стали уходить вправо столбы, окна, фонари, люди, ушелъ понурый, глубоко глядѣвшій въ землю начальникъ станціи, ушелъ монументальный жандармъ; какая-то старая женщина, истерически рыдая, бѣжала за поѣздомъ, крича:

„Злата! Злата!“; кто-то за спиной сказалъ: „Провожаетъ дочь въ Америку“. Вдругъ стали раздаваться тревожные свистки. Бураковъ выглянулъ назадъ: за поѣздомъ бѣжалъ какой-то господинъ, въ черномъ пальто и мѣховой шапкѣ, съ желтымъ сакомъ въ правой рукѣ. Сзади доносились крики: „Нельзя! нельзя!“. Кто-то даже схватилъ его за рукавъ, но онъ отмахнулся. Вотъ поровнялся онъ съ Бураковымъ; черезъ секунду былъ конецъ перрона; Бураковъ высунулся, протянулъ догонявшему руку и тотъ прыгнулъ въ вагонъ, чуть не сбивъ его съ ногъ.

Когда запоздавшій господинъ, глубоко и часто дыша, сталъ твердо на ноги, поѣздъ уже мчался во тьмѣ, мимо сигнальныхъ огней семафоровъ, мимо стрѣлочныхъ будокъ и мимо таинственно чернѣвшихъ вагоновъ.

— Простите,—задыхаясь промолвилъ онъ,—и отъ его дыханія понесло сильнымъ запахомъ спирта.—Я не ушибъ васъ? Позвольте пожать протянутую руку.

Бураковъ протянулъ ему руку, а онъ, все еще тяжело и часто вздыхая, приподнялъ плечи, склонилъ свой станъ, слегка опустилъ голову и, поднеся концы пальцевъ къ полямъ шляпы, проговорила:

— Курнатовскій.

Бураковъ назвалъ себя и внимательно посмотрѣлъ на него. Это былъ рослый и широкоплечій мужчина. Въ крупныхъ чертахъ его смуглаго лица было что-то добродушно-упрямое; маленькіе черные усики и нѣсколько курчавыхъ волосъ на щекахъ и подбородкѣ дѣлали его лицо совсѣмъ моложавымъ. Припухшія вѣки и мѣшки подъ глазами придавали ему не совсѣмъ здоровый видъ. Онъ никакъ не могъ отдышаться.

— Фу, усталъ! А зачѣмъ спрашивается? Мнѣ, собственно говоря, совершенно все равно было, уѣхать или не уѣхать. Просто такъ пріѣхалъ на вокзалъ: можетъ быть, уѣду, а, можетъ, и нѣтъ.

Лицо Буракова выразило недоумѣніе.

— Вы удивляетесь? Вамъ не знакомы такіе моменты въ жизни, когда все равно?

Бураковъ задумчиво покачалъ отрицательно головой.

— Не знаете? Поживете—увидите, а, впрочемъ, не дай Богъ! Бываетъ... Да въдь большинство уѣзжающихъ дѣлаетъ видъ, что имъ некогда.

Курнатовскій какъ-то устало и болѣзненно улыбнулся однимъ ртомъ, и вдругъ широко и громко зѣвнулъ, показавъ большіе прекрасные зубы.

— Выѣхалъ я заблаговременно,—продолжалъ онъ апатичнымъ и придавленнымъ голосомъ,—но извочикъ по-

вался мнѣ ужасный. Лошадь у него побѣжить, побѣжить и станеть; онъ ее похлещетъ, почмокаетъ—опять побѣжить и станеть. Сначала я было сердился, а потомъ сталь, знаете, на лошадиную точку зрѣнія или, если хотите, наоборотъ: со скотской точки перешель на человѣческую. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть, адская скука бѣгать теперь по городу: на дворѣ мокро, грязно, паршиво, какъ у самоубійцы на душѣ, а ты бѣгай и вези пьяницу и драчуна извозчика и сѣдока, которому все равно, что сегодня, что въ четвергъ; не поѣду—и кончено! Хлещетъ онъ ее, какъ говорится, и въ хвостъ, и въ гриву, а она—ни съ мѣста. „Не смѣй бить,—кричу я ему,—вѣдь больно скотинѣ, жалы!“ а онъ мнѣ: „Нынче людей не жалѣютъ не то, что скотину; а только она у меня норовистая“. Такъ и сказаль,—Курнатовскій еще разъ повторилъ послѣднюю фразу извозчика и сталь рассказывать дальше:

— Кое-какъ добрались мы до вокзала. Узнаю: ужъ два звонка дали. Сталь я суетиться, бѣгать: позабыль, значить, что мнѣ все равно. А какъ увидаль, что поѣздъ тронулся, тутъ и загорѣлось: догнать, непременно догнать. Спасибо, вы протянули руку, а то, пожалуй, мнѣ бы недолго и подѣ колеса.

— Да и вы прыгнули очень ловко,—замѣтилъ Бураковъ. Опираясь тяжело всѣмъ тѣломъ о стѣнку вагона и засунувъ руки въ карманы, Курнатовскій ничего не отвѣтилъ и умолкъ, что-то думая про себя. Черезъ нѣсколько минутъ онъ какъ бы добавилъ къ своимъ послѣднимъ словамъ:

— Такъ, знаете, иногда жизнь мчится, какъ этотъ поѣздъ, на всѣхъ парахъ; запоздаешь, хочешь догнать ее, хорошо, если протянуть руку, а не то подѣ колеса,—и онъ махнулъ такъ рукой, будто дѣйствительно что-то швырнулъ подѣ вагонъ,—можетъ, искалѣчить, можетъ, убьетъ, да...

При послѣднихъ многозначительныхъ словахъ Бураковъ насторожился и какъ-то сразу почувствовалъ, что этотъ грузно опершійся о стѣнку человѣкъ таить что-то тяжелое и мрачное. Въ это время прошли на площадку контролеръ и два кондуктора. Чтобы пропустить ихъ пройти по узкой площадкѣ, Бураковъ прижался къ стѣнѣ, а Курнатовскій отступилъ назадъ, быстро и ловко щелкнувъ каблуками. „Мигаево! Раздѣльная!“—проговорилъ громко контролеръ, поднося билеты къ свѣту и прорѣзывая ихъ.

— Мы съ вами, значить, почти до самага конца попутчики,—замѣтилъ Бураковъ.

— Да, возможно,—отвѣтилъ глухо и неопредѣленно Курнатовскій, принявъ прежнюю вялую позу, и опять ши-

роко и протяжно зѣвнулъ.—Простите, это у меня нервная зѣвота.

Бураковъ снова услышалъ запахъ спирта, и, невольно поморщившись, онъ предложилъ Курнатовскому войти въ вагонъ посмотреть свои мѣста. Тотъ согласился. Въ вагонѣ было тепло и многолюдно; замѣтно было нѣсколько чело-вѣкъ солдатъ, возвращающихся съ войны и изъ запаса, и совершенно не видно было интеллигентныхъ лицъ. Большинство пассажировъ располагалось поудобнѣе на ,ночлегъ и устраивало свои лежанки. Буракову и Курнатовскому пришлось пройти по всему вагону, такъ какъ мѣста ихъ были въ противоположномъ концѣ; мѣста ихъ оказались не рядомъ. Но сосѣдъ, лежавшій противъ Буракова, большой широкой чело-вѣкъ въ картузѣ, услыхавъ разговоръ о мѣстахъ, любезно предложилъ помѣняться мѣстами, такъ какъ ему все равно нужно было ночью „слѣзать“. Вошедшій кондукторъ переписалъ ихъ плацкарты, и дѣло было улажено. Въ вагонѣ было очень жарко и душно, и черезъ нѣсколько минутъ Буракова и Курнатовскаго снова потянуло на свѣжій воздухъ, на площадку. Въ одномъ мѣ-стѣ узкаго прохода вагона имъ нужно было пропустить проходившую барышню.—Виновать,—промолвилъ, сторо-нясь, Курнатовскій, щелкнулъ каблуками и какъ-то харак-терно поднесъ пальцы къ полямъ шапки. На площадкѣ Курнатовскій закурилъ; Бураковъ вообще не курилъ, но пожелалъ „испортить“ папиросу. „Кто онъ такой?“, подумалъ про себя Бураковъ и заглядѣлся на пламя свѣчи. Ему припомнился Конанъ-Дойль и его Шерлокъ-Холмсъ, который всегда быстро угадывалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Чему вы, позвольте спросить, улыбаетесь?—спросилъ его Курнатовскій.

— Чему? Я задалъ себѣ вопросъ: кто вы такой? И вспомнилъ Шерлокъ-Холмса. Вы читали?

— Читалъ. Ну, и къ какимъ результатамъ вы пришли?—иронически спросилъ Курнатовскій.

— Скажите, пожалуйста, если позволите, вы, вѣрно, военный, недавно въ отставкѣ; быть можетъ, участвовали въ войнѣ и были ранены?

— Ну, а еще что?

— Еще?—Бураковъ смущенно замаялся.—Подозрѣваю еще что-то, но думаю, что это съ моей стороны было бы грубо и неделикатно; впрочемъ, это не важно.

— Ничего, говорите, прошу васъ.

— Еще... еще... васъ гнететъ что-то.

— Гм... гм... а изъ чего вы все это заключили, позвольте

узнать?—какъ то равнодушно освѣдомился Курнатовскій, какъ будто это и не его касалось.

— Что вы изъ военныхъ, это заключилъ по вашей осанкѣ, манерѣ кланяться, пристукивать каблуками и характерно подносить руку къ полямъ шапки, точно къ козырьку фуражки. Во Франціи, напримѣръ, военные часто носятъ штатское платье, но и въ штатскомъ ихъ узнаютъ. Если манеры сохранились и вы молоды, слѣдовательно, вышли вы въ отставку недавно. Затѣмъ, когда человѣку „все равно“ и онъ произноситъ такъ себѣ многозначительныя фразы, можно предположить, что на душѣ у него неладно; да, наконецъ, душевное состояніе чувствуется, и это вѣрнѣе всего.

— Такъ,—буркнулъ Курнатовскій неясно и про себя.

Все время онъ слушалъ Буракова, опутивъ глаза внизъ. Подъ конецъ онъ снова протяжно зѣвнулъ, ляскнувъ зубами.

— Значить, объектецъ для психологій? А вы кто будете, позвольте узнать?—спросилъ Курнатовскій.

— А вы попробуйте угадать,—засмѣялся Бураковъ.

— Что же? Вѣдь вы больше молчали. Что интеллигентъ, это видно, и затѣмъ не психологъ я, не наблюдателенъ.

— Относительно себя могу вамъ сказать, что я врачъ, служу при Сергіевской больницѣ.

Бураковъ по инерціи хотѣлъ прибавить: „и состою ассистентомъ при профессорѣ Холодномъ“, но ему показалось, что это похоже на рекламу.

— Гм... гм.,—отвѣтилъ Курнатовскій,—докторъ вы?—и лицо его озарила вымученная улыбка.—Вотъ вы говорите, что военный я въ отставкѣ. Ну, а, можетъ быть, я переодѣтый полицейскій чинъ, преслѣдующій какого-нибудь важнаго преступника. Мало того, мнѣ можетъ казаться, что этотъ преступникъ—вы. Или, быть можетъ, я переодѣтый жандармъ, выслѣживающій опаснаго революціонера, и революціонеръ этотъ—вы, господинъ докторъ. Вы улыбаетесь? Вы не революціонеръ и не обыкновенный убійца?

Курнатовскій оживился, заговорилъ быстрѣе обычнаго и въ первый разъ посмотрѣлъ прямо въ глаза Буракову.

— Конечно, сію минуту—нѣтъ, но развѣ въ нынѣшнее время вы можете поручиться за то, кѣмъ вы будете завтра, черезъ часъ? Вѣроятно, въ смутное время выдумали пословицу: отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся. Положимъ, я сейчасъ отъ толчка, допустимъ, быстро протягиваю въ вашу сторону руки,—Курнатовскій положилъ свои внушительныя лапы на узкія, худыя плечи Буракова. По тѣлу Буракова прокатился невольный страхъ, и руки инстинктивно поднялись для самозащиты.

— Вотъ видите,—продолжалъ Курнатовскій, принимая руки,—вы вполнѣ естественно испугались. Допустимъ теперь, что выходная дверь открыта. Вы отбрасываете меня отъ себя и... выкидываете подъ колеса вагоновъ.

— Что вы сдѣлали!?!—успѣваю я крикнуть, какъ пишутъ въ газетахъ, душу раздирающимъ голосомъ. И только... Какъ вы дальше поступаете, это не важно. Но недурное воспоминанье, неправда ли?

— Это ужъ изъ другой оперы,—возразилъ Бураковъ,—это относится къ категоріи неумышленныхъ убійствъ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

— Да, докторъ, но въ жизни, вмѣсто двухъ человѣческихъ рукъ, на васъ налагаетъ рука желѣзная дѣйствительность, и тогда,—много ли найдется умышленныхъ убійствъ? Ну... Ну, а насчетъ того, что я военный и былъ на войнѣ, такъ всѣ мы теперь, русскіе граждане, воюемъ. А на войнѣ,—прибавилъ онъ, вздохнувъ и уже снова апатично,—бываютъ раненые, раненые легко, тяжело и смертельно.

Они помолчали. Прислушиваясь къ мѣрному постукиванію вагона, Бураковъ чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ сильное любопытство. Кто онъ? Что кроется, въ дѣйствительности, подъ его многозначительными словами?

— Послушайте, докторъ,—Курнатовскій, хитро улыбаясь и глядя Буракову въ грудь, приблизилъ очень близко свою голову къ его головѣ,—а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, преступникъ-то, именно, я. Благодаря вамъ, я успѣлъ удрать этимъ поѣздомъ и теперь разыгрываю отставного военного. Вотъ это будетъ поближе къ истинѣ, а? Можно сдѣлать такое предположеніе?

— Мало ли что можно,—смущенно отвѣтилъ Бураковъ, которому какъ-то сразу не понравился тонъ бесѣды. Курнатовскій принялъ прежнюю позу; съ лица у него сползла кривая улыбка, брови нахмурились, и онъ, сразу выровнявшись, сказалъ:

— Пойдемте, докторъ, на свои мѣста.

Бураковъ живо согласился. Хоть и любопытно было, но отъ страннаго разговора, въ уединеніи, на площадкѣ, ему захотѣлось уйти въ вагонъ, къ людямъ. Боясь показаться малодушнымъ самому себѣ, онъ замѣтилъ:

— Пойдемте, я ужъ продрогъ здѣсь: съ поля дуетъ сырой вѣтеръ.

Изъ черной тьмы внѣ вагона, изъ невидимаго лѣса, дѣйствительно, все время ползла острая струя холода.

Когда они вошли въ свое отдѣленіе, уже всѣ койки были подняты, но добрая половина людей еще не спала. Въ противоположномъ концѣ отдѣленія слышенъ былъ

громкій разговоръ и поминутно матерная ругань. На верхнихъ койкахъ было совсѣмъ свѣтло. Надъ Бураковымъ спаль, подостлавъ пальто, съежившись и подобравъ колѣнки къ животу, человѣкъ въ пиджачкѣ, а надъ Курнатовскимъ— видно, крестьянинъ, не раздѣтый, на голой доскѣ, лицомъ внизъ. Его длинныя ноги не умѣщались на койкѣ, и два большихъ сапога готовы были задѣть носками голову прохожаго.

— Спать...—вдохнулъ Курнатовскій,—помните: сны беззаботные, сны мимолетные снятся лишь разъ... Кажется, такъ Бураковъ кивнулъ головой.

Но въ нижнихъ койкахъ было совершенно темно: верхнія заслоняли ихъ отъ свѣта. Бураковъ и Курнатовскій сняли пальто и шляпы, и оба посмотрѣли другъ на друга, и оба замѣтили это. Безъ шляпы Курнатовскій былъ гораздо интереснѣе. У него былъ красивый, чистый лобъ и довольно интеллигентная фізіономія. Бураковъ подумалъ:

— Ничего себѣ лицо, типичнаго мало.—А Курнатовскому бросились въ глаза худоба и выразительность лица Буракова.

Буракову захотѣлось ѣсть. Онъ досталъ свертокъ съ припасами и сталъ предварительно упрашивать Курнатовскаго поддержать компанію, но тотъ отказался: у него совершенно не было аппетита. Обмѣниваясь изрѣдка отрывочными фразами, Бураковъ назвалъ свое имя Курнатовскому и узналъ, что его зовутъ Александромъ Ивановичемъ и что, дѣйствительно, онъ военный и находится теперь въ отпуску. Буракову хотѣлось спросить, почему же онъ въ штатскомъ платьѣ, но рѣшилъ, что это неудобно. Бураковъ замѣтилъ, что Курнатовскій иногда глубоко задумывался, разсѣянно отвѣчалъ. Отъ времени до времени онъ медленно и осторожно подымался, направлялся къ противоположному затуманенному окну, всматривался въ тьму, прикрывъ голову обѣими руками, и возвращался назадъ. Такъ какъ, очевидно, Курнатовскому хотѣлось очень молчать, то Буракову сдѣлалось какъ-то непріятно стѣснять его своимъ присутствіемъ; спать не хотѣлось, и онъ пошелъ посмотреть публику.

Въ противоположномъ концѣ шумъ не унимался. Кто-то началъ пиликать на скрипкѣ, повторяя безконечное число разъ нѣсколько жалкихъ тактовъ мазурки. И въ этой назойливой монотонности не было ничего задорнаго и веселаго. Бураковъ шелъ по вагону, заглядывая въ промежутки между скамьями. Въ сосѣднемъ промежуткѣ сидѣлъ солдатъ съ большой черной бородой, очевидно, запасной; надъ нимъ, на верхней койкѣ, солдатъ помоложе держалъ въ

рукахъ бутылъ водки и поочередно пилъ, строилъ гримасу, сплевывалъ и ругался.

— Мы, господинъ, выборгскіе. Тамъ этого и за деньги не достанешь,—и солдатъ постучалъ по бутылкѣ казенной водки, улыбаясь во весь ротъ.—Все пиво да пиво, а чуть замѣтятъ, что того, сейчасъ къ чертовой матери. Вы какой губерніи будете?

— Херсонской,—отвѣтилъ Бураковъ.

— А мы съ Федутинимъ,—онъ указалъ на сидѣвшаго внизу солдата съ черной бородой,—съ Екатеринодара, за-насные 1896 года.

А солдатъ съ черной бородой трезво и солидно рассказывалъ худому человѣку, раздѣвшемуся до сорочки и шарившему рукой за пазухой:

— Узнали мы, что вышелъ такой приказъ: отпустить запасныхъ, потому миръ и никакой въ насъ надобности. Ужинать мы ще раньше перестали, потому никакой возможности. Приходилъ ротный, ругался; всѣ молчать. Ждали мы, ждали: не пускаютъ и отправили полковнику письмо съ требованіемъ: „отпустить“, а подъ конецъ письма-то сдѣлали гропъ и двѣ кости наперекрестъ. На другой день прибѣжалъ, какъ скаженный, кричалъ, что никакихъ правовъ отпустить не имѣеть. Ну, поломался, поломался недѣлку и отпустилъ таки.

— Отпустилъ!—воскликнулъ худенькій человѣкъ и вытащилъ руку изъ-за пазухи,—ахъ, ты с... сынъ! Бураковъ пошелъ дальше. У третьяго окна собралось довольно многочисленное общество. Здѣсь было двое солдатъ, возвращавшихся съ войны. Одинъ изъ нихъ съ лицомъ, лишеннымъ всякой растительности, охрипшій и осипшій отъ простуды и водки, что называется, куражился на потѣху всей публикѣ. На каждой станціи онъ бѣгалъ въ одной фуфайкѣ въ буфетъ за выпивкой и возвращался, заявляя: „успѣли!“. Онъ угощалъ всѣхъ „офицерскими“ папиросами, т. е. папиросами съ длинными мундштуками.

— Вотъ, какъ во Владивостокѣ бунтъ былъ, вотъ такъ было. Пришелъ къ намъ управляющій отъ Кунстъ Альберсъ, магазинъ тамъ такой есть, нѣсколько домовъ—одинъ магазинъ, пришелъ и говоритъ: вотъ вамъ 50,000 рублей—не троньте. Послали мы его подальше, къ ..... Не нужно денегъ. Разгромили, ловко горѣло...—и голосъ его оборвался, какъ у молодого пѣтушка. А другой солдатъ препирался съ какимъ-то бойкимъ портовымъ рабочимъ изъ Петербурга. Въ лицѣ его было что-то милое и нѣжное; слегка охмелѣвъ, онъ сильно опускалъ верхнія вѣки, что придавало ему болѣзненный видъ. Языкъ ему плохо повиновался,

но онъ зналъ, что хотѣлъ сказать. Но пока онъ успѣвалъ сказать одно слово, распропагандированный бойкій и трезвый рабочій ухитрился вставить десять словъ.

— Дай сказать, подожди, дай сказать,—просилъ солдатикъ, но видя, что рабочій не унимается, онъ обратился къ Буракову. Здѣсь, онъ видѣлъ, его не стануть перебивать.

— Я, господинъ, говорю: не главнокомандующій виновать, а господа офицеры—вотъ кто. Разъ ты офицеръ, такъ ты долженъ мнѣ такъ духу дать, чтобы я на воздухъ полетѣлъ—вотъ какъ. Я тамъ былъ, собственными глазами видѣлъ—вотъ что. А то, какой это офицеръ, ежели снимаетъ онъ шапку и говоритъ: пропали мы съ вами, братцы! А? Самъ слышалъ, вотъ тебѣ истинный крестъ,—солдатикъ перекрестился.

Рабочій снова вступилъ въ споръ съ милымъ солдатикомъ, но Бураковъ, не дослушавъ, ушелъ въ слѣдующее отдѣленіе вагона, такъ какъ ему противно было выслушивать сальности и брань раскутившагося солдата. Въ слѣдующемъ отдѣленіи уже почти всѣ спали. Только гдѣ-то въ темнотѣ нижнихъ коекъ слышалась чья-то рѣчь, и по нѣсколькимъ долетѣвшимъ до Буракова словамъ можно было догадаться, что двое пассажировъ, лежащихъ другъ противъ друга, ведутъ интересную бесѣду. Бураковъ сталъ прислушиваться, а для отвода глазъ сталъ смотрѣть въ чернѣвшее окно. Говорилъ, должно быть, пожилой уже человекъ:

— Такъ, сказываютъ, пошелъ народъ говорить, что, значить, царю ничего про войну неизвѣстно. Сталъ это народъ разговоры разговаривать. Одно слово, другое, такъ да сякъ. Кто царя видѣлъ? Никто. Какъ такъ, а, можетъ... видимость...

Но тутъ поѣздъ остановился у станціи. Кто-то вышелъ, вошло двое пассажировъ, стуча сапогами, и внесли съ собою запахъ свѣжаго воздуха. Вотъ поѣздъ опять двинулся, и Бураковъ снова прислушался:

— Пусть знаетъ, какъ съ насъ кровь-то сосутъ, и рѣшилъ идти всѣмъ до царя. Помолились, значить, Богу, надѣли что есть лучшее; впереди это священники съ иконами, а потомъ рабочіе съ царскимъ портретомъ, съ хлѣбомъ-солью, а потомъ народъ, народъ безъ конца. Прошли это такъ версты съ три, только стали подходить, какъ удругъ артиллерія—трахъ-трахъ... Побѣжалъ народъ... Убитыхъ-то сколько, народу-то сколько перепортили!:

— Ловко,—замѣтилъ собесѣдникъ.

— Такъ, сказываютъ, царь про войну и не знаетъ.

— Врешь!

— Эй-Богу, правда!—серьезно и убѣжденно побожился

разсказчикъ, слѣзая съ лежанки. Это былъ большой, сырой человѣкъ, съ бородой лопатой, ярославскаго типа, тотъ самый, что уступилъ Курнатовскому мѣсто.

— Позвольте узнать, который часъ?—обратился онъ къ Буракову.

Было уже около 12 часовъ.

— Благодарствуйте. Вамъ, можетъ, мѣстечко нужно? Я въ Казатинѣ слѣзю.

Бураковъ поблагодарилъ и сталъ смотрѣть въ затуманенное, изрѣзанное блестящими струйками, окно. Приложившись лбомъ къ холодному стеклу, онъ долго смотрѣлъ въ черную холодную тьму, изрѣдка озаряющуюся то яркимъ шумнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ, то жалкимъ, тихимъ огонькомъ стрѣлки. Онъ долго смотрѣлъ въ тьму и все думалъ о пестрой, могучей новой жизни. Простоявъ довольно долго, Бураковъ вдругъ почувствовалъ, что очень усталъ и хочетъ прилечь, и онъ опять вспомнилъ о своей странной немного встрѣчѣ съ Курнатовскимъ. Онъ пошелъ на свое мѣсто. Опять наигрывала гдѣ-то въ отдаленномъ углу скрипка. Играли теперь *pas d'Espagne*, въ рукахъ какого-то первобытнаго скрипача легкой, веселый мотивъ превратился въ грустную, монотонную пѣсню.

Выборгскіе солдаты уже спали, а симпатичный солдатикъ продолжалъ спорить съ рабочимъ:

— Какъ такъ, чтобы безъ начальства? Какой же порядокъ? Конечно, предѣлить надо, чтобы мнѣ, положимъ, рубль расхода въ день, или, въ случаѣ семейный, такъ и больше...

Бураковъ прошелъ мимо, не останавливаясь. Онъ тихо прошелъ къ своему мѣсту и только хотѣлъ усѣсться на свое мѣсто, какъ сразу привлекъ его вниманіе Курнатовскій. Курнатовскій, схватившись обѣими руками за грудь въ области сердца, сидѣлъ, опершись о стѣнку сидѣнья, съ запрокинутой назадъ головой. Сдвинутыя брови, страдальчески приподнятыя мышцы надъ глазами, болѣзненно искривленный полураскрытый ротъ—все выражало большое страданіе.

— Александръ Ивановичъ, что съ вами?—окликнулъ его Бураковъ, прикоснувшись къ его плечамъ.

— А, что?—и Курнатовскій моментально принялъ свой обычный видъ. — Это ничего, иногда покалываетъ вотъ здѣсь,—онъ указалъ на сердце,—но быстро проходитъ. Бываетъ каждый день, по вечерамъ, передъ сномъ.

— А давно это у васъ?

— Такъ, мѣсяца три... нѣтъ, четыре.

— Вы обращались къ врачу?

— Нѣтъ, незачѣмъ, не поможетъ.

— У васъ порокъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ почему же вы знаете, что не поможетъ?

— Знаю,—упрямо и безнадежно махнулъ рукою Курнатовскій. Курнатовскій сидѣлъ на скамьѣ, какъ-то тяжело опустившись и упираясь обѣими руками о сидѣнье. Опустивъ голову, онъ глядѣлъ внизъ, въ промежутокъ между сапогами широко раздвинутыхъ ногъ.

— Вы спать не собираетесь? Уже больше двѣнадцати.—спросилъ его Бураковъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, глядя въ землю,—хочу по-позже лечь, чтобы больше утомить себя. Кстати, вы, какъ медикъ,—Курнатовскій на минуту поднялъ голову,—вѣроятно, знаете какое-нибудь средство отъ бессонницы.

— Средствъ много, и примѣняются они въ зависимости отъ различныхъ причинъ, вызывающихъ бессонницу. Классическое средство—морфій, но употребляется онъ только въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, и выдаютъ его только по предписанію врача. А вотъ вамъ я посоветывалъ бы брать ванны передъ сномъ, если ваша бессонница и колотья на нервной почвѣ.

— Вы думаете...—буркнулъ Курнатовскій про себя, снова уперяся взоромъ въ землю. Минуты на двѣ воцарились молчаніе.

Бураковъ не такъ могъ доказать, какъ больше всего невольно чувствовалъ, что этотъ человекъ хранить что-то тяжелое, и ему неудержимо, чисто по-профессиональному, захотѣлось произвести давленіе на психику Курнатовскаго. Онъ началъ говорить ему такъ, какъ это случалось въ практикѣ: соблюдая извѣстную осторожность, и то, что нужно было, и само собой приходило въ голову.

— Жизнь, Александръ Ивановичъ, часто сравниваютъ съ пьесой, разыгрываемой на сценѣ. Участъ же врачей такова, что ихъ большею частью приглашаютъ къ пятому акту классической жизненной трагедіи, къ развязкѣ. Передъ вами крики, стоны, проклятія, рыданія, самоубійство; словъ нѣтъ, есть вопль души и... и вы ничего не понимаете,—Бураковъ, когда говорилъ, размахивалъ длинными, худыми руками.

— Да,—продолжалъ онъ,—насъ призываютъ слишкомъ поздно. Между тѣмъ, необходимо предупреждать болѣзни, а не лечить ихъ. Это аксіома, потому что сами болѣзни неизлечимы: ну, напримѣръ, чахотка. Что касается физическихъ страданій, то публика, кажется, стала менѣе халатна,

му, а насчетъ душевныхъ страданій, такъ, скажу вамъ, это такая terra incognita.

Бураковъ начиналъ увлекаться.

— Вѣдь когда у насъ начинаютъ лечить душевную болѣзнь? Тогда, когда человѣкъ станетъ на улицѣ вверхъ ногами и закричитъ: ку-ку-реку! А лечить надо было давно уже, потому что теперь онъ уже боленъ неизлечимо какой-нибудь навязчивой идеей, тяжелой меланхоліей и т. п. Главная бѣда, что, какъ говорится: чужая душа потемки; что тамъ творится—не увидишь, а если и замѣтишь, такъ тайна чужой души—это святыня, и задѣть, оскорбить ее своимъ вмѣшательствомъ боятся всѣ, въ особенности, близкіе. Возьмите, напримѣръ, самоубійства. Несомнѣнно, это по большей части быстро развивающійся психозъ, совершенно не попадающій въ руки врача, и три четверти изъ нихъ могло бы быть спасено,—надо было только знать, что душа субъекта больна.

Бураковъ передохнулъ и вспомнилъ о своемъ тайномъ намѣреніи произвести давленіе на Курнатовскаго.

— Душевные раны и нарывы, Александръ Ивановичъ, часто подобны физическимъ—они требуютъ немедленнаго, быстрого оперативнаго вмѣшательства; надо только знать, а знать можетъ только близкій другъ; вся же бѣда въ томъ, что у насъ такъ мало истинныхъ друзей.

— Какъ же, по-вашему, лечиться-то нужно?—спросилъ недовѣрчиво и угрюмо Курнатовскій.

Бураковъ отмѣтилъ про себя: сказалъ „лечиться“ и отвѣчалъ:

— Прежде всего нужно вырвать признаніе; чѣмъ оно пройдетъ бурнѣе, со слезами, криками, истерикой, тѣмъ лучше—нарывъ вскрыть. Если что-нибудь хранить втайнѣ, то хранимое недоступно критикѣ и, такимъ образомъ, создается какая-то абсолютная цѣнность. Совершилъ преступленіе, положимъ,—да мало ли преступленій гораздо худшихъ? Измѣнила, напримѣръ, любимая женщина,—да мало ли другихъ красивыхъ, умныхъ, хорошихъ женщинъ? Нужно вырвать больного изъ сферы однообразно-больныхъ впечатлѣній, дѣблящихъ душу, какъ частое паденіе капель воды долбитъ камень. Впечатлѣнія должны быть разнообразны и жизнерадостны: путешествіе, морское купанье, женщины, смѣхъ, оперетка. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и, когда душа меркнетъ, нужно возбуждать къ жизни тѣло.

— Такъ-то оно такъ въ теоріи,—вздыхнувъ, замѣтилъ Курнатовскій.

А Бураковъ продолжалъ, совершенно позабывъ о своей задачѣ.

— Я теперь много думаю надъ особымъ методомъ леченія душевно-больныхъ. Когда мнѣ было лѣтъ 14, со мною случилась большая для моихъ лѣтъ неприятность. Я не выдержалъ экзаменовъ и долженъ былъ остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Общепринятое мнѣніе, что это позоръ. И вотъ тогда, подъ тяжестью нравственныхъ мукъ, я жаждалъ одного: заболѣть и впасть въ безсознательное состояніе.

— Да, состояніе знакомое,—отмѣтилъ Курнатовскій.

— Такъ вотъ, мнѣ кажется, организмъ самъ показываетъ, что ему нужно; нужна оттяжная банка на душу,—Бураковъ снова началъ жестикулировать руками.—Итакъ, допустимъ, передо мной тяжело-душевный больной, но до кризиса еще далеко. Я заражаю его бактеріями, возбуждающими высокую температуру и безсознательное состояніе, но средства отъ которыхъ мнѣ извѣстны. Медленно, въ теченіе трехъ, четырехъ недѣль лечу его, а за это время муки душевныя и разрядятся. Только опытовъ въ достаточной мѣрѣ нѣтъ возможности производить. Надъ живыми людьми опасно и страшно, а кролики и морскія свинки, кажется, не болѣютъ душою,—тихо засмѣялся Бураковъ, всталъ, потянулся, и снова сѣлъ. Когда онъ усѣлся, Курнатовскій смотрѣлъ ему прямо въ глаза, и легкая улыбка скользила по его безусымъ губамъ, и все лицо его, казалось, говорило: „мы понимаемъ, понимаемъ васъ“, и онъ сказалъ:

— Извините, пожалуйста, докторъ, мнѣ припомнился одинъ афоризмъ Кузьмы Пруткова, что всѣ специалисты подобны флюсу—они односторонни. Они часто видятъ то, что *намѣрены* видѣть. Слѣдователи, на примѣръ, страдаютъ тѣмъ же,—и Курнатовскій продолжалъ лукаво поглядывать на Буракова.

— Оставьте, Александръ Ивановичъ,—воскликнулъ Бураковъ, немного недовольный тѣмъ, что его тайное намѣреніе отчасти обнаружено,—вотъ, откровенно говоря, быть можетъ, вы страдаете маніей преслѣдованія и вамъ лечиться нужно.

— Что? маніей преслѣдованія?!—какъ-то сурово повторилъ Курнатовскій.

Нѣсколько секундъ у него на лицѣ стояло такое выраженіе, будто онъ сейчасъ что-то скажетъ. Помолчавъ немного, онъ тряхнулъ головой, словно что-то отогналъ отъ себя, и улыбаясь, коснулся колѣна Буракова.

— О женщинахъ и разбойникахъ не слѣдуетъ говорить

на сонъ грядущій. Попробуемъ спать, докторъ. Я вотъ по походному.

Александръ Ивановичъ положилъ себѣ подъ голову свой желтый сакъ-вояжъ, подостлалъ пальто и улегся. Бураковъ послѣдовалъ его примѣру.

„Пустилъ какую-то фразу некстѣти,—подумалъ Бураковъ.—Что за странная встрѣча? Ты его боишься?—спросилъ онъ самого себя и отвѣтилъ:—Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, а вдругъ онъ бросится ночью его душить? Но отчего ему не страшно? Уйти было бы очень неловко. Попробовать развѣ спать? Опять наигрываютъ безконечную мазурку“.

Стали—должно быть, станція. Пѣвуче гудятъ тормаза. Какъ сладко ноютъ уставшія за цѣлый день ходьбы ноги. Ктѣ-то вошелъ въ вагонъ, и пробѣжала холодная струя. Кажется, его звалъ профессоръ. Что это, онъ засыпаетъ? Поѣхали. Курнатовскій спитъ. Вагонныя колеса отбиваютъ какой-то знакомый тактъ, какъ начало марша изъ „Пророка“. Тра-та! та-та-та-та... Тра-та! Чернобородый солдатъ говорить: ...,сдѣлали мы ему гропъ...“

II.

Отъ сильнаго толчка Бураковъ проснулся. Онъ быстро схватился и посмотрѣлъ на противоположную койку. Курнатовскаго тамъ не было. Въ вагонѣ царила полутьма. Темная ночь уходила, и въ окна глядѣлъ блѣдный осенній разсвѣтъ, такой мрачный и полный отчаянія, такой сѣрый и жалкій, виноватый и трусливый.

Большое желтое пламя догорающей свѣчи въ фонарѣ сильно прыгало и, казалось, боролось съ большимъ разсвѣтомъ. Холодно; всѣ спятъ. Гдѣ Курнатовскій? Его пальто лежитъ. Бураковъ приподнялся и увидалъ большую фигуру Курнатовскаго, чернѣвшую, темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ противоположнаго окна. Вотъ онъ повернулся. Бураковъ быстро улегся и притворился спящимъ. Опустивъ вѣки, онъ сквозь щели рѣсницъ продолжалъ наблюдать. Вотъ Курнатовскій приблизился къ ихъ окну, постоялъ минуту и снова вернулся къ противоположному. Онъ ходилъ очень медленно, мелкими и долгими шагами. Прошелся взадъ и впередъ разъ десять. Сѣлъ. Какое сѣрое, усталое лицо! Какъ тяжело сидитъ, точно слабый больной, опираясь обѣими руками о сидѣнье. Посмотрѣлъ на Буракова и, прикрывъ все лицо руками, сталъ покачиваться изъ стороны въ сторону и стонать глухо и тупо, какъ отъ воющей зубной боли: мм... мм.

Онъ было на минутку прилегъ, но снова поднялся, отдуваясь, словно сбрасывалъ что-то тяжелое. Посидѣвъ неподвижно еще немного, Курнатовскій медленно приподнялъ пальто, вынулъ желтый ручной сакъ-вояжъ, служившій ему изголовьемъ, и раскрылъ его. Сначала онъ оттуда вынулъ полотенце, затѣмъ гусиную зубочистку, коробку папирсъ, записную книжку — и все клалъ на столикъ у окна. Послѣднимъ былъ вытащенъ средней величины револьверъ, въ чехлѣ-кошелькѣ изъ желтой замши.

Бураковъ не переставалъ слѣдить за Курнатовскимъ, который медленно, словно нехотя, сталъ вынутыя вещи снова укладывать въ сакъ-вояжъ. Послѣднимъ остался на столикѣ револьверъ; взявъ его въ руки, Курнатовскій разстегнулъ чехоль... Но тутъ, словно отъ электрическаго тока, что-то ударило Буракова съ головы до ногъ и, вскочивъ, онъ схватилъ Курнатовскаго за руки, бормоча дрожащими губами:

— Что вы, что вы? Александръ Иваныч! не нужно...

Курнатовскій что-то слабо пролепеталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошиб...

На лицѣ его блуждала мучительная улыбка, но рукъ своихъ изъ рукъ Буракова онъ не принималъ. Потомъ улыбка исчезла и, пріоткрывъ опущенные глаза, онъ посмотрѣлъ прямо въ лицо Буракову. Въ его взглядѣ было столько жалкой муки и безысходнаго отчаянія. „Умирающая лошадь“ — мелькнуло у Буракова. Не отрывая устремленныхъ другъ на друга взоровъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, показавшихся имъ долгими, тяжелыми минутами, они оба чувствовали, какъ растутъ между ними симпатія и, когда у зараженнаго чужимъ страданіемъ Буракова лицо изобразило тоже страданіе, когда глаза его, казалось, говорили: что съ тобой, тебѣ больно, ты страдаешь?—тогда Курнатовскій какъ-то снялся съ мѣста, прикоснулся дрожащими и холодными пальцами къ рукамъ Буракова и, приблизивъ свое лицо очень близко къ его лицу, заговорилъ, путаясь, перебиваясь и заикаясь, срывающимся голосомъ:

— Докторъ, Павелъ Владиміровичъ, симпатичнымъ показались вы мнѣ человѣкомъ и вообще... понимающій жизнь и... можетъ... можетъ...

Курнатовскій сбился, помолчалъ и сразу сказалъ:

— Заразите меня вашими бактеріями, умоляю васъ, потому что я не могу... Заразите...

Курнатовскій снова умолкъ, и Бураковъ чувствовалъ, что въ груди у него что-то быстро растетъ и растетъ. Курнатовскій вдругъ ясно и тихо выговорилъ:

— Я убилъ... убилъ одного, двухъ, трехъ, не все ли

равно .. убилъ, какъ хочетъ убивать топоръ. Неправда ли, какъ это просто? Будто таракана раздавилъ. Люди спятъ, вагоны бѣгутъ, около васъ сидитъ убійца, и вамъ не страшно, вы не кричите, быть можетъ, смотрите на мою физиономію и не находите въ ней ничего звѣрскаго. И, главное, что никто ничего не знаетъ, не подозрѣваетъ. Проклятая жизнь!—и Курнатовскій, сжавъ кулаки, мотнулъ головой.

— Вотъ говорю я вамъ все это, а самъ говорю себѣ: что я дѣлаю? вѣдь это не нормально—выкладывать свою душу первому встрѣчному?! Черезъ часъ я пожалѣю, что разоткровенничался, но силъ моихъ больше нѣтъ молчать: три мѣсяца молчу. Пусть это безуміе, но минута пришла такая и... и надо ловить каждую минуту. Съ тѣхъ поръ, какъ случилось со мной это несчастье, думалъ я, думалъ много надъ своей несложной жизнью, подводилъ, такъ сказать, итоги, когда порой казалось, что не выдержу и уйду изъ этой мучительной жизни. Много разъ мнѣ казалось, что меня судятъ, и я произношу защитительную рѣчь, или что я оставляю послѣ смерти записку, адресованную на имя одной женщины.

Курнатовскій приподнялся и снова сѣлъ.

— Послушайте. Ну, учился я тамъ въ провинціальномъ городишкѣ въ реальномъ училищѣ. Ненавидѣлъ я и науку нашу, и все это училище, и учителей отъ всей души. И что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ было дѣлать, если я неспособенъ былъ къ нѣкоторымъ наукамъ, вотъ такъ точно, какъ родился брюнетомъ, а не блондиномъ. Я ни за что не могъ запомнить, какъ сокращаются всѣ придаточныя предложения, не могъ понять, какъ догадаться, какимъ способомъ рѣшить ариѳметическую задачу, или произвести разложене на множители. Естественную исторію, эту красивую науку, превратили въ скучнѣйшую долбежку семействъ числа тычинокъ, формы листьевъ и верхней или нижней завязи. Зато я не дурно занимался по языкамъ, хорошо рисовалъ, пѣлъ въ хорѣ и игралъ на скрипкѣ. Вообще меня тянуло къ искусству и можете себѣ представить, какъ я задыхался въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ у учителей сложилось мнѣніе, что я лѣнтяй, началась травля: мнѣ ставили единицы, оставляли безъ обѣда, сажали по воскресеньямъ въ карцеръ, приглашали родителей, — ничего не помогало. Отецъ мой вспыльчивый былъ человекъ и, вернувшись изъ училища, иногда давалъ волю рукамъ, кричалъ, топалъ ногами, швырялъ стульями, чуть не выгонялъ изъ дому. Мать страдала, конечно, и каждый разъ устраивала примиренья между мною и отцомъ. Такъ было въ младшихъ классахъ. Меня

оставляли на второй годъ, но не исключали по одной очень простой причинѣ. Директоръ нашъ очень дорожилъ оркестромъ учениковъ для попечителя и церковнымъ хоромъ для себя, и ему жалко было разстаться съ скрипачемъ и хорошимъ голосомъ. Но вотъ въ старшихъ классахъ голосъ мой началъ мѣняться и грубѣть, пѣть нельзя было, скрипачей появилось много новыхъ, цѣнности, какъ видите, я уже не представлялъ. А между тѣмъ я самъ тоже измѣнился: сталъ лучше учиться, появилось болѣзненное самолюбіе и сознание своего человѣческаго достоинства, и, увы, родились страсти. Въ пятомъ классѣ большинство юнцовъ ругалось скверными словами, во время переменъ или свободныхъ уроковъ читали что-нибудь скабрзное, **например**, передѣлку „Горя отъ ума“, пересыпанную сальвостями и циничными выраженіями; большинство учениковъ **курило**, около половины мальчугановъ уже страдало тайнымъ порокомъ, а человѣкъ пять, шесть уже пили водку и бѣгали къ проституткамъ. Но кого же интересовала эта сторона нашей жизни? Читалъ я, если хотите, много, но вкусъ у меня былъ испорченъ, и цѣнилъ я въ книжкахъ больше всего тѣ страницы, гдѣ говорилось про любовь. И вообще я не понимаю, какая можетъ быть польза юнцу въ 15 лѣтъ, если онъ читаетъ сочиненія знаменитыхъ писателей, гдѣ описывается жизнь взрослыхъ людей и ихъ любовь, по преимуществу. Было и у насъ нѣсколько мальчиковъ развитыхъ и чистыхъ, но не сошелся я какъ-то съ ними. Съ однимъ, Рабиновичемъ, было подружилъ, но скоро разошлись изъ-за того, что я другого товарища обозвалъ жидомъ. Короче говоря, въ одинъ прекрасный вечеръ нашъ инспекторъ встрѣтилъ меня довольно поздно въ подозрительномъ переулкѣ съ папиросой въ зубахъ. На другой день онъ, въ присутствіи всего класса, обозвалъ меня шарлатаномъ, и я громко крикнулъ: „Вы не смѣете такъ называть меня“. Попросили отца, и меня, какъ говорится, уволили „за громкое поведеніе и тихіе успѣхи“. Вопреки моимъ ожиданіямъ, отецъ не кричалъ, не кипятился, только мать тихо плакала. Въ домѣ воцарилась такая тишина, какая бываетъ, когда случится большое несчастье.

Недѣли черезъ двѣ отецъ заговорилъ со мной о моемъ будущемъ: „Нужно же что-нибудь дѣлать,—говорилъ онъ,—дѣтей много, денегъ мало“. Меня тронуло то, что онъ со мной говорилъ грустно и серьезно, какъ съ взрослымъ. Судили мы, рядили; какъ разъ пріѣхалъ къ намъ погостить дядя—капитанъ арміи и рѣшено было, что я подготовлюсь и поступлю въ юнкерское училище. Нашлась къ тому-же и протекція. И вотъ я уже юнкеръ.—Курнатовскій

вздыхнулъ, сокрушенно покачалъ головой и сказалъ— О, если бы знать будущее! Какой-то, знаете, я всегда былъ здоровый человѣкъ, ни надъ чѣмъ не мучился, кромѣ женскаго вопроса. Любилъ я кататься на велосипедѣ, плавать, ходить, хохотать, любилъ выпить, но совершенно не умѣлъ ругаться грязными словами, любилъ красивыхъ женщинъ, но не умѣлъ бѣгать за ними и нахальничать. Не стѣснятъ себя ради физиологіи научился я еще въ училищѣ. И все-таки мнѣ удалось, за время моего юнкерства, сойтись и разойтись съ тремя, четырьмя женщинами. Не знаю, но какъ только онѣ сдавались и съ ними можно было сдѣлать что угодно, мнѣ онѣ переставали нравиться, и я осторожно расходился съ ними, сохраняя человѣческія отношенія. Послѣ каждой такой связи мнѣ становилось грустно, и въ эти дни я долго игралъ на скрипкѣ, рисовалъ какихъ-то неприступныхъ, гордыхъ женщинъ, читалъ Тургенева и Чехова; особенно любилъ я тѣ мѣста, гдѣ они описываютъ природу. Проходило два, три мѣсяца, и я снова былъ Сашка Курнатовскій, какъ меня коротко звали товарищи.

Курнатовскій передохнулъ.

— Во всемъ этомъ, не правда ли, нѣтъ ничего интереснаго,—самая обыденная армейская исторія. Но въ томъ-то, докторъ, и весь ужасъ, что самая обыкновенная, заурядная жизнь такъ складывается, что, въ концѣ концовъ, получается одно большое несчастье, и вся заурядная жизнь—страшная жизнь. Послушайте, что было дальше.

— Былъ я уже молодымъ офицеромъ, только что выпустили изъ юнкерскаго; все на мнѣ было новенькое, чистенькое; шелъ я, беззаботно напѣвая какую-то пѣсню, по солнечной сторонѣ улицы. Весна была, и пріятно было ощущать на себѣ солнечные лучи. Уже заглядѣлся я на открывшуюся передо мной синюю ширь моря и, какъ сейчасъ помню, поровнялись со мною студентъ съ барышней. Посмотрѣлъ я на нее и она на меня, и узнали мы другъ друга. Неужели это она? Я оглянулся, оглянулась и она и, кажется, улыбнулась. Конечно, она—Соня Выводцева. Что она здѣсь дѣлаетъ?—Курнатовскій вдругъ схватился:—Ахъ, досада, назвалъ имя женщины! Докторъ! Вы благородный человѣкъ, пожалуйста, пусть это имя останется между нами. И вспомнилъ я славнаго подростка Выводка, подругу моей сестры по гимназіи. Выводцевы были наши сосѣди и Выводокъ, какъ мы называли ее, часто прибѣгала къ намъ такая худенькая и застѣнчивая. Я, впрочемъ, не обращалъ на нее тогда никакого вниманія, развѣ только иногда надоѣдалъ и ей, и сестрѣ мальчишескими выходками. А теперь—какая стройная, бѣлокурая и такое тонкое, умное и красивое

лицо! Хорошо что-то бывало прежде, докторъ.—Курнатовскій спряталъ лицо въ рукахъ, и въ голосъ его зазвучали теплыя ноты.—Когда оглядываешься назадъ, то кажется, что во всей прошедшей жизни было только нѣсколько минутъ, такихъ дорогихъ и высокихъ,—и только въ эти нѣсколько минутъ и было настоящее счастье.

— Прошло нѣкоторое время, опять мы встрѣтились съ нею, и опять переглянулись и улынулись; я не поклонился—мнѣ показалось, что это будетъ нахальствомъ—мало ли что было когда-то. Потомъ потерялъ я ее изъ виду. Однажды послѣ какого-то парада натолкнулся я на нее лицомъ къ лицу; она была одна и вся покраснѣла, и я тоже чувствовалъ, что краснѣю, и пропали вокругъ меня всѣ люди, и я только видалъ красивое, зардѣвшееся лицо и сѣрые, сверкающіе на солнцѣ глаза. Стою это я возлѣ нея, какъ дуракъ; тутъ она меня выручила и говорить такъ серьезно: „Какъ вы возмужали, Александръ Ивановичъ“.

— Пошли мы съ ней по улицамъ, разговорились, вспоминаемъ дѣтство, припоминаемъ общихъ знакомыхъ. Узналъ я, что она на здѣшнихъ вышихъ курсахъ, что мать у нея умерла и живетъ она здѣсь съ отцомъ. Проводилъ я ее до дому, простились мы, и она попросила меня бывать у нихъ: по субботамъ къ нимъ собиралась молодежь. Пришелъ я въ ближайшую субботу; познакомила она меня съ отцомъ. Отецъ ея еще у насъ въ городишкѣ слылъ умницей; врачъ онъ былъ, не занимавшійся практикой, говорили, что вышелъ у него какъ-то по его винѣ смертный случай и съ тѣхъ поръ онъ бросилъ практику. Такой онъ былъ высокій, толстый человекъ съ большимъ животомъ и большой классической головой, какъ у артиста: бритыя губы и большая шевелюра. И сколько разъ я потомъ ни приходилъ къ нимъ, всегда у него подъ рукою были или „Русскія Вѣдомости“, или какая-нибудь книжка толстаго журнала. Познакомился онъ со мной и сейчасъ началъ такъ серьезно и сердечно спрашивать о начальствѣ, солдатахъ и т. п. Гости у нихъ были все изъ интеллигентовъ: студенты, курсистки, технологъ, молодой врачъ. И, знаете, скверно я себя чувствовалъ въ ихъ средѣ; такъ точно, должно быть, какъ кто-нибудь изъ штатскихъ въ компаніи офицеровъ. Все боялся я, какъ бы кто-нибудь не ругнулъ военныхъ. Ихъ разговоры, споры, всякія идеи—все это было очень интересно, но какъ-то сторонились они меня, чувствовалъ это и я и тоже сторонился. Раза два только и былъ я у нихъ по субботамъ. Потомъ перевели насъ въ лагеря куда-то очень далеко, и я не видалъ Выводцевой все лѣто, а осенью взялъ я отпускъ и поѣхалъ къ матери, уже вдовѣ,

повидаться и показаться въ офицерскомъ. Радовалась-то какъ, глядя на меня! Въ январѣ, какъ помните, началась война съ Японіей. Заразился я общимъ настроеніемъ, царившимъ въ арміи, думалось, что какъ въ китайскую—поѣдешь и сдѣлаешь карьеру, и поѣхалъ такъ, будто ѣхалъ на праздникъ. Не стану вамъ рассказывать о войнѣ—всѣ это прекрасно знаютъ. Долго не хотѣлъ я сдаваться и разочаровываться въ Россіи, которую, хоть и по-своему, а любилъ. Все надѣялся: вотъ, вотъ, покажемъ себя. Подъ Ляояномъ я окончательно убѣдился, что все проиграно, а чтобы я это не забылъ, осколокъ снаряда тяпнулъ меня въ лѣвую ногу. И за этукую храбрость дали мнѣ Станислава съ мечами.

Курнатовскій поднялъ ногу и указалъ рукою на мѣсто раны.

— И какъ-то вышло это у меня блѣдно, скучно, безо всякаго геройства, вотъ такъ, какъ споткнешься на улицѣ. Эвакуировали меня въ Харбинъ, а потомъ, такъ какъ рана не проходила, въ Иркутскъ. Тѣло у меня что ли такое скверное, только рана моя все не затягивалась. Думалъ я, что придется ногу отрѣзать и отъ этого въ ужасъ приходилъ и согласенъ былъ лучше умереть; а то находила на нѣсколько дней тоска; противно было смотрѣть на ухаживания офицеровъ за сестрами милосердія, хотѣлось на югъ, жизни, любви, и вспоминалъ я о чистой, недоступной, съ сѣрыми лучистыми глазами, Софьѣ Выводцевой.

Курнатовскій на минуту задумался.

— Какъ только стало возможнымъ мнѣ становиться на ноги, хоть и съ помощью костыля, я выхлопоталъ себѣ отпускъ. Поѣхалъ я на родину къ матери, пожилъ тамъ съ мѣсяцъ и совсѣмъ поправился—сталъ недурно ходить. Посовѣтовали мнѣ врачи принимать морскія ванны, и я съ радостью поѣхалъ на югъ, къ морю, въ родной мнѣ поручикскому училищу городъ. Отпуску моему приходилъ конецъ и ѣхать назадъ не хотѣлось, какъ не хочется прѣзжать въ скучную кампанію къ шапочному разбору. Удалось мнѣ добиться, чтобы меня назначили въ нашу запасную пѣхотную дивизію; тутъ же произвели меня и въ поручики. И, представьте себѣ, только-что я вѣхалъ въ городъ и сталъ всматриваться въ хорошо знакомыя чистенькія улицы, какъ вдругъ передо мной выросла Выводцева, тоже на извозчикѣ. „Въ добрый часъ“—мелькнуло у меня и, повѣрите, я даже незамѣтно перекрестился. Она спѣшила къ трамваю, чтобы поѣхать на дачу, торопилась и взяла слово: завтра же прѣхать къ нимъ. Жизнь иногда

любить преподносить удивительныя совпаденія, чтобы потомъ было побольше, поядовитѣе.

Курнатовскій помолчалъ и, вздохнувъ, продолжалъ:

— Ну, да что тамъ размазывать, Павелъ Владиміровичъ; извѣстное дѣло: возрастъ между 25 и 30 годами, какъ показываетъ статистика, самый опасный у мужчинъ. Сталь я бывать у Выводцевыхъ очень часто. Домъ у нихъ былъ—полная чаша; вѣчно у нихъ гостили студенты, курсистки, молодые врачи. Послѣ войны ли это, или природа виновата,—но теперь я себя чувствовалъ въ ихъ обществѣ недурно. Галдѣли, спорили, купались въ морѣ, обѣдали, дурачились. Только самъ Выводцевъ былъ всегда ровень, слегка грустенъ и безъ конца читалъ. Когда я приходилъ къ нимъ на террасу, онъ неизмѣнно приговаривалъ: „А вотъ и кавалеръ!“ или: „А вотъ и инфантерія!“ А Софья—стравная она была дѣвушка и какая гибкая, богатая натура. То на нее нападала жажда дѣятельности: ѣздила она по тюрьмамъ, устраивала разныя мелкія порученія партійныхъ людей; то она увлекалась декадентами, Ницше, Эдгаромъ По; въ спорахъ она была ярой социаль-демократкой, а дружбу водила съ социалистами-революціонерами. Иногда на нее находила тоска, и она вставала съ темными кругами подъ глазами, не умывалась, неряшливо напяливала на себя первое попавшееся платьѣ и отъ времени до времени, послѣ глубокаго молчанія, громко заявляла: „Не то, не то!“ Въ эти дни только и бралась она за фортепіано, или вдругъ громко всѣмъ заявляла: „Философы, моралисты, проповѣдники, буржуа, социалисты всѣхъ направленій и фракцій, всѣ надтреснутые и дребезжащіе, дѣлайте, что вамъ угодно, а я „ухожу отъ васъ я въ горы“, ухожу отъ васъ я къ морю. Мой рыцарь и тѣлохранитель, извѣстный герой Курнатовскій, сопровождаетъ меня“,—и она брала мою руку и уходила со мной. А я... мнѣ казалось, что всѣ они такіе ничтожные и только я знаю, что ей, этой красивой Софьѣ, нужно. Мы долго ходили молча по берегу моря, ходили до усталости и ни о чемъ не говорили. Потомъ садимся мы отдыхать куда нибудь въ тѣнь, и слово за-слово она разговорится и говорить много и хорошо. Она была много разъ развитѣ меня и каждый разъ всовывала мнѣ какую-нибудь интересную книгу. Что находила она во мнѣ—не знаю. То она называла меня „первобытнымъ человѣкомъ“, или говаривала мнѣ: „Ахъ, какой вы еще цѣльный человѣкъ“, или: „Вотъ вы—человѣкъ дѣла“, или: „Честный офицеръ, какъ вы, да вѣдь передъ нимъ такая благодарная работа“. Или, быть можетъ, она черезъ меня думала пойти въ офицеры; вѣдь она, между прочимъ, высказывала оригинальную

и смѣлую мысль, что революціонеры должны теперь идти не въ народъ, не къ рабочимъ, а въ офицеры. А, впрочемъ, вѣрнѣе всего, ей, этой красивой, разившейся женщиной съ сѣрыми глазами, нужно было, чтобы любилъ ее я—высокій и сильный мужчина. Такъ это нужно было; и здѣсь не цинизмъ, а священный голосъ природы. А для этого она захотѣла поднять меня до себя, развить меня. Ну, случилось это... была сырая, теплая лунная ночь. Всегда бурливое море притихло и что-то нашептывало берегамъ. И брели мы по скаламъ, и оба уже знали и думали о томъ, что нужны мы другъ другу. Но мы брели и молчали. И вдругъ... „Софья...—сорвалось у меня съ губъ,—Софья...“ и я схватилъ ее за плечи... Она не сопротивлялась,—Курна-товскій всталъ и снова усѣлся и продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ:—Я вернулся домой пронизанный съ головы до ногъ неизъяснимымъ счастьемъ и въ ухахъ моихъ стояли ее слова:—Саша! Мы будемъ хорошими, честными... Правда, честными?!

Онъ снова всталъ, прошелъ нѣсколько разъ отъ окна до окна, постоялъ минутъ пять и вернулся назадъ.

— Въ одинъ прекрасный день всѣ мои грезы о счастьѣ разлетѣлись, какъ дымъ. И очень даже скоро. Да и спрашивается еще, заслуживалъ ли я этого счастья, по справедливости, когда кругомъ погибало столько гораздо лучшихъ людей? Я никогда прежде не думалъ надъ жизнью. Если что назойливо и лѣзло въ глаза, такъ я отмахивался, какъ лѣтомъ отъ мухи; ну, вотъ такъ, какъ всѣ отдѣлываются отъ нишаго на улицѣ. Только послѣ Ляояна и раны въ ногу и со времени моихъ частыхъ встрѣчъ съ Выводцевой сталъ я больше думать и читать. А со времени моего послѣдняго несчастья сталъ я совсѣмъ ужъ философъ. Оправданіе, понимаете, нужно было мнѣ во что бы то ни стало найти.

— Навѣрное, кто-нибудь уже давно додумался до моихъ мыслей, но вѣдь я очень мало читалъ и вышло это у меня самостоятельно. Я вотъ вѣрю, что существуетъ на землѣ справедливость, помимо воли Бога и людей. Богъ, напримеръ, хотъ и захотѣлъ бы потушить имъ же зажженное солнце, да не можетъ; хотъ и хотѣлъ бы въ одинъ день сдѣлать всѣхъ людей хорошими, да тоже не можетъ. И все идетъ своимъ порядкомъ. Если бы люди даже совсѣмъ не проповѣдывали бы въ книжкахъ и на словахъ о справедливости и правдѣ, а только мучились бы,—такъ все равно справедливость въ свое время восторжествовала бы. И все это потому, что и люди, и государства исправляются только несчастіями. Да, несчастіями, и оттого, вѣрно, ска-

зано въ Библии, что „за грѣхи отцовъ“ жизнь медленно, но вѣрно расплачивается до седьмого или девятого колѣна. Возьмемъ, на примѣръ, войну. Тысячи людей погубило до войны по каторгамъ и тюрьмамъ за правду, за требованія справедливости, и только когда искалѣчили неизвѣстно зачѣмъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, только тогда настало время справедливости въ Россіи. А будь даже цѣль войны самой высокой и святой, такъ все равно несправедливы тѣ человѣческіе законы, по которымъ миллионы сидятъ дома въ то время, какъ тысячи умираютъ. На войну должны идти всѣ, и тогда войнѣ, быть можетъ, и не было бы. Такъ вотъ, по справедливости, за сгнившихъ въ тюрьмахъ, за невинно павшихъ на войнѣ, теперь здѣсь, на каждомъ шагу, проливается кровь среди будто бы невинныхъ, мирно живущихъ людей, среди тѣхъ людей, которые молчаніемъ своимъ позволили совершиться этимъ убійствамъ. Вы присутствовали въ Кіевѣ теперь, при избіеніяхъ?

Бураковъ кивнулъ головой.

— Что же вы сдѣлали, чтобы воспрепятствовать имъ? Кого спасли вы?

Бураковъ растерянно и виновато посмотрѣлъ на него, и Курнатовскій понялъ его.

— Ничего, никого? Ну, да, то, что дѣлало большинство людей: и я, и вы, и всѣ наши знакомые и родные. Мы молчали, и всѣ, сознательно. Жизнь—это бой, а въ то время, какъ на передовыхъ позиціяхъ люди стонутъ и гибнутъ, большинство людей въ тылу человѣческой арміи развратничаетъ, пьянствуетъ, объѣдается и тупо глядитъ на проѣзжающія санитарныя телѣги съ ранеными. Я былъ въ этомъ большинствѣ и вмѣстѣ съ другими зналъ и чувствовалъ силу многихъ хорошихъ словъ, но не зналъ я еще благороднаго дѣла. А когда меня обошли и внезапно ударили съ тылу, я растерялся и... и сподличалъ. Да, оказался подлецомъ; и какъ было имъ не оказаться, если я тридцать лѣтъ думалъ, что мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Я ни разу не подумалъ серьезно, что если на Уралѣ офицеръ Ивановъ стрѣлялъ въ рабочихъ, то завтра вѣдь это можетъ быть здѣсь со мной. Послушайте же, что было дальше.

Курнатовскій откашлянулся и провелъ рукой по волосамъ.

— Прошло всего двѣ недѣли, какъ я былъ счастливъ. Счастливъ до нахальства. Если вы любите, вы меня поймете. Мнѣ хотѣлось громко говорить, пѣть, бѣгать, мнѣ хотѣлось разливать счастье вокругъ себя по всему міру, какъ нравится барахтаться и брызгаться въ хорошемъ про-

зрачномъ необъятномъ морѣ. По утрамъ я не могъ спать и рано утромъ уже аккуратно и чисто одѣвался и шель побродить въ рошѣ. Мнѣ казалось, что форменное платье сидитъ на мнѣ хорошо и удобно, какъ никогда, что сапоги обхватываютъ мои ноги такъ легко и мягко, что самъ я такой ловкій и хорошій, и, главное, буду стараться быть еще лучше; мнѣ казалось, что цвѣты, деревья, небо, мой денщикъ, прыгающая собачонка, поѣзда трамвая, Софья, ея отецъ, всѣ хорошіе люди, солнце, я—все это было одно, одно—мое счастье.

Курнатовскій поднялъ высоко голову, выровнялся и, глядя въ окно, устремилъ свои глаза куда-то далеко, далеко. По лицу его скользнулъ робкій желтый лучъ и, сверкнувъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, исчезъ.

— Такъ вотъ было такое счастливое утро. Былъ я въ рошѣ. Вдругъ прибѣгаетъ въ рошу денщикъ и говоритъ, что отъ командира полка присланъ вѣстовой по важному дѣлу. Что такое? Суббота—ученья нѣтъ. Отъ вѣстового я только и могъ узнать, что нашъ полковникъ проситъ меня немедленно пожаловать въ офицерское собраніе, и что послано за всѣми офицерами полка. Прибѣжалъ я въ собраніе, а уже всѣ почти въ сборѣ: и ротные командиры, и поручики, и подпоручики. На всѣхъ лицахъ недоумѣніе и ожиданіе: никто ничего не знаетъ. Полковникъ Гертвигъ ходитъ изъ угла въ уголь, опутивъ свою бритую узколобую физиономію, такъ что видны одни волосы ежиномъ. Не любилъ я его: сухой и узкій былъ это человѣкъ. Не любилъ и онъ меня, моего Станислава съ мечами, казалось мнѣ, презиралъ и часто сердился на меня за мое обращеніе съ солдатами: „Это, молю, вамъ не институтъ благородныхъ дѣвиць, они безъ матюка ничего не понимаютъ!“ Когда адъютантъ доложилъ ему, что всѣ собрались, онъ остановился у своего предсѣдательскаго мѣста и сухимъ, дѣловымъ голосомъ объявилъ: „Гг. офицеры, мною получена отъ главнокомандующаго телеграмма. Въ городѣ царитъ возстаніе. Нужны немедленно войска, такъ какъ только нашъ полкъ и имѣется въ распоряженіи. Вся надежда на васъ, господа. Я даю вамъ часъ времени на приведеніе вашихъ частей въ боевую готовность. Причина вызова войскъ должна остаться въ секретѣ. Пожалуйста“.

Онъ сдѣлалъ рукой и принялся снова шагать по залу. Началась суета; и, знаете, чѣмъ мы были первыя минуты недовольны? Мы были недовольны тѣмъ, что нарушили нашъ покой. Я подумалъ о томъ, что пропало мое свиданіе съ Софьей, а мой ротный, низенькій, толстый человѣкъ съ короткой шеей, капитанъ Селезневъ, расправляя бороду,

только и сказалъ: „Вотъ тебѣ и воскресная рыбная ловля!“ Пришелъ я къ солдатамъ, а тамъ вольноопредѣляющійся-технологъ, съ которымъ я запросто встрѣчался въ обществѣ, подходитъ ко мнѣ и серьезно такъ говоритъ: „Александръ Ивановичъ, вчера въ городѣ забастовали всѣ заводы; на площади бросили бомбу“.

— Э,—говорю ему,—все ограничится пустяками. Разобьемся на патрули—и все тутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ кажется, что будетъ серьезное дѣло. Зачѣмъ велѣно взять боевые патроны?

— Бросьте, — говорю, — пугаютъ, — и пошелъ дальше.

Среди запасныхъ солдатъ былъ у меня одинъ такой тихій, невзрачный солдатишко, но стоило ему поднять свои голубые глаза, какъ все лицо озарялось какимъ-то свѣтомъ; любилъ я его, и всегда по глазамъ угадывалъ, что онъ хочетъ или сказать что-нибудь, или спросить. Посмотрѣлъ онъ на меня, вытянулся, а глаза, безпокойные, спрашиваютъ: куда и зачѣмъ мы идемъ?

— Что, Харченко?—спрашиваю я, дѣлаю ему рукой, чтобы не отдавалъ чести, и приказываю идти за собой. Когда мы отошли отъ солдатъ, я сказалъ ему: „Въ городѣ беспорядки, вѣроятно, разобьемся на патрули“—и отпустилъ.

— Въ 12 часовъ дня мы были ужъ въ городѣ. Почти всѣ магазины уже закрыты; кое-гдѣ слышно еще было рывканье желѣзныхъ шторъ. Жара стояла страшная. На тротуарахъ толпилась публика, и первое впечатлѣніе отъ улицъ и этой массы людей похоже было на праздничное, но постепенно становилось видно, что всѣ возбуждены, что всѣ говорятъ и думаютъ объ одномъ и томъ же. Въ городѣ мы расположились на центральной площади. Намъ дали получасовой отдыхъ, а Гертвигъ уѣхалъ къ губернатору. Я успѣшилъ отправить телеграмму Софѣ, чтобы она не безпокоилась.

— Когда я припоминаю тѣ дни, въ головѣ моей становится такой сумбуръ, такой безсвязный хаосъ мыслей и впечатлѣній, и въ то же время мнѣ кажется, что я ничего не помню. Въ памяти стоятъ такія впечатлѣнія: жарко, невыносимо жарко; нѣтъ воздуха, небо нечистое, сѣроватое отъ пыли и зноя; мы, т. е. я и Селезневъ, ходимъ съ ротой по городу съ барабаннымъ боемъ. Ходимъ, ходимъ... Рубашка мокрая; поминутно хочется пить и чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше жажда не удовлетворяется. Роздыхъ. Подбѣжить кое-кто изъ знакомыхъ. Что будетъ? Что слышно? Съ крыши одного дома бросили бомбу въ казаковъ. И въ насъ бросать? Не думаешь. Опять ходимъ, ходимъ или

стоимъ на солнцепекѣ. Въ войскахъ большой недостатокъ: мы должны быть повсюду. Забѣжалъ во дворъ, приложился къ крану, пью воду и въ это время въ головѣ пронеслось такъ нѣжно и мягко: Сонюша... Снова идемъ. Ненавистны эти трюгары, ненавистны кубики мостовой; идешь и считаешь, сколькимъ кубикамъ равняется твой шагъ: вотъ 4, вотъ 5, 4, 5, 5, 5, 4. Зачѣмъ столько публики, зачѣмъ они не сидятъ дома! Иногда можно поймать сухой, презрительный взглядъ. Они ненавидятъ насъ... И снова такой же день. Вечеръ, душный и тяжелый. Офицеры въ сборѣ; пьютъ пиво; городъ во тьмѣ; опять пронеслось изъ тьмы такъ нѣжно и съ жалобой: Сонюша. Она теперь сидитъ грустная... и вдругъ... Трр...-ахъ-тахъ... бумъ...!

— Это взрывъ, несомнѣнно взрывъ! Черезъ пять минутъ конный городской скачетъ къ намъ: „Снова бросили бомбу; требуются войска“. Проклятіе! Мы встаемъ, двигаемся, суедемся во тьмѣ, какъ привидѣнія. И вдругъ надъ городомъ зарево, громадное зарево; грандіозное розовое облако пѣны изъ дыму и огня; въ полутьмѣ красные блики на лицахъ, блескъ зарева въ глазахъ и ликующія, освѣщенные окна верхнихъ этажей. Пожаръ разрастается; городъ вымеръ. Красиво, таинственно, странно и страшно.

— Безпокойная ночь. Въ тѣхъ двухъ ротахъ, гдѣ Гертвигъ, безпрестанно слышны ружейные залпы; сухой и короткий трескъ: та-та-та-та-та... Гертвигъ отличается! Только подъ утро въ гостиницѣ два часа сна. Денщикъ стучитъ въ дверь; просыпаюсь, трубятъ походъ и снова такъ нѣжно и кротко: Сонюша. Гертвигъ уже на ногахъ. Получилась телеграмма: подавить возстаніе, чего бы это ни стоило. Гертвигъ отзываетъ меня и Селезнева въ сторону и говорить:—Вамъ, господа, дается важное порученіе. Демонстранты, по полученнымъ свѣдѣніямъ, двинутся сегодня съ двухъ сторонъ, чтобы соединиться на Большой улицѣ. Вы должны, слышите, должны воспрепятствовать ихъ соединенію!..

— Мнѣ кажется, что онъ съ ненавистью смотритъ на моего Станислава. О, какъ я ненавижу его тусклые, упрямые глаза. Онъ продолжаетъ:

— Капитанъ Селезневъ, вы возьмете себѣ полуроту, станете у начала Спасской улицы и загородите ее всю, отъ дома до дома. Поручикъ Курнатовскій, вы возьмете другую половину роты и расположитесь у памятника Екатерины. Чтобы не пропустить демонстрантовъ, вамъ, господа, предоставляется полное право истощить всѣ имѣющіяся у васъ средства, всѣ... Городъ на военномъ положеніи...—Положеніе, видите, становилось серьезнымъ,—Курнатовскій по-

смотрясь мелькомъ въ глаза Буракову,—нѣтъ, понимаете, возможности передать всѣ затѣснившіяся тогда мысли и чувства: все такъ было быстро, что опомниться нельзя было. Отдали мы честь; Гертвигъ ушелъ; провожаю взглядомъ его сухой затылокъ и стриженую голову. „Всѣ средства, всѣ“, стоитъ въ ухахъ. Какъ? стрѣлять! Я долженъ буду отдать приказъ—стрѣлять? Но вѣдь я думалъ, я думалъ... въ томъ и несчастье, что я не думалъ. Все казалось, что обойдется. И тутъ только я понялъ, что не только нельзя совершать преступленій, но нельзя о нихъ слышать, видѣть ихъ. И вдругъ мнѣ захотѣлось, чтобы хоть начальство надо мной взялъ или Гертвигъ, или ротный Селезневъ, а я чтобы былъ, какъ обыкновенный рядовой. Глупый, говорю себѣ, развѣ отъ этого легче? Но Гертвигъ кричить: „Господа, торопитесь!“ Селезневъ зоветъ меня подъ ворота, въ сторону, чтобы никто не видѣлъ, и хочетъ что-то сказать, но вдругъ обнимаетъ меня, быстро цѣлуетъ и уходитъ; я тупо гляжу ему въ спину и думаю: какой онъ офицеръ? Гертвигъ его третируетъ; если его раздѣтъ, то онъ похожъ на много разъ рожавшую старую женщину.

— Мы идемъ. Что же мнѣ дѣлать? Подать рапортъ о болѣзни—нельзя, поздно; подать въ отставку—безсмысленно, не поможетъ; если я откажусь, меня будутъ судить и тогда—каторга или разстрѣлъ. Можетъ быть, сдѣлать себѣ что-нибудь, нечаянно ранить... Мнѣ нужно было, какъ видите, сдѣлать рѣшительный шагъ, а я метался въ нерѣшительности. Какъ знать, можетъ быть, я и рѣшился бы, если бы увидалъ вдругъ Софью. Но внезапно мнѣ приходитъ въ голову мысль: „Ахъ, да, можетъ быть, мнѣ удастся уговорить ихъ?“ Они поймутъ. И вотъ мы уже стоимъ подъ палящимъ солнцемъ, у памятника. Отъ зноя небо сѣрое. Пожаръ еще продолжается и надъ городомъ виситъ большое облако черного дыма.

— Жарко, жарко, на кителѣ подмышками большія, величиною съ блюдо, мокрая пятна отъ поту.

— Пить хочется, пить! Уйти нельзя; посылаю солдата за водой; пью, пью изъ ведра, какъ лошадь; вижу свое лицо и думаю о ней: сѣрые глаза и блестящіе русые волосы. Сошюш! Честное слово, я стрѣлять не буду! Я сажусь въ коротенькую полуденную тѣнь отъ памятника и смутно размышляю. Кто они такіе, эти революціонеры? Тѣ, что идутъ сознательно на смерть, въ каторгу? Неужели такіе же святые, какъ тѣ, что умирали на кострахъ, крестахъ и аренахъ? Всегда—обыкновенные люди, хорошіе и скверные, грязные и чистые, и все-таки на одну минуту святые?

— Я поднялъ глазъ: на меня въ упоръ смотрѣли вольноопредѣляющійся-технологъ и Харченко. Ихъ глаза спрашиваютъ: зачѣмъ мы здѣсь стоимъ? Я опускаю глаза. Вдругъ пѣсня хоромъ.—Курнатовскій выровнялся, глаза его заблестѣли и голосъ зазвучалъ возбужденно.—Идутъ... идутъ... сколько народу... высоко нѣсколько красныхъ знаменъ... Идутъ, идутъ... На рукахъ у меня холодный потъ. Блестящая мысль! Я возьму въ руки бѣлый платокъ, будто для пота, и пойду къ нимъ... и скажу имъ, что я не могу, не могу, не смѣю ихъ пропустить. И еще, еще... командую: „Ребята, если буду командовать „пли!“, стрѣлять надъ головой!“ Возбужденный Харченко и блѣдный технологъ смотрятъ на меня безпокойно и одобрительно. Идутъ, идутъ... Поютъ:

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

— Выстраиваю солдатъ; беру небрежно платокъ, будто вытираю лобъ, и иду къ нимъ. Я иду съ сознаниемъ, что я хорошо поступаю. Сердце бьется, бьется, вотъ я стою передъ ними, мелькомъ прочитываю на повиснувшемъ красномъ знамени изъ кумача обрывокъ фразы: ари—няйтесь. Передо мной много людей, но я никого не вижу, кромѣ стоящихъ впереди дѣвушки и бородатаго рабочаго. Я говорю имъ и думаю о томъ, не дрожить ли у меня голосъ:

„Господа, я военный человѣкъ. Мнѣ приказано не пропустить васъ, и я васъ не пропущу. Здѣсь солдатъ небольшое количество и только массой я не въ состояніи васъ остановить. Выберите другой путь, иначе... иначе... я не хочу этого, но я вынужденъ буду употребить оружіе“. Громкій ропотъ, свистъ... Крики: „нѣтъ другой дороги! мы должны идти! мы васъ не боимся! идите съ нами!“ Я ухожу и за спиной слышу надъ толпой проносится: „Товарищи! Я иду спокойно, спокойно и вдругъ бѣгу къ солдатамъ. Оборачиваюсь: они идутъ. Они идутъ! Да что же это такое, развѣ они не понимаютъ, что я не могу?!“

— Въ барабаны! Трескотня. Смолкли. Они идутъ...

Намъ не нужно много кумира,
Нена..

— И „въ барабаны“. Затрещали и смолкли. Идутъ... Что это? Толпа кричитъ и бѣжитъ; треснуло что-то по рукѣ. Камени! А, они сломить насъ хотятъ! Въ груди начинается закипать нетерпѣвіе и злоба. Вдругъ чьи-то провокаторскіе выстрѣлы въ нашу сторону; лица солдатъ стали суровыми. Еще 20 шаговъ, и они насъ опрокинутъ...

— А-а-а... я ненавижу васъ! Полу-рота пли! Знамя упало. Крики мужчинъ и женщинъ. Побѣжали назадъ, давя другъ друга, разрывая платья. И надъ всей толпой пронзительный истерическій крикъ... Площадь опустѣла. Только посрединѣ кто-то копошится. Бѣгу туда—лежить въ крови рабочій, не движется; на лбу кругленькое отверстие и по лицу тоненькая струйка крови. Нѣсколько шаговъ подальше: бьется въ корчахъ, видно, интеллигентная женщина и около нея Богъ въ вѣсть откуда взявшійся растоптанный мальчикъ лѣтъ 10-ти. Немного поодаль сидитъ на землѣ дѣвушка, схватившись за колѣно. Подхожу—молчитъ и смотритъ на меня большими черными глазами; волосы распустились, легкая лѣтняя блузка вся изорвана; видна вся шея. Приложивъ одну руку къ виску, она шепчетъ, глядя на меня глазами, полными ужаса: „Какой подлецъ! Боже мой, какой подлецъ!“ Курнатовскій всталъ, прошелся отъ окна до окна и обратно и снова присѣлъ. Глубоко вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— Впослѣдствіи я узналъ, что пострадало, т. е. умерло, три человекъ: рабочій, женщина и мальчикъ, у дѣвушки была легкая рана. Какимъ образомъ попали пули въ людей, когда я отдалъ приказъ стрѣлять надъ головой—не знаю. Дрогнули у кого-нибудь руки, что ли? Обозлили ли людей провокаторскіе выстрѣлы? Вообще же что было дальше, я помню слабо, пятнами. Помнится, что сейчасъ послѣ этихъ роковыхъ минутъ я страшно ослабъ и мнѣ казалось, будто я прожилъ въ другомъ мѣстѣ много лѣтъ. И было мнѣ странно видѣть около себя солдатъ, деревья, памятникъ; мнѣ ужъ совершенно не было жарко, но я валялся подъ выросшею тѣнью памятника, лежалъ съ пустой головой, смотрѣлъ на носки сапогъ—и только и думалъ: вотъ мои сапоги, вотъ мои сапоги, и отчего мнѣ ихъ не жалко, вотъ мои сапоги...

— Къ вечеру пріѣхалъ Гертвигъ; машинально что-то рапортовалъ я ему. Онъ благодарилъ меня и солдатъ и распорядился накормить людей; я и забылъ, что мы сегодня еще ничего не ѣли. Помню еще къ вечеру, когда мы собирались двинуться къ сборному пункту, я взглянулъ на Харченко и технолога; они опустили глаза, какъ виноватые; потомъ я почувствовалъ на себѣ одновременно ихъ взгляды, какъ-то слѣпо скользнулъ я по ихъ лицамъ и въ свою очередь опустилъ глаза. Мы всѣ были виноватые: и этотъ простой, честный солдатъ, и этотъ, только-что соскочившій со студенческой скамьи технологъ, и я—мы всѣ были участниками страшнаго дѣла.

— Этотъ вопросъ долженъ былъ быть давно уже рѣшенъ

каждымъ про себя, и на смѣлый шагъ мы должны были рѣшиться еще тамъ, въ лагерѣ. Но мы уговаривали себя, говорили, надѣялись: авось, ничего не будетъ. Потомъ, разъ вступили мы уже на эту дорогу, мы, какъ трусливые преступники, стали думать, что самое страшное сдѣлаютъ другіе. Я думалъ—другіе офицеры; технологъ и Харченко—другіе солдаты.

— Когда мы возвращались на сборный пунктъ, я сначала было пошелъ отдѣльно отъ солдатъ по тротуару, но потомъ мнѣ стало жутко вдали отъ нихъ и, когда я нагонялъ ихъ сзади, я слышалъ, какъ одинъ бородатый солдатъ говорилъ сосѣдямъ: „Ежели они въ моихъ товарищей стрѣляютъ, такъ...“ Провокаторскій выстрѣлъ давалъ ему оправданіе, безъ высшаго оправданія никто не могъ существовать. Развѣ и я не оправдывалъ бы себя тѣмъ, что у меня не было злой воли, что произошелъ несчастный случай, если бы... вообще это имѣло для меня значеніе. Вечеромъ я узналъ, что у Селезнева обошлось, какъ онъ сказалъ: „благополучно“, т. е. подоспѣли казаки и сдѣлали то, что нужно. Всегда скучный, обремененный большой семьей и удрученный придирками Гертвига, Селезневъ былъ положительно веселъ. Всю ту ночь я проспалъ тяжелымъ и глубокимъ сномъ. Когда меня утромъ разбудили и я, надѣвая сапоги, впервые припомнилъ ту площадь и яркое, жаркое солнце, и залитые ужасомъ глаза, и обнаженную шею, и шопоть: „Подлецъ, Боже мой, какой подлецъ!“,—вдругъ я увидалъ, что не вспоминалъ Софьи почти сутки. И тотчасъ снова забылъ.

Курнатовскій торопливо досталъ изъ сакъ-вояжа папирсы, спички, закурилъ жадными, большими глотками и умолкъ, окруживъ себя цѣлымъ облакомъ синеватаго дыма. Выкуривъ папиросу, онъ продолжалъ:

— То, что дальше было, докторъ, совсѣмъ ужъ трудно передать послѣдовательно,—это можно перечувствовать или сыграть. Понимаете: яркая вспышка сознанія, какъ молніей, тебя пронзаетъ переживание съ головы до ногъ и потомъ глубокіе, темные провалы, полное отсутствіе мыслей. Такъ вотъ прошло еще два два. Беспорядки подавлены. Жара стоитъ африканская; душно, душно... Кругомъ говорятъ: быть грозѣ. Мы сидимъ въ кафе за столиками, скоро назадъ въ лагери. Всѣ, всѣ, кажется, рады. Даже Гертвигъ шутить. Отчего никто со мной не говоритъ? Отчего никто на меня не смотритъ? Мы пьемъ—кто пиво въ высокихъ кружкахъ янтарно-желтое съ бѣлой пѣной, кто вино темно-красное въ маленькихъ рюмкахъ.

— А люблю, люблю встряхнуться, поработать,—автори-

тетно заявляетъ Гертвигъ,—вотъ если бы мнѣ поручили справиться съ этой жидовщиной. Безъ всякихъ словъ, дѣло, дѣло! Поручикъ Курнатовскій видѣлъ, къ чему приводятъ разговоры.—Мнѣ хочется пожевать губами, плюнуть ему въ лицо. Нашъ адъютантъ, изъ породы лизоблюдовъ, смотритъ на серебряный перстень на мизинцѣ въ видѣ черепа и говоритъ: „А говорятъ, изъ десяти убитыхъ женщинъ шестеро жидовки“.

— Душно, душно мнѣ... и я вскакиваю и, хлопнувъ по столу кружкой пива, кричу:

— А все-таки мы убійцы, да, убійцы, всѣ убійцы...

Воцарилась на мигъ тишина.

— То есть кто?—холодно и насмѣшливо цѣдитъ сквозь зубы адъютантъ.

— Убійцы, убійцы!—кричу я и схватываю кружку, чтобы швырнуть ее ему въ физиономію. Меня схватываютъ за руки мои сосѣди и мнѣ хочется раскрыть широко, широко глаза и я такъ и дѣлаю, и шепчу: „Какой подлець, Боже мой, какой подлець!“ И въ ту же минуту налетаетъ сильный порывъ вѣтра, ударъ грома, туча пыли и на лицѣ у меня капли. Всѣ поспѣшили спрятаться, а я, вырвавшись изъ пріятельскихъ рукъ, стою подъ дождемъ.

— Разразилась силная гроза. Къ вечеру я вдругъ почувствовалъ, что я долженъ видѣть Софью, долженъ. Возьму извозчика и поѣду, если даже Гертвигъ не пуститъ. Иду къ нему.

— Отпустите,—говорю,—меня къ невѣстѣ на весь вечеръ и всю ночь.

Я не прошу, а требую; это слышно въ каждомъ моемъ словѣ.

— Къ невѣстѣ? А? Если это васъ успокоитъ, а то офицеръ, герой и... истерика. Хорошо, хорошо...—Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично убѣдился, что я умѣю убивать людей, онъ началъ ко мнѣ относиться болѣе милостиво.

Только сажусь на извозчика, меня нагоняетъ Селезневъ:

— Слышалъ, что ѣдете на дачу. Дорогой, Александръ Ивановичъ, мой-то, вѣрно, страшно беспокоятся. Заѣзжайте, голубчикъ, мимоходомъ къ нашимъ и скажите, что благополучно, что... что и я никого и меня никто.

— Ладно, ладно,—и я ѣду, ѣду подъ дождемъ и гляжу на дома, на прохожихъ и думаю: „всѣ, всѣ—храбрые, благородные. Ихъ никто и они никого“.

Я ѣду цѣлый часъ по страшно грязной дорогѣ и съ любопытствомъ, точно въ первый разъ увидѣлъ, смотрю на колеи въ грязи. По дорогѣ заѣзжаю домой, сажусь въ

пальто на постель, зачѣмъ не знаю, встаю и вижу на столѣ клочокъ бумаги и на немъ: „Была у тебя, видѣла, какъ ты живешь. Софья. Воскресенье“. Видѣть, видѣты! Ахъ, да... надо къ Селезневымъ. „Знаемъ, все знаемъ“—кричатъ они мнѣ навстрѣчу. Селезнева, громадная, худая женщина, знающая всѣ полковыя сплетни, назначенія, перемѣщенія, провожаетъ меня и говоритъ: „А у васъ не обошлось безъ несчастія; времена, времена...“

Скорѣе, скорѣе къ Выводцевымъ. Снова часъ ѣзды. Уже поздно; темно, холодно и жутко. Знаютъ ли и они, или не знаютъ? И если не знаютъ, тогда что? Кажется, я промокъ. Сердце замираетъ страшно. Вотъ ихъ дача. Духъ захватываетъ. Расплачиваюсь и бѣгу по аллеѣ и вижу, какъ сапоги мои оставляютъ глубокіе слѣды на мокромъ гравіи. У террасы я останавливаюсь. А, можетъ быть, совсѣмъ сегодня не пойти? „Кто тамъ?“—безпокойно спрашиваетъ Софья. Я взбѣгаю по тремъ ступенькамъ на террасу. На террасѣ Выводцевъ [за книгой и Софья, вся закутанная въ теплый платокъ.

— А, артиллерія!—воскликаетъ по привычкѣ Выводцевъ и сидитъ на мѣстѣ и смотритъ смущенно куда-то мнѣ въ сапоги. А Софья вскочила и стоитъ застывшая, уткнувъ лицо по самые глаза въ платокъ.

Безконечная, тяжелая минута. „Знаютъ, знаютъ“, думаю я и сажусь тутъ же на верхнюю мокрую ступеньку и гляжу въ чернѣющій мокрый садъ. Вдругъ рыданія, тяжелыя рыданія и крикъ: „папочка, папочка, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ!“

Я сижу и думаю: кончено, кончено, кончено...

Нѣсколько минутъ просидѣлъ Курнатовскій, прикрывъ лицо обѣими руками.

— Между мною, Софьей и отцомъ не было сказано ни слова. Я вернулся домой къ разсвѣту, пробродивъ цѣлую ночь по грязи и подъ дождемъ. Тяжело спалъ. На другой день я снова къ вечеру поспѣшилъ къ Выводцевымъ. Еще у воротъ дачи на мой вопросъ „дома?“ кухарка отвѣтила мнѣ: „уѣхали“. На городской квартирѣ я узналъ, что они уѣхали въ Кіевъ. Черезъ недѣлю, уже изъ лагерей, я на колѣняхъ выпросилъ, на колѣняхъ предъ этимъ кретиномъ Гертвигомъ, выпросилъ отпускъ и уѣхалъ за ними въ Кіевъ. Въ Кіевѣ долго искалъ—не могъ найти. Наконецъ, нашель, случайно встрѣтилъ въ саду; самъ я испугался, какъ увидѣлъ, губы трясутся, всѣ мольбы и мысли, приготовленныя заранѣе, пропали и шепчу только: одно слово, одно слово. А она, какъ задрожитъ вся. „Простите меня, простите, я не могу, я не могу, оставьте меня“—и бросилась вонъ. Я искалъ снова встрѣчи съ Выводцевыми, нашель квартиру

и тамъ узналъ, что они уѣхали куда-то въ деревню. Деревень на Руси много.

— Вотъ и все, докторы! Вы вотъ сравнивали жизнь съ пьесой, въ которой вы являетесь къ пятому акту. Мы тоже явились къ нему, но наше положеніе хуже—мы должны быть живыми дѣйствующими людьми, когда всю жизнь были манекенами, одѣтыми въ мундиръ и державшими шпагу. Вся жизнь куется между молотомъ и наковальней, и по мнѣ пришелся ударъ. Но обыкновенные люди, сидящіе по квартирамъ и глядящіе, съ благородными чувствами въ груди, черезъ окно на улицу, гдѣ происходитъ бой, не судьи мнѣ. Они не смѣютъ судить меня; *ихъ* честность не-искусшенная. Теперь мало сказать „да“ или „нѣтъ“—надо сдѣлать. И даже если бы эти люди и судили меня, то, быть можетъ, они нашли бы, что я заслуживаю снисхожденія. Но меня смѣютъ судить только борцы, тѣ, съ которыми я столкнулся лицомъ къ лицу. Меня осудила, наконецъ, сама жизнь и ужъ не дала никакого снисхожденія. И такъ это и нужно, чтобы были такіе, какъ Гертвигъ, какъ я, какъ революціонеры. Безъ него, безъ нихъ, безъ меня революція была бы полонезомъ. Однако, все это философія, которой не хочетъ знать сердце. Во всѣхъ романахъ лучшихъ писателей идеальнѣйшіе люди переживаютъ страшныя драмы изъ-за любви къ женщинѣ; поймите, что у меня, обыкновеннаго человѣка, драма въ квадратъ. Куда мнѣ дѣться? Выйти въ отставку? Да что я умѣю дѣлать? А чтобы начать новую жизнь, она мнѣ, понимаете, нужна, она... Вы говорите, признаться на дружеской груди. Нѣтъ у меня ея. Три мѣсяца уже, какъ я избѣгаю всякихъ разговоровъ съ людьми, и сейчасъ, простите, не выдержалъ. Кто страшно страдалъ, тотъ пойметъ меня. Вы понимаете, по ночамъ мнѣ иногда хочется рыдать долго, долго, въ голосъ, какъ маленькія дѣти. А у меня нѣтъ слезъ и не передъ кѣмъ. Докторъ, Павелъ Владиміровичъ, дорогой вы мой, пожалѣйте меня, заразите вы меня тифомъ, дифтеритомъ, чѣмъ хотите, но дайте забыться...

Холодными и дрожащими пальцами Курнатовскій жаль руки растерявшагося Буракова и глядѣлъ на него жалко и умоляюще и лицо его, брови, губы были искривлены какой-то общей судорогой. Потомъ какъ-то онъ ослабѣлъ, отодвинулся и легъ ничкомъ на скамью. Не сказавъ ему ни слова, Бураковъ продолжалъ лежать въ томъ же положеніи.

Такъ лежали они, два встрѣтившихся человѣка, одинъ съ хаосомъ чужихъ мыслей и чувствъ, и другой съ пустой головой и пустой душой. А въ вагонъ ужъ глядѣло уми-

раньше, он сшибал, блѣднѣе, ухонился. Инженеръ въ тѣхъ ертыкуля и куда—мчался на всѣхъ парахъ со свистомъ по вѣду, полнѣе новой жизни, среди старыхъ, вгрюмыхъ и холодныхъ полей.

эжотъ М. утѣхъ умотри въ асатарка въ поротѣхъ въ, носенъ инжлодъ имъ—эжухъ эинэжогопъ эшанъ онъ, умэнъ гжъ аэнкамаръ. Такъ лежали они, долго, одинъ—лицомъ внизъ, а другой—лицомъ вверхъ, и тяжелый, другой—худой и узкий, съ привидѣнными колѣнями, съ лицомъ вверхъ, приковыль глаза длинными пальцами. И одному было тяжело отъ пустоты, а другому наполнявшей его душу, отъ того, что, даже тайна отъ ея страданій не принадлежала уже только ему, и въ безсильную душу вслѣдъ за пустотой уже пробрались острой, струей досады и злобы на самого себя за ненужную и глупую панацею, ему казалось, исповѣдь. А другой, подный мысли, образны въ впечатлѣннй, чувствовалъ что на него что-то свалилось, пестрое и тяжелое, и ему казалось, что онъ въ немъ-то виноватъ, передъ этимъ человекомъ, что онъ вѣтъ долгъ и передъ нимъ. Бураковъ чувствовалъ, что что-то нужно сказать, сказать и что, въ сущности, ни того, ни другого не нужно, и если бы онъ обомудвился, хотя однимъ бы жалкимъ словомъ, онъ совершилъ бы большую, безтактность.

Когда черезъ два часа, проходившій по району кондукторъ крикнулъ протяжнымъ голосомъ: Кто влѣтъ въ Руднику? Руднику? Курнатовскій всталъ, присѣлъ и залу-мываясь, Бураковъ промѣжъ пальцевъ сталъ внимательнѣе, онъ на его помятое, обрюзшее, небритое лицо и ему казалось, что онъ въ первый разъ видитъ этого человека. Курнатовскій встуръ схватился, бросилъ взглядъ на Буракова, и стали одѣвать пальто и шляпу.

Куда вы спросилъ Бураковъ, спуская ноги и усаживаясь. Я въ Руднику слѣзю на двое сутокъ, съ матерью, свидѣться—отвѣтилъ, холодно и не глядя въ глаза, Курнатовскій.

Бураковъ ничего не сказалъ и, приподнявшись, сталъ глядѣть черезъ окно на безконечныя поля, тонущія въ туманѣ. Какъ же это, думалъ онъ, какъ же! Неужели больше мы не скажемъ другъ другу ни слова? А вѣдь нужно сказать что-то важное, хорошее...

Бураковъ чувствовалъ, что сзади Курнатовскій глядитъ ему въ спину, недоумывающимъ, робкимъ взоромъ. Въ мелькнула деревенька. Скорѣ, вѣроятно, должна была быть станція.

Ну, докторъ, прощайте!—какъ-то вздохнувъ и сбравшись съ силами, сказалъ Курнатовскій въ спину Бура-

Бураковъ очинянулся! передъ нимъ стоялъ Курнатовскій съ протянутой правой рукой и съ желтымъ сагомъ въ лѣвой.

— Я... я... съ вами пойду, — отыгилъ Бураковъ, чувствуя, что нужно отплатить время, потому что онъ ни за что не могъ допустить, что они простятся по-обыкновенному, по-пошлому, какъ простые попутчики. Бураковъ прошелъ съ Курнатовскимъ на площадку. Поѣздъ уже несся мимо какихъ-то станціонныхъ строеній и вагоновъ на запасныхъ путяхъ. — Ну, ну, — торопилъ себя Бураковъ.

— Послушайте, Александръ Ивановичъ, — и голосъ его задрожалъ, — мы не можемъ такъ разстаться; ну, да, не можемъ, — его худое лицо строго морщилось. — Я знаю, простите меня, если кажется, но чувствую: вы думаете о самоубійствѣ. Не нужно, Александръ Ивановичъ, не нужно... такъ думать. Вы хотите умереть... если изъ-за женщины, то... ей-Богу, это кажется. Вотъ я любилъ крѣпко, страшно, прямо молился, цѣловалъ ея слѣдъ... ну, да, конечно, годъ счастья, но, но... Знаете, я ѣду сейчасъ къ женѣ, которую не видалъ два съ половиною мѣсяца, но вѣдь мнѣ почти все равно, сейчасъ или черезъ мѣсяць я ее увижу. Развѣ это любовь? И еще, еще, — Бураковъ схватилъ Курнатовскаго за пуговицу пальто, — ну, умрите для себя, умрите, но обществу, людямъ вы нужны. Такіе люди теперь страшно нужны. Вы провинились передъ людьми, но теперь вы должны расплатиться, сдѣлать доброе дѣло, совершить подвигъ что ли, да такой, чтобы о васъ заговорили.

Бураковъ волновался и, переводя духъ, продолжалъ:

— Не уходите въ отставку, не уходите. Вы можете принести много пользы; такіе именно, какъ вы, и должны остаться и, можетъ быть, кто знаетъ, можетъ быть, она услышитъ про васъ и... и вернется...

Въ это время поѣздъ, попрыгивая на стрѣлкахъ, подкатилъ къ станціи. Курнатовскій и Бураковъ стали прощаться: жали другъ другу руки и говорили обычные, избитыя прощальныя слова, но смущенными глазами они внимательно заглядывали другъ другу въ душу и скользили по лицамъ, запоминая другъ друга.

Когда Курнатовскій прошелъ уже по станціи нѣскольکو шаговъ, его догналъ Бураковъ:

— Александръ Ивановичъ, я забылъ сказать. Мы теперь не чужіе люди, не чужіе... такъ если нужно будетъ, въ особенности, если что тяжелое, телеграфируйте, напишите просто, лучше всего сами пріѣзжайте... Помните, мой адресъ простой: Мигаево, Буракову, или Кіевъ, Сергіевская больница.

Бураковъ еще разъ пожалъ бормотавшему благодарности Курнатовскому руку и побѣжалъ, не оглядываясь, въ вагонъ. Изъ окна вагона онъ увидалъ только спину Курнатовскаго, входившаго въ залъ I-го класса.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ, полный новой, жгучей жизни, снова мчался среди сѣдыхъ и старыхъ холодныхъ полей.

А. И. Герценъ, какъ социалистъ ¹⁾.

Социализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки.

А. И. Герценъ. Былог и Думы. Ч. I, гл. VII.

I.

Вождь бельгійскихъ социаль-демократовъ Э. Вандервельъ издавъ нѣсколько лѣтъ назадъ брошюру подъ заглавіемъ „Золотая свадьба международнаго социализма“. Теперь пришла и наша очередь—праздновать 50-лѣтнюю годовщину первой вліятельной пропаганды социалистическихъ идей на русской почвѣ, юбилей начала широкой публицистической дѣятельности нашего великаго „лондонскаго изгнанника“ А. И. Герцена.

Въ 1853 г. Герценъ основалъ въ Лондонѣ первую вольную русскую типографію. Благодаря этой типографіи, въ 1855 г., какъ только стали разсѣиваться свинцовыя тучи Николаевскаго царствованія, какъ только между ними показались первые просвѣты, вновь засвѣтила тридцать лѣтъ скрывавшаяся за этими тучами „Полярная Звѣзда“, а въ 1857 г., когда начало налаживаться дѣло русской реформы, оттуда полились призывные удары „Колокола“.

И вотъ теперь какъ разъ исполняется 50 лѣтъ со времени этихъ событій. И какъ въ „юбилейный годъ“ евреевъ, когда погашались сдѣланные за полвѣка долги и отношенія возвращались къ тому, чѣмъ они были въ первый годъ юбилейнаго цикла, такъ и у насъ многое, очень многое вернулось,—конечно, съ значительными отличіями отъ бывшаго прежде. Вернулся Севастополь—съ геройствомъ рядового войска и неспособностью и хищничествомъ распорядителей, вновь и вновь обнажилась вся

---

¹⁾ Часть настоящей статьи была прочитана въ 1906 году, въ качествѣ публичной лекціи, въ Казани, въ Петербургѣ и въ Вышнемъ-Волочкѣ.

правительственная система организованнаго насилія, произошелъ новый переломъ во всемъ настроеніи русскаго общества: явилось опячь сознаніе необходимости радикальныхъ реформъ; заводились крестьяне... Большая историческая волна такъ же регулярно нахлынула на нашу родину, какъ прикатываются къ берегу одна за другой волны на берегу моря—каждая по-своему, каждая въ новомъ, такъ сказать, составѣ, но все же съ роковой правильностью и неизбѣжностью.

И вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ нашего юбилея къ намъ вернулся и Герценъ— правда, въ значительной степени изуродованный нашей цензурой, но все же еще не совсемъ добытый, еще живой ¹⁾: весной 1905 г. вышло (въ 7 томахъ) первое въ Россіи собраніе его сочиненій. Несомнѣнно, въ скоромъ времени Герценъ оживетъ для насъ и окончательно, и мы будемъ имѣть действительно полное и подлинное собраніе всего имъ написаннаго.

II.

Такая личность, такой писатель, какъ Герценъ, не могли, конечно, не привлечь къ себѣ вниманія критики, и она действительно имъ занялась, какъ только оказалась и, поскольку была къ этому виднаго возможность. Надо помнить, что въ теченіе приблизительно сорока лѣтъ самое имя Герцена было строгойшею запрещепо упоминать въ русской печати, такъ что, кто изрѣдка писалъ о немъ, указывали на него намеками, говоря о „властитель думъ“ о „лондонскомъ изгнанникѣ“ или называя его по его литературному псевдониму—Искандеромъ.

Мы имѣемъ очень немного попытокъ понять Герцена въ цѣломъ, дать его общую характеристику. Я остановлюсь здесь не надолго на двухъ попыткахъ этого рода: на статьѣ покойнаго русскаго „самобытника“ Н. Н. Страхова и на пониманіи Дудинской драмы Герцена— проф. С. Н. Булгаковымъ. Оба эти писателя пользуются Герценомъ, въ сущности, лишь какъ средствомъ для выясненія и защиты своихъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій: обоимъ мало дѣла до Герцена, въ немъ самомъ²⁾, до того чтобы охарактеризовать его более или менее объективно.

Н. Н. Страховъ былъ горячимъ защитникомъ русской самобытности, оправдывавшеюся у него теоріей культурно-историческихъ типовъ³⁾ и олушвеннымъ пропагандистомъ и борбимъ

¹⁾ Объ статьѣ подвизать цензуры, въ видахъ цензора г. Соколовъ, см. замѣтку М. Демке въ одномъ изъ „Мѣн. Нашей Жизни“ за 1905 г. и въ „Литературномъ журнале“ въ январь, въ статьѣ „Мира Божьяго“.

²⁾ Теорія эта, созданная, къ стыду для русской самобытности—увѣнчана была неудачей. Мысль эта была перенесена на русскую почву Н. И. Данилевскимъ (книга: „Россия и Европа“). По поводу книги Дани-

Западомъ" необходимости намъ лично повернуться къ Обществу по выражению Александра Толстого.

Развитие народовъ и государства совершается не по общимъ для всѣхъ нихъ социологическимъ законамъ, а по вторичнымъ для нихъ, а именно, историческимъ законамъ, а по вторичнымъ культурно-историческимъ типамъ, говоритъ теорія русской возможности. Внутри каждого типа есть своя логика, своя своя последовательность, базисовъ студеной. Надо видѣть своей до-рой" не протаваться влиянью другихъ типовъ, не заимствуя ничего у чужихъ. Начала дивизации одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ влиянии чужихъ ему предшествующихъ или современныхъ культурныхъ началъ. — Такъ пишеть 3-й историческій законъ (Ленин-девскаго 1).

Теорія культурно-историческыхъ типовъ — съ ея предположе-ниями важными и непоколебимыми (разъ она выработана) особен-ностями каждого типа — есть формула консерватизма на национа-листической подкладкѣ. Она поступаетъ по извѣстному рецепту всѣхъ консервативныхъ теорій: она объявляетъ "благными" и неоходимыми не тѣ отнюдь борьбы и мира, вражды и любви, соперничества и солидарности, которыя мѣняются въ формахъ ихъ проявленія, постепенно все усложняясь и смягчаясь, для-тательно составляють то, что можно называть "вѣчной сущностью"

общества, а мертвыми формами выработанными одною изъ стадій общественнаго процесса, ороговѣвшими эпителами живого социаль-наго организма. Несомнѣнно, было время, когда и эти формы были живыми и плесообразны, когда и она отвѣчала на запросы и потребности момента, — ибо безъ этого она бы вовсе не выработались въ историческомъ процессѣ. Но теперь изменились условия общественности, а съ ними вместе должны измениться и результаты процесса — общественныя формы.

Почетная кличка консерватизма въ сущности, только по недо-разумно монополизировается, тѣмъ направлѣнныя, которые мы называемъ собственно "консервативными". Всякая прогрессивная теорія, всякое стремленіе къ измѣненію въ основѣ своей также консервативны; только они ставятъ своей задачей охраненіе, а результаты "жизненнаго" процесса, не внѣшнихъ формъ, а именно, живыхъ, развивающихся формъ, въ которыя отвѣчаетъ исторія, а охраненіе "человѣка, чело-вѣка и человеческой жизни вообще и тѣхъ отнюдь, при-которыхъ эта жизнь, по меньшей мѣрѣ, не регрессируетъ едн-вообразно, а развивается и обогащается. Обыкновенный же вульгар-ный консерватизмъ, ошибочная форма н

высвѣдно, форма. Ничего, борьба съ западомъ въ нашей культур-но-экономической жизни. Совершенно национальный вопросъ въ Россіи, 2 изд., 1888; П. Н. Милковъ, "Разложеніе славянофильства", 2 изд., 1888; П. Н. Милковъ, "Разложеніе славянофильства", 2 изд., 1888, стр. 166.

Ленин-девскаго 1). Теорія культурно-историческыхъ типовъ — съ ея предположе-ниями важными и непоколебимыми (разъ она выработана) особен-ностями каждого типа — есть формула консерватизма на национа-листической подкладкѣ. Она поступаетъ по извѣстному рецепту всѣхъ консервативныхъ теорій: она объявляетъ "благными" и неоходимыми не тѣ отнюдь борьбы и мира, вражды и любви, соперничества и солидарности, которыя мѣняются въ формахъ ихъ проявленія, постепенно все усложняясь и смягчаясь, для-тательно составляють то, что можно называть "вѣчной сущностью"

общества, а мертвыми формами выработанными одною изъ стадій общественнаго процесса, ороговѣвшими эпителами живого социаль-наго организма. Несомнѣнно, было время, когда и эти формы были живыми и плесообразны, когда и она отвѣчала на запросы и потребности момента, — ибо безъ этого она бы вовсе не выработались въ историческомъ процессѣ. Но теперь изменились условия общественности, а съ ними вместе должны измениться и результаты процесса — общественныя формы.

Почетная кличка консерватизма въ сущности, только по недо-разумно монополизировается, тѣмъ направлѣнныя, которые мы называемъ собственно "консервативными". Всякая прогрессивная теорія, всякое стремленіе къ измѣненію въ основѣ своей также консервативны; только они ставятъ своей задачей охраненіе, а результаты "жизненнаго" процесса, не внѣшнихъ формъ, а именно, живыхъ, развивающихся формъ, въ которыя отвѣчаетъ исторія, а охраненіе "человѣка, чело-вѣка и человеческой жизни вообще и тѣхъ отнюдь, при-которыхъ эта жизнь, по меньшей мѣрѣ, не регрессируетъ едн-вообразно, а развивается и обогащается. Обыкновенный же вульгар-ный консерватизмъ, ошибочная форма н

ный „консерватизмъ“ представляет собою полную параллель такому врачу, который, вмѣсто усиленія жизнѣдѣтельности организма, заботливо сохранялъ бы потъ, углекислоту, слюну и всѣ другіе продукты его отдѣлительныхъ и выдѣлительныхъ функцій.

Итакъ, Страховъ исходилъ изъ теоріи „культурно-историческихъ типовъ“. Въ своемъ стремленіи охранять русскую самобытность Страховъ и началъ умственную борьбу съ Западомъ. „Коренное наше зло—говоритъ Страховъ въ предисловіи къ I книгѣ своей „Борьбы съ Западомъ“¹⁾—состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить своимъ умомъ... Вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы... Намъ слѣдуетъ проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержать въ себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли. Народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего государственнаго корабля, одинъ даетъ этому кораблю его прямое и могучее движеніе... Эту бессознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого могущества, намъ слѣдуетъ привести къ сознанію и ею одушевить наше просвѣщеніе“...

Поэтому для Н. Н. Страхова было въ высшей степени цѣнно всякое проявленіе „борьбы съ Западомъ“. И естественно, что онъ посвятилъ большую статью Герцену, котораго дѣйствительно не трудно, при желаніи, изобразить въ видѣ „борца съ Западомъ“, со всѣмъ Западомъ—безъ различія національностей, общественныхъ группъ и классовъ.

Политическую дѣятельность Герцена Страховъ считаетъ недоуразумѣнимъ со стороны Герцена. „Роль агитатора была,—говоритъ онъ,—неудачная и несчастная роль, принесшая немало вреда намъ, немало горя и раскаянія самому Герцену“... И Страховъ говоритъ о „преступныхъ увлеченіяхъ Герцена, о его измѣнѣ дѣлу русскаго народа, о пагубномъ вліяніи, которое онъ произвелъ на нашу молодежь“... Однако, изъ-за всего этого Страховъ проситъ не забывать другой стороны дѣятельности Герцена—рѣшительнаго „отрицанія имъ европейскихъ началъ“.

„Борьба съ европейскими понятіями—вотъ главная задача и заслуга Герцена... Европа раздѣляется на старую, отживающую, и на новую, передовую, будущую“. Наши обыкновенные западники, продолжаетъ Страховъ, тоже встаютъ противъ Европы, но именно противъ старой, и тѣмъ ревностнѣе стоятъ за новую. Герценъ же намель, что „новая Европа есть прямое, кровное порожденіе старой“ и что, слѣдовательно, надо вообще „низвергнуть этотъ авторитетъ (т. е. Европы, Запада), самый опасный и привлекательный“. Тогда „рушатся всѣ идеальныя построенія

¹⁾ Сборники статей подъ общимъ заглавіемъ: „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“. 3 книги. Спб. 1892 и сл. г.

новаго порядка, окажутся нелѣпыми, невозможными всѣ мечты республиканизма и социализма“¹⁾... Таковы тенденціи Страхова.

Объясняетъ же онъ „борьбу“ Герцена съ Западомъ очень простымъ психологическимъ основаніемъ: Герценъ былъ „пессимистъ“ и потому во всемъ видѣлъ ту изнанку, темную, оборотную сторону, которой не были способны замѣтить другіе.

Такое объясненіе, оторванное отъ общей почвы русской и видѣнной Герценомъ иностранной жизни, сводящее цѣлое крупное общественное явленіе на простую психологическую особенность личности, на психологическій курьезъ, до такой степени поверхностно, что не заслуживаетъ и разбора.

III.

Какъ Страховъ пытается обратить всю дѣятельность Герцена въ аргументъ въ пользу своей излюбленной теории русской самобытности, такъ С. Н. Булгаковъ хочетъ заставить нашего великаго писателя свидѣтельствовать въ пользу реформированнаго православія—въ пользу Достоевскаго и Вл. Соловьева.

При этомъ Булгаковъ повторяетъ очень многія изъ положеній Страхова. „Литература, писательство,—говоритъ Булгаковъ,—собственно и было истиннымъ призваніемъ Герцена,—все остальное явилось для него какъ бы родомъ историческаго недоразумѣнія“, хотя тутъ же прибавляетъ ограничивающее (но въ то же время совершенно противорѣчащее дальнѣйшимъ его же собственнымъ утвержденіямъ) положеніе, что „Герценъ, какъ публицистъ, соединилъ самый пылкій паеосъ гражданина съ трезвостью ума и практичностью требованій“.

Исходное положеніе г. Булгакова („Отъ марксизма къ идеализму“, 161—194) таково: *человѣкъ* въ каждомъ челоѣкѣ составляетъ *религія*, „понимаемая, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: *что* онъ живетъ, что онъ считаетъ для себя самымъ святымъ и дорогимъ, и *какъ* живетъ, какъ онъ служитъ своей святыни“... Булгаковъ утверждаетъ, что Герценъ былъ натурою религіозной—религіознымъ искателемъ, и начинаетъ разсматривать послѣдовательные объекты религіозной вѣры Герцена.

Прежде всего Булгаковъ заявляетъ, что съ точки зрѣнія идеалистической метафизики и положительнаго религіознаго ученія идеаль совершенства находится на „небѣ“, въ области „трансцендентнаго“, и считаетъ такое пониманіе религіознаго идеала *единственно правильнымъ*²⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ При этомъ онъ не замѣчаетъ, что онъ либо впадаетъ въ противорѣчіе съ ранѣе имъ самимъ даннымъ, болѣе широкимъ опредѣленіемъ

собранные г. М. Лемке; моя статья преслѣдуетъ задачу второго рода. Я хочу прослѣдить исторію отношенія Герцена къ соціальному вопросу, намѣтить и связать другъ съ другомъ главные ея этапы. И я имѣю въ виду сдѣлать это съ точки зрѣнія собственно исторической, не обращая Герцена въ средство для пропаганды тѣхъ или другихъ воззрѣній и теорій.

При этомъ я буду только отъ времени до времени касаться собственно *дѣятельности* Герцена и его вліянія на разрѣшеніе текущихъ русскихъ вопросовъ—на освобожденіе крестьянъ и другія реформы. Меня здѣсь больше интересуютъ его воззрѣнія, чѣмъ дѣла, ибо мнѣ кажется, что именно эта сторона часто превратно понималась критиками. Я постараюсь доказать, что Герценъ, во-первыхъ, вовсе не такъ рѣшительно разорвалъ съ Европой, съ ея культурой, ея либерализмомъ и соціализмомъ, какъ это обычно повѣствуется по старой памяти; во-вторыхъ, что Герценъ вовсе не въ такой степени былъ „романтикомъ“ въ политикѣ, какъ опять же думаютъ иногда: въ вопросахъ общественныхъ онъ также былъ, въ концѣ концовъ, въ значительной мѣрѣ „реалистомъ“.

Наконецъ, укажу еще на то, что я меньше останавливаюсь на среднихъ стадіяхъ исторіи общественныхъ воззрѣній Герцена, какъ на болѣе извѣстныхъ, и, напротивъ, стараюсь отгнать крайнія: зачатки соціалистическаго міровоззрѣнія, которые можно найти у Герцена въ юношескій періодъ, и то, что я назвалъ (въ статьѣ въ „Сынѣ Отечества“) „поворотомъ къ реализму“ въ концѣ его жизни.

Гдѣ возможно, я беру характеристики отдѣльныхъ моментовъ или сторонъ дѣятельности Герцена изъ существующей литературы, разъ я нахожу ихъ правильными и удачными...

Сначала я попытаюсь набросать общіе контуры личности и таланта нашего великаго трибуна.

V.

„Немного найдется среди русскихъ людей такихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, жизнь которыхъ по богатству внѣшнихъ событій, по разнообразію впечатлѣній и обилію яркихъ красокъ могла бы сравниться съ жизнью Александра Ивановича Герцена. Какою-то сверкающею полоскою проходитъ она среди замѣчательнѣйшихъ событій русской жизни и европейской исторіи... Обломки придворнаго міра Екатерины, мелькавшіе вокругъ отца Герцена, и отголоски декабрьской драмы 1825 г., московскій университетъ и странствованіе по Перми, Вяткѣ, Владиміру и Новгороду, Бѣлинскій и К. Аксаковъ, Хомяковъ и Чадаевъ, Бакунинъ и Катковъ, Грановскій и Самаринъ,—все это и многое другое составляло содержаніе міра, въ которомъ вращался Герценъ

до 35-лѣтняго возраста... А затѣмъ? Затѣмъ поѣздка въ Европу, бури 1848 г. въ Италію и Францію, „Voix du peuple“, Прудонъ, Викторъ Гюго, Луи Бланъ, бѣгство въ Женеву, переѣздъ въ Лондонъ, Ледрю-Ролленъ, Кошутъ, Мадзини, Ворпель, Марксъ, Гарибальди, Орсини, „Полярная Звѣзда“, „Колоколъ“ и его колоссальный успѣхъ, паломничество выдающихся русскихъ людей на берега Темзы къ „властителю думъ“, польское возстаніе, паденіе „Колокола“, скитальчество по Европѣ и смерть въ Парижѣ¹⁾...

Прибавимъ къ этому сенъ-симонизмъ съ его „новымъ евангеліемъ“ и философію Гегеля, поэзію Шиллера и антропологизмъ Фейербаха, дружбу и вражду съ Огаревымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ, Кавелинымъ, Чичеринымъ, Чернышевскимъ...

И рядомъ со всѣмъ этимъ, въ основѣ всего этого—богатая, яркая личная жизнь, дававшая Герцену своими сложными и запутанными переливами то огромное счастье и чувство необычайной полноты существованія, то ощущенія муки, раскаянія, невозвратимыхъ утратъ и безпросвѣтнаго сиротства и одиночества...

Наконецъ, удивительный литературный талантъ, въ которомъ эпиграмма слита съ лиризмомъ, юморъ съ горечью негодованія, риторика съ самой подлинной непосредственностью... Таланту этому были доступны и популяризаціи отвлеченныхъ темъ, и написанныя прозрачнымъ языкомъ повѣсти, гдѣ бьется и стонетъ сама жизнь, и рецензіи книгъ и театральныхъ представленій, и публицистическія статьи, и прокламаціи... Высшаго своего расцвѣта талантъ этотъ, какъ всѣ согласны, достигъ въ удивительныхъ мемуарахъ Герцена—въ его знаменитомъ „Быломъ и Думахъ“...

Каково же внутреннее содержаніе этой богатой и интересной жизни?

Вѣдь на даромъ авторъ одной изъ газетныхъ статей, написанныхъ по поводу выхода въ свѣтъ изданія сочиненій Герцена²⁾, говоритъ, что изъ бывшихъ доселѣ нелегальными русскихъ писателей многіе выше Герцена по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія они могутъ сообщить, но нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы равное съ нимъ *воспитывающее* вліяніе.

Нѣкоторые изъ критиковъ приписываютъ это воспитывающее вліяніе сочиненій Герцена, повидимому, преимущественно тому, что Герценъ въ высшей степени ярко переживалъ свои впечатлѣнія и чувства, думы и настроенія и блестяще выражалъ эти переживанія. Такъ, проф. Овсяннико-Куликовскій относитъ Герцена „къ числу тѣхъ избранниковъ, къ которымъ по преимуществу относится вѣщее слово Шиллера:

¹⁾ В. Богучарскій. „Изъ прошлаго русскаго общества“, стр. 140—141.

²⁾ Г. Горнфельдъ въ „Сынѣ Отечества“.

„Wer hat gelebt für seine Zeit.“
 „Der hat gelebt für alle Zeiten!“

проборъ гласъ въ гласъ: „Гласъ А...“
 „Гласъ В...“
 „Гласъ С...“

Въ этой характеристике истины, впрочем, не следует упускать из виду и то, что Гертцен, давая определение, в то же время и критикует свое определение, отзываясь на все вопросы жизни, „минутная жизнь“

Однако по моему убеждению одной этой черты мало. В Гертцена необходимо отметить и нечто другое: поразительно умственную чуждость и истинное творчество его живой мысли — позволявшая ему не просто жить, а полностью жить своим временем пассивно (хотя и ярко) отражая в или других настроениях и течениях своей эпохи, но делаящая его *активным* творцом. Острейшим и поперек новых течений жизни, новых путей мысли и жизни. Он отзывался не только на настоящее, но и на будущее, был не только баловнем современности, но и провокатор и страдальцем грядущего.

При всем этом „романтизм“ молель, который его часто упрекают (и проф. Овсинник-Куликовский в статье в „Нашей жизни“), Гертцен часто поражает глубиной своего осмысления счастья, интуитивного понимания вопросов, с которыми он сталкивался. Благодаря этому, Гертцен и до сих пор, в сущности, еще очень мало устаревает в своих основных выступлениях и настроениях. Устарело в нем по большей части, так сказать, „выводное“; но рядом с этим как много свежести и живости в суждениях, в основном.

В заключение хочется сказать, что Гертцен, в своем „Минутном“ в сущности и в основном, по общему мнению, является одним из величайших представителей европейской культуры XIX века.

В заключение хочется сказать, что Гертцен, в своем „Минутном“ в сущности и в основном, по общему мнению, является одним из величайших представителей европейской культуры XIX века. Его философия, его философия, его философия... (здесь текст сильно искажен и неразборчив)

1) В „Воспоминаниях“ Гертцена о Гертцене.
 2) В 7-й главе 1 части „Выхода из жизни“.

науку и при таком же великом человеке и просвѣщенномъ царе-родителе, какъ Герценъ, нисколько не реализованъ. И эти логические выводы изъ давно принятыхъ посылокъ являются, какъ говоритъ Герценъ, «пробными камнями брошенными на путяхъ революцiи и научнаго безстрашия» принятымъ этими принципами люди твердые и сильные отделяются отъ людей, хотя бы и благородныхъ, умныхъ и добрыхъ, но не рѣшающихся идти до конца, до послѣднихъ логическихъ выводовъ изъ своихъ же собственныхъ посылокъ... «Именно эти люди отъ себя отказываются...»

И первый въ Россiи умелъ смѣлостью перейти отъ либерализма къ социализму и отъ науки къ реализму — именно Герценъ. Рядомъ съ нимъ и отчасти послѣ него влиятельно шли Блѣйский и Огаревъ. А если мы прибавимъ къ этимъ имена еще имена Бакунина, перешедшаго къ социализму (анархическому) позже ихъ, то у насъ будутъ почти всѣ русскiе социалисты перваго поколѣнiя — изъ людей 40-хъ годовъ.

И въ то время, когда въ Европѣ и въ Америкѣ уже было эпохой въ которую побѣда въ общественной борьбѣ приваляла въ обществу либерализма, Русскiй либерализмъ существовавшiй въ Европѣ постоянно и вравнѣе остальныхъ развитыхъ странъ въ началѣ XIX столѣтiя, въ Россiи въ началѣ XIX столѣтiя не имѣлъ возможности назваться эпохой русскаго либерализма, безпримѣрно слабѣе либерализма въ Европѣ и въ Америкѣ. Либерализмъ въ Европѣ и въ Америкѣ въ началѣ XIX столѣтiя имѣлъ возможность назваться эпохой русскаго либерализма, безпримѣрно слабѣе либерализма въ Европѣ и въ Америкѣ. Либерализмъ въ Европѣ и въ Америкѣ въ началѣ XIX столѣтiя имѣлъ возможность назваться эпохой русскаго либерализма, безпримѣрно слабѣе либерализма въ Европѣ и въ Америкѣ.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ въ среднѣй образованной средѣ, въ средѣ совсѣмъ молодыхъ студентовъ университетовъ, въ большинствѣ принадлежавшихъ къ среднему дворянству, начинается новая жизнь — зародыши новаго общественнаго движения...

Съ начала 30-хъ годовъ въ Московскомъ университетѣ начинаютъ образовываться студенческiе кружки, интересующiеся общественными вопросами. Первымъ изъ такихъ кружковъ былъ

тотъ, который группировался около студента Сунгурова ¹⁾. Вскорѣ послѣ сунгуровскаго образуются кружки Герцена и Станкевича. Въ кружкѣ Станкевича, занимавшемся сначала преимущественно эстетическими и философскими вопросами, главными членами были, кромѣ самого Станкевича, М. Бакунинъ и Бѣлинскій, позже Грановскій и В. П. Боткинъ. Около Герцена группировались Огаревъ, Сатинъ, Сазоновъ, Кетчеръ, братья Пассеки ²⁾. Здѣсь интересовались преимущественно „вопросами жизненными и чисто практическими“. Однимъ изъ авторитетовъ этого кружка былъ Сень-Симонъ, великій мыслитель начала XIX в.—человѣкъ, созданный изъ гениальности и странностей.

Герценъ самъ рассказываетъ въ „Быломъ и Думахъ“, какъ онъ, а съ нимъ и его ближайшіе друзья постепенно пришли къ сень-симонизму. На богатую и уже съ ранняго дѣтства подготовленную къ протесту почву падаютъ сѣмена, занесенныя декабрьской бурей, и въ пылкой душѣ мальчика загорается „дѣтскій либерализмъ“, питавшійся уроками француза Бушо и русскаго студента изъ семинаристовъ И. Е. Протопопова, дружбой и бесѣдами съ „корчевской“ кузиной ³⁾ и Огаревымъ, чтеніемъ Шиллера и Бомарше, Пушкина и Рылѣева... Революція 1830 г. усилила и развила это настроеніе (Герцену было тогда 18 лѣтъ). „Славное было время,—пишетъ онъ,—событія неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Гюлируда, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался, какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ... Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Лафайетомъ и за генераломъ Ламаркомъ; мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты...“

Но вотъ революціонная волна схлынула... Оказалось, что до Россіи она почти не докатилась, да и на Западъ унесла далеко не такъ много, какъ надѣялись, какъ желали. И это разочарованіе заставило Герцена сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ въ

¹⁾ Преслѣдованія, постигшія членовъ этого кружка, рассказаны Герценомъ. „Ихъ обвинили въ *наптрениі* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за то ихъ отправляли въ солдаты въ Оренбургъ“ („Былое и Думы“, ч. I, гл. VI). Тамъ же Герценъ рассказываетъ объ отношеніяхъ своего кружка къ сосланнымъ сунгуровцамъ и о трагической судьбѣ Сунгурова, который послѣ неудачнаго побѣга сдѣлалъ попытку перерѣзать себѣ горло, а затѣмъ былъ сосланъ въ каторжные работы и умеръ въ Нерчинскѣ.

²⁾ Пассеки были лично близки съ Герценомъ, но интересы наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ—Вадима—скоро ушли въ другую сторону,—онъ углубился въ изученіе русской исторіи.

³⁾ Впослѣдствіи (Татьяной Петровной) Пассекъ.

своимъ міровоззрѣніи, поглядѣть на дѣло глубже. „Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія,—говоритъ Герценъ 1),—быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ, и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политической и лозунгъ, дѣла идутъ неладно... Теоріи наши становились намъ подозрительны. Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу...“ Тогда часть московской молодежи изъ товарищей Герцена засѣла за „глубокое и серьезное изученіе русской исторіи“; другая бросилась изучать нѣмецкую философію. „Мы съ Огаревымъ,—говоритъ Герценъ,—не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобы скоро поступиться ими...“ И вотъ, въ этотъ-то моментъ, „середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ...“

Дѣло было сдѣлано: началась новая эпоха въ душевной жизни Герцена и его друзей, а черезъ нихъ—и въ жизни всего русскаго народа.

„То, что мы называемъ экономическимъ матеріализмомъ,—говоритъ авторъ біографіи Герцена В. Д. Смирновъ,—ведетъ свое существованіе, въ сущности, отсюда. Сенъ-Симонъ первый провозгласилъ, что наука и промышленность, трудъ и знаніе, а не что-нибудь другое, являются основами современности, что они ~~п~~ають общественную жизнь, опредѣляютъ ея богатство или бѣдность, счастье или несчастье отдѣльныхъ людей. Къ наукѣ С.-Симонъ относился съ чисто религіознымъ уваженіемъ: онъ ставилъ Ньютона выше пророковъ, principles—выше Библии. Онъ требовалъ, чтобы государство обезпечивало ученыхъ и дало имъ ту власть, то значеніе, которымъ пользуются государи и министры. Праздникъ въ честь Ньютона долженъ былъ сдѣлаться праздникомъ всего человѣчества.

„Прибавьте къ этому рѣзкія выходки противъ аристократіи и духовенства, требованіе, чтобы жизнь служила полезному, а не мистическому, чтобы всякій пользовался уваженіемъ и занималъ мѣсто сообразно своимъ дѣламъ и заслугамъ передъ обществомъ; прибавьте рѣзкій языкъ, раздраженную фантазію, неподдѣльную ненависть, тонъ пророка, иронію искренней злобы, — и вы поймете, почему горячій, обуреваемый жаждой дѣятельности Герценъ такъ увлекся сенъ-симонизмомъ“ 2).

1) „Вылое и Думы“, ч. I, гл. 7.

2) В. Д. Смирновъ. „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена“ (Спб., 1897) стр. 49.

Изъ сочиненій Сень-Симона особенный эффектъ производила небольшая статья подъ названіемъ „Парабола“, съ злымъ остроуміемъ и классической ясностью иллюстрирующая любимую мысль Сень-Симона о противоположности между нетрудящимися и трудящимися классами общества. Надо замѣтить, что Сень-Симонъ въ составѣ своихъ „трудящихся“ классовъ не различалъ хозяевъ-предпринимателей отъ рабѣчихъ; къ трудящимся онъ относилъ всѣхъ вообще прикосновенныхъ къ какой бы то ни было индустріи. Только ученики С.-Симона—правда, уже очень скоро послѣ его смерти—стали различать среди индустріальныхъ классовъ капиталистовъ и рабочихъ.

Чтобы дать болѣе отчетливое понятіе объ этомъ важномъ фазисѣ духовной жизни Герцена, я приведу существенное содержаніе „Параболы“¹⁾.

Въ „Параболѣ“ Сень-Симонъ разсматриваетъ результаты двухъ слѣдующихъ предположеній. „Мы предполагаемъ,—говоритъ онъ,—что Франція вдругъ потеряетъ своихъ 50 первыхъ физиковъ, своихъ 50 химиковъ... (далѣе идетъ длинный списокъ профессій. *В. И.*)—всего 3,000 человекъ своихъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ...“ Что тогда будетъ? Тогда „нація сдѣлается тѣломъ безъ души... она упадетъ въ состояніе низшее сравнительно съ тѣми націями, съ которыми она теперь соперничаетъ, и она останется ниже ихъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградитъ своей потери, пока у нея не вырастетъ голова...

„Перейдемъ къ другому предположенію. Допустимъ, что Франція сохраняетъ всѣхъ гениальныхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, но что она имѣетъ несчастье потерять въ одинъ день мосея королевскаго брата, монсеньера герцога ангулемскаго, монсеньера герцога беррійскаго, монсеньера герцога орлеанскаго, монсеньера герцога бурбонскаго, герцогиню ангулемскую, герцогиню беррійскую, герцогиню орлеанскую, герцогиню бурбонскую и мадемуазель Конде. И пусть она потеряетъ въ то же время всѣхъ великихъ офицеровъ короны, всѣхъ министровъ государства, всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, всѣхъ рекетмейстеровъ, маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, великихъ викаріевъ и канониковъ, всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ чиновниковъ министерствъ, всѣхъ судей и, кромѣ того, десять тысячъ собственниковъ самыхъ богатыхъ изъ тѣхъ, которые ведутъ благородный образъ жизни.

„Этотъ несчастный случай, безъ сомнѣнія, весьма опечалитъ французовъ, потому что они добры. Но эта потеря причинитъ имъ печаль по причинамъ, исключительно зависящимъ отъ ихъ чув-

¹⁾ „Парабола“ почти цѣликомъ напечатана по-русски у г. Щеглова въ „Исторіи социальныхъ системъ“. Спб. 1871.

ствительности, потому что изъ этого несчастнаго случая не произойдетъ никакого политическаго зла для государства.

„Во-первыхъ, потому, что будетъ очень легко замѣстить всѣ эти мѣста, сдѣлавшіяся вакантными: есть множество французъ, которые были бы въ состояніи столь же хорошо исполнять обязанности королевскаго брата, какъ и мосье; многіе столь же способны замѣнить мѣсто принцевъ, какъ и монсеньеръ герцогъ ангулемскій, монсеньеръ герцогъ орлеанскій, монсеньеръ герцогъ бурбонскій; многія французенки были бы столь же хорошими принцессами, какъ герцогиня ангулемская, какъ герцогиня беррійская, какъ герцогиня орлеанская, бургонская и Конде. Прихожія замка наполнены придворными, готовыми занять мѣста великихъ офицеровъ короны; армія имѣетъ множество военныхъ, которые были бы столь же хорошими предводителями войска, какъ и нынѣшніе маршалы. Какъ много приказчиковъ (commiss), которые стоятъ нашихъ государственныхъ министровъ!.. Что же касается до десяти тысячъ собственниковъ, живущихъ благороднымъ образомъ, то ихъ наслѣдники не имѣли бы нужды ни въ какомъ ученіи, чтобы дѣлать въ своихъ салонахъ приемы гостей столь же хорошо, какъ и они сами.

„Благосостояніе Франціи не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ вслѣдствіе успѣха наукъ, искусствъ и ремесель; но принцы, великіе офицеры короны, епископы, маршалы Франціи, префекты и праздные собственники не трудятся прямымъ образомъ для успѣха наукъ, искусствъ и ремесель; мало того, они даже вредятъ успѣху ихъ, потому что усиливаются придать перевѣсъ предположительнымъ теоріямъ надъ знаніями положительными; они необходимо вредятъ благосостоянію націи, лишая ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ первой степени уваженія, которая имъ принадлежитъ законнымъ образомъ; они ему вредятъ потому, что употребляютъ свои денежныя средства такимъ образомъ, который прямымъ путемъ не полезенъ для наукъ, искусствъ и ремесель; они ему вредятъ потому, что изъ налоговъ, платимыхъ народомъ, они ежегодно берутъ отъ трехсотъ до четырехсотъ милліоновъ подъ именемъ жалованья, пенсіоновъ, наградъ, вознагражденій и т. п. въ плату за свои труды, которые бесполезны для націи“.

Все это, по мнѣнію С.-Симона, доказываетъ, что современное общество имѣетъ порядокъ совершенно превратный, „потому что нація допустила, какъ основной принципъ, то, что бѣдные должны быть великодушны относительно богатыхъ, вслѣдствіе чего люди недостаточные ежегодно тишаютъ себя необходимымъ, чтобы увеличить излишекъ большихъ собственниковъ; потому что наиболѣе виновные, главные воры, тѣ, которые даютъ всю массу гражданъ, которые отнимаютъ у нихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ милліоновъ ежегодно, имѣютъ обязанность

наказывать незначительные проступки против общества; потому что невѣжество, суевѣріе, лѣнность и склонность къ удовольствіямъ составляютъ принадлежность лицъ, поставленныхъ во главѣ общества, а люди, способные, трудолюбивые и бережливые поставлены въ положеніе подчиненное, служатъ только орудіями въ рукахъ первыхъ; потому что, наконецъ, во всѣхъ родахъ занятій люди неспособные управляютъ людьми способными, а въ отношеніи нравственномъ люди безнравственные призваны къ тому, чтобы насаждать и укрѣплять добродѣтель въ обществахъ“.

Надо замѣтить, что самъ Герценъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сень-симонизмѣ ихъ, московскую молодежь 30-хъ годовъ, поразили всего болѣе не эти идеи, а идеи освобожденія женщины и реабилитаціи плоти. Такая постановка Герценомъ социальныхъ интересовъ своего кружка на второй планъ сравнительно съ идеалами, скажемъ, „просвѣтительными“, можетъ быть, является нѣкоторымъ преувеличеніемъ или ошибкой памяти съ его стороны. Что „новый міръ“ не сводился преимущественно на идеи освобожденія женщины и реабилитаціи плоти, это видно и изъ огромной популярности въ кружкѣ Герцена той же „Пароболы“, и изъ общаго уже тогда интереса у членовъ кружка ко всѣмъ широкимъ общественнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что и гуманно-просвѣтительныя идеи сень-симонистовъ имѣли въ глазахъ этой молодежи большое значеніе. „Поверхностные и непверхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Анфанте-номъ ¹⁾ и надъ его апостолами“—надъ этими „предтечами социализма...“ „Торжественно и поэтически являлись среди мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отроченными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ своей судъ старый порядокъ вещей... Съ одной стороны, *освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судь въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ... Съ другой, оправданіе, *искупленіе* плоти, *rehabilitation de la chair!*... Великія слова, заключающія въ себѣ (цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый... Религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя; человекъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, съ нимъ спаянный, исчезъ... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворились ему. Сень-симонизмъ легъ въ

¹⁾ Глава правовѣрныхъ сень-симонистовъ.

основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ.

„Удобовпечатлимые, искренно молодые, мы легко были подхвачены мощной волной и рано переплыли тотъ рубежь, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду—черезъ море!“

VIII.

И Герценъ рассказываетъ о томъ, какъ эти новыя-возврѣнія отдѣлили ихъ отъ представителей прежняго поколѣнія, которыхъ онъ прямо называетъ „либералами“, и отъ части ихъ собственныхъ сверстниковъ, — объ этомъ коренномъ переломѣ своей эпохи.

„Не всё рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки. Группы пловцовъ, прибитыя волнами событій или мышленіемъ къ этимъ скаламъ, немедленно разстаются и составляютъ двѣ вѣчныя партіи, которыя, мѣняя одежды, проходятъ черезъ всю исторію, черезъ всё перевороты... Одна представляетъ логику, другая исторію, одна діалектику, другая эмбриогенію. Одна изъ нихъ *правда*, другая *возможность*“.

Важень и глубоко былъ этотъ разрывъ; изъ-за него расходились ближайшіе, задушевные друзья: изъ-за несогласія въ вопросахъ религіозно-философскихъ Герценъ разстался позже съ Грановскимъ, изъ-за вопросовъ общественныхъ — съ Кавелинымъ, Тургеневымъ и многими другими.

Вопросы эти уже въ 30-хъ годахъ начали раскалывать дотогѣ болѣе или менѣе однородную среду... Нѣкоторые уходили; но тогда „кругъ нашъ еще тѣснѣ сомкнулся,—говоритъ Герценъ.— Уже тогда, въ 1833 г., *либералы* ¹⁾ смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги“.

Передъ самой тюрьмой сенъ-симонизмъ поставилъ рубежь между Герценомъ и Н. А. Полевымъ. И Герценъ даетъ короткую, но вполне отчетливую характеристику личности Н. Полевого и рассказываетъ въ высшей степени многозначительный разговоръ свой съ нимъ. „Полевой былъ человѣкъ необыкновенно ловкаго ума, дѣятельнаго, легко претворяющаго всякую пищу; онъ родился быть журналистомъ, лѣтописцемъ успѣховъ, открытій, политической и ученой борьбы. Этотъ-то человѣкъ... при всей живости своего ума, не могъ понять сенъ-симонизма. Для насъ сенъ-симонизмъ былъ откровеніемъ; для него—безуміемъ, пустой утопией, мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ

1) Курсивъ Герцена.

глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно до-
вадна оппозиція, дѣлаемая студентомъ; онъ очень дорожилъ
своимъ вліяніемъ на молодежь и въ этомъ преніи видѣлъ, что
она ускользаетъ отъ него. Одинъ разъ, оскорбленный невлѣ-
постью его возраженій, говоритъ Герценъ, я, ему замѣтилъ, что
онъ такой же отсталый консерваторъ, какъ тѣ, противъ кото-
рыхъ онъ всю жизнь сражался... Полевой глубоко обидѣлся
моими словами и, качая головой, сказалъ мнѣ: „Придетъ время,
и вамъ въ награду за дѣлую жизнь усилій и трудовъ какой-ни-
будь молодой человекъ, улыбаясь, скажетъ: ступайте прочь, вы
отсталый человекъ...“

Такъ отчетливо намѣтился уже въ первой половинѣ 30-хъ
годовъ расколъ тѣхъ, кого Герценъ называетъ либералами, и тѣхъ,
которые позже пришли къ социализму.

IX.

Въ іюль 1833 г. Герценъ сдалъ экзаменъ на кандидата фи-
зико-математическаго отдѣленія философскаго факультета москов-
скаго университета; а черезъ годъ—въ ночь съ 19-го на 20-е
іюля 34 г.—былъ арестованъ у себя на квартирѣ... История ареста
обстоятельно рассказана по новымъ даннымъ г. Лемке въ „Мірѣ
Божьемъ“ за текущій годъ.

Десять мѣсяцевъ просидѣлъ Герценъ въ одиночномъ заклю-
ченіи; въ маѣ 1835 г. онъ поѣхалъ въ ссылку въ Пермь, а оттуда
въ скоромъ времени былъ переведенъ въ Вятку и въ концѣ
1837 г. во Владимірѣ. Наконецъ, въ 1840 г. Герценъ вернулся
въ Москву. Въ годы изгнанія социалистическое мировоззрѣніе Гер-
цена не дѣлало дальнѣйшихъ шаговъ; за эти пять лѣтъ его глав-
ное вниманіе занимали личные и семейныя дѣла (въ 1838 г. онъ
женился), скромныя культурныя начинанія въ провинціи;
наконецъ, по нему прошла въ это время, подъ вліяніемъ жены,
полоса религіозности.

Въ Москвѣ въ 1840 г. Герценъ нашелъ многое измѣнившимся
съ момента своей ссылки. Разгорѣлись уже тѣ знаменитые споры,
которые раскололи московскую мыслящую молодежь на два вра-
ждебныхъ стана: на „славянъ“ и „западныхъ“¹⁾. „Друзья Станке-
вича были на первомъ планѣ; Бакунинъ и Бѣлинскій стояли въ
ихъ главѣ, каждый съ томомъ гегелевской философіи въ рукахъ
и съ юношеской нетерпимостью..., безъ которой нѣтъ кровныхъ,
страстныхъ убѣжденій“...

¹⁾ Герценъ указываетъ („Былое и Думы“, часть IV, гл. 30), что споры
эти начались съ появленія знаменитаго „Философическаго письма“
П. Я. Чаадаева. Особенно же острый характеръ приняла борьба послѣ
появленія критическихъ статей Бѣлинскаго.

Извѣстна та превосходная, блестящая юморомъ картина, въ которой изображаетъ Герценъ увлеченіе этого кружка философіей Гегеля. „Толковали о Феноменологіи и Логикѣ Гегеля безпрестанно. Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, въ двухъ Эстетики, Энциклопедіи и проч., который не былъ бы взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и о ея *по-себѣ бытіи*“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, паденія листовъ въ нѣсколько дней“... Молодые философы принимали и тотъ условный языкъ, который астрономъ Перевощиковъ называлъ „птичьимъ“...

И вотъ, попавъ въ этотъ кругъ, Герценъ начинаетъ чувствовать необходимость „пить изъ самаго источника“—*ex ipsa fonte bibere*—и серьезно садится за изученіе Гегеля.

Когда онъ привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методомъ, онъ сталъ замѣчать, что Гегель гораздо ближе къ „нашему возрѣнію“ (говоритъ про себя и своихъ Герценъ), чѣмъ къ возрѣнію своихъ послѣдователей¹⁾. (Характерное совпаденіе: это увлеченіе Гегелемъ Герценъ пережилъ какъ разъ одновременно съ Марксомъ, который именно въ эти годы прошелъ черезъ школу Гегеля). „Философія Гегеля—алгебра революціи,—говоритъ Герценъ,—она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя“²⁾. И Герценъ высказываетъ мнѣніе, что человѣкъ, *не пережившій* Феноменологіи Гегеля и противорѣчій политической экономіи Прудона³⁾, не перешедшій черезъ этотъ горъ и закалъ, не полонъ, не современенъ“.

¹⁾ Вѣроятно, Герценъ имѣетъ здѣсь въ виду такъ называемыхъ „правыхъ гегелианцевъ“, склонявшихся въ вопросахъ религіозныхъ къ ортодоксіи и супранатурализму и въ общемъ сочувствовавшихъ ученіямъ церкви. „Лѣвые гегелианцы“ придерживались, какъ извѣстно, пантеизма, не признавали безсмертія *индивидуальнаго* духа, а богочеловѣчество понимали, какъ идею челоуѣчества.

²⁾ Характерно, что и тутъ Герценъ выдвигаетъ на первый планъ не собственно социальную, а культурно-освободительную сторону вопроса (какъ и раньше—въ отзывѣ о сенъ-симонизмѣ).

³⁾ Это писано въ 50-хъ годахъ. Прудономъ Герценъ занимался позже, чѣмъ Гегелемъ. Вопросъ о вліяніи Прудона на Герцена долженъ составить предметъ цѣлаго особаго изслѣдованія. Въ „Дневникѣ“ Герцена мы находимъ слѣдующія мѣста о Прудонѣ: „3-го дек. 1844 г. Наконецъ, я дочиталъ брошюру Прудона „*О собственности*“. Прекрасное произведеніе, не только не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется, для

Извѣстно, что на почвѣ пониманія гегелевской философіи у Герцена, быстро пришедшаго къ революціоннымъ выводамъ изъ нея, произошло рѣзкое столкновение съ Бѣлинскимъ, который въ это время (1840 г.) проходилъ одинъ изъ внутренне-необходимыхъ фазисовъ своей внутренней жизни—примиреніе съ конкретной дѣйствительностью. „Бѣлинскій... проповѣдывалъ тогда,—говорить Герценъ,—индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ; въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста“... И когда Герценъ, „думая поразить его своимъ революціоннымъ ультиматумомъ“, сказалъ, что, исходя изъ такой точки зрѣнія, можно „доказать, что и самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно“, Бѣлинскій отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія“ и прочелъ *Бородинскую годовщину* Пушкина. Начались страстные споры; а когда Бѣлинскій, уже переѣхавъ жить въ Петербургъ, „далъ послѣдній залпъ статей, которую назвалъ „Бородинской годовщиной“, Герценъ прервалъ съ нимъ всѣ сношенія“... 1).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же 1840 году, переѣзжаетъ въ Петербургъ и Герценъ съ женой. Огаревъ устроилъ ему свиданіе съ Бѣлинскимъ, на которомъ они объяснились. „Ваша взяла,—сказалъ Бѣлинскій,—три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, чѣмъ всѣ доводы“... „Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго мы шли съ нимъ рука въ руку“—заключаетъ Герценъ 2).

думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными социальными вопросами главный тезисъ его не новъ; но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ“... „28-го февр. 1845 г. De la création dans l'ordre de l'humanité... чрезвычайно замѣчательное явленіе... Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе... Вездѣ яркихъ мыслей... Самая лучшая часть—это его доказательство невозможности религіи въ „будущемъ“ и т. д.

1) Исторія съ тезисомъ „все дѣйствительное разумно“ и положеніе въ этомъ спорѣ Бѣлинскаго обстоятельно выяснено г. *Белтовымъ* въ статьѣ „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“ (въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“) и *П. Н. Милоковымъ* („Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“).

2) И Герценъ прибавляетъ здѣсь нѣсколько превосходныхъ страницъ • Бѣлинскомъ, котораго онъ совершенно справедливо считаетъ „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ николаевскаго періода“. „Бѣлинскій,—говоритъ онъ,—вовсе не оставилъ, вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля, его философію. Совсѣмъ напротивъ: отсюда-то и начинается его живое, мѣткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными... Послѣ либерализма, кой-какъ пережившаго 1825 годъ въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстрадавшее, желчное отрицаніе и страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго“... („Было

Куда же, по какому пути шли рука объ руку эти двѣ „центральныйя“ натуры московскихъ кружковъ того времени? („натурою центральною“ опредѣлили Бѣлинскаго Тургеневъ, но проф. Овсяннико-Куликовскій справедливо указываетъ, что въ извѣстномъ смыслѣ и Герценъ былъ натурою центральною не меньше Бѣлинскаго).

Относительно Бѣлинскаго мы это знаемъ изъ его собственныхъ заявленій. „Я теперь въ новой крайности,—пишетъ онъ Боткину 8-го сент. 1840 г.—Это идея соціализма, которая стала для меня идеей идей... альфой и омегой вѣры и знанія... Она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь мою жизнь, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни“...

Въ общемъ по тому же пути шелъ въ эти годы и Герценъ. Кромѣ того, въ это время онъ выработывалъ себѣ изъ споровъ въ московскихъ кружкахъ основы того компромисса между западничествомъ и славянофильствомъ, который легъ потомъ въ основаніе его народническаго соціализма.

Вл. Ивановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

и Думы“, ч. IV, гл. 25). Г. Плеханову пришлось въ своей защитѣ Бѣлинскаго отъ разныхъ „мудрецовъ“, въ сущности, вернуться къ тому, что было много лѣтъ назадъ сказано Герценомъ.

Посв. В. * * *

Вы подарили мнѣ цвѣты,
Цвѣты зимы,—двѣ бѣлыхъ хризантемы.
Онѣ, какъ снѣжный день, и холодны, и нѣмы,
Но хороши, какъ гордыя мечты.

Вы говорили мнѣ шутя,
Что у меня онѣ завянуть скоро,—
Капризные, чужихъ онѣ не любятъ взоровъ...
Я ихъ взяла, смущаясь, какъ дитя.

Минули дни... Подъ ласкою моею
Въ любимомъ уголкѣ моемъ не вянетъ вашъ цвѣтокъ,
Я каждый робкій лепестокъ
Съ глубокой нѣжностью лелѣю.

Смотрю лишь изрѣдка, украдкою на нихъ—
Пусть не тревожатъ ихъ и любящіе взоры...
Но... расточая имъ всю страстность ласкъ моихъ,
Не забываю я—онѣ завянуть скоро!

О. Боголюбова.

Изъ исторіи внѣшней политики самодержавія.

I.

Въ XVII ст. западно-европейскіе народы пустились въ океанскія страны за добычей золота, и стали тамъ попутно съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ отбивать другъ у друга открывшіеся имъ новые рынки. Въ это же приблизительно время торговая Россія, охваченная этимъ меркантильнымъ духомъ, тронулась въ Индію. Тогда уже (1669—1672 гг.), повѣствуютъ нѣкоторые документы московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, два астраханца, братья Семень и Борисъ Пазухины ¹⁾, достигли со своими людьми Кабуль, откуда и пустили по всей Руси слухъ о сказочныхъ индійскихъ богатствахъ, за каковыми сейчасъ же (1675 г) погнался, увы, неудачно, Алексѣй Михайловичъ. Исправить его неудачу взялся нѣсколько позже давно уже рѣшившій сдѣлаться хозяиномъ Средней Азіи Петръ Великій, отправившій (въ 1717 г.) съ этой цѣлью въ Хиву экспедицію въ 2500 человекъ съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, которому онъ и ставитъ, между прочимъ, главной задачей отысканіе въ средне-азиатскихъ степяхъ удобнаго торговаго пути между Каспійскимъ моремъ и Индіей; экспедиція эта была цѣликомъ истреблена непріателемъ. Такую же задачу, и съ такимъ же неуспѣхомъ выполненную, ставитъ онъ и Бековичу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи 6000 человекъ. Но несмѣтныя индійскія богатства неудержимо влекутъ къ себѣ Петра, и въ 1772 г. онъ самолично съ 40000 арміею предпринимаетъ набѣгъ на Персію, лишивъ ее на сей разъ Баку и Дербенда. Его примѣру слѣдуетъ Екатерина II, она намѣревается предпринять въ 1796 году походъ на Индію, но, къ удовольствію англичанъ, изъ-за ея смерти онъ остается

¹⁾ Приблизительно двумя вѣками раньше подобное же путешествіе предпринялъ тверякъ Афанасій Никитинъ, похожденія котораго изложены въ написаніе Офонаса Тферетина, купца, что былъ въ Индіи 4 года сказываютъ съ Василіемъ Папинимъ.

невыполненнымъ. Тогда Бонапартъ, первый консулъ Франціи, предлагаетъ вниманію ея сына, Павла, проектъ совмѣстной кампаніи въ Индію, но отъ него, въ силу начатой имъ въ промежуткѣ войны съ Австріей, вскорѣ самъ отказывается, предоставивъ своему союзнику дѣйствовать на свой собственный рискъ и страхъ. 11 января 1801 года выступилъ изъ Оренбурга по дорогѣ въ Индію атаманъ донскаго казачества князь Орловъ съ 22,500 казаками, какъ вдругъ Павелъ „умеръ“. Его наслѣдникъ Александръ I вернулъ Орлова обратно, чтобы черезъ семь лѣтъ, по совѣту Наполеона, уже императора, снова приняться все за ту же Индію.

Такъ правящая Россія съ давнихъ уже поръ и по сей часъ мечтаетъ, въ общемъ до самаго послѣдняго времени съ довольно большимъ успѣхомъ, объ азиатскомъ рынкѣ, мѣняя лишь отъ времени до времени, и смотря по обстоятельствамъ, точку приложенія своихъ военныхъ силъ.

Одною изъ такихъ точекъ былъ въ 1877 году Балканскій полуостровъ, возстановившій, подобно Константинополю (въ крымскую кампанію), противъ Россіи всю западно-европейскую буржуазію. На берлинскомъ конгрессѣ, куда официальная Россія была приглашена Европой для совершения надъ ней экзекуціи, русское правительство, при каждомъ новомъ прикосновеніи дипломатической розги къ его политическому тѣлу, шагъ за шагомъ сокращало свои претензіи, слезно при этомъ умоляя, въ лицѣ своего представителя князя Горчакова, оставить за нимъ Эрзерумъ, Баязетъ и Батумъ, необходимые Россіи, по словамъ Горчакова, для преуспѣянія русско-персидскихъ торговыхъ сношеній.

И, дѣйствительно тамъ, въ Персіи, и въ лежащихъ между нею и Каспійскимъ моремъ гсударствахъ русскій торгово-промышленный людъ давно уже стремился заложить начало своей будущей азиатской карьеры.

Съ Персіей уже Петръ Великій въ 1715 г. заключилъ торговый договоръ, и въ тѣ же мѣста онъ пять лѣтъ спустя отправилъ своихъ консуловъ съ порученіемъ изучить персидскіе рынки, на которыхъ позже удачно орудовало „Персидское торговое общество“¹⁾, основанное въ 1755 г. и владѣвшее капита-

¹⁾ Это названіе общество получило въ 1758 году. Теперь подобныхъ обществъ много. Такъ, въ 1901 г. заключили между собою договоръ о совмѣстномъ введеніи торговыхъ операцій въ Персію: „товарищество Эмилъ Циндель“, „товарищество Бараповыхъ“, „Викулы Морозова съ с-ями“, „Знаменская мануфактура—Полякова“, „товар. шерстяныхъ издѣлій Троптона“. Въ 1900 г. основано въ Бухарѣ товар. „Шапиро и Бѣляковъ“ (хлопчато-очистительный заводъ) и т. д. Далѣе существуетъ „общест. желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ въ Персіи“, „Персидское страховое и транспортное общество“, „общест. Энзели-Тегеранской дороги“ и „Русское общество пароходства и торговли“, псставившее

ломъ въ 600,000 рублей. Туда же зоветъ русскіе капиталы и основанное въ Москвѣ Р. Кудринымъ „Средне-азиатское торгово-промышленное товарищество“, въ разосланномъ имъ циркулярѣ отъ 6-го января 1866 года. Туда, въ Среднюю Азію, увлекательно расписываетъ это воззваніе, гдѣ русское правительство въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ сдѣлало громадныя земельныя приобрѣтенія, подчинивъ своей волѣ Ташкентъ, Кокандъ и Закаспійскую область, обративъ въ своихъ вассаловъ Хиву и Бухару, расширивъ такимъ образомъ отечественныя границы вплоть до Кашгара, Амурь-Дарьи и Афганистана. Въ тѣ земли, продолжаетъ нашъ документъ, гдѣ къ услугамъ россійской промышленности большое количество покупателей ея товаровъ и откуда она можетъ вывезити необходимыя ей сырыя продукты. И если до сихъ поръ россійское купечество, взываетъ „Средне-азиатское торгово-промышленное товарищество“, съ преступнымъ хладнокровіемъ относилось ко всѣмъ стараніямъ правительства открыть ему путь въ Азію, удовлетворяясь внутреннимъ рынкомъ, то, можетъ быть, теперь (1886 г.), когда русская промышленность переживаетъ кризисъ, конецъ которому не виденъ, когда фабрики, за неимѣніемъ сбыта внутри страны переполнены товарами и одна за другою закрываются, оно, наконецъ, пойметъ значеніе для себя Востока и поспѣшитъ укрѣпиться на его рынкахъ. Теперь или никогда, бьетъ тревогу наше общество. Вонъ уже строящаяся по направленію къ Афганистану англо-индійская желѣзная дорога приближается къ Аму-Дарьѣ и Тибету; уже нѣмцы заводятъ въ Персіи свои собственные фабрики и заводы, а россійское купечество все еще не хочетъ понять смысла русской желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря черезъ Мервъ, Бухару до Самарканда; оно хладнокровно къ желанію правительства открыть судоходство по Аму-Дарьѣ и апатично къ его готовности поддержать отечественную промышленность во всѣхъ ея начинаніяхъ. Такъ думалъ и великій князь Владиміръ, краснорѣчиво доказывавшій въ своей рѣчи нижегородскому торговому люду необходимость подготовить отечественной промышленности гегемонію на азіатскихъ рынкахъ. Такими же мотивами руководились и представители нижегородскаго ярмарочнаго купечества, когда въ 1889 году защищали проектъ постройки въ Сибири желѣзной дороги, ибо этою, какъ и желѣзными дорогами въ Персіи и на Дальнемъ Востокѣ, русское правительство имѣло,

---

себѣ задачей связать Одессу съ портами южной Персіи, пока находящейся въ рукахъ англичанъ. А чтобы сдѣлать возможной конкуренцію нашихъ товаровъ на южно-персидскихъ рынкахъ, министерство финансовъ субсидируетъ названное общество и своєю субсидіей понижаетъ фрахты на цѣлыя 50%, удешевляя такъ доставку товаровъ на еще не совсѣмъ завоеванные рынки и дѣлая этимъ успѣхъ конкуренціи очень вѣроятнымъ.

между прочимъ, въ виду и расширеніе круга дѣятельности нашей промышленности. Преслѣдуя интересы російской буржуазіи, петербургское правительство съ юга напираетъ на Константинополь и Дарданеллы, ища выхода въ очень важное въ торговомъ отношеніи Средиземное море, а, убѣдившись въ невыполнимости этого проекта, переносятъ свое вниманіе на Абиссинію, откуда направляется черезъ Красное море и при помощи русскаго порта и угольной станціи на его западномъ побережьи стремится попасть въ Средиземное, сокративъ себѣ такимъ образомъ морской путь въ Восточную Азію; изъ Афганистана оно, крадучись, подползаетъ къ Персидскому заливу, а изъ Сибири, Манчжуріи и Кореи постепенно подвигается къ Японскому и Китайскому морьямъ. Въ интересахъ російской промышленности оно создаетъ Владивостокъ, откуда питаетъ надежду завладѣть всѣмъ Востокомъ, и строить городъ Дальній, который намѣревается сдѣлать торговымъ центромъ всей сѣверной части Желтаго моря.

Эпизодъ же съ Абиссиніей настолько характеренъ для внѣшней политики самодержавія, что я хочу на немъ нѣсколько дольше остановиться.

Проживавшій въ Іерусалимѣ въ 1848 году въ качествѣ миссіонера русскій епископъ Успенскій познакомился тамъ съ нѣсколькими абиссинскими монахами, вѣра которыхъ, какъ онъ будто бы убѣдился, полностью совпадаетъ съ православной. Убѣдившись же въ этомъ, онъ предложилъ петербургскому правительству при помощи соединенія абиссинской и русской церкви получить вліяніе на Абиссинію и такимъ образомъ укрѣпиться въ Африкѣ. Его проекты были правительствомъ оставлены безъ вниманія. Тогда замѣнившій въ 1858 году умершаго Успенскаго архимандритъ Кириллъ снова поднимаетъ агитацію въ пользу абиссинскаго православія и начинаетъ пользоваться успѣхомъ въ высшихъ политическихъ сферахъ Петербурга. Въ 1885 году отправляется въ Абиссинію казакъ Ашиновъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ собою привозитъ пару абиссинскихъ монаховъ, якобы привезшихъ саморучное письмо отъ Негуса къ русскому Царю. Въ началѣ 1888 года Ашиновъ снова ѣдетъ въ Абиссинію, куда, однако, въ силу итальянско-абиссинской войны не попадаетъ и возвращается въ Іерусалимъ. Отсюда онъ въ сопровожденіи новыхъ двухъ абиссинскихъ монаховъ снова направляется въ Россію, гдѣ выдаетъ ихъ за спеціальныхъ делегатовъ абиссинской церкви, горящей-де нетерпѣніемъ объединиться съ православной. Разъѣзжая съ ними по всей Россіи, онъ повсюду умоляетъ отъ ихъ имени, какъ представителей абиссинскаго духовенства, русскій православный народъ оказать всяческое содѣйствіе скорѣйшему сліянью обѣихъ церквей и устраиваетъ нашимъ монахамъ черезъ посредство петербургскаго митрополита, въ промежуткѣ открывшаго подписку на постройку

православной церкви въ Абиссиніи, аудіенцію у русскаго императора. Въ сопровожденіи безграмотнаго русскаго іерусалимскаго монаха Паисія, на скорую руку посвященнаго петербургскимъ митрополитомъ въ архимандриты, которому святѣйшій синодъ вручилъ кучу драгоценныхъ подарковъ для абиссинской церкви, и со 170 добровольцами. Ашиновъ въ декабрь 1888 г. опять отбылъ въ Абиссинію. Въ январѣ слѣдующаго года наши путешественники достигли форта Сагалло, который и заняли.

Укрѣпившись здѣсь, Ашиновъ такимъ образомъ положилъ начало первой русской православной колоніи въ Абиссиніи. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ въ Италіи, тогда воевавшей съ Абиссиніей, она сейчасъ же заявила въ Парижѣ протестъ противъ того, что Франція позволила русскимъ изъ мѣсть, находившихся въ сферѣ ея политическаго вліянія, предпринять военную экспедицію на Сагалло. На это французское министерство отвѣтило посылкой канонерской лодки, бомбардировавшей ашиновскій фортъ, когда засѣвшие въ немъ отказались добровольно его покинуть. Одна половина экспедиціи была перебита, а другая возвращена въ Россію. Подъ давленіемъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія и западно-европейской дипломатіи, Ашиновъ былъ сосланъ, больше для виду, въ одинъ изъ южно-русскихъ городовъ; Паисій же заточенъ въ какой-то монастырь. Однако, русское правительство не было равнодушнымъ къ абиссинскимъ продѣлкамъ Ашинова, предпринимавшаго свои экспедиціи съ его вѣдома. Это слѣдуетъ уже изъ того, что когда въ 1889 году Менеликъ, сдѣлавшійся абиссинскимъ консуломъ, объявилъ надъ собою протекторатъ Италіи, то петербургскій кабинетъ этой сдѣлки не призналъ и ее официально опротестовалъ, тутъ же отправивъ къ Менелику съ какимъ-то спеціальнымъ порученіемъ поручика Машкова. Въ 1891 году Машковъ вторично ѣздилъ туда для личныхъ переговоровъ съ Менеликомъ, а въ 1894 году прибыла въ Абиссинію новая экспедиція съ артиллерійскимъ офицеромъ Леонтьевымъ во главѣ, который тамъ навсегда и остался. Теперь онъ абиссинскій графъ, губернаторъ тамошней провинціи, владѣетъ большими помѣстьями, считается самымъ вліятельнымъ человекомъ при дворѣ Менелика и состоитъ, конечно, русскимъ агентомъ. При его-то содѣйствіи русское правительство, поддерживаемое Франціей, нѣсколько лѣтъ добивалось уступки Россіи порта на берегу Краснаго моря. Въ 1902 году Менеликъ посѣтилъ Парижъ, а одновременно съ этимъ прибыло въ Петербургъ спеціальное абиссинское посольство, съ которымъ Россія и вступила въ переговоры относительно уступки ей этого порта.

Но перейдемъ къ изложенію, прерванному этимъ большимъ отступленіемъ.

Россійская буржуазія давно уже свыклась съ мыслью, что для нашей промышленности западно-европейскіе рынки еще

долго будутъ оставаться недоступными, ибо успѣшная конкуренція продуктовъ ея производства съ европейскими и американскими фабрикатами на европейскихъ же и американскихъ рынкахъ предполагаетъ всестороннее развитіе народныхъ силъ и поднятіе всего культурнаго уровня російскаго государства, т. е. нѣчто несовмѣстимое съ русскимъ абсолютизмомъ.

Понявъ это, наша буржуазія, вспоенная и вскормленная на счетъ русскаго народа царскимъ правительствомъ, преслѣдующимъ при этомъ фискальныя цѣли, не смѣла прекословить своему благодѣтелю и старалась лишь поудобнѣй устроиться въ рамкахъ абсолютизма, раздѣливъ при этомъ въ соответствующей пропорціи между собою и правящей Россіей бюрократіей экономическую и политическую власть надъ російскимъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе русской промышленности стало въ концѣ концовъ все-таки тѣсно въ четырехъ стѣнахъ абсолютизма, за что уже съ самаго начала ручалась сама сущность промышленнаго развитія. Наступили времена, когда промышленники на своихъ съѣздахъ и въ своей печати громко выражали недовольство по поводу вѣчныхъ голодovieвъ въ деревняхъ, сокращающихъ сбытъ ихъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ, требуя при этомъ нѣкотораго облегченія деревенской жизни за счетъ государства; когда буржуазія открыто высказывалась за широкое распространеніе грамотности и протестовала противъ устраиваемой надъ ней опекой бюрократіей, требуя широкой экономической самодѣтельности; когда казенные заказы перестали ее удовлетворять; когда она стала косо поглядывать на то, что „русское правительство — самый крупный землевладѣлецъ, самый крупный капиталистъ, и владѣетъ самымъ крупнымъ хозяйствомъ въ мірѣ“, т. е. на то, что русское правительство въ интересахъ фиска и благополучія абсолютизма захватываетъ въ свои руки всѣ доходнѣйшія статьи государства, и когда она почувствовала потребность въ контролѣ дѣяній бюрократіи, т. е. необходимость конституціи. Но до тѣхъ поръ, пока это представлялось возможнымъ, наша промышленность должна была по расчетамъ абсолютизма оставаться такъ сказать авіатской, ибо буржуазія въ западно-европейскомъ смыслѣ шла вразрѣзъ съ интересами самодержавія и бюрократіи. Всячески покровительствуя и поддерживая нашу промышленность внутри страны, правительство одновременно съ этимъ добываетъ ей внѣшніе рынки въ Средней Азіи, гдѣ ея товары успѣшно конкурируютъ съ англійскими. И чтобы, напримѣръ, совершенно завладѣть персидскимъ рынкомъ, петербургское правительство занимаетъ Персію деньги и посылаетъ туда вмѣстѣ съ французскими капиталами своихъ казаковъ, чиновниковъ и таможенныхъ контролеровъ, о которыхъ коренные туркестанцы заявили какъ-то въ комиссіи, изучавшей условія улучшенія торгово-промышленной жизни въ туркестанскомъ краѣ, что имъ, туркестанцамъ, гораздо

легче жилось при старомъ режимѣ, когда налоги собирались не русскими чиновниками, а откупщиками, снимавшими сборъ налоговъ въ аренду. Но русская промышленность не только сбываетъ свои товары въ Среднюю Азію,—она и вывозитъ оттуда необходимые ей сырые продукты и главнымъ образомъ хлопокъ.

На одинъ Туркестанъ, на эту „жемчужину въ русской коронѣ“, по выраженію Вышнеградскаго, русское правительство истратило уже около 150 милліоновъ рублей, не считая тратъ по завоеванію этого края и расходовъ по управленію имъ, до сихъ поръ уплачиваемыхъ казною. И лишь въ 1900 году государственный совѣтъ утвердилъ проектъ орошенія 45000 десятинъ земли въ „голодной степи“, необходимыхъ для увеличенія площади посѣва хлопка, что должно было стоить около 2¹/₂ мил. рублей; а въ 1903 году сельско-хозяйственный съѣздъ, имѣвшій мѣсто въ Ташкентѣ, нашелъ возможнымъ и необходимымъ увеличить въ Туркестанѣ такую же площадь посѣвовъ, что тѣсно связано съ искусственнымъ орошеніемъ новыхъ земель, и что, по приблизительному подсчету, сдѣланному съѣздомъ, должно будетъ стоить россійскому государству около 100 мил. рублей.

Изъ одной Ферганской области мы вывели въ 1900 году 7,640,000 пудовъ, а въ слѣдующемъ 1901, несмотря на полнѣйшій неурожай, около 5¹/₂ мил. пудовъ хлопка ¹⁾, т. е. Ферганская область и другія центрально-азиатскія русскія колоніи даютъ россійской промышленности половину необходимаго ей количества этого продукта. Однако, не только азиатское сырье и азиатскій потребитель приковываетъ къ себѣ вниманіе русской буржуазіи. Въ Персіи нашли себѣ очень выгодное занятіе и наши горнопромышленники. На ихъ съѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Харьковѣ въ 1900 году, Курмаковъ докладывалъ о блестящихъ видахъ горнопромышленнаго общества Горянова и Енакіева, арендовавшаго въ 1898 году у персидскаго правительства на 70 лѣтъ провинцію Карадача, площадь въ 9104 д. к. т., гдѣ очень успѣшно добываютъ цинкъ и свинцовую руду и гдѣ найдены большіе залежи каменнаго угля и нефти.

Компанія эта обязалась платить Персіи по 4 копейки вывозной пошлины за каждый пудъ руды, за что послѣдняя съ своей стороны согласилась на беспошлинный ввозъ въ теченіе 10 лѣтъ машинъ и орудій, необходимыхъ обществу. Въ Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областяхъ было въ 1898 г. сдѣлано 34 заявки на добываніе минеральныхъ богатствъ, а въ 1901 г. этихъ заявокъ было уже около 190. Не даромъ, значить, наши газеты подняли большой шумъ, когда Персія въ 1898 году обратилась

---

¹⁾ Въ 1903 году всѣ провинціи Туркестанской области дали около 16 мил. пудовъ, а соответствующая площадь посѣва равнялась 322,000 десятинамъ.

къ Англии за денежной и политической поддержкой, открыто приглашая правительство объявить „неблагодарнымъ“ персамъ войну. Войны Россія, однако, не объявила, но при помощи французскаго банка предложила Персїи займы 10 мил. рублей (въ 1900 году Россія дала Персїи 22 $\frac{1}{2}$ мил. рублей ¹⁾) безъ особо важныхъ гарантій, чего Англія не хотѣла сдѣлать.

За этимъ займомъ послѣдовало новыхъ три, которыми Россія было предоставлено право оставаться вплоть до 1912 года единственнымъ кредиторомъ Персїи, русскимъ капиталистамъ дано исключительное право на постройку желѣзныхъ дорогъ въ персидскомъ государствѣ, а персіане вынуждены связать колесной дорогой Кавказскую границу черезъ Тавризъ съ Казвиномъ и выстроить такую же отъ Кашана до Сайстана, т. е. открыть русскимъ товарамъ путь къ самому центру Персїи. Слѣдствіемъ этихъ займовъ было далѣе пониженіе пошлины на русскіе товары и повышеніе ихъ на западно-европейскіе. Въ то время, какъ на русскія хлопчато-бумажныя издѣлія пошлины были понижены на 4%, на чай, ввозимый въ Персїю изъ британской Индіи, онѣ были повышены на 96%; русскимъ сахарозаводчикамъ было дано право беспошлиннаго ввоза въ персидскія владѣнія сахару, при томъ только условіи, что онъ тамъ будетъ обмѣниваться на хлопокъ. А въ 1901 году Россія добилась отмены персидскихъ пошлинъ на хлопокъ, очень невыгодныхъ для русской торговли.

Бережно и очень умѣло обхаживаютъ такъ же русскіе агенты бухарскаго эмира, которому Россія строитъ даромъ дворцы и даритъ царскіе поѣзда, за что безвозмездно получаетъ огромную площадь земли по верхнему теченію Аму-Дарьи. Туда наше правительство намѣревалось направить русскихъ переселенцевъ и тамъ оно думало настроить казармы, необходимыя ему для войска, которое имѣло въ виду туда перебросить; тамъ русское правительство приближалось къ границѣ Афганистана и къ афганистанскому рынку.

Такъ русская буржуазія надѣялась помаленьку и потихоньку проглотить по кусочкамъ азіатскіе рынки и создать себѣ въ Азїи колониальное царство, въ самомъ дѣлѣ способное своими сырыми продуктами удовлетворить потребностямъ современной промыш-

¹⁾ Исторія и смыслъ этого займа таковы: въ 1890 г. англичане получили отъ персидскаго правительства исключительное право на разведеніе и продажу табаку, извѣстнаго въ Персїи подъ названіемъ „тумбаки“. Пользуясь непопулярностью этой монополіи, русскіе агенты стали, опираясь на персидское духовенство, возбуждать народъ къ протесту противъ этой сдѣлки, заставивъ, наконецъ, персидскаго шаха отказать отъ уже заключеннаго договора. Тогда англичане потребовали отъ персидскаго правительства неустойки въ 500,000 фун. стерл. И вотъ тутъ-то русское правительство и предложило Персїи взять у него деньги займы. Это былъ первый государственный долгъ Персїи, которымъ она себя на долгое время продала въ руки російской буржуазіи.

ленности, въ надеждѣ, конечно, въ захваченныхъ ею мѣстахъ сдѣлать, путемъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ, невозможной всякую конкуренцію западно-европейской промышленности.

Въ составъ такого царства должны были войти, по рѣшенію русскихъ империалистовъ, Персія, Индія, Китай, Турція, вся Азія, а по пути къ нимъ страны, расположенныя по Ефрату, Монголія, Манчжурія и Корея, Балканскій полуостровъ Малая Азія и т. д.

II.

Но если интересы фиска и запросы русской торговли и промышленности служили и теперь служатъ побудительными причинами нашего движенія въ Азію и нашихъ войнъ, то эти послѣднія еще кромѣ того никогда не переставали играть въ рукахъ власти имущихъ роль средства отвлеченія вниманія русскаго народа отъ истинныхъ причинъ его горькаго житія-бытія. Рядомъ со взаимной травлей національностей, входящихъ въ составъ російскаго государства, російскія войны всегда были функцией роста недовольства внутри страны, почему они почти всегда совпадаютъ съ нашими внутренними политическими броженіями. Недовольство и страхи русскаго правительства передъ внутренними политическими пертурбаціями почти всегда служили причиной тому, что наши послѣднія войны затѣвались либо раньше, либо позже наступленія соответствующихъ благоприятныхъ для Россіи моментовъ въ міровой политикѣ. Войны эти служили также и способомъ возвеличенія славы царскаго дома и затѣвались въ критическіе для него моменты. Для мишурнаго блеска короны, для укрѣпленія и поддержанія своего престижа какъ внутри, такъ и внѣ отечественныхъ предѣловъ, владѣющіе Россіей всегда готовы были начать ненужныя русскому трудящемуся народу войны. И измѣряя свои заслуги передъ „отечествомъ“ количествомъ земли, отвоевываемой ими у сосѣдей, они гордо указываютъ на непрерывное расширеніе отечественныхъ предѣловъ, иллюстрируя это фактами вродѣ того, что съ 1676 по 1876 годъ площадь Россіи ими ежедневно увеличивалась на 4410 дкт., а съ 1856, года вступленія на престолъ Александра II, до ходынки, коронаціи Николая II, на 438 дкт. приблизительно, замалчивая, конечно, что расширенія эти куплены цѣною полнѣйшаго истощенія народныхъ силъ и дѣлались только въ интересахъ правящихъ и лишь постольку въ интересахъ народа, поскольку они служили средствомъ его политическаго одурманиванія. Такъ во времена вызваннаго декабрьскимъ возстаніемъ необыкновеннаго подъема духа, въ тѣ историческіе дни, когда русское правительство, по свидѣтельству Александра Кошелева ¹⁾,

1) См. его мемуары, изданные въ Берлинѣ.

какими-то путями провѣдало о готовящемся въ Москвѣ надруганіи надъ тѣломъ Александра I; въ тѣ дни, когда сдѣлался возможнымъ слухъ о намѣреніи Москвы, выбросивъ усопшаго императора изъ гроба, проволочить его тѣло по улицамъ первопрестольной и этимъ наказать мертвеца за то, что онъ отдалъ судьбы Россіи въ руки Николая I, перепуганный Николай пустился въ поиски за громоотводомъ этому народному недовольству, найдя его, наконецъ, въ покровительствѣ турецкихъ христіанъ.

Въ 1827 году Россія предъявила Турціи эти требованія, а въ слѣдующемъ объявила ей войну, тогда имѣвшую постольку общаго съ русской жизнью, поскольку она была слѣдствіемъ знаменитаго 14 декабря.

Въ 1825 году Николай I присягнулъ польской конституціи. Но опасаясь ея, съ его точки зрѣнія, пагубнаго вліянія на Россію, мыслящая часть которой въ то время была очень воспримчива къ либеральнымъ ученіямъ, тутъ же принялъ твердое и безповоротное рѣшеніе ее уничтожить. Онъ началъ преслѣдовать жалкую польскую самостоятельность. А въ это время на Западѣ стали приближаться іюньскіе дни. Испугавшись этого движенія, Николай I шлетъ въ Берлинъ и въ Вѣну генераловъ Дибича и Орлова съ порученіями сговориться съ австрійскимъ и прусскимъ правительствами насчетъ общаго похода противъ революціонной Франціи. 26 августа 1830 года Дибичъ прибылъ въ Берлинъ, а въ сентябрѣ Москву посѣтила холера. Николаю чудится уже красный призракъ русской революціи, предупредить которую онъ намѣревается войной въ Западной Европѣ, куда и хочетъ перенести вниманіе своихъ недовольныхъ подданныхъ. Изъ холерной Москвы, куда онъ лично отправился для успокоенія народнаго броженія, Николай даетъ (5 октября) военному министру подробнѣйшія инструкціи насчетъ мобилизаціи войска, передвиженія полковъ къ прусской границѣ и отправки солдатъ морскимъ путемъ на помощь нидерландскому королю, намѣревавшемуся поднять на русскіе штыки бельгійскую свободу. А одновременно (10 октября) съ этимъ распоряженіемъ графъ Несеельроде пишетъ Дибичу въ Берлинъ, что и Петербургъ со дня на день ждетъ къ себѣ въ гости холеру, парализовавшую всю російскую торговую жизнь и сдѣлавшую невозможной мобилизацію войскъ во многихъ русскихъ губерніяхъ; что Россію посѣтилъ неурожай; что государственная казна пуста, что никто не платитъ податей и что предстоящая война грозитъ Россіи большой опасностью. Но Николай остается непоколебимымъ, онъ отдаетъ приказаніе держать польскую армію на готовѣ и извѣщаетъ Дибича въ своемъ письмѣ отъ 1-го ноября, что Россія хочетъ въ сообществѣ съ правящею Западной Европой показать „якобинцамъ“, что она ихъ не боится и что власть имущіе сойдутъ со сцены, „если это Всевышнему угодно будетъ“, лишь съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Несеельроде рисуетъ

(6 ноября) Дибичу, какъ на министерскомъ засѣданіи министръ Канкринъ представилъ русскіе финансы въ самомъ жалкомъ видѣ и рекомендуетъ ему быть въ своихъ рѣшеніяхъ очень осторожнымъ; въ то же время военный министръ Чернышевъ извѣщаетъ Дибича, что къ концу декабря онъ по приказанію Николая I во чтобы то ни стало закончить мобилизацію и будетъ готовымъ къ выступленію. Но раньше чѣмъ отдать это послѣднее распоряженіе, Николай еще пытается примирить съ собою поляковъ. Въ 1829 и 1830 гг. онъ посѣщаетъ Варшаву и общается, въ знакъ особеннаго расположенія, дѣлать это ежегодно; онъ расширяетъ свой варшавскій дворъ и приближаетъ къ себѣ польское дворянство, даже ненавистнаго ему Чарторыжскаго, и заставляетъ наследника престола учиться польскому языку. Но было поздно. Польша, опираясь на симпатіи Франціи и Англіи, рѣшила отвѣтить на трехъ съ половинойлѣтнее преслѣдованіе Николая возстаніемъ. А когда къ этому же времени прусскій король отказался взять на себя инициативу въ объявленіи войны революціонной Франціи, то Николай, сговорившись съ нимъ относительно защиты Россіи отъ нападенія извнѣ, со стороны польскихъ границъ, которыя и были заняты прусскими солдатами, а, можетъ быть, и относительно даже содѣйствія прусской арміи въ случаѣ революціоннаго движенія въ самой Россіи, поспѣшилъ отдать поляковъ на забаву возбужденному русскому народу.

Еще три года прошло ¹⁾,—и Николай ведетъ за собою легкомысленное русское общество снова въ Турцію, гдѣ на сей разъ въ союзъ съ султаномъ останавливаетъ побѣдоносное шествіе на Константинополь воспитаннаго англичанами въ либеральномъ духѣ египтянина Ибрагима-Паши. Одна мысль, что наряду съ разными другими политическими комбинаціями Турція, подпавши подъ власть Ибрагима, рискуетъ съ тайнаго согласія Англіи сдѣлаться либеральной, а слѣдовательно и имѣть, между прочимъ, въ нежеланномъ для Николая смыслѣ вліяніе на Россію, заставляетъ его забыть всѣ традиціонныя споры и дразги съ султаномъ и послать ему, по его просьбѣ, въ апрѣлѣ 1833 года, на помощь русскую эскадру, бросившую якорь въ Босфорѣ vis-a-vis султанскаго дворца, и 10,000 русскихъ солдатъ. Этотъ фактъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Великобританію, что англійское правительство предложило Франціи совмѣстно пойти на Севастополь и сжечь тамъ весь черноморскій флотъ. Но Луи-Филиппъ еще не настолько крѣпко сидѣлъ на своемъ тронѣ, чтобы затѣять войну, въ которой Николай, опираясь на австрійскую и прусскую дружбу, могъ остаться побѣдителемъ. Ибрагимъ былъ вынужденъ

¹⁾ Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ этомъ же году (1833) въ Польшѣ была снова сдѣлана попытка поднять возстаніе, попытка, окончившаяся повѣшеніемъ 24 человекъ.

вернуться обратно въ Египетъ, а русскій царь, „покровитель ту-репцкихъ христіанъ“, заключилъ съ султаномъ тайный договоръ, по третьему параграфу котораго обязался поддерживать султана противъ его вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ, т. е. христіанъ, на морѣ и на сушѣ, за что султанъ соглашается при первомъ требованіи Россіи закрыть западно-европейскимъ государствамъ входъ въ Дарданеллы.

Дальше наступаютъ 50-е годы. Въ Россіи снова неспокойно. Россію снова посѣтила холера. Въ деревняхъ крестьяне устраиваютъ бунты, а въ городахъ народъ не слушается начальства. А передъ императорскимъ дворцомъ появляется толпа, требующая царя на очную ставку и на вопросъ Николая, чего ей угодно, получаетъ въ отвѣтъ: „Остановить холеру и дать намъ нѣчто подобное тому, что было въ Парижѣ“¹⁾. Снова російская мысль чревата либеральными и социалистическими ученіями, а на Западѣ царствуютъ февральскіе и мартовскіе дни.

На этотъ разъ Николай ставитъ себѣ задачей съ корнемъ вырвать такъ часто его беспокоящую революцію и готовитъ распоряженіе закрыть всѣ русскіе университеты. Вскорѣ, однако, онъ отъ этого дикаго проекта, подъ давленіемъ своихъ ближайшихъ, болѣе дальновидныхъ сподручниковъ, отказывается. Тяжелое время переживало въ тѣ годы русское правительство. Его настроеніе полностью отразилось въ секретномъ циркулярѣ отъ 24 октября 1849 года, на поляхъ котораго Николай I сдѣлалъ помѣтку: „совершенно вѣрно“; въ циркулярѣ, разосланномъ ректорамъ и деканамъ всѣхъ юридическихъ и философскихъ факультетовъ, въ которомъ обращалось ихъ вниманіе на то, что въ „наше неспокойное время“, когда большая часть „такъ называемой“ просвѣщенной Европы потрясаетъ троны и провозглашаетъ высшимъ принципомъ народный суверенитетъ, должно приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы русская учащаяся молодежь осталась незатронутой этими вѣяніями. Это настроеніе отразилось также и въ отношеніи (отъ 2 апрѣля 1848 г.) Бутурлина къ военному министру князю Чернышеву, въ которомъ предписывалась отъ имени Императора необходимость сосредоточить все свое вниманіе на томъ, чтобы „низшимъ классамъ“ остались неизвѣстными „вредныя ученія“. Тщетныя надежды! 23 апрѣля 1849 года были арестованы при помощи Липранди петрашевцы, о которыхъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ носились очень тревожные слухи. Говорили, что петрашевцы собираются во время

¹⁾ См. Bernhard. „Unter Nicolaus I und Friedrich-Wilhelm IV“. Авторъ этихъ въ высшей степени интересныхъ мемуаровъ занималъ въ Россіи видный постъ и былъ близокъ къ русскому двору. Вѣренъ ли этотъ фактъ—не берусь судить, но думаю, что о немъ можно во всякомъ случаѣ сказать: „Si ne vero—ben trovato“.

майскаго парада уничтожить всю царскую фамилію и провозгласить Россію республикой ¹⁾).

Итакъ, въ причиненномъ русскому абсолютизму безпокойствіи повинна Западная Европа. Ей Николай и собирается опять объявить войну. Въ это-то время онъ и сказалъ: я не потеряю, чтобы сосѣдніе съ моимъ государствомъ народы управлялись парламентскимъ режимомъ. И дѣйствительно, саморучно составляетъ проекты возстановленія въ Пруссіи абсолютизма, которые и предлагаетъ вниманію прусскаго короля и его наслѣдника Вильгельма I, тогда бѣжавшаго въ Лондонъ. Его планы просты и не сложны. Онъ предлагаетъ прусскому королю объявить въ манифестѣ къ своимъ подданнымъ, что онъ-де, король, въ февральскіе и мартовскіе дни потому лишь согласился на вынужденныя у него реформы, что не хотѣлъ проливать крови дорогихъ своихъ подданныхъ и потому что надѣялся, что большинство ихъ съ негодованіемъ отвергнетъ и откажется отъ недобровольно сдѣланныхъ прусскою короной уступокъ. Но теперь онъ, король, беретъ все имъ подписанное обратно и сводитъ на нѣтъ все то, чему онъ присягалъ. И тутъ же Николай I поименно называетъ тѣхъ прусскихъ генераловъ и тѣ русскіе полки и корпуса, которые король долженъ вести на Берлинъ, съ своей стороны, конечно, обѣщая всяческую поддержку. Позже, осенью 1848 года, когда присутствовавшей на русскихъ маневрахъ прусскій фельд-маршалъ графъ Дона восхищался шагистикой нашихъ солдатъ, Николай снова дѣлаетъ предложеніе этими полками уничтожить результаты мартовскихъ революціонныхъ дней въ Берлинѣ.

А петрашевцы, существованіе которыхъ правительству давно уже было извѣстно, но трогать которыхъ оно изъ-за боязни передъ неспокойными умами русскаго интеллигентнаго общества, пока еще не хотѣло, были правительствомъ, убоявшимся нападенія съ тылу во время венгерскаго похода, арестованы лишь за нѣсколько недѣль до полученія просьбы Австріи помочь ей подавить венгерское освободительное движеніе. И они были умышленно судимы лишь послѣ окончанія похода на венгерскихъ борцовъ за свободу, въ надеждѣ, что счастливымъ исходомъ этой кампаніи Николаю удастся отбить охоту у лицъ, въ той или другой степени симпатизировавшихъ петрашевцамъ, къ неспокойствію и бунтарству.

Къ тому же русское правительство сильно боялось, чтобы венгерское движеніе не вызвало новаго польскаго возстанія, пре-

---

¹⁾ Надо еще замѣтить, что въ 1843 году, какъ утверждали, готовилось покушеніе на жизнь Николая I; что въ 1844 году по дѣлу тайныхъ обществъ было сослано въ Сибирь 30 человекъ; что въ 1846 году дѣлались попытки поднять возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ и что въ томъ же году было покушеніе Каменскаго на Пашкевича-Эриванскаго.

дупредить которое Николай надѣялся восстановленіемъ „порядка“ въ Венгріи. Травлю же русскаго народа на Польшу, съ каковою цѣлью и былъ пущенъ съ легкой руки австрійскаго князя Шварценберга слухъ о томъ, что венгерское революціонное движеніе есть дѣло рукъ „истинныхъ“ враговъ Россіи, т. е. поляковъ, которыхъ въ рядахъ венгерскихъ повстанцевъ насчитывалось будто бы до 20,000 человекъ, имѣлось въ виду затемненіе проснувшася было сознанія у царскихъ рабовъ. Такъ Николай, давшій свое тайное согласіе на распространеніе слуха въ средѣ народа, что предстоящимъ походомъ на Венгрію русскій царь намѣревается освободить западныхъ славянъ изъ-подъ австрійскаго ига и объединить ихъ съ Россіей, уводитъ въ Венгрію неокрѣпшіе умы русскою массы.

И это было въ томъ самомъ 1848 году, въ которомъ Россію посѣтилъ большой неурожай; въ которомъ пожары уничтожили до тла цѣлыя деревни, въ которомъ, какъ мы уже выше упомянули, свирѣпствовала холера, и въ которомъ русскіе финансы сильно хромали. Это, впрочемъ, не помѣшало Николаю I, перебросившему въ Венгрію 150,000 тысячную армію, гордо отказаться отъ предложенія Австріи покрыть ему расходы по этой кампаніи.

И въ крымскую кампанію Николай I не защищалъ,—впрочемъ, никѣмъ не затронутые,—народные интересы. Въ 1853 году дѣло шло лишь о поддержаніи престижа русскаго абсолютизма въ Европѣ. Но такъ какъ этого факта не было достаточно для возбужденія необходимаго энтузіазма въ массахъ, не перестававшихъ въ деревняхъ устраивать бунты ¹⁾, то и было снова прибѣгнуто къ покровительству все тѣхъ же турецкихъ христіанъ, во-первыхъ, и къ защитѣ какихъ-то погранныхъ правъ православія на іерусалимскія святыя мѣста, во-вторыхъ. Поводъ къ этому подалъ Наполеонъ III. Наканунѣ учиненнаго имъ политическаго переворота Наполеонъ III, чтобы занять вниманіе французскаго народа какими-нибудь успѣхами въ своей внѣшней политикѣ и привлечь на свою сторону французское духовенство, отправилъ въ Константинополь гонца съ категорическими требованіями восстановленія теоретическихъ правъ католицизма на нѣкоторыя іерусалимскія святыни. Добившись же желаннаго, онъ немедленно извѣстилъ Англію и Россію, что готовъ съ ними подѣлиться своими привилегіями и что онъ не думаетъ притѣснять въ Іерусалимѣ лютеранскую или православную церковь.

Но Николаю I не этого было нужно. Только наша церковь утверждаетъ, что давно уже официальное православіе имѣетъ право считать себя единственной наслѣдницей храма Гроба Господня, на томъ, молъ, основаніи, что она была заложена въ 326 году

¹⁾ Въ 1853 году носились даже упорные слухи насчетъ покушенія группой раскольниковъ на жизнь Николая I.

Еленой, матерью Константина, основателя Константинополя. Однако, эти претензіи абсолютно не признаются католиками, возражающими, что прежде всего Елена, провозглашенная въ святыхъ католической церковью, никогда не была православной и что сама же православная церковь была основана 700 лѣтъ спустя послѣ смерти Елены и ея сына. А сверхъ того католическое духовенство полагаетъ, что было бы вообще большимъ святотатствомъ отдать какія бы то ни было святыни въ полнѣйшее распоряженіе церкви, сыны которой не остановились даже передъ срываніемъ оловянныхъ крышъ съ Виелеемскаго храма Господня, крышъ, проданныхъ ими туркамъ, которыми эти, превративъ ихъ предварительно въ пули, изгоняли венеціанцевъ съ острова Кандія; приверженцамъ той вѣры, продолжали они, которые во время своего богослуженія отъ 1-го ноября 1847 г. не постѣснялись стащить большую серебряную звѣзду съ латинской надписью, находившуюся въ часовнѣ, построенной на мѣстороженіи Христа. О характерѣ же всѣхъ оффиціальныхъ документовъ, имѣвшихся въ рукахъ греческой церкви и на которыхъ эта послѣдняя и выѣзжала, можно судить по той очень важной бумагѣ, изъ которой видно было, что будто бы магометъ при посѣщеніи своемъ Виелеема засталъ уже тамъ православныхъ монаховъ и саморучно возжогъ лампадку въ выстроенномъ имъ храмѣ въ честь Христа. Документъ этотъ оказался подложнымъ, въ чемъ признался, въ присутствіи французскаго, австрійскаго и венеціанскаго пословъ, написавшій его архидіаконъ. Такъ вотъ эти-то мѣста, откуда, по увѣренію православныхъ монаховъ, католиками давнымъ-давно были увезены останки дѣвы Маріи, проданные ими за большія деньги одному изъ римскихъ папъ ¹⁾, и должны были служить возбуждающимъ средствомъ къ войнѣ.

„Не завоевательными цѣлями руковожусь я,—говорилъ Николай I 11-го января 1852 года англійскому посланнику Леутому,—при наступленіи Россіи на Турцію, а лишь своею исторической ролью защитника тамошнихъ православныхъ христіанъ, какъ и правъ православной церкви. Впрочемъ, Турція,—замѣтилъ онъ дальше,—это больной человекъ, лежащій на смертномъ одрѣ, и не мѣшало бы намъ съ вами заблаговременно подумать о богатомъ наслѣдствѣ“. Онъ, Николай, не думаетъ на продолжительное время завладѣть Константинополемъ и не позволитъ этого сдѣлать и другимъ. Онъ полагаетъ, что Сербію можно было бы сдѣлать, подъ его протекторатомъ, независимымъ государствомъ и т. д., и что Англія могла бы себѣ взять Египетъ и Кандію; но что онъ во всякомъ случаѣ не позволитъ разбить Балканскій полуостровъ

¹⁾ См. По поводу пререканій между католиками и православными: Богѣ „Question des lieux saints“. Hammer „Исторія турецкаго государства“ (во франц. изданіи.) Mislin. „Les saints lieux“ и др.

на рядъ независимыхъ республикъ, которыя служили бы убѣжищемъ Кошутовъ, Мацини и другихъ революціонеровъ.

Въ то время, какъ Николай I предлагалъ Англіи раздѣлить между собой Турцію, изъ Петербурга выѣхалъ съ порученіемъ будто бы сосватать турецкую принцессу за одного изъ нашихъ великихъ князей, въ Константинополь князь Меншиковъ съ проектомъ оборонительно-наступательнаго русско-турецкаго союза противъ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. По смыслу этого же проекта султанъ долженъ былъ официально и открыто признать Россію покровительницей всѣхъ своихъ греческихъ подданныхъ, а Россія предоставить, въ случаѣ надобности, въ распоряженіе султана 400,000 солдатъ и весь русскій флотъ. А одновременно съ Меншиковымъ князь Горчаковъ, тогда штутгартскій посолъ, дѣлалъ по порученію своего правительства черезъ Беарна, французскаго посла въ Штутгартѣ же, официальное предложеніе Наполеону III покинуть Англію и объединиться съ Россіей противъ Турціи.

За такое коварное поведеніе Николая I, „защитника правъ православной церкви и турецкихъ христіанъ“, Россія заплатила Севастополемъ. Николаю же подсказало простое чувство самосохраненія, что послѣ севастопольскаго разгрома ему для возстановленія своего реномѣ въ Европѣ, а главное въ глазахъ своихъ подданныхъ, необходимы какіе-нибудь военные успѣхи. И вотъ, въ томъ же злосчастномъ 1854 году, когда еще не успѣла заглухнуть кононада подъ Севастополемъ и тонувшіе русскіе военные корабли еще не достигли дна Чернаго моря, онъ придумалъ планъ завоеванія Константинополя окольнымъ путемъ, черезъ Афганистанъ, отдавъ сейчасъ же распоряженіе двинуть сухопутныя войска къ устью Сыръ-Дарьи. Увы, онъ умеръ раньше, чѣмъ его приказаніе было приведено въ исполненіе. Его планы унаслѣдовалъ Александръ II.

III.

Въ Парижѣ, гдѣ послѣ крымской кампаніи Россія, опозоренная Николаемъ I, была судима, Франція и Англія лишили русское государство Чернаго моря, заставивъ Александра II подписать 30-го марта 1856 года договоръ, сдѣлавшій это море нейтральнымъ. Въ Парижѣ, Россіи и Турціи было запрещено строить какія бы то ни было береговыя укрѣпленія на Черномъ морѣ, а число русскихъ и турецкихъ судовъ было доведено до 6-ти большихъ длиною въ 50 метровъ и вмѣстимости въ суммѣ до 800 тоннъ и 4-хъ небольшихъ вмѣстимости до 20,000 тоннъ. Въ Парижѣ же царское правительство втихомолку твердо рѣшило снова укрѣпить Севастополь и вскорѣ стало вырабатывать планъ постройки черноморскаго добровольнаго флота при помощи „національной

подписки“, такъ какъ парижскій трактатъ лишилъ русскихъ самодержавцевъ права строить военные корабли безъ соизволенія на это Европы. Этотъ флотъ долженъ былъ по его проекту въ каждую данную минуту быть превращеннымъ въ военно-морской. Съ этого момента официальная Россія стала ожидать случая и придумывать политическія комбинаціи, съ помощью которыхъ ей удалось бы избавиться отъ наложеннаго на нее Западной Европой наказанія.

Въ 1870 году Бисмаркъ задумалъ насильственно, при помощи внешней войны, объединить Германію подъ скипертомъ прусскаго короля, и сталъ готовиться къ нападенію на Францію. Запросивъ русское правительство черезъ посредство гѣмки Елены, жены великаго князя Михаила, тетки Александра II, за какой гонораръ оно готово остаться нейтральнымъ въ случаѣ франко-нѣмецкой кровавой схватки, Бисмаркъ получилъ лаконическій отвѣтъ: за уничтоженіе парижскаго трактата. Сдѣлка состоялась. 29-го октября 1870 года палъ Метцъ, а 31-го того же мѣсяца князь Горчаковъ далъ знать кабинетамъ западно-европейскихъ великихъ державъ, что Александръ II разорвалъ договоръ, подписанный его представителемъ въ 1856 году въ Парижѣ. Австрія, не успѣвшая еще оправиться послѣ войны 1866 года съ Германіей, и изолированная Англія не протестовали. Версальцевъ же петербургскій кабинетъ извѣстилъ, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ установленія во Франціи буржуазно-республиканскаго режима, если они признаютъ расторгненіе парижскаго договора совершившимся фактомъ.

Однако, не только возстановленіе своихъ старыхъ правъ на Черное море имѣла въ виду правящая Россія, когда поддерживала Германію противъ Франціи. Ея тайные планы были куда замысловатѣе. Позволивъ Германіи разгромить Францію и поссоривъ ее съ Австріей и Англіей изъ-за даннаго ею согласія на расторгненіе парижскаго трактата, Россія являлась единственной возможной союзницей и заступницей объединенной Германіи, сильно опасавшейся реванша со стороны третьей французской республики. Поставивъ такимъ образомъ Германію въ полнѣйшую зависимость отъ себя, Россія имѣла въ ея лицѣ защитницу своихъ границъ со стороны Европы и могла, слѣдовательно, спокойно обратить свои политическіе взоры на Востокъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же 1870 годъ константинопольскій посолъ Игнатьевъ добился независимости болгарской церкви отъ греческой духовной іерархіи, т. е. сдѣлалъ еще одинъ очень важный шагъ въ направленіи русской политики на Балканскомъ полуостровѣ, увѣнчавшійся въ 1877 году Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Но вскорѣ Бисмаркъ, сообразивъ свое щекотливое положеніе, сталъ подумывать о томъ, какъ-бы сдѣлаться менѣе зависимымъ отъ Россіи. Съ этой цѣлью онъ и уговорилъ въ 1872 году трехъ императоровъ, русскаго,

австрійскаго и прусскаго, заключить между собою союзъ, ставившій себя задачей защиту—между прочимъ, и Германіи—отъ нападенія со стороны Франціи. Такъ Бисмаркъ нѣсколько ослабилъ для себя значеніе Россіи и приблизился къ Австріи. Такая комбинація была Россіи только на руку, ибо плѣненная Россіей и Германіей Австрія становилась безвредной и безопасной для русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Но вотъ сверхъ всякаго ожиданія на голову разбитая Франція стала послѣ Седана быстро поправляться, и французская буржуазія заплатила Германіи военную контрибуцію въ 5 миллиардовъ франковъ, раньше чѣмъ Мольтке и Бисмаркъ на это рассчитывали. Съ большимъ беспокойствомъ сталъ Мольтке слѣдить за реорганизаціей французской арміи и забилъ сильную тревогу, когда французская палата депутатовъ приняла предложеніе военнаго министра увеличить мирный составъ французской арміи. Настаивая на необходимости дать французской республикѣ сраженіе раньше еще, чѣмъ она успѣла закончить свои новые военные планы, Мольтке, въ сообществѣ съ Бисмаркомъ, отправляетъ въ Петербургъ Радовица съ предложеніемъ дать Россіи *carte blanche* на Ближнемъ Востокѣ, если она себя и въ 1875 году будетъ вести такъ, какъ вела себя въ 1870. Этимъ предложеніемъ Бисмаркъ лишь повторилъ уже однажды имъ сказанныя слова петербургскому правительству, а именно: что Россіи нечего искать на Западѣ, гдѣ она только встрѣтится съ непріятностями, а что ея миссія въ Азіи, гдѣ она является представительницей цивилизаціи и культуры ¹⁾.

Допущеніе, однако, окончательнаго разгрома Франціи было бы большой политической ошибкой со стороны Россіи. Снова выйдя побѣдительницей, Германія сдѣлалась бы центромъ европейской политики, умаливъ такъ образъ значеніе, между прочимъ, и Россіи. Вотъ почему Англія и Россія помѣшали новому нападенію нѣмцевъ на Францію и вотъ почему петербургскій кабинетъ сейчасъ же извѣстилъ французское правительство о сдѣланномъ ему Германіей предложеніи, и Александръ II сталъ настойчиво увѣрять генерала Фло, французскаго посла при русскомъ дворѣ, въ своихъ симпатіяхъ къ его отечеству. Но продолжая все-таки пугать Германію Франціей, а Франціи подавая надежды, русскій абсолютизмъ создалъ въ 1875 году необыкновенно напряженную политическую атмосферу. Воспользовавшись этимъ, онъ захватилъ Сахалинъ, считая его очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ на Дальнемъ Востокѣ, двинулся на Кокандъ и поднялъ въ Герцогавинѣ возстаніе, хотя Горчаковъ и увѣрялъ Радовица, что Россія будтобы не имѣетъ никакихъ „*grands projets en Orient*“. Все это

1) Замѣтимъ кстати, что эту теорію излагалъ Россіи Бисмаркъ еще далеко до появленія на ту же тему такъ сильно шумѣвшей брошюры князя Ухтомскаго.

было въ томъ самомъ 1875 году, въ который Турція объявила свое банкротство и прекратила всякіе платежи своимъ кредиторамъ, т. е. въ годъ, когда Россія надѣялась воспользоваться этимъ замѣшательствомъ Турціи въ цѣляхъ своей политики на Ближнемъ Востокѣ, куда она вскорѣ и двинулась.

IV.

Послѣ безславной крымской кампаніи однимъ изъ первыхъ политическихъ шаговъ новаго русскаго царя, Александра II, была попытка примиренія самодержавія съ русской Польшей. Слѣдуя примѣру своего отца, Александръ II посѣтилъ въ 1856 г. Варшаву, гдѣ амнистировалъ героевъ возстанія сороковыхъ годовъ и вскорѣ также принялся за осуществленіе оставленнаго на бумагѣ въ 1831 году Николаевскаго „органическаго устава“. Для установленія же мира внутри страны Александръ II амнистировалъ декабристовъ и принялся за „либеральныя“ реформы, начавъ ихъ съ уничтоженія крѣпостного права, которому все равно не сегодня—завтра былъ бы положенъ конецъ самимъ крестьянствомъ. Разсчетъ былъ, однако, невѣренъ. „Эпоха великихъ реформъ“ не имѣла послѣдствіемъ желаннаго успокоенія умовъ. Начиная съ 1857 года, студенческія волненія то въ Харьковѣ, то въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д. не прекращались. Отдѣльныя земства и разныя группы дворянъ стали громко требовать крупныхъ политическихъ реформъ и открыто говорили о конституціи, крестьяне же, недовольные „освобожденіемъ“, бунтовали въ деревняхъ. Русская жизнь обогатилась демонстраціями, и на ея поверхности въ первый разъ появились политическія прокламаціи. Напряженіе протестующаго русскаго духа, казалось, достигло своего максимума и произвело въ правительственныхъ рядахъ большое замѣшательство. Въ сентябрѣ 1861 года имѣли мѣсто крупныя студенческіе безпорядки, наведшіе на правительство такую панику, что оно серьезно намѣревалось объявить Петербургъ на военномъ положеніи и поспѣшило сдѣлать заявленіе на столбцахъ оффиціозной газеты „Сѣверная Почта“, органѣ Валуева, о предстоящихъ реформахъ разнаго рода. Въ февралѣ 1862 года земства и дворянство, толкаемые „радикалами“, требовали конституціи, а въ маѣ того же года запылалъ Петербургъ, что правительствомъ, поставившимъ пожары въ тѣсную связь съ майскими прокламаціями „Молодой Россіи“, считалось сигналомъ къ соціальной революціи. Аресты происходили во всѣхъ концахъ Россіи, оппозиціонно настроенные элементы которой почему-то считали 7 сентября 1862 г., день 1000-лѣтняго юбилея русскаго государства, первымъ днемъ русской конституціи. Такія наивныя ожиданія были, конечно, продуктомъ ихъ напряженнаго воображенія и всей тогдашней политической атмосферы. Консти-

тупиці рускій Царь, само собой разумѣется, своему „возлюбленному народу“ не „даровалъ“, а вмѣсто нея русское правительство преподнесло ему новое польское возстаніе.

Въ Варшавѣ, расшаркнувшись передъ поляками, Александръ II и его правительство наивно полагали, что этимъ положено начало концу польско-русскихъ трений. Убѣдившись же вскорѣ въ ошибочности своихъ расчетовъ и испугавшись солидарности русско-польскихъ оппозиціонныхъ элементовъ, правительство, чтобы предупредить нападеніе на себя съ двухъ сторонъ, рѣшило ускорить польское возстаніе. Считаая, что Польша болѣе Россіи созрѣла къ революціонному акту и зная, что въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ упорно держатся мнѣнія, что сигналомъ польскому возстанію должно послужить такое же движеніе въ Россіи, правительственныя сферы справедливо считали для себя очень опаснымъ дальше медлить, ибо рисковали, рассуждали они, въ промежуткѣ позволить русскому оппозиціонному движенію вылиться въ опредѣленныя формы. Поэтому правительство задумало задуть Польшу раньше еще, чѣмъ ей успѣла прійти на помощь Россія. Таковъ былъ стратегическій планъ похода русскаго самодержавія на революціонную Польшу и революціонную Россію. И этимъ-то планомъ оно руководилось, жюгда снарядило въ Польшу цѣлую свору реакціоннѣйшихъ изъ его реакціонныхъ помощниковъ вродѣ князя Черкаскаго, Милютина, Муханова, Селиванова и имъ подобныхъ „миссіонеровъ національнаго дѣла“, превратившихъ Польшу въ арену издѣвательствъ и надругательствъ „миссіонеровъ“ надъ цѣлымъ народомъ ¹⁾. Пять разъ официальная Россія мѣняла съ 1861 по 1863 годъ своихъ польскихъ намѣстниковъ, всякій разъ посылая туда все болѣе и болѣе реакціонныхъ. Литву же она отдала Назимову и Муравьеву-Вѣшателю.

Но нужно было еще возстановить русское общественное мнѣніе противъ поляковъ, чѣмъ и занялись Катковы, Погодины и Аксаковы, обвинившіе даже великаго князя Константина, послѣдняго польскаго намѣстника, въ либерализмъ и въ намѣреніи сдѣлаться независимымъ польскимъ королемъ. А роль связующаго звена между этой кликой и императорскимъ домоуъ взяла на себя графиня Блудова, организовавшая при дворѣ нѣчто вродѣ комитета для сбора денегъ и т. д. въ пользу широкой агитаціи противъ Польши и противъ министровъ, вродѣ Валуева, не цѣликомъ раздѣлявшихъ взгляды Каткова и его сподручниковъ.

¹⁾ Въ планъ этихъ „миссіонеровъ“ входило, между прочимъ, и привлеченіе польскаго крестьянства на сторону русскаго правительства, и возстановленіе его противъ польскаго дворянства и духовенства, которыхъ оно рѣшило разорить и уничтожить.

Однако, справиться съ Польшей правящая Россія считала для себя дѣломъ далеко не легкимъ, и въ особенности растерялась, когда либеральныя партіи французской и англійской палаты депутатовъ потребовали отъ своихъ правительствъ вмѣшательства въ пользу повстанцевъ, къ каковымъ требованіямъ, преслѣдуя при этомъ свои особыя дѣли, отнеслась довольно симпатично даже и Австро-Венгрія. Подъ давленіемъ своихъ парламентовъ Австрія, Франція и Англія требуютъ отъ Россіи возстановленія польской конституціи 1832 года. Европѣ угрожаетъ всемірная война. А тутъ еще критическое положеніе Россіи осложнили финляндцы. Когда весною 1863 г., т. е. не задолго до польскаго возстанія, съ легкой руки „Московскихъ Вѣдомостей“ всю русскую націоналистическую прессу была поднята агитація противъ Финляндіи, которую, конечно, обвиняли въ сепаратическихъ стремленіяхъ и во враждебномъ настроеніи къ Россіи, то финляндская печать въ одинъ голосъ отвѣтила, что въ случаѣ войны между Россіей и западно-европейскими государствами, намѣревающимися заступиться за Польшу, она, Финляндія, гдѣ въ это время имѣли мѣсто кровавыя стычки между русскими офицерами и финляндскимъ населеніемъ, останется не только нейтральной, т. е. не только откажется въ случаѣ надобности придти Россіи на помощь, но даже открыто станетъ выражать свои симпатіи ея противнику. Но вотъ за нѣсколько мѣсяцевъ до польскаго возстанія въ Пруссіи сдѣлался министромъ-президентомъ Бисмаркъ, вскорѣ потерпѣвшій большое фіаско въ борьбѣ съ либерализмомъ и точно такъ же, какъ и русское правительство нуждавшійся въ средствѣ отвлеченія вниманія народа отъ внутреннихъ порядковъ своего отечества. Съ Бисмаркомъ-то, всегдашнимъ противникомъ всякихъ польскихъ правъ и свободъ, Россія и сговорилась насчетъ поддержки ея въ подавленіи польскаго возстанія, и опираясь на его-то дружбу и на прусско-русскую военную конвенцію, заключенную противъ Польши по порученію Бисмарка въ Петербургѣ въ февралѣ 1863 года генераломъ Алфенелебенемъ, она съ „негодованиемъ“ отвергла требованіе западно-европейскихъ государствъ признать за повстанцами право считать себя воюющей стороною.

Лишь только въ Берлинѣ были получены первыя извѣстія о началѣ польскаго возстанія, какъ Бисмаркъ сейчасъ же отдалъ генералу Вердеру приказаніе двинуть 4 прусскихъ полка, подкрѣпленныхъ черезъ короткій промежутокъ времени резервистами, на польскую границу, со стороны Познани. И это, несмотря на официальное заявленіе центрального революціоннаго комитета въ Варшавѣ, что онъ объявляетъ войну одной лишь Россіи, а не Пруссіи или Австріи. Заключеніемъ договора съ Бисмаркомъ относительно посылки прусскихъ солдатъ въ Россію русской абсолютизмъ обезпечилъ себѣ побѣду надъ Польшей,

гдѣ не могъ сконцентрировать всѣ свои войска, ибо они ему нужны были для отраженія возможнаго нападенія со стороны Финляндіи, и менѣе возможной революціи въ самой Россіи.

Такъ правящая Россія польскимъ возстаніемъ заняла вниманіе русскаго народа, а игрою въ либерализмъ ей удалось удовлетворить одну часть протестующей русскои интеллигенціи, съ молчаливаго согласія которой были пущены въ ходъ жестокія преслѣдованія другой ея половины, не хотѣвшей примириться съ половинчатостью „великихъ реформъ“. Радикальная часть русскои интеллигенціи, не могшая хладнокровно относиться къ приближенію реакціонныхъ николаевскихъ временъ, вызвала тогда самодержавіе на поединокъ и снова нарушила спокойствіе внутри страны.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, самодержавіе въ эти для себя критическіе дни рѣшило, къ удовольствію отечественныхъ промышленниковъ, опять двинуться въ Азію. Въ 1865 году былъ завоеванъ Ташкентъ, и Россія обогатилась теркестанскимъ генераль-губернаторствомъ; въ 1867 г. взяты Хаджентъ; въ 1868 г. Самаркандъ и побѣждена Бухара, а въ 1873 г. отправлена военная экспедиція въ Хиву. Англійскій парламентъ, встревоженный приближеніемъ Россіи къ Индіи, немедленно тогда потребовалъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ разъясненій насчетъ смысла хивинской экспедиціи, но что лордъ Гранвилъ (11 января 1873 года) отвѣтилъ, что русскій посланникъ въ Лондонъ поручилъ ему торжественно заявить отъ имени русскаго Царя и его правительства, что хивинская экспедиція, состоящая всего изъ 4½ батальоновъ, имѣетъ лишь цѣлью наказаніе нѣкоторыя тамошнія разбойничьи шайки. Парламентъ успокоился, чтобы вскорѣ къ своему ужасу узнать, что экспедиція состояла не изъ безобидныхъ 4½ батальоновъ, а изъ цѣлыхъ 15,000 чел. и 20,000 верблюдовъ и увѣнчалась превращеніемъ хивинскаго хана въ русскаго вассала, заплатившаго Россіи большую военную контрибуцію, уступившаго ей часть своей территоріи, на которой Россія немедленно построила Петро-Александровскую крѣпость, и обязавшагося уничтожить всякія пошлины на русскіе товары. Еще одинъ и пока послѣдній шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1876 году. 27-го февраля русскія войска вступили въ Кокандъ, а 2-го марта это ханство императорскимъ указомъ было присоединено къ Россіи подъ именемъ Ферганской области.

И пошли оргіи и ликованія въ правящемъ станѣ. „Бѣлый Царь“, писали тогда наши патріоты, захлебываясь, увеличилъ площадь російскаго государства новыми 1100 квадр.милями. И, увѣнчавъ успѣхомъ 300-лѣтнія попытки русскихъ царей сдѣлаться властелинами земель между Чернымъ и Каспійскимъ морями, онъ очистилъ себѣ путь къ дальнѣйшему движенію въ.

Азію. Сторицей, пѣли они, Россія заплатила Европѣ за нанесенныя ей обиды въ Крымскую кампанію. И радостямъ ихъ не было конца. *

Но это было въ ту пору, когда російская социалистическая мысль дописывала предисловіе къ первому тому новѣйшей исторіи Россіи въ частности и всего человѣчества въ общемъ. Это было тогда, когда русскіе революціонеры привели въ большое замѣшательство правительственные ряды и пошатнули царскій тронъ. Успѣхи социалистическаго движенія отодвинули на задній планъ азіатскія побѣды и омрачили празднества въ правящемъ станѣ. И полетѣли тогда со всѣхъ сторонъ по адресу Его Величества всевозможнѣйшіе проекты отвода народныхъ глазъ, одинъ изъ которыхъ былъ выработанъ, въ компаніи съ Побѣдоносцевымъ и Катковымъ, славянофильствомъ, начавшимъ заниматься политикой не задолго до Крымской кампаніи, когда его лидера, профессора Погодина, осянула мысль объединить весь Востокъ подъ скипетромъ русскаго царя. Проектъ этотъ былъ: „Рѣшеніе славянскаго вопроса“, обсуждавшася уже на московскомъ славянофильскомъ конгрессѣ 1867 года, „освобожденіемъ балканскихъ славянъ“. Шагъ за шагомъ славянофилы требовали отъ правительства открытой поддержки герцоговинскаго возстанія 1875 г., признанія сербско-турецкой войны, въ которой подъ предводительствомъ генерала Черняева принимали участіе тысячи русскихъ добровольцевъ, дѣломъ русскаго народа, и поддержки болгаръ противъ Турціи. А къ нимъ присоединились Игнатъевъ, канцлеръ Горчаковъ, наслѣдникъ русскаго престола Александръ III, великій князь Николай и имъ подобные, закличавшіе Александра II не забывать „дорогихъ русскому сердцу тысячелѣтнихъ традицій“ и, воспользовавшись представляющимъ ему прекраснымъ случаемъ, сыграть на этой народной струнѣ хвалебный гимнъ царствующему дому. Александръ II колебался. Его сомнѣнія раздѣляли министръ финансовъ фонъ-Рейтернъ, военный министръ Милютинъ, нѣкоторые слои высшаго петербургскаго чиновничества и большое количество членовъ государственнаго совѣта, опасавшіеся, чтобы русско-турецкая война не превратилась во всемірную, и предупреждавшіе царя, что война послужитъ лучшимъ агитаціоннымъ средствомъ русскаго освободительнаго движенія, все равно, выйдетъ ли изъ нея Россія побѣдительницей или побѣжденной. Русскіе революціонеры, правильно разсуждали они, сумѣютъ воспользоваться всѣми отрицательными и слабыми сторонами абсолютизма, скрыть которыя во время войны будетъ внѣ всякой политической и физической возможности. Тогда первые выдвинули свой послѣдній, съ точки зрѣнія абсолютизма совершенно неотразимый, аргументъ, находившійся въ тѣсной связи со слѣдующимъ очень знаменательнымъ историческимъ фактомъ. Подъ вліяніемъ турецкихъ либе-

Янв. 1907 (г).

раловъ и отчасти доживавшаго въ Ниццѣ свои послѣдніе дни бывшаго либеральнаго министра Турціи Fuad-Паши ¹⁾, султанъ, руководимый въ то время извѣстнымъ турецкимъ либеральнымъ дѣятелемъ министромъ Мидхадъ-Пашей, отдалъ 16-го декабря 1876 года распоряженіе подготовить выборы въ турецкій парламентъ. А черезъ недѣлю была торжественно объявлена турецкая конституція. Вотъ этимъ-то фактомъ и воспользовались Катковъ, Побѣдоносцевъ и К^о, доказывая Александру II, что Россія не можетъ позволить, чтобы въ Турціи укрѣпился либерализмъ, могущій своими реформами примирить съ собою турецкихъ христіанъ и сдѣлать такимъ образомъ излишними ихъ упованія и ихъ надежды на Россію. Въ этомъ случаѣ, разсуждали они, мы лишили бы себя въ глазахъ Европы и русскаго народа одного изъ главнѣйшихъ поводовъ русско-турецкихъ трений, а слѣдовательно и всегда имѣющагося у насъ въ запасъ средства отвлеченія вниманія народа отъ внутреннихъ порядковъ русскаго государства; конституціонольскій парламентъ можетъ еще, кромѣ того, продолжали они, вызвать себѣ въ Россіи подражаніе и дать новую пищу нашимъ либеральнымъ умамъ. Поэтому-то Россія должна поспѣшить объявить войну не столько самой Портѣ, сколько турецкой конституціи ²⁾. Понявъ эту „опасность“, Александръ II началъ сдаваться. Напрасно бомбардировалъ его письмами и докладными записками хорошо знавшій русскую революцію англійскій посолъ и бывший шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ и тщетно обращалъ онъ вниманіе Царя на грозившую ему опасность послѣ войны со стороны революціи. 24-го апрѣля 1877 г. была на скорую руку объявлена война Турціи, четвертая по счету въ теченіе XIX вѣка. На скорую руку, вѣдь военное министерство настолько не было подготовлено къ войнѣ, что не только не успѣло снабдить офицеровъ необходимыми географическими картами, но даже не имѣло въ своемъ распоряженіи хотя бы въ общихъ чертахъ выработаннаго стратегическаго плана. Оплотность эта оправдывается тѣмъ, что военное министерство въ недалекомъ будущемъ вести войны совсѣмъ не собиралось, тѣмъ болѣе, что милютинскія новыя военныя реформы не были еще закончены и что введенная всеобщая воинская повинность не успѣла еще въ достаточной степени привиться къ жизни. Правда, въ кругахъ власть имущихъ шли на эту тему страстные и ожесточенные споры, но никто не думалъ, что рѣшеніе вопроса—быть или не быть войнѣ—будетъ зависѣть отъ случайностей каприза...

Никто не думалъ, что Александръ II, вчерашній против-

¹⁾ См. его письма къ султану въ „La Revue de Paris“, sixième volume. Novembre, decembre 1896 г.

²⁾ См. интересную книгу Мидхадъ-Паши: „La Turquie, son passé, son avenir“. Paris, 1878 г.

никъ проекта великаго князя Николая и Каткова, сегодня подпи-
 нется подъ нимъ абсолютическимъ „быть по сему“. И даже когда
 война была уже объявлена, то военное министерство рассчиты-
 вало, что все закончится лишь простою угрозою, ибо кто же въ
 самомъ дѣлѣ начинаетъ серьезное военное дѣйствіе лишь
 четырьмя мобилизованными корпусами ¹⁾? Военное министерство,
 однако, ошиблось. Предполагаемая угроза превратилась въ пра-
 вильную войну, о чемъ своевременно позаботились славянофили
 и славянскіе комитеты, имѣвшіе въ карманѣ готовый планъ,
 подготовленный дипломатіей подпольной агитаціи на Балкан-
 скомъ полуостровѣ „освобожденія славянскихъ странъ“ и управ-
 ление ими княземъ Черкасскимъ.—Russia's Works in Turkey“
 of. Giacometti (by Edgard Whitaker. London) та книга, въ
 которой собраны секретные документы, купленные Рабиль-Пашею,
 турецкимъ посломъ въ Петербургѣ. Ихъ 49 штукъ, и всѣ онѣ
 аттестуютъ славянскіе комитеты, какъ истинныхъ „подпольныхъ
 агитаторовъ“, ни передъ чѣмъ не останавливающихся для дости-
 женія своихъ цѣлей. „На основаніи предписанія центрального
 комитета,—телеграфируетъ въ декабрѣ 1872 г. болгарскій гене-
 ральный консулъ Шипкинъ вѣнскому комитету (его предсѣдате-
 лемъ былъ вѣнскій посолъ Новиковъ),—я имѣю честь довести до
 вашего свѣдѣнія, что мною организовано „Общество Свободы“
 съ господиномъ Ристичемъ, въ качествѣ предсѣдателя, во главѣ...
 Сегодня я отправилъ въ Сараево (Боснія) Ирановича съ поруче-
 ніемъ заняться тѣмъ же самымъ“. Въ январѣ 1873 г. телегра-
 фируетъ сараевскій консулъ тому же комитету: „Все готово для
 раздачи послѣ праздниковъ какъ полученныхъ мною денегъ
 изъ Вѣлграда, такъ и огнестрѣльнаго оружія, хранящагося въ
 извѣстной вамъ пещерѣ“. Въ концѣ ноября 1872 г. салоникскій
 консулъ Лаговскій получаетъ изъ Петербурга телеграмму слѣ-
 дующаго въ высшей степени интереснаго содержанія: „Централь-
 ный комитетъ имѣетъ честь извѣстить Васъ, что, по распоряже-
 нію нашего августѣйшаго предсѣдателя, русское агентство на
 Аеонѣ превращается въ организаціонный Комитетъ, коему ста-
 вятся слѣдующія задачи: 1) устройство при монастырѣ, нося-
 щемъ названіе „Русиконъ“, склада оружія и т. п. вещей; 2)
 организація комитетовъ въ Македоніи, Эракіи, Болгаріи и ста-
 рой Сербіи, черезъ посредство своихъ агентовъ, раздающихъ
 деньги, вербующихъ послѣдователей славянскаго дѣла и добро-
 вольцевъ для патріотическаго движенія; 3) насажденіе на аеон-

¹⁾ Циркулировавшая въ 1890 году въ высшихъ петербургскихъ сфе-
 рахъ исторія начала войны 1877 г., написанная для министерства ино-
 странныхъ дѣлъ Ионинымъ, бывшимъ дипломатическимъ агентомъ въ
 Софіи, Цетиньѣ и Бернѣ, рассказывала много интереснаго относительно
 неподготовленности и растерянности военнаго министра.

скомъ полуостровѣ русскихъ и болгарскихъ колоній съ цѣлью превращенія его въ мѣсто, исключительно населенное славянами. При этомъ вамъ рекомендуется, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, вытѣснить въ теченіе одного года всѣхъ грековъ изъ всѣхъ ими владѣемыхъ монастырей. Упомянутому комитету отпускается ежегодно сумма въ 50,000 рублей; расходы же контролируются русскимъ посланникомъ въ Константинополь“. „Благодаря энергіи Ионина, русскаго консула въ Рагузѣ, въ нашемъ распоряженіи имѣются: 12,000 ружей, 4500 берданокъ, 6800 американскихъ пистолетовъ, 7000 драгунскихъ сабель и три горныя батареи. Какъ только нами будутъ получены обѣщанныя императорскимъ правительствомъ митральезы и 25000 американскихъ карабиновъ съ патронами, мы окончательно будемъ готовы къ нападенію на врага, имѣя въ своемъ распоряженіи 30,000 хорошо вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ“. Это пишетъ черногорскій князь великому князю Николаю въ своемъ письмѣ отъ 22-го декабря 1872 года. „Если министерство иностранныхъ дѣлъ не сдержитъ даннаго имъ слова редактору триестской газеты и князь (Горчаковъ) покушится на нѣсколько тысячъ рублей, то я готовъ заплатить эту сумму (5000 руб.) изъ своего собственнаго кармана, такъ какъ считаю необходимой поддержку триестской газеты, пользующейся гораздо большимъ вліяніемъ на турецкихъ христіанъ, чѣмъ всѣ болгарскія, сербскія и румынскія газеты, вмѣстѣ взятыя“. „Нашъ русскаго консулъ сдѣлалъ большую оплошность, выбравъ въ свои политическіе агенты человѣка, принимавшаго участіе въ обворовываніи одной турецкой почты. Что, если полиціи удастся арестъ этого субъекта! Я боюсь, что онъ своими разоблаченіями насъ сильно скомпрометируетъ“. Оба эти послѣдніе документа писаны Игнатьевымъ, русскимъ посломъ въ Константинополь, Новикову. Такъ славянскіе комитеты вмѣстѣ съ представителями нашего министерства иностранныхъ дѣлъ подготовляли освобожденіе „братьевъ-славянъ“. Освобождали же они „нашихъ братьевъ“ для того, чтобы отдать ихъ въ полнѣйшее распоряженіе русскихъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и полиціимейстеровъ, выбранныхъ и назначенныхъ ихъ шефомъ, княземъ Черкасскимъ, и не только получившихъ подъемныя въ 7000, 3500, 2000, 1500 рублей и секретныя фонды отъ 6—10,000 руб., но и свои годовыя оклады за цѣлый годъ впередъ, еще до вступленія русскихъ солдатъ въ Болгарію. Готовившаяся же эмансипація „братушекъ“ должна была быть, по опредѣленію петербургскихъ чиновниковъ, „русской нагайкой“. Это, впрочемъ, не помѣшало Александру II на берлинскомъ съѣздѣ трехъ императоровъ увѣрять своихъ коронованныхъ собратьевъ, что онъ-де, Александръ II, добивается отъ Турціи лишь только либеральныхъ реформъ на Балканскомъ

полуостровѣ, чѣмъ будто бы и вполне удовлетворится. Легкомысленная западно-европейская пресса, повѣрившая этому заявленію, разнесла его по всему свѣту, сильно обезпокоивъ славянскіе комитеты, пришедшіе въ себя лишь послѣ того, какъ „августѣйшій предсѣдатель (Александръ III) телеграфировалъ вѣнскому послу Новикову: „Сообщите циркулярно депешей нашимъ субкомитетамъ, что всѣ слухи, распространяемые насчетъ берлинскаго сѣзда императоровъ, ложны и исходятъ отъ нашихъ враговъ, и что Россія не измѣнила своихъ плановъ относительно славянскаго вопроса“. Въ то время, какъ Александръ II увѣрялъ Европу въ безкорыстїи Россіи, Александръ III возвѣстилъ славянскимъ комитетамъ сущую правду. Оффиціальная Россія, дѣйствительно, не измѣнила своимъ планамъ насчетъ славянскаго вопроса и объявила Турціи, какъ мы раньше видѣли, войну, вести которую поручила великимъ князьямъ, пользовавшимся какой угодно славою, но только не славою военачальниковъ. Подражая Гогенцоллернамъ, Александръ II роздалъ великимъ князьямъ начальство надъ отдѣльными частями арміи, копируя Вильгельма I во время франко-нѣмецкой войны, рассчитывая, что они своею храбростію и своими успѣхами на полѣ битвы усилятъ народную любовь къ царскому дому. Но сильно ошибся. Съ первыхъ же шаговъ російскіе главнокомандующіе обнаружили свою непригодность, и, не успѣвши имъ на помощь румынскіе солдаты, турки потопили бы цѣлую русскую армію вмѣстѣ съ генеральнымъ штабомъ и самимъ Царемъ въ дунайскихъ волнахъ. Тѣ самые турки, которыхъ наша офиціозная и оффиціальная пресса наканунѣ войны характеризовала варварами, совершенно отставшими въ военномъ искусствѣ та же пресса усиленно подчеркивала финансовое банкротство ихъ отечества. Однако, и у русскихъ на этотъ счетъ дѣло обстояло не лучше. И не кто иной, какъ самъ министръ финансовъ Рейтнернъ, приглашенный Царемъ въ 1876 году въ Ливадію для изложенія своихъ взглядовъ на русскіе финансы, заявилъ Царю въ упоръ, что Россія войны вести не можетъ и тутъ же просилъ позволить ему отказаться отъ своего пустого министерскаго портфеля. Никакія затрудненія и запрещенія, сдѣланныя въ 1877 году, незадолго до открытія военныхъ дѣйствій, относительно вывоза золота за-границу не помогали,—золото уплывало туда, несмотря на все и вся. Въ теченіе первыхъ 5-ти мѣсяцевъ войны циркулировавшая въ Россіи сумма въ 779 милліон. бумажныхъ рублей была еще на 140 милл. увеличена, чѣмъ и было вызвано сильное паденіе курса русскаго рубля. До войны за него платили нѣмецкими деньгами 2 марк. 52 пфеннига, въ іюнѣ мѣсяцѣ 2 м. 15, въ августѣ 2 м. 10 пф., а позже даже 1 м. 90 пф., что принесло громадныя барыши лишь близкому стоявшимъ къ министерству финансовъ и тѣмъ немногимъ патрио-

тамъ-помѣщикамъ, отъ имени которыхъ „Московскія Вѣдомости“ доказывали цѣлесообразность увеличенія количества бумажныхъ денегъ; тѣмъ патріотамъ, которые, получая за вывезенный ими хлѣбъ за границу западно-европейское золото, перепродавали его въ Россіи по очень дорогой цѣнѣ. „Блестящіе“ русскіе финансы насчитывали къ первому февралю 1876 года, значить еще до войны, 1800 милліон. рублей государственнаго долга. А казначейство и государственные банки, блиставшіе пустотою своихъ кассъ, вынуждены были въ ноябрѣ того же года обратиться къ патріотическимъ сердцамъ съ просьбой о займѣ ста милліон. рубл., въ полной увѣренности, что воинственно настроенная Россія предложитъ правительству во много разъ большую сумму. Увы, патріотизма хватило всего на 123 милліона, а этотъ ничтожный излишекъ воочію доказалъ безнадѣжность попытокъ къ новымъ внутреннимъ займамъ. Поэтому-то когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ казначейство снова опустѣло, правительство прибѣгло, но еще съ большимъ неуспѣхомъ, къ вѣнскому займу, получивъ 7-го іюня 1877 года отъ европейской буржуазіи лишь третью часть просимой у нея суммы. Такъ русскіе „блестящіе финансы“ вынуждены были принятись за повышеніе налоговъ и искать спасенія въ выпускахъ бумажекъ, которыхъ къ концу 1877 г. набралось уже 293,850,000, рублей. Начальствовавшіе же въ компаніи съ Варшавскимъ, Горвицемъ, Грегеромъ, Хвоцинскимъ и др. тѣмъ временемъ безпощадно крали. И не пріостанови Александръ II императорскимъ указомъ одесскаго судебнаго процесса противъ Горвица съ товарищами,—правящіе Россіей создали бы себѣ и въ глазахъ мало посвященной широкой массы русскаго народа большую славу заурядной мошеннической и воровской шайки.

Съ головы до ногъ въ буквальный смыслъ этого слова, обворованный, голодный и до послѣдней степени истощенный, русскій солдатъ, съ колыбели уже мачехой-судьбой пріученный фаталистически относиться къ невзгодамъ своей жизни, все прощалъ. И переступая черезъ десятки тысячъ труповъ ему подобныхъ, онъ покорно и безропотно слѣдовалъ велѣніямъ своего бездарнаго начальства, все сильнѣе напирая своей грудью на турка, котораго и заставилъ, наконецъ, согласиться на игнатьевскій проектъ, знаменитый Санъ-Стефанскій договоръ, состоявшійся 3-го марта 1878 года и поставившій на ноги всю западно-европейскую дипломатію. Санъ-Стефанскимъ договоромъ Турція признала свою зависимость отъ Россіи, а эта приблизилась къ захвату Дардамельскаго прохода. Овладевъ имъ, Россія лишила бы Европу возможности въ моментъ грозящей ей опасности закрыть русскому флоту, съ помощью Турціи, выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, превращеніе котораго, по выраженію Кристи, тогдашняго итальянскаго премьеръ-министра, въ „московское“ было бы только

вопросомъ времени. Изъ Константинополя Россія охватила бы желѣзнымъ кольцомъ Балканскій полуостровъ, Грецію, Австро-Венгрію и отчасти Италію. Въ Азіи она создала бы для себя новое „славянское государство“. Въ Балтійскомъ морѣ она имѣла бы Ригу, въ Черномъ и Средиземномъ Константинополь, въ Вѣломъ Архангельскъ, и сдѣлалась бы такъ самодержавной въ Европѣ. И сбылись бы опасенія Тьера, сказавшаго однажды, что въ тотъ моментъ, въ который Россія одною ногою укрѣпится на Зундѣ, а другою на Босфорѣ, Европа сдѣлается рабыней Россіи и все либеральное должно будетъ эмигрировать въ Америку. Но страхъ Европы передъ самодержавной Россіей сдѣлалъ первую солидарной съ Англіей, гдѣ нерѣшительное министерство лорда Дерби было замѣнено на все готовымъ министерствомъ Салюсбери. Новый лондонскій кабинетъ взялъ на себя же инициативу умалить, на большую половину, значеніе Санъ-Стефанскаго договора. При первыхъ уже опасныхъ для Европы побѣдахъ русскаго солдата, Англія категорически потребовала отъ Россіи остановиться въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи въ сторону Константинополя. И 24-го января 1878 года англійское правительство заявило верхней и нижней палатамъ, что черезъ четыре дня оно потребуетъ отъ нихъ кредита въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ ему для предстоящей войны съ Россіей. Требованіе было удовлетворено. 13-го февраля вошелъ британскій флотъ, при слабыхъ протестахъ Порты, въ Дарданеллы и сталъ между Россіей и Константинополемъ; а черезъ 14 дней былъ въ Англіи окончательно готовъ проектъ увеличенія сухопутныхъ войскъ съ 70 на 135 тысячъ человекъ. 24-го марта русское правительство гордо и съ „негодованіемъ“ отвергаетъ предложеніе Великобританіи обсудить въ сообществѣ съ другими государствами на конгрессѣ Санъ-Стефанскій договоръ, а 29-го лондонскій кабинетъ сообщаетъ своимъ парламентамъ о принятомъ имъ рѣшеніи мобилизовать резервныя войска и спустя нѣсколько недѣль двинулъ часть своего индійскаго войска на островъ Мальту. Кипятилась же такъ англійская буржуазія потому, что, между прочимъ, боялась, какъ бы Россія, заставъ въ Константинополѣ, не закрыла бы ей входа въ Суэцкій каналъ, т. е. не отрѣзала бы ее отъ богатой Индіи и не лишила бы ее Малой Азіи. Санъ-Стефанскимъ договоромъ Турція, во-первыхъ, обязалась заплатить Россіи военную контрибуцію въ размѣрѣ 310 милліоновъ рублей; во-вторыхъ, Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ Европейской Турціи султану былъ оставленъ, и то лишь на время, только Константинополь; въ-третьихъ, надъ Болгаріей, гдѣ русское правительство намѣревалось посадить своего князя, увеличенной частью Трекіей и Мажедоніей и растянувшейся отъ береговъ Дуная до Эгейскаго моря, былъ признанъ, равно какъ и надъ Арменіей, протекторатъ Россіи; въ-четвертыхъ, Россія получила въ Азіи Батумъ, Арданонъ, Карсъ

и Баязеть, а въ Европѣ Добруджу, которую потомъ обмѣняла на Бессарабію, придвинувшую россійскія границы до самыхъ береговъ Дуная; въ-пятыхъ, Румелія, Сербія и Черногорія сдѣлались независимыми, причѣмъ послѣдняя получила часть Босніи и два порта на берегу Адриатическаго моря; а въ послѣднихъ, Санъ-Стефанскій договоръ былъ надгробнымъ словомъ Турціи.

Замѣтивъ, что Англія, поддерживаемая Австро-Венгріей, не на шутку собирается помѣриться силой съ Россіей, царское правительство, чтобы сдѣлать Англію болѣе сговорчивой, отправилъ въ Афганистанъ тайнаго агента, вступившаго съ эмиромъ Ширъ-Али въ переговоры насчетъ нападенія на Индію. Задѣтая за самое больное мѣсто, Великобританія умѣрила нѣсколько свой пылъ и 22-го мая 1878 года графу Шувалову удалась подходящая для Россіи формула созыва берлинскаго конгресса. Но раньше чѣмъ отправить туда своихъ делегатовъ, Россія напомнила Бисмарку о своихъ старыхъ услугахъ и просила поддержки.

Еще въ 1876 г. Александръ II съѣздилъ въ Рейхштадтъ, чтобы тамъ на всякій случай сговориться съ Францемъ-Иосифомъ насчетъ условій, при какихъ Австро-Венгрія готова остаться нейтральной, если между Россіей и Турціей на самомъ дѣлѣ загорится война. Но Францъ-Иосифъ соглашался вступить въ переговоры на эту тему лишь послѣ того, какъ русское правительство обяжется не навязывать ни одной изъ турецкихъ провинцій своего протектората, не трогать Константинополя, не дѣлать захватовъ на правомъ берегу Дуная и въ случаѣ счастливаго исхода войны не диктовать Турціи условій безъ державъ, подписавшихъ парижскій и лондонскій трактаты 1856 и 1871 гг. Результатомъ рейхштадтской встрѣчи былъ секретный договоръ, подписанный въ Вѣнѣ Новиковымъ и Андраши, причѣмъ Австріи была обѣщана за ея нейтралитетъ Боснія и Герцоговина. Зачѣмъ же, спрашивается, Россія объявила Турціи войну, когда Австрія еще до начала военныхъ дѣйствій предписала ей невыгодныя условія мира и сдѣлала возможныя уступки равными нулю? Зачѣмъ? А затѣмъ, что въ то время абсолютизмъ объявлялъ войну не Турціи, а главнымъ образомъ русскому революціонному движенію. Война ему нужна была во что бы то ни стало, ибо ею онъ разсчитывалъ сказать шахъ и сдѣлать мать русскому освободительному движенію. Что же касается результатовъ войны, то онъ положился на хитрость своихъ дипломатовъ, неоднократно уже надувавшихъ Западную Европу. Естественно, что Австрія наряду съ Англіей подняла необыкновенный шумъ и гамъ, когда Россія, вопреки данному ею обѣщаніямъ, заставила Порту подписать Санъ-Стефанскій договоръ и естественно также, что теперь Австро-Венгрія уже не хотѣла удовлетвориться только Босніей и Герцоговиной, а потребовала для себя протектората надъ Сербіей и Черногоріей, чтобъ имѣть открытымъ путь въ Салоники. Въ эти-то

тяжелыя минуты для русскаго правительства князь Горчаковъ предложилъ Бисмарку не давать Австріи ходу противъ Россіи и этимъ предоставить ему, Горчакову, возможность на берлинскомъ конгрессѣ справиться съ Великобританіей. Бисмарку, слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: либо взять сторону Россіи противъ Австріи, либо идти рука объ руку съ послѣдней противъ Россіи, такъ какъ оставаться въ серединѣ между этими двумя государствами не было никакой возможности, ибо слишкомъ уже были противоположны ихъ интересы.

Онъ предпочелъ послѣднюю комбинацію и предпочелъ ее потому, что теперь Бисмаркъ чувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что не нужна уже была ему русская дружба въ той мѣрѣ, въ какой онъ нуждался въ ней тотчасъ послѣ франко-нѣмецкой войны. Онъ зналъ, что купи онъ дружбу Россіи на счетъ Австріи, онъ вынужденъ будетъ въ концѣ концовъ согласиться на присоединеніе всѣхъ славянскихъ земель къ Россіи, что было не послѣднимъ пунктомъ тогдашней русско-внѣшней политики, т. е. вынужденъ будетъ позволить стереть съ лица земли австрійское государство. Въ этомъ-же случаѣ судьба нѣмецкой имперіи всецѣло зависѣла бы отъ Россіи, которая распоряжалась бы ею по своему личному усмотрѣнію. Безъ Австріи, говорилъ Бисмаркъ въ началѣ января 1887 и февраля 1888 г., Германія, отрѣзанная на континентѣ отъ Италіи, очутится между двухъ огней, между Франціей и Россіей. Слѣдовательно, сильное австрійское государство, опирающееся на нѣмецкую имперію и ея дружбу, могущее въ каждую опасную минуту служить тормазомъ русско-завоевательной политики, было тогда въ интересахъ Германіи. Поэтому-то Бисмаркъ и поддерживалъ на берлинскомъ конгрессѣ австро-венгерскую политику на Ближнемъ Востокѣ, чѣмъ и заслужилъ одобреніе и симпатію Англіи, Франціи и Италіи и возстановилъ противъ себя Россію.

На берлинскомъ конгрессѣ восторжествовала политика англійскаго правительства, заключавшаяся въ недопущеніи исчезновенія Оттоманской имперіи по крайней мѣрѣ не раньше, чѣмъ балканскія княжества не окрѣпли и не объединились для совмѣстнаго отпора посползованій Россіи. Съ этой цѣлью англійскій премьеръ министръ Биконсфильдъ предлагалъ въ февралѣ 1878 г. Франціи, Италіи и Греціи объединиться съ Великобританіей для оказанія совмѣстной помощи австро-венгерскому государству въ его спорахъ съ Россіей изъ-за политическаго преобладанія на Ближнемъ Востокѣ; и съ этой цѣлью онъ предлагалъ Австро-Венгріи заключить съ Англіей союзъ для защиты турецкой территоріи какъ въ Европейской Турціи, такъ и въ Малой Азіи.

Такъ правая Россія, истратившая на русско-турецкую войну 2 миллиарда рублей и потерявшая около 200,000 человекъ, ушла съ берлинскаго конгресса, на которомъ Турціи были возвращены $\frac{2}{3}$

отнятыхъ у ней земель Россіей по Санъ-Стефанскому договору, приблизительно по 30,700 дкт., безъ Эгейскаго моря и безъ Константинополя.

А чтобы у русскаго правительства отбить всякую охоту въ недалекомъ будущемъ снова сдѣлать нападеніе на Турцію, Англія предложила Портѣ за островъ Кипръ, въ высшей степени важную морскую станцію въ Средиземномъ морѣ, съ которой Англія можетъ въ 48 часовъ двинуть свой флотъ въ Суэцкій каналъ, взять на себя защиту Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи.

Соотвѣтствующій договоръ былъ Турціей подписанъ 4-го іюня 1878 г., а въ немъ значилось, что Англія обязуется вооруженной силой защищать турецкія земли въ Азіи отъ нападенія со стороны Россіи.

Политикусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аграрный вопросъ.

Рассказъ Александра Кипень.

I.

Общее собраніе членовъ N-скаго сельскохозяйственнаго общества, противъ обыкновенія, было довольно многолюднымъ. Предстояло чтеніе отчета ревизіонной комиссіи и „слушаніе“ доклада земскаго агронома „Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи“. Былъ уже девятый часъ, но, несмотря на приглашеніе пожаловать въ 7¹/₂ часовъ вечера, засѣданіе еще не начиналось. Ждали прибытія графа Сергѣя Николаевича Юрасова, одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ, недавно избраннаго единогласно въ число почетныхъ членовъ общества.

Въ большомъ, ярко освѣщенномъ залѣ чувствовалось то особенно приподнятое настроеніе, какое всегда бываетъ при многолюдныхъ встрѣчахъ русскихъ хозяевъ, когда каждый можетъ вдоволь наболтаться, разругать своихъ сосѣдей и похвастать порядками, заведенными въ собственной экономіи.

У большого кожанаго кресла, разведя локти и упершись вывернутыми ладонями въ поясницу, стоялъ короткій толстенькій предсѣдатель общества съ выбритыми усами и подбородкомъ, очень похожій на англійскаго дипломата. Щуря близорукіе глаза и шевеля губами, онъ благодушно слушалъ долговязаго директора сельскохозяйственнаго училища, специалиста по метеорологіи, критиковавшаго способы предсказанія погоды, придуманные Демчинскимъ. Лицо у директора было худое, желчное; говорилъ онъ злобно и рѣзко, недружелюбно оглядывая постороннихъ слушателей. Стоявшій тутъ же уполномоченный министра земледѣлія, человекъ хитрый и подозрительный, насмѣшливо переглядывался съ предсѣдателемъ, такъ какъ считалъ директора несвѣдущимъ болтуномъ и нахаломъ. Самъ онъ былъ извѣ-

стенъ въ городѣ, какъ большой знатокъ музыки, а въ должности своей, по общимъ отзывамъ хозяевъ, былъ совершенный бездѣльникъ.

Недалеко отъ нихъ, тяжело сопя и съ брезгливой гримасой прихлебывая горячій чай, сидѣлъ баронъ Зигель, предсѣдатель земской управы, разслабленный, слюнявый старичокъ съ кучими сѣдыми бровямъ. Баронъ съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ неприличные анекдоты, которые очень выразительно рассказывалъ Миллярскій, начальникъ лѣсоохранительнаго комитета, высокий, блѣдный человекъ, изъ поляковъ, въ молодости принявшій православіе и давно уже состоявшій на государственной службѣ.

Не успѣвшіе еще развѣхаться послѣ губернскихъ выборовъ мелкопомѣстные хозяева, любители собакъ, охоты и всякой игры на интересъ, люди безпечные и добродушные, но черезчуръ развязные, занимали всю сторону стола противъ предсѣдательскаго кресла. Всѣ они были превосходно настроены, шутили, смѣялись, усердно пили чай, разносившійся благообразнымъ служителемъ въ пиджакъ и крахмальній сорочкѣ съ бѣлымъ галстухомъ. Каждый старался перешеголять другихъ непринужденностью манеръ и остроуміемъ; всѣ гворили черезчуръ громко, не столько для удобства собесѣдника, сколько затѣмъ, чтобы ихъ слышали сидѣвшіе напротивъ настоящіе помѣщики, пухлые, выхолненные господа съ надутыми, недовольными лицами.

— Вся бѣда, извольте видѣть, отчего?—говорилъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ, скашивая глаза и фамильярно подмигивая богачу Ширяеву, извѣстному коннозаводчику и знатоку бѣговаго спорта.—Оттого, что у насъ нѣтъ путей сообщенія! Дайте намъ пути сообщенія, и все пойдетъ, какъ по маслу...

— Какъ разъ! Помогутъ вамъ пути сообщенія, если сами вы безпутный человекъ...

— Природа, батенька!.. Русскій человекъ—ничего не подѣлаешь... Широкая, какъ говорится, натура...

— Было бы что вывозить, и безъ путей обойдемся!—съ безпричинной веселостью заявилъ какой-то усачъ въ венгерской курткѣ, глядявая собраніе внезапно просвѣтленнымъ взглядомъ.

— Позвольте... Это все не то... Посредники все дѣло портятъ. Кто у насъ, позвольте спросить, цѣну сбиваетъ?..

— Вѣрно!.. Ты мнѣ настоящаго потребителя дай. Я его, можетъ, никогда въ глаза не видалъ... живого...

— Вотъ возьмите, на примѣръ, всѣ эти аграрные такъ называемые бунты...

— У меня, знаете, такой характеръ: я строгъ, дѣйстви-

тельно, но я справедливъ! Мнѣ, душа моя, всѣхъ этихъ казакѣвъ не нужно... Я самъ тебѣ такой аграрный бунтъ устрою, что всѣ бунтари попрячутся...

— А я вамъ говорю, что главное—это граница. Намъ безъ границы невозможно существовать... Помилуйте! Дайте намъ границу, и тогда никакой Америки бояться нечего...

Нѣсколько подгородныхъ хозяевъ-мѣщанъ, занимающихся въ Н-скѣ выгоднымъ промышленнымъ садоводствомъ, степенно расхаживали по залу, стараясь не стучать тяжелыми сапогами, и шопотомъ переговаривались другъ съ другомъ. На каждомъ поворотѣ они останавливались и молча разсматривали висѣвшіе на стѣнахъ старые портреты покойныхъ учредителей общества, людей, повидимому, сановитыхъ, съ надменными, восковыми лицами.

Укрѣпленные надъ дверью восьмигранные канцелярскіе часы пробили девять. Предсѣдатель лѣниво свѣрилъ ихъ со своими и вдругъ заторопился. Онъ извинился передъ директоромъ и, добродушно смѣясь, какъ будто кто-то пощекоталъ его подъ мышками, медленно опустился въ кресло. Слѣва отъ него точно выросла никѣмъ не замѣчавшаяся раньше длинная залезанная фигура секретаря, съ блѣднымъ измятымъ лицомъ и подстриженными щетинистыми усами.

Предсѣдатель позвонилъ и пригласилъ всѣхъ занять мѣста. Онъ началъ шептаться съ секретаремъ и съ озабоченнымъ видомъ разсматривать лежавшія передъ нимъ бумаги. Потомъ, точно желая посовѣтоваться о чемъ-то очень важномъ, наклонился вправо къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Ширяеву.

— Ваши недавно опять бѣжали?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Не спрашивайте. „Кретморъ“ проскакалъ на императорскомъ...

— Что вы говорите?..

— Сначала пошелъ хорошо. Послѣ трехъ фальстартовъ сразу взялъ переда и сдѣлалъ первый конецъ безъ двѣнадцати. На верстѣ далъ сбой, но былъ голова въ голову съ графской „Фатиницей“... И вотъ проскакалъ на прямой... Испугался зонтиковъ, которыми дамы начали махать съ трибуны... Безобразіе, чортъ бы ихъ побралъ!.. Вообще не повезло...

— Ну, однако жъ, на другихъ брали призы?

— Какое! „Винтерсетъ“ съ перваго дня былъ снятъ съ круга. Каналья-наѣздникъ былъ пьянъ и сплечилъ лучшую лошадь...

— „Винтерсетъ“ сплечень?

— До сихъ поръ стоитъ на глинѣ. „Атласная“ выручала все время на классовыхъ призахъ...

— Чудная кобылица... Отъ души жаль „Винтерсета...“ Ужасно жаль... Такая лошадь... Н-но... простите...

Предсѣдатель позвонилъ еще разъ и поднялся съ кресла. Выпрямившись и поднявъ голову, онъ медленно обвелъ глазами присутствующихъ, терпѣливо ожидая, пока всѣ займутъ мѣста и прекратятъ разговоры.

— Милостивые государи!..—началь онъ, когда въ залѣ, наконецъ, наступила тишина.—Графъ обманулъ насъ и, по-видимому, не прѣдетъ. Мы ждали часъ, ждали полтора часа... Конечно, очень жаль... э... э... мы крайне сожалѣемъ... Тѣмъ не менѣе, какъ говорится, семеро одного не ждутъ и такъ далѣе... Мм... поэтому я полагаю... я полагалъ бы, что мы можемъ открыть засѣданіе... Сначала намъ прочтутъ протоколъ предыдущаго засѣданія, послѣ котораго еще предстоитъ заслушать отчетъ ревизіонной комиссіи. Затѣмъ, послѣ отчета... э... э... господинъ Рахмановъ сдѣлаетъ сообщеніе на тему... э... э... какъ?.. по вопросу...

— Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи,—подсказалъ секретарь.

— Да, да... въ N-ской губерніи... Господинъ Рахмановъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ подѣлиться плодами своихъ трудовъ и наблюденій... своихъ, такъ сказать, изысканій и такъ далѣе... э... э... гдѣ же господинъ Рахмановъ? Господинъ Рахмановъ, прошу васъ сюда, поближе къ намъ... Что?.. Нѣтъ?.. Но гдѣ же онъ въ такомъ случаѣ?

— Подать сюда господина Рахманова...—небрежно протянулъ баронъ Зигель и забарабанилъ по столу пальцами.

— Онъ въ канцеляріи...—заявилъ секретарь,—просматриваетъ докладъ... въ послѣдній разъ передъ чтеніемъ...

— Ага, ну, вотъ и прекрасно...

— Передъ смертью не надышишься!..—сказалъ кто-то изъ мелкопомѣстныхъ и сразу насмѣшилъ все собраніе.

Предсѣдатель сдѣлалъ строгое лицо, потомъ переглянулся съ Ширяевымъ, и оба снисходительно улыбнулись.

— Ну-съ, такъ мы приступимъ пока къ чтенію протокола... Прошу васъ... —сказалъ онъ секретарю и, снова обведя взглядомъ собраніе, медленно опустился въ кресло.

Секретарь всталъ, силно откашлялся и замогильнымъ голосомъ началъ читать протоколъ.

II.

Антонъ Федоровичъ Рахмановъ уже пятый годъ служилъ въ N-скомъ земствѣ. По окончаніи курса въ Ново-Александрійскомъ институтѣ онъ побывалъ за границей, работалъ въ Клостернейбургѣ и въ Тироли, проѣхалъ по Рейну, осмотрѣлъ много образцовыхъ хозяйствъ и, возвратившись въ Россію, сталъ искать земской службы въ южныхъ губерніяхъ. Искать пришлось недолго. Заболѣвшій товарищъ уступилъ ему свое мѣсто въ N-скѣ. Антонъ Федоровичъ ѣхалъ туда съ большимъ запасомъ всевозможныхъ плановъ, мечталъ объ устройствѣ опытныхъ полей и виноградниковъ, собирался организовать земскіе склады сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій для раздачи крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ. Предстоящая работа казалась ему очень интересной и увлекательной. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ, благодаря его дѣятельности, быстро преобразится край, повысится благосостояніе населенія, откроются больницы, школы, измѣнятся обычаи и нравы.

— Нужно только любить дѣло,—говорилъ онъ,—не отставать, слѣдить за наукой. Не будемъ увлекаться высокими теоріями, а лучше сдѣлаемъ хорошо свое маленькое дѣло. Мы приготовимъ пашню, тогда пусть придутъ другіе и засѣютъ поле...

Въ N-скѣ Рахманову все очень понравилось. Предсѣдатель управы произвелъ впечатлѣніе ласковаго старика, немного капризнаго, но, въ сущности, довольно добродушнаго. Правда, Антона Федоровича покорило немного, когда баронъ, увидѣвъ его въ первый разъ, развелъ руками и сказалъ, нимало не стѣсняясь:

— Ну, вотъ пріѣхали... А что же вы у насъ будете дѣлать?.. Вы, я вижу, маленькаго роста, такъ вотъ карликовые сады—это какъ разъ по вашей части... Хэ, хэ, хэ!.. Впрочемъ, и то хорошо. Другіе у насъ все больше бобы разводили...

Антонъ Федоровичъ не нашелся тогда, что сказать на такое привѣтствіе и только потомъ ему пришелъ въ голову довольно удачный отвѣтъ. Слѣдовало сразу срѣзать барона, можно было просто отвѣтить пословицей: „Велика Федора, да дура“...

Непріятны были также нѣкоторые приемы предсѣдателя, примѣнявшіеся, впрочемъ, ко всѣмъ служащимъ управы. Когда ему нужно было пригласить агронома въ свой кабинетъ, онъ звонилъ и, не оборачиваясь, говорилъ входившему служителю:

— Подать сюда господина Рахманова.

Иногда баронъ ни съ того, ни съ сего вмѣшивался въ работу Антона Федоровича, выражалъ неудовольствіе и посылалъ его совершенно безъ всякой надобности къ какому-нибудь помѣщику какъ разъ въ такое время, когда Рахмановъ собирался объѣхать сосѣдній уѣздъ.

— Пожалуйста, прошу васъ всѣ эти ваши изслѣдованія оставить... Поймите, что намъ это не нужно... статистическія карточки и всякія тонкости... и... діаграммы... Вотъ пишеть графъ, что у него жукъ появился... Понимаете: жуки!.. Хлѣбный жуки!..

— Да вѣдь во всемъ уѣздѣ то же самое... Это кузька, *Anisoplia Austriaca*...

— Ну, ужъ я тамъ не знаю... Австріяка—такъ австріяка, но только чтобы у меня этой австріяки больше не было. Вѣдь это же ваше дѣло... Кому же еще этимъ заниматься?..

Рахмановъ возражалъ, спорилъ, но баронъ не слушалъ его, звонилъ и говорилъ служителю:

— Подать сюда дѣлопроизводителя.

За послѣднее время отношенія между ними обострились еще болѣе. Происходили частыя пререканія по поводу несовпаденія ихъ политическихъ взглядовъ. Рахмановъ уже не удовлетворялся маленькими дѣлами и вдругъ обнаружилъ склонность къ высокимъ теоріямъ.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — теперь не то время... Крестьянскіе банки, — все это только для отвода глазъ... Нужно дополнительное надѣленіе земель, а въ будущемъ даже націонализація... Что жъ?.. Я понимаю социалистовъ...

Баронъ считалъ планы Рахманова, неосуществимыми, бывалъ очень грубъ въ спорахъ и позволялъ себѣ оскорбительныя насмѣшки:

— Все это, батенька, утопія...—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.—Ну, хорошо... ну, тамъ земскіе начальники... Я понимаю... Я самъ либераль... народное образованіе... и... и санитарный надзоръ... Но вы у насъ просто якобинецъ какой-то!.. Просто бѣда! Флибустьерь да и только!.. Занимайтесь, батенька, лучше вашимъ дѣломъ. Ей-Богу, это лучше будетъ...

Однако, несмотря на всѣ непріятности, Рахмановъ считалъ, что работать здѣсь все-таки можно. За четыре года своей службы онъ собралъ очень обширный матеріаль, относящійся къ выясненію особенностей мѣстнаго крестьянскаго хозяйства. Матеріаль былъ обработанъ для сообщенія земскому собранію, но предварительно Рахмановъ рѣшилъ сдѣлать докладъ въ обществѣ сельскаго хозяйства.

Съ тѣхъ поръ, какъ были разсланы повѣстки и назначенъ день общаго собранія членовъ, Антонъ Федоровичъ

совершенно потерялъ спокойствіе духа и очень волновался. Ему казалось, что докладъ черезчуръ длиненъ и сухо изложенъ, что всѣ заснуть прежде, чѣмъ онъ дочитаеть его до конца; тревожило также и то, что въ собраніи могутъ найтись знатоки, которые вдребезги разобьютъ его выводы во время преній. Иногда эта тревога проходила и смѣнялась увѣренностью въ успѣхъ. Тогда онъ видѣлъ себя въ ярко освѣщенномъ залѣ, окруженнымъ внимательными слушателями, пораженными неожиданно интереснымъ докладомъ... Даже баронъ и тотъ былъ въ восторгѣ и говорилъ ему по окончаніи чтенія:

— Ну, прошу прощенія, Антонъ Федоровичъ... Я васъ не понимаю. Только теперь вижу, чего вы добивались... Наше земство должно поздравить себя съ такимъ работникомъ, какъ вы...

Рахмановъ тщательно переписалъ докладъ на четвертушкахъ плотной гляцевитой бумаги. Передъ уходомъ на засѣданіе онъ переодѣлся въ черную сюртучную пару и долго смотрѣлъ на себя въ зеркало. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень небольшого роста, и въ этомъ было что-то не только маленькое, но и унизительное. Лицо тоже было недостаточно представительное — худое, скуластое, съ широкимъ носомъ и жидкой козлиной бороденкой, съ непослушными торчавшими вихрами волосъ на головѣ.

III.

Антонъ Федоровичъ вошелъ въ залъ какъ разъ въ то время, когда Милярскій кончалъ чтеніе отчета ревизіонной комиссіи. Появленіе его послужило поводомъ къ нѣкоторому оживленію среди совсѣмъ было заскучавшихъ слушателей. Даже Милярскій, не прерывая чтенія, обернулся въ сторону Рахманова и сразу повысилъ тонъ.

— Это что же за фруктъ такой?—шопотомъ спросилъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ своего сосѣда.

Тотъ сдѣлалъ небрежную гримасу.

— Не знаю... Шишка, должно быть, небольшая... Въ прошедшемъ году билъ я одного такого самаго въ Грандъ-Отелѣ...

Оба собесѣдника прыснули такъ громко, что председатель счелъ нужнымъ протянуть руку къ звонку. Полусонный баронъ поднялъ голову и, глупо раскрывъ ротъ, растерянно замигалъ глазами. Увидѣвъ Рахманова, онъ пальцемъ поманилъ его къ себѣ. Антонъ Федоровичъ на цыпочкахъ обошелъ Ширяева и, захвативъ у стѣны стоявшій стулъ, подсѣлъ къ барону.

— Что у васъ тамъ въ докладѣ?.. Много?.. — спросилъ тотъ ерывающимся хриплымъ шопотомъ и, повернувшись бокомъ къ столу, уставился въ Рахманова выдвѣтшими, неподвижными глазами.

Антонъ Федоровичъ смутился и покраснѣлъ.

— Мм... ээ... долго вы эту музыку разводить будете?..

— Здѣсь чтенія часа на полтора...

— Ну это вы, батенька, оставьте... Сократите... непременно... того... ээ... сократите...

— Невозможно, баронъ...

— Ну, нечего, нечего тамъ... Невозможно!.. А не то я уйду... Полтора часа!.. Чортъ знаетъ что такое!..

Рахмановъ отошелъ обиженный и возмущенный. Баронъ былъ ему теперь глубоко противенъ, хотѣлось избить его, ударить тяжелымъ подсвѣчникомъ по большой отполированной лысинѣ, услышать трескъ отъ пролома этого отвратительнаго черепа.... Онъ сѣлъ на одинъ изъ кожаныхъ дивановъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ, и оттуда смотрѣлъ на всѣхъ съ плохо скрываемымъ огорченіемъ... Антонъ Федоровичъ уже предчувствовалъ, что докладъ провалится и никого не заинтересуетъ... Не стоило и огородъ городить... Лучше бы сказать прямо, что читать не буду... Однако, это неудобно сдѣлать... всѣ подумаютъ, что онъ боится... Рахманову было очень тяжело, сосало подъ ложечкой, хотѣлось скорѣе кончить все и уйти отсюда...

Когда Милярскій окончилъ чтеніе, предсѣдатель предложилъ желающимъ высказаться по поводу прочитаннаго и утвердить отчетъ. Этого предложенія никто не слышалъ. Всѣ точно обрадовались наступившей передышкѣ и спѣшили подѣлиться мыслями, пришедшими имъ въ голову во время столь продолжительнаго молчанія. Залъ снова наполнился шумнымъ трескучимъ разговоромъ, скрипомъ и стукомъ передвижаемыхъ стульевъ, звономъ стакановъ и ложечекъ.

— Дай-ка, братецъ, еще чаю...

— При такихъ дѣлахъ развѣдишься... Чего я тамъ не видалъ за границей?..

— ...Были у меня, батенька, киргизы тоже... Одно время четверку держалъ... Нельзя сказать, чтобы показныя, но добрыя лошади...

— Низкорослы, знаете, но зато выносливы...

— Ну, нѣтъ, не говорите. Въ дугу очень хороши, тройкой... а въ шоры, разумѣется, не годятся.

— Господиной секретарь, — нерѣшительно говорилъ садоводъ-мѣщанинъ, осторожно подойдя къ столу и тыкая пальцемъ въ сукно. — Тутъ поправочку маленькую надоть, въ протоколѣ-сь...

— Что-о?.. Оставьте, пожалуйста... Что вы пальцемъ тычете?.. Сукно испортите...

— Хм... Ну, все одно-съ... Извините-съ... Думаль, какъ... чтобы, то есть, вѣрнѣе...

— А вы не думайте...

— Господа, ставлю вопросъ на баллотировку, — объявилъ председатель, не переставая звонить и стараясь перекричать слитный шумъ множества голосовъ. — Господа, тѣхъ, которые стоятъ за отчетъ, прошу встать, кто же ничего не имѣетъ противъ, тѣхъ прошу сидѣть...

Всѣ, за исключеніемъ Ширяева и барона Зигеля, встали.

— Мы тоже присоединяемся... — равнодушно протянулъ баронъ.

Председатель сдѣлалъ глазами особое движеніе, свидѣтельствовавшее о томъ, что заявленіе барона принято къ свѣдѣнію, и громко заявилъ собранію:

— Отчетъ принять единогласно. Объявляю перерывъ на десять минутъ...

— Позвольте, господа, — кипятился какой-то мелкопомѣстный, разводя руками. — Какъ же это единогласно?.. Я противъ утвержденія...

— Зачѣмъ же вы встали?..

— Да вѣдь сидѣть должны были тѣ, что стояли... Фу, чорты!.. Сидѣли, стояли!.. Ничего не понимаю... Я подамъ особое мнѣніе...

IV.

Послѣ перерыва, когда всѣ снова заняли свои мѣста, председатель пригласилъ Рахманова приступить къ чтенію доклада. Антонъ Федоровичъ, блѣдный, съ мучительно напряженнымъ лицомъ, прошелъ къ стоявшей въ сторонѣ высокой конторкѣ, на которой былъ приготовленъ стаканъ съ водой и горѣли свѣчи. Развернувъ рукопись, онъ сразу почувствовалъ непреодолимую робость и, опустивъ глаза, не рѣшался взглянуть на лица своихъ слушателей. Казалось, тамъ сидѣли совершенно незнакомые, бездушные люди, отъ которыхъ нельзя было ждать никакого сочувствія. Стараясь скрыть волненіе, Рахмановъ часто закашлялъ, странно повелъ шеей, точно его душилъ тѣсный воротникъ, погладилъ усы и дрожащимъ, срывающимся голосомъ началъ чтеніе. Однако, робость его скоро прошла, голосъ сдѣлался болѣе ровнымъ и выразительнымъ. Онъ прочелъ всю вступительную часть доклада и уже началъ сыпать цифрами изъ составленныхъ имъ статистическихъ таблицъ, когда за дверью, ведущею въ вестибюль, послышались какая-то

возня, кряхтѣнье, чей-то громкій разговоръ и почтительные отвѣты швейцара. Въ залѣ началось движеніе.

— Графы!.. Графъ пріѣхалъ!..

Всѣ шумно поднялись съ мѣстъ. Рахмановъ, прерванный на полусловѣ, замолчалъ и, не отходя отъ своей конторки, съ любопытствомъ ждалъ появленія графа. Предсѣдатель, Ширяевъ и баронъ Зигель прошли къ дверямъ, чтобы встрѣтить почетнаго гостя. Въ это время дверь широко распахнулась, и въ залъ вошелъ высокій, породистый старикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ бутоньеркой фіалокъ въ петлицѣ. Оттопыривъ немного нижнюю губу, онъ медленно обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ.

— Господа,—сказалъ онъ здоровымъ, зычнымъ голосомъ, пожимая руки предсѣдателю, Ширяеву и Зигелю.— Благодарю васъ, господа, за избраніе. Графа Юрасова всѣ знаютъ!.. Надѣюсь, никто не станетъ говорить, что козла въ огородъ пустили... Я начну съ извиненій за опозданіе. Это мое больное мѣсто... Покойный князь Сокальскій часто говорилъ: „Когда графу Юрасову назначаютъ срокъ, онъ всегда опаздываетъ...“ Таковъ мой характеръ... Однако... у васъ занятія, и я не хочу мѣшать... Познакомьте меня въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ дѣло, о чемъ идетъ рѣчь...

— Вы застаете насъ, графъ, такъ сказать, въ разгарѣ работы...—объяснилъ предсѣдатель, усаживая графа на свое мѣсто и сядя съ нимъ рядомъ.—Господинъ Рахмановъ, нашъ земскій агрономъ, дѣлаетъ намъ сообщеніе...

— Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи...—подсказалъ секретарь.

Графъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на Рахманова, потомъ снисходительно качнулъ головой въ знакъ того, что онъ тоже не прочь послушать.

— Это очень кстати...—сказалъ онъ, вдругъ оживляясь. — Тема такая интересная... Я очень радъ, что поспѣлъ къ докладу... Предупреждаю васъ, господа, что это вопросъ животрепещущій, такъ сказать, чрезвычайной важности... Поэтому я долженъ предварительно сказать вамъ нѣсколько словъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ у насъ мнѣнія сдѣлались просто анархистами и все рубятъ съ плеча. Они говорятъ, что народу нужна земля. Малоземелье, какая-то тамъ націонализація, эмансипація и всякіе фу-ты, ну-ты... Однимъ словомъ: земля! Забудьте: не просто земля, а вся земля... Имъ надо всю землю!.. Ну, хорошо... Они, конечно, умники и все знаютъ... Н-но! мы вѣдь не социалисты и будемъ рѣшать этотъ вопросъ иначе, просто и справед-

ливо, по глупому нашему разумѣнію... Неправда ли, господа, такъ будетъ лучше?..

— Совершенно вѣрно, ваше сіятельство!—съ убѣжденіемъ сказалъ одинъ изъ мѣщанъ-садоводовъ и серьезно переглянулся со своими сосѣдями.

— Наполеонъ первый...—продолжалъ графъ, выпрямляясь въ креслѣ и протягивая руку по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Рахмановъ,—Наполеонъ первый сказалъ: „Та страна богата, которая имѣетъ хорошее земледѣліе“. Какъ видите, главное тутъ не земля, а земледѣліе. Но тутъ, понимаете ли, есть маленькій секретъ. Какъ сдѣлать, чтобы земледѣліе было хорошимъ?.. Теперь я это говорю такъ, между прочимъ потому, что моя рѣчь еще впереди, и тогда я объясню вамъ, какъ рѣшается эта задача... Н-но!.. Мм... не знаю имени... прошу васъ продолжать...

— Пожалуйста, господинъ Рахмановъ, мы васъ слушаемъ...—съ преувеличенной учтивостью сказалъ предсѣдатель.

Графъ снова откинулся къ спинкѣ кресла и, наклонивъ голову немногу на-бокъ, приготовился слушать. На большой красивой головѣ его серебряные волосы были острижены по-русски въ кружокъ; пушистая сѣдая борода покоилась на богатырской покатоѣ груди, незамѣтно переходившей въ пухлый животъ, туго обтянутый жилетомъ.

V.

Рахманова снова охватило волненіе, еще болѣе сильное, чѣмъ прежде. Ему было очень трудно читать, странно онѣмѣли челюсти, ежеминутно хотѣлось сплунуть, но онъ глоталъ слюну, то и дѣло прерывая чтеніе продолжительными передышками. Теперь всѣ смотрѣли на него въ упоръ, лишь изрѣдка переводя взглядъ на графа Юрасова для того, чтобы угадать отношеніе почетнаго гостя къ докладу. Сначала Юрасовъ слушалъ внимательно, съ озабоченнымъ видомъ, наморщивъ лобъ и скосивъ глаза куда-то подъ столъ. Потомъ ему, повидимому, сдѣлалось скучно. Онъ началъ нетерпѣливо ворочать головой и нѣсколько разъ съ удивленіемъ взглядывалъ на докладчика.

Рахмановъ невольно замѣчалъ всѣ движенія графа и страшно торопился. Навалившись руками и грудью на покатую доску конторки, Антонъ Федоровичъ напоминалъ теперь задыхающагося пловца, тщетно старающагося пристать къ берегу. У него ныло подъ ложечкой, дрожали пальцы; онъ началъ странно сюсюкать и говорить въ носъ.

— При существующихъ условіяхъ,—читалъ онъ,—по-

левое хозяйство едва удовлетворяет продовольственные нужды населенія...

— Скажите, пожалуйста,—спросил Юрасовъ председателя шопотомъ,—что онъ у васъ?.. немного, кажется, косноязычный?..

Тотъ сдержанно засмѣялся и наклонился къ графу.

— Черезчуръ волнуется...—отвѣтилъ онъ вполголоса и насмѣшливо взглянулъ на докладчика черезъ плечо своего сосѣда.

Рахмановъ слышалъ вопросъ графа и отвѣтъ председателя. На одно мгновеніе всѣ буквы доклада запрыгали передъ нимъ и вдругъ сдѣлались красными; онъ чувствовалъ, какъ кровь сразу прилила къ его лицу, запылали щеки. Вялый, мокнущій голосъ его сразу сдѣлался пронзительно-рѣзкимъ, болѣзненно взвизгивающимъ и неприятнымъ.

— Мелкое виноградное хозяйство и винодѣліе являются единственнымъ источникомъ платежныхъ средствъ нашего крестьянства... При арендной цѣнѣ, доходящей до двадцати рублей за десятину...

При этихъ словахъ Юрасовъ быстро повернулся въ креслѣ и вопросительно посмотрѣлъ на председателя. Тотъ неопредѣленно пожалъ плечами, не понимая, въ чемъ дѣло, но, чувствуя, что графъ недоволенъ докладомъ. Тотчасъ же среди остальныхъ слушателей, замѣтившихъ неудовольствіе Юрасова, пронесся сдержанный ропотъ и началось движеніе. Миларскій подобострастно взглянулъ на графа и громко сказалъ:

— Все это одна теорія!..

Насмѣшливо улыбаясь, графъ обернулся къ докладчику и, протянувъ къ нему руку, сдѣлалъ въ воздухѣ какое-то непонятное движеніе пальцами.

— Виноватъ, позвольте...—сказалъ онъ.—Я никакъ не могу съ вами согласиться... Малоземелье, малоземелье!.. Этимъ словомъ намъ уже прожужжали уши... Господа, нельзя упускать изъ виду, что крестьяне зарабатываютъ большія деньги въ нашихъ экономіяхъ. Я плачу тридцать пять копеекъ въ день поденнымъ, дѣвкамъ четвертакъ... Казалось бы, есть, изъ чего платить подати. Я знаю, вы скажете, что мужикъ хочетъ пьянствовать... А-а, это другое дѣло. Но кто же виноватъ въ этомъ?..

Едва замѣтная, не то презрительная, не то горестная усмѣшка появилась на губахъ Рахманова, но въ глазахъ гое все еще оставалось выраженіе прежней растерянности. Онъ нерѣшительно возразилъ Юрасову:

— Я стараюсь доказать въ моемъ докладѣ, что дѣло

не въ улучшеніи культуры, когда хозяйство ведется на четверти десятины...

Графъ грубо оборвалъ его:

— Ну, да... Это не важно... Культуры и... четверть десятины... Господа! Вотъ здѣсь говорятъ: народъ, народы!.. Но что такое народъ? Мы съ вами, господа, тоже, надѣюсь, народъ. Затѣмъ: „земля—божья“... Вздоръ! Все это выдумали евреи и армяне... и греки для своихъ гешефтовъ. Нашъ русскій народъ никогда не создавалъ себѣ подобную идею... Поймите, что хозяйство нужно сдѣлать образцовымъ—это единственный выходъ... Но какъ этого добиться? Вотъ вы говорите, что у насъ есть винодѣліе и такъ далѣе... Но тутъ весь вопросъ въ удачномъ выборѣ сортамента...

Рѣчь графа Юрасова производила на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе, потому что онъ разрѣшилъ, наконецъ, всѣ сомнѣнія и опасенія хозяевъ. Онъ стоялъ у стола и, плавно жестикулируя кистью правой руки, то задавалъ собранію какіе-то вопросы, то самъ же отвѣчалъ на нихъ зычнымъ голосомъ, точно командуя военнымъ строемъ.

— Господа,—кричалъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь,—крестьяне бѣдны, не отрицаю! Но пусть они сажаютъ Пти-Вердо, Каберне-Совиньонъ, Пино-Жардоннэ, и тогда вы увидите, что они станутъ богаты... Если вы хотите разводить Арамонъ и разные Буше, разводите. Вѣрю, что вы получите шестьсотъ, даже тысячу ведеръ съ десятины, но это будетъ вода, а не вино. Найдутся, конечно, охотники и на воду, но я такой дряни пить не стану. Не говитесь, господа, за большими урожаями—вы неизбежно получите скверное вино. Вотъ вамъ примѣръ: возьмите нашъ коньякъ,—это дрянъ! Я не могу пить русскій коньякъ. Почему? Потому что его дѣлаютъ чортъ знаетъ, изъ какихъ сортовъ. Но посадите Фоль-Бланшъ, и тогда вы увидите, какой получится коньякъ. Пальчики будете облизывать!.. Затѣмъ еще вотъ что: говорятъ, что у насъ нельзя достигнуть высокаго качества вина. Неправда! Мои вина сервировались къ высочайшему столу... Но я не стану хвастать... Вотъ вамъ другой примѣръ: на-дняхъ я былъ приглашенъ къ графу Марабути на освященіе новаго погреба. Я осмотрѣлъ все. Не спорю: и тамъ есть гадость, но зато у нихъ есть превосходные образцы. Я пилъ у нихъ Каберне девяноста шестого года. Прелесть! Полное, мягкое вино... Ну, совершенный бархатъ, Чудный рубинъ и тонкій благородный букетъ! Я давалъ по пятьдесятъ рублей за бутылку, но они не продаютъ этого вина ни за какія деньги... Вотъ!.. Это я понимаю... Господа, намъ нехватаетъ одного—па-

триотизма. Мы все еще боимся конкуренціи французовъ, но я знаю, что такое теперешняя Франція...

Юрасовъ началъ подробно объяснять собранію, что такое Франція, и уже не обращалъ на Рахманова никакого вниманія. Антонъ Федоровичъ сначала даже обрадовался неожиданной передышкѣ, хотя и былъ нѣсколько обиженъ эмѣшательствомъ графа, такъ безцеремонно прервавшего чтеніе. Теперь можно было отдохнуть, прійти въ себя, собраться съ мыслями. Первоначальная робость его сразу прошла. Онъ вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и сталъ слушать Юрасова. Тотъ говорилъ, не умолкая ни на одну минуту, и апломбомъ своимъ даже насмѣшилъ Рахманова.

— Это не опасный противникъ...—подумалъ онъ, проникаясь увѣренностью въ справедливости своихъ заключеній, сдѣланныхъ въ концѣ доклада.

— Господа,—кричалъ между тѣмъ графъ,—не бойтесь Франціи! Все это величіе—въ прошломъ. Сорокъ лѣтъ назадъ всѣ пили Романею. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, я пилъ Романею. Но тогда это было прекрасное вино... Romanée!.. Бургундія!.. Этого было достаточно!.. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Дайте мнѣ полцарства, я такого вина въ ротъ не возьму. Вы спросите: почему? А очень просто: они подсахариваютъ сусло, и, такимъ образомъ, вмѣсто винограда получается какая-то дрянь, свекла!.. Ньюи, Шамбертенъ, Помаръ—все это въ такомъ же родѣ... Господа! Къ устрицамъ мы попрежнему требуемъ Шабли. Не спорю,—прекрасное, легкое вино, но еще вопросъ, останется ли оно такимъ и въ будущемъ... Да, господа, Франція уже не та!.. Есть у нихъ всякія демократическія идеи, дѣло Дрейфуса, у нихъ есть и республика, но хорошаго вина что-то остается мало... Между тѣмъ это ведетъ къ уничтоженію богатства страны... Но это не касается, впрочемъ, всей Франціи. Есть исключенія. Напримѣръ—Жиронда. Жиронда—это совсѣмъ другое дѣло. Тамъ, слава Богу, уже нѣтъ жирондистовъ, но зато есть превосходный Медокъ. Да-а... это вамъ не Романея!.. Нѣтъ!.. Бургундскія вина, вообще, стали плохи. Выпиваешь полбутылки, и чувствуешь, что мало; выпиваешь бутылку—пьянъ... И послѣ этого какое-то странное нездоровье... Кто изъ васъ, господа, не испыталъ этого ощущенія тяжелой желѣзной маски, наложенной на мозгъ... Жметъ, давитъ... Чортъ знаетъ что такое!.. Это не вино, а какая-то инквизиція... Другое дѣло, Шато-Лафитъ. Вы выпиваете за обѣдомъ двѣ бутылки и чувствуете себя превосходно... Теперь дальше: Мутонъ-Ротшильдъ?.. Прекрасная марка!.. Почему? Потому что тамъ не ищутъ большихъ урожаевъ... Съ другой стороны,

возьмите, господа, южную Францію: всѣ эти Salins du Midi и такъ далѣе... все это производитъ массу вина, но какого?.. Vin démocratique!.. Они предпочитаютъ гадость... Что вы хотите?.. Они демократы!..

Онъ еще долго ругалъ Францію, указывая на упадокъ винодѣлія въ Шарантѣ и въ Лангедокѣ. На лицахъ слушателей было замѣтно утомленіе. Баронъ Зигель громко зѣвалъ, считая, однако, нужнымъ при этомъ кивать графу головой въ знакъ того, что вполне раздѣляетъ его мнѣніе. Многіе украдкой посматривали на часы.

Рахмановъ, мрачный и угнетенный, понималъ уже, что его докладъ останется недоконченнымъ, и что послѣ рѣчи Юрасова предсѣдатель закроетъ засѣданіе. Чувство обиды смѣшивалось въ немъ съ тягучей тоской разочарованія. Онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на здоровую барскую фигуру Юрасова, слышалъ его голосъ, гремѣвшій въ залѣ съ прежней силой, и не понималъ ни слова изъ его рѣчи. И вся сдѣланная за пять лѣтъ работа казалась теперь Антону Федоровичу скучной, ненужной и глупой. Онъ медленно собралъ листки своего доклада и, отойдя отъ конторки, присѣлъ въ сторонѣ на диванѣ.

— Господа,—попрежнему грохоталъ Юрасовъ,—я вижу, что немного уже надоѣлъ вамъ. Но вѣдь меня всѣ знаютъ: когда графъ Юрасовъ говоритъ о винодѣліи, онъ можетъ говорить двадцать четыре часа безъ передышки. Что дѣлать? Таковъ, господа, мой характеръ. Когда я говорю, я увлекаюсь, но зато я умѣю убѣдить противника. Вотъ вамъ примѣръ: я былъ въ Парижѣ во время выборовъ. Выставлялась кандидатура моего пріятели, маркиза Перье де ла Бати... Убѣжденный монархистъ... и... вообще очень хорошей человѣкъ... Мнѣ захотѣлось помочь... Я принялъ участіе въ предвыборной агитации. Я пріѣхалъ на собраніе и два часа кряду говорилъ рѣчь избирателямъ... Они были въ восторгѣ. Все время аплодировали... На слѣдующій день были выборы. Маркиза провалили съ трескомъ. Громаднымъ большинствомъ голосовъ они избрали меня въ палату депутатовъ... Недоразумѣніе, разумѣется, скоро выяснилось, и выборы были кассированы... Но!.. я это рассказываю вамъ для того, чтобы вы знали, что такое Франція...

При послѣднихъ словахъ графа въ залѣ раздались аплодисменты, одобрительный смѣхъ и говоръ.

— Ловко! Здорово, ваше сіятельство, французовъ въ дуракахъ оставили!—съ восторгомъ заоралъ какой-то мелкопомѣстный.

Графъ строго посмотрѣлъ на него, потомъ снова обратился къ собранію:

— Господа, позвольте... Я сейчас кончаю... Еще два слова!.. Я немного уклонился въ сторону... Какое же можно сдѣлать заключеніе изъ всего, что я здѣсь сказалъ? А вотъ какое: наши крестьяне вмѣсто вина производятъ какую-то дрянъ. Вмѣсто бордо выходитъ бурда. Почему? Они бьютъ на урожай. Теперь они дѣлаютъ въ нашей губерніи десять милліоновъ ведеръ вина. Говорятъ—малоземелье... Ну, хорошо. Мы имъ дадимъ землю. Что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ, господа, не десять, а сто милліоновъ ведеръ дряни. Какъ видите, будетъ отъ этого только хуже, и, значить, не въ землѣ дѣло. Я знаю ихъ хозяйства. Видѣлъ ихъ виноградники. Все это никуда не годится. Эти виноградники нужно сжечь или вырубить и начать все сначала. Тутъ я самъ, господа, становлюсь анархистомъ. Жандармовъ здѣсь нѣтъ, и я готовъ сознаться въ этомъ. Да! Крестьянскіе виноградники нужно уничтожить, какъ это ни грустно... уничтожить совершенно!.. то-есть au gas du sol, какъ говорятъ французы. На ихъ мѣстѣ слѣдуетъ развести хорошіе сорта, и вы увидите, что тогда крестьяне заживутъ прекрасно... Вотъ это, въ краткихъ чертахъ, моя программа... мой, такъ сказать, законопроектъ... Теперь вѣдь все законопроектъ!.. Такъ вотъ... Уже первый часъ, господа... многие, вѣроятно, хотятъ бай-бай... но, прежде чѣмъ нашъ председатель закроетъ засѣданіе, я долженъ вамъ сказать, что я провелъ съ удовольствіемъ этотъ вечеръ въ вашемъ обществѣ... съ удовольствіемъ и, надѣюсь, съ пользою.. Благодарю, господа!..

Юрасовъ поклонился и, съ шумомъ отодвинувъ стоявшее позади кресло, быстро прошелъ къ выходу. Сѣмена ножками, за нимъ устремился председатель общества. Милярскій тоже пошелъ провожать почетнаго гостя. Мелкопомѣстные шумной гурьбой потянулись за ними и, столпившись у порога, смотрѣли, какъ графъ одѣвалъ пальто въ вестибюль.

VI.

Послѣ отъѣзда графа председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Всѣ шумно вышли въ вестибюль, смѣясь, споря, обмѣниваясь впечатлѣніями.

— Помилуйте,—взволнованно говорилъ Милярскій, тщательно заправляя сѣрое полосатое кашнэ подъ воротникъ форменнаго пальто,—графъ Юрасовъ, это... это Гамбетта!.. Блестящій ораторъ... Я никогда не ожидалъ...

— Все время какъ-то чувствуешь, что находишься въ средѣ вліятельнаго, умнаго человѣка...—многозначительно

объяснялъ директоръ сельскохозяйственнаго училища, обращаясь къ группѣ мелкопомѣстныхъ хозяевъ, очень оживленныхъ и жизнерадостныхъ.

— Да-а!.. вотъ это я понимаю...

— Посадилъ агронома въ калошу!.. Ха, ха, ха!..

— Ха, ха, ха!.. Вотъ тебѣ и аграрный вопросъ!..

— Антонъ Федоровичъ, Антонъ Федоровичъ!..—громко звалъ секретарь, выбѣгая въ переднюю.—Господа, не видали Рахманова?..

— Ну?.. Чего вамъ?..—мрачно отозвался Рахмановъ, показываясь изъ-за вѣшалки.

— Подождите меня минутку... Я сейчасъ... Что такое?.. Ха, ха, ха!.. Плюньте вы на эту исторію... Ну, стоитъ ли обращать вниманіе?.. Пойдемте ужинать...

— Онъ думаетъ, что онъ графъ, такъ ему все позволяется...

— Ну, вотъ!.. Говорятъ вамъ, плюньте—и баста... Пойдемъ въ Пале-Рояль... а?.. Такъ какъ же?.. Подождете?..

— Ну, ладно... подожду...—покорно отвѣтилъ Рахмановъ послѣ непродолжительнаго колебанія.

Роль деревни и города въ политической жизни.

Научное изученіе эволюціи и организаціи политическихъ партій представляетъ еще очень мало разработанную отрасль общественнаго изученія. Въ безконечныхъ трактатахъ объ общей и прикладной социологіи вы рѣдко встрѣтите сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе политическихъ партій и еще рѣже встрѣтите широкое использование данныхъ избирательной статистики, какъ матеріала для социалистическихъ обобщеній. А между тѣмъ какой богатѣйшій и почти непочатый социологіей матеріалъ представляютъ эти данныя избирательной статистики! Какими дѣтскими или старческими забавами являются по сравненію съ социологіей всеобщаго голосованія туманныя картины, устраиваемыя социологами съ помощью волшебнаго фонаря—„народнаго духа“.

Нѣсколько милліоновъ человѣкъ, нѣсколько милліоновъ взрослыхъ и сознательныхъ гражданъ въ день всеобщаго голосованія опускаютъ въ избирательныя урны записки, по которымъ опытный и проницательный социологъ по кускамъ и частямъ можетъ кропотливо воссоздать общую картину политическаго міровоззрѣнія даннаго народа. Слѣдя внимательно на продолженіи долгихъ лѣтъ, на примѣрѣ многочисленныхъ всеобщихъ голосованій за движеніемъ избирательной статистики, изслѣдуя внимательно вопросъ, почему голоса избирателей то бурно приливаютъ къ избирательнымъ урнамъ, а то испуганно отъ нихъ отливаютъ, движутся зигзагами, отклоняясь то влѣво, то вправо, но всегда при этомъ вырисовывая извѣстную „кривую“, социологъ можетъ установить на этомъ основаніи гораздо болѣе надежныя и точныя социальныя законы, чѣмъ на основаніи темныхъ разсужденій объ особенностяхъ народнаго „духа“ и народной „души“.

Дальнѣйшая детализація данныхъ избирательной статистики раскрываетъ еще болѣе богатый источникъ плодотворныхъ социологическихъ обобщеній. Изслѣдованіе вопроса, почему жители городовъ голосуютъ иначе, чѣмъ жители деревень, почему въ

промышленныхъ округахъ господствуетъ одна партія, а въ земледѣльческихъ другая. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ вопросовъ позволяетъ установить социальный составъ различныхъ политическихъ партій и тѣмъ самымъ обнажаетъ самые корни всей политической жизни страны.

Конечно, тайна голосованія является громаднымъ препятствіемъ для научнаго изслѣдованія данныхъ избирательной статистики, такъ какъ при тайномъ голосованіи устранена возможность регистраціи, возможность статистическаго подсчета, кто, какіе социальныя элементы голосовали за ту или иную политическую партію. Но, какъ мы уже указывали на страницахъ „Образованія“¹⁾, путемъ сопоставленія данныхъ избирательной статистики съ данными промысловой статистики, съ социальною переписью населенія открывается извѣстная возможность такъ сказать дешифровать тайну голосованія и добыть этотъ матеріалъ огромной и еще далеко не оцѣненной социологической цѣнности.

Само собою разумѣется, что подобное дешифрированіе тайны голосованія имѣетъ значеніе лишь въ примѣненіи къ такъ называемымъ большимъ числамъ. Вы не сумѣете съ помощью этого метода дешифровать, раскрыть тайну голосованія настолько, чтобы установить, за кого, за какую партію подалъ свой голосъ Ивановъ и за какую Петровъ, но вы установите, за какую политическую партію голосуютъ тѣ или иные социальныя элементы, вы установите, словомъ, социальный составъ политическихъ партій.

Новизна дѣла, а въ еще большей степени примитивность состоянія избирательной статистики и профессиональной переписи населенія многихъ странъ дѣлаютъ въ настоящее время подобную работу еще чрезвычайно трудной и кропотливой.

Но мы убѣждены, что въ недалекомъ будущемъ этой отрасли общественнаго предствіи предстоитъ научный расцвѣтъ, а пока возможна лишь разработка отдѣльныхъ вопросовъ, связанныхъ съ нею.

Пока мы будемъ игнорировать тѣсную причинную связь эволюціи и организациіи политическихъ партій съ эволюціей и организацией социальной структуры общества, до этихъ поръ процессы рожденія и умиранія, борьбы и сотрудничества политическихъ партій будетъ представляться намъ какою-то капризною игрою социального калейдоскопа, не поддающагося никакому научному обобщенію. Съ этой точки зрѣнія будетъ казаться, что личное честолюбіе, недомысліе, прекрасныя глаза красавицы, фантазіи того или иного барона рождаютъ безконечную вереницу политическихъ партій, благодаря этой случайности своего появленія ускользающей отъ всякаго научнаго изученія.

¹⁾ Ср. нашу статью „Социальный составъ нѣмецкой соц.-дем. партіи“. „Образованіе“, 1906, № 1.

Авторъ обстоятельной и тяжеловѣсной исторіи политическіхъ партій, проф. Ваксмутъ, пришелъ въ результатъ къ самоубійственному въ научномъ отношеніи заключенію, что партійная борьба коренится въ области капризныхъ и необузданныхъ человѣческихъ страстей.

„Генезисъ партійныхъ образованій,—пишетъ онъ,—ведетъ къ извилинамъ и глубинамъ человѣческихъ чувствъ и при этомъ рѣже всего мы встрѣчаемся съ волею человѣка, руководимою и просвѣтленною разумомъ. Духъ партійныхъ группировокъ коренится въ темныхъ и глухихъ областяхъ человѣческихъ страстей, онѣ и доставляютъ ему пищу. А эти страсти въ свою очередь зарождаются и развиваются въ сферѣ неисчерпаемаго разнообразія внѣшнихъ побужденій... Страсть къ наживѣ и честолюбію, чувство мести, любви и ненависти, стремленіе къ наслажденію, необузданность и гордость, преступныя наклонности, личныя симпатія и антипатія служатъ рычагами и пружинами духовной жизни партій“¹⁾.

Если бы подобный взглядъ на политическія партіи соотвѣтствовалъ истинѣ, то ни о какомъ научномъ изученіи политическихъ партій не могло бы быть и рѣчи, какъ не можетъ быть никакой рѣчи о научномъ изученіи фантазіи каждаго барона. Но, по счастью, взглядъ ученаго нѣмецкаго изслѣдователя исторіи политическихъ партій скользитъ лишь по поверхности политической жизни, не углубляясь въ ея корни. Конечно, если считать „политическими партіями“ всѣ прихотливыя политическія фантазіи и интриги кучки разныхъ власто-често-деньго и женолюбцевъ, то вся исторія политическихъ партій представится какимъ-то сумасброднымъ калейдоскопомъ, изъ изученія которой ничего кромѣ головокруженія не вынесешь. Но если политическія партіи разсматривать лишь, какъ массовое движеніе, выдвигающее опредѣленное политическое знамя, тогда борьба политическихъ партій изъ борьбы личностей съ помощью политическихъ интригъ ради личныхъ цѣлей превращается въ борьбу безличныхъ соціальныхъ силъ съ помощью политической власти ради соціальнаго и политическаго переустройства.

Только съ этой точки зрѣнія эволюція и организація политическихъ партій представляетъ законосообразный характеръ и можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Если затѣмъ мы съ этой точки зрѣнія приступимъ къ научному изученію процесса образованія и развитія политическихъ партій, то мы лично замѣтимъ, что поскольку дѣло идетъ о крупныхъ и прочныхъ политическихъ партіяхъ и длительномъ историческомъ періодѣ, постольку борьба партій есть лишь политическое выраженіе ки-

¹⁾ Dr. W. Wachsmuth. „Geschichte der politischen Parteien.“ т. 1. Braunschweig. 1853, стр. 27.

ящей внутри всякаго общества борьбы разнородныхъ социаль-ныхъ элементовъ. Политическія партіи, если можно такъ выра-зяться, находятся на привязи у социальныхъ классовъ и выра-стаютъ на почвѣ расхожденія социальныхъ интересовъ различ-ныхъ общественныхъ круговъ.

Практическіе заправиы политической жизни если и не всегда отчетливо сознавали, то всегда инстинктивно чувствовали причин-ную зависимость между социальнымъ положеніемъ данной группы населенія и ея политической позиціей. Возьмите хотя бы такое явленіе, какъ установленіе имущественнаго ценза при выборахъ, или установленіе права на два и на три голоса для избирателей, принадлежащихъ къ верхнимъ ступенямъ социальной лѣстницы. Что выражаетъ собою это явленіе, какъ не сознаніе хозяевъ по-литической сцены, что принадлежность къ данной социальной группѣ неизбѣжно—конечно, поскольку дѣло идетъ о большихъ числахъ—толкнетъ въ ряды именно данной политической партіи? Остановитесь далѣе на такомъ явленіи, какъ такъ называемая изби-рательная геометрія. Взгляните на распредѣленіе избирательныхъ округовъ, напр., въ Италиі и въ Германіи. Вамъ тотчасъ же бро-сится въ глаза, что люди, въ рукахъ которыхъ находилось распре-дѣленіе избирательныхъ округовъ, навѣрное, принадлежали къ такъ называемымъ историческимъ матеріалистамъ, ибо при распредѣ-леніи округовъ они принимали, какъ за аксіому, что избиратели тѣхъ округовъ, гдѣ слабо развита промышленность, гдѣ преобладаетъ земледѣльческое населеніе, что эти округа дадутъ свои голоса консервативнымъ и умѣреннымъ партіямъ, а округа съ высокою степенью развитія промышленности будутъ голосовать за де-мократическихъ и социалистическихъ кандидатовъ. И увѣренною рукою они кроили избирательную карту такъ, чтобы на долю земледѣльческихъ и отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи округовъ пришлось непропорціоально большое количество депу-татовъ. Здѣсь въ грубомъ видѣ сказалось пониманіе или инстин-ктивное сознаніе, что политическая группировка населенія ухо-дитъ своими корнями въ социальную группировку, въ экономи-ческую организацію и ея обусловливается. Научное изученіе поли-тическихъ партій вскрываетъ эту зависимость политическихъ партій отъ социальныхъ классовъ, вскрываетъ, конечно, мето-дичнѣе и тоньше, чѣмъ это дѣлалось, какъ мы только что видѣли, административнымъ путемъ.

И чѣмъ ближе, при изученіи эволюціи политическихъ партій, мы будемъ приближаться къ нашей эпохѣ, тѣмъ явственнѣе и обнаженнѣе будетъ проступать эта зависимость политическихъ партій отъ социальныхъ классовъ. Объясняется это тѣмъ, что чѣмъ ближе мы къ нашему времени, тѣмъ мы встрѣчаемся съ болѣе развитымъ самосознаніемъ различныхъ социальныхъ клас-совъ. Дѣло въ томъ, что между социальными классами и поли-

тическими партіями знакъ равенства можно было бы поставить только тогда, если бы всѣ элементы политическихъ и социаль-ныхъ классовъ обладали вполне развитымъ и опредѣлившимся самосознаніемъ, чего въ дѣйствительности не наблюдается. Одна принадлежность къ данному социальному классу сама по себѣ еще не предопредѣляетъ принадлежности къ данной политической партіи, такъ какъ вопросъ еще въ томъ, насколько развито политическое сознание тѣхъ или иныхъ членовъ класса, насколько они сознаютъ свою принадлежность къ особому социальному классу и насколько они сознаютъ обособленность политическихъ интересовъ своего класса.

И поэтому, чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашимъ днямъ, тѣмъ все явственнѣе, все оголеннѣе выступаетъ причинная зависимость политическихъ группировокъ отъ экономическаго строенія общества. Подобно Мольеровскому герою, прожившему сорокъ лѣтъ и только послѣ этого впервые съ изумленіемъ узнавшему, что онъ говоритъ прозою, подобно этому и десятки лѣтъ просуществовавшія политическія партіи теперь, порою съ искреннимъ изумленіемъ, убѣждаются, что онѣ говорятъ прозою...

Исслѣдователи и дѣятели самыхъ различныхъ убѣжденій и воззрѣній начинаютъ теперь сознавать, что борьба политическихъ партій вращается вокругъ оси социальныхъ интересовъ, что, по крайней мѣрѣ въ новѣйшую эпоху, эта борьба можетъ быть понята и объяснена только по сведенію ея къ борьбѣ различныхъ хозяйственныхъ группъ общества.

При такихъ условіяхъ понятенъ тотъ громадный интересъ, который представляетъ изученіе социального состава различныхъ политическихъ партій. Только это изученіе, съ одной стороны, даетъ намъ возможность изучить истинную социальную „природу“ различныхъ политическихъ партій, раскрывая ея социальную подоплеку, а съ другой стороны, оно позволяетъ намъ судить, насколько развито или отстало политическое сознание различныхъ социальныхъ слоевъ населенія.

Какъ только мы приступаемъ къ изученію социального состава политическихъ партій, то прежде всего и рѣзче всего намъ бросается въ глаза распаденіе всего населенія на земледѣльческое и промышленное. Какъ ни смѣшанъ социальный составъ различныхъ политическихъ партій, какъ ни прихотливо разбросаны по всей странѣ голоса, получаемые данной партіей, но—поскольку дѣло идетъ о большихъ числахъ,—мы всегда замѣчаемъ тяготѣніе въ различныя политическія стороны людей земледѣльческаго и людей промышленнаго труда.

Остановимся на консервативной партіи Германіи. Во время послѣднихъ выборовъ нѣмецкіе консерваторы провели въ рейхстагъ 52 своихъ кандидата, изъ которыхъ на долю одной Пруссіи приходится 46 кандидатовъ, а на долю всѣхъ остальныхъ нѣмец-

кихъ государствъ, вмѣстѣ взятыхъ, всего 6 кандидатовъ. Изъ 46 консерваторовъ, выбранныхъ въ 1903 г. въ Пруссіи, 13 были выбраны въ Восточной Пруссіи и 16 въ провинціи Бранденбургъ и Помераніи. Уже изъ этихъ данныхъ видно, что оплотомъ консервативной партіи являются въ Германіи восточныя провинціи съ подавляющею массою земледѣльческаго населенія и слабо развитою промышленностью и, что связано одно съ другимъ, слабо развитою городскою жизнью. Особенно надежнымъ оплотомъ нѣмецкой консервативной партіи является Восточная Пруссія, гдѣ консерваторамъ удалось, какъ мы видѣли, провести 13 своихъ кандидатовъ. Если мы теперь рассмотримъ социальный составъ населенія этихъ восточныхъ избирательныхъ округовъ, то намъ тотчасъ бросится въ глаза преобладаніе земледѣльческаго населенія надъ промышленнымъ, преобладаніе деревни надъ городомъ. Избирательный округъ Мемель Гейденбургъ. Въ немъ насчитывается 74,439 душъ земледѣльческаго населенія и 28,183 городского. Въ этомъ округѣ неизмѣнно проходитъ консерваторъ. Слѣдующій избирательный округъ Лаблау-Велау. Въ немъ городское населеніе состоитъ изъ 17,421 человекъ, а сельское—97,413. Избранъ консерваторъ. И въ двухъ слѣдующихъ избирательныхъ округахъ сельское населеніе сильно преобладаетъ надъ городскимъ и оба эти округа посылаютъ въ рейхстагъ консервативнаго депутата. Но среди этой массы сельскаго населенія вырастаетъ въ Восточной Пруссіи крупный промышленный городъ Кенигсбергъ, и картина сразу мѣняется. Соціалъ-демократическій кандидатъ получаетъ 16,569 голосовъ и проходить въ рейхстагъ. За околицей города Кенигсберга вновь тянутся безконечныя поля съ рѣдкими городами. И вновь всплываетъ старая картина. Лишь порою тотъ или иной округъ пошлетъ въ рейхстагъ національ-либерала или члена центра, а затѣмъ снова тянутся ряды консерваторовъ.

Въ провинціи Бранденбургъ промышленность болѣе развита и городское населеніе многочисленнѣе, и здѣсь мы уже присутствуемъ при упорной борьбѣ консерваторовъ, опирающихся на отсталое сельское населеніе восточныхъ провинцій, съ социаль-демократами, опирающимися на рвущееся впередъ городское населеніе. Берлинъ, относящійся къ провинціи Бранденбургъ, сдѣлался, какъ извѣстно, оплотомъ социаль-демократіи, изъ шести его избирательныхъ округовъ завоевавшей пять. Въ сельскихъ округахъ консервативныя партіи держатся еще крѣпко, но города социаль-демократы все болѣе и болѣе отвоевываютъ. Помимо Берлина, въ провинціи Бранденбургъ въ рукахъ социаль-демократовъ оказываются города Бранденбургъ, Франкфуртъ на Одерѣ, Штетинъ.

Въ избирательномъ округѣ Бранденбургской провинціи Рандовъ-Грайфенгагенъ нѣтъ крупныхъ городовъ, но зато очень много мелкихъ городовъ и въ общемъ городское населеніе на

11 тысячъ превышаетъ сельское. И въ этомъ округѣ проходитъ социаль-демократъ, тогда какъ въ сосѣднихъ округахъ, гдѣ преобладаетъ сельскохозяйственное населеніе, проходятъ повсюду консерваторы.

Такимъ образомъ, въ Восточной Пруссіи благодаря ея экономической отсталости, гдѣ процессъ индустриализаціи еще слабо проникъ въ деревни, мы можемъ очень явственно наблюдать связь между хозяйственной структурой общества и политическими партіями. Но если бы мы вздумали широко обобщать тѣ данныя, которыя доставляетъ намъ избирательная статистика Восточной Пруссіи, если бы мы вздумали возвести эти данныя въ рангъ социологической теоріи, гласящей, что деревенское населеніе по необходимости выбираетъ консервативныхъ депутатовъ, а городское по необходимости социалистическихъ, то мы бы, конечно, перебрались за предѣлы Восточной Пруссіи, тотчасъ же бы встрѣтились съ цѣлымъ рядомъ политическихъ явленій, опровергающихъ только-что сдѣланное обобщеніе.

Восточная Пруссія со стороны избирательной статистики интересна въ томъ отношеніи, что въ ней съ поразительною ясностью и рѣзкостью обособляются политическія идеологіи сельскаго и городскаго населенія: сильно преобладаетъ сельскохозяйственное населеніе, и избирательный округъ посылаетъ въ рейхстагъ консервативнаго депутата; преобладаетъ городское населеніе, и въ рейхстагъ отправляется социаль-демократическій депутатъ.

Но въ Восточной Пруссіи мы имѣемъ передъ собою деревню въ ея еще неотесанномъ промышленнымъ развитіемъ видѣ, деревню, гдѣ еще свято чтутъ стародавнія традиціи, боятся и слушаютъ „барина“ и живутъ, какъ вельѣли дѣды.

Въ Восточной Пруссіи мы встрѣчаемъ деревню такъ сказать въ чистомъ видѣ, изолированную отъ мощнаго воздѣйствія на нее промышленнаго развитія. Но въ такомъ видѣ деревни встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Деревни не остались въ сторонѣ отъ большой дороги промышленнаго прогресса. Промышленная жизнь, городская культура все болѣе и болѣе рѣзко и шумно врывается въ деревни и расшатываетъ ея дѣдовскіе устои. А параллельно съ этимъ проникновеніемъ промышленнаго духа въ деревни революціонизируется и ея политическая идеологія и начинаетъ выдѣлять элементы, голосующіе вмѣстѣ съ „городомъ“. Это и вноситъ въ политическую фizioномію деревни осложняющія и видоизмѣняющія начала, придающія всей политической жизни страны несравненно болѣе сложный и запутанный видъ, чѣмъ это рисуютъ данныя избирательной статистики Восточной Пруссіи.

Обнищеніе и обезземеливаніе широкой крестьянской массы при отсутствіи ея заботности и запуганности неизбежно создаетъ въ деревняхъ благоприятную почву для воспріятія „городскихъ“

идей. Острые зубы нужды будятъ мысль деревенскаго труженника и сближаютъ его политическое настроеніе съ политическимъ настроеніемъ городскихъ центровъ. При этомъ подобное сближеніе происходитъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ крестьяне при болѣе или менѣе свободномъ политическомъ строѣ государства, раскрывающемъ возможность и пропаганды среди крестьянъ, и самоорганизациіи крестьянъ, продолжаютъ, однако, служить предметомъ самой жестокой и беззастѣнливой эксплоатаціи; съ другой же стороны, мы наблюдаемъ успѣшное проникновеніе социалистическихъ идей и въ тѣ сравнительно зажиточныя деревни, которыя, однако, втянулись въ капиталистическій фазисъ, которыя уже захвачены и увлечены маховымъ колесомъ промышленнаго круговорота.

Примѣромъ перваго рода могутъ послужить хотя бы венгерскіе крестьяне.

Въ Венгріи, при замѣчательномъ плодородіи земли, при демократическомъ политическомъ строѣ, крестьяне находятся подъ тяжелою властью земельныхъ магнатовъ, жестоко ихъ эксплуатирующихъ. Крупные землевладѣльцы сосредоточили въ своихъ рукахъ колоссальныя земельныя богатства, тогда какъ мелкій земельный собственникъ очутился въ положеніи пролетарія, съ огромнымъ напряженіемъ не знающаго отдыха труда изо дня въ день борющагося за свое скудное существованіе.

Процессъ обезземеливанія сельскихъ рабочихъ зашелъ въ Венгріи очень далеко. „Положеніе мелкаго сельскаго собственника въ Венгріи,—пишетъ г. Звѣздичъ,—еще болѣе безвыходное, чѣмъ гдѣ-либо. Промышленность лишь въ самой малой степени можетъ поглотить освободившіяся отъ земледѣльческаго труда рабочія руки; въ сельскохозяйственной же промышленности, въ виду единообразія господствующаго въ Венгріи типа хозяйства, главные работы производятся и заканчиваются почти повсюду въ одно и то же время, такъ что на работу полевой рабочей можетъ рассчитывать только въ теченіе нѣсколькихъ недѣль за весь годъ, все же остальное время онъ долженъ бороться съ грозною безработицей.

„Въ области сельскаго хозяйства мы имѣемъ передъ собою, такимъ образомъ, въ Венгріи совершенно тѣ же контрасты и непримиримыя противорѣчія, которыя въ другихъ странахъ знаетъ только индустриальная промышленность, явившаяся удобною почвою для зарожденія социалистическаго движенія. Съ одной стороны, богатѣйшіе лендлорды, съ другой—не имѣющіе твердыхъ устоевъ подъ собою мелкіе собственники, не имѣющіе возможности существовать насчетъ дохода съ собственнаго надѣла и вынужденные работать на помѣщика и еще болѣе обездоленные беззе-

мельные батраки, все существованіе которыхъ зависитъ отъ наемнаго труда“¹⁾).

Благодаря подобному экономическому положенію крестьянства въ Венгрии, въ ея деревняхъ создалась благодарная почва для воспріятія социалистической идеи, уже давшей настолько богатые всходы, что многіе черезчуръ торопливые люди поспѣшили огуломъ занести венгерскихъ крестьянъ въ число социалистовъ и этимъ посрамить „доктрину Маркса“. Но „доктрина Маркса“ не только не терпитъ никакого посрамленія отъ успѣховъ социализма въ венгерскихъ деревняхъ, но только эта доктрина и въ состояніи объяснить эти успѣхи, поставивъ ихъ въ причинную зависимость отъ растущаго процесса индустриализаціи сельскаго хозяйства и сельскохозяйственныхъ отношеній.

Въ Даниі, гдѣ мелкіе земельные собственники пользуются несравненно болѣе высокимъ экономическимъ благосостояніемъ, чѣмъ венгерскіе, мы тоже замѣчаемъ, что то строго консервативное настроеніе, которое мы отмѣтили, какъ сплошное явленіе въ деревняхъ Восточной провинціи Пруссіи, здѣсь совершенно отсутствуетъ. Въ Даниі мы встрѣчаемъ массоваго мелкаго крестьянина, какъ члена не консервативныхъ, а радикальныхъ и даже социалистическихъ партій. И опять-таки объясненіе этого явленія мы находимъ въ общемъ экономическомъ положеніи датской деревни.

Какъ мы уже подробнѣе писали въ другомъ мѣстѣ²⁾, мелкій датскій крестьянинъ очень сильно отличается отъ того типа мелкаго крестьянина, котораго мы привыкли видѣть во всѣхъ европейскихъ странахъ, а въ особенности во Франціи. Французскій мелкій, но притомъ экономически крѣпкій крестьянинъ, отличается крайнимъ индивидуализмомъ, ограниченностью своего кругозора, ненавистью къ новшествамъ и своими реакціонными стремленіями. Въ несравненно меньшей степени встрѣчаются подобнаго рода черты въ датскомъ мелкомъ крестьянинѣ и если прослѣдить ходъ развитія сельскаго хозяйства Даниі, то легко убѣдиться, что этимъ чертамъ неоткуда было взяться у датскаго крестьянина. Если онѣ и достались ему въ качествѣ историческаго наслѣдія, то новыя времена и новыя условія должны были ихъ вытравить. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ датскіе крестьяне сумѣли выйти изъ тяжелаго сельскохозяйственнаго кризиса только благодаря тому, что перешли отъ зерновой культуры къ скотоводству и, въ особенности, къ усовершенствованному молочному хозяйству. А этотъ переходъ могъ быть со-

¹⁾ Ср. П. Звѣздичъ. Изъ Венгріи. „Образованіе“, августъ 1906 г. Стр. 102—103.

²⁾ Ср. нашъ очеркъ о политическихъ партіяхъ въ Даниі въ III томѣ сборника „Государственный строй и полит. партія“.

вершень только благодаря тому, что мелкіе датскіе крестьяне объединились въ коопераціи, что дало имъ возможность въ складчину приобрести сложныя и дорогія машины. Перебирая тѣ факторы, которые вывели датскаго крестьянина изъ тяжелаго матеріальнаго положенія и обезпечили ему сравнительное благосостояніе, мы видимъ, что факторы эти были не индивидуалистическаго, а социальнаго характера. Кооперація, сыгравшая такую крупную роль въ дѣлѣ упроченія матеріальнаго положенія датскаго крестьянина, не могла, конечно, содѣйствовать развитію узкаго индивидуализма, а тѣ техническія усовершенствованія и та коренная ломка всего традиціоннаго хозяйственнаго уклада, которую продѣлалъ датскій крестьянинъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ и которыя такъ сильно содѣйствовали поднятію его благосостоянія, не могли, конечно, воспитать въ немъ ненависть къ новшествамъ. Наконецъ, датскій крестьянинъ принужденъ былъ работать на широкій міровой рынокъ, принужденъ былъ постоянно приспособлять свое хозяйство къ капризнымъ запросамъ избалованнаго англійскаго рынка, причемъ въ молочномъ хозяйствѣ роль стихійныхъ бессознательныхъ силъ природы была несравненно скромнѣе, чѣмъ въ зерновомъ хозяйствѣ, и благоприятный результатъ несравненно больше зависѣлъ отъ человѣка и машинъ, чѣмъ отъ земли и погоды.

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ факторовъ датское мелкое и среднее крестьянство не могло послужить надежнымъ оплотомъ, не говоря реакціонныхъ, но даже и консервативныхъ партій.

Трудно съ большею яркостью и силою изобразить ту перемену міровоззрѣнія извѣстной части крестьянства подъ влияніемъ измѣнившихся условій экономическаго существованія, чѣмъ это сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Жоресъ.

Слова Жореса съ удивительнымъ краснорѣчіемъ и мѣткостью изображаютъ тѣ условія, подъ влияніемъ которыхъ извѣстная часть крестьянства изъ страдательнаго залога реакціи превращается въ дѣйствительный залогъ прогресса. Мы позволимъ себѣ нѣсколько длинную выписку изъ рѣчи, произнесенной Жоресомъ въ 1897 г. во французской палатѣ депутатовъ

„Слишкомъ долго,—говорилъ знаменитый ораторъ,—крестьянинъ замыкался въ своемъ узкомъ и слѣпомъ индивидуализмѣ: онъ вналъ свой ключокъ земли, онъ любилъ его дикой любовью, но внѣ его для него ничего не существовало. Какое дѣло было ему до вселенной! И движеніе солнца, и вѣтеръ, и облака, весь порядокъ, и весь безпорядокъ вещей онъ приноровлялъ къ своему ключку земли—и только къ нему... И не только эта безконечная природа не расширяла его умственнаго кругозора,—наоборотъ, онъ ее уменьшалъ и приноровлялъ къ своему узкому мірку, къ еще болѣе узкому кругу своей мысли. Да и къ чему эти тщет-

ныя волненія, эти тщетные поиски, разъ онъ не могъ распоряжаться силами природы, смотря по надобности своего посѣва?

„Но вотъ по его нивѣ начинаютъ проноситься не только силы природы, но силы экономическія, силы социальныя, силы человѣческія. Онъ пашетъ, онъ сѣетъ, онъ жнетъ и относитъ свою жатву на сосѣдній рынокъ. Но изъ года въ годы, при одинаковомъ трудѣ, цѣна на его пшеницу падаетъ почти постоянно, а также цѣна на его скотъ, на его вино, на его ленъ, на его маслины и на его молоко. И крестьянинъ уже не преклоняется теперь, какъ онъ преклонялся передъ фатальностью града и грозы, засухи и мороза. Въ немъ зарождается смутное сознаніе, что это колебаніе есть явленіе социальное, явленіе человѣческое, которое можно, можетъ быть, измѣнить,—и онъ спрашиваетъ, отчего это происходитъ—да, отчего? Со всѣхъ сторонъ государственные люди, финансисты, экономисты, депутаты, кандидаты отвѣчаютъ ему, что въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ экономическія отношенія сильно измѣнились, что въ огромныхъ долинахъ Индіи, Южной Россіи, Западной Америки другіе люди работаютъ, какъ и онъ, но съ меньшими издержками и что всѣ продукты производства, перевозимые на скорыхъ пароходахъ, постоянно даютъ его.

„И вотъ далекіе народы и континенты выплываютъ передъ его взоромъ изъ тумана, уже не какъ смутные фантомы школьной географіи, но какъ грозная и тяжелая дѣйствительность, и на его дальнѣйшіе вопросы ему отвѣчаютъ, что, быть можетъ, отъ количества золота, извлеченнаго изъ рудниковъ Южной Африки или Австраліи, отъ заработной платы разныхъ поденщиковъ Индіи и еще отъ таможенныхъ ставокъ, отъ налоговъ и монетныхъ системъ всѣхъ частей свѣта будетъ зависѣть завтра на рынкѣ сосѣдняго города цѣна на его пшеницу, на его труды, его свободу, быть можетъ, и его собственность.

„И вотъ крестьянинъ въ первый разъ смутно чувствуетъ странную солидарность человѣческаго міра, и онъ, котораго невѣжество, ревность, эгоизмъ, изолировали на его клочкѣ земли, за каменной оградой, короткая тѣнь которой закрывала для него весь міръ,—онъ впервые чувствуетъ, что его жизнь связана съ жизнью другихъ людей. Уже не атмосферическія теченія проносятся надъ его полемъ,—теперь проносятся уже надъ нимъ теченія экономическія, вышедшія изъ самыхъ глубинъ человѣческой жизни и то склоняющія, то поднимающія колосья; новыя вѣянія, еще беспорядочныя и грубыя, наполняютъ пространство, и удивленный крестьянинъ прислушивается и начинаетъ размышлять; и впервые онъ, одинокій эгоистъ, пройдя черезъ чистилище долгихъ страданій, входитъ въ живое общеніе съ человѣческимъ родомъ.

„Нѣтъ, всѣ его страданія не прошли бесполезно!

„Какъ бы для того, чтобы обнаружить идеалистическую силу, заключающуюся въ экономическихъ фактахъ, всемірная и тяжелая конкуренція выжигаетъ въ крестьянскомъ сознаниі узкоэгоистическія связи, которыхъ не могли разъединить ни моральныя увѣщанія, ни религіозныя проповѣди и тогда какъ церковныя колокола тщетно старались расшатать античное мировоззрѣніе и восточную мечтательность, набатъ нужды и разоренія, огласивъ широкія равнины, впервые пробудилъ крестьянина къ болѣе возвышеннымъ мыслямъ, къ болѣе широкимъ заботамъ. Да, не напрасно прошелъ онъ черезъ длинный рядъ лѣтъ кризисовъ и страданій: онъ выйдетъ лучше подготовленнымъ къ воспріятію болѣе широкаго пониманія собственности, къ новымъ судьбамъ. Нужно ему начать понимать кое-что и внѣ того, что его окружаетъ, потому что то, что его окружаетъ, начинаетъ исчезать, потому что сама крестьянская собственность медленно, но навѣрно вошла въ состояніе агоніи.

„Да, въ состояніе агоніи“.

Въ настоящее время промышленный духъ во все растущемъ масштабѣ врывается въ деревни и быстро разлагаетъ всѣ патриархальныя деревенскія идеи и отношенія, а подъ вліяніемъ этого деревенскіе люди измѣняютъ и черты своей политической физиономіи.

Надо къ тому же замѣтить, что по мѣрѣ роста большихъ городовъ, съ одной стороны, и по мѣрѣ проникновенія началъ соціальной политики въ область желѣзнодорожнаго сообщенія сталъ наблюдаться процессъ расселенія рабочаго населенія изъ крупныхъ городовъ въ прилегающія деревни. Необычайная дороговизна городскихъ квартиръ, съ одной стороны, и сильное пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа въ специально устроенныхъ „рабочихъ поѣздахъ“, съ другой стороны, повели къ тому, что значительная масса городскихъ рабочихъ отлила въ пригородныя села и деревни. Подобное явленіе замѣчается въ особенности въ Бельгіи, гдѣ во многихъ деревняхъ массами живутъ городскіе рабочіе, ежедневно отправляющіеся въ „рабочихъ поѣздахъ“ въ городъ, а вечеромъ въ тѣхъ же поѣздахъ возвращающіеся назадъ въ деревню.

Благодаря этому, деревня по своему соціальному составу все болѣе и болѣе перестаетъ представлять однородное соціальное цѣлое, въ ней во все растущемъ количествѣ появляются соціальныя элементы и по роду своихъ занятій, и по образу своего мировоззрѣнія тѣсно связанные съ городской культурой. Насколько эти новыя городскія или капиталистическія начала, врываясь въ деревню, видоизмѣняютъ всю ея духовную физиономію,—это хорошо можно прослѣдить въ той же Бельгіи. Возьмемъ, напримѣръ, сахарную промышленность, какъ извѣстно, по необходимости связанную съ сельскимъ хозяйствомъ. О сахарной промышленности

и культурѣ свекловицы мы читаемъ у Вандервельда: „Площадь распространения этой культуры точно совпадаетъ съ тѣми сельскими округами, въ которыхъ социализмъ получилъ наибольшее развитие. Это явленіе прекрасно объясняется тѣми глубокими преобразованіями, которыя эта культура вызвала въ мышленіи и матеріальномъ положеніи занятыхъ ею лицъ. Прежде всего свекловица требуетъ болѣе значительнаго количества рабочей силы, чѣмъ воздѣлываніе хлѣбовъ или травосѣяніе; земледѣльческіе рабочіе составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій персоналъ сахароваренныхъ заводовъ; послѣдній состоитъ изъ небольшого ядра годовыхъ рабочихъ, но сильно увеличивается въ рабочій сезонъ и такимъ образомъ доставляетъ занятіе земледѣльческимъ рабочимъ, закончившимъ полевую работу“. Само собою разумѣется, что этотъ смѣшанный, полупромышленный, полуземледѣльческій пролетаріатъ легко воспринимаетъ идеи фабричныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ слова.

„Кромѣ того, постоянное и вынужденное общеніе сельскихъ хозяевъ съ служащими инженерами и директорами сахарныхъ заводовъ и съ продавцами удобрения или фуража для скота, развитіе путей сообщенія, которому свекловичная культура сильно способствовала благодаря подвозу массы матеріаловъ для сахарныхъ заводовъ,—все это содѣйствуетъ умственному развитію сельскаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ капиталистическій характеръ сельскаго хозяйства. Рабочіе на крупныхъ фермахъ подвергаются такому же обращенію и ведутъ себя такъ же, какъ промышленные рабочіе. Что касается мелкихъ земледѣльцевъ (собственниковъ или фермеровъ), то они всецѣло находятся во власти сахарозаводчиковъ, которые принуждаютъ ихъ соглашаться на крайне невыгодные контракты, сплошь и рядомъ оставляютъ за собою право *безконтрольно* опредѣлять вѣсъ и тару доставленнаго продукта,—однимъ словомъ, заставляютъ ихъ на собственной шкурѣ извѣдать всѣ прелести капиталистической эксплуатаціи.

Всѣ эти обстоятельства въ связи съ общими причинами, ведущими къ пролетаризаціи крестьянства, естественно создаютъ благопріятную среду для развитія социализма среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ“¹⁾.

Если мы еще прибавимъ сюда, что во многихъ странахъ и самая промышленность, т. е. крупные фабрики и заводы, стали перекочевывать въ села и деревни, то мы получимъ рядъ крупныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ радикальныя и социалистическія идеи начинаютъ проникать и въ „антиколлективистическій черепъ“ крестьянина.

1) Ср. Э. Вандервельдъ и Ж. Дестрѣ. „Социализмъ въ Бельгіи“ Москва, 1906, стр. 295—296.

Въ Швейцаріи этотъ процессъ разсѣянія промышленныхъ заведеній совершается подъ вліяніемъ природныхъ факторовъ—изобиліемъ горныхъ водъ и водопадовъ, доставляющихъ бесплатные двигатели. Около этихъ-то бесплатныхъ природныхъ двигателей, зачастую заброшенныхъ въ глухія деревни, и вырастаютъ промышленныя заведенія.

Въ Бельгіи же, во фламандскихъ деревняхъ, фабриканты настроили сотни фабрикъ въ погоню за болѣе дешевыми рабочими руками и менѣе строптивыми рабочими головами.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ обостренія социальныхъ противорѣчій въ современныхъ деревняхъ произошло смягченіе того рѣзкаго политическаго конфликта между городомъ и деревней, который наблюдается въ иныхъ отсталыхъ мѣстностяхъ, вродѣ уже знакомой намъ Восточной Пруссіи. Въ Италіи, напр., провинціи Эмилія и Романья, служащая оплотомъ итальянской социалистической партіи, являются въ то же самое время по преимуществу земледѣльческими, а не промышленными округами.

Такимъ образомъ нынѣшнее крестьянство не входитъ цѣликомъ въ какую-либо одну политическую партію, а дробится на десятки политическихъ партій, такъ сказать расплывается по своимъ классовымъ швамъ, ибо оно представляетъ собою не единый и нераздѣльный классъ, а совокупность нѣсколькихъ классовъ (крупная буржуазія, мелкая буржуазія и пролетаріатъ) съ расходящимися и сталкивающимися социальными интересами.

При такихъ условіяхъ вполне естественно, что во время выборовъ голоса, подаваемые деревенскими избирателями, перепадаетъ на долю рѣшительно всѣхъ политическихъ партій. Но какъ далеко ни зашелъ процессъ пролетаризаціи и социального размежеванія деревенскаго населенія, однако, еще и теперь деревня въ политическомъ отношеніи является обыкновенно болѣе консервативной и отсталой, чѣмъ городъ.

Объясняется это двоякаго рода причиною—причиною объективнаго и причиною субъективнаго характера. Объективная причина политической отсталости деревни отъ города заключается въ томъ, что въ деревнѣ, по сравненію съ городомъ и промышленными центрами, собственники представляютъ болѣе многочисленный слой населенія. Нѣтъ нужды въ томъ, что многіе деревенскіе собственники по своему экономическому положенію порою ничѣмъ не отлвчаются отъ пролетаріевъ, а нерѣдко и работаютъ и бѣдствуютъ больше послѣднихъ. Все-таки они остаются собственниками, и эта жалкая собственность тяжелою гирею давитъ на сознание ея обладателя и мѣшаетъ ему выработать психологію безхозяйнаго производителя.

Конечно, и рабочій можетъ въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя улучшить свое матеріальное положеніе, т. е. поднять свою заработную плату, но при этомъ какой бы

высоты эта заработная плата ни достигла, рабочий все-таки останется пролетаріемъ и его социальныя интересы все-таки останутся противоположными социальнымъ интересамъ капиталистовъ. Такимъ образомъ улучшение матеріальнаго положенія рабочихъ ни мало не устраняетъ антагонизма между классомъ капиталистовъ и классомъ пролетаріевъ и поэтому рабочіе, поскольку они являются сознательными, какъ бы ни было различно ихъ матеріальное благосостояніе, если еще не въ дѣйствительности, то въ тенденціи обнаруживаютъ стремленіе сплотиться въ одну цѣльную и нераздѣльную политическую партію.

Иное дѣло—мелкіе собственники. Поскольку эти мелкіе собственники надѣются въ настоящемъ въ рамкахъ капиталистическаго строя улучшить свое матеріальное положеніе, постольку они являются въ потенціи средними или даже крупными буржуа. Мелкій собственникъ является какъ бы двуликимъ Янусомъ, одно лицо котораго испещрено морщинами отчаянія и обращено въ сторону пролетаріата, а другое лоснится радостью и обращено къ буржуазіи. Часть мелкихъ собственниковъ твердо и долго лелѣютъ надежду со временемъ „выбиться въ люди“ и перейти въ ряды среднихъ и крупныхъ буржуа. Такъ какъ при этомъ дальнѣйшій социальный прогрессъ подрываетъ благосостояніе мелкихъ городскихъ и деревенскихъ собственниковъ и угрожаетъ поѣданіемъ тощихъ капиталовъ толстыми, то и въ извѣстной части собственниковъ складывается глубокая неприязнь по всякимъ „новшествамъ“, „выдумкамъ“, и они тоскливо вспоминаютъ прошлое, когда мелкая собственность была „золотымъ дномъ“. Эти элементы мелкихъ собственниковъ густо заполняютъ ряды реакціонныхъ и консервативныхъ партій и съ особенною яростью работаютъ въ рядахъ антисемитскихъ партій.

Другая часть мелкихъ собственниковъ, напротивъ, надѣются съ помощью „коренныхъ“ социальнo-политическихъ реформъ, вмѣщающихся, однако, въ рамки капиталистическаго хозяйства выйти изъ тяжелаго экономическаго положенія. Эти элементы идутъ въ радикальныя и демократическія партіи.

Наконецъ, третьи элементы мелкихъ собственниковъ отчаялись въ своемъ положеніи, не видятъ изъ него выхода. Они скопили жгучую злобу ко всему нынѣшнему капиталистическому строю и поняли, что въ его предѣлахъ имъ нѣтъ спасенія. Они все растущей массой устремляются въ ряды социалистическихъ партій.

Къ тому же и условія деревенской жизни и характеръ крестьянскаго труда таковы, что политическое сознаніе низшихъ и обездоленныхъ слоевъ не находитъ благопріятныхъ условій для развитія. Болѣе или менѣе изолированный трудъ, большая или меньшая зависимость отъ слѣпыхъ и непокорныхъ силъ природы, отсутствіе напряженной умственной жизни, переходное состояніе между собственникомъ и пролетаріемъ,—все это вмѣстѣ взято

создает такую социальную обстановку и атмосферу, в которых туго и медленно зарождается и назревает политическое самознание.

Таким образом и современная деревня, хотя и медленно, тем современному городу, но все же неуклонно приспособляет свою политическую физиономию сообразно с изменившимися и обострившимися взаимоотношениями составных социальных элементов. По мере того, как промышленный дух и городская культура проникают в деревню, исчезает старый резкий политический антагонизм между городом и деревней и возникает резкий политический антагонизм между различными социальными элементами самой деревни. Как в химии соединяются элементы, обладающие химическим средством, так и в политической жизни объединяются в одно целое элементы, обладающие социальным средством. А по мере развития современной культуры все сильнее обнаруживается это социальное средство между соответствующими группами деревенского и городского населения.

Различие в социальном составе враждующих политических партий перестает обуславливаться принадлежностью населения, с одной стороны, к деревенскому, а с другой — к городскому жителям. Оно во все растущей степени начинает опираться на расхождение социальных интересов различных классов и групп населения. Одной принадлежности к данному социальному классу еще недостаточно для того, чтобы быть так сказать врожденным членом именно данной политической партии. Для того, чтобы член данного социального класса стал членом данной политической партии, защищающей интересы этого класса, необходима не только принадлежность к этому последнему, но и сознание своих классовых интересов. Только это сознание может превратить класс в партию, и отсутствие или недоразвитие этого сознания объясняет нам чрезвычайную черезполосицу и пестроту социального состава политических партий по сравнению с однородностью и простотой классовой группировки общества.

Но медленно ли, туго ли, однако, самосознание всех общественных элементов развивается и по мере этого развития устанавливается все больше и больше соответствие между принадлежностью к определенному социальному классу и принадлежностью к определенной политической партии.

Установление этого соответствия является главнейшей тенденцией в развитии политических партий. Вооруженный самосознанием, член данного социального класса всегда сумеет разыскать ту политическую партию, которая выражает интересы его класса. Совершается перетасовка избирателей по их классовым мастям и параллельно с этим упрощается и социаль-

ный составъ политическихъ партій. Политическія партіи по своему соціальному составу становятся болѣе однородными.

Въ настоящее время этотъ процессъ еще далеко не завершился, но онъ уже повсюду начался. Антагонизмъ сословій, областей, національностей все болѣе заслоняется антагонизмомъ классовъ внутри сословій, внутри областей, внутри національностей. Сближаются между собою и входятъ въ одну и ту же политическую партію члены одного и того же класса различныхъ сословій, областей и національностей, рѣзко расходятся и распределяются по различнымъ политическимъ партіямъ члены различныхъ классовъ одного и того же сословія, одной и той же области, національности.

Такова тенденція развитія политическихъ партій.

П. Берлинъ.

Д В А М І Р А .

Романъ Корнелій Гюгенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величиной.

Дѣло было вечеромъ въ ноябрѣ 1880 года.

Въ столовой одного аристократическаго дома въ Амстердамѣ, за большимъ столомъ изъ массивнаго дуба, сидѣли два мальчика и ихъ маленькая сестренка. Надъ столомъ висѣла античная бронзовая газовая люстра, нѣсколько зажженныхъ лампочекъ которой слабо освѣщали комнату.

Это была большая, низкая комната въ старо-голландскомъ стилѣ. Темный дубовый потолокъ коричневые кожаные обои по стѣнамъ, массивный античный буфетъ съ раскрашенными стеклянными дверцами, большой каминъ, уставленный фарфоромъ и богемскимъ хрусталемъ, придавали всему помещенію чинный, старо-голландскій характеръ.

Рѣзкую противоположность всему этому представлялъ собой зато большой столъ, весь покрытый бумагами, книгами, тетрадями, чернильницами и разными другими школьными принадлежностями; здѣсь царилъ полнѣйшій беспорядокъ, который увеличивался еще болѣе, когда младшій мальчикъ нервными движеніями принимался искать что-нибудь на столѣ и при этомъ еще болѣе разбрасывалъ вещи.

— Да перестань же, наконецъ, Бертольдъ!—крикнулъ погруженный въ свою работу старшій братъ младшему, когда тотъ, вдругъ, ударилъ кулакомъ по своей тетради и, схватившись руками за голову и устремивъ дикій взглядъ на свою работу, изобразилъ собой картину полнѣйшаго отчаянія.

Бертольдъ только на секунду поднялъ глаза на своего брата, Юганна, какъ будто онъ считалъ всякое его замѣчаніе ниже своего достоинства.

— Дай сюда твою работу, если ты совѣмъ не можешь съ ней справиться!—сказалъ старшій тономъ превосходства

и затѣмъ добавилъ,—Я охотно помогу тебѣ, но только ты веди себя спокойно!

— Думай, пожалуйста, о своихъ дѣлахъ!—крикнулъ въ отвѣтъ мальчикъ.

— Я бы совсѣмъ не думалъ о тебѣ, если бы не мѣшала мнѣ! Успокойся же, пожалуйста, наконецъ!—Очень довольный тѣмъ, что онъ сегодня такъ скоро окончилъ школьныя занятія, Іоганнъ сложилъ свои книги и сталъ насвистывать шансонетку.

Удары кулакомъ по столу заставили его скоро смолкнуть.

— Въ послѣдній разъ я тебѣ говорю, Бертольдъ, иначе...—пригрозилъ мальчику старшій братъ съ спокойнымъ, но достаточно понятнымъ жестомъ, нисколько не измѣнивъ, впрочемъ, выраженія своего лица. Маленькая семилѣтняя сестренка, сидѣвшая на другомъ концѣ стола, хранила глубокое молчаніе. На ея спокойномъ, хорошенькомъ личикѣ не было и слѣда удивленія. Невинные, голубые глазки смотрѣли то на одного брата, то на другого.

Вдругъ Іоганнъ замѣтилъ въ глазахъ Бертольда огонекъ, не предвѣщавшій ему ничего хорошаго, и такъ какъ ему предстояла опасность примѣнить по отношенію къ своему младшему брату физическое превосходство своихъ 14-ти лѣтъ, то онъ внезапно измѣнилъ свою тактику. Спокойно откинулся онъ на спинку стула, протянулъ ноги, засунулъ руки въ карманы и замѣтилъ небрежно:

— Это чистое несчастье имѣть брата съ такими слабыми нервами! Ты—чистая дѣвчонка!

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ ему въ физиономію полетѣла линейка.

На этотъ разъ Іоганнъ вскочилъ и хотѣлъ схватить драчуна, но тотъ уже обѣжалъ кругомъ стола, поднялъ тяжелый, дубовый стулъ и, раскачивая имъ съ невѣроятной силой для слабаго девятилѣтняго ребенка, крикнулъ:

— Если ты только тронешь меня, я убью тебя! Слышишь! Я убью тебя!—повторилъ онъ такъ свирѣпо, что Іоганнъ нѣсколько поколебался, несмотря на то, что угрозы маленькаго Бертольда были просто смѣшны по отношенію къ его крупной фигурѣ.

Какъ только началась ссора, маленькая дѣвочка съ негодованіемъ выбѣжала изъ комнаты, заявивъ:

— Я скажу это мамѣ!—и, прежде чѣмъ Іоганнъ пришелъ къ какому-либо рѣшенію, „мама“ уже показалась на порогѣ комнаты.

— Перестанете ли вы, наконецъ? Поставь сейчасъ же стулъ на мѣсто! Изъ-за чего вы опять ссоритесь?

— Онъ меня обругалъ дѣвчонкой!—пробормоталъ, задыхаясь отъ ярости, Бертольдъ; затѣмъ онъ топнулъ ногой и, грозя брату кулакомъ, снова крикнулъ:

— Трусъ, если бы я былъ такой же большой и сильный, какъ ты, ты не посмѣлъ бы этого сдѣлать!

— Если бы я не былъ такимъ ужасно сильнымъ, то я давно бы тебя побилъ, такъ что ты на полу валялся. Но съ такимъ маленькимъ, слабымъ мальчишкой я долженъ быть великодушенъ!—насмѣшливо возразилъ Іоганнъ, пожалъ плечами и сѣлъ на стулъ, ногами обороняясь отъ нападавшаго на него брата.

— Вы опять принимаетесь за прежнее?—строго замѣтила мать. Затѣмъ она притянула къ себѣ маленькаго забіяку и откинула ему со лба спутавшіеся волосы.

— Фу, Бертольдъ! Какъ же можно такъ сердиться!

— Я не позволю оскорблять себя... и ужъ особенно ему!..

Іоганнъ отвѣтилъ на это вызывающимъ смѣхомъ. Молодая женщина снова строго взглянула на своего старшаго сына. Но строгій взглядъ, повидимому, стоилъ много труда кроткимъ, голубымъ глазамъ, совершенно похожимъ на глаза маленькой дѣвочки, и онъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Эта маленькая, изящная женская фигура, склонившаяся надъ страшно возбужденнымъ мальчикомъ, гораздо больше походила на старшую сестру, чѣмъ на мать троихъ дѣтей.

Въ эту минуту въ передней послышались сильные мужскіе шаги, и, прежде чѣмъ успѣла раскрыться дверь, выраженіе лица у всѣхъ четверыхъ сразу измѣнилось. Іоганнъ сильно покраснѣлъ и наклонился надъ своими книгами, молодая женщина выпрямилась со вздохомъ облегченія; маленькая дѣвочка усѣлась съ намѣреніемъ продолжать писать на грифельной доскѣ, а Бертольдъ, сразу успокоившись, съ ожиданіемъ устремилъ свой взоръ на дверь.

Дверь быстро отворилась, и вошелъ хозяинъ дома. Не спрашивая ни о чемъ, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ обоихъ мальчиковъ.

— Іоганнъ, возьми свои книги и иди сейчасъ же въ классную!—коротко и рѣзко приказалъ онъ.

— Тамъ очень холодно, оттого дѣти и сидятъ сегодня вечеромъ здѣсь!—робко замѣтила жена.

— Это ему не вредно! Онъ отъ этого не умретъ! Когда ты кончишь свою работу, Іоганнъ, то ты сейчасъ пойдешь спать!

— Хорошо, папа!—тихо отвѣтилъ мальчикъ.

Молча собралъ онъ свои вещи и тихо вышелъ изъ ком-

наты. Мать тоже замолчала. Маленькая дѣвочка не сводила глазъ съ отца, а Бертольдъ, блѣдный и печальный, смотрѣлъ теперь въ раскрытую передъ нимъ и всю покрытую цифрами книгу.

По знаку мужа вышла и молодая женщина. Тогда, взглянувъ на большіе стѣнные часы, онъ наклонился къ своей хорошенькой дочкѣ и спросилъ:

— А что, глазки не спятъ еще у моей милой Бэби? Ты знаешь, который теперь часъ?—Его голосъ, отъ природы рѣзкій и обрывистый, сдѣлался вдругъ кроткимъ и нѣжнымъ, и онъ снова спросилъ:

— Ну, который же часъ?

— Только половина восьмого, папа!—отвѣтилъ ребенокъ тоненькимъ, пѣвучимъ голоскомъ.

— Половина восьмого и... сколько минутъ?—Ребенокъ смотрѣлъ своими голубыми глазками то на часы, то на отца.

— Она этого никогда не выучитъ!—вполголоса замѣтилъ братъ.

Въ семьѣ всѣ, за исключеніемъ Бертольда, всегда шутили и смѣялись надъ тѣмъ, что Бэби на седьмомъ году жизни все еще не знала часовъ. Іоганнъ съ мальчишескимъ задоромъ умѣлъ разнообразить свои шутки. Какъ только ребенокъ началъ разбирать положеніе стрѣлокъ, Іоганнъ намѣренно приводилъ ихъ въ беспорядокъ, такъ что въ маленькой головкѣ окончательно все спуталось относительно большихъ и маленькихъ стрѣлокъ, часовъ, минутъ и секундъ.

Въ то время, какъ отецъ игралъ и занимался съ Бэби, взявъ ее на руки и заставляя ее пальчикомъ считать секунды на большихъ стѣнныхъ часахъ, Бертольдъ смотрѣлъ на нихъ съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія, которое въ немъ вызывали такія необыкновенно глупыя созданія, какъ маленюкія дѣвочки. Съ гордостью вспоминалъ онъ, что уже трехъ лѣтъ онъ правильно опредѣлялъ время; этотъ фактъ онъ зналъ твердо, потому что его мать рассказывала его при каждомъ удобномъ случаѣ своимъ друзьямъ и знакомымъ.

Когда Бэби, получившая при крещеніи имя Маргариты, но все еще называвшаяся Бэби, въ сотый разъ отвѣтила свой урокъ и, навѣрное, тотчасъ же забыла его, ей было позволено, къ ея великой радости, пойти еще на четверть часика въ комнату матери, гдѣ ее ждалъ сладкій тортъ. Бертольдъ остался съ отцомъ одинъ.

— Расскажи же мнѣ, мальчикъ, почему ты такъ сердился?—спросилъ Меріанъ, только теперь обратившійся къ

сыну.—Я слышалъ ужасный шумъ, какъ будто бы здѣсь все летѣло на полъ, и твой голосъ раздавался громче всѣхъ. Что тебѣ сдѣлалъ Іоганнъ?

— Онъ обругалъ меня дѣвчонкой,—при этихъ словахъ мальчикъ снова весь вспыхнулъ отъ одного воспоминанія объ упомянутомъ оскорбленіи. Отецъ, повидимому, вполне раздѣлялъ мнѣніе Бертольда, что большаго оскорбленія, вообще, не можетъ быть.

— Но почему же онъ это сдѣлалъ?

— Сначала онъ упрекнулъ меня за мои слабые нервы.

— Развѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, былъ немножко нервнымъ? Можетъ быть, ты не могъ справиться со своими работами, и тебя это взволновало?

— Да, папа, это какъ разъ такъ и было! Я считалъ, считалъ, а сумма все выходила невѣрной. Навѣрно, гдѣ-нибудь тутъ ошибка... въ самой книгѣ.

— Въ книгѣ?...—повторилъ отецъ удивленно, но безъ малѣйшаго сомнѣнія, какое вызвало бы у всякаго другого утверженіе девятилѣтняго мальчика.—Покажи-ка мнѣ!

— Здѣсь въ концѣ книги помѣщены рѣшенія задачъ, папа! Когда мы кончаемъ какую-нибудь задачу, то мы всегда можемъ справиться здѣсь, вѣрно ли она рѣшена, или нѣтъ. И вотъ тутъ стоитъ совсѣмъ другая цифра, чѣмъ у меня. Я все сосчиталъ вѣрно, а результатъ совсѣмъ не сходится съ книгой. Вѣдь просто съ ума можно сойти!

Онъ говорилъ все съ большимъ волненіемъ, какъ будто слова его выходили изъ какой-то пропасти отчаянія. Потомъ онъ поднялъ на отца свои печальные, задумчивые глаза и взглянулъ на него съ глубокимъ уваженіемъ. Для дѣтскихъ глазъ выраженіе это было совершенно необычнымъ. Въ немъ соединялась безграничная привязанность съ безграничнымъ довѣріемъ, вся сила любви углубленной въ себя дѣтской души, которая знаетъ только одинъ объектъ для своей непреодолимой душевной потребности.

Отецъ понялъ этотъ взглядъ и сумѣлъ на него отозваться. Онъ не сказалъ ничего, взялъ книгу и внимательно прочелъ задачу.

— Ну, посмотримъ, въ чемъ здѣсь дѣло!—съ этими словами онъ подвинулъ стулъ къ столу. Меріанъ говорилъ съ мальчикомъ не какъ взрослый съ ребенкомъ, а какъ съ равноправнымъ себѣ. Опытный глазъ директора торговаго предпріятія, обнимающаго цѣлые полміра, быстро пробѣгалъ длинный рядъ цифръ, а мальчикъ напряженно слѣдилъ за его взглядомъ, какъ будто отъ этого изслѣдованія зависѣла жизнь или смерть.

Непреклонность, сила воли и авторитетность составляли

Основные черты характера Меріана, строгія и тонкія очертанія лица котораго теперь оживились. Въ глазахъ отражалась та же рѣзкость стали, какая звучала и въ металлическомъ звукѣ его голоса. Голосъ и глаза вполне отвѣчали другъ другу. Кто внимательно изучилъ этого человѣка, тотъ не удивлялся больше, что съ его сжатыхъ губъ срываются рѣзкіе и отрывистые звуки. Выраженіе его лица было очень характерно. Черные усы не вполне закрывали четырехугольные линіи рта и немного слишкомъ широкую нижнюю челюсть. Несмотря на всю суровость и строгость очертаній, лицо его принимало иногда ласковое выраженіе. Въ волосахъ Меріана виднѣлась уже сѣдина, но вся его фигура принадлежала человѣку еще въ полномъ блескѣ мужественныхъ силъ. Невысокій, широкоплечій корпусъ вполне отвѣчалъ общему впечатлѣнію его фигуры, носившей отпечатокъ самоувѣренной силы и вполне оправдывающей уваженіе сына.

Наконецъ, онъ кончилъ считать и сдѣлалъ Бертольду нѣсколько короткихъ вопросовъ; когда тотъ тотчасъ же удачно отвѣтилъ, въ глазахъ его показалось удовлетворенное выраженіе.

— Я начинаю тоже думать, что ты вѣрно сосчиталъ, Бертольдъ!—замѣтилъ отецъ, просматривая работу во второй разъ.—Но въ книгѣ врядъ ли возможна ошибка.

Съ неистощимымъ терпѣніемъ сталъ онъ просчитывать еще разъ и, наконецъ, улыбнулся. Затѣмъ онъ слегка ударилъ по лбу сына линейкой, которую держалъ въ лѣвой рукѣ.

— Эта умная головка не виновата, но вина все-таки твоя! Ты ошибся въ перепискѣ; счелъ вѣрно, но неясно написалъ одну цифру... смотри: здѣсь, вмѣсто нуля, должно стоять девять. Эта черточка написана недостаточно ясно, и это мы съ тобой оба просмотрѣли; въ этомъ вся и ошибка. Теперь мы придемъ къ вѣрному результату.

— Можно мнѣ сосчитать?—спросилъ Бертольдъ хриплымъ отъ волненія голосомъ.

Отецъ подалъ ему перо и смотрѣлъ на него, пока онъ не нашель, наконецъ, вѣрнаго рѣшенія. Съ громкимъ „ура!“ бросилъ Бертольдъ книгу вверхъ и съ той же несдержанностью, съ какой раньше выражалось его отчаяніе, онъ нѣсколько разъ перекувыркнулся съ такой ловкостью, какая сдѣлала бы честь даже клоуну.

Онъ былъ неудержимо веселъ, глаза его блестѣли, но веселой улыбки не было замѣтно на этомъ дѣтскомъ личикѣ. Послѣ краткаго взрыва возбужденнаго веселья глаза его сдѣлались снова серьезными, какъ прежде.

Отець всталъ, намѣреваясь идти въ свой кабинетъ.

— Когда ты вечеромъ не можешь справиться съ своей работой, приходи всегда тотчасъ же ко мнѣ! Ты вѣдь знаешь, что ты всегда можешь ко мнѣ войти!

— Я лучше всего хотѣлъ бы всегда справляться самъ, папа! Но если ты думаешь, что лучше сейчасъ же идти къ тебѣ, то я буду такъ дѣлать.

— Я считаю, мой мальчикъ, что тебѣ лучше не волноваться такъ, какъ это было сегодня. Развѣ ты другого мнѣнія?

Рѣзкій голосъ отца теперь совершенно смягчился. Онъ положилъ обѣ руки на плечи мальчика, который стоялъ передъ нимъ, все еще наклонившись и весь погруженный въ свои цифры, надъ которыми ему пришлось столько поломать голову.

— Не сиди за работой дольше половины девятаго! — сказалъ отецъ тѣмъ же убѣждающимъ тономъ, какъ будто бы онъ говорилъ съ равнымъ ему по возрасту другомъ. — Ты мнѣ это обещаешь, не правда ли?

— Конечно, папа.

Слова эти были произнесены почти торжественно. Меріанъ, улыбаясь, повернулся къ двери и вышелъ изъ комнаты.

Едва только дверь за нимъ затворилась, все еще стоявшій въ раздумьи около стола мальчикъ вдругъ точно проснулся и побѣжалъ за отцомъ.

— Папа... Я собственно больше былъ виноватъ, чѣмъ Іоганнъ. Я первый началъ мѣшать ему, когда я такъ страшно взволновался отъ своей задачи.

Съ минуту оба молчали. Въ ярко освѣщенной передней взоры отца снова встрѣтились съ тѣмъ же нѣжнымъ, непреодолимымъ дѣтскимъ взоромъ, и онъ въ волненіи взялъ голову мальчика и нѣсколько разъ поцѣловалъ его.

— Это тебѣ дѣлаетъ честь, Бертольдъ, что ты такъ искренно признаешь свою вину. Іоганнъ не будетъ тебя больше дразнить. Ну, покойной ночи! Больше не приходи ко мнѣ, потому что у меня еще очень много дѣла сегодня! Спи спокойно, милый мальчикъ!

Быстрыми шагами Меріанъ поспѣшилъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ онъ усердно работалъ до полуночи.

* * *

Между тѣмъ Бертольдъ, пунктуально исполнившій свое обѣщаніе идти спать, нѣсколько часовъ лежалъ въ постели безъ сна. Въ тишинѣ и во мракѣ ночи ссора съ Іоганномъ

не выходила у него изъ головы. Онъ снова переживалъ безсильную ярость отъ одного воспоминанія, что братъ обругалъ его дѣвчонкой. Даже и теперь онъ испытывалъ странное ощущеніе сухости въ горлѣ и какого-то необыкновеннаго чувства въ затылкѣ, которое чуть не лишило его сознанія и... довело его до того, что онъ поднималъ стулъ, чтобы убить своего брата.

Если бы онъ былъ больше и сильнѣе, если бы у него хватило силы, чтобы убить Юанна... можетъ быть, онъ тогда не поступилъ бы такъ?

Этотъ вопросъ лишалъ его сна.

Безпокойно метался онъ на своей постели. Когда его ярость нѣсколько улеглась, ему страшно стало при одной мысли, что если бы онъ не былъ такъ малъ, то, можетъ быть, онъ... въ эту минуту былъ бы убійцей своего брата,—братоубійцей, какъ Каинъ. И тогда, вмѣсто того, чтобы лежать въ теплой постели, онъ бродилъ бы гдѣ-нибудь во мракѣ ночи, пока...

Вдругъ легкій шумъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спалъ Юаннъ, возбудилъ его вниманіе. Онъ приподнялся, чтобы послушать, и скоро замѣтилъ изъ-подъ двери свѣтъ. Мальчикъ презрительно пожалъ плечали и снова легъ, потому что очень хорошо зналъ, что это за свѣтъ. Юаннъ читалъ ночью, при восковой свѣчѣ, всевозможныя... книги, которыя онъ пряталъ въ своей школьной сумкѣ, никому ихъ не показывалъ и больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы ихъ не увидалъ отецъ.

Бертольдъ однажды совершенно случайно засталъ брата при свѣчѣ и надъ его книгами, и Юаннъ такъ этого испугался, что обѣщалъ исколотить мальчика, если только онъ скажетъ про него родителямъ.

Развѣ онъ, Бертольдъ, фискаль какой-нибудь? Если бы онъ захотѣлъ жаловаться на Юанна, ему незачѣмъ было бы дожидаться этого случая. Юаннъ вѣдь всегда дѣлалъ то, что ему запрещалось и что могло бы повести къ строгому наказанію. Фискалятъ только дѣвчонки. Бэби очень это любить. Отецъ всегда сердился за это, но мать никогда не бранила ее, конечно, потому что она сама женщина, и когда была ребенкомъ, то тоже фискалила.

Но какъ только на минуту отвлекшій его мысли свѣтъ пересталъ занимать его вниманіе, къ нему снова вернулись укоры совѣсти.

Желаніе убить Юанна и раньше уже лежало на его совѣсти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — онъ это такъ хорошо помнить, какъ будто это случилось только вчера, — онъ съ ножомъ гнался за своимъ братомъ и ранилъ его въ

руку, потому что Іоганнъ дразнилъ его любимаго кролика и толкалъ его ногой. Бертольда за это строго наказали: два дня и двѣ ночи провелъ онъ въ заключеніи на чердакѣ, на хлѣбѣ и водѣ и на соломенномъ матрацѣ. Само наказаніе было для него совсѣмъ не хуже всего. Когда отцу рассказали объ его преступленіи и показали раненую руку, мальчикъ видѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и лицо его такъ измѣнилось, что ему только тогда сдѣлалась ясной вся тяжесть его преступленія. Заключеніе было для него скорѣе приятно, такъ какъ онъ не смѣлъ показаться на глаза отцу. Два дня на хлѣбѣ и водѣ онъ охотно жертвовалъ своему любимому кролику, который бѣгалъ за нимъ, какъ собачка, и, навѣрное, тоже, въ свою очередь, защитилъ бы Бертольда отъ всякаго насилія.

Больше всего боялся онъ того, что послѣдуетъ за наказаніемъ. Отецъ самъ свелъ его внизъ и держалъ себя такъ, какъ будто бы ничего не случилось.

— Теперь твое наказаніе кончено, и мы прощаемъ тебя, Бертольдъ! Я не буду требовать отъ тебя обѣщанія никогда не дѣлать ничего подобнаго. Я думаю, что въ этомъ абсолютно нѣтъ никакой необходимости, не правда ли?

Съ этими словами отецъ подалъ ему руку, и мальчикъ отвѣтилъ ему:—Нѣтъ, папа!—Потомъ онъ спустился внизъ, и мать поцѣловала его со слезами на глазахъ, а также и Бэби. Іоганнъ подалъ ему только свою перевязанную руку. Тогда у него сдавило горло, онъ опять побѣжалъ на чердакъ и плакалъ тамъ цѣлый часъ. Потомъ у него сдѣлалась такая головная боль, что пришлось позвать врача. Лекарство успокоило его, и онъ глубоко заснулъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ себя совершенно оправившимся и уже не вспоминалъ больше о своемъ наказаніи.

Какъ живо встало это теперь передъ его умственнымъ взоромъ и какъ подробно вспоминалъ онъ все, что думалъ тогда! Ему казалось, что теперь онъ такъ же и даже гораздо больше виноватъ, чѣмъ тогда, потому что сегодня онъ не защищалъ никакого маленькаго, слабаго кролика, а чувствовалъ только себя оскорбленнымъ.

Онъ ненавидѣлъ Іоганна, ненавидѣлъ его и раньше и хорошо зналъ, что это очень дурная сторона его натуры. Но ненависть и убійство все-таки совсѣмъ не одно и то же.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ слышалъ, что отецъ сказалъ за обѣдомъ гостямъ, какъ удивительно строго-логически началъ уже мыслить Бертольдъ. Замѣтивъ, что гости при этомъ удивленно посмотрѣли на него, онъ спросилъ послѣ изъ любопытства, что собственно значитъ „логически мыслить“. Отецъ отвѣтилъ, что это немножко трудно разъ-

яснить ему, но что онъ попробуетъ это сдѣлать. Логическое мышленіе значитъ разумное, правильное мышленіе. Есть два рода мышленія: одно основывается преимущественно на разумѣ, а другое—на чувствѣ. Второй родъ мышленія нелогиченъ, онъ встрѣчается обыкновенно у женщинъ и очень рѣдко у мужчинъ. Нелогичное мышленіе часто даетъ поводъ къ ошибкамъ и несправедливостямъ.

— Что же мнѣ дѣлать, чтобы всегда мыслить логически?—спросилъ онъ тогда.

— Нужно именно учиться мыслить по опредѣленнымъ, установленнымъ законамъ, а не такъ, какъ это всего пріятнѣе и удобнѣе. Слова „логическій“ и „логика“ происходятъ отъ греческаго слова „логосъ“, что значитъ „разумъ“. Поэтому логически мыслить значитъ мыслить разумно. А разумъ есть высшее благо, которымъ природа надѣлила человѣка.

Какъ жадно слушалъ онъ тогда эти объясненія! Логическое мышленіе было, слѣдовательно, такимъ важнымъ, труднымъ и мужественнымъ, и онъ, Бертольдъ, повидимому, въ состояніи этого достигнуть. Не мало гордясь собой, онъ рѣшилъ мыслить всегда логически... не потому, чтобы это было всего пріятнѣе и удобнѣе, но только потому, что это правильнѣе всего, даже, если и направляется противъ самого себя.

На этомъ основаніи онъ усердно обдумывалъ и взвѣшивалъ теперь въ постели всѣ свои вечернія мысли и въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что желая даже одну минуту убить Иоганна, онъ не менѣе виновенъ, чѣмъ дѣйствительный убійца, такъ какъ только недостатокъ физической силы помѣшалъ убійству брата.

Онъ пришелъ въ ужасъ отъ этого результата своей логики. Онъ не только не хотѣлъ быть убійцей, но стремился быть вообще добрымъ, совершенно исключительно добрымъ. Съ нимъ сдѣлался лихорадочный жаръ, и, несмотря на ноябрьскій холодъ, онъ сбросилъ съ себя всѣ одѣяла.

Неужели ему такъ трудно... быть добрымъ! А между тѣмъ онъ хотѣлъ быть такимъ добрымъ, какъ никто другой... какъ Христосъ... или какъ его отецъ.

Быть такимъ добрымъ, какъ отецъ, казалось ему невозможнымъ... но такимъ, какъ Христосъ, можетъ быть, еще возможно, если постараться.

Бертольдъ считалъ Христа, въ сущности, не вполне совершеннымъ. Онъ совсѣмъ не могъ понять, почему всѣ прежде считали Христа за сына Божія, а не просто за хорошаго человѣка? Ему казалось, что Христосъ иногда несправедливо сердился, напримѣръ, на хаванейскую женщину,

которая умоляла его спасти ее одержимую бѣсомъ дочь. Только потому, что она не была израильтянкой, онъ не хотѣлъ ей даже отвѣтить. Когда же она продолжала умолять его, то слова Христа: „Не подобаетъ взять хлѣбъ у дѣтей и бросить его псамъ“ — отнюдь не казались ему ни ласковыми, ни милосердными. Она-то вѣдь ничуть не была виновата въ томъ, что она — хананеянка, а не израильтянка. Это Христосъ долженъ былъ знать и не сравнивать ее съ собакой. Если бы у него, Бертольда, хватило смѣлости, то онъ сказалъ бы, что Христосъ въ данномъ случаѣ поступилъ очень шелогично.

И во многихъ другихъ случаяхъ великій человекъ Христосъ казался ему чуждымъ и достойнымъ порицанія. Онъ часто думалъ объ этомъ и ставилъ себѣ вопросъ, какъ бы онъ, Бертольдъ Меріанъ, поступилъ на мѣстѣ Христа?

Причиной всѣхъ этихъ мыслей и сравненій съ основателемъ христіанства было то обстоятельство, что у Меріановъ каждое утро за завтракомъ прочитывалась глава изъ Библіи. Отецъ семейства ввелъ этотъ обычай, когда онъ счелъ своего старшаго сына достаточно развитымъ, чтобы понимать Новый Завѣтъ. Этотъ обычай удержался въ семьѣ, хотя отъ Меріана не могло укрыться полное равнодушіе того, для кого собственно предназначалось это чтеніе. Къ счастью, аудиторія не ограничивалась только семьей, но при чтеніи присутствовала и вся домашняя прислуга. Важно и степенно, съ опущенными глазами, безшумно появлялись каждое утро въ столовой шесть человекъ слугъ и разсаживались вдоль стѣны на рѣзныхъ стульяхъ, не отдавая себѣ опредѣленнаго отчета, чѣмъ собственно отличались эти четверть часа отъ всего остального дня. Меріанъ строго придерживался нѣкоторыхъ фамиліныхъ традицій, и у его родителей такъ же регулярно по утрамъ читалась Библия. По его мнѣнію, для духовнаго развитія дѣтей было очень важно съ самаго ранняго возраста познакомиться съ моральными красотами и высокимъ литературнымъ достоинствомъ этой книги всѣхъ книгъ.

Будучи сторонникомъ свободнаго изслѣдованія въ религіозной области и либеральныхъ идей 48-го года въ политическомъ отношеніи, Меріанъ послѣ долгой внутренней борьбы порвалъ со всѣми религіозными и политическими догматами, въ которыхъ его воспиталъ его строго вѣрующій и консервативный отецъ; однако, Библия осталась для него дорогой реликвіей со дня его юности. Онъ уважалъ Библию, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, — не какъ божественное откровеніе, но какъ грандіозный и достойный идей-

ный памятникъ древности и высшаго проявленія благороднѣйшей челоуѣческой души, которая когда-либо существовала на землѣ.

Въ этомъ смыслѣ началъ онъ говорить о Библии и объ Евангеліи и съ своимъ меньшимъ сыномъ, когда тому исполнилось восемь лѣтъ. Глубокое благоговѣніе, съ которымъ мальчикъ по утрамъ слушалъ его чтеніе, сначала доставило большое удовольствіе отцу. Потомъ онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ тщательно просматривать каждую главу Библии, чтобы лучше приспособить чтеніе для слишкомъ внимательнаго мальчика. Вначалѣ онъ говорилъ, чтобы каждый слушатель, который что-нибудь не пойметъ изъ прочитаннаго, сейчасъ же прерывалъ бы его и спрашивалъ. Но никто не пользовался этимъ разрѣшеніемъ за исключениемъ Бертольда, вопросы и замѣчанія котораго часто очень затрудняли отца, въ виду слишкомъ смѣшаннаго круга слушателей.

Однажды онъ читалъ XIX главу отъ Маттея и остановился на ст. 21, гдѣ Іисусъ говоритъ богатому юношѣ: „Если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай все, что имѣешь, и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ; тогда приходи и слѣдуй за мной!“

Бертольдъ насторожилъ уши, и, когда отецъ прочелъ слѣдующій стихъ: „Истинно говорю вамъ, трудно богатому войти въ царство небесное!“, онъ не могъ больше удержаться и спросилъ:

— Развѣ дурно быть богатымъ?

На этотъ вопросъ сначала послѣдовало тягостное молчаніе. Слуги смущенно смотрѣли въ землю. Затѣмъ отецъ разъяснилъ, что Іисусъ хотѣлъ этимъ только указать на долгъ богатыхъ дѣлиться съ бѣдными.

Но съ этого дня Меріанъ заявилъ своему единственному интерpellанту, что онъ будетъ отвѣчать на всѣ его вопросы послѣ ужина, въ тѣ минуты, которыя онъ посвящалъ вполнѣ своимъ дѣтямъ. Онъ шутилъ и возился тогда съ Бэби, игралъ и читалъ съ мальчиками, говорилъ о Библии и разъяснялъ ея притчи, которыя большей частью очень нравились Бертольду. Иногда мальчикъ не соглашался со словами Христа, и въ такихъ случаяхъ онъ это совершенно откровенно высказывалъ. Однажды у него цѣлый день не выходили изъ головы слова Христа изъ главы XII отъ Луки: „Думаете ли вы, что я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ стануть раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца, мать противъ дочери, и дочь противъ матери, свекровь противъ неувѣстки своей, и неувѣстка противъ

«свекрови своей».—Съять такой раздоръ въ семьяхъ, ради исполненія воли Божіей, не могло быть добрымъ дѣломъ,—подумаль Бертольдъ, и вечеромъ, когда послѣ ужина наступилъ для него самый любимый часъ дня, онъ громко высказаль свою мысль.

Къ его великому удивленію, отецъ почти разсердился на это. Съ нѣкоторымъ раздраженіемъ заявилъ онъ мальчику, что онъ еще слишкомъ малъ, чтобы высказывать свое сужденіе о такой сложной по содержанію книгѣ, какъ Библия, и о такой высокой, благородной личности, какъ Христось. Величайшіе ученые не были въ состояніи вполнѣ понять эту старинную книгу, написанную въ образномъ стилѣ индусскихъ народовъ. Апостолы изложили вполнѣ ствiи слова Христа такъ, какъ они ихъ понимали, и поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Христось выражался гораздо умѣреннѣе. Никому не придетъ въ голову понимать Библию буквально.

Отецъ многое еще говорилъ о Библии и коснулся ближе и хананейской женщины. Бертольдъ съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ выслушалъ его, но все-таки не убѣдился вполнѣ. Какъ онъ ни старался представить себѣ безгрѣшнымъ ту личность, которую онъ такъ глубоко уважалъ, все-таки Христось не казался ему вполнѣ совершеннымъ.

Часто вопросы о Библии вертѣлись на языкѣ у мальчика, но онъ не предлагаль уже ихъ больше отцу, чтобы не задѣть его этимъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ теперь онъ просилъ разъяснить ему только то или другое мѣсто, котораго онъ не поняль, но дѣлать какія-либо критическія замѣчанія онъ болѣе не рѣшался.

Но сегодня вечеромъ, въ сознаніи своей великой вины и при воспоминаніи о прочитанномъ утромъ въ Евангеліи отъ Іоанна явленіи Христа передъ Пилатомъ, благородный образъ Его стояль передъ умственнымъ взоромъ мальчика во всемъ Его кроткомъ величіи и спокойствіи; и Бертольдъ почувствовалъ себя безконечно далекимъ отъ своего идеала.

Раскаяніе произвело въ немъ внутреннюю перемѣну. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что его слѣдовало бы сегодня, собственно, опять наказать, и онъ приняль самыя благородныя рѣшенія. Съ своимъ братомъ Іоганномъ онъ будетъ теперь всегда кротокъ.

Если Іоганнъ, злоупотребляя превосходствомъ своей физической силы, станеть его дразнить и оскорблять, то онъ будетъ все это переносить такъ же терпѣливо и кротко, какъ Христось въ совѣтѣ первосвященниковъ, гдѣ на Него плевали и били по лицу.

Но въ этомъ припадкѣ глубочайшаго смиренія ему вдругъ пришла въ голову мысль, держалъ ли бы себя Христось, который вѣдь тоже могъ разсердиться, такъ же спокойно и кротко, если бы Его врагамъ пришла въ голову мысль оскорбить Его такъ ужасно, какъ это сдѣлалъ Иоганнь?

Этому онъ уже совсѣмъ не могъ повѣрить. Во всякомъ случаѣ, Бертольдъ гораздо охотнѣе далъ бы себя бить и распивать, чѣмъ еще разъ подвергнуться тому, что онъ пережилъ въ этотъ вечеръ.

Онъ прямо страдалъ отъ того, что не могъ найти въ Библии ни одного мѣста, которое могло бы служить ему руководящей нитью въ данномъ случаѣ. Что сдѣлалъ бы, въ самомъ дѣлѣ, Христось, если бы у него былъ такой братъ, какъ Иоганнь?

Глубокое размышленіе по поводу этого вопроса и взвѣшиваніе возможности такого обстоятельства усилили, наконецъ, въ немъ чувство своей вины и успокоили его, такъ что, когда около половины двѣнадцатаго въ комнату вошла, по своему обыкновенію, его мать, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ у дѣтей, Бертольдъ спалъ уже крѣпкимъ сномъ.

При видѣ своего младшаго сына, молодая женщина качала своей дѣтской, бѣлокурой головкой. Старшій, Иоганнь, услышавъ шаги матери на лѣстницѣ, быстро спряталъ книгу, погасилъ свѣчу и, притворившись спящимъ, представлялъ собой образцовую картину здороваго сна; у Бертольда же вся постель была въ полномъ безпорядкѣ и говорила о волненіи мальчика передъ тѣмъ, какъ заснуть. Всѣ простыни и одѣяла были сброшены или сбиты къ ногамъ; мальчикъ лежалъ поперекъ кровати почти совершенно раздѣтымъ, темные волосы его сбились на лобъ, кулаки были сжаты.

Мать поставила свѣчу въ сторону, чтобы она не безпокоила мальчика и сдѣлала то, что ей приходилось дѣлать каждый день. Прежде всего она осторожно положила спящаго ребенка вдоль постели, поправила простыни и одѣяла, тепло укрыла его, и, когда все было готово, она нѣсколько минутъ еще смотрѣла на сына; затѣмъ она нагнулась и тихонько поцѣловала его. Когда она своей неслышной походкой вышла за дверь, казалось, какъ будто въ комнатѣ оставался какой-то слѣдъ ея пребыванія, точно дыханіе мира спустилось къ безпокойному мальчику и укачало въ свѣтлыхъ сновидѣніяхъ тревожно вопрошающую и ищущую дѣтскую душу.

Всѣ, кто только былъ знакомъ съ семействомъ Мери-

ановъ, знали своеобразное отношеніе отца къ своему младшему сыну, и многимъ оно казалось крайне забавнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни отъ кого, кто только сколько-нибудь былъ посвященъ въ ихъ семейную жизнь, не могло укрыться, что какъ рѣзкій, металлическій голосъ, такъ и властные манеры главы семьи при малѣйшемъ возраженіи ему тотчасъ же измѣнялись, какъ только открывалъ ротъ Бертольдъ.

Онъ слушалъ тогда, какъ человѣкъ, который обыкновенно считаетъ совершенно излишнимъ такое вниманіе и въ данномъ случаѣ относится совершенно исключительно; и когда ему приходилось противорѣчить мальчику, сжатые губы его раздвигались въ улыбку и въ отвѣтахъ его чувствовалась какая-то боязливость, какъ будто бы онъ говорилъ съ человѣкомъ, стоявшимъ выше его въ духовномъ отношеніи.

Эта разница бросалась въ глаза даже мало внимательному наблюдателю. Но только немногіе замѣчали, съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ слушалъ обычно угрюмый и неласковый мальчикъ, какъ только раздавался голосъ отца. Слишкомъ явная отцовская гордость Меріана не позволяла большинству видѣть истинную сущность ихъ отношеній, и поэтому они не могли замѣтить въ мальчикѣ ничего особеннаго.

Призванные авторитеты, лица, занимающія выдающееся положеніе въ политическомъ или промышленномъ мірѣ, съ которыми Меріанъ состоялъ въ дружескихъ или дѣловыхъ сношеніяхъ и которыхъ онъ гостеприимно принималъ въ своемъ роскошномъ домѣ, часто съ трудомъ удерживались отъ ироническаго пожатія плечъ, когда глава семьи съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ замѣчанія мальчика, вмѣшивающагося въ разговоры, вмѣсто того, чтобы просто заставить замолчать „мальчишку“, какъ они звали его за глаза. Досада ихъ еще болѣе увеличивалась тѣмъ обстоятельствомъ, что—при всемъ своемъ уваженіи къ интеллектуальнымъ и другимъ свойствамъ Меріана—они умышленно старались избѣгать всякихъ политическихъ споровъ, въ виду его опредѣленныхъ мнѣній; а Меріанъ очень рѣдко считался съ этой уступкой. Если принять въ соображеніе, какъ этотъ человѣкъ, съ которымъ всѣ обращались такъ осторожно, на ихъ глазахъ съ самымъ трогательнымъ вниманіемъ выслушивалъ прямолинейныя несообразности ребенка,—то терпѣніе ихъ часто подвергалось очень серьезному испытанію.

Однако, никто изъ друзей не позволялъ себѣ ни ма-

лѣйшаго намека на его своеобразный методъ воспитанія и на его непослѣдовательность въ этомъ отношеніи.

Съ старшимъ мальчикомъ обращались вѣдь совершенно иначе. Какъ только тотъ осмѣливался вставить слово, его сейчасъ же строго останавливали.

Меріану вообще всѣ охотно уступали, потому что его слишкомъ цѣнили, чтобы не сдѣлать ни малѣйшаго снисхожденія его властному характеру. Нѣкоторые, разумѣется, избѣгали общенія съ нимъ, считая его „невыносимымъ доктринеромъ“.

Однажды къ Меріану пріѣхалъ съ своей женой одинъ изъ друзей его молодости, утрехтскій адвокатъ, съ которымъ онъ со времени своихъ университетскихъ лѣтъ въ Лейданѣ при случаѣ поддерживалъ сношенія. За обѣдомъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько общихъ друзей, царило самое оживленное настроеніе. Меріанъ сидѣлъ рядомъ съ молодой, хорошенькой и нарядно одѣтой женой своего друга. Очень чувствительный къ женской красотѣ вообще и къ своеобразной прелести этой дамы въ особенности, онъ все время разговаривалъ преимущественно съ своей сосѣдкой, шутилъ и болталъ съ такимъ остроуміемъ, какъ это съ нимъ рѣдко когда бывало. Оба они сыпали остроумными мыслями и порадоксами,—это былъ настоящей перекрестный огонь насмѣшливыхъ замѣчаній и остроумныхъ возраженій, которыя и остальные гости слушали со вниманіемъ, намѣреваясь также принять участіе въ разговорѣ, гдѣ обѣ стороны проявляли столько блестящаго остроумія.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ въ логику, и здѣсь фейерверкъ словесной борьбы заблестѣлъ, кажется, еще ярче. Меріанъ, наконецъ, пересталъ возражать своей сосѣдкѣ, а только слушалъ ее съ своей скептической, смягченной учтивостью улыбкой, и размышлялъ про себя, какъ онъ сейчасъ разобьетъ весь карточный домикъ ея женскаго разума острой стрѣлой, пущенной изъ туго натянутого лука его мужского интеллекта.

Вдругъ, во время короткой паузы, съ другого конца стола раздалось безапелляціоннымъ тономъ:

— Женщины не могутъ мыслить логически.

Если бы бомба разорвалась въ залѣ, впечатлѣніе не было бы сильнѣе.

Безмолвно взглянули всѣ въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣли трое дѣтей, а затѣмъ раздался гомерическій хохотъ, въ которомъ не принимали, однако, участія самъ хозяинъ и его жена,—послѣдняя пыталась знаками дать понять Бертольду, что онъ поступилъ неприлично, а первый молчалъ по дружимъ причинамъ.

Когда хохотъ смолкъ, Меріанъ бросилъ на злорадствующаго Іоганна строгій взглядъ, который тотчасъ же успокоилъ его и затѣмъ спокойно обратился къ своему меньшему сыну; мальчикъ вѣдь только повторилъ то, что какъ-то сказалъ ему отецъ и совершенно не могъ понять, что онъ сдѣлалъ такого смѣшного.

— То, что ты сказала, Бертольдъ, не совсѣмъ вѣрно. Вѣроятно, мысль твоя была правильнѣе, чѣмъ ты выразился. Разумѣется, женщины могутъ мыслить логически, если только онѣ этому учились, и есть немало мужчинъ, которые никогда не могутъ этому научиться... хотя логическое мышленіе и является специфически мужскимъ свойствомъ, которое усваивается при помощи науки.

— Какой науки?—тотчасъ же спросилъ Бертольдъ.

— Главнымъ образомъ, математики.

Бертольдъ не сказалъ больше ни слова, но онъ тутъ же рѣшилъ такъ же успѣвать по математикѣ, какъ онъ теперь уже успѣваетъ въ логикѣ; а гости неопредѣленно смотрѣли передъ собой, чтобы скрыть свое впечатлѣніе. Все происшествіе казалось имъ просто неслыханнымъ. Они считали, что Меріанъ такъ невозможно велъ себя, какъ хозяинъ и какъ отецъ, что имъ пришлось приложить немало усилий для того, чтобы наружно скрыть свое внутреннее негодованіе. Только молодая женщина съ нѣкоторымъ участіемъ взглянула на дѣтей и подумала, не представляетъ ли собой этотъ некрасивый, темноволосый мальчикъ съ мечтательными глазами чего-нибудь необыкновеннаго. Что же касается до ея мужа, то онъ счелъ себя оскорбленнымъ за свою умную, хорошенькую жену и, внимательно разсматривая складки своей салфетки, сказалъ Меріану:

— Я и не зналъ, Меріанъ, что у тебя такой сынъ... Повидимому, мы имѣемъ дѣло съ будущимъ гениемъ.

Ироническій тонъ, которымъ были сказаны эти слова, сообщилъ глазамъ Меріана то выраженіе, которое обыкновенно служило предостереженіемъ.

— Ты не зналъ, что у меня есть достаточно интеллигентный сынъ?.. Къ счастью, онъ очень интеллигентенъ.

— И, вѣроятно, въ твою систему воспитанія входитъ позволять ребенку говорить о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не можетъ имѣть еще ни малѣйшаго понятія?

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Бертольдъ говорить только о такихъ вещахъ, которыя онъ понимаетъ, и съ этимъ я безусловно согласенъ.

Его голосъ, звучавшій такъ, какъ будто бы ножомъ проводили по камню, дополнялся такимъ взглядомъ, что другъ его юности счелъ болѣе удобнымъ не продолжать

разговора. Но на обратномъ пути въ желѣзнодорожномъ купѣ супруги наверстали свое, и Меріанъ, навѣрное, былъ бы очень удивленъ, если бы онъ могъ подслушать ихъ разговоръ. Онъ обыкновенно тотчасъ же забывалъ свои слова, которыя только благодаря такту и чувству приличія другихъ не приводили къ непріятному результату. Но тѣ, кто изъ такихъ соображеній удержались отъ надлежащаго отпора, рѣдко прощаютъ это и никогда не забываютъ.

Госпожа Меріанъ между тѣмъ имѣла самое неопредѣленное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Она нерѣдко высказывалась передъ своими подругами, что мужъ ея исключительно строго обращается съ Іоганномъ, тогда какъ съ Бертольдомъ онъ слишкомъ снисходителенъ. При этомъ она всегда пыталась оправдать это различіе тѣмъ, что Бертольдъ съ самаго рожденія былъ въ высшей степени слабымъ ребенкомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ требовалъ самаго осторожнаго обращенія съ нимъ и, благодаря этому, сдѣлался нелюдимымъ и скучнымъ съ посторонними. Вслѣдствіе безграничной привязанности къ своимъ родителямъ, онъ естественно имѣетъ и большее право на ихъ доброту и снисходительность, чѣмъ старшій, — легкомысленный и шумный Іоганнъ, легко завязывающій дружбу съ первымъ встрѣчнымъ, повидимому, очень мало придавалъ значенія родительской привязанности.

Подруги соглашались съ этими разсужденіями но въ глубинѣ сердца онѣ считали изящнаго, бѣлокураго Іоганна, который въ 14 лѣтъ уже умѣлъ немного ухаживать за дамами, гораздо милѣе, тогда какъ Бертольдъ, почти неприличное равнодушіе котораго къ посѣтителямъ не разъ ими порицалось, внушалъ имъ такую антипатію, которую они часто съ трудомъ умѣли скрыть.

Только одна, немолодая, незамужняя дама, тетка госпожи Меріанъ, составляла исключеніе въ этомъ отношеніи. Со времени одного случая, показавшаго ей мальчика совершенно въ иномъ свѣтѣ, она всегда гордо заступалась за него, когда въ ея присутствіи поднималась рѣчь о „противномъ, невыносимомъ мальчишкѣ Меріановѣ“.

Однажды въ морозный, зимній день, когда у Бертольда было свободное отъ школьныхъ занятій послѣобѣденное время, она пришла навѣстить свою племянницу и прислуга сказала ей, что госпожа Меріанъ въ классной съ дѣтьми.

Хорошо зная расположеніе комнатъ, она тотчасъ же поднялась во второй этажъ, но нашла въ классной не мать, а только обоихъ меньшихъ дѣтей: Бэби дремала блѣдная на софѣ, тепло закутанная въ домашнюю курточку Бертольда, а самъ Бертольдъ въ одной рубашкѣ и стуча зу-

Бама отъ холода, околѣнными пальцами рисоваль карту. Каминъ давно уже потухъ.

— Ну, дѣти, а гдѣ же мама? Что это съ нашей милой Бэби?... и почему ты снялъ свою курточку, Бертольдъ?— удивленно спрашивала она.

— У Бэби болитъ голова, и ей холодно!—сказаль Бертольдъ своеобразнымъ твердымъ и отрывистымъ тономъ, живо напомнившимъ отцовскую манеру говорить. Не поднимая глазъ и не обращая больше никакого вниманія на присутительницу, онъ продолжалъ спокойно работать.

— Развѣ тебѣ не холодно, мальчикъ?—спросила тетка.

— Нѣтъ!

Она невольно улыбнулась. Не чувствуя никакой особенной симпатии къ ребенку, она все-таки иногда прочвляла къ нему нѣкоторый интересъ. Желая знать, что собственно происходитъ въ его душѣ, она осталась еще на минуточку.

— Это очень хорошо съ твоей стороны, что ты терпишь холодъ за Бэби. Ты, навѣрное, очень любишь свою сестренку, не правда ли?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ коротко и рѣзко, ни на минуту не прерывая своей работы.

— Нѣтъ?.. Ты не любишь своей милой сестренки? Почему же это?

— Я не люблю дѣвочекъ, потому что онѣ очень глупы!—сказаль онъ съ явнымъ презрѣниемъ.

Гостья стала сзади него, какъ будто затѣмъ, чтобы посмотреть его работу. Несмотря на то, что она съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, у ней показались на глазахъ слезы, и она боялась, чтобы онъ не замѣтилъ ихъ.

— Если ты не любишь Бэби, то тѣмъ болѣе хорошо съ твоей стороны, что ты о ней заботишься и укрываешь ее своей курткой.

Бертольдъ въ это время такъ сердито рисоваль извилины Мааса, что проткнулъ карандашомъ бумагу. Онъ ясно почувствовалъ, что къ нему отнеслись покровительственно, какъ къ ребенку, и сентиментальныя слова глубоко задѣли его впечатлительную душу.

— Ты—старая сплетница!—подумаль онъ про себя и чуть не высказаль этого вслухъ.

— Ничего въ этомъ хорошаго нѣтъ. Если Бэби мерзнетъ, то ее просто нужно одѣть. Вѣдь у Бэби болитъ голова.

Дѣвочка не говорила ни слова и совершенно апатично лежала на диванѣ. Старая тетка смотрѣла на сердитаго мальчика съ тайнымъ желаніемъ, чтобы мать не стала бы разъяснять ему беспомощность его героической жертвы и не указала бы ему на то, что гораздо благоразумнѣе было

бы принести платокъ или подтопить каминъ. Такое отрешеніе было бы очень печально, подумала она.

Затѣмъ она поспѣшила найти мать, чтобы та какъ можно скорѣе обратила вниманіе на то, что происходитъ въ классной.

Къ сожалѣнію, послѣдствія не замедлили проявиться. Бертольдъ сильно простудился и долженъ былъ почти цѣлую недѣлю пролежать въ постели. Когда отецъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ счелъ необходимымъ,—осторожно, правда,—прочестъ ему наставленіе, къ чему Бертольдъ отнесся съ стическимъ спокойствіемъ.

Съ этихъ поръ у Бертольда, среди знакомыхъ его семьи, была вѣрная защитница, которая съ интересомъ слѣдила за его дальнѣйшимъ развитіемъ и вступалась за него всякій разъ, когда на него нападали.

* * *

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вечерней ссоры обоихъ мальчиковъ, которая имѣла то вліяніе на Бертольда, что онъ торжественно поклялся себѣ со всей энергіей бороться съ желаніемъ убить Іоганна, въ домѣ Меріановъ случилось нѣчто, сильно поколебавшее его довѣріе къ себѣ.

Однажды вечеромъ отецъ засталъ Іоганна за чтеніемъ въ постели. По какой-то роковой случайности горничная зашла спустить вечеромъ шторы въ его комнату, и, возвращаясь поздно ночью съ какого-то засѣданія, Меріанъ съ улицы замѣтилъ у него въ окнѣ свѣтъ. Страшно разсердившись, онъ тихонько поднялся наверхъ и засталъ преступника на самомъ мѣстѣ его преступленія читающимъ переводъ одного изъ романовъ Золя; всякое отрицаніе вины было совершенно бесполезно.

Громкій голосъ отца разбудилъ въ сосѣдней комнатѣ Бертольда, и онъ тотчасъ же догадался, что случилось. Весь дрожа отъ волненія, Бертольдъ сталъ слушать. Напряженно, какъ будто дѣло это касалось его самого, пытался онъ себѣ представить, чѣмъ кончится дѣло. Онъ былъ совершенно подавленъ отъ того, что произошло, и при мысли, какъ ужасно долженъ былъ разсердиться на брата отецъ, холодъ пробѣжалъ у него по всему тѣлу.

Но рѣзкій голосъ смолкъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ Бертольдъ. Скоро онъ услышалъ тяжелые шаги удалявагося отца и стукъ затворяемой имъ двери. Съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ онъ снова легъ въ постель, раздумывая о томъ, каково теперь на душѣ у Іоганна. Напрасно

онъ снова приподнимался и, затаивъ дыханіе, прислушивался, не слышно было ни малѣйшаго шума. Тогда онъ опять легъ въ постель и лежалъ такъ съ открытыми глазами, пока, около полуночи, не вошла, по своему обыкновенію, мать.

— Развѣ ты не спишь, Бертольдъ?—спросила она, замѣтивъ, что глаза мальчика были открыты.

— Нѣтъ, я проснулся, когда отецъ былъ у Іоганна.

— Іоганнъ сдѣлалъ очень, очень дурной поступокъ. Онъ читалъ книгу, которую тайкомъ досталъ себѣ. Мы оба этимъ сильно огорчены.

Дѣтски-наивное лицо 35-лѣтней женщины было блѣдно и печально; Бертольдъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Іоганна, навѣрное, очень строго накажутъ?—спросилъ онъ съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, что та, съ которой онъ говорилъ, не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на степень наказанія и что въ этомъ отношеніи они оба равны.

— Я боюсь, что да, потому что онъ поступилъ чрезвычайно дурно!—прозвучалъ отвѣтъ.—Онъ вѣдь всегда такъ дѣлалъ, и я это давно зналъ!—подумалъ Бертольдъ, и онъ почувствовалъ укоры совѣсти не по отношенію къ своей матери, которую онъ, правда, очень любилъ, но скорѣе какъ равную себѣ и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго почтенія,—а по отношенію къ отцу, котораго онъ вѣдь собственно помогалъ обманывать.

Намѣренно преувеличивая преступность Іоганна, мать надѣялась поселить въ душѣ мальчика спасительное отвращеніе къ подобнымъ поступкамъ и ничуть не подозрѣвала, какія тяжелыя мысли вызвала она этимъ въ душѣ мальчика. Когда она вышла, онъ сталъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, что было хуже,—помогать ли обманывать, или доносить.

Онъ прекрасно сознавалъ, что при помощи всей своей логики ему все-таки не рѣшить этой трудной задачи; поэтому онъ попытался прибѣгнуть къ примѣру Христа. Если бы Христосъ, спрашивалъ онъ себя, встрѣтилъ грѣшника, сталъ ли бы онъ рассказывать объ его грѣхахъ Богу,—если предположить, что онъ, какъ прежде думали,—сынъ Божій и ежедневно можетъ разговаривать съ нимъ? Вспомнивъ, какъ, несмотря на свои гнѣвныя рѣчи, Христосъ былъ ласковъ съ грѣшниками, онъ сразу отвѣтилъ отрицательно на этомъ вопросѣ, и всѣ сомнѣнія его исчезли. Тогда онъ снова сталъ думать о самомъ грѣшникѣ.

— Бѣдный Іоганнъ!

Онъ, Бертольдъ, младшій братъ, котораго всегда драз-

или и обижали, испытывалъ теперь по отношенію къ Іоганну совершенно незнакомое ему чувство превосходства, а вслѣдствіе этого и нѣкотораго рода состраданіе, желаніе помочь ему, острую потребность быть съ нимъ добрымъ и благороднымъ.

Случайно отецъ читалъ въ это утро какъ разъ нагорную проповѣдь, — „самое прекрасное во всей библіи“, какъ онъ заявилъ, — Бертольдъ особенно запомнились слова: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ“.

Мысленно онъ тотчасъ же привелъ эти слова въ связь съ Іоганномъ и подумалъ, можно ли примѣнять это жизненное правило по отношенію къ тому, кого отъ всей души ненавидишь. И къ удивленію... ему теперь было совсѣмъ не трудно любить своего брата. Для него самого было неясно, почему, но въ эту минуту онъ даже вполне хорошо относился къ нему.

Что будетъ, если онъ пойдетъ къ нему, утѣшить его и скажетъ, что онъ, Бертольдъ, завтра утромъ замолвитъ за него слово отцу?

Сказано—сдѣлано. Онъ вылѣзъ изъ своей постели и, ощупью добравшись до двери, осторожно отворилъ ее, чтобы не разбудить никого въ домѣ. и тихонько крикнулъ:

— Іоганнъ, слушай-ка!

Никакого отвѣта не послѣдовало.

Онъ еще разъ шепнулъ:—Іоганнъ!—Но подойдя ближе, онъ по ровному дыханію брата понялъ, что тотъ спалъ крѣпко и спокойно, и всякое утѣшеніе было, повидимому, совершенно излишнимъ.

Совершенно отрезвившись, съ неопредѣленнымъ чувствомъ собственной наивности и духовнаго превосходства Іоганна, прокрался онъ обратно въ свою комнату, снова залѣзъ въ постель и скоро заснулъ.

На другое утро гроза разразилась. Іоганну было приказано цѣлую недѣлю оставаться наверху, въ классной, ему надавали цѣлую кучу работы въ наказаніе и не позволили ходить въ школу. Обѣдъ носили ему наверхъ, и никто въ домѣ не смѣлъ разговаривать съ нимъ.

Бертольдъ шелъ всегда первымъ въ классѣ, но въ это утро онъ былъ крайне невнимателенъ и разсѣянъ. Такое долгое наказаніе казалось ему невыносимымъ для Іоганна. Весь день онъ былъ въ какомъ-то странномъ настроеніи. Даже не сердиться на брата, не желать больше мстить ему ни за что, но, напротивъ, любить его,—такія мысли

наполняли теперь его душу и производили въ ней цѣлую путаницу.

Недавно онъ читаль въ хрестоматіи рассказъ объ одномъ мальчикѣ, который благодаря раскаянію и молитвамъ былъ помилованъ Богомъ. Самъ онъ никогда объ этомъ не молился, потому что не считаль себя вообще ни дурнымъ, ни безбожнымъ. Но, можетъ быть, благодать Божія сама, безъ всякой молитвы снизошла на него, потому что онъ возлюбилъ врага своего?

Такъ какъ онъ во время занятій виталь въ этихъ высокихъ сферахъ, то онъ былъ страшно невнимателенъ, и учитель нѣсколько разъ дѣлаль ему строгія замѣчанія. Но это произвело на него только то впечатлѣніе, что онъ сталъ чувствовать себя равнымъ по смиренію Христу.

Въ 4 часа пополудни онъ вернулся домой и дождался отца въ передней, когда тотъ возвращался изъ своей конторы.

— Я хотѣлъ попросить тебя простить Юганна, папа!— сказалъ онъ ему, густо покраснѣвъ.

— Да?.. Ты этого хочешь? — возразилъ Меріанъ спокойнымъ, но менѣе рѣзкимъ, чѣмъ обыкновенно, тономъ и удивленно взглянувъ на мальчика:—Я опасаюсь только, что онъ не будетъ жалѣть о своемъ проступкѣ, если я сниму съ него наказаніе.

Его голосъ звучаль нѣсколько нерѣшительно. Вѣроятно, онъ забылъ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, когда его огорченная жена просила смягчить наказаніе, онъ отказаль ей въ этомъ властнымъ тономъ самодержца.

Бертольдъ, отъ котораго не ускользнула легкая перемена въ голосѣ, отвѣтилъ ему въ свою очередь вопросомъ:

— Развѣ наказаніе вызываетъ раскаяніе?

Онъ въ это время подумаль объ Іудѣ, который, предавъ Христа, повѣсилъ отъ укоровъ совѣсти. Бертольду было совершенно ясно, что Іуда чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ оттого, что Христось никогда не сдѣлаль ему ни малѣйшаго упрека.

Меріанъ улыбнулся. Сознаніе, что онъ имѣеть сына, который такъ необыкновенно легко умѣеть найти самую сущность труднѣйшихъ душевныхъ проблемъ, наполнило его сердце радостнымъ чувствомъ, и ему стоило нѣкотораго напряженія сохранить спокойный, объективный тонъ. Чтобы не отвѣчать на трудный вопросъ, онъ просто устранилъ его.

— Если кто-нибудь совершенно лишень чувства раскаянія, то я не думаю, чтобы его можно было вызвать од-

нимъ наказаніемъ, но такъ какъ ты просишь за Іоганна, то я сокращу ему наказаніе на половину. Въсто недѣли, онъ будетъ подъ арестомъ только три дня.

— Одинъ день уже почти прошелъ, остается, слѣдовательно, только два дня!—И Бертольдъ, сдѣлавшись вдругъ совершеннымъ ребенкомъ, подпрыгнулъ отъ радости, потомъ побѣжалъ черезъ корридоръ въ комнаты, бросился на шею матери; затѣмъ онъ схватилъ свою маленькую сестренку, спокойно игравшую съ большой куклой, и протанцевалъ съ ней и съ куклой нѣсколько разъ черезъ всю комнату и, въ концѣ концовъ, бросился наверхъ къ Іоганну.

— Онъ попросилъ меня за Іоганна,—сказалъ Меріанъ на вопросительный взглядъ жены.

Она не спрашивала больше, такъ какъ шумная веселость Бертольда все ей уже объяснила. Она нисколько не удивилась, что его заступничество привело къ бѣльшимъ результатамъ, чѣмъ ея собственное; радость за старшаго сына была ея единственнымъ чувствомъ.

— Я убавилъ ему наказаніе наполовину, — пояснилъ Меріанъ.—Слѣдовательно, онъ останется наверху еще два дня.

Когда что-нибудь особенно живо интересовало Меріана, онъ, самъ того не сознавая, говорилъ въ такихъ случаяхъ еще болѣе властнымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно. Жена его, благодаря многолѣтнему общенію съ нимъ, лучше знавшая его особенности, чѣмъ это было бы возможно даже самому внимательному наблюдателю, спеціально изучавшему его характеръ, постепенно привыкла къ этому.

Когда супругъ ея поднялся наверхъ, чтобы одѣться къ обѣду, мысли ея перенеслись къ обоимъ мальчикамъ, такъ непохожимъ другъ на друга; особенно рѣзко проявлялось это различіе между ними тогда, когда то или другое домашнее событіе нарушало обычное теченіе жизни.

Какихъ только заботъ ни приносило воспитаніе обоихъ мальчиковъ! Взглядъ ея упалъ на Бэби, тихо и спокойно игравшую около нея въ куклы. Что же касается до Бертольда... при мысли о немъ она только глубоко вздохнула. Несмотря на всю его вспыльчивость, онъ вель себя все-таки гораздо лучше Іоганна, но его странный характеръ причинялъ ей много горя. Въ виду его все возрастающей антипатіи къ брату, она считала его заступничество передъ отцомъ такимъ неестественнымъ, что ей было это почти непріятно. Что бы она дала за то, чтобы Бертольдъ былъ обыкновеннымъ, грубоватымъ, легкомысленнымъ мальчикомъ, немного завистливымъ и эгоистичнымъ, какъ большинство дѣтей, которыхъ за это можно бранить и наказывать,

когда нужно! Она любила все только самое обыкновенное, и все исключительное было ей непріятно.

Поговорить о томъ, что ей не нравилось въ мальчикѣ, съ тѣмъ человекѣмъ, съ которымъ она прежде всего должна бы подѣлиться этимъ, ей и въ голову не приходило.

Она никогда также не спрашивала его, на какомъ основаніи примѣняетъ онъ къ Бертольдѣ такую необыкновенную систему воспитанія. Вѣроятно, онъ поступаетъ правильно, думала она со свойственнымъ ей оптимизмомъ.

Основной чертой ея характера было во всемъ полагаться на самый ходъ жизни, и ея супругъ вполне считался съ этимъ. Поэтому они почти никогда не говорили о натурахъ своихъ дѣтей. Только когда она при случаѣ какимъ-нибудь замѣчаніемъ относительно Бертольда проявляла полное незнаніе дѣтской души, тогда онъ своимъ рѣзкимъ, недопускающимъ никакихъ возраженій тономъ указывалъ ей на правильную точку зрѣнія и доказывалъ, что по отношенію къ Бертольдѣ ничто не ускользало отъ его вниманія и что онъ убѣжденъ, что, кромѣ него, никто не въ состояніи понять истинныя чувства мальчика.

Нисколько не сомнѣваясь въ правильности его взглядовъ, которые часто и въ самомъ дѣлѣ оправдывались, она тогда тотчасъ же умолкала.

Когда Бертольдъ въ радостномъ возбужденіи бросился наверхъ, чтобы объявить брату о смягченіи наказанія, Меріану очень хотѣлось послушать и понаблюдать обоихъ мальчиковъ такъ, чтобы они его не видѣли. Къ счастью для Іоганна, онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ все, что ему пришлось бы увидѣть и услышать, меньше всего предназначалось для отца.

Войдя въ комнату, Бертольдъ тотчасъ же былъ разочарованъ. Іоганнъ, веселый и довольный, лежалъ на окнѣ и пытался при помощи знаковъ сговориться съ стоявшимъ внизу на улицѣ товарищемъ по гимназіи насчетъ книги, которую онъ держалъ въ рукѣ.

Встрѣтить несчастнаго заключеннаго въ такомъ состояніи было... такъ неожиданно для Бертольда, что ему показалось смѣшной и самая цѣль его прихода, и онъ хотѣлъ тихонько уйти, не говоря ни слова. Но Іоганнъ крикнулъ ему:

— Поди сюда, Бертольдъ, и выручи насъ! Необходимо передать эту книгу Карлу де Масту, который стоитъ внизу. Если я ему брошу ее внизъ, то она разорвется, а если я спущу ее по веревкѣ, то отецъ можетъ замѣтить это изъ своего окна. Бѣги же скорѣе внизъ и отнеси ему эту книгу, и тогда я буду видѣть въ тебѣ мальчика, котораго можно уважать!

Бертольдъ стоялъ, какъ прикованный, и безмолвно смотрѣлъ на темно-мраморный снабженный номеромъ переплетъ книги, одно прикосновеніе къ которой внушало ему ужась.

— Если ты этого не сдѣлаешь и опять будешь разыгрывать изъ себя пайньку-мальчика, то у насъ произойдутъ ужасныя вещи, я тебя предупреждаю объ этомъ! Эта книга гораздо хуже той, которая была вчера вечеромъ,—Юганнъ громко расхохотался,—и кромѣ того, ее сегодня же непременно нужно отнести въ бібліотеку, иначе нельзя и предвидѣть всѣхъ послѣдствій, и это будетъ на твоей совѣсти. Будь же на этотъ разъ не маменькинымъ сыночкомъ, а проворнымъ и веселымъ малымъ, съ которымъ можно имѣть дѣло!

Не говоря ни слова, Бертольдъ протянулъ руку, взялъ книгу и хотѣлъ удалиться.

— Спрячь ее подъ куртку, дуракъ! Вѣдь ты же можешь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться на лѣстницѣ!—крикнулъ Юганнъ своему совершенно потерявшему волю брату. Тотъ спряталъ ее подъ куртку и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, не встрѣчаясь ни съ кѣмъ. Затѣмъ онъ осторожно отворилъ дверь дома и передалъ поджидавшему уже его гимназисту книгу. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ забрался въ темный корридорчикъ, куда никто не заходилъ днемъ.

Тамъ онъ легъ на полъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто ему нужно было скрыться отъ свѣта и въ темнотѣ гораздо было лучше.

Онъ не пытался теперъ мыслить „логически“ и не думалъ разбирать, было ли необходимо такъ поступить, какъ поступилъ онъ, и что сдѣлалъ бы въ данномъ случаѣ Христось. Чувство глубокаго стыда, охватившаго его, вытѣснило всѣ эти мысли. Онъ ясно понималъ, почему онъ отнесъ книгу... Онъ хотѣлъ, чтобы Юганнъ считалъ его „проворнымъ“ малымъ, который, хотя и маленькій, но можетъ быть такимъ же дурнымъ, какъ и его старшій братъ, такъ же обманывать и устраивать разныя штуки, если хотѣлъ. Но послѣ того, какъ онъ это сдѣлалъ, вся исторія показала ему крайне глупой и вульгарной. Онъ просто готовъ былъ выцарапать глаза Юганну. Теперъ ему хотѣлось, чтобы Юганнъ навсегда остался бы наверху.

— Ты передалъ Юганну, что ему уменьшили наказаніе?—спросила его мать, когда полчаса спустя они сидѣли за столомъ.

— Нѣтъ!

— Зачѣмъ же тогда ты такъ быстро побѣжалъ наверхъ?

— Я теперъ не знаю, зачѣмъ!—коротко отвѣтилъ мальчикъ.

Лицо его вспыхнуло густымъ румянцемъ, и отцу его казалось, что онъ понялъ причину этого возбужденія. Но въ данномъ случаѣ онъ былъ безконечно далекъ отъ истины.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ обычной жизни и въ домашнихъ отношеніяхъ Меріановъ почти ничего не измѣнилось. Все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и дѣти подростали. Іоганнъ окончилъ гимназію и изучалъ теперь въ Лейденѣ юридическія науки. Бертольдъ, намѣревавшійся сдѣлаться инженеромъ, быстро проходилъ одинъ за другимъ различные классы высшей городской школы.

Еще до разлуки прежнія отношенія между обоими братьями измѣнились въ томъ смыслѣ, что на мѣсто прежнихъ ссоръ и дракъ между ними постепенно установилось нѣкоторое равнодушіе другъ къ другу. Разница лѣтъ, которая мало чувствовалась ими прежде, съ теченіемъ лѣтъ приобрѣтала все больше значенія и слишкомъ раннее знакомство Іоганна съ жизнью сравнительно съ Бертольдомъ, оставшимся слишкомъ долго ребенкомъ въ этомъ отношеніи, поставили между ними все болѣе и болѣе возрастающую преграду.

При вступленіи въ юношескій возрастъ, когда Іоганнъ началъ понимать, что въ жизни есть гораздо болѣе интересныя вещи, чѣмъ дразнить и мучить младшаго брата, онъ сталъ къ нему относиться съ нѣкоторой покровительственной снисходительностью, вызывавшей у него сознание собственнаго превосходства. Какъ мужчина, онъ могъ теперь только пожимать плечами или улыбаться на страннаго школьника, на его странности и нелѣпости такъ же, какъ и на смѣшное предпочтеніе отца, которое портило Бертольда уже въ его дѣтскіе годы. Іоганнъ уважалъ въ своемъ отцѣ естественную, поставленную надъ нимъ судьбой власть и, по мѣрѣ того, какъ онъ становился старше и начиналъ понимать практическій смыслъ вещей, юноша началъ уважать его и какъ знатнаго и богатаго человѣка и гордился быть сыномъ такого отца и называться Меріаномъ, именемъ, въ которомъ выражалось все, что было связано съ отцомъ.

Въ этомъ отношеніи онъ гордился своимъ отцомъ,—во всемъ же остальномъ онъ скорѣе боялся его, чѣмъ любилъ. Желѣзная дисциплина, выпавшая на его долю въ юности, оставила на немъ свои слѣды и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Онъ ни минуты не чувствовалъ себя спокойнымъ въ присутствіи отца и всегда старался какъ можно больше

скрыть свою душу отъ даннаго ему природой ментора и выйти изъ-подъ его вліянія. Хотя поводья теперь и были сильно ослаблены, и отецъ, довольный его успѣхами и прилежаніемъ, относился теперь къ нему съ довѣріемъ, которое онъ, повидимому, оправдывалъ, однако, впечатлѣнія дѣтства остались еще свѣжи въ его воспоминаніяхъ. Онъ уважалъ отца, но питалъ больше симпатіи къ матери, которая, точно старшая сестра, часто помогала ему скрывать отъ главы семьи его маленькіе, юношескіе проступки.

Онъ любилъ также свою сестру, потому что она была хорошенькой, и ея необыкновенная наивность и милыя глупости забавляли его такъ же, какъ тогда, когда она на седьмомъ году жизни еще не умѣла опредѣлять время по часамъ.

Вообще Іоганнъ развился именно такъ, какъ этого ждалъ отъ него отецъ. Благодаря своей красивой наружности и изящнымъ манерамъ, ему всюду были рады, а его пріятный, веселый и уступчивый характеръ создавалъ ему много друзей. Онъ хорошо сознавалъ, что благодаря своимъ духовнымъ и матеріальнымъ преимуществамъ, онъ еще немалого достигнетъ въ жизни. Земная юдоль печали уже не такъ плоха, думалъ онъ, хотя множество близорукихъ и желчныхъ субъектовъ, вѣроятно, страдающіе дурнымъ пищевареніемъ или смотрящіе на міръ сквозь черные очки своего душевнаго зрѣнія, и пытаются распространять подобные взгляды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Национальный вопрос и марксизмъ.

Диалектический методъ есть рычагъ марксистскаго міровоззрѣнія. И въ пониманіи природы, и въ пониманіи исторіи центромъ тяжести марксизма является матеріализмъ, матеріализмъ философскій, матеріализмъ историческій. Только свое матеріалистическое міропониманіе марксисты, въ противоположность французскимъ матеріалистамъ конца XVIII вѣка, пересѣкаютъ не въ метафизическомъ фокусѣ, а въ диалектическомъ.

Марксизмъ—это диалектический матеріализмъ. Основой диалектическаго матеріализма является положеніе: нѣтъ абстрактной истины, ибо всякая абстрактная истина вѣчна и абсолютна. А современная наука во всеоружіи законовъ вѣчности матеріи и сохраненія энергіи отвергаетъ существованіе абсолютнаго вѣчнаго.

Ничто не вѣчно, кромѣ матеріи и энергіи; также нѣтъ вѣчныхъ, абсолютныхъ истинъ; нѣтъ абсолютнаго права, абсолютной справедливости.

Въ мірѣ явленій, какъ въ природѣ, такъ и въ жизни царствуетъ строгая причинность, жестокая законность.

Жестоки законы природы, жестоки законы исторіи. А на жестокость этихъ законовъ мы можемъ отвѣчать только знаніемъ законовъ. Когда мы разсматриваемъ національный вопросъ, мы не должны измѣрять его масштабомъ вѣчнаго права и абсолютной справедливости; оставимъ метафизикамъ говорить о мірской неправдѣ, о человѣческой несправедливости, о злѣ, которое царитъ въ мірѣ.

Наша дѣль—не изрекать этическія сентенціи, а изслѣдовать явленіе, не возмущаться и негодовать, а анализировать; наша дѣль—познать общественныя явленія и законы, ими управляющіе; только познавъ законы, мы сумѣемъ уничтожить тѣ причины, которыя вызвали къ жизни то или другое общественное явленіе, мы сумѣемъ бороться противъ тѣхъ или другихъ историческихъ аномалій.

Знаніе рождаетъ борьбу, а борьба рѣшаетъ дѣло.

I.

Национальный вопрос! Посмотрите на картину всемирной истории, вы увидите непрерывную войну народовъ, постоянные национальные раздоры, вѣчныя национальныя тренія. Древнее время, средніе вѣка, новое время—одна сплошная национальная іереміада—вѣчная война. Эта война всѣхъ народовъ противъ всѣхъ народовъ, сильнаго противъ слабого, слабого противъ сильнаго—и есть национальный вопросъ. Войны древняго Востока—вотъ национальный вопросъ, войны древней Греціи и древняго Рима—вотъ национальный вопросъ, войны средне-вѣковыя—вотъ национальный вопросъ, войны капиталистическаго вѣка—вотъ национальный вопросъ. Если смотрѣть на исторію съ птичьяго полета, если смотрѣть на поверхность исторіи, мы узнаемъ, что национальный вопросъ существовалъ во всѣ историческія эпохи, если же спустимся съ поверхности въ глубь всемирной исторіи, если совершимъ экскурсію въ философію исторіи, тогда мы узнаемъ, почему национальный вопросъ, трансформируясь и принимая различную окраску въ ту или другую эпоху, продолжаетъ до настоящаго времени висѣть надъ головой человѣчества.

Вся исторія человѣческихъ войнъ и битвъ народовъ есть не что иное, какъ олицетвореніе национальной борьбы, постоянно потрясавшей народы. Чтобы понять причины, ихъ обусловливавшія, чтобы понять, какія причины вовлекали человѣчество въ кровопролитія, намъ нужно изслѣдовать характеръ того общества, среди котораго проявлялась национальная борьба, намъ нужно изслѣдовать пружины, на которыхъ держится социальный механизмъ.

Причины, вызвавшія национальную борьбу въ древнемъ мірѣ, отличаются отъ причинъ, вызвавшихъ эти войны въ средніе вѣка; въ средніе вѣка причины не тѣ, что въ новое время.

Причины, вызывавшія национальныя войны, причины, создавшія тотъ или другой национальный вопросъ, различны въ разныя историческія эпохи; но причина, создававшая национальныя войны, вообще причина, породившая национальный вопросъ, вообще одна и та же на протяжении всей человѣческой исторіи. Эта причина—железныя социологическій законъ исторіи, она коренится въ социальной исторіи всего человѣчества. Вотъ какъ Марксъ объясняетъ общественную эволюцію: „Вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ. Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, — словомъ угнетатель и угнетенный питали другъ къ другу вѣчную вражду и вели непрерывную борьбу, то явную, то скрытую, война эта всегда кончалась либо кореннымъ переустройствомъ всего общественного строя, либо гибелью обоихъ борющихся классовъ“¹⁾.

¹⁾ Марксъ и Энгельсъ. „Коммунистическій манифестъ“.

Вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, это значитъ, что вся социальная, политическая, экономическая и умственная жизнь обуславливалась борьбой классовъ. Только борьбой классовъ!—воскликаетъ Вернеръ Зомбартъ. А борьба націй?

Если смотрѣть на поверхность исторіи, то видишь, что съ одной стороны исторія общества есть исторія борьбы классовъ, а съ другой—борьбы націй. Такъ смотрѣлъ на исторію Вернеръ Зомбартъ. Если смотрѣть въ глубь исторіи, то видишь, что вся исторія общества была исторіей борьбы классовъ, что борьба классовъ обуславливала всякую социальную борьбу, также борьбу націй. Такъ смотрѣли на исторію Марксъ и Энгельсъ. По Зомбарту борьба классовъ и борьба націй—это два параллельно совершающихся явленія, другъ отъ друга стоятъ совершенно особнякомъ, другъ съ другомъ не связаны, другъ друга не пересѣкаютъ. По Марксу борьба націй перпендикулярна борьбѣ классовъ; борьба націй пересѣкаетъ борьбу классовъ, борьба націй, какъ и всякая социальная борьба, невозможна безъ борьбы классовъ. По Зомбарту классовая борьба и національная борьба—двѣ равноправныхъ сестры, по Марксу классовая борьба—мать, національная борьба—дочь. Классовая борьба—причина, національная борьба—слѣдствіе.

Исторія излагаетъ, философія исторіи объясняетъ, исторія рисуетъ внѣшнюю картину, философія исторіи—внутреннюю. Медику мало посмотрѣть на человѣка, чтобъ поставить діагнозъ болѣзни. Медицина изучаетъ анализы человѣческой крови, чтобы по тѣмъ или другимъ симптомамъ опредѣлить наличность той или другой болѣзни.

Философія исторіи изучаетъ структуру общественнаго развитія, чтобы по тѣмъ или другимъ симптомамъ объяснить причину той или другой социальной болѣзни. Единственнымъ симптомомъ всѣхъ социальныхъ болѣзней является классовое господство, единственнымъ симптомомъ всякой социальной борьбы—классовая борьба. Классовое угнетеніе обуславливаетъ собой всякое угнетеніе, классовая борьба—всякую борьбу.

Тамъ, гдѣ борьбы классовъ не было, какъ въ первобытномъ коммунизмѣ, не было борьбы народовъ. „Бѣдныхъ и нуждающихся у такихъ племенъ не могло существовать,—говоритъ Энгельсъ,—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины. Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи, нѣтъ мѣста въ большинствѣ случаевъ и подчиненію чужихъ племенъ“ (Энгельсъ. „Происхожденіе семьи, собственности и государства“). Бѣдныхъ и нуждающихся не было, а потому въ большинствѣ случаевъ существовалъ между племенами мирный договоръ. „Тамъ,

гдѣ не существовало,—продолжаетъ Энгельсъ,—формальнаго мирнаго договора, между племенами царила война, и война эта велась съ жестокостью, которая отличаетъ человѣка среди всѣхъ прочихъ животныхъ“ (Ibid.) Между первобытнымъ коммунизмомъ и возникновеніемъ частной собственности долженъ былъ существовать мостъ, и этимъ мостомъ явилась борьба племенъ (націй въ нашемъ смыслѣ этого слова тогда еще не существовало). Прекраснымъ Эдемомъ считается патриархальный коммунизмъ; это была счастливая, блаженная Аркадія. Племенная борьба есть начало ея грѣхопаденія. Въ охотничьемъ періодѣ происходила борьба племенъ за охотничій плацъ, въ пастушескомъ періодѣ за пастбище, въ земледѣльческомъ періодѣ за пашню. Въ горнѣ племенной борьбы родилась частная собственность, возникли матеріальныя противорѣчія, родились классы, возникли классовыя противорѣчія. Явилась потребность въ организаціи государства, образовались восточныя деспотіи. Въ государственномъ котлѣ выварились восточные народы. Миновалъ періодъ дикости, наступилъ періодъ исторіи.

Патриархальный коммунистическій строй раскалывался, на сваяхъ, племенной борьбы выросталъ классовый строй; классовый строй родился. Миновалъ періодъ племенной исторіи, начался періодъ національной исторіи.

Родилась классовая борьба, родилась борьба народовъ. И эта борьба народовъ, мѣняя свой цвѣтъ и окраску, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію человѣчества. Древнее время, средніе вѣка, новое время—все это особые міры съ различною хозяйственной структурой, съ различными производственными и общественными отношеніями.²²

Рычагомъ античнаго міра было рабство, рычагомъ средне-вѣкового феодальнаго міра было крѣпостничество, рычагомъ капиталистическаго общества является наемный рабочій трудъ, но при алгебраической суммѣ всѣхъ слагаемыхъ міровъ замѣтно нѣчто единое, нѣчто общее, нѣчто такое, что можетъ быть вынесено за скобки: это эксплуатація человѣка человѣкомъ. Чистое рабство превращалось въ рабство крѣпостное, крѣпостное рабство въ рабство наемное, но рабство, какъ Протей, видоизмѣняясь и превращаясь, постоянно оставалось самимъ собой.

Пройдемъ мимо мало изслѣдованной исторіи Востока, посмотримъ на исторію древняго міра. Вотъ Эллада. Маленькая Греція ведетъ борьбу съ обширѣйшей Персидской монархіей. Греки побѣдили персовъ, наступаетъ блестящій періодъ греческой исторіи. Аѣины становятся центромъ мировой цивилизаціи; здѣсь беретъ свое начало европейская наука, искусство, философія, поэзія. Но кто явился субъектомъ греческой культуры—весь греческій народъ, или незначительное меньшинство? Тутъ на фонѣ греческой дѣйствительности показывается рабство.

Греческое общество было обществомъ рабовладѣльческимъ. Въ теченіе полутора ста лѣтъ шла перманентная борьба демократіи съ аристократіей. Эта борьба была классовой борьбой.

Побѣдилъ демось, была провозглашена демократія. Но и демократія не уничтожила рабства. Только физическому труду рабовъ Греція обязана существованіемъ своей высокой культуры и цивилизаціи. А положеніе рабовъ было невыносимое, и рабы прибѣгали къ единственному средству борьбы, къ возстанію. Правда, эти возстанія были направлены не противъ самаго института рабства, а исключительно противъ рабовладѣльцевъ, но они характеризуютъ собой ожесточенный классовый антагонизмъ, имѣвшій мѣсто въ греческомъ обществѣ. „Вышелъ бы длинный кровавый списокъ, если бы мы захотѣли приводить примѣры того ожесточенія, которымъ сопровождалась борьба между господствующимъ и подчиненнымъ классами въ греческомъ обществѣ“¹⁾.

И эта война между господствующими и подчиненными, между свободными и рабами въ конечномъ счетѣ окончилась „гибелью обоихъ борющихся классовъ“.

Греція пала подъ ударами Македоніи. Греки побѣдили персовъ, то европейская цивилизація побѣдила азиатское варварство. Побѣдила европейская цивилизація, т.-е. субъектъ европейской цивилизаціи, т.-е. господствующій классъ Греціи. И только потому, что плодами греко-персидскихъ войнъ воспользовались имущіе классы, греки въ послѣдствіи были побѣждены македонянами. Греція пала подъ ударами Македоніи, то было возмущеніе рабства противъ присвоенія греческой цивилизаціи немногими, то исторія отомстила господствующему классу Греціи. А пока греки воевали съ македонянами, на историческую сцену выступалъ новый народъ—римляне. Посмотримъ на фасадъ Рима. Это великій колоссъ, который распростеръ свои провинціи на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ; войдемъ внутрь, изслѣдуемъ его социальную структуру, мы увидимъ ожесточенную классовую борьбу, сначала между плебеями и патриціями, затѣмъ между свободными и рабами.

И римское общество было рабовладѣльческимъ. Пока происходили массовыя возстанія рабовъ, Римъ велъ войну съ Карфагеномъ и справлялъ триумфъ побѣды. Лавры рабскихъ вѣнковъ Карфагена не давали спать господствующему классу Рима. Римъ рабства создалъ Римъ классовой борьбы, Римъ классовой борьбы создалъ Римъ національной борьбы, Римъ національной борьбы создалъ Римъ империализма, Римъ империализма рѣшилъ судьбу Рима, подъ ударами германцевъ палъ Римъ.

Итакъ, главной причиной паденія какъ Греціи, такъ и Рима

1) Проф. В. Василевскій. „Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка“.

былъ несвободный трудъ, было рабство. Рабство создало классовую борьбу, а эта классовая борьба не была борьбой сознательнаго класса, класса, познавшаго свои интересы, противъ извѣстнаго общественнаго строя, это не была борьба угнетенныхъ рабовъ противъ самаго института рабства, вродѣ современной борьбы пролетаріата противъ института наемнаго труда, противъ капиталистическаго общества, какъ такового,—это была только борьба рабовъ противъ рабовладѣльцевъ, это была борьба угнетенныхъ за улучшение своего положенія въ предѣлахъ существовавшаго строя, а потому эта борьба окончилась не побѣдой одного класса надъ другимъ и „переустройствомъ всего общественнаго строя“, а „гибелью обоихъ борющихся классовъ“.

Паль античный міръ, пало рабство, кончилось первое дѣйствіе всемірной исторіи. Мы видѣли, что классовая борьба порождала національную борьбу, непрерывная борьба имущихъ съ неимущими внутри страны порождала непрерывную борьбу народовъ на театрѣ дѣйствій античнаго общества. Но національная борьба въ древнемъ обществѣ проявлялась не только въ борьбѣ націй, господствовавшихъ въ томъ или другомъ государствѣ, античное общество вкусило также отъ древа познанія междоусобныхъ національныхъ войнъ; такъ, напр., Пелопонесская война, война между двумя греческими разновидностями, между аеинянами и спартанцами. Эта борьба, какъ національная борьба между чехами и нѣмцами въ современной Австріи, кончалась то побѣдой аеинянъ, то побѣдой спартанцевъ. Экономическое могущество Греціи было рѣшено греко-персидскими войнами; теперь вопросъ шель о политической гегемоніи. Къ политической гегемоніи стремились и аеиняне, и спартанцы; вѣрнѣе говоря, господствующій классъ аеинянъ и спартанцевъ; вѣдь не стремились же къ политической гегемоніи спартанскіе илоты и аеинскіе рабы, то и дѣло подымавшіе возстанія противъ своихъ угнетателей; наоборотъ, именно существованіемъ илотовъ и рабовъ и была вызвана борьба за политическую гегемонію. И междоусобныя національныя войны имѣли своимъ источникомъ внутренняго классовыя противорѣчія.

Борьба націи внутри государства и внѣ государства, порожденная классовой борьбой между имущими и неимущими,—вотъ національный вопросъ древняго міра.

Былъ ли разрѣшенъ національный вопросъ въ древнемъ мірѣ? Да, его разрѣшило паденіе античнаго міра и разложеніе древнихъ народовъ. Классовая борьба, окончившаяся гибелью обоихъ борющихся классовъ, иначе и не могла разрѣшить національный вопросъ.

Разложеніе древняго міра есть великая социальная революція. Еще до паденія Западной Римской имперіи и образованія Византіи христіанство возвѣстило въ набатъ о великихъ социаль-

ныхъ пертурбаціяхъ. Но идея не могла побѣдить желѣзной силы историческаго процесса, христіанство не могло спасти Рима, сила естественно-исторической необходимости задавила своимъ жерновомъ христіанскія идеи равенства. Германцы завоевали Римъ; на историческую сцену выступили новые народы, родилось новое общество.

Всякая социальная революція есть возстаніе производительныхъ силъ даннаго общества противъ данныхъ производительныхъ отношеній; соки этого противорѣчія питають классовую борьбу, а классовая борьба кончается то перестройкой всего даннаго общественнаго строя, то паденіемъ самаго общества. Социальная революція въ античномъ обществѣ окончилась паденіемъ античнаго общества.

Но гдѣ же таились производительныя силы, возставшія противъ античнаго способа производства,—въ нѣдрахъ самаго античнаго общества или внѣ его? Что представлялъ собой вообще античный способъ производства? По мнѣнію Бюхера, античное производство не выходило за предѣлы домашняго хозяйства; по мнѣнію Эд. Мейера, античное производство вкусило отъ древа не только городскаго, но и народнаго хозяйства. Такъ или иначе, производительныя силы античнаго общества не были настолько развиты, чтобы не умѣститься въ плоскости античнаго способа производства, античныхъ производственныхъ отношеній. Гдѣ же тѣ производительныя силы, которыя возстали и произвели социальную революцію? На это даетъ отвѣтъ великое переселеніе народовъ. Что такое великое переселеніе народовъ? Это возстаніе азіатскихъ производительныхъ силъ противъ античныхъ производственныхъ отношеній. Внѣшнія силы возстали противъ внутреннихъ отношеній. Внѣшнія производительныя силы—это азіатскіе народы; античныя производственныя отношенія—это локалізація античной культуры и изоляція ея отъ широкихъ народныхъ массъ. Дикіе народы заявили о своемъ существованіи, ихъ увеличившіяся потребности превзошли степень ихъ потребления, имъ стало узко жить въ скорлупѣ животнаго существованія.

Ни Греція, ни Римъ не думали ихъ цивилизовать, не думали давать имъ вкусить плодовъ ихъ культуры; этому мѣшала патриархальная техника производства и низкопробный способъ транспорта. А народонаселеніе все росло и росло, прокормиться при помощи собственныхъ орудій производства было невозможно, рано или поздно пришлось оставить бродячій образъ жизни. Естественно-историческая необходимость выбросила на европейскій берегъ всѣхъ этихъ гунновъ, вандаловъ, готтовъ и другихъ, имя имъ легіонъ. Въ круговоротѣ этой грозной фееріи борьбы народовъ потонула вся классическая культура, была зарыта въ землю на цѣлое тысячелѣтіе. Но изъ мертвыхъ костей дикихъ

орды выросли европейскіе народы, выросъ новый міръ, выросло новое общество.

Возстаніе азіатскихъ народовъ противъ Рима является предпосылкой образованія европейскихъ націй. И въ этомъ заключается особенность социальной революціи древняго міра; не производительныя силы въ лицѣ орудій производства, обрѣтавшіяся въ нѣдрахъ римскаго общества, возстали противъ римскихъ производительныхъ отношеній, а производительныя силы въ лицѣ производителей народовъ возстали противъ отношеній производства въ римскомъ обществѣ. И поэтому эта социальная революція закончилась не перестройкой античнаго общества, а паденіемъ античнаго міра и водвореніемъ новаго общества. Въ борьбѣ дикихъ племенъ выросли восточные народы, также въ борьбѣ дикихъ ордъ и варварскихъ племенъ выросли западно-европейскіе народы. Востокъ сказалъ свое слово, уступилъ свое мѣсто Греціи и Риму, Греція и Римъ сказали свое слово, уступили мѣсто европейскимъ народамъ.

На развалинахъ Римской Имперіи сложилась имперія Карла Великаго, на развалинахъ имперіи Карла Великаго сложились современныя европейскія государства. На историческую сцену выступаютъ новые народы. Новое общество требуетъ новаго способа производства, новая организациія общественныхъ силъ требуетъ новой организации производственныхъ отношеній; на фундаментѣ крѣпостничества водворяется феодальный порядокъ. Новое общество создало новыя международныя отношенія. Каковы же были національныя взаимоотношенія въ средніе вѣка, были ли миръ между народами, или царствовалъ тотъ же національный антагонизмъ, та же національная борьба? Да, вся исторія общества въ средніе вѣка была также исторіей борьбы народовъ; англичане-британцы воюють съ французами-романцами, Алыя Розы воюють съ Бѣлыми, — то война между націями-государствами; англичане-британцы столѣтія воюють съ кельтами-ирландцами, — то партизанская война между націями внутри государства. Но это опять только фасадъ средневѣковья. Зайдемъ внутрь этого безвыходнаго историческаго лабиринта, именуемаго средневѣковьемъ, мы увидимъ непрерывную борьбу классовъ, борьбу ожесточенную борьбу отчаянную. Крѣпостные борются съ помѣщиками, подмастерья съ цеховыми мастерами, горожане съ феодалами, — вся исторія средневѣковья была исторіей борьбы классовъ. Великое переселеніе народовъ возвѣстило о вступленіи новаго общества, родился феодализмъ. Уже къ тому времени, которое совпадаетъ съ началомъ завоеваній германцами различныхъ частей римской территоріи, начинаютъ создаваться крупныя землевладѣнія въ видѣ особой собственности, такъ называемыхъ ленныхъ владѣній. „Землевладѣніе, — говоритъ Лассаль, — есть тотъ цементъ, который въ средніе вѣка во всѣхъ отноше-

ніяхъ господствовали въ обществѣ, который накладывалъ свой специфическій отпечатокъ на всѣ учрежденія, на всю жизнь того времени. Оно должно быть признано господствующимъ принципомъ того времени ¹⁾“ . . . . .

Землевладѣніе, т. е. феодальная организація производства, накладываетъ свой отпечатокъ на всю жизнь того времени. Феодальныя производительныя силы создали феодальныя имущественныя отношенія, феодальныя имущественныя отношенія создали классовую борьбу, классовая борьба создала національную борьбу. Война Алой и Бѣлой Розы, война національная, была порождена классовой борьбой нарождавшейся буржуазіи съ феодальнымъ дворянствомъ.

„Во время этой войны феодальное дворянство было уничтожено и замѣнено новоиспеченной знатью, отлично понимавшей потребности капитализма ²⁾“ . Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куесть булатъ. Подъ ударами тяжкаго млата національныхъ войнъ ломался феодализмъ, получалъ свое крещеніе могучій капиталъ.

А въ нѣдрахъ феодальнаго общества зрѣли новыя производительныя силы, старый способъ производства отказывался удовлетворять новымъ назрѣвшимъ потребностямъ. Производство для потребленія—рычагъ феодализма—уступалъ мѣсто товарному производству; товарное производство создало потребность въ новыхъ рынкахъ для сбыта товаровъ, родился новый классъ, классъ купечества. Крестовые походы—это первое предостереженіе нарождавшейся буржуазіи феодальному дворянству, феодальному способу производства. Революціонизированію промышленности способствовали великія географическія открытія. „Открытие Америки и морского пути вокругъ Африки создало для нарождавшейся буржуазіи новое поле дѣятельности. Остъ-индійскій и китайскій рынки, колонизація Америки, колоніальная торговля, умноженіе орудій обмѣна, а также товаровъ дали безпримѣрный толчокъ развитію торговли, мореплаванія и промышленности, а тѣмъ самымъ обезпечили быстрое развитіе элементовъ разложенія феодальнаго общества ³⁾“ . Господствующими классами въ средніе вѣка были дворянство и духовенство, на дворянство опиралась королевская власть государства, на духовенство—папская власть церкви. Римская церковь была главнымъ препятствіемъ развитію буржуазнаго способа производства, развитію торговли и промышленности. Буржуазія возстала противъ римской церкви—произошла реформація. Буржуазное общество родилось. Торговый капиталъ сталъ гигантскими шагами развиваться въ Италіи, Испаніи

¹⁾ Лассаль. „Программа работниковъ“.

²⁾ Каутскій. „Революція въ прошломъ и теперъ“. „Еврейская жизнь“.

№ 1.

³⁾ „Коммунистическій манифестъ“. Марксъ и Энгельсъ“.

Янв. 1907 (г).

и Франціи, выросли крупные города, начинается упорная борьба городских коммунъ съ феодалами. Торговый капитал не терпит феодальнаго политическаго партикуляризма, онъ требуетъ политическаго центра, онъ требуетъ центральной власти.

Въ своемъ стремленіи къ абсолютной власти короли должны были выдержать сопротивленія феодаловъ, горожане стали на сторону королей. Феодалы потеряли свою силу, буржуазія не прибрѣла еще силы—вотъ тайна появленія абсолютной монархіи. „Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять потребностямъ, которыя съ открытіемъ новыхъ рынковъ стали возрастать. Ремесло, опутанное феодальными привилегіями, уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными цехами исчезло и замѣнилось раздѣленіемъ труда внутри мастерской. Но рынки росли непрерывно, и спросъ не переставалъ увеличиваться. И мануфактура въ свою очередь перестала удовлетворять всѣмъ потребностямъ, и вотъ паръ и машина произвели революцію въ промышленномъ производствѣ. Мануфактуру вытѣснила современная крупная промышленность, мелкая буржуазія эпохи мануфактуры уступила мѣсто современнымъ промышленнымъ буржуа, миллионерамъ, командирамъ цѣлыхъ армій рабочихъ. Крупная промышленность создала міровой рынокъ, для котораго была подготовлена почва открытіемъ Америки. Міровой рынокъ въ сильнѣйшей степени ускорилъ развитіе торговли, мореплаванія и всякаго рода путей сообщенія. Развитіе же этихъ факторовъ въ свою очередь воздѣйствовало на развитіе промышленности; а соотвѣтственно развитію промышленности, торговли, мореплаванія и желѣзныхъ дорогъ росла буржуазія, росли ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ классы, перешедшіе въ новое общество отъ эпохи средневѣковья“¹⁾. Росла буржуазія, росли ея капиталы, абсолютная монархія со всѣми ея институтами мѣшала развитію буржуазнаго производства, капиталъ требовалъ свободы. Произошла Великая французская революція. Конецъ среднихъ вѣковъ и начало новаго времени относятся къ реформаціи. „Это,—говоритъ Лассаль,—вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ теченіе двухъ непосредственно слѣдующихъ за реформаціей столѣтій медленно, постепенно и незамѣтно совершалась перемѣна, измѣнявшая основательно внѣшній видъ общества и произведшая внутри его переворотъ, который былъ въ 1789 году превозглашенъ, но не созданъ французской революціей“ (Лассаль. „Программа работниковъ“). Уже со времени реформаціи производительныя силы, таившіяся въ нѣдрахъ феодальнаго общества, перестали соотвѣтствовать феодальнымъ производственнымъ отношеніямъ; эту буржуазную социальную рево-

¹⁾ Марксъ и Энгельсъ. „Коммунистическій манифестъ“.

люцію реформація и начала. Великая французская революція только развязала Гордіевъ узелъ двѣсти лѣтъ накопывшагося противорѣчія.

Молодой капиталъ справлялъ крупную побѣду надъ феодальнымъ варварствомъ. Вѣковая классовая борьба между буржуазіей и представителями стараго порядка—дворянствомъ и духовенствомъ—закончилась въ пользу буржуазіи. Нѣтъ, это еще не была полная побѣда, это было только начало побѣды. Раньше буржуазія побѣдила римскую церковь—то произошла реформація, затѣмъ она побѣдила феодальное дворянство—возникла абсолютная монархія, затѣмъ подъ давленіемъ крѣпостного крестьянства она заставила абсолютную монархію вступить на путь социальныхъ и политическихъ реформъ—наступила эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, затѣмъ она побѣдила абсолютную монархію—произошла Великая французская революція. Палъ старый порядокъ во Франціи, а наполеоновскія войны впоследствии взорвали феодальный порядокъ въ Европѣ. 48-ой годъ продолжалъ дѣло 89-го года; разрушались стойла феодализма; генеральную чистку всѣхъ оставшихся феодальныхъ пережитковъ теперь производитъ Великая російская революція.

Феодальное общества умерло, на его развалинахъ сложилось современное буржуазное общество, общество капиталистическое. Развившіяся производительныя силы распилили феодальныя цѣпи, классовая борьба ихъ размолочила въ порошокъ. Господствующимъ принципомъ въ феодальномъ обществѣ было землевладѣніе, господствующими классами—дворянство и духовенство. Землевладѣніе, какъ центръ историческаго притяженія, и та классовая борьба, которая сложилась на его почвѣ, клали свой отпечатокъ на всю общественную жизнь того времени. Въ феодальномъ рефлекторѣ также отразилась и международная жизнь. Рекогносцировка восточныхъ народовъ, вызванная измѣнившимися экономическими отношеніями, погоней за торговыми рынками купеческой буржуазіи вызвала національныя войны крестовыхъ походовъ, реформація вызвала національныя войны, извѣстныя подъ названіемъ религиозныхъ войнъ. Съ другой стороны, національная политика временъ абсолютной монархіи, эта притязательная политика мегаломаніи, имѣвшая своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ нескончаемыя и разорительныя войны. Міровая гегемонія достигалась путемъ подавленія всѣхъ національныхъ вольностей внутри государства и безконечныхъ внѣшнихъ войнъ. Кровью и желѣзомъ, мечомъ и огнемъ создавались крупныя абсолютныя монархіи. А въ крупныхъ абсолютныхъ монархіяхъ подавлялось все специфическое, все національное. Абсолютная монархія требовала инквизиціи, абсолютная монархія требовала войны, войны и войны. Крестовые походы—национальная война, реформація—национальная война, абсолютная монархія—национальная война.

Борьба націй внутри государства и вѣхъ государства, порожденная классовой борьбой буржуазіи съ аристократіей, буржуазнаго общества съ феодальнымъ—вотъ національный вопросъ въ феодальномъ обществѣ.

Быль ли разрѣшенъ національный вопросъ съ разложеніемъ феодальнаго общества? Если социальная революція въ античномъ обществѣ кончилась гибелью обоихъ общественныхъ классовъ и тѣмъ разрѣшила національный вопросъ, то социальная революція въ феодальномъ обществѣ кончилась побѣдой одного класса надъ другимъ, побѣдой буржуазіи надъ аристократіей; современное же буржуазное общество не уничтожило антагонизма классовъ. „Антагонизмъ классовъ только упростился, нынѣ все общество все больше и больше раздѣляется на два обширные вражескіе лагеря, на два враждующіе класса—буржуазію и пролетаріатъ“ („Коммунистическій манифестъ“). Нынѣшнее буржуазное общество только замѣнило старые классы, старыя условія угнетенія и старыя формы борьбы новыми; оно вырыло глубокую, непроходимую пропасть между двумя классами: представителемъ труда—пролетаріатомъ и представителемъ капитала—буржуазіей. А такая социальная революція, которая посадила на тронъ капиталъ, а скипетръ правленія дала буржуазіи, революція, которая санкціонировала непримиримую классовую борьбу, такая революція не могла разрѣшить національнаго вопроса. Национальная борьба не прекращается съ паденіемъ „старога порядка“, наоборотъ, она разрастается вширь и вглубь, она принимаетъ новыя формы, она прорѣзываетъ новыя русла; національный вопросъ вступаетъ въ новую фазу своего развитія. „Повсюду господствующіе классы,—говоритъ Августъ Бебель,—стараятся сохранить вѣру, что существуютъ народы, настроенные другъ противъ друга, какъ смертные враги и ждущіе лишь момента, чтобы броситься одинъ на другого и уничтожить другъ друга. Конкуренція класса капиталистовъ отдѣльныхъ странъ между собой принимаетъ на международной почвѣ характеръ борьбы класса капиталистовъ одной страны противъ класса капиталистовъ другой страны и, поддерживаемая политической слѣпотой рабочихъ массъ, вызываетъ соперничество военными вооруженіями, какихъ еще никогда не видалъ міръ. Это соперничество создало арміи небывалой величины, оно создало орудія массоваго убійства и разрушенія для сухопутной и морской войны, настолько совершенныя, насколько эта возможно въ нашъ вѣкъ техническаго прогресса ¹⁾“. Природа капитала требуетъ простора, свободы внѣшней и свободы внутренней. Капиталъ по природѣ ненасытенъ и жаденъ, какъ волкъ. Колоніальная война—слѣдствіе его жадности; милитаризмъ—слѣдствіе колоніальныхъ войнъ. На базѣ колоніальныхъ войнъ завое-

¹⁾ Бебель Августъ. „Женщина и социализмъ“.

ывается гегемонія на мировомъ рынкѣ. Это національный вопросъ такъ называемой внѣшней политики.

Съ другой стороны, въ наслѣдіе отъ феодальнаго строя капитализмъ получилъ національный вопросъ внутренней политики. Это національный вопросъ Россіи, Турціи и Австріи. Эти государства, представляющія многонаціональные агрегаты, служатъ ареной національныхъ треній, національнаго угнетенія и національной борьбы. Тутъ виноватъ главнымъ образомъ политическій строй государствъ. Отсутствие политическихъ свободъ въ Россіи и Турціи создало національныя угнетенія, напоминающія еще средневѣковую инквизицію съ ея застѣнками, съ ея пытками, съ ея ауто-да-фе. Въ Австріи такъ же сильны пережитки стараго порядка. Правда, этотъ порядокъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Надъ Европой занимается заря демократическаго строя. Этого требуетъ социалистическое движеніе пролетаріата. Классовое движеніе пролетаріата громаднымъ пламенемъ загорается на континентѣ и за океаномъ... А въ тактъ классовой борьбы пролетаріата данной національности противъ буржуазіи той же національности происходитъ борьба буржуазіи одной національности противъ буржуазіи другой національности, происходитъ борьба буржуазіи за расширеніе сферы своего вліянія, борьба за расширеніе внѣшняго товарнаго рынка, борьба за огражденіе внутренняго рынка.

Борьба націй внутри государства и внѣ государства, порожденная эластичностью и растяжимостью капиталистическаго общества, общества, все содержаніе котораго наполнено борьбой буржуазіи съ пролетаріатомъ,—вотъ національный вопросъ буржуазнаго общества.

Будетъ ли разрѣшенъ національный вопросъ въ предѣлахъ существующаго капиталистическаго строя, или его ликвидація послѣдуетъ за ликвидаціей капитализма? Мы видѣли, что національный антагонизмъ между народами обусловливается классовымъ антагонизмомъ, національная борьба—классовой борьбой. Правда, какъ мы увидимъ ниже, прекратится война съ ея смертоносной жестокостью, съ ея каннибализмомъ, прекратится національная борьба внутри государства съ ея некультурностью, съ ея дикостью. Международные вопросы будутъ разрѣшаться не огнемъ и мечомъ, а третейскимъ судомъ; внутри государства стая демократіи будетъ сдерживать національный миръ, этого потребуетъ, какъ увидимъ ниже, само капиталистическое общество, развившіяся классовыя взаимоотношенія. Подъ вліяніемъ грознаго призрака солидарнаго международнаго рабочаго движенія національный антагонизмъ между буржуазными классами различныхъ государствъ будетъ атрофироваться, буржуазная солидарность всѣхъ

странъ и народовъ будетъ укрѣпляться. Но національный антагонизмъ окончательно не исчезнетъ, пока не исчезнетъ классовый антагонизмъ, пока не произойдетъ социальная революція, которая уничтожитъ существованіе самыхъ классовъ.

Социальная революція въ античномъ обществѣ окончилась гибелью обоихъ борющихся классовъ, социальная революція въ феодальномъ обществѣ—побѣдой одного класса надъ другимъ и водвореніемъ кристально-чистаго классоваго общества, социальная революція въ буржуазномъ обществѣ окончится побѣдой одного класса надъ другимъ и уничтоженіемъ самаго классоваго общества. Современное буржуазное общество вырыло своего „собственного могильщика“ въ лицѣ рабочаго класса, въ лицѣ пролетаріата. Грядущая социальная революція будетъ революціей пролетарской. Пролетаріатъ завоюетъ политическую власть—то будетъ побѣда одного класса надъ другимъ, пролетаріатъ произведетъ экспроприацію экспроприаторовъ—то будетъ конецъ существованія классовъ. „Въ настоящій моментъ борьба классовъ дошла до той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный классъ (пролетаріатъ) можетъ освободиться изъ тисковъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи) не иначе, какъ освободивши разъ навсегда все общество отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы“. Социальная революція пролетаріата уничтожитъ всякій классовый антагонизмъ, и вмѣстѣ съ нимъ и всѣ социальныя противорѣчія, которыя возникаютъ на почвѣ этого антагонизма. Мы видѣли, что вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, мы видѣли, что на почвѣ этой классовой борьбы происходила борьба народовъ. Мѣнялись общественныя отношенія, мѣнялось само общество, а социальное рабство только трансформировалось: античное рабство уступало мѣсто феодальному крѣпостничеству, феодальное крѣпостничество—наемному труду пролетаріата, а за скобками непоколебима была эксплуатація чловѣка чловѣкомъ. Классовый антагонизмъ во всякой социальной плоскости будетъ рождать національный антагонизмъ. Классовая борьба—вотъ единственная *социальная* причина національной борьбы. Классовая борьба на протяженіи всей исторіи переживала различныя модификаціи, и національная борьба только видоизмѣнялась. Различны были дѣли, различны были средства, но сущность была одна и та же. Грядущая социальная революція пролетаріата разрѣшитъ классовый вопросъ, социальный вопросъ, также и національный вопросъ.

II.

Все течетъ, все развивается, все превращается; мѣнялись общественныя отношенія, мѣнялся способъ производства, мѣнялся способъ мышленія, мѣнялись и международныя взаимоотношенія.

Каждая историческая эпоха, покоящаяся на данной ситуаціи производительныхъ силъ, на данномъ способѣ производства, имѣетъ свой особый рабочій вопросъ—рабочій вопросъ имѣетъ свою исторію; каждая классовая эпоха, имѣющая тѣ или другія классовыя взаимоотношенія, имѣетъ тѣ или другія международныя взаимоотношенія—національный вопросъ имѣетъ свою исторію. Въ предыдущей главѣ я старался доказать, что классовый вопросъ есть величина постоянная, если смотрѣть на него сквозь призму соціального строя, основаннаго на частной собственности на средства производства, основаннаго на той или иной эксплуатаціи челоуѣка челоуѣкомъ, т. е. что классовый вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только социализмомъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я доказывалъ, что національный вопросъ есть величина постоянная, если смотрѣть на него сквозь призму классоваго строя, т. е. что національный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только съ паденіемъ классоваго строя, т. е. социализмомъ. Теперь я постараюсь доказать, что подобно тому, какъ классовая борьба въ различныхъ историческія эпохи въ зависимости отъ способа производства, соотвѣтствовавшаго той или другой ступени развитія производительныхъ силъ, была величиной перемѣнной, т. е. принимала ту или другую окраску,—такъ рабовладѣльческое общество имѣло свою классовую борьбу, феодальное общество—свою, капиталистическое общество—свою, точно также происходящая на почвѣ классовой борьбы національная борьба есть величина перемѣнная, т. е. національная борьба въ зависимости отъ характера классовой борьбы принимала въ ту или другую эпоху ту или другую окраску; такъ, рабовладѣльческое общество имѣло свою національную борьбу, феодальное общество—свою, капиталистическое—свою.

Для того, чтобы жить, нужно производить, для того, чтобы производить, нужно вступать въ извѣстныя отношенія производства. Сумма данныхъ производственныхъ отношеній и представляетъ ту экономическую структуру общества, на почвѣ которой складывалась вся соціальная, политическая, умственная, также международная жизнь. Въ зависимости отъ состоянія производительныхъ силъ въ данномъ обществѣ создается извѣстная экономическая и политическая фізіономія; въ зависимости отъ данной экономической и политической фізіономіи общества складываются извѣстныя классовыя взаимоотношенія, на почвѣ классовыхъ взаимоотношеній складываются извѣстныя національныя взаимоотношенія. Національная борьба окрашивается въ цвѣтъ классовой борьбы, національный вопросъ принимаетъ окраску рабочаго вопроса. Древнее античное общество, какъ извѣстно, было обществомъ рабовладѣльческимъ, его моторомъ было рабство. Является вопросъ, что же является причиной рабства, откуда глялся классъ рабовъ? „Классъ рабовъ въ Римѣ и Греціи со-

стоялъ большей частью изъ тѣхъ взятыхъ въ плѣнъ варваровъ, которыхъ захватывали на поляхъ битвъ цѣлыми тысячами, которыхъ продавали потомъ по дешевой цѣнѣ и которые, привывши къ независимости, горѣли нетерпѣніемъ разорвать свои узы и отмстить за нихъ. Противъ такихъ внутреннихъ враговъ, не разъ своими отчаянными возстаніями ставившихъ республику на край гибели, самая строгія постановленія и самое жестокое обращеніе, повидимому, оправдывались верховнымъ закономъ самоохраненія“¹⁾). Рабство въ древнемъ мірѣ было порождено національными войнами; иначе говоря, племенные національныя войны въ древнемъ мірѣ имѣли своей цѣлью завоеваніе рабовъ.

„Въ этой нескончаемой борьбѣ подвластныхъ народностей съ господствующими мы имѣемъ предъ собой на самомъ дѣлѣ классовую борьбу въ истинномъ смыслѣ этого слова, борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, но эта борьба выросла и развилась на почвѣ племенного различія (курсивъ автора). Борьба велась не потому, что эксплуатируемые вообще не желали допустить чрезмѣрной эксплуатаціи своихъ силъ; также мало борьба велась изъ-за того, что эксплуатируемые были вообще противъ эксплуатаціи, какъ таковой; борьба велась главнымъ образомъ потому, что эксплуататоры принадлежали къ другому племени; въ предѣлахъ же собственнаго племени эксплуатація не только допускалась эксплуатируемыми, но послѣдніе въ свою очередь безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатировали принадлежащихъ къ другому племени или національности“²⁾). Побѣдители образовали господствующій классъ. По отношенію къ нимъ покоренные оказались въ подчиненіи. Въ горнѣ междуплеменныхъ войнъ высѣкались граниты греческой и римской національности. Ионійцы, Дорійцы, Пеласги, Фригійцы, съ одной стороны, съ другой—Латины, Сабини, Этруски, Галлы объединялись въ самостоятельные народы, развивались національныя греческій и римскій языки, національная греческая и римская литература. Закончился періодъ первоначальнаго накопленія рабства, рабство приняло характеръ устойчиваго равновѣсія; началось укрѣпленіе національныхъ позицій. Укрѣпить социальную-экономическую базу государства—значило углублять и расширять рабство, потому что на фундаментѣ рабства выстроилась величайшая и красивѣйшая богиня классическаго міра. На одномъ полюсѣ—физическій трудъ рабовъ, на другомъ—вся умственная жизнь состоятельныхъ классовъ—такова картина древняго міра. Поэтому борьба за рабскіе рынки была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за расширеніе сферы цивилизаціи. Та-

¹⁾ Каутскій и другіе экономисты. „Рабочій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“.

²⁾ Райхесбергъ. „Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время“.

кова была судьба благотворнѣйшихъ въ исторіи греко-персидскихъ войнъ.

Къ національнымъ войнамъ между націями-государствами прибавились еще междоусобныя національныя войны; борьба той или другой національной разновидности за политическую гегемонію. Общенациональная война за экономическое могущество влечетъ за собой партизанскую войну за политическое верховенство. За греко-персидскими войнами слѣдуетъ Пелопонесская война. Национальныя войны, имѣвшія культурно-экономическій характеръ—погоня за рынками рабовъ и національныя войны, имѣвшія политическій характеръ, окрашивались въ цвѣтъ рабства. Величайшіе философы древности, Платонъ и Аристотель, считали рабство естественнымъ явленіемъ. „Какъ естественно существованіе тѣла и души у человѣка,—говорилъ Аристотель,—такъ и естественно существованіе свободныхъ и рабовъ въ націи“. Все человѣчество они дѣлили на эллиновъ и не-эллиновъ, т. е. варваровъ. Рабы набираются изъ чужихъ національностей, эллины не могутъ быть рабами. Расовое различіе между греками и варварами древніе мыслители дѣлали исходной точкой своей защиты рабства. Национальный антагонизмъ признавался разъ навсегда даннымъ отъ природы, національныя противорѣчія признавались естественными.

Не сознаніе опредѣляетъ общественное бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознаніе. Въ головахъ оправдывавшихъ рабство греческихъ и римскихъ философовъ отразилась реальная античная дѣйствительность. Отъ этой философіи такъ и вѣяло открытымъ, здоровымъ, по выраженію Ницше, язычествомъ. Эти ученія, въ противоположность ученіямъ христіанскихъ отцовъ церкви и протестантскихъ деистовъ, были незамаскированными ученіями, не прикрытыми никакими фиговыми листиками. Будучи экономической категоріей, рабство окрашивалось въ цвѣтъ язычества, будучи вызваны экономическими и политическими причинами, національныя войны въ древнемъ мірѣ принимали языческой характеръ, онѣ были открытыми войнами, не затынутыми въ тогу религіи, какъ войны средневѣковыя и религіозныя войны время реформаціи, ни въ тогу культуры, какъ современныя войны капиталистическаго общества.

Национальный вопросъ античнаго общества окрашивался въ цвѣтъ тогдашней экономической и политической формации: рабовладѣтельской конституціи общества; національныя войны явились продуктомъ борьбы господствующихъ классовъ той или другой національности за экономическое и политическое могущество; идеологомъ національныхъ противрѣчій явилась греческая и римская философія.

Средневѣковое общество, какъ извѣстно, было обществомъ феодальнымъ; его основу составлялъ крѣпостной трудъ. Крѣпост-

ничество уже существовало въ Греціи и Римѣ, но рычагомъ общественнаго строя оно стало въ средніе вѣка. Крѣпостное общество начало свой циклъ развитія подѣ перекрестнымъ огнемъ двухъ крупныхъ историческихъ батарей: римской католической церкви, оставшейся въ наслѣдство отъ Западной Римской имперіи, и византійской государственности. И борьба этихъ двухъ силъ наполняетъ собой все средневѣковое общество. Главнымъ рычагомъ всей общественной жизни въ средніе вѣка была церковь. Церковь—это тотъ цементъ, который спаялъ воедино все стороны общественной жизни въ средніе вѣка. „Въ средніе вѣка,—говоритъ Каутскій,—вся матеріальная, а вмѣстѣ съ ней и духовная жизнь людей была эманацией церкви. Неудивительно, что она овладѣла всею челоуѣкомъ, что она стала опредѣлять не только его мысли и чувства, но и всю его дѣятельность. Не только рожденіе, бракъ, смерть давали ей поводъ вмѣшиваться въ частную жизнь, она регулировала, контролировала также трудъ, отдыхъ, праздникъ“ ¹⁾. Церковь регулировала и контролировала всю жизнь, всѣ ея вліянія также не остались и національныя отношенія. Феодалный способъ производства, гдѣ продукты производились главнымъ образомъ для непосредственнаго потребленія, гдѣ товарный обмѣнъ былъ только въ зачаточномъ состояніи, создалъ изъ средневѣковаго государства конгломератъ различнѣйшихъ общинъ, областей и марокъ, сдѣленіе частицъ которыхъ было очень незначительно. Общинный партикуляризмъ, съ одной стороны, съ другой—католическій универсализмъ; національной полноты и цѣльности не было. Не было национальныхъ кристалловъ, была національная аморфность, былъ національный хаосъ. Но ничто не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Мало-помалу кооперація и мануфактура революціонизировали производство. „Торговья сношенія съ Востокомъ развили въ Европѣ жажду обогащенія, придали особое значеніе деньгамъ и выдвинули на первый планъ торговый классъ. Вмѣстѣ съ ними проникли въ общество новые взгляды, возникла новая жизнь, національность нашего времени родилась“ ²⁾. Развитіе обмѣна требовало широкихъ рынковъ. Въ погоню за рынками разрушалась община, разрывались преграды, мѣшавшія общинамъ синтезировать изъ разрозненныхъ клѣтокъ единый національный агрегатъ, въ борьбѣ общественныхъ молекулъ кристаллизовались недѣлимые національные элементы. „Чтобы національная жизнь стала возможной, нужно было разрушить общину, ослабить экономическія организаціи, стоявшія между индивидуумомъ и націей, такъ, чтобы національная организація регулировала всю экономическую жизнь

¹⁾ Каутскій. „Вѣкъ гуманизма и реформаціи“ (Очерки и этюды).

²⁾ Каутскій. „Национальность нашего времени“.

народа. Это разрушеніе первобытной общины и совершилось, когда товарное производство и обмѣнъ товаровъ достигли извѣстной высоты.

Но и въ то время нужны были особыя условія, чтобы могла возникнуть современная національность. Торговля должна была развиваться до извѣстныхъ размѣровъ, она могла дать занятіе особому классу, классу купцовъ. Интересы торговаго класса заставили его все больше и больше расширить кругъ своихъ дѣйствій. Въ погонѣ за наживой купецъ устремился въ чужія страны; по мѣрѣ развитія вѣдшей торговли интересы купцовъ различныхъ общинъ приходили во все большее противорѣчіе на иноземномъ рынкѣ. Явилась настоятельная потребность образованія большихъ, сильныхъ общественныхъ организмовъ, въ развитіи націй. Такимъ образомъ, торговые интересы стали національными интересами, а противоположности интересовъ купцовъ на чужеземномъ рынкѣ—национальными противоположностями¹⁾. Борьба за биологическое существованіе создала органическіе виды; борьба за социальное-экономическое существованіе создала крупныя національныя организмы. Национальная борьба феодальнаго строя есть борьба за торговые рынки. Преломляясь сквозь призму католической церкви, національныя войны принимали религіозный колоритъ. Только въ средніе вѣка война Англій съ Франціей могла породить легенду съ Орлеанской дѣвой. Иоанна д'Аркъ—это символъ католицизма; ея побѣды—это символъ побѣды католицизма. А стѣны экономическаго развитія расширялись все дальше и дальше; центростремительныя силы торговаго капитала разрывали феодальный партикуляризмъ, онѣ бѣжали по направленію къ политическому централизму. Въ это же время на противоположномъ полюсѣ центробѣжныя силы церкви разрывали католическій универсализмъ, онѣ стремились по направленію къ церковному национализму. Центростремительныя силы торговаго капитала, которыми управляла буржуазія, шли навстрѣчу центробѣжнымъ силамъ церкви, которыми управляла та же буржуазія,—произошла реформація.

Реформація—это возстаніе нарождавшейся буржуазіи противъ римскаго католическаго универсализма и феодальнаго общиннаго партикуляризма; это борьба за націонализацию церкви и национализацию государства. Начались религіозныя войны. Религіозныя войны были національными войнами; постольку, поскольку онѣ были національными войнами, онѣ были торговыми войнами, а постольку, поскольку онѣ были торговыми войнами, онѣ имѣли своей цѣлью экономическую централизацию производства перенесеніемъ центра экономической тяжести изъ общины въ крупныя города и политическую централизацию государства перенесеніемъ центра тяжести отъ кня-

¹⁾ Каутскій. Ibid.

зей и феодальнаго дворянства къ абсолютной императорской власти. Родились крупные города, вмѣстѣ съ ними абсолютная монархія. Религіозныя войны—это были войны между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ—это борьба буржуазіи съ дворянствомъ и духовенствомъ. Борьба буржуазіи съ дворянствомъ и духовенствомъ была классовой борьбой; всякое классовое противорѣчіе обостряется и ожесточается, если совпадаетъ съ различіемъ національностей. Национальное различіе становится національнымъ антагонизмомъ; національный антагонизмъ проходитъ съвозъ призму классоваго антагонизма. Реагировавшіе другъ на друга элементы дали гремучую смѣсь религіозныхъ войнъ. Ирландскія религіозныя войны—это войны кельтовъ противъ германцевъ, католиковъ противъ протестантовъ. Англія съ ея нарождавшейся буржуазіей боролась противъ Ирландіи съ ея лендлордизмомъ. Протестантская церковь, какъ господствующая, боролась противъ католицизма. Эти войны въ концѣ концовъ привели къ эмансипаціи католиковъ и къ паденію господствующей церкви. Тридцатилѣтняя война въ Германіи—это война католической церкви съ протестантскою, это была борьба германскихъ императоровъ съ территоріальной автономіей князей. Эта борьба пресѣклась сквозъ національную призму; религіозная война, т. е. классовая война, стала національной войной. Въ этой войнѣ участвовали протестанты и католики, нѣмцы чехи и шведы. Классовыя противорѣчія перемѣшивались съ религіозными, религіозныя съ національными. Тутъ боролись два міра: буржуазный съ феодальнымъ. Реформаціонныя войны могутъ быть названы протестантскими войнами, такъ какъ онѣ закончились пораженіемъ иезуитизма и побѣдой протестантизма. Тутъ наступательную роль игралъ воинствующій протестантизмъ. На обратной сторонѣ медали религіозныя войны въ Испаніи были католическими войнами; тутъ наступательную роль игралъ воинствующій католицизмъ. Нивелировались всѣ національныя отличія, подавлялась всякая противоположная католицизму религіозность: такъ испанско-маврскія войны, такъ инквизиція. Католицизмъ побѣдилъ, и послѣ реформаціонныхъ войнъ возродился въ Европѣ въ лицѣ иезуитизма. Протестантскія войны закончились побѣдой реформаціи, католическія—разложеніемъ государства. Такъ Германія послѣ Тридцатилѣтней войны пошла по пути промышленнаго и культурнаго прогресса, такъ Испанія послѣ инквизиціи пошла къ упадку, упадку экономическому, политическому и культурному. Германія выросла, Испанія разложилась—вотъ двѣ стороны одного и того же процесса—религіозныхъ европейскихъ войнъ.

Non est dubitum религіозныя войны были національными войнами, національныя войны были классовыми войнами: средне-вѣковъй феодальный міръ состязался съ нарождавшимся буржуазно-

капиталистическимъ міромъ. И по ту, и по другую сторону реформаціи доминировала церковь. Церковь, выражаясь словами Каутскаго, являлась эманацией всей матеріальной и духовной жизни средневѣковья. Національныя войны въ качествѣ реактивнаго лакмуса окрашивались въ цвѣтъ дѣйствовавшей въ историческомъ растворѣ кислоты, именно церкви: національныя войны стали религіозными.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ римскій папизмъ побѣдилъ византійскую государственность, церковное каноническое право побѣдило римское государственное право. Въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ началѣ новаго времени государственность побѣдила папизмъ; возродилась идея римскаго государственнаго права. Палъ политическій феодализмъ, родилось національное государство нашего времени.

А торговый капиталъ росъ вширь и вглубь, феодальныя имущественныя отношенія со всѣми средневѣковыми заставами, таможенными и цеховыми рогатками сковывали буржуазный способъ производства; промышленная революція въ Англіи свидѣтельствовала о дальнѣйшей невозможности подобнаго существованія; накопившіеся пары не выдержали внутренняго напора, Великая французская революція забила въ набатъ. Исторія присудила старый порядокъ къ смерти, и рано или поздно старый порядокъ долженъ былъ быть похороненнымъ. Съ французской революціей закончилась эпоха первичнаго національнаго накопленія. Начали ломаться троны, начали свергаться съ пьедестала привилегированные классы; на сцену исторіи выступила нація. Первичное національное накопленіе абсолютной монархіи уступаетъ мѣсто вторичному національному накопленію революціи.

Буржуазно-капиталистическое производство создало новые классы. Прошелъ революціонный туманъ, буржуазія познала самое себя, третье сословіе завоевало экономическую и политическую власть. На сцену исторіи выступилъ новый классъ въ лицѣ экспропрированнаго рабочаго класса, въ лицѣ пролетаріата классовая борьба приняла иной характеръ, рабочій вопросъ вступилъ въ новую стадію развитія, національный вопросъ окрасился въ новый цвѣтъ.

Національный вопросъ феодальнаго общества окрашивался въ цвѣтъ феодальной экономической и политической организаціи. Рычаги средневѣковья: партикуляризмъ общинъ и универсализмъ церкви потеряли свою динамическую силу; внутренняя энергія движенія изсякла. Національнаго государства не было, былъ конгломератъ общинъ и областей; національной церкви также не было, былъ единый католицизмъ. Религіозныя войны были національными войнами;

онѣ создали національную церковь и національное государство: будучи таковыми, онѣ были войнами первичнаго національнаго накопленія. Дѣйствительное развитіе національно-политическаго самосознанія началось только въ эпоху революціи, когда былъ провозглашенъ суверенитетъ націи. Вся послѣднѣоформационная эпоха—это борьба между накопившимися производительными силами и тормазившими ихъ развитіе производственными отношеніями. Борьба между протестантизмомъ и католицизмомъ—это только умственное отраженіе реальныхъ общественныхъ отношеній: протестантизмъ во всѣхъ его разновидностяхъ—это олицетвореніе буржуазно-капиталистическаго прилива, католицизмъ—олицетвореніе феодальнаго отлива. Войны принимали религиозный колоритъ; будучи резонансомъ реформаціи, онѣ должны были пропитываться религиозной влагой. Идеологемъ національныхъ войнъ была религія христіанства.

III.

XVI вѣкъ открылъ капиталистическую эру. Быстрый ростъ торговаго капитала противорѣчилъ феодальнымъ имущественнымъ отношеніямъ. Это противорѣчіе впервые проявилось въ реформаціи; оно открыто сказалось въ Великой французской революціи. 89-й годъ еще не разрѣшилъ этого противорѣчія, этотъ Гордіевъ узелъ былъ развязанъ XIX вѣкомъ. На долю XX вѣка выпало вывести послѣдніе стогны феодальнаго мусора, еще таящіяся въ Восточной Европѣ и азіатскихъ странахъ.

За политической революціей во Франціи послѣдовала промышленная революція въ Англіи. Такъ началась заря истинно-капиталистическаго общества. Старый порядокъ рухнулъ, старые классы слетѣли со своего пьедестала, медовый вѣкъ аристократіи кончился. На тронъ вступила буржуазія. Буржуазія разрывала всѣ сословныя перегородки, всѣ заставы привилегій, цеховыя клѣтки и таможенные столбы. Пали всѣ юридическія неравенства, всѣ религиозныя и національныя привилегіи, этого требовалъ его величество капиталъ. Капиталъ безудержно мчался по теченію, по пути разрывая всѣ шлюзы и плотины, заливая берега, онъ смывалъ всѣ скалы. И капиталъ побѣдилъ. Капиталу нужно было сломить силу церкви, интенсифицировать силу государства. Экономическую силу церкви сломила реформація, секуляризовавши церковныя имущества, политическую силу церкви сломила французская революція, провозгласивши на мѣсто божественнаго права королей и императоровъ естественное право личности и гражданина. вмѣсто непогрѣшимаго католицизма провозглашенъ культъ разума, вмѣсто монархическаго абсолютизма—культъ народа. Руссо въ своемъ „Общественномъ договорѣ“ провозглашаетъ су-

веренитетъ націи. Декларация правъ человѣка и гражданина его санкціонируетъ. „Принципъ всякой верховной власти,—гласитъ 3-й пунктъ деклараціи,—принадлежитъ націи. Ни одна коллегія, ни одно лицо не могутъ отправлять власти, не исходящей непосредственно отъ націи“. Французская революція провозглашаетъ естественныя, неотчуждаемыя права человѣка и гражданина. Ея девизъ—свобода, равенство, братство. Конвентъ провозглашаетъ единую и нераздѣльную республику. Его лозунгъ—интернаціонализмъ. „И въ своемъ побѣдоносномъ шествіи революція переступила границы народовъ! Не только въ самой Франціи была провозглашена единая и недѣлимая республика“, будто въ ея предѣлахъ не было ни басковъ, ни бретонцевъ, ни нѣмцевъ; большія пространства нѣмецкихъ, итальянскихъ и южно-славянскихъ земель далеко за границами Франціи были къ ней присоединены; затѣмъ испанцы, голландцы, нѣмцы и итальянцы были очастливлены тѣмъ, что имъ поставили королей и вице-королей изъ дома Бонапарта, а Австрія, Пруссія и остальные нѣмецкія государства, поскольку они вообще сохранили свое существованіе, были низведены на роль французскихъ вассаловъ. Вся Европа должна была насильно получить въ подарокъ свободу, общечеловѣческую свободу, какъ о ней говорили, а на самомъ дѣлѣ свободу специфически французскаго типа“¹⁾. Что же это за свобода специфически французскаго типа, о которой говорятъ соціологъ? Это наполеоновскія войны революціонной Франціи съ феодальной Европой... Агентъ революціи—третье сословіе—хотѣло создать новый міръ по образу и подобию своему; завоеванія французской революціи оно хотѣло сдѣлать международнымъ достояніемъ, французскую свободу—общеевропейской свободой. Оно создало творца своей воли въ лицѣ Наполеона. Разламывались феодальныя гнѣзда Имперіи германскаго народа, выжигались всѣ сорныя феодальныя травы, политическая карта Европы изрѣзывалась, какъ желѣзнодорожная сѣть, испещрялась разнообразными красками. Наполеонъ символизировалъ буржуазную волю. Буржуазія познавала міръ, какъ свою волю и свое представленіе... Но капиталъ судилъ иначе. Логика дѣйствительности оказалась крѣпче логики разума, логики воли. Прошелъ революціонный туманъ, началась кристаллизація классовъ. Если раньше частныя классовыя интересы утопали въ общихъ интересахъ всего народа, то сейчасъ же, какъ только повязка была снята, классовые интересы громко заговорили, классовые интересы тотчасъ же выступили противъ маскированныхъ обще-національныхъ интересовъ. Общіе интересы всего французскаго народа оказались частными интересами одного класса, буржуазіи. Свобода, равенство, братство

¹⁾ Гумбловичъ. „Национализмъ и интернаціонализмъ въ XIX вѣкѣ“. Жер. съ нѣм.

оказались пустыми звуками, сословно феодальный строй уступилъ мѣсто не свободному строю, а буржуазно-классовому. Политическая революція кликнула кличъ объ освобожденіи капитала. Громкимъ эхомъ на этотъ кличъ отозвалась промышленная революція... Въ Англіи вся Европа получила въ подарокъ свободу, но не общечеловѣческую свободу, о которой думали французскіе философы и мыслители, а свободу „специфически-французскаго“ типа, свободу капиталистическую. XIX вѣкъ—вѣкъ машины, вѣкъ пара и электричества, вѣкъ капитализма... Рудиментарные государственные органы до-революціоннаго и послѣреволюціоннаго политическаго феодализма были недостаточны для того, чтобы пропитать своей кровью капиталистическія волокна. Какъ гусеница въ свою раковину, такъ капиталъ опоясывается въ твердую роговую политическую оболочку. Начинается борьба за національное объединеніе, съ одной стороны, съ другой—за національное отдѣленіе. Капиталъ въ своемъ зачаточномъ состояніи—интернаціоналистъ въ идеѣ, націоналистъ въ дѣйствительности; сфера дѣйствія капиталистическаго хозяйства—широкій внутренній рынокъ; государство должно быть единымъ, цѣльнымъ и самостоятельнымъ. Широкий внутренній рынокъ влечетъ за собой широкий внѣшній рынокъ, широкий внѣшній рынокъ—гегемонію на мировомъ рынкѣ. Мировой рынокъ—вотъ путеводная національная звѣзда. И капиталистическій вѣкъ становится національнымъ вѣкомъ. Въ мукахъ національныхъ войнъ рождаются политическіе организмы нашего времени. Въ горнѣ національныхъ войнъ высѣкаются политическіе граниты; объединяются Германія и Италія: историческія области объединяются въ самостоятельные политическіе агрегаты. Угнетенные народы подымаютъ знамя возстанія противъ угнетателей. Греція и Сербія возстаютъ противъ турецкаго владычества, создаются національныя греческое и сербское государства; Бельгія отдѣляется отъ Нидерландовъ, Венгерія борется за независимость, происходятъ польскія возстанія. Кавказъ и Финляндія завоевываются русскимъ мечомъ и огнемъ на противоположномъ полюсѣ. Канада и Австралія становятся англійскими автономными колоніями. Въ горнѣ національныхъ войнъ спаиваются въ одинъ политическій организмъ цѣлый рядъ національностей, бывшихъ когда-то политически-самостоятельными, складывается „больной организмъ нашего времени“—Австрія... Происходитъ перестройка всей политической карты Европы; національная борьба создаетъ вавилонское національное столпотвореніе. Народы освобождаются, народы теряютъ свою самостоятельность, народы угнетаютъ, народы возстаютъ противъ угнетенія. Въ этомъ головокружительномъ хаосѣ, въ этомъ обширномъ историческомъ круговоротѣ выдѣляются яркіе контуры политической и національной ситуаціи, въ одномъ случаѣ образуются одногранныя государства-націи путемъ объединенія (Германія, Италія), во второмъ—образовы-

ваются государства націи путемъ отдѣленія (Бельгія, Греція, Сербія), въ третьемъ завоевывается политическая автономія (Канада, Австралія), въ четвертомъ приближеніе къ политически-національной федераціи (Австрія); образуются Nationalstaaten...; наконецъ, націи лишаются своей политической самостоятельности, происходитъ политическая ассимиляція (Польша, Кавказъ).

А капитализмъ растетъ въ ширь и въ глубину. Закончилось первоначальное капиталистическое накопленіе, начался медовый мѣсяцъ капитализма, закончилось первоначальное національное накопленіе, начался медовый мѣсяцъ націонализма. Буржуазно-капиталистическое общество конституируется во всей Европѣ, капитализмъ перебрасывается по ту сторону океана въ Америку. Захвативъ въ свои руки всѣ орудія и средства производства, всю экономическую власть, буржуазія захватываетъ всѣ орудія государственной власти, буржуазія становится у политическаго руля. Капитализмъ создалъ промышленную буржуазію, онъ создалъ также его противоположность въ лицѣ наемныхъ рабочихъ, лишенныхъ орудій и средствъ производства, въ лицѣ пролетаріата. На почвѣ политической свободы, провозглашенной французской философій и революціей, на почвѣ экономической свободы, провозглашенной буржуазной политической экономіей, началась бѣшеная капиталистическая конкуренція, внутри государства—свободная игра свободныхъ экономическихъ силъ, внѣ государства—свободная борьба національностей за внѣшніе рынки. Экономическая и политическая физіономія общества сложилась, начинается классовая борьба пролетаріата. А подъ аккомпаниментъ классовой борьбы, происходящей между пролетаріатомъ данной національности и буржуазіей той же національности, происходитъ національная борьба. Национальная борьба, какъ извѣстно, принимаетъ двоякій характеръ: происходитъ національная борьба между государствами-націями и борьба между націями внутри государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ національная борьба есть не что иное, какъ борьба за рынокъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ національная борьба ведется между буржуазіей одной національности и буржуазіей другой. Капитализмъ есть высшая точка развитія товарнаго производства; товары производятся въ неограниченномъ количествѣ; для ихъ сбыта требуются все новые и новые рынки; также капиталъ требуетъ новыхъ точекъ приложенія силъ. Начинается колоніальная политика. Въ началѣ развитія капитализма представителями колоніальной политики являются одиночныя страны; по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія старѣйшина передаетъ колоніальный жезлъ своимъ младшимъ братьямъ. Такъ классическая страна капитализма, Англія, уступаетъ гегемонію на мировомъ рынкѣ Германіи и Соединеннымъ Штатамъ Америки. А вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности

совершается прогрессъ техники и науки. Новѣйшія открытія и изобрѣтенія: паръ и электричество, телефонъ и телеграфъ, желѣзная дорога и всемірная почта, облегчили сношенія между народами, жизненная необходимость сдѣлала ихъ неизбѣжными; въ круговоротъ капитализма втягиваются всѣ страны, въ товарообращеніи принимаютъ участіе всѣ народы; націи задыхаются въ узкой сферѣ народнаго хозяйства, народы выносятъ продукты своего производства на міровой рынокъ. Всѣ страны накладываютъ на него свою лапу; всѣ страны изъявляютъ претензію на господство, всѣ стремятся занять преобладающее положеніе, играть на немъ первую скрипку. Такъ возникаетъ имперіализмъ и его родныя дѣтища: протекціонизмъ и милитаризмъ. Колоніальную политику ведутъ всѣ капиталистическія страны, въ первыхъ рядахъ идутъ крупныя національныя государства. Такъ „терпимые“ ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ англичане борются съ бурами, отказывая имъ въ автономіи, такъ та же Англія отказывается дать home rule Ирландіи, такъ Соединенные Штаты борются съ испанцами за Филиппинскіе острова, такъ африканскіе рынки въ Марокко чуть не порождаютъ европейской войны. Колоніальная политика есть національная политика, колониальная борьба есть національная борьба. Такъ, рабская политика въ античномъ обществѣ порождала національную политику, такъ торговая политика въ феодальномъ обществѣ порождала національную политику, такъ промышленная міровая политика порождаетъ національную политику. Видимый націонализмъ буржуазіи вступаетъ въ противорѣчіе съ интернаціонализмомъ капитала, такъ націонализмъ капитала вступилъ въ противорѣчіе съ интернаціонализмомъ революціи. „Благодаря существованію мірового рынка буржуазія придаетъ производству во всѣхъ странахъ космополитическій характеръ. Къ величайшей досадѣ реакціонеровъ она лишила промышленность національной почвы. Старыя національныя отрасли промышленности исчезли или близки къ гибели, онѣ вытѣснены новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ становится условіемъ существованія для всѣхъ цивилизованныхъ націй; новая промышленность потребляетъ сырые матеріалы уже не мѣстнаго происхожденія, но привозимые изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; равнымъ образомъ ея продукты потребляются не только населеніемъ данной страны, но проникаютъ во всѣ уголки земнаго шара“¹⁾. Хозяйство становится міровымъ, капиталъ становится міровымъ, капиталъ становится интернаціональнымъ. Да, становится, онъ только находится въ процессѣ становленія (Werden). А пока онъ становится, неизбѣжна національная борьба за гегемонію. Пока не всѣ страны приобщены къ капитализму, пока есть еще свободные рынки,

1) „Коммунистическій манифестъ“. Марксъ и Энгельсъ.

которые еще обладают силой капиталистическаго притяженія, колониальная политика будетъ переживать періодъ горячки. Но все преходяще, и колониальныя войны, продуктъ капиталистическаго общества, въ предѣлахъ же капиталистическаго общества перейдутъ въ свою собственную противоположность. Но объ этомъ ниже.

Я говорилъ до сихъ поръ о внѣшнемъ, если можно такъ выразиться, національномъ вопросѣ, проявлявшемся въ международныхъ войнахъ. Это были войны огнемъ и мечомъ, желѣзомъ и кровью; всѣ эти войны являются слѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же социальныхъ условий, цѣль ихъ одна и та же. Но капиталистическій вѣкъ принято называть вѣкомъ цивилизаціи, и печать цивилизаціи лежитъ на національныхъ войнахъ. Такъ, каждое общество имѣетъ свой фиговый листъ, которымъ господствующій классъ прикрываетъ свои грубые матеріальные интересы; такъ религія являлась фиговымъ листомъ національныхъ войнъ въ эпоху реформаціи, такъ культура является маской національныхъ войнъ капиталистическаго общества. Тамъ были религіозныя войны, тутъ культуртрегерскія войны. Европейскія страны огнемъ и мечомъ захватываютъ африканскія земли, грабятъ Китай, ведутъ хищническую политику на завоеванныхъ земляхъ,— и все во имя культуры и цивилизаціи и еще во имя европейской культуры. Миновалъ вѣкъ религіозныхъ войнъ, минуетъ вѣкъ такъ называемыхъ культурныхъ войнъ. Объ этомъ поговоримъ ниже.

А пока посмотримъ, что представляетъ собой въ наше время внутренній національный вопросъ, національный вопросъ многоплеменныхъ государствъ. Австрія, Россія, Турція такъ и бросаются въ глаза, когда говоришь объ этомъ національномъ вопросѣ. Въ границахъ одного государства живетъ цѣлый рядъ націй, говорящихъ на различныхъ языкахъ, имѣющихъ свою особую національную фizioномію, въ прошломъ исторію, въ настоящемъ культуру. И что же? Другъ друга колютъ, рубятъ, рѣжутъ, постоянныя состязанія на рапирахъ одной націи съ другой, другой съ третьей. Я разумѣю Австрію. Что касается Турціи и Россіи, то тамъ даже нѣтъ національной борьбы—тамъ только есть доходящее до виртуозности національное угнетеніе, исходящее изъ одного центрального фокуса деспотически-самодержавнаго строя. Тамъ еще культивируется цезаристскій принципъ: *divide et impera* и на фонѣ общаго политическаго и гражданскаго безправія старая національная инквизиція, только облеченная въ культурную тогу, тѣ же національныя пытки, тѣ же національныя костры. Это окончится съ паденіемъ самодержавнаго порядка. Я буду говорить объ Австріи, этой сокровищницѣ внутреннихъ національныхъ треній, этомъ больномъ организмѣ нашего времени.

Что же такое современная Австрія?

Австрія—это конгломератъ механически связанныхъ національныхъ областей, представлявшихъ когда-то политическія недѣлимья, подъ руководствомъ Габсбурговъ Австрія—страна конституціонная; ея конституція гарантируетъ всѣмъ національностямъ право на саморазвитіе. 19-й параграфъ основного государственнаго закона о правахъ гражданъ гласитъ: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ неприкосновенное право на сохраненіе и развитіе своей національности и своего языка.“

Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школахъ, въ учрежденіяхъ, въ общественной жизни.

Въ земляхъ, гдѣ имѣется нѣсколько народностей, государственныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы, не будучи вынуждаемы къ изученію второго мѣстнаго языка, принадлежащія къ каждой изъ этихъ народностей были поставлены въ возможность получить образованіе на родномъ языкѣ“.

Такъ гласитъ австрійская конституція. А дѣйствительность гласитъ иначе. Какой сыр-боръ загорѣлся въ австрійскомъ парламентѣ изъ-за указа о языкахъ; въ Вѣнѣ происходятъ беспорядки, въ Прагѣ вводится военное положеніе, парламентъ закрывается изъ-за предложенія ввести обученіе на словенскомъ языкѣ въ начальныхъ школахъ Штиріи; гадаетъ министерство Виядигреца въ 1843 году. Изъ-за открытія итальянскаго университета происходятъ уличныя схватки. Австрія превращается въ какой-то котелъ кипѣнія національныхъ паровъ. Подобно международнымъ войнамъ, національныя войны внутри государства принимаютъ культурный характеръ борьбы, тамъ онѣ ведутся во имя абстрактной европейской культуры, тутъ во имя конкретной національной культуры. Защита національной культуры становится національной идеей. Такъ нѣмцы во имя нѣмецкой культуры, то бишь нѣмецкой національной идеи, ведутъ политику онѣмеченія славянъ; такъ славяне въ тѣхъ областяхъ Австріи, гдѣ они составляютъ компактное большинство, во имя Slaventhum, во имя славянской національной идеи, ведутъ политику славянозироваія, такъ во главу угла ставится національный духъ, такъ культивируются идеи пангерманизма, панславизма, панполонизма. Возникаетъ идея призванныхъ національностей; возникаетъ система такъ называемой исторической миссіи; польскій мессіаниззмъ, русское славянофильство, нѣмецкое „Deutschland, Deutschland über alles“. „Единъ Аллахъ, а я его пророкъ“ — говоритъ господствующая національность. „Nichts ist über mir“ — говоритъ она словами Штирнера.

Но національная идея—это скрытая энергія буржуазіи, національный духъ—это только внѣшній плащъ. Теорія расовой борьбы потеряла въ наукѣ всякій кредитъ. Современная соціологія от-

крыла новые философскіе камни познанія законовъ. Этотъ философскій камень—матеріалистическое пониманіе исторіи.

Не столкновение національныхъ идей порождаетъ національную борьбу, а столкновение національныхъ матерій, если можно такъ выразиться. Это мы видѣли раньше, когда говорили о національно-государственныхъ войнахъ, то же и въ національныхъ войнахъ внутри государства.

Господствующая нація борется за экономическую гегемонію, экономическая гегемонія влечетъ за собой политическую гегемонію. Цѣль господствующей націи—монополизировать внутренній рынокъ, средства—политическое верховенство въ законодательной власти. За монополизацией насыщеннаго внутренняго рынка слѣдуетъ монополія на внѣшнемъ рынкѣ. Чѣмъ однороднѣе составъ населенія, тѣмъ большимъ вліяніемъ пользуется господствующая нація на внѣшнемъ рынкѣ, тѣмъ усильнѣе она борется со своими конкуррентами. Поэтому буржуазія господствующей націи стремится къ раствору всѣхъ составнымъ національныхъ частей, къ нивелированію всѣхъ культурныхъ особенностей.

Национальная борьба принимаетъ характеръ политической борьбы. Чего требуетъ рынокъ? Свободы обмѣна. Противъ чего возстаетъ рынокъ? Противъ таможенныхъ заставъ. Таможенными заставами въ многонаціональномъ государствѣ является языкъ. Обиліе языковъ препятствуетъ монополіи рынка господствующей національностью, борьба за монополію рынка принимаетъ характеръ борьбы за нивелированіе языковъ. Широкій рынокъ требуетъ широкаго распространенія языка, такъ возникаетъ борьба за монополію языка и культуры. Борьба за монополію языка и культуры есть борьба за монополію рынка, борьба за монополію рынка представляется національной борьбой, національная борьба является въ дѣйствительности только борьбой буржуазіи. Не національность борется за рынки, за нихъ борется только буржуазія, не національность выигрываетъ отъ борьбы за рынки, отъ нихъ выигрываетъ только буржуазія. Вотъ подноготная національной борьбы, вотъ ея субстанція. Эта субстанція сама себя выдаетъ, она рельефно обрисовываетъ контуры, она ясно обнаруживаетъ рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе, противорѣчіе *sine qua* поп національной борьбы. Эта борьба ведется подъ двумя флагами; съ одной стороны, подъ флагомъ освобожденія, съ другой—подъ флагомъ угнетенія; флаги то и дѣло мѣняются мѣстами. Такъ, мадьяре борются противъ Австріи за свободу Венгріи, у себя дома они угнетаютъ сербовъ, кроатовъ, румынъ; поляки, борющіеся за свободу въ русской Польшѣ и прусской Познани, ведутъ политику угнетателей въ Галиціи, тамъ, гдѣ они господствуютъ. Такъ, два діаметрально противоположныхъ теченія, борьба за національное освобожденіе и борьба противъ національнаго освобожденія, совершается въ плоскости одной и

той же націи во имя одной и той же національной идеи, во имя націонализма.

Da ist der Hund begraben.

Утопистъ-метафизикъ, мыслящій по формулѣ да—нѣтъ, для котораго вещь или существуетъ, или не существуетъ, но никогда не можетъ представлять самое себя и другую вещь, просто и прямолинейно рѣшаетъ вопросъ. Национализмъ нѣмцевъ, скажетъ онъ, реакціоненъ, национализмъ мадьяръ прогрессивенъ. Абстрагируя явленіе отъ опыта, метафизикъ санкціонируетъ націонализмъ угнетателей, какъ преходящій, временный, национализмъ угнетенныхъ, какъ вѣчную категорію, неизбежную, независимую ни отъ времени, ни отъ пространства.

Марксистъ-діалектикъ, мыслящій по формулѣ да—нѣтъ—да, для котораго вещь одновременно существуетъ и не существуетъ, иначе смотритъ на этотъ вопросъ. Марксистъ мыслитъ по ту сторону добра и зла: въ национализмъ національностей, борющихся за освобожденіе, онъ по другую сторону видитъ націонализмъ угнетателей, и наоборотъ—

Въ вихрѣ движенія, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь.
Жизнь и движенье—вѣчное море,
Смерть и рожденіе въ вѣчномъ просторѣ.

Национализмъ угнетенной національности и национализмъ угнетающей—это двѣ стороны одного и того же процесса, борьбы буржуазіи за экономическую и политическую гегемонію.

Когда капитализмъ начинаетъ свой процессъ развитія, буржуазія срываетъ внутренніе таможенные столбы; она очищаетъ свободное поле для внутренняго рынка, отъ внѣшняго рынка она защищается покровительственными пошлинами; когда онъ достигаетъ высшей ступени развитія, буржуазія рѣзываетъ внѣшніе столбы въ видѣ покровительственныхъ пошлинъ, она провозглашаетъ свободу торговли. Капитализмъ начинаетъ дни своего восхода, его путь освѣщаетъ протекціонизмъ; капитализмъ въ зенитѣ—его освѣщаетъ свобода торговли. Если въ Германіи, несмотря на развитой капитализмъ, еще проводится протекціонистская политика, то это показываетъ только, что аграріи и юнкеры имѣютъ еще огромнѣйшее вліяніе въ германской политикѣ. Остатки феодализма и абсолютизма еще даютъ о себѣ знать въ Германіи. Тѣмъ болѣе въ Австріи; вѣдь конституція Австріи еще полна феодальнаго и абсолютистскаго мусора. „Новый центральный парламентъ,—говоритъ Каутскій,—основывался на избирательномъ правѣ, которое не только не было всеобщимъ, но даже не было равнымъ, такъ какъ воплѣвъ согласно феодальному образу сохранило еще сословныя избирательныя группы. Сперва

центральный парламентъ былъ только исполнительнымъ органомъ отдѣльныхъ ландтаговъ, которые избирали членовъ рейхсрата. Только въ 1873 году были введены прямыя выборы по отдѣльнымъ избирательнымъ округамъ. Австрія не стала не только демократическимъ, но даже и буржуазнымъ государствомъ¹⁾. И теперь на капиталистической канвѣ Австріи еще много феодальныхъ узоровъ; еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, та же куріальная система выборовъ, тотъ же бюрократизмъ. И этими феодальными соками питается національная борьба въ Австріи. „Мы видимъ,—говоритъ Каутскій,—въ отсталомъ характерѣ Австрійской имперіи, въ ея феодальныхъ и абсолютистскихъ развалинахъ главную причину того, что національныя стремленія разожгли такую несчастную и безумную рознь, и единственнымъ средствомъ, которое можетъ полжечь конецъ этой розни, по нашему мнѣнію, является уничтоженіе остатковъ феодализма и абсолютизма. Австрія еще до сихъ поръ не доросла до положенія современнаго единаго государства. Она въ сущности еще до сихъ поръ является конгломератомъ большихъ и малыхъ государствъ, объединенныхъ одной общей территоріей и связанныхъ между собой только исключительно династіей“²⁾.

Австрія уже становится современнымъ государствомъ, т. е. безпримѣсно буржуазнымъ, буржуазнымъ *pur sang*. Всеобщее избирательное право уже рѣшено въ принципѣ и въ Австріи, и въ Венгріи. Съ паденіемъ всѣхъ феодальныхъ пережитковъ падетъ и тотъ пережитокъ прошлаго, создавшій австрійскій національный вопросъ, именно національныя привилегіи, которыхъ нѣтъ въ бумажной конституціи, но которыя существуютъ тамъ при соотношеніи общественныхъ силъ.

Такъ, паденіе феодальныхъ пережитковъ послѣ междоусобной войны между сѣверными и южными штатами Америки привело къ освобожденію негровъ. Негрскій національный вопросъ былъ разрѣшенъ. Демократическая Австрія должна провозгласить свободу націи. 19-й параграфъ австрійской конституціи о равноправіи національностей не былъ проведенъ въ жизнь и лишній разъ доказалъ, что „конституція—не бумажка, а соотношеніе общественныхъ силъ“. Измѣнится удѣльный вѣсъ общественныхъ силъ, и національный вопросъ будетъ разрѣшенъ. А въ настоящее время мѣняется удѣльный вѣсъ общественныхъ силъ не только въ Австріи, но и во всей Европѣ, не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ.

Капиталъ свободенъ *an und für sich*. Онъ безжалостно вырываетъ всѣ межевые столбы, мѣшающіе его свободному развитію. Рвутся всѣ абсолютистскіе и феодальныя пережитки. Къ числу

1) „Національная борьба и государственное право Австріи“. Каутскій,

2) *Ibid.*

феодалныхъ пережитковъ принадлежитъ національное и религиозное угнетеніе. Религіозныя костры и пытки были сметены и повергнуты въ прахъ либерализмомъ. Національныя костры и пытки культурнаго содержанія и некультурной формы будутъ повергнуты въ прахъ либерализмомъ высшей степени, именно демократіей.

Новыя историческія силы активно вмѣшиваются въ міровую политику. Подъ аккомпаниментъ Россійской революціи заговорилъ пролетаріатъ всего міра, заговорилъ словомъ и дѣломъ. А буржуазный либерализмъ уже окончательно полинялъ, зрѣлый капитализмъ нуждается въ новой идеологіи. Принципъ *laissez faire, laissez passer* уже давно потерялъ у буржуазіи всякій кредитъ; его мѣсто заступаетъ буржуазное сотрудничество. Возникаетъ социаль-реформизмъ, социаль-либерализмъ, социаль-радикализмъ. Государство вмѣшивается въ рабочую политику; возникаетъ государственное страхование рабочихъ, развивается фабричное законодательство. За завоеваніями въ области социаль-экономической слѣдуютъ завоеванія въ области политической. Пролетаріатъ завоевываетъ въ Европѣ и Америкѣ, въ Австраліи и далекой Новой Зеландіи всеобщее избирательное право; прямое, равное и тайное во многихъ странахъ уже завоевано, въ другихъ является вопросомъ дня. Подъ давленіемъ рабочаго класса демократизируется культура, политика. Падаютъ клерикализмъ, падаютъ юнкерство. Доживаетъ свои послѣдніе дни международный жандармъ—русское самодержавіе. Величайшая историческая драма начала XX вѣка—Великая Россійская революція—возвѣщаетъ зарю новой жизни. На барабанный зовъ руссійскаго пролетаріата откликнулись пролетаріи всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ.

В. Инсаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Горе дяди Пито.

Разсказъ Октава Мирбо.

Переводъ съ французскаго О. Н. Черносивитовой.

I.

Дядя Пито собирался ѣхать пахать; онъ чистилъ лошадей на конюшнѣ, ворчалъ, сыпалъ проклятіями и отплевывался. Тусклый огонь фонаря съ роговыми стѣнками слабо освѣщаль досчатый потолокъ, сквозь трещины котораго висѣли растрепанные клочья сѣна; на грязныхъ стѣнахъ, забрызганныхъ жидкимъ навозомъ, двигались несообразно большія тѣни животныхъ. У входа въ конюшню появилась работница Луиза.

— Хозяинъ,—позвала она,—хозяинъ!

— Ну, что еще тамъ? — спросилъ дядя Пито, собирая веревочныя постромки и завязывая ихъ въ одинъ большой узелъ.—Что еще надо?

— Пожалуйте сами поскорѣе. Не знаю я, что съ Перепелкой сдѣлалось. Вовсе не хочетъ подыматься. Ужъ я ее въ задъ-то колочу башмаками, что есть силы, — не двигается. А пыхтитъ-то!.. пыхтитъ-то!.. Боже мой, какъ пыхтитъ!..

— Гм! Гм! Такъ ты говоришь, не хочетъ подыматься животное?

— Нѣтъ.

— Гм, гм!.. Ну подожди же...

Дядя Пито снялъ фонарь и пошелъ за работницей. На дворѣ едва брезжило утро, холодное и блѣдное, все окутанное ноябрьскимъ туманомъ, въ которомъ небо и земля сливаются вмѣстѣ, а дома и деревья то выступаютъ мутными силуэтами, то пропадаютъ въ густомъ, безцвѣтномъ воздухѣ,—словно погружаются въ небытіе. Во дворѣ фермы куры, уже разбуженныя пѣтухомъ, подбирали зерна въ навозѣ; около грязной лужи утки чистили свои перышки. Въ то время, какъ пастухъ со своимъ стадомъ удалялся, постепенно пропадая въ туманѣ, какъ призракъ, — изъ хлѣва

медленно и тяжело́вно выходили коровы, и, направляясь къ выгону одна за другой, терлись боками о стволъ орѣховаго дерева, съ голыхъ вѣтвей котораго дождемъ капала на землю ночная сырость.

Пито первый вошелъ въ открытую дверь и увидаль слѣдующую картину. Въ темной глубинѣ сарая, на ложѣ изъ грязныхъ папоротниковыхъ листьевъ лежала корова; отъ нея несло тепломъ, какъ отъ печки, и шелъ острый и сладкій запахъ навоза и молока. Ея громадные бѣлые бока вздувались и опадали подобно работающему кузнечному мѣху; ноги, испещренные рыжими пятнами, были запачканы уриномъ и зеленоватымъ коровьимъ навозомъ, а морда, лежавшая на грязной подстилкѣ, издавала звукъ свистящаго и короткаго дыханія. Пито передалъ фонарь Луизѣ, и, пока она свѣтила ему, наклонился, тщательно изслѣдуя корову; онъ ощупалъ ея члены своими большими синекрасными руками, раздвинулъ вѣки, за которыми показались глаза, добрые и безъ мысли, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ.

— Ну что, моя Перепелка,— обратился онъ ласково къ большому животному,— что моя красавица?.. Скажи, гдѣ болитъ, моя королева?.. Скажи же...

Онъ взявъ свеклу въ ясляхъ, разломилъ пополамъ и, понюхавъ, предложилъ поочередно оба куска коровѣ, которая отвернулась и оставалась попрежнему неподвижной.

— Охъ!.. охъ!..—пробормоталъ онъ.

Лицо его, напоминавшее глыбу земли, прикрытую фуражкой, вдругъ стало озабоченнымъ. Нѣсколько разъ принимался дядя Пито почесывать затылокъ и погрузился въ глубокое, тягостное раздумье, между тѣмъ какъ Луиза, покачивая крѣпкими боками, разсѣянно смотрѣла на пустое стойло и тяжелыя бревна сруба, ухидившія въ темный уголъ крыши. Бросивъ куски свеклы обратно въ ясли, онъ опустился въ навозъ на колѣни, приложился ухомъ къ груди коровы и закрылъ глаза, желая лучше сосредоточиться и слышать. Отвратительная крыса пробѣжала по косяку, подпиравшему рѣшетку яслей, и быстро шмыгнула въ расщелину глиняной стѣнки; куры наполнили стойло.

— Боже мой, какъ она хрипитъ!—воскликнулъ Пито, поднимаясь.—У ней въ легкомъ кипитъ и клокочетъ, словно новый сидръ въ боченкѣ... Да, заболѣло животное, сильно заболѣло!.. Боже милостивый!.. Да что же это съ ней, Луиза?

— Вамъ чего?

— Ступай-ка, принеси изъ хлѣбопекарни мѣшки изъ-подъ яблоковъ да старый парусинный чехоль съ повозки...

знаешь, онъ сейчасъ направо, около кадки... Господи, какъ она дышитъ!

Работница передала фонарь хозяину и вышла, постукивая деревянными башмаками.

Наморщивъ брови, въ сильномъ безпокойствѣ похаживалъ Пито вокругъ коровы, бока которой вздымались все чаще и сильнѣе.

Боязнь потерять ее, увидѣть ее скоро тутъ бездыханной съ окоченѣлыми членами, сжала тоской его сердце, и дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Такая прекрасная корова, лучшая изо всего стада! Вѣдь она давала ежедневно шестнадцать литровъ молока, а каждый годъ приносила по теленку, котораго онъ продавалъ за девяносто франковъ на ярмаркѣ въ Эшоффурѣ. И съ чего она заболѣла? По какому праву собиралась она теперь лишиться его вѣрной и чистой прибыли?

Развѣ плохо ходили за ней? Развѣ не было у ней всегда вдоволь свѣжей травы, моркови и свеклы? Ощупывая ей хребетъ, брюхо, подгрудокъ, вымя, поднимая опущенныя вѣки, Пито и самъ хорошенько не зналъ, сердиться ли ему на животное, или жалѣть его. Все же изъ боязни увеличить ея болѣзнь грубымъ обращеніемъ онъ говорилъ съ ней кротко, осыпалъ ласками.

— Ну же, моя Перепелочка? Ну, моя королева, птичка моя маленькая!..

Между тѣмъ какъ въ глубинѣ души онъ охотно назвалъ бы ее „грязной животиной“, хорошенько потрясъ бы ее за рога, напустилъ бы собакъ, которыя искушали бы ей всѣ поджилки.

Вошла Луиза съ мѣшками и чехломъ. Вдвоемъ они тщательно закутали корову тряпками, словно ребенка запеленали.

— Ну, вотъ, моя бѣдная Перепелочка!—говорилъ Пито.

На что Луиза всякій разъ отвѣчала:

— Вотъ, мой ангелъ, моя цыпочка, мой поросеночекъ... Вотъ такъ, моя Перепелочка!

II.

— Да замолчишь ли ты, дряной мальчишка!—кричала тетка Пито, которая, присѣвъ передъ большимъ котломъ и засучивъ по локоть рукава, разминала руками картошку и поливала ее отрубями и кислымъ молокомъ.

— Вотъ подожди ужю! Такъ нашлепаю! Я тебѣ покажу, какъ орать!

Но крики, которые неслись изъ маленькой плетеной люльки, помѣщавшейся тутъ же между двумя большими постелями, все продолжались, обрываясь по временамъ сильнымъ звукомъ, напоминавшимъ предсмертное хрипѣніе ребенка, котораго душатъ.

— Ахъ, проклятый мальчишка! Ишь, подлый, надрывается!—бранилась фермерша—Да замолчишь ли ты?

Передъ высокимъ каминомъ, почернѣвшимъ отъ сажи, сидѣла любимая собака хозяйки Рике; она пристально глядѣла на догоравшую вязанку хвосту; тутъ же, растянувшись на теплой золѣ, спали двѣ кошки.

Госпожа Пито подошла къ люлкѣ, въ которой продолжалъ плакать ребенокъ. Среди тряпокъ едва можно было разглядѣть его худенькое, блѣдное, сморщенное личико. Дряблая кожаца прикрывала глаза, и почти соединившіяся линіи вѣкъ казались сочившейся раной. Крики съ трудомъ вырывались изъ судорожно - сжатаго горла, а тѣльце конвульсивно сжималось подъ сѣрыми холщевыми пеленками.

— Когда же ты перестанешь пищать, злой мальчишка?—проговорила фермерша, наклоняясь надъ люлькой и взбивая весь промоченный тюфячекъ изъ мякины.—Ну, смотри же, спи теперь!—прибавила она, укладывая его обратно.—Если тебя слушать, такъ только и дѣла будетъ, что вѣкругъ тебя...

Она отошла отъ люльки, пристѣла опять передъ каминомъ и раздула погасавшій уже огонь. Собака встала и закружила по комнатѣ, обнюхивая полъ; разбуженныя кошки начали потягиваться и ползти на стулъ. Въ эту минуту вошелъ дядя Пито съ Луизой.

— Боюсь, что Перепелка заболѣла,—сказалъ онъ покачивая головой,—сильно заболѣла.

Фермерша, раздувавшая головешки, быстро обернулась:

— Что ты говоришь?.. Да что же случилось?..—спросила она, слегка поблѣднѣвъ.

— Я говорю, что Перепелка больна. Вотъ что я говорю!.. Сильно больна!..

— Да что же съ ней?

— Не знаю... Ее что-то въ легкихъ мучаетъ. Не ѣсть совсѣмъ и распухла!

— И какъ дышитъ!—прибавила Луиза.

— Что и говорить,—совсѣмъ больна!—закключилъ Пито, бросивъ съ отчаяньемъ свою фуражку на столъ.

Опечаленная, госпожа Пито молчала. Неожиданное извѣстіе о томъ, что ея прекрасная молочная Перепелка хрипѣла, распухла, перестала ѣсть и была „больна“, со-

всѣмъ ее обезкуражило. Однако, она скоро оправилась и принялась кричать на мужа, кидая ему злобные взгляды:

— Она распухла!.. она хрипитъ, а ты сидишь здѣсь, какъ сычъ, да затылокъ скребешь!.. Ты можетъ, болванъ, думаешь, что ветеринаровъ-то только къ собакамъ зовутъ!.. По-твоему, пускайдохнетъ скотина, меньше работы будетъ... Словно пень къ мѣсту приросъ... Да догадался ли ты хоть соломы свѣжей ей подостлатъ? Ахъ, Господи, Господи!

Ребенокъ опять принялся плакать, и подъ влияніемъ усилій маленькаго существа, отбивавшагося отъ страданій, скрипѣла колыбель. Его голосъ, то слабый и жалобный, то раздрающе-рѣзкій, то глухой и хриплый казался мучительно молилъ о помощи. Но ни отецъ, ни мать не слышали этихъ призывовъ, выражавшихся нечленораздѣльными звуками.. Оба продолжали ругаться. Госпожа Пито, расшвырвавъ, махала руками и кричала:

— Вѣдь ей не полегчаетъ отъ того, что ты тутъ сидишь, да, разинувъ ротъ, на меня глаза лучишь?

И, обращаясь къ работницѣ, она завопила еще сильнѣе:

— А все ты виновата, мерзкая тварь... Ты, небось, водила ее на пастбище въ орѣшникъ? Тамъ она и наѣлась дурной травы...

Тутъ, шлепнувшись на стулъ, она закрыла лицо фартухомъ и заплакала.

— Бѣдная моя Перепелка! отравили тебя! Охъ, охъ, охъ!

Ребенокъ задыхался въ припадкѣ кашля; казалось, что тѣлице его разрывается въ предсмертной икотѣ. Пито кинулъ взглядъ на скрипѣвшую люльку, изъ-за краевъ которой высовывались двѣ скрюченныя, худыя ручонки.

— Да это мальчишка такъ кричитъ? И съ чего это онъ?

— Да ни съ чего... Просто зубы... Бѣдная моя Перепелка, ухъ, ухъ!

— Ну, перестань, пойду за ветеринаромъ... Вѣдь она еще не подохла. Нечего заранѣе-то убиваться.

— Бѣдная моя Перепелка!.. Ужъ никогда мнѣ такой коровы не найти, никогда!.. Да замолчишь ли ты, проклятый поросенокъ!.. Ну, погоди, вотъ я тебя кнутомъ...

Но Луиза взяла ребенка, и, пока дядя Пито надѣвалъ свою куртку, она старалась кормить его густой, вонючей кашей; малютка отбивался, выплевывалъ все назадъ и хрипѣлъ.

III.

Докторъ Рагэнъ, тепло укрывшись мѣховою полостью, правилъ своимъ кабриолетомъ. Онъ старательно избѣгалъ глубокихъ колеи и большихъ камней, круглыя головки ко-

торыхъ тамъ и сямъ высывались по дорогѣ. Но, несмотря на осторожность доктора и кроткій нравъ его лошади, колеса все-таки нерѣдко упирались въ камни или проваливались въ ямы, и пролетка прыгала на рессорахъ, какъ судно на волнахъ. Моросилъ дождь. Высоко-высоко въ сѣромъ небѣ пролетали вороны; перепуганныя стаи дроздовъ, ютившихся на изгороди изъ остролиста и шиповника, окаймлявшей дорогу съ обѣихъ сторонъ, поднимались и садились на вѣтви сосѣднихъ яблонь.

— Здравствуйте, господинъ Рагэнъ,—сказалъ плотный человекъ, который, перешагнувъ проломъ изгороди, появился вдругъ на проселочной дорогѣ. На немъ была очень короткая куртка, грязные панталоны и стоптанные, покрытые грязью сапоги.

Докторъ остановилъ лошадь.

— А, господинъ Торель!—сказалъ онъ.—Здравствуйте, господинъ Торель! Раненько же вы гуляете по деревнѣ.

Господинъ Торель съ минуту отдувался, потомъ снялъ сѣрый шерстяной шарфъ, которымъ была обмотана его шея, и отвѣчалъ:

— Да, приходится, господинъ Рагэнъ... Въ Эпинъ у меня годовалая телка больна сапомъ; оттуда я пробираюсь теперь полями къ дядѣ Пито; у него корова захворала воспаленіемъ легкихъ, вотъ уже четыре дня лечу. Сейчасъ много скотины болѣетъ этой болѣзью.

— А я тоже вѣдь ѣду къ дядѣ Пито.

— Да, какъ же знаю... къ его ребенку. Это я указалъ ему послать за вами. А ребенокъ-то его плохъ... Но ѣзжайте, я не задерживаю васъ, господинъ Рагэнъ.

— Поѣдьте вмѣстѣ, господинъ Торель, подсаживайтесь...

— У меня сапоги очень ужъ грязны, господинъ Рагэнъ.

— Что за пустяки, господинъ Торель.

— Въ такомъ случаѣ съ удовольствіемъ, господинъ Рагэнъ,

На поворотѣ показался мужикъ, быстро шагавшій по дорогѣ.

— Смотрите! Да это дядя Пито!—воскликнулъ господинъ Торель, соскочившій одной ногой на подножку кабриолета.—Эй! дядя Пито!.. Здравствуйте, дяди Пито!..

— Доброе утро и вамъ, господинъ Торель съ компаніей,—почтительно кланяясь, сказалъ фермеръ.

— Ну какъ дѣла? Что коровка? — спросилъ ветеринаръ.

— Спасибо за вниманіе, господинъ Торель... Только она

нынче утромъ подохла!.. Только успѣлъ новую доску въ боченокъ вставить... а тутъ она и подохни!.. Я было къ вамъ шель, хотѣлъ просить не беспокоиться... Ничего не подѣлаешь, околѣла!

У него вырвался жестъ досады.

— И не везетъ мнѣ! Три года тому назадъ, позволѣте доложить вамъ, я потерялъ двухъ жеребятъ и телку!.. Въ прошломъ году подохла жеребая кобыла... Нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ куры перевелись и почему? Богъ ихъ знаетъ; наконецъ, теперь такая прекрасная корова околѣваетъ!.. Гдѣ же онъ, Господь Богъ, господинъ Торель? Право, думается, что нѣтъ его, а только одна злая судьба надъ нами!.. Право, такъ это и не выходитъ у меня изъ мыслей—злая судьба!

Пито топалъ ногой и хватался за волосы.

— А ужъ сколько денегъ на всемъ этомъ пропало, сколько денегъ!.. Къ тому же хлѣбъ весь остался на рукахъ, яблоки почти что непочемъ нынче. Послѣ засухи скотина совсѣмъ отошала... Плакали наши денежки... Боже мой, Боже мой! И кто жъ это намъ такую судьбу посылаетъ?

— А какъ ребенокъ?—спросилъ господинъ Рагэнъ.

Дядя Пито взглянулъ удивленно на доктора, какъ бы не соображая сразу, о чемъ его спрашиваютъ.

— Вы о чемъ изволите?—переспросилъ онъ.

— Какъ здоровье ребенка, къ которому я ѣду? Что съ нимъ?

— А это вы про нашего мальчишку хотѣли узнать?

— Ну да же.

— Такъ бы и сказали. Онъ тоже померъ...

* * *

I.

Я видѣлъ, какъ отецъ благословляетъ дочь.
Куда? Должно быть, на вѣнчанье?
Она изъ гнѣздышка уходитъ, вѣрно, прочь,
И я засталъ послѣднее прощанье.
Нѣтъ! Я ошибся, и не потому
Такъ распростерты старческія руки:
Онъ отпускаетъ дочь свою въ тюрьму.
Вотъ отчего предъ ужасомъ разлуки
Не мотутился вдохновенный взоръ,
И старые, горячіе глаза
Молчатъ про муки и позоръ,
А крупная, прозрачная слеза
Сверкаетъ гнѣвомъ просвѣтленнымъ
И говоритъ, что въ мірѣ обновленномъ
Готовится послѣдняя гроза!

II.

Я видѣлъ юношу. Онъ шель
Походкою увѣренной и твердой.
И о безмѣрной радости прочелъ
Я на челѣ возвышенномъ и гордомъ.
И ни слѣда могильныхъ, мрачныхъ думъ,
И ни слѣда печали иль страданья.
Душа прозрачна, ясенъ умъ.
Онъ шель, должно быть, на свиданье?
Но я ошибся—онъ на казнь идетъ,
И на кладбищѣ ужъ готово мѣсто.
Петля готова и палачъ ужъ ждетъ,
И смерть сама—она его невѣста.
Вотъ отчего по юному лицу
Прекрасное сіяніе разлито!
О чемъ рыдать безстрашному борцу?
Борьба идетъ къ желанному концу,
И въ каждой смерти месть сокрыта!

Семень Омскій.

О теоретических основах муниципализации земли.

I. Буржуазные проекты муниципализации и аграрный ревизионизмъ.

1.

Муниципализация земли не числится пунктомъ аграрной программы западно-европейскаго пролетаріата ¹⁾. Среди социалистовъ-утопистовъ буржуазнаго общества насчитывается случай своеобразной муниципализации, придуманной англійскимъ утопистомъ Томасомъ Спенсомъ. Приведенный въ отчаяніе безправіемъ англійскаго пролетаріата и закабаленностью народныхъ массъ англійскому лорду, Томасъ Спенсъ рѣшилъ сбросить иго лэндлордизма и передать землю въ распоряженіе общины (англійскаго прихода). Планъ Спенса оказался утопией, и когда иго лэндлордизма было свергнуто, а крупные и мелкіе собственники получили доступъ къ избирательнымъ урнамъ, англійская буржуазія не захотѣла всеобщаго благоденствія по рецепту Спенса. Это не помѣшало, конечно, другимъ утопистамъ время отъ времени возвращаться къ проектамъ земельного устройства по типу муниципализации. И любопытно, что особенно много прожектёрскаго звука обнаруживаетъ на этомъ поприщѣ нѣмецкій бюргеръ.

Дѣло въ томъ, что въ Германіи и до сей поры очень даютъ себя чувствовать пережитки феодализма. Мѣстное самоуправленіе живетъ тамъ подъ присмотромъ полиціи. Демократизация самоуправления—умѣренная, разумѣется,—считается необходимой во всѣхъ политическихъ фракціяхъ нѣмецкой буржуазіи. Нѣмецкій аграрій надобѣль бюргеру не менѣе, чѣмъ лордъ англійскому мѣщанству XVIII вѣка. Стараясь сбросить съ себя и отечественной индустріи жадную лапу аграрія, бюргеръ въ своихъ мечтахъ о будущемъ выходитъ иногда изъ пре-

¹⁾ Въ программѣ Бельгійской рабочей партіи наряду съ муниципализацией земли стоитъ націонализация земли.

дѣловъ благоразумія. И тогда являются мятежные планы „коренной реформы“. Безъ помощи пролетарія въ борьбѣ за „реформу“ не обойтись. И вотъ, чтобы соблазнить четвертое сословіе, нашъ реформаторъ старается доказать ему всю неотложность своихъ плановъ. Въ защитѣ муниципализаціи фигурируетъ и „любовь горожанъ къ „капустѣ, посаженной въ своемъ садикѣ“, и примиреніе индивидуализма съ социализмомъ, и средство противъ всеобщаго обнищанія,—словомъ, весь аппаратъ нищенски скромной аргументаціи, которымъ оперируетъ обычно мѣщанинъ, убажывая меньшого брата ¹⁾. |

Самъ по себѣ капитализмъ въ глазахъ буржуазнаго реформатора не ищетъ, разумѣется, ничего отталкивающего. Правда, онъ сопровождается развитіемъ соціальной нищеты и науперизма. Но капитализмъ здѣсь не! при чемъ. Накопленіе капиталистическаго богатства на ряду съ ростомъ нищеты происходитъ отъ недостатка потребленія. Итакъ, средство для того, чтобы обезвредить капитализмъ, найдено. „Если бы люди могли купить то, въ чемъ нуждаются, перепроизводство исчезло бы въ мгновеніе ока“. Но какъ установить контроль надъ производствомъ, поставить его въ соотвѣтствіе съ ростомъ потребностей? Неужели для того, чтобы установить контроль, придется увѣрять въ „марксистскій коммунизмъ“? Буржуазный реформаторъ не прочь установить этотъ контроль, котораго требуетъ „марксистскій коммунизмъ“, но только въ сельскомъ хозяйствѣ, а не въ индустріи и при томъ контроль не надъ производствомъ, а надъ формами земельной собственности. И капитализмъ, и коммунизмъ не удовлетворяютъ сторонника аграрной реформы. Слабая сторона капитализма въ томъ, что онъ одинаково распространяетъ свою деспотію и въ селѣ, и въ городѣ. Коммунизмъ же грѣшитъ тѣмъ, „что стремится разсматривать все общественное производство съ той точки зрѣнія, которая примѣнима только къ земледѣлію“. Чтобы устранить недочеты капиталистическаго хозяйства, „необходимъ контроль общины надъ землей и ея богатствами“....

Такъ какъ „марксистскій коммунизмъ“ обосновываетъ свою программу научными данными, то буржуазные глашатаи аграрной реформы выступаютъ во всеоружіи научнаго метода, конечно, во вкусѣ чисто-буржуазномъ. Они насчитываютъ три фактора производства: капиталъ, трудъ и землю. Капиталъ, по ихъ разумѣнію, „есть накопленный трудъ, долженствующій облегчить новую работу“. И посему противъ капитала ничего возразить нельзя: онъ облегчаетъ трудъ общества. Трудъ есть также весьма почтенная категорія общественнаго производства. Остается, слѣ-

¹⁾ См. А. Damaschke. „Bodenreform“. Berlin. 1902. Русск. переводъ— „Земельная реформа“, изд. О. Н. Поповой и „Трибуны“.

довательно, земля или, вѣрнѣе, земельная собственность. Она-то и есть источникъ всего зла. „Куда дѣвался весь прогрессъ культуры? — негодуешь буржуазный реформаторъ. — Онъ захваченъ третьимъ факторомъ—земельной рентой“. Вырвать прогрессъ культуры изъ жадныхъ рукъ владѣльцевъ земли и составляетъ задачу „аграрной реформы“.

Развитіе капиталистическаго хозяйства въ индустріи не возбуждаетъ сомнѣній среди жрецовъ буржуазной науки. Съ паденіемъ мелкаго производства въ индустріи и пролетаризаціей городского населенія она мирится, какъ съ фактомомъ и необходимымъ условіемъ капитализма. Для устраненія всѣхъ золъ городской индустріи, выпадающихъ на долю городского производителя, единственной вѣрной мѣрой является муниципализація земли. Безъ этой реформы всякія начинанія безсильны. Вѣдь даже въ опредѣленіи размѣровъ заработной платы, этого главнѣйшаго источника жизни рѣбѣ, роль господа и возврата судебъ пролетаріата играетъ собственникъ земли. И даже тогда, когда повышается заработная плата, возвышеніе арендной и квартирной платы сѣдуетъ и поглощаетъ всѣ завоеванія, которыя дѣлаетъ рабочій для улучшенія своей участи. „Горожанинъ требуетъ земли, жаждетъ ея. Посвятить капусту въ своемъ садикѣ—развѣ объ этомъ не мечтаетъ большинство городскихъ жителей?“, спрашиваетъ съ пафосомъ сторонникъ земельной реформы. И вотъ, чтобы удовлетворить эту жажду имѣть капусту въ своемъ огородѣ, предлагается муниципализація земли, которая призвана уничтожить все зло капитализма, оставивъ, разумеется, въ полной сохранности капиталъ капиталисту.

Вліяніе пережитковъ феодализма въ городѣ чувствуется слабо и промышленный капиталъ съ успѣхомъ борется съ нимъ. Въ деревнѣ феодализмъ держится прочно. И потому сторонникъ буржуазной реформы заявляетъ: „Всякая социальная реформа въ городѣ будетъ призрачна до тѣхъ поръ, пока будутъ сохранены тѣ ненормальности и патологическія явленія, въ которыхъ находится земледѣліе... Условія жизни крестьянъ опредѣляютъ условія жизни горожанъ. И эти условія жизни крестьянъ станутъ „нормальными“ (для капиталистическаго хозяйства. М. О.) тогда, когда „будутъ выкинуты за бортъ старыя формы поземельнаго права“. Устраните эти старыя (феодалныя) формы права, и мелкое производство успѣшно будетъ отстаивать свое существованіе, ему придется приспособиться окончательно къ нуждамъ капитализма. А затѣмъ оно должно будетъ нести отвѣтственную службу, стать главнымъ оплотомъ противъ всеобщей пролетаризаціи, нависшей Дамокловымъ мечомъ надъ буржуазнымъ обществомъ.“

Изъ всего хозяйственнаго строя, цѣлаго ряда производственныхъ отношеній, обнимающихъ сложныя и простыя хозяйствен-

ные организмы, буржуазная реформа свои взоры обращает на простѣйшую хозяйственную форму—на крестьянское производство¹⁾. Въмѣсто изслѣдованія производственныхъ отношеній, буржуазный анализъ со всей кропотливостью мѣщанства ходитъ вокругъ да около этого пережитка феодальнаго общества. И все это для того, чтобы вдохнуть жизнь въ крестьянское хозяйство и тѣмъ доказать, что развитіе буржуазнаго общества происходитъ „не по Марксу“.)

Но какъ ни изощряется буржуазная критика „марксистскаго коммунизма“ въ поискахъ фактовъ, опровергающихъ прогнозъ Маркса о брѣнности капиталистическаго строя, она не осмѣливается переступить заветную черту, отдѣляющую теорію отъ практики. Она остается въ области чистой теоріи не потому, что „марксистскій коммунизмъ“ отличается „крайней непримиримостью именно въ теоретической части“, а потому, что примиреніе „антагонизма города и деревни“ буржуазный реформаторъ можетъ провести только въ теоріи. И какъ только нашъ реформаторъ отъ своего теоретическаго отрицанія частной собственности на землю переходитъ къ условіямъ „контроля общины надъ землей и ея богатствами“, оказывается, что его „свобода въ выборѣ труда“, т. е. свобода капиталистической эксплуатаціи, и земельная реформа въ видѣ муниципализаціи земли живетъ въ мирѣ и согласіи съ бюрократическимъ строемъ капиталистическаго государства²⁾. И если бы сторонники буржуазной реформы дерзнули наряду съ поправками къ ученію о ростѣ и концентраціи капитала предложить свои дополненія къ социаль-демократической программѣ, ихъ ждалъ бы суровый окрикъ „руки прочь“.

Но и чисто-теоретическая критика „марксистскаго комму-

1) Главный аргументъ защиты крестьянства пропитанъ чисто-буржуазной гуманностью и прямо свидѣтельствуетъ, что лежитъ въ корнѣ работъ капиталиста о крестьянствѣ: „развитіе промышленности зависитъ отъ степени организованности и способностей рабочаго населенія. Международная конкуренція невозможна съ рабочими, неразвитыми въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. А такъ какъ условія жизни крестьянъ опредѣляютъ въ концѣ концовъ жизнь горожанъ, то ясно, что вся экономическая жизнь страны сильно заинтересована въ томъ, какъ живетъ земледѣльцу“. Сверхъ того, „земледѣльческій классъ является источникомъ молодости всего народа“... говоря точнѣе—источникомъ рабочей силы капитала.

2) „Сырые продукты должны находиться подъ строгимъ контролемъ общины; это необходимо для того, чтобы содѣйствовать свободной эволюціи экономіи, чтобы предоставить каждому, кто хочетъ и можетъ работать, извлекать всю выгоду изъ производства, чтобы освободить такимъ образомъ трудъ“. Итакъ, нужно „освободить трудъ“. Это правило буржуазной реформы терпитъ большія исключенія: „копи, нефтяные источники, залежи угля—вотъ что еще можно эксплуатировать бюрократическимъ путемъ“. Очевидно, на сыромъ продуктѣ нѣмецкаго аграрія лежитъ та печать отверженности, которая пропадаетъ, когда этотъ продуктъ добывается въ рудникахъ и шахтахъ капиталиста.

низма“ буржуазныхъ реформаторовъ осталась не безъ результата. Сверхъ ожиданія, иные послѣдователи Маркса отличаются не столь крайней непримиримостью въ теоріи, какъ это казалось буржуазнымъ критикамъ Маркса.

Само собой разумѣется, что было бы слишкомъ много чести приписать буржуазнымъ реформаторамъ и ихъ „критикѣ Маркса“ причину „критицизма“ среди послѣдователей Маркса. На Западѣ муниципализація земли слишкомъ отдастъ буржуазнымъ реформаторствомъ и политическими вождельніями капитала, чтобы возбудить сочувствіе среди идеологовъ пролетаріата. Но не только въ сферѣ практики и программы, а и въ сферѣ чисто теоретической источникъ критицизма сторонниковъ Маркса значительно глубже, чѣмъ у буржуазныхъ реформаторовъ.

Марксистъ не можетъ удовлетвориться, подобно буржуазной критикѣ, простымъ констатированіемъ факта хозяйственного развитія и благополучнаго роста капитализма. Нарожденіе, а равно и смерть „опредѣленной формы хозяйства“ стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ строемъ общественнаго производства, со всей суммой производственныхъ отношеній, имѣющихся на лицо. Если мелкое хозяйство въ селѣ — какъ завѣряютъ буржуазные реформаторы — обнаруживаетъ всѣ признаки благоденствія, несмотря на развитіе классовыхъ противорѣчій, то гдѣ же причина „консерватизма“, спасающаго капитализмъ отъ гибели? Причина этого консерватизма была скоро найдена. Виновными оказались тѣ самыя производительныя силы, развитіе коихъ, по мнѣнію Маркса, и создаетъ необходимыя условія для смѣны производственныхъ отношеній, для наступленія момента, когда долженъ пробить послѣдній часъ буржуазнаго строя.

Слѣдствіе, которое предприняли критически настроенные ученики, чтобы обнаружить изъянъ въ методѣ Марксова анализа (въ ученіи о развитіи производительныхъ силъ), велось, конечно, въ духѣ Маркса. Благодаря этому, попыткамъ буржуазнаго анализа былъ приданъ законный видъ и толкъ. Ревизионисты придумали поправку къ закону о развитіи производительныхъ силъ въ обществѣ и поставили на научный пьедесталь ученіе о безсмертіи въ селѣ мелкой формы хозяйства.

Каждая изъ этихъ поправокъ находится въ коренномъ противорѣчій съ научнымъ обоснованіемъ аграрной программы рабочаго класса. И мы должны хотя бы вкратцѣ коснуться ревизионистской теоретизаціи въ области аграрнаго вопроса. Сдѣлать это необходимо уже потому, что западный ревизионизмъ находится въ прямомъ родствѣ съ русской теоріей сторонниковъ аграрной программы, именуемой муниципализаціей земли.

2.

Для марксиста эпоха капиталистическаго производства и буржуазный строй есть только необходимая стадія роста производительныхъ силъ, историческій періодъ производственныхъ отношеній. Ни развитіе производительныхъ силъ, ни строй производственныхъ отношеній не является для марксиста фетишемъ. Фетишь буржуазнаго сознанія—капиталь—въ марксистскомъ анализѣ теряетъ свою вещественную оболочку и представляетъ собой просто-на-просто извѣстную сумму орудій и средствъ производства, результатъ накопленія и роста производительныхъ силъ. Производственныя отношенія при свѣтѣ гениальныхъ работъ Маркса также теряютъ свой характеръ лабиринта, въ которомъ такъ легко запутывается идеологъ буржуазіи. Производственныя отношенія капитализма—это отношенія людей другъ къ другу, отношенія общественнаго свойства, гдѣ въ каждомъ случаѣ мы находимъ, по крайней мѣрѣ, представителей двухъ общественныхъ классовъ, капиталиста и пролетарія.

Въ силу этого, ростъ производительныхъ силъ и классовое расслоеніе общества составляютъ исходный пунктъ анализа всякаго явленія, которое подлежитъ изученію марксизма.

Начиная свой анализъ въ духѣ Маркса, ревизионизмъ исполненъ благихъ намѣреній и начинается съ начала всѣхъ началъ, съ роста производительныхъ силъ. Тутъ-то и оказывается, по заявленію ревизионистовъ, первый камень преткновенія. Оказывается, что развитіе производительныхъ силъ идетъ не во всѣхъ частяхъ одинаково. Приложеніе орудій и средствъ производства, которое идетъ безпрепятственно въ обрабатывающей промышленности (во всѣхъ отрасляхъ индустріи), наталкивается въ земледѣліи на непреодолимыя затрудненія. Развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ заключено въ извѣстныя границы, черезъ которыя капиталъ перешагнуть не можетъ. Эту границу образуетъ та ступень приложенія капитала, за которой начинается прямое паденіе производительности затратъ труда. И въ то время, какъ въ индустріи царство техники безпредѣльно, земледѣліе наталкивается на особый „законъ“, мѣшающій использовать всю силу техники, всю мощь производительныхъ силъ капитала. Законъ этотъ не терпитъ исключеній, и онъ всей тяжестью ложится на распространеніе капитализма въ земледѣліи. Этотъ „законъ паденія плодородія почвы“ составляетъ первое изобрѣтеніе ревизионистовъ, попытавшихся объяснить „консерватизмъ“ сельскаго хозяйства.

Уже въ самомъ началѣ „критическаго“ похода ревизионистамъ было указано, что ихъ дѣтище „законъ паденія плодородія почвы“ цѣликомъ заимствованъ у буржуазныхъ агрономовъ, что паденіе производительности при новыхъ затратахъ капитала встрѣчается

ряду съ земледѣлемъ и въ промышленности. Въ индустріи есть также свой предѣлъ приложенію капитала, свой законъ плодородія капитала. Уровень техники въ индустріи, какъ и въ земледѣліи, всегда и неизмѣнно повышается. Но прогрессъ техники обязателенъ для капиталистическаго предпріятія тогда лишь, когда измѣненіе технического строя такъ или иначе отзывается на ростѣ барышей капиталиста. И если прибыль капиталиста не окупитъ новой затраты капитала, капиталиста нисколько не смутитъ отсталость его хозяйства. Возможно, что развитіе техники въ земледѣліи отстаетъ отъ роста производительныхъ силъ въ индустріи. Но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что виновны въ этомъ земля и ея плодородіе. И не будетъ ли признаніе особаго „закона плодородія“ земли своего рода фетишизаціей силъ природы, фетишизаціей не менѣе нелѣпой, чѣмъ обожаніе капитала въ устахъ буржуа?

Никто не сдѣлалъ такъ много, какъ Марксъ, чтобы развѣнчать боговъ буржуазнаго сознанія. И не подлежитъ сомнѣнію, что сторонники „консерватизма“ и особыхъ „законовъ“ земледѣлія были бы легко выбиты изъ этой позиціи ревизионизма, если бы первый ложный шагъ не повелъ за собою другого, еще болѣе ложнаго. Исходя изъ „закона о паденіи плодородія“ и раздобывъ корень „консерватизма“ въ сельскомъ хозяйствѣ, ревизионисты безъ труда обрѣли ту форму производственныхъ отношеній, которая какъ нельзя лучше подходитъ къ консерватизму материализма. Фетишь въ видѣ „закона паденія плодородія почвы“ освободилъ фантазію ревизионистовъ отъ всякихъ узъ догмы, и вслѣдъ за измѣненіями въ ученіи о ростѣ производительныхъ силъ вошло въ моду новаторство въ ученіи о производственныхъ отношеніяхъ. Какъ и въ критикѣ метода Маркса (въ ученіи о ростѣ производственныхъ отношеній въ зависимости отъ роста производительныхъ силъ), въ своей измѣнѣ принципу классовой борьбы, ученію о классовомъ строеніи производственныхъ отношеній, ревизионисты смѣло слѣдовали за буржуазной наукой.

„Законъ паденія плодородія земли“ сдѣлался заповѣдью буржуазной агрономіи оттого, что она всякое производство понимаетъ, какъ производство прибыли. Озабоченный увеличеніемъ доходности земли, буржуазный экономистъ интересуется лишь внѣшними признаками современнаго хозяйства. Крестьянинъ ведетъ денежное хозяйство, крестьянинъ производитъ продуктъ на продажу, слѣдовательно, крестьянское хозяйство есть маленький уголокъ капиталистическаго производства. Сдѣлавъ такое допущеніе, буржуазный экономистъ принимается искать въ крестьянскомъ доходѣ тѣ части, безъ которыхъ капиталистическое хозяйство немислимо. И онъ безъ труда находитъ ихъ. Въ рукахъ крестьянина оказывается и заработная плата, и прибыль. Мелкое хозяйство дѣлается полноправнымъ гражданиномъ капиталистиче-

скаго міра. Весь строй крестьянскаго хозяйства выворачивается на изнанку. И мелкій производитель демонстрируется съ лучшей, казовой стороны.

Противно всѣмъ мрачнымъ предсказаніямъ „марксистскаго коммунизма“, крестьянинъ благоденствуетъ. Смѣшно говорить о вымираніи мелкаго хозяйства, когда съ точки зрѣнія роста производительныхъ силъ крестьянское хозяйство поставлено прямо въ идеальныя условія. Начать съ того, что поле крестьянина не знаетъ грознаго и неумолимаго закона паденія плодородія. Въ среднемъ крестьянину не приходится дѣлать новыхъ затратъ капитала. А первыя затраты съ лихвой окупаютъ крестьянскій трудъ и потъ. Затѣмъ и вся обстановка производства у крестьянина благоприятствуетъ [нормальнымъ] требованіямъ всякаго хозяйства. Здѣсь отсутствуютъ всѣ отрицательныя стороны капитализма и его главнаго института—наемнаго труда. Крестьянинъ въ хозяйствѣ [человѣкъ] [вольный], а вѣдь извѣстно, что никто себя не врагъ.

Но этого мало. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, если данное хозяйство ведется на своей землѣ, есть постоянный источникъ дохода—рента, которая остается въ кошелькѣ крестьянина-собственника. Въ силу этого, три части, на которыя распадается обычно общественный доходъ, заработная плата, прибыль и рента, цѣликомъ достаются крестьянину. Отсюда и получается особая устойчивость крестьянскаго хозяйства. Конечно, крестьянское хозяйство не есть конечный идеалъ общественнаго производства. Но оно все же приближается къ этому идеалу. И остается только закрѣпить эту хозяйственную форму новымъ ученіемъ о производственныхъ отношеніяхъ, какъ бы плохо ни мирился этотъ хозяйственный идеалъ съ ученіемъ Маркса о борьбѣ классовъ внутри буржуазнаго общества.

3.

До анализа Маркса идеаломъ для буржуазныхъ экономистовъ былъ капитализмъ вообще, независимо отъ его хозяйственныхъ формъ. Стремясь къ воплощенію своего идеала, буржуазный экономистъ находилъ капиталъ въ палкѣ первобытнаго дикаря, даже въ камнѣ, которымъ бьетъ свои орѣхи обезьяна. Послѣ Маркса такая стремительность въ поискахъ хозяйственнаго идеала была, конечно, немислима. Приходилось примѣнить узаконенныя Марксомъ основныя категоріи, строго соблюдая законъ о развитіи производственныхъ отношеній. Придерживаясь закона о производственныхъ отношеніяхъ, экономисту приходилось всякую форму хозяйства разсматривать въ связи со всѣмъ строемъ общественнаго производства. И какъ бы хороша ни была данная форма хозяйства, которую изслѣдователю угодно счесть идеальной, для

закрѣпленія этой идеальной формы необходимо было доказать еще и законмѣрность ея существованія въ настоящемъ и будущемъ, установить ея мѣсто въ производственныхъ отношеніяхъ капиталистическаго строя.

Для буржуа крестьянское хозяйство есть та соломинка, за которую должно ухватиться буржуазное общество въ процессѣ пролетаризаціи народныхъ массъ при растущемъ обостреніи противорѣчій труда и капитала. Для буржуа крестьянское хозяйство есть баловень капиталистическаго развитія, не знающій всѣхъ грозныхъ послѣдствій паденія плодородія земли и паденія прибыли на капиталъ. Для буржуа крестьянское хозяйство есть полноправный членъ капиталистическаго производства. Буржуа, будучи сторонникомъ крупнаго производства и прогресса культуры, дѣлаетъ для крестьянства исключеніе, какъ и для ремесленника въ городѣ. И причина такого пониманія вещей у буржуа понятна: капиталъ въ селѣ эксплуатируетъ мелкое хозяйство, выжимаетъ изъ крестьянина всѣ соки съ наименьшимъ успѣхомъ, чѣмъ и изъ ремесленника въ городѣ. Но то, что приличествуетъ буржуа, совсѣмъ не къ лицу марксисту. А, между тѣмъ, иные марксисты по методу своего анализа здѣсь, въ области производственныхъ отношеній, оказались еще болѣе буржуазны, чѣмъ въ своей критикѣ ученія Маркса о ростѣ производительныхъ силъ.

Какъ было сказано выше, критики Маркса изъ числа его учениковъ—нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли перейти въ разрядъ бывшихъ—увѣровали въ законъ паденія плодородія почвы. Безъ теоретической основы эта поправка къ Марксу, къ его ученію о ростѣ производительныхъ силъ, висѣла въ воздухѣ. Надлежало приладить ее къ строю общественнаго хозяйства и производственныхъ отношеній. И вотъ, чтобы раздобыть подходящую для этой цѣли форму производственныхъ отношеній, критики Маркса обратили свои взоры въ станъ буржуазной науки и нашли тамъ идеальную форму производства—крестьянское хозяйство. Но этой научной экскурсіи въ музей буржуазной науки, консервирующей всякія формы мелкаго хозяйства (и мелкую аренду въ селѣ, и парцеллу крестьянина - собственника, и потогонное ремесло, и мастерскую мелкаго хозяйчика) для обоснованія ревизионистской теоріи хозяйства было недостаточно. Въ ученіи Маркса всегда и неизмѣнно подчеркивалась связь производственныхъ отношеній и роста производительныхъ силъ. И разъ форма крестьянскаго хозяйства призвана замѣнить весь строй производительныхъ отношеній въ деревнѣ, предъ ревизионизмомъ вставалъ вопросъ: какова же роль формы крестьянскаго хозяйства въ развитіи производительныхъ силъ?

Ревизионизмъ, по примѣру буржуазной агрономіи, видитъ въ паденіи плодородія почвы извѣстный предѣлъ, препятствіе для роста производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Итакъ,

въ какомъ отношеніи этотъ законъ паденія плодородія (т. е. законъ паденія прибылей) находится къ крестьянскому хозяйству?

Въ прямомъ и непосредственномъ—отвѣчаетъ ревизионизмъ. Законъ паденія плодородія поражаетъ крупное хозяйство въ земледѣліи и щадитъ мелкое. Слѣдовательно, и развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи толкаетъ мелкое хозяйство на путь, отличный отъ городской индустріи. Въ силу этого, „нормальная“ форма хозяйства на землѣ—крестьянское хозяйство—выдѣляется изъ общаго строй производственныхъ отношеній капитализма. И въ зависимости отъ этого, вся картина развитія капитализма (начиная съ высшаго проявленія прогресса капиталистической техники-машины и кончая высшей формой производственныхъ отношеній труда и капитала—обостреніемъ классовой борьбы въ деревнѣ) совершенно измѣняется. Отсюда, помимо поправки къ ученію Маркса о ростѣ производительныхъ силъ въ видѣ закона паденія плодородія почвы вытекаетъ новая, еще болѣе важная, поправка къ доктринѣ его о производственныхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ ревизионизмъ выдѣляетъ крестьянское хозяйство, какъ счастливое исключеніе изъ „закона паденія плодородія“, предъ нимъ предстала новая задача. Пусть въ сферѣ стихійной, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ строеніе земной коры, ея поверхностнаго слоя—почвы, мелкое хозяйство въ деревнѣ имѣетъ свои преимущества передъ крупнымъ. Но гдѣ крестьянское хозяйство беретъ силы для борьбы съ нашествіемъ крупнаго, когда крупное выдвигаетъ сложный аппаратъ искусственнаго удобрения, своихъ машинъ, пара, электричества? Когда мелкое хозяйство города проходитъ чрезъ тиски капиталистическаго развитія, разложеніе его даетъ матеріалъ, которымъ питается крупное хозяйство. Въ борьбѣ двухъ основныхъ группъ капиталистическаго общества мелкій производитель либо самъ служитъ средствомъ капиталистической эксплуатаціи, либо живетъ крохами прибавочной цѣнности въ видѣ процента, прибыли и ренты. Въ чемъ же состоитъ этотъ консерватизмъ сельского хозяйства, который хранитъ подъ колпакомъ исключительныхъ, свойственныхъ одному земледѣлію, законовъ мелкое хозяйство крестьянина? Вѣдь допуская даже, что разложеніе общества и классовая борьба буржуазнаго періода пощадятъ мелкое хозяйство въ деревнѣ, нужно опредѣлить мѣсто его въ общественныхъ отношеніяхъ будущаго. Отношенія труда и капитала покрываютъ собой въ индустріи остатки производственныхъ формъ средневѣковья, ремесло и вообще мелкое хозяйство. Откуда же беретъ свое начало тепло и свѣтъ, охраняющіе, какъ въ теплицѣ, хилый строй крестьянскаго хозяйства?

Понимали ли „критики“ Маркса все значеніе ихъ новаго шага „отъ марксизма“,—вопросъ иной. Но они упорно уклонялись все больше и больше отъ доктрины научнаго социализма. Съ

упорством ренегатовъ они веди свою линію по пути въ царство социализма. Они не удовлетворились своимъ открытіемъ идеальной формы хозяйства, прямо заимствованной изъ буржуазнаго строя. И чтобы отрѣзать навсегда путь ортодоксальному анализу крестьянскаго хозяйства, они рѣшили выбросить за бортъ теорію ренты Маркса. Отказъ отъ теоріи ренты Маркса развязалъ имъ руки. Главная связь съ ученіемъ о производственныхъ отношеніяхъ всего капиталистическаго строя была порвана. И наряду съ поправкой къ методу Маркса („законъ паденія плодородія почвы“) явилось новое ученіе о формахъ хозяйства. Ревизионизму удалось, наконецъ, освободиться отъ „гнета“ марксовой „догмы“.

Естественное слѣдствіе нежеланія ревизионистовъ разсматривать крестьянское хозяйство на общемъ фонѣ производственныхъ отношеній капитализма не заставило себя долго ждать. Надъ изолированнымъ хозяйствомъ, внѣ конкретныхъ условій современной ему эпохи общественнаго производства, оперировать весьма легко. Каждую черту и мелкую деталь можно тогда безвозбранно возвести въ степень кореннаго фактора хозяйства. Новыхъ факторовъ легко избобрѣсти множество, была бы только охота. И всѣ формы мелкаго хозяйства будутъ равно хороши. Парцелла и мелкое землевладѣніе, капиталистическая аренда, аренда исполу—всѣ эти хозяйственные формы, лежащія въ разныхъ экономическихъ плоскостяхъ, сваливаются въ одну кучу. Если ревизионистъ—человѣкъ малоразборчивый, онъ одинаково благодушно одобряетъ и мелкую собственность, и мелкую аренду въ селѣ. Болѣе разборчивые считаютъ нормальной формой хозяйства только мелкую собственность. Третьи, наконецъ, цѣнятъ имѣющіяся налицо мелкія хозяйства только, какъ прототипъ идеальной формы будущаго. Но всѣ они—и въ этомъ общая черта всѣхъ ревизионистскихъ поправокъ къ аграрной теоріи Маркса—всѣ они горой стоятъ за изученіе не производственныхъ отношеній, а формы хозяйства въ селѣ. Правда, постановка на мѣсто производственныхъ отношеній—формы хозяйства (притомъ одной формы—мелкаго), есть искаженіе всей доктрины Маркса. И, право, вносить поправки куплено недешевой цѣной.

Буржуазная критика марксистскаго коммунизма хочетъ выбросить за бортъ отжившія формы поземельнаго права въ деревнѣ. Ученики критики выбрасываютъ за бортъ не только отжившія формы поземельнаго права, но и аграрную теорію Маркса, которая одна въ состояніи объяснить, что ждетъ эти отжившія формы права ¹⁾. Въ силу этого, самоновѣйшіе про-

¹⁾ Въ основѣ аграрной теоріи Маркса лежитъ ученіе объ абсолютной рентѣ. О значеніи его для пониманія „аграрнаго вопроса“ и обо-

дукты ревизионистской теории по качеству даже ниже буржуазной науки. Но ревизионистъ не унываетъ. Да здравствуетъ практика! Во славу ея нужно перекроить пролетарскую программу. И всѣмъ „ортодоксамъ“, всѣмъ стоящимъ за догму въ теории и практикѣ да будетъ вѣдомо, что и въ области метода (ученіе о ростѣ производительныхъ силъ), и въ области его практическаго приложенія (ученіе о производственныхъ отношеніяхъ) ревизионизмъ несетъ съ собой новое слово.

Новое слово хочетъ сказать и членъ праваго крыла германской социаль-демократіи Давидъ, и бывший марксистъ, нынѣ русскій глашатай христіанскаго социализма, г. Булгаковъ. Отстаивая законъ паденія плодородія почвы и опираясь на „консерватизмъ“ земледѣлія, они, несмотря на всѣ различія своей политической позиціи, сходятся въ желаніи передѣлать программу „марксистскаго коммунизма“. Во славу этой новой программы они подвергаютъ ревизіи и методъ Марксова анализа (ученіе о ростѣ производительныхъ силъ), и основу его доктрины (ученіе о развитіи производственныхъ отношеній). И какъ ни вздорна сама по себѣ эта критика, ей все же нельзя отказать въ послѣдовательности. Извѣрившись въ принципѣ роста производительныхъ силъ, облюбовавъ изъ сложной сѣти производственныхъ отношеній капитализма только одну форму хозяйства (крестьянское хозяйство), они стараются выжать изъ нея теоретическій матеріалъ, потребный для обоснованія программы.

Теоретическая подоплека такого ревизионизма ясна всякому. Въ этомъ, несомнѣнно, причина того, что практическаго успѣха такой ревизионизмъ не имѣлъ и имѣть не будетъ. И такой ревизионизмъ, выставляющій прямо напоказъ свое святая святыхъ, естественнѣй, чѣмъ тотъ видъ „критицизма“, который выступаетъ подъ флагомъ ортодоксальности и служить теоретической основой (страшно вымолвить!) недавно принятой у насъ программой...
 • муниципализаціи земли.

II. Экономическая теорія П. П. Маслова.

1.

О муниципализаціи земли у насъ сложилась уже своя истерія. Первый періодъ ея обнимаетъ проектъ программы о муниципализаціи и теоретическое обоснованіе проекта. Это то, что авторъ проекта называетъ „теоретическимъ предрѣшеніемъ вопроса“. Теоретическое предрѣшеніе старше самой программы. И это предрѣшеніе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что

своганія программы будетъ сказано ниже, гдѣ разсмотрѣна критика Маркса, порожденная его ортодоксальнымъ ученикомъ. авторомъ русскаго проекта о муниципализаціи земли.

раньше был только проект программы, предложенный Масловым, а теперь он стал программой партии. Рамки предпринятія гораздо шире самаго проекта. Муниципализация земли стоитъ въ связи съ особой теоріей хозяйственнаго развитія, изложенной въ работѣ Маслова „Аграрный вопросъ въ Россіи“. Желая обстоятельно рассмотреть теоретическія основы муниципализации, мы принуждены привлечь къ дѣлу основную работу автора проекта о муниципализации, его „Аграрный вопросъ въ Россіи“. И мы это дѣлаемъ съ тѣмъ большимъ правомъ, что заключеніе этой большой работы посвящено прямо защитѣ муниципализации.

Начало анализа, на которомъ держится идея муниципализации, самое что ни на есть ортодоксальное. „Только анализируя состояніе производительныхъ силъ населенія и ихъ развитіе,—говорится въ введеніи „Аграрнаго вопроса“,—можно въ связи съ нимъ наблюдать значеніе различныхъ сторонъ хозяйственной жизни“¹⁾.

Итакъ, развитіе производительныхъ силъ прежде и выше всего. Ученіе о развитіи производительныхъ силъ въ земледѣліи примѣнилъ впервые послѣ Маркса Каутскій. И Масловъ одобряетъ Каутскаго: „его (т. е. Каутскаго. М. О.) методъ изученія вопроса, заключающійся въ томъ, что разсматривается вліяніе всего хозяйственнаго строя на аграрныя отношенія, вполне правленъ и наученъ“. Слѣдовательно, и въ области ученія о производственныхъ отношеніяхъ все, повидимому, обстоитъ благополучно. Вся суть „аграрнаго вопроса“ поставлена также согласно „догмѣ“. „Крестьянское хозяйство находится въ плохомъ положеніи и должно найти выходъ. Въ чемъ же оно при совершающейся эволюціи найдетъ выходъ?“²⁾.

Казалось бы, разъ Масловъ признаетъ и принципъ роста производительныхъ силъ, и зависимость аграрныхъ отношеній отъ „всего хозяйственнаго строя“,—и слава Богу. Ростъ производительныхъ силъ и развитіе производственныхъ отношеній заключаютъ крестьянское хозяйство въ опредѣленные научныя рамки. И тутъ ужъ для ревизионизма, для его недовѣрія къ принципу роста производительныхъ силъ, для его излюбленнаго вліянія отъ производственныхъ отношеній въ сторону формы хозяйства, гдѣ воскресается и ученіе Рикардо, и ученіе Мальтуса,—словомъ, всѣмъ ревизионистскимъ настроеніямъ и стремленіямъ не будетъ мѣста. Увы! И ревизионизму Масловъ отдаетъ свою дань.

Отвѣшивая поклонъ по адресу догмы, Масловъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ большое тяготѣніе и къ ревизионизму.

1) П. Масловъ „Аграрный вопросъ въ Россіи“. П., 1906, стр. 3.

2) Тамъ же, стр. 9.

Марксъ установилъ связь между ростомъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. „Мы же,—заявляетъ Маслоу,—указываемъ на другую не менѣ важную связь производительныхъ силъ съ формой и съ типами хозяйства“.

Замѣна всего строя производственныхъ отношеній какой-либо формой хозяйства очень любезна сердцу какъ критиковъ изъ бывшихъ учениковъ Маркса, такъ и буржуазныхъ противниковъ Маркса. Но у Маслоу эта замѣна, повидимому, не грозитъ „догмѣ“ никакими неприятными сюрпризами. Ревизионисты разнаго рода, подставляя на мѣсто производственныхъ отношеній свою форму хозяйства, обычно изучаютъ ее внѣ всякой связи съ развитіемъ производительныхъ силъ. Между тѣмъ у Маслоу „развитіе производительныхъ силъ является... основной нитью“. И онъ силится все же установить связь роста производительныхъ силъ съ типомъ и формой хозяйства.

Конечно, сама по себѣ задача Маслоу, его попытка связать ростъ производительныхъ силъ и форму хозяйства принадлежитъ къ числу вполне благонамѣренныхъ. По существу своему она даже не нова, ибо подобными же благими намѣреніями вымощена уже отчасти дорога въ адъ ревизионизма. Примѣромъ ихъ можетъ служить хотя бы Вернеръ Зомбартъ. Въ „Современномъ капитализмѣ“ онъ ставитъ своей главной цѣлью изученіе „формъ хозяйства“. По долгу „критика“ Маркса, Зомбартъ очень подозрительно относится къ развитію производительныхъ силъ. Онъ подставляетъ форму хозяйства на мѣсто производственныхъ отношеній, преслѣдуя излюбленныя цѣли буржуазной критики—„замѣнить неорганическое, революціонное пониманіе Маркса органическимъ, эволюціоннымъ“. Но вѣдь на то онъ и Вернеръ Зомбартъ.

Схема Маслоу: производительныя силы—форма хозяйства¹⁾. также отличается своимъ эволюціоннымъ характеромъ. И въ этомъ, по Маслоу, даже состоитъ отличіе схемы: производительныя силы—форма хозяйства, отъ схемы Маркса: производительныя силы—производственные отношенія. Такимъ образомъ, сходство схемы Маслоу съ схемой Зомбарта сказывается даже на методѣ изслѣдованія. Какъ и Зомбартъ, Маслоу оперируетъ надъ данными не революціоннаго типа, а эволюціоннаго, гдѣ имѣется „постепенная смѣна“. Но намѣренія Маслоу, конечно, иного сорта. Вѣдь онъ всю-то реформу предпринялъ, чтобы „найти выходъ“ для крестьянскаго хозяйства. И ни для кого не тайна теперь, что этотъ выходъ не имѣетъ ничего общаго съ „эволюціей“.

Какъ бы то ни было, приходится признать, что сопоставленіе:

¹⁾ Точнѣе—соотношеніе между ростомъ производительныхъ силъ и развитіемъ формы хозяйства.

„развитіе производительныхъ силъ—смѣна формъ хозяйства“ въ буржуазно-ревізіонистской теоріи вещь, хорошо и всѣмъ извѣстная ¹⁾. Но это бы еще полбѣды. Вся бѣда въ томъ, что попытка установить связь между развитіемъ производительныхъ силъ и ростомъ формы хозяйства представляетъ собой одно сплошное недоразумѣніе. Связь эта не только не дополняетъ Маркса, его схемы (ростъ производительныхъ силъ—развитіе производственныхъ отношеній). Она не уживается со схемой Маркса, со всей теоріей научнаго социализма.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говоритъ намъ „важная связь“ состоянія производительныхъ силъ съ формой и типами хозяйства?.. Когда рѣчь идетъ о состояніи производительныхъ силъ, то мы всегда должны знать, о какомъ хозяйствѣ идетъ рѣчь, въ какомъ хозяйствѣ имѣются эти силы. Состояніе производительныхъ силъ внѣ каждаго даннаго случая есть чисто отвлеченное понятіе. И это отвлеченное понятіе (столь же отвлеченное, какъ, наприм., сумма міровой энергіи, сила тяготѣнія и проч.) облекается экономической матеріей только тогда, когда состояніе производительныхъ силъ опредѣляется названіемъ хозяйства, причемъ самое названіе хозяйства опредѣляетъ его строй, какъ часть всего общественнаго производства извѣстной эпохи ²⁾. Показателемъ роста производительныхъ силъ служатъ орудія и средства производства. Современный пулеметъ свидѣтельствуетъ о гигантскомъ

¹⁾ У Зомбарта развитіе капитализма складывается изъ хозяйства городского ремесла, зародышевой формы капиталистическаго хозяйства и развитой формы капиталистическаго хозяйства. Значеніе этой схемы Зомбарта состоитъ вотъ въ чемъ. „Специалистъ,—говоритъ Зомбартъ,—легко замѣтитъ сходство этой эволюціонной схемы съ Марксовой. Но онъ замѣтитъ также преимущества, которыя даетъ моя точка зрѣнія. Онъ увидитъ, надѣюсь, что мною сдѣлана попытка ввести въ теорію вмѣсто образнаго языка Маркса понятія безъ прикрасъ, и тѣмъ навсегда замѣнить неорганическое, революціонное пониманіе Маркса органическимъ, эволюціоннымъ“. Приведу извѣстную цитату изъ предисловія „Къ критикѣ“ Маркса о зависимости производственныхъ отношеній отъ развитія производительныхъ силъ, Масловъ продолжаетъ: „К. Марксъ формулировалъ взаимоотношенія развитія производительныхъ силъ и тѣхъ формъ (настроекъ), въ которыя укладываются экономическія отношенія. Мы же въ данномъ случаѣ указываемъ на другую не менѣе важную связь состоянія производительныхъ силъ съ формой и съ типами хозяйства. Последнія также „изъ формъ развитія производительныхъ силъ становятся ихъ оковами“, но тогда наступаетъ не кризисъ, а постепенная смѣна другими типами и формами хозяйства“. Зомбартъ хочетъ замѣнить революціонное пониманіе Маркса эволюціоннымъ. Задача Маслова проще, Масловъ хочетъ дополнить революціонное пониманіе Маркса ученіемъ о „постепенной смѣнѣ“.

²⁾ Производительныя силы растутъ и для всего общественнаго хозяйства, и въ рамкахъ каждой хозяйственной единицы. Но каждая хозяйственная единица такъ же мало характеризуетъ форму и типъ общественнаго хозяйства, какъ мало гиря вѣсомъ въ 1 фунтъ характеризуетъ силу тяготѣнія.

развитіи производительныхъ силъ, о которомъ не снилось владѣльцу бумеранга. Производительныя силы паровой ткацкой фабрики прямо колоссальны по сравненію съ ткацкой мастерской, которой владѣла жена Одиссея. Но было бы чистѣйшимъ фетишизмомъ видѣть въ пулеметѣ и ткацкой фабрикѣ признакъ, характеризующій форму даннаго хозяйства, а не всего общественнаго хозяйства. Мы смѣемся вмѣстѣ съ Марксомъ надъ наивною буржуазныхъ экономистовъ, увидѣвшихъ въ палкѣ дикаря капиталъ. Нелѣпо видѣть въ мертвомъ орудіи производства неизмѣнный и постоянный признакъ производственныхъ отношеній. Но еще большая нелѣпость—по состоянію производительныхъ силъ судить о формѣ или типѣ хозяйства.

Само собою разумѣется, что сумма извѣстныхъ средствъ и орудій производства имѣетъ громадное значеніе для даннаго хозяйства. Чѣмъ больше производительныхъ силъ въ распоряженіи хозяйства, тѣмъ больше и крѣпче хозяйство. Ростъ производительныхъ силъ вліяетъ на форму хозяйства, увеличиваетъ его размѣры. Увеличеніе по размѣрамъ—это единственный случай, когда ростъ производительныхъ силъ вліяетъ на форму и типъ хозяйства. Всѣ другія измѣненія суть измѣненія не формы хозяйства, а всего хозяйственнаго строя, производственныхъ отношеній общества.

Возьмемъ простѣйшій случай измѣненія типа хозяйства, когда вмѣсто удовлетворенія своихъ потребностей, хозяйство съ ростомъ производительныхъ силъ начинаетъ производить продукты, напр., на продажу. Измѣненіе типа хозяйства не подлежитъ сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и ростъ производительныхъ силъ. Но значить ли это, что измѣненіе типа хозяйства мы можемъ приписать росту производительныхъ силъ, именно, въ данномъ хозяйствѣ? Вѣдь для того, чтобы произошло измѣненіе типа хозяйства и оно изъ натурального стало товарнымъ, необходимо, чтобы ростъ производительныхъ силъ носилъ общественный характеръ. Необходимо, слѣдовательно, чтобы хозяйство вообще стало производить для обмѣна.

Въ обществѣнныхъ отношеній производства легко сочинить для „связи“ Маслова особую Робинзонаду и сказать: жилъ былъ Робинзонъ и сталъ онъ замѣчать, что производительныя силы въ его хозяйствѣ прибываютъ. Сдѣлавъ это важное наблюденіе, онъ сталъ измѣнять форму и типъ хозяйства. Во 1-хъ, онъ началъ вести обмѣнъ съ сосѣдями-дикарями, и при этомъ благополучно измѣнился типъ хозяйства. Когда производительныя силы въ хозяйствѣ разрослись (можетъ быть, оттого, что у его острова опять погибли соотечественники), онъ задумалъ измѣнить самую форму хозяйства. Прежде онъ работалъ одинъ съ Пятницей. Теперь онъ устроилъ у себя, по примѣрамъ капиталистовъ Европы, кооперацію и завелъ что-то въ родѣ мануфактуры. Дальше—

больше, и чѣмъ больше росли производительныя силы у Робинзона, тѣмъ все больше измѣнялся типъ и форма его хозяйства.

Въ сказкахъ о Робинзонѣ не возбраняется устанавливать какія угодно связи между состояніемъ производительныхъ силъ и смѣной формы или типа хозяйства. На островѣ Робинзона форма и типъ хозяйства стоятъ совершенно особнякомъ, за тысячи миль отъ всякихъ признаковъ общественнаго производства. Здѣсь ростъ производительныхъ силъ въ данномъ хозяйствѣ прямо вліяетъ на форму даннаго хозяйства. Попробуйте учесть въ хозяйствѣ Робинзона ростъ производительныхъ силъ, и вы найдете основную причину его: гибель корабля его соотечественниковъ, на которомъ оказались ружье, топоръ и пила, и блестящія побрякушки для мѣновой торговли Робинзона. По существу и этотъ важный факторъ—гибель корабля—носитъ чисто-мѣстный и временный характеръ. И если благодарное потомство не сохранитъ въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о счастливой находкѣ Робинзона, дальнѣйшее измѣненіе формъ хозяйства на островѣ Робинзона придется выводить уже не изъ гибели корабля, а изъ менѣ романтической исторіи. Эта сухая исторія есть развитіе производительныхъ силъ въ человѣческомъ обществѣ, ростъ производительныхъ силъ и развитіе производственныхъ отношеній.

Наука пользуется иногда признаками роста производительныхъ силъ для опредѣленія формы хозяйства. Различаютъ каменный вѣкъ, желѣзный и проч. По находкамъ оружія и всякихъ остатковъ первобытной культуры судятъ о кочевомъ, осѣдомомъ хозяйствѣ. Путемъ всякаго рода раскопокъ, изслѣдованій и проч. можно установить даже типъ хозяйства: натурального, мѣноваго и т. д. Но эти находки, во 1-хъ, неизмѣнно и всегда носятъ слѣды производственныхъ отношеній (частная собственность на одни орудія, общая на другія). Если же такихъ слѣдовъ производственныхъ отношеній не имѣется, то орудія и средства производства (ростъ производительныхъ силъ) указываютъ только, насколько данное племя (народъ) ушло отъ состоянія подчиненія стихійнымъ силамъ природы. И даже тогда, когда мы сталкиваемся съ жизнью народа, стоящаго на порогѣ между дикостью и первобытной культурой, важнѣе всего для насъ изучить не самую форму хозяйства (она можетъ быть чисто случайной и мѣстной), а строй общественнаго производства.

Если держаться строго ученія Маркса о производственныхъ отношеніяхъ, то форма и типъ хозяйства не заключаютъ въ себѣ ничего таинственнаго. Съ ростомъ производительныхъ силъ общества форма хозяйства можетъ значительно измѣниться. Вмѣсто производства продуктовъ для собственнаго потребленія, оно начинаетъ производить на продажу. Простое сотрудничество въ немъ можетъ замѣниться сложнымъ; ручной трудъ уступить мѣсто машинѣ и т. д. Но какъ ни глубоко всѣ такія измѣненія за-

дѣнута строй даннаго хозяйства, вліяніе ихъ приходится приписать росту производительныхъ силъ не въ данномъ хозяйствѣ, а во всемъ общественномъ производствѣ, какъ цѣломъ. Вся сила Марксовой доктрины въ томъ, именно, и заключается, что его анализъ строится въ строго монистическомъ духѣ. Ни одно явленіе жизни хозяйства,—все равно главное или второстепенное—не ускользаетъ отъ такого соціологическаго подсчета. Въ каждомъ данномъ случаѣ и для всей системы общественнаго хозяйства ученіе о развитіи производственныхъ отношеній дѣлаетъ строгій и точный учетъ всѣмъ теченіямъ хозяйственной жизни. И только, благодаря этому строгому монизму Марксовой доктрины, мы вѣримъ и знаемъ, что эволюція производственныхъ отношеній ведетъ къ грядущему торжеству социализма.

Этотъ принципъ монизма обязателенъ для марксиста, все равно идетъ ли дѣло объ освобожденіи всего человѣчества въ царствѣ социализма, или о „выходѣ“ для русскаго крестьянина, освобожденіи его отъ кабалы и гнета. Что же дѣлаетъ Маслоу, улавливая соотношеніе роста производительныхъ силъ и развитія формы хозяйства и предрѣшая своей теоріей условія освобожденія крестьянскаго хозяйства? Онъ отказывается отъ монизма Маркова анализа.

2.

Не удовольствовавшись изобрѣтенной имъ „важной связью“ между ростомъ производительныхъ силъ и формой хозяйства, Маслоу начинаетъ искать новыхъ факторовъ хозяйственной эволюціи. Онъ сразу находитъ цѣлыхъ два. Во 1-хъ, такимъ факторомъ оказывается „потребленіе“, затѣмъ „ростъ населенія“. Такимъ образомъ по инициативѣ Маслоу вызывается изъ гроба тѣнь буржуазной экономической науки, которая съ такой любовью учитываетъ и распредѣленіе продукта, и его потребленіе, и ростъ населенія, и которая столь близка по духу своему „критическимъ“ исканіямъ западнаго ревизионизма.

Потребленіе, распредѣленіе продукта и ростъ населенія,—все это излюбленныя темы, которыя преподносятся въ буржуазныхъ учебникахъ экономической науки подъ соотвѣтствующимъ соусомъ изъ „критики“ Маркса. Онѣ предназначены по преимуществу для замѣны „революціоннаго пониманія Маркса“—эволюціоннымъ, которое, конечно, болѣе къ лицу буржуазной наукѣ. Всѣ эти стороны хозяйства (потребленіе, распредѣленіе продукта и проч.), несмотря на пространныя схоластическія толкованія буржуазныхъ экономистовъ, не снимаютъ со счетовъ злободневной темы о процессѣ развитія не данной формы хозяйства, а всего общественнаго производства. И здѣсь-то,—все равно, путемъ эволюціи или революціи,—замѣна капитализма высшей формой производства

неизбѣжна. И Богъ вѣсть, какъ долго буржуазная схоластика бесплодно возилась бы съ потребленіемъ, распредѣленіемъ продукта, если бы за это дѣло не взялся русскій марксистъ Масловъ, изслѣдующій условія „постепенной смѣны хозяйственныхъ формъ“.

Установивъ свою „важную связь роста производительныхъ силъ и формы хозяйства“, Масловъ пишетъ свою схему съ начала и рассматриваетъ „распредѣленіе производительныхъ силъ общества подъ вліяніемъ развитія его производительныхъ силъ; отношеніе условій производства и потребленія“. Затѣмъ онъ пишетъ свою схему съ конца и изучаетъ „вліяніе условій потребленія продуктовъ на развитіе производительныхъ силъ; различныя схемы условія производительныхъ силъ подъ вліяніемъ условій потребленія“¹⁾.

Всѣ эти теоретическія упражненія Маслова, имѣющія цѣлью создать свою экономическую теорію, весьма любопытны. Рамки крестьянскаго хозяйства узки. На его горизонтѣ, въ прош-

¹⁾ П. Масловъ. „Аграрный вопросъ“, стр. 25, глава II. „Развитіе производительныхъ силъ, какъ факторъ хозяйственной эволюціи. 1. Направленіе хозяйственной дѣятельности въ сторону наименьшей затраты. Соотношеніе свободной воли и хозяйственной необходимости. 2. Распредѣленіе производительныхъ силъ общества подъ вліяніемъ развитія его производительныхъ силъ и т. д.“. Слѣдуетъ замѣтить, что Масловъ исполняетъ большую работу, доводитъ до конца задачу буржуазной политической экономіи. Всѣ эти Бемъ-Баверки и Зомбарты, изучая форму хозяйства, центръ тяжести вопроса переносятъ на неподдающіяся социологическому учету хозяйственныя цѣли, стремленія въ распредѣленіи, потребленіи продуктовъ хозяйства. Изъ всѣхъ сторонниковъ изученія хозяйственной психологіи лучше всего ставится вопросъ у Зомбарта, который все же не исключаетъ заранѣе принципа Маркса о вліяніи роста производительныхъ силъ на производственныя отношенія (см. о Зомбартѣ Мих. Оленовъ. „Такъ называемый кризисъ марксизма“. С. П. В. 1906, стр. 5—28). У Зомбарта развитіе производительныхъ силъ есть только одинъ изъ факторовъ общественной эволюціи. Главнымъ же фактомъ Зомбартъ считаетъ „принципы хозяйственной психологіи и цѣль хозяйства“. Какъ у Зомбарта, у Маслова фигурируетъ „стремленіе къ развитію производительныхъ силъ“, причѣмъ это стремленіе только спица въ колесѣ хозяйственной психологіи: „развитіе производительныхъ силъ является однимъ изъ частныхъ проявленій стремленія человѣка къ экономической энергіи“. Между тѣмъ, какъ по ученію Маркса, развитіе производительныхъ силъ суммируетъ и интегрируетъ всѣ теченія хозяйственной дѣятельности человѣка. Само собою разумѣется, что дуализмъ Маслова (стремленіе найти связь между ростомъ производительныхъ силъ и формой хозяйства, наряду со связью между ростомъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній) по происхожденію своему отличенъ отъ дуализма Зомбарта. Но въ результатѣ онъ даетъ не больше чѣмъ методъ Зомбарта. Зомбартъ, отказываясь отъ метода Маркса, не обѣщаетъ дать всчерпывающую теорію хозяйственнаго развитія: „для различныхъ эпохъ хозяйственной жизни,—заявляетъ онъ,—формулируются и разныя теоріи.“ И ничего, кромѣ разныхъ теорій для разныхъ надобностей, не можетъ дать и дуалистическій методъ Маслова, захотѣвшаго связать строй хозяйства (его ростъ, распредѣленіе, потребленіе продукта) съ формой и типомъ хозяйства.

ломъ—нужда и голодъ, въ настоящемъ—незавидное положеніе „свободнаго“ мелкаго собственника. Въ разнообразныхъ формахъ своего приспособленія къ капитализму мелкое хозяйство не устраняетъ, а въ лучшемъ случаѣ отсрочиваетъ свою гибель. И чѣмъ бѣднѣе инвентарь крестьянина, тѣмъ меньше для него средствъ спасенія. Главнымъ изъ нихъ является способность жить впроголодь. Поставьте эту выносливость въ голодухѣ въ рамки „теоріи“, и получится „вліяніе потребленія на ростъ производительныхъ силъ. Несмотря на ужасающую смертность крестьянскихъ дѣтей, населеніе русской деревни увеличивается. Свяжите этотъ ростъ населенія съ все растущимъ дробленіемъ крестьянскаго надѣла—и налицо новый „факторъ“, ростъ населенія, вліяющей на развитіе производительныхъ силъ. Теорій въ этомъ родѣ можно построить множество. И всѣ такія „теоріи“ будутъ страдать однимъ маленькимъ недочетомъ: каждая теорія будетъ толковать о будущемъ крестьянскаго хозяйства, а „выхода“ для него все не будетъ видно.

По словамъ Маркса, каждая эпоха общественнаго производства имѣетъ свой законъ народонаселенія. То же можно сказать о всѣхъ другихъ явленіяхъ хозяйственной жизни. Какъ опредѣленная стадія общественнаго производства, хозяйство русскаго крестьянина имѣетъ свои „законы“ потребленія, народонаселенія и т. д. Но всѣ эти „законы“ имѣютъ цѣнность только, какъ деталь и выводъ изъ общей теоріи. Голодъ русской деревни и смертность крестьянскихъ ребятешекъ протекаетъ по правиламъ. И если уже нужно открыть эти правила, если это содѣйствуетъ „выходу“ изъ рабства русскаго крестьянства, то для этого требуется найти основную теорію, мать всѣхъ прочихъ и вторичныхъ теорій.

Такой основной теоріей будетъ, конечно, теорія производственныхъ отношеній. Между тѣмъ Масловъ никакъ не можетъ разстаться со своей важной связью производительныхъ силъ и формы хозяйства. И такъ какъ эта „важная связь“ ничего, кромѣ законовъ потребленія и дать не можетъ, то въ концѣ концовъ его теоретизація оканчивается своего рода самоубійствомъ. Начавъ во здравіе Марксовой теоріи о развитіи производительныхъ силъ въ общественномъ производствѣ, Масловъ кончаетъ за ея упокой.

Мало того, что у Маслова, помимо роста производительныхъ силъ, въ теоріи дѣйствуетъ свой факторъ (потребленіе, ростъ населенія). И самый ростъ производительныхъ силъ въ концѣ концовъ берется Масловымъ подъ сомнѣніе. Масловъ недоволенъ ростомъ производительныхъ силъ въ земледѣліи. По мнѣнію Маслова, развитіе производительныхъ силъ въ индустріи и земледѣліи идетъ неодинаково, и между ними есть „различіе“. Въ земледѣліи „увеличеніе затраты капитала и труда дѣлаетъ трудъ менѣе производительнымъ“. „Это обусловливается особенностью земледѣлія, въ развитіи котораго до настоящаго времени мы мо-

жемъ констатировать фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда“. Итакъ, стоило Маслову приняться за развитіе своей теоріи—и призракъ ревизионизма съ его „исключительными“ законами тутъ какъ тутъ ¹⁾.

Точно понимая всю зыбкость почвы, куда переносится основа новой экономической теоріи, Масловъ всячески старается показать, что онъ не думаетъ здѣсь открывать новыхъ „законовъ“ ²⁾. Масловъ просто-напросто констатируетъ „фактъ“, отличающій земледѣліе отъ индустріи. „Фактъ“ этотъ есть знакомый уже намъ, открытый ревизионистами, фактъ паденія производительности силъ въ земледѣліи. И притомъ не только въ капиталистическомъ хозяйствѣ. „Фактъ паденія производительности затратъ,—оговаривается Масловъ,—имѣетъ мѣсто при всѣхъ формахъ хозяйства“. Если бы дѣло шло только о затратахъ капитала, тогда самый фактъ нашъ не печалилъ бы. Пусть капиталистъ считается съ этимъ паденіемъ производительности. Но разъ Масловъ признаетъ этотъ „фактъ“ при всякихъ затратахъ, то все принимаетъ дурной, чисто-ревизионистскій оборотъ. Маслову не хочется возвести этотъ фактъ въ степень „закона“. Это слишкомъ отдастъ ревизионизмомъ. Но если этотъ фактъ паденія производительности труда въ земледѣліи и притомъ въ отличіе отъ индустріи дѣйствительно существуетъ, то этотъ фактъ слѣдуетъ по всей справедливости считать закономъ: вѣдь, онъ встрѣчается, по мнѣнію Маслова, во всѣхъ формахъ общественнаго хозяйства.

Къ счастью для человѣчества, нѣтъ ни „закона“, ни „факта“ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда, какъ постояннаго и неизмѣннаго явленія. Въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, наблюдается фактъ паденія производительности затратъ

---

¹⁾ „Главное отличіе земледѣлія отъ индустріи заключается въ томъ что количество земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется не только количествомъ труда и капитала, приложенныхъ для производства продуктовъ, но и размѣромъ площади обрабатываемой земли, совокупностью естественныхъ условий, климата, почвы и проч. Между тѣмъ какъ въ индустріи увеличеніе количества производимыхъ продуктовъ достигается увеличеніемъ капитала, труда и площади обрабатываемой земли. Увеличеніе затраты капитала и труда безъ увеличенія площади земли дѣлаетъ трудъ менѣе производительнымъ. Это обуславливается особенностью земледѣлія, въ развитіи котораго до настоящаго времени мы можемъ констатировать фактъ паденія производительности, послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда“. П. Масловъ. „Аграрный вопросъ въ Россіи“. Глава IV стр. 61.

²⁾ Чтобы не очутиться въ обществѣ ревизионистовъ, Масловъ предусмотрительно указываетъ, что „фактъ“ паденія производительности затратъ труда и капитала не исключаетъ развитія производительности труда въ земледѣліи („Агр. вопр.“, стр. 72, 98) и не ведетъ неизбѣжно къ мальтузианству.

капитала. А для марксиста паденіе производительности затратъ капитала и паденіе производительности послѣдовательныхъ затратъ труда — это вещи разныя. Смѣшать ихъ — значитъ сдѣлать рѣшительный шагъ въ сторону ревизионизма. И вотъ почему.

Если бы точно производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ падала при увеличеніи затратъ его на землѣ, и притомъ въ отличіе отъ индустріи, то весь прогрессъ сельскаго хозяйства, всѣ приобрѣтенія современной земледѣльческой культуры пошли бы на смарку. Источникомъ всѣхъ производительныхъ силъ является земля, ея нѣдра и поверхность, получающая солнечную энергію. Правда, новыми затратами труда не всегда можно увеличить количество продукта, полученнаго съ даннаго участка земли. Но въ такомъ же положеніи находится и ткацкая фабрика, машиностроительный и сахарный заводы. Приложение техники и машины въ индустріи во много разъ увеличиваетъ количество продукта. Однако, и въ индустріи никто не строитъ фабричныхъ зданій до облаковъ, не нагромождаетъ безъ конца фабричныя зданія на данномъ участкѣ земли. Развитіе производительныхъ силъ въ индустріи сильно опередило прогрессъ техники въ сельскомъ хозяйствѣ. Но различіе здѣсь только количественное. И не нужно забывать, что ростомъ своей техники индустрія обязана, именно, деревнѣ. Благодаря росту производительныхъ силъ въ деревнѣ стали расти первые города, расцвѣла городская культура.

Какъ бы высоко ни стоялъ въ данный моментъ уровень техники, все равно въ индустріи или въ земледѣліи, приложение техники натолкнется на извѣстный предѣлъ. За нимъ начинается паденіе производительности затратъ труда. Это паденіе производительности является, такимъ образомъ, общей чертой для индустріи и земледѣлія и есть несомнѣнный „фактъ“. Но этотъ „фактъ“ не то, о чемъ горюетъ Масловъ, констатируя свой „фактъ“ паденія производительности капитала и труда.

По уровню техники въ той или иной отрасли можно судить о томъ, какія затраты слѣдуетъ сдѣлать, чтобы получить наибольшій эффектъ при использованіи средствъ и орудій производства. Но для того, чтобы средства и орудія производства были использованы по послѣднему слову техники, необходимо соблюсти еще одно условіе. Хозяйство должно производить свободно, не наталкиваясь ни на какія затрудненія, ничего общаго не имѣющія съ прогрессомъ техники. Необходимо, слѣдовательно, такое хозяйство, которое преслѣдуетъ одну цѣль: использовать вполне свои производительныя силы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ въ общественномъ производствѣ на первый планъ выдвинулась техника, такой свободы нѣтъ налицо. Прогрессъ и ростъ техники, созданный капиталистическимъ хозяйствомъ, не устраняетъ ни соціальныхъ оковъ, ни

классовых противоречий буржуазного общества. В капиталистическом хозяйстве и в селе, и в городе границей производства служит не уровень техники, а уровень прибыли. Капиталист производит обычно при условии, что новые затраты так же принесут свою прибыль. Если прибыль ниже известного предельного размера, применение средств и орудий производства для него невыгодно. Образуется особая граница приложения капитала, ничего общего не имеющая с границей, которую определяет рост производительных сил.

Вот эту-то границу, определяемую не ростом производительных сил общества, а размером прибыли капиталиста, Маслов и обозначил, как свой „факт“. И все равно, как ни назвать его, фактом ли, законом ли (как это делают ревизионисты—Давид, Булгаков), с ним связан другой факт, уготовленный ревизионистам всех отъёнков.

Опуская связь роста производительных сил и производственных отношений, ревизионизм нагромождает факты и законы, чтобы огородить себя от влияния „догмы“. В „закон“, падения плодородия Давид и другие усматривают главную причину, сохранившую мелкое хозяйство в деревне. Препятствия, которые ставят уровень прибыли капиталиста, они причисляют к стихийным силам природы. Закон падения плодородия у критиков Маркса обнимает всю сферу производственных отношений ¹⁾.

¹⁾ Маслов говорит все время о „факт“ и ставит закон уменьшающегося плодородия в кочычки (стр. 114). По его мнению, „общая производительность труда в земледелии может увеличиваться и действительно увеличивается, но различие между первыми и последующими затратами труда на ту же площадь остается“ (стр. 98). В „факт“ падения производительности затраты труда в земледелии Маслов видит главнейший фактор, ведущий земледелие к разсыянию, т. е. переходу от интенсивной системы хозяйства к экстенсивной), фактор, создающий земельную ренту и т. д. Видеть в „разсыянии“ хозяйства продукт факта уменьшающейся производительности труда в земледелии—значит вернуться к аграрной теории Рикардо. Рикардо считал, что „закон“ падения производительности затрат труда и капитала есть следствие разсыяния земледелия, перехода от лучших участков земли к худшим. Маслов видит в „факт“ падения производительности затрат причину, создающую разсыяние земледелия. Таким образом то, что у Рикардо является причиной, у Маслова фигурирует в качестве следствия. Несмотря на такую, видимо, прямо противоположную постановку вопроса о „факт“ и „закон“, теоретизация Маслова есть только русская копия доктрины Рикардо. Одно из двух: либо „факт“ Маслова вытекает из действия стихийных сил природы в сельском хозяйстве, и тогда он есть настоящий „закон“ природы, бесмертный и всемогущий, как стихия; или же факт Маслова есть частный случай приложения капитала на землю, и тогда земледелие имеет такое же сомнительное право на „исключительные“ законы, как и вообще вся добывающая промышленность (напр., горное дело, где также наблюдается разсыяние по площади). Маслов не разрешил этой простой дилеммы.

У Маслова путь, повидимому, иной. Масловъ не вѣрнѣе въ жизненныя силы мелкаго хозяйства. Масловъ былъ настолько остороженъ, что не рѣшился строить новаго закона и удовольствовался „фактомъ“. Но общей участи критиковъ Маркса ему избѣжать не удалось.

Такъ какъ у Маслова связь производительныхъ силъ и формы хозяйства разсматривается внѣ фона производительныхъ отношеній, онъ не могъ объяснить своего „факта“ исторически. Онъ перенесъ свой фактъ во все эпохи общественнаго производства. Въ силу этого, второстепенный признакъ капиталистическаго производства (производство при условіи заполученія средней прибыли) сталъ грозой на пути развитія производительныхъ силъ. Эта злополучная „поправка“ въ ученіи о ростѣ производительныхъ силъ повлекла за собой еще болѣе злополучную.

Вслѣдъ за пересмотромъ ученія о развитіи производительныхъ силъ, настала чередъ и производственныхъ отношеній. Опираясь на свой фактъ, Масловъ подвергъ громовой критикѣ всю аграрную теорію Маркса. И, какъ мы дальше увидимъ, критика эта окончилась очень печально для ...Маслова. Его исканія въ области метода („связь между состояніемъ производительныхъ силъ и формой хозяйства“) привели его къ факту. „Фактъ“ Маслова увлекъ его въ самую глубь критически-ревізюнистскаго болота. Онъ породилъ аграрную теорію Маслова, всецѣло построенную на „фактѣ“ (паденія производительности затратъ капитала въ земледѣліи) и на критикѣ Марксовой теоріи ренты.

III. Теорія ренты и аграрная программа.

1.

До Маркса не было настоящей и полной теоріи аграрнаго развитія. Аграрная теорія до Маркса охватывала обычно только извѣстную часть сельско-хозяйственныхъ явленій, извѣстный рядъ вопросовъ, интересующихъ даннаго экономиста. Больше всего занимало экономистовъ происхождение и развитіе земельной ренты. И каждый изъ нихъ старался на свой ладъ опредѣлить источникъ происхожденія и причину роста ренты. Тюрго (французскій эко-

Подобно Рикардо, онъ призналъ, что „фактъ“ составляетъ принадлежность земледѣлія въ отличіе отъ индустріи. Благодаря этому, онъ упустилъ изъ виду, что и въ индустріи наблюдается сплошь и рядомъ и паденіе производительности затратъ капитала и труда (паденіе прибыли), и разсѣяніе индустріи (переходъ отъ прядильной фабрики къ производству мелкихъ хозяйчиковъ, которыхъ эксплуатируетъ владѣлецъ той же фабрики). Неудивительно поэтому, что и далѣе, въ своей критикѣ Маркса, Масловъ не можетъ порвать заколдованнаго круга, имъ самимъ начерченнаго, никакъ не можетъ подвинуться далѣе черты, обозначенной „фактомъ“, отдѣляющей земледѣліе отъ индустріи.

номистъ конца XVIII в.) связывалъ ренту съ закономъ естественнаго плодородія почвы, Рикардо (Англія XVIII—XIX в.) видѣлъ источникъ ренты въ разсѣяніи земледѣлія и переходѣ отъ плодородной земли къ худшимъ участкамъ ея. Въ Германіи на научную почву пытался поставить вопросъ о рентѣ Родбертусъ. Онъ разсматривалъ землю, какъ сырой матеріалъ капиталистическаго земледѣлія. Но рѣшилъ загадку о рентѣ только Марксъ.

Своей теоріей ренты Марксъ положилъ разъ навсегда конецъ всякимъ „исключительнымъ“ законамъ въ земледѣліи и при томъ—что особенно важно—не только для современнаго ему періода производства, но всего капиталистическаго развитія. Разсматривая земледѣліе, какъ отрасль хозяйства, равную по значенію индустріи, онъ уничтожилъ слѣды фетишизаціи стихійныхъ силъ природы и капитала, которую внесъ было Родбертусъ своимъ ученіемъ о землѣ, какъ сыромъ матеріалѣ и капиталистической цѣнности. Колебанія въ ростѣ ренты Марксъ связалъ съ исторіей всемірнаго рынка и вымираниемъ отсталыхъ формъ хозяйства. А самую сущность и источникъ ренты онъ открылъ въ развитіи производительныхъ силъ въ земледѣліи и индустріи.

Марксъ разсуждалъ такъ. Все то, что такъ занимало теоретиковъ ренты (измѣненіе плодородія, роль земли, какъ сырого матеріала и проч.) суть явленія вторичныя, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ быть или не быть.

Главнымъ признакомъ роста производительныхъ силъ служитъ количество орудій и средствъ производства и сумма живой энергіи, которая затрачивается при примѣненіи этихъ средствъ и орудій. Съ такой точки зрѣнія, и для индустріи, и для сельскаго хозяйства мѣриломъ роста производительныхъ силъ служитъ преобладаніе одного изъ факторовъ: или средствъ производства, или труда человѣка. Въ феодальномъ обществѣ, когда основой общественнаго хозяйства служитъ земледѣліе, преобладаетъ живая сила крѣпостныхъ. Капиталистическое производство, напротивъ, выдвигаетъ на первый планъ технику и мертвое орудіе. Благодаря своему техническому превосходству техника индустріи быстро и значительно опережаетъ производство въ земледѣліи. Но и земледѣліе подчинено общему закону роста производительныхъ силъ. Вслѣдъ за преобладаніемъ средствъ и орудій производства въ индустріи, начинается постепенное пропитываніе техникой и земледѣлія. И хотя земледѣліе отстаетъ въ прогрессѣ своей техники отъ индустріи, различіе между индустріей и земледѣліемъ ощущается все меньше и меньше. Это различіе даетъ себя знать особенно сильно лишь при первыхъ шагахъ капитала въ области сельскаго хозяйства и является причиной возникновенія земельной ренты.

Теорія ренты Маркса выводится изъ связи, которая существуетъ между индустріей и земледѣліемъ уже въ первую эпоху капита-

листического господства. Различіе въ ростѣ производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ обусловливаетъ получение ренты земледѣльцемъ. Но это же различіе дѣлаетъ изъ ренты институтъ, существованіе котораго всецѣло зависитъ отъ роста производительныхъ силъ капитализма.

Развитіе производительныхъ силъ характеризуется преобладаніемъ орудій и средствъ производства надъ рабочей силой человека. Въ индустрии, какъ и въ земледѣліи, для опредѣленія роста производительныхъ силъ мѣриломъ у Маркса служитъ отношеніе живой рабочей силы къ мертвымъ орудіямъ производства, отношеніе: $\frac{\text{живая рабочая сила}}{\text{мертвые орудія и средства производства}}$.

Въ капиталистическомъ обществѣ дѣйность рабочей силы опредѣляется заработной платой рабочаго (переменный капиталъ капиталиста); дѣйность орудій и средствъ производства составляетъ постоянный капиталъ капиталиста. И потому для опредѣленія роста производительности труда въ капиталистическомъ обществѣ служитъ отношеніе: $\frac{\text{переменный капиталъ}}{\text{постоянный капиталъ}}$. Въ земледѣліи,

благодаря нѣкоторой отсталости сельско-хозяйственной техники преобладаетъ переменный капиталъ; въ индустрии—постоянный.

Марксъ по отношенію: $\frac{\text{переменный капиталъ}}{\text{постоянный капиталъ}}$ опредѣляетъ строеніе

капитала въ общественномъ хозяйствѣ. Чѣмъ больше возрастаетъ знаменатель (постоянный капиталъ), тѣмъ строеніе капитала по Марксу выше. Такъ какъ въ земледѣліи въ среднемъ преобладаетъ переменный капиталъ, то строеніе капитала въ немъ ниже, чѣмъ въ индустрии. Это-то различіе въ строеніи капитала и составляетъ причину происхожденія излишка прибыли въ земледѣліи, который и представляетъ собой земельную ренту. Эта форма земельной ренты, зависящая исключительно отъ различнаго строенія капитала въ земледѣліи и индустрии и не стоящая въ связи ни съ большимъ или меньшимъ плодородіемъ, ни съ разстояніемъ участка земли отъ рынка, есть абсолютная рента Маркса. Всѣ другія формы ренты, на размѣръ которыхъ вліяютъ и плодородіе земли, и мѣстоположеніе (разстояніе отъ рынка), словомъ, самыя различныя условія сельскаго хозяйства суть не первичныя формы и не имѣютъ абсолютнаго значенія.

Такъ какъ развитіе производительныхъ силъ въ селѣ и подъемъ сельско-хозяйственной техники приближаютъ строеніе земледѣльческаго капитала къ строенію капитала въ индустрии, абсолютная рента не есть величина постоянная и неизмѣнная. Порожденная условіями капиталистическаго развитія въ селѣ, и отсталымъ сравнительно съ городомъ хозяйствомъ, абсолютная рента должна убывать по мѣрѣ того, какъ строеніе капитала въ земледѣліи повышается. И здѣсь-то лежитъ причина, которая позволяетъ капиталистическому обществу своевременно устранить съ социальныхъ

счетовъ ренты, это печальное наслѣдіе крѣпостничества, которое мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи.

Какъ ни проста теорія ренты Маркса, ея цѣнность громадна, особенно для цѣлей практики, при построении аграрной программы. Всѣмъ теоретикамъ ренты, отъ фізіократовъ и до Рикардо, не было никакого дѣла до будущаго аграрнаго вопроса. Всѣ они были, конечно, политиками, и можно сказать даже, что и теорія ихъ главной задачей имѣла оправдать политику капитала. Родбертусъ стоялъ выше фізіократовъ и Рикардо. Онъ хотѣлъ понять строй буржуазнаго производства. Задача Маркса была гораздо смѣлѣй и шире. Ему казалось, что мало познать строй капитализма. Настала пора, заявилъ онъ, этотъ строй передѣлать. И Марксъ далъ все, чтобы знать, какъ это сдѣлать.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, для обоснованія котораго служатъ всѣ теоретическія работы Маркса, Марксъ предложилъ націонализацию ренты. Изъ всѣхъ странъ Европы законченныя формы капиталистическаго хозяйства имѣла одна только Англія. Но для Маркса не было тайной, что капиталъ заставитъ капитулировать отсталое земледѣліе всей Европы и навязать ему техническія пріобрѣтенія Англіи. Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи должно было далеко подвинуть земледѣльческое производство, замѣнить господствовавшее тамъ мелкое хозяйство техническими силами крупнаго. Этотъ процессъ подъема производительныхъ силъ земледѣлія, который въ Англіи произошелъ за счетъ крестьянина, связь и сближеніе, которыя должны были установиться между земледѣліемъ и индустріей континента Европы, не сулили крестьянину ничего радостнаго. И вотъ, чтобы уменьшить муки народженія капиталистической ренты и вмѣстѣ удержать элементы, связанные съ раскрѣпощеніемъ нѣмецкаго крестьянина, Марксъ предложилъ націонализацию земли.

Революція 48-го года воочию показала всю бесплодность всякихъ попытокъ сохранить территоріальное дѣленіе дореволюціоннаго періода, а равно и господство мелкаго хозяйства этой эпохи. Необходимо было использовать творческія силы революціи 48-го года и положить конецъ абсолютистско-крѣпостнической эксплуатаціи, неразрывно связанной съ территоріальной дробленностью Германіи и натуральнымъ производствомъ германскаго крестьянина. „Коммунистическій манифестъ“ призналъ неизбежнымъ дальнѣйшее развитіе капитализма въ селѣ и въ городѣ. Но мирясь съ неизбежнымъ слѣдствіемъ роста экономическихъ силъ, создавшихъ единую Германію, Марксъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ рѣшили экспроприровать у капиталистовъ тѣ выгоды, которыя приносило капиталистическое развитіе, сдѣлать ихъ достояніемъ всей демократической Германіи.

Подъемъ техническаго строя сельскаго хозяйства не могъ

совершаться съ такой быстротой, какъ это слѣдовало ожидать въ индустріи. Поэтому земельная рента, поскольку ея ростъ зависѣлъ отъ этого различія въ ритмѣ подъема производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ, была отдана государству. Съ тѣхъ поръ для всѣхъ послѣдователей научнаго социализма теорія ренты Маркса служить исходной точкой аргументаціи при построеніи аграрной программы для всѣхъ..., кромѣ русскихъ сторонниковъ муниципализаціи земли и, въ частности, Маслова.

2.

У Маслова есть свое „пониманіе земельной ренты“. Это „пониманіе“, по мнѣнію Маслова, отличается „большей правильностью“, чѣмъ у „наиболѣе высокихъ авторитетовъ политической экономіи“—Маркса и Родбертуса. Но прежде чѣмъ перейти къ этому „пониманію“ теоретиковъ муниципализаціи, посмотримъ, чѣмъ нехороша теорія высокихъ авторитетовъ.

„И Марксъ, и Родбертусъ,—заявляетъ Масловъ,—во 1-хъ, отрицаютъ фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на ту же площадь земли, какъ условіе образованія ренты.

2) Марксъ и Родбертусъ признаютъ существованіе абсолютной ренты, образующейся вслѣдствіе различнаго строенія земледѣльческаго и промышленнаго капитала“. Таковы исходныя положенія „критики“ Маслова. Его аргументація такова:

„Въ главѣ объ условіяхъ образованія капиталистической земельной ренты мы достаточно подробно разсматривали значеніе паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ капитала. Изъ приведенныхъ нами соображеній неизбѣжно вытекаетъ выводъ, что безъ паденія производительности труда при послѣднихъ затратахъ капитала земельной ренты не можетъ существовать... Абсолютной ренты въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ Марксъ, не существуетъ; ея обосновка, поскольку она сдѣлана Марксомъ въ III-мъ томѣ „Капитала“, противорѣчитъ всему третьему тому. При условіяхъ капиталистическаго производства она не можетъ существовать“. (П. Масловъ. „Аграрный вопросъ въ Россіи“. О теоріи земельной ренты Родбертуса и Маркса, стр. 106—107; 108—109). Такъ Масловъ критикуетъ Маркса, доказывая большую правильность своего „пониманія земельной ренты“.

Въ этихъ „критическихъ“ тирадахъ Маслова почти столько же ошибокъ, сколько критическихъ положеній и утвержденій. Во-первыхъ, неправильно уже самое сопоставленіе Маркса и Родбертуса. И не въ томъ смыслѣ, что ихъ авторитеты не равно высоки. А въ томъ, что ихъ теоріи ренты относятся другъ къ другу, какъ старый пень и отточенный топоръ, который рубить

его корень. Родбертусъ своей теоріей ренты и опредѣленіемъ земли, какъ сырого матеріала въ капиталистическомъ хозяйствѣ, пытался установить гармонію между буржуазнымъ городомъ и феодальной деревней. Марксъ своимъ анализомъ показалъ непримиримыя противорѣчія, которыя создаетъ ростъ земледѣльческаго капитала. Гармонія, которую Родбертусъ жаждалъ найти въ старомъ буржуазномъ обществѣ, Марксъ искалъ въ будущемъ обществѣ. Такимъ образомъ, вынести Родбертуса и Маркса за однѣ „критическія“ скобки позволительно, пожалуй, буржуазной критикѣ, но никакъ не ортодоксу. Но сопоставленіе Родбертуса и Маркса еще не Богъ вѣсть какая ошибка и сдѣлана, возможно, въ порывѣ „критицизма“. Въ критической тирадѣ Маслова есть еще болѣе крупные „критическіе“ перлы.

Мы укажемъ на два изъ нихъ. Перлъ № 1.

Масловъ заявляетъ, что Марксъ „отрицаетъ фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на ту же землю, какъ условіе образованія ренты“. („Агр. вопр.“, 106). Такое заявленіе—грубая ошибка и противорѣчитъ теоріи дифференціальной ренты Маркса, съ помощью которой онъ вскрылъ всю ложь буржуазныхъ аграрныхъ теорій. Марксъ этого „факта“ не отрицалъ.

Разбирая ренту Рикардо, который связывалъ свою теорію ренты съ паденіемъ плодородія почвы, Марксъ постарался освободить теорію отъ вліянія „закона убывающаго плодородія“. Марксъ установилъ, что разница въ плодородіи участковъ земли вызываетъ измѣненіе производительности труда. Признавая, вслѣдствіе этого, „фактъ“ паденія производительности затратъ труда, Марксъ, однако, не сдѣлалъ изъ него фетиша, какъ это случилось у Рикардо. Рядомъ съ вліяніемъ плодородія онъ поставилъ расположеніе участковъ земли. Плодородіе и расположеніе участка земли (его удаленность отъ рынка)—двѣ причины, которыя, по Марксу, могутъ оказывать „вліяніе въ противоположномъ направленіи“. Въ силу этого, экономическое значеніе „факта“ было поставлено въ зависимость не отъ стихійныхъ силъ природы, а отъ условій капиталистическаго рынка. Но это не помѣшало Марксу использовать „фактъ“ гораздо шире и глубже, чѣмъ это сдѣлали буржуазныя теоретики. Сверхъ дифференціальной (разностной) ренты I рода, вытекающей изъ сравнительнаго состава почвы или положенія двухъ участковъ земли, Марксъ далъ еще теорію дифференціальной ренты II рода.

Къ половинѣ XIX вѣка успѣхи земледѣльческой техники позволили значительно расширить затраты капитала на землѣ. И такъ какъ каждая новая затрата должна была оплатить ренту, Марксъ рассмотрѣлъ вліяніе этихъ новыхъ дополнительныхъ затратъ капитала (на томъ же участкѣ земли) на колебанія ренты. Колебанія ренты въ данномъ случаѣ, въ случаѣ дифференціальной

ренты II рода, какъ и въ случаѣ ренты I рода, не служатъ у Маркса показателемъ паденія производительности труда, ставшаго фетишемъ у Рикардо. Не отрицая этого факта (паденія производительности затратъ труда) въ каждомъ данномъ случаѣ, Марксъ связалъ его вліяніе съ колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и расширеніемъ капиталистическаго рынка. Благодаря этому, у Маркса всѣ случаи паденія производительности затратъ труда оказались на строгомъ учетѣ. И такъ какъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, ростъ капиталистическаго рынка и интенсификація (развитіе техники) сельскаго хозяйства представляютъ собой только частные случаи развитія капиталистическаго производства, обѣ формы дифференціальной ренты (I и II рода) у Маркса играютъ подчиненную роль по сравненію съ его общей теоріей капиталистическаго земледѣлія.

Эта общая теорія капиталистическаго земледѣлія есть теорія абсолютной ренты Маркса. Ея-то „критика“ и породила второй перлъ критицизма у Маслова.

„При условіяхъ капиталистическаго производства,—поучаетъ Масловъ,—абсолютная рента не можетъ существовать“. Она-де противорѣчитъ всему третьему тому „Капитала“. Отлично. Что же тогда остается для пониманія теоріи ренты? Остается, разумѣется, „болѣе правильное пониманіе“ Маслова.

Въ чемъ же оно состоитъ?

Оно довольно безхитростно, это „правильное пониманіе“.

„Рента,—полагаетъ, Масловъ—можетъ существовать только тогда, когда послѣднія затраты капитала на ту же площадь земли даютъ меньшее количество продукта, чѣмъ предыдущія затраты.... Капиталистическое земледѣльческое хозяйство не можетъ дать землевладѣльцу ничего, кромѣ дифференціальной ренты, получающейся благодаря различію производительности затратъ капитала“.

Фактъ паденія производительности затратъ труда стоитъ въ центрѣ всей теоріи Маслова и преподносится подъ различными соусами. Этотъ „фактъ“ объясняетъ у Маслова не только дифференціальную ренту, но и служитъ для опроверженія абсолютной ренты Маркса.

„Если послѣдній капиталъ, затрачиваемый на ту же площадь земли, можетъ давать только нормальную прибыль, то очевидно, абсолютной ренты не можетъ существовать, такъ какъ абсолютной считается рента на наименѣе производительно затрачиваемый капиталъ.... Размѣръ ренты ничуть не опредѣляется характеромъ ея происхожденія, а единственно только вышеуказаннымъ различіемъ производительности труда при различныхъ условіяхъ“.

Допустимъ, что пониманіе Маслова правильно, не правильнѣй чѣмъ у высокихъ авторитетовъ (разумѣй Маркса и Родбертуса),

а вообще правильно. Но куда и къ чему ведетъ оно? Примемъ вмѣстѣ съ Масловымъ, что теорія ренты должна быть построена на фактѣ убывающей производительности затратъ труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Такая „теорія“ усматриваетъ причину и источникъ происхожденія ренты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для проверки ея вы можете обратиться къ любому хозяйству собственника или арендатора въ деревнѣ и несомнѣнно получите отвѣтъ, подтверждающій „теорію“ Маслова. Нельзя безъ конца дѣлать затраты на данномъ участкѣ земли, будетъ гласить отвѣтъ хозяина-практика.

Такимъ образомъ „фактъ“, положенный въ основу теоріи Маслова, есть, повидимому, подлинный фактъ, взятый изъ жизни деревни. И это свидѣтельство хозяйственной практики тѣмъ болѣе цѣнно, что въ прямой связи съ нимъ находится и вся экономическая теорія Маслова, его ученіе о связи производительныхъ силъ и формъ хозяйства. Правда, эта „важная связь“, по замыслу Маслова, не должна была вытѣснить ученіе о связи производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Правда, отрицающая теорію ренты Маркса, устанавливающую законъ развитія производительныхъ силъ въ индустріи и земледѣліи, Масловъ въ концѣ концовъ пытается поставить на мѣсто доктрины Маркса свою „важную связь“.

Но да не смутитъ насъ это. И мы, отмѣтивъ мимоходомъ это фатальное (для Маркса или Маслова, мы сейчасъ увидимъ) совпаденіе „факта“ и новой экономической теоріи, продолжимъ нашу анкету насчетъ паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ его и перейдемъ для этой цѣли изъ деревни въ городъ, а отъ земледѣлія къ индустріи. И здѣсь, въ индустріи, мы встрѣтимъ хозяина практика. Практикъ пойметъ насъ, разумѣется, съ первыхъ словъ и подтвердитъ всей своей бухгалтеріей, что „фактъ“ Маслова отнюдь не является прискорбной привилегіей земледѣлія. Несмотря на весь прогрессъ техники, нашъ практикъ, подобно своимъ собратьямъ аграріямъ, принужденъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не перешагнуть извѣстныхъ границъ. Граница приложенія труда (и капитала) въ индустріи стоитъ ниже успѣховъ техники. Съ приложеніемъ каждой новой затраты производительность ея убываетъ. Подтверженіемъ этого факта служить то, что съ ростомъ техники наблюдается очень печальный фактъ: паденіе прибыли.

Итакъ, небу споспѣшествующу, мы обрѣли цѣлую массу фактовъ, связанныхъ, съ одной стороны, съ „фактомъ“, открытымъ (черезъ сто лѣтъ послѣ физиократовъ) Масловымъ въ земледѣліи, а съ другой, какъ нельзя лучше уживающихся съ экономической теоріей Маслова. Между практикой и теоріей устанавливается трогательное согласіе. Имѣется, скажемъ, хозяйство. Оно развиваетъ свои производительныя силы и съ ихъ развитіемъ мѣняетъ

свою форму. Если наше хозяйство земледѣльческое, то оно даетъ намъ картину паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ его. Хотя и въ индустриіи этотъ фактъ встрѣчается сплошь и рядомъ, но не въ такой степени. Въ силу этого часть прибавочнаго труда, который достается капиталисту въ видѣ прибыли, остается собственнику земли. Словомъ, все устривается къ лучшему. Ошибка, которую допустилъ Марксъ, отрицая „фактъ“ паденія производительности затратъ капитала въ земледѣліи, Масловымъ исправлена. вмѣстѣ съ тѣмъ, открыта рента, которая можетъ существовать при какихъ угодно условіяхъ капиталистическаго производства.

Очень, очень хорошо. Но прежде, чѣмъ разстаться съ теоріей ренты Маслова, выяснимъ еще одинъ пунктъ.

По ученію Маслова, всѣ виды ренты суть слѣдствіе „факта“ паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи. Имѣется у насъ столько-то и столько-то хозяйствъ, и въ каждомъ рента есть слѣдствіе „факта“. И если бы задача экономического анализа ограничилась просто обозрѣніемъ этой массы хозяйствъ, то все въ теоріи Маслова было бы ладно. Но вѣдь для марксиста это обозрѣніе кунсткамеры общественнаго производства дѣляется не изъ любопытства. Не форма хозяйства интересуетъ прежде всего марксиста, не козявки, мушки и тараканки, а слонъ этой кунсткамеры—производственные отношенія. И вотъ эти-то производственные отношенія въ теорію Маслова не укладываются. Слона-то Масловъ и не примѣтилъ, предвѣушая, вѣроятно, успѣхъ своей критики абсолютной ренты Маркса.

Абсолютная рента Маркса вытекаетъ изъ всей доктрины Маркса о производственныхъ отношеніяхъ. Теорія ренты Маркса, признавая фактъ паденія производительности затратъ труда для опредѣленія размѣра разностной ренты (I и II рода), обобщаетъ этотъ фактъ меньшей, чѣмъ въ индустриіи производительности труда для всего сельскаго хозяйства въ видѣ ученія объ абсолютной рентѣ. Какъ мы видѣли выше, Марксъ признавалъ, что въ дѣломъ земледѣліе (какъ и вообще сельское хозяйство и добывающая промышленность) по росту техники отстаетъ отъ индустриіи. Но разстояніе между уровнемъ, на которомъ стоитъ техника въ индустриіи и сельскомъ хозяйствѣ, для Маркса не есть нѣчто неизмѣнное. Съ ростомъ производительныхъ силъ это разстояніе уменьшается, и въ этомъ залогъ соединенія индустриіи и земледѣлія, двухъ сестеръ, которыхъ раздѣляло феодальное производство и сдѣлалъ врагами буржуазный строй. И если отказаться отъ теоріи абсолютной ренты Маркса, то не остается ничего лучшаго, какъ искать, по примѣру Маслова, „фактовъ“ и наклеивать на нихъ ярлыкъ теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ „правильное“ пониманіе ренты Маслова для пониманія аграрнаго развитія?

Ничего, ровнехонько ничего. И не потому, разумеется, что его находка („фактъ“) перезрѣлая и была на пользованіи еще у фیزیократовъ. Не потому, конечно, что построить теорію ренты на „фактъ“ Тюрго—значитъ опуститься ниже даже Родбертуса. Изъ факта Маслова нельзя выжать подобія теоріи, по той причинѣ, что теорія Маслова есть по существу своему отрицаніе всякой теоріи.

Не такъ давно одинъ ревизионистъ (г. Булгаковъ) заявилъ, что по его-де мнѣнію, самое лучшее опредѣленіе хозяйства есть отсутствіе всякаго опредѣленія ¹⁾. Масловъ не отказывается отъ опредѣленія ренты. Онъ только не признаетъ теоріи ренты Маркса. Но опредѣленіе ренты у Маслова такъ же содержательно, какъ и отсутствіе всякаго опредѣленія. И результатъ критики Маслова, положившаго въ основу своего опредѣленія ренты свой „фактъ“, нисколько не уступаетъ критическимъ попыткамъ ревизионистовъ, выбрасывающихъ „за бортъ“ теорію ренты.

Заполучивъ свой „законъ паденія плодородія земли“, ревизионисты обычно принимаются за реформы ученія Маркса. Они не даютъ критики теоріи ренты, а попросту, въ виду „особыхъ законовъ“ и „консерватизма“ сельскаго хозяйства, выбрасываютъ вонъ производственныя отношенія капитализма и скрѣпляютъ роль производительныхъ силъ, соответствующихъ капитализму, съ формой хозяйства, освобожденной отъ балласта аграрной доктрины Маркса.

Плоды такой реформы, какъ мы видѣли выше, очень осязательны. Изученіе формы хозяйства вѣдъ всего строя производственныхъ отношеній заводитъ ревизионистовъ въ станъ буржуазныхъ ученій. Выбраться оттуда имъ не удастся. Они изучаютъ при этомъ западнаго крестьянина, извѣдавашаго всѣ прелести капиталистической культуры. И такъ какъ выдѣленіе изъ общаго строя капитализма скрадываетъ всѣ отрицательныя стороны крестьянскаго хозяйства, крестьянское хозяйство въ ихъ изображеніи благоденствуетъ.

Хозяйство русскаго крестьянина есть юдоль плача и скорби. Такимъ его рисуетъ и Масловъ. Онъ не вѣритъ въ счастливую звѣзду мелкаго хозяйства въ селѣ, не видитъ выхода для него въ томъ, что кажется столь желаннымъ западнымъ ревизионистамъ. По этой-то причинѣ Масловъ и затѣялъ опредѣленіе своей важной связи между состояніемъ производственныхъ силъ и формой (типомъ) хозяйства. Вѣра въ неизбежность гибели и неустойчивость мелкаго хозяйства отдѣляетъ Маслова отъ ревизионистовъ. Но способъ, помощью котораго Масловъ старается обосновать свою вѣру ортодокса, чисто-ревизионистскій, ибо въ его распоряженіи послѣ отреченія отъ абсолютной ренты Маркса, остался

¹⁾ С. Булгаковъ. „Отъ марксизма къ идеализму“.

лишь ревизионистскій „фактъ“ (паденія производительности затратъ труда на землѣ) и „важная“ связь роста производительныхъ силъ и формы хозяйства.

Благодаря отсталости русскаго крестьянина, его хозяйство не носитъ всѣхъ признаковъ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, не вовлечено цѣликомъ въ порочный кругъ капитализма. Разслоеніе однороднаго мелкаго хозяйства, которымъ держалось крѣпостничество на Западѣ и держится на Руси, было искусственно задержано законодательными мѣрами стараго порядка. Но и въ этомъ своемъ однородномъ видѣ русское крестьянское хозяйство не опредѣляется связью его производительныхъ силъ и формой хозяйства. А для его пониманія ничего не даетъ фактъ паденія производительности затратъ труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Поставивъ на мѣсто абсолютной ренты Маркса свое „болѣе правильное“ пониманіе, вытекающее изъ „факта“ Тюрго, Маслоу, естественно, получилъ пустое мѣсто. Чтобы заполнить его, онъ, какъ иллюстрацію своей теоріи, далъ теорію продовольственной и капиталистической ренты. Первая трактуетъ о кабальной формѣ эксплуатаціи, сохранившейся всюду, гдѣ остались пережитки феодализма (Пруссія, Россія, Австрія). Вторая разбираетъ условія капиталистическаго хозяйства. Но такъ какъ теорія ренты Маслоу связана съ „фактомъ“ и оторвана отъ строя производственныхъ отношеній, ни продовольственная, ни капиталистическая рента, не даютъ и не могутъ дать ничего для опредѣленія того, гдѣ лежитъ корень аграрнаго переворота, который ждетъ русскую деревню ¹⁾. И самый „фактъ“ Тюрго, и продовольственная, и капиталистическая рента касаются каждаго отдѣльнаго хозяйства. Всѣ теоретическія положенія на этотъ счетъ, возможно, съ большимъ успѣхомъ используетъ крупный землевладѣлецъ. Рѣшая, какъ ему вести свое хозяйство, онъ, пользуясь теоріей Маслоу,

¹⁾ Не останавливаемся на критикѣ продовольственной и капиталистической ренты Маслоу потому, что вся аргументація Маслоу основана на отрицаніи абсолютной ренты Маркса, отрицаніи, совершенно несостоятельномъ. Критическія соображенія Маслоу сводятся къ слѣд: „противорѣчіе теоріи абсолютной ренты всей теоріи распредѣленія, изложенной въ III томѣ, настолько рѣзко бросается въ глаза, что его можно объяснить лишь тѣмъ, что III томъ—посмертное изданіе, куда вошли и черновые наброски автора. Это единственная глава (объ абсолютной рентѣ), гдѣ противники экономической теоріи Маркса могли бы выловить и „фетишизмъ“ цѣнности, гдѣ на одной, двухъ страницахъ своего трехтомнаго труда авторъ какъ будто допускаетъ вліяніе строенія капитала въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ на норму прибыли отдѣльныхъ предпринимателей“. П. Маслоу „Агр. вопросъ“, стр. 108—109. Третій томъ „Капитала“—посмертное изданіе,—это вѣрно. Ну, а „Нищета философіи“, вышедшая за 35 лѣтъ до смерти Маркса, въ счетъ не идетъ? Въ „Нищета философіи“ Марксъ, хотя онъ признавалъ тогда теорію ренты Рикардо, сказалъ о рентѣ: „рента есть результатъ общественныхъ отношеній, средн

высчитаетъ, что для него выгоднѣе: эксплуатировать ли крестьянина исполу, или въ видѣ денежной ренты.

Но когда мы отъ отдѣльнаго хозяйства, все равно крупнаго или мелкаго, перейдемъ ко всему строю русской деревни, то „правильное“ пониманіе ренты Маслова не позволитъ идти дальше заявленія: въ Россіи процвѣтетъ капиталистическое земледѣліе. И если это положеніе не блещетъ особенной глубиной и прозорливостью, то оно зато имѣетъ свои большія удобства: къ нему можно пристроить какую угодно аграрную программу.

Пока къ нему пристроена программа о муниципализаціи земли и эта пристройка, подобно всѣмъ продуктамъ аграрнаго ревизионизма, основана на простомъ отрицаніи аграрной теоріи Маркса¹⁾.

Разумѣется, строить аграрную программу можно по разному и положить въ ея основу самые различные положенія, взгляды, теоріи и проч. Но тогда сторонникамъ муниципализаціи придется сдѣлать рѣшительный поворотъ въ сторону ревизионизма, соединить несоединимое, связать пролетарскую программу и научныя откровенія буржуазной идеологіи.

Подведемъ итоги.

Муниципализація земли, которая кажется столь желанной буржуазнымъ сторонникамъ земельной реформы на Западѣ, до сей поры теоретически марксистами не обоснована. Буржуа, отстаивая муниципализацію, сулитъ пролетаріату воѣ блага земныя, начиная съ капусты своего огорода и кончая смягченіемъ классовою борьбы. Такія посулы не увлекли идеологовъ пролетаріата, и они предприняли на собственный страхъ пересмотръ аграрной теоріи Маркса. Практическихъ результатовъ въ аграрномъ вопросѣ (да и не только въ аграрномъ) ревизионизмъ не далъ. Нельзя же считать практическимъ результатомъ тяготѣніе къ буржуазнымъ теоріямъ, стремленіе идти „назадъ къ Тюрго, къ Рикардо!“, которое замѣчается у такихъ „учениковъ“ Маркса, какъ Давидъ, Бернштейнъ и К^о.

которыхъ совершается обработка земли. Она не можетъ быть слѣдствіемъ болѣе или менѣе прочной, болѣе или менѣе вѣчной природы земли. Рента обязана своимъ происхожденіемъ не землѣ, а обществу“. Въ этихъ словахъ—зародышъ теоріи абсолютной ренты Маркса. И если критики Маркса указываютъ на „одну, двѣ страницы“ III-го тома, то имъ слѣдуетъ взглянуть въ три недавно вышедшихъ тома „Theorien über d. Mehrwerth“ (I, II, Bd. II Th.) Маркса, изданныхъ Каутскимъ. Въ нихъ цѣлыя десятки страницъ посвящены исключительно истолкованію абсолютной ренты.

1) Что на аграрной теоріи Маслова можно выстроить какую угодно аграрную программу, видно изъ его „проекта программы, гдѣ имѣется и муниципализація земли, и муниципализація, и превращеніе земли (крестьянской) въ частную собственность. Вопросъ о томъ, насколько муниципализація можетъ быть обоснована съ точки зрѣнія научнаго социализма, выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи. Къ нему мы вернемся въ другой разъ.

Русскій теоретикъ и сторонникъ муниципализаціи, Масловъ по духу и цѣлямъ своего анализа не имѣетъ ничего общаго ни съ буржуазнымъ реформаторствомъ, ни съ западнымъ ревизионизмомъ. Тѣмъ не менѣе, Маслову не удалось избѣжать всѣхъ погрѣшностей ревизионизма. Задумавъ дополнить доктрину Маркса о производственныхъ отношеніяхъ своимъ ученіемъ о связи производительныхъ силъ и формы хозяйства, Масловъ забылъ о производственныхъ отношеніяхъ. Связь между ростомъ производительныхъ силъ и ростомъ хозяйства имѣетъ смыслъ тогда, когда форма хозяйства заключена въ рамки всего производственнаго строя. Главная ошибка западнаго ревизионизма, сбитаго съ толку буржуазной критикой, именно въ томъ и заключалась, что онъ изучалъ форму хозяйства въ селѣ, вырванную изъ конкретныхъ условій капиталистическаго производства. Чтобы исправить эту ошибку ревизионизма, Масловъ, продолжавшій работу ревизионистовъ, долженъ былъ съ самаго начала связать свой анализъ съ основой всего общественнаго хозяйства, съ ученіемъ о ростѣ производственныхъ отношеній. Между тѣмъ Масловъ, думая своей теоріей о формахъ хозяйства дополнить Маркса, началъ построеніе своей аграрной теоріи съ „факта“ паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи. Этотъ „фактъ“ Масловъ поставилъ пограничнымъ камнемъ между индустріей и земледѣліемъ. Выдѣливъ, такимъ образомъ, земледѣліе изъ общаго строя производственныхъ отношеній и приписывая происхожденіе „факта“ стихійнымъ силамъ природы, Масловъ поневолѣ долженъ былъ связать судьбу своей экономической теоріи съ „фактомъ“, а затѣмъ и отказаться отъ аграрной теоріи Маркса. Ибо основной предпосылкой аграрной теоріи Маркса является, во 1-хъ, полное отсутствіе какихъ бы то ни было постоянныхъ границъ для побѣднаго шестія промышленной техники, и во 2-хъ, рѣшительное отрицаніе такихъ фетишей буржуазной науки, какъ законъ паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи.

Въ „критикѣ“ Маркса труденъ только первый шагъ. „Критики“ Маркса изъ числа его бывшихъ учениковъ, пытаясь построить свою аграрную теорію, отправнымъ пунктомъ ея берутъ „фактъ“, послужившій пограничнымъ камнемъ теоріи и у Маслова. Отряхнувъ прахъ марксовой доктрины отъ ногъ своихъ и облюбовавъ крестьянское хозяйство, какъ идеальную форму хозяйства, эти ученики придумали вѣрное средство отъ пролетаризаціи мелкаго хозяйства. И съ точки зрѣнія аграрной теоріи ревизионизма средство отъ пролетаризаціи дѣйствуетъ вѣрно и быстро.

Разъ связь съ аграрной теоріей Маркса порвана,—а ревизионисты объ этомъ только и стараются,—для опѣнки ревизионистскаго средства отъ пролетаризаціи ничего другого не остается, какъ пользоваться аграрной теоріей ревизионизма. А при свѣтѣ

этой теории, изучающей не производственные отношения, а изолированную форму хозяйства, всё кошки съры, всё формы хозяйства хороши, если можно применить к нимъ средство отъ пролетаризации и рѣшенія „аграрнаго вопроса“. Составъ же спасительнаго средства ревизионистовъ и характеръ ихъ рѣшенія аграрнаго вопроса зависятъ отчасти отъ условій мѣста, отчасти отъ ихъ личнаго вкуса ¹⁾.

Масловъ не ищетъ философскаго камня ревизионистовъ, который, по заявленію послѣднихъ, способенъ превратить самыя отсталыя формы мелкаго хозяйства деревни въ чистое золото будущаго социалистическаго строя. Въ качествѣ ортодокса Масловъ не вѣритъ въ силы мелкаго хозяйства. Но такъ какъ его теорія аграрныхъ отношеній основывается исключительно на разборѣ изолированнаго хозяйства, то съ его анализомъ аграрнаго вопроса повторилась та же непріятность, которая постигла его экономическую теорію.

Экономическая теорія Маслова, пристегнутая къ изолированному хозяйству, породила ученіе о „фактѣ“ паденія производительности затратъ капитала и труда. Для рѣшенія „аграрнаго вопроса“ Масловъ применилъ свою экономическую теорію и получилъ теорію ренты, построенную на „фактѣ“, какъ на фундаментѣ. Если бы Масловъ держался ученія Маркса объ общественныхъ отношеніяхъ производства, если бы Масловъ распространилъ вліяніе своего „факта“ на все сельское хозяйство, онъ неизбежно пришелъ бы къ ученію о строеніи капитала въ земледѣліи и индустріи, т. е. къ теоріи абсолютной ренты Маркса ²⁾. Теорія абсолютной ренты Маркса дала бы Маслову надежную нить, которая провела бы его чрезъ лабиринтъ русской деревни, гдѣ кабальная аренда крѣпостничества смѣшивается съ культурой капиталистическаго и машиннаго земледѣлія.

1) Нѣмецкій ревизионистъ Давидъ стоитъ за сохраненіе мелкаго хозяйства и въ видѣ аренды, и въ видѣ частной собственности крестьянина. Русскій ревизионизмъ въ лицѣ г. Булгакова отстаивалъ частную собственность.

2) Паденіе производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда есть терминъ буржуазной теоріи. На языкѣ Маркса этотъ терминъ означаетъ меньшую производительность труда въ земледѣліи. Показателемъ производительности труда служитъ отношеніе: $\frac{\text{живой трудъ}}{\text{овеществленный трудъ}}$ а для капиталистическаго хозяйства: $\frac{\text{рабочая сила (перем. капиталъ)}}{\text{мертвые орудія пр-ва (постоян. капиталъ)}}$. Такимъ образомъ, даже признавая „фактъ“ паденія производительности затратъ труда, для всего земледѣлія можно установить такое же отношеніе. Въ сельскомъ хозяйствѣ это отношеніе будетъ больше. Въ индустріи производительность труда выше, и отношеніе меньше. Переведа это отношеніе на термины Маркса, мы и получимъ разное строеніе капитала въ земледѣліи и индустріи—исходное положеніе абсолютной ренты Маркса.

Но Масловъ предпочелъ пойти по тропѣ, ведущей свое начало отъ пограничнаго камня, раздѣляющаго, какъ китайская стѣна, земледѣліе и индустрію, и пришелъ къ своей теоріи ренты. И подобно тому, какъ признаніе „факта“ (паденія производительности затратъ труда въ земледѣліи) есть замаскированный отказъ отъ общей экономической теоріи Маркса, такъ и теорія ренты, связанная съ „фактомъ“, необходимымъ слѣдствіемъ имѣетъ отрицаніе аграрной теоріи Маркса, а затѣмъ практическихъ положеній, вытекающихъ изъ этой теоріи.

Абсолютная рента Маркса это вѣнецъ его теоретизаціи. Ученіе абсолютной ренты, ея ученіе о ростѣ производительныхъ силъ въ земледѣліи и индустріи, о совпаденіи строенія капитала въ селѣ и въ городѣ съ развитіемъ буржуазной исторіи вскрываетъ всю суть аграрнаго вопроса. Аграрная теорія Маркса позволяетъ пролетариату согласиться на передачу земли въ распоряженіе демократическаго государства, внести въ свою аграрную программу пунктъ о націонализаціи земли. Въ развитіи буржуазнаго хозяйства капиталъ ломаетъ всѣ перегородки и дѣленія прежнихъ формъ производства, превращаетъ жизнь города и деревни въ одну деспотію машины и капиталистической техники. И пролетарій не отстаетъ ни на шагъ отъ завоевательнаго шествія капитала. И тамъ, гдѣ общественное производство не развертывается въ арену классовою борьбы труда и капитала, гдѣ мелкій производитель еще кое-какъ выдерживаетъ натискъ капитала (крестьянское хозяйство), идеологъ пролетариата спѣшитъ обезсилить капиталистическую эксплуатацію, передавъ ренту демократическому государству. При такихъ условіяхъ, когда демократическое государство распоряжается и землей и земельной рентой, развитіе капитализма въ деревнѣ теряетъ почву для созданія чисто хищническихъ формъ земельной спекуляціи и эксплуатаціи мелкаго хозяйства въ селѣ. Но чтобы имѣть принципиально-обоснованное право на истинно-пролетарскую идеологію, чтобы имѣть право на лозунгъ: „націонализація земли“, нужно признать абсолютную ренту Маркса, его аграрную теорію.

Масловъ отрицаетъ всю аграрную теорію Маркса, а въ частности и его теорію абсолютной ренты. И неудивительно, что отвергнувъ аграрную теорію Маркса и построивъ свою аграрную теорію по буржуазнымъ образцамъ (Тюрго и Рикардо), Масловъ и въ сферѣ практики пришелъ къ плодамъ буржуазнаго прожектерства, вписавъ въ исторію пролетарской идеологіи своею страницю, имя которой—„муниципализація земли“.

Мих. Оленовъ.

Одинъ!

Рассказъ В. І. Дмитриевой.

Стрѣльба началась съ 10 часовъ утра. Тяжко, съ натугой, ухали пушки; назойливо и торопливо трещали пулеметы, и на фонѣ этого гула и треска непрерывно сыпалась сухая ружейная дробь. Стрѣляли изъ-за угла въ каждого прохожаго, неосторожно высунувшаго носъ на улицу; палили въ окна домовъ и церквей, и старыя, обомшѣлыя стѣны Кремлевскія вздрагивали и стонали отъ грохота канонады, которой онѣ не слышали даже во времена нашествія Наполеона въ 12-мъ году.

Городъ имѣлъ необычный видъ. Магазины были заперты и наглухо забиты досками; конки давно уже не ходили; весь обычный порядокъ жизни нарушился. Присмирѣвшіе, напуганные обыватели въ страхѣ прятались за стѣнами домовъ; изрѣдка извозчикъ, нахлестывая лошадь вожжами, проносился по опустѣвшей улицѣ, пугливо прислушиваясь къ свисту пуль, да любопытныя кухарки, накинувъ платки на головы, выглядывали изъ-за воротъ и переговаривались другъ съ другомъ.

— Опять стрѣляютъ?

— Стрѣляютъ, матушка моя! Страсть Господня! И что такое будетъ, что такое будетъ, ажно душа обмираетъ... За провизіей нельзя пройтить,—такъ пули обáполь и свищутъ!

— И не говори,—чисто въ крепостъ живемъ! Вчерась мой господа такъ цѣльный день и сидѣли не обѣдамши и не ужинамши,—попили чайку, да и все тутъ. Баринъ и на службу не ходилъ.

— Какая служба, милая моя, того и гляди подстрѣлятъ. Куда ни сунься,—либо изъ пушекъ палать, либо казаки рыщутъ. Третеводня мой баринъ пошелъ было, а на сустрѣчь они... Какъ зачали хлестать, какъ зачали хлестать,—

насилу убѣгъ... И сейчасъ весь въ пластыряхъ сидитъ, да плачетъ.

— Гу-у-ухъ!—прогудѣло гдѣ-то вверху, и вслѣдъ затѣмъ послышался короткій, глухой ударъ, стѣны сосѣдняго дома вздрогнули, и карнизъ съ шумомъ обвалился на мостовую. Кухарки съ визгомъ исчезли подъ воротами.

Канонада гудѣла, сыпалась ружейная дробь. Казалось, тысячи злобныхъ бѣсовъ съ хохотомъ и ревомъ носились надъ громаднымъ городомъ, все ломая, все разрушая въ свирѣпомъ весельи. И горе было тому, кто попадался имъ на дорогѣ!

Вотъ черезъ улицу, безопасно насвистывая, бѣжитъ мальчикъ съ корзиной на головѣ. Ему недалеко надо, сейчасъ свернуть направо, и онъ будетъ дома. Но злобные бѣсы уже подстерегаютъ его... Изъ-за стѣны осторожно, точно нащупывая, высунулось ружейное дуло... Сверкнулъ огонекъ, грянулъ выстрѣлъ. Мальчикъ съ удивленьемъ оглянулся, потомъ высоко подпрыгнулъ, какъ бы играя, и свалился въ снѣгъ. Ружейное дуло втянулось назадъ; снова все тихо, спокойно. Мальчикъ не шевелился. Только красная жижа, чуть-чуть дымясь, растекалась по снѣгу все шире и шире. И гудѣли пушки.

Въ сосѣднемъ переулкѣ что-то оглушительно грохнуло и вслѣдъ затѣмъ пронзительный крикъ острымъ ножомъ прорѣзалъ крѣпкій, морозный воздухъ. У извозчицѣй лошади осколкомъ вырвало пахъ... Она судорожно билась на мостовой, сисясь подняться, но кровь горячей струей била изъ раны, и движенія животнаго становились все слабѣе и слабѣе, и взглядъ его большихъ, умныхъ глазъ тусклѣлъ и подергивался смертнымъ туманомъ. Надъ нею стоялъ извозчикъ и кричалъ крикомъ безумія и злобы:

— Убили! Убили...

Лошадь рванулась въ послѣдній разъ и вытянула ноги. Извозчикъ выль.

— Уходи!—крикнули ему откуда-то сверху.—Уходи скорѣе, а то и тебя убьютъ!..

Извозчикъ безумными глазами глядѣлъ на убитую лошадь.

— Убьютъ? Пушай убьютъ!.. Проклятые!.. Душегубы! Всю Рассею изничтожить хотятъ! Врешь, не изничтожишь! Велика Россія! На баррикады пойду!.. Глотки перегрызу убивцамъ!..

Онъ отшвырнулъ въ сторону кнутъ, который держалъ въ рукѣ, снялъ затѣмъ шапку и тоже бросилъ ее на землю, потомъ, все такъ же безумно крича и грозясь, побѣжалъ куда-то.

Пушки ревели. Злобно хохотали пулеметы. И жалобно стонали и охали старыя Кремлевскія стѣны, разбуженные отъ своего вѣкового сна.

Стрѣляли весь день. Гвардейцы, пьяные отъ водки и крови, нѣсколько разъ ходили брать приступомъ баррикады. Но онѣ росли, какъ грибы, и, разрушивъ одну, солдаты натыкались на другую, запутывались въ проволоку и падали, разъяренные, отступали назадъ, опять шли и опять останавливались передъ неожиданно выросшею стѣной, перегородившею имъ дорогу. Революціонеры были неуловимы и скрывались, неизвѣстно куда, такъ что солдаты теряли голову и не знали, съ кѣмъ они дерутся и кто такой этотъ невидимый, таинственный врагъ. По временамъ имъ начинало казаться, что никакихъ революціонеровъ нѣтъ и что всѣ эти баррикады—одно дьявольское навожденіе. Суевѣрный страхъ заползалъ въ ихъ простыя души... хотѣлось бѣжать, хотѣлось поскорѣе кончить эту бессмысленную, непонятную войну съ невѣдомымъ непріателемъ на улицахъ и переулкахъ большого города, среди домовъ и церквей съ золочеными крестами. Но мѣткія пули, летѣвшія въ нихъ съ баррикадъ и, подобно маленькимъ злымъ осамъ, жужжавшія надъ ними, пробуждали въ солдатахъ слѣпую ярость, и суевѣрный страхъ смѣнялся животнымъ страхомъ смерти, и они снова устремлялись въ загроможденные переулки, снова лѣзли на баррикады, ломали, жгли, стрѣляли, сами не зная, куда, сами не зная, зачѣмъ...

Одна баррикада особенно отличалась упорствомъ своихъ защитниковъ, мѣткостью ихъ выстрѣловъ. Это было солидное сооруженіе, воздвигнутое съ большимъ искусствомъ изъ мѣшковъ, набитыхъ снѣгомъ. Мѣшки были облиты водою, которая, замерзнувъ, спаяла ихъ между собою и образовала настоящую ледяную стѣну. А за этой непроницаемой стѣной высилась другая, составленная изъ обломковъ разной мебели, воротъ, лѣстницъ, срубленныхъ телеграфныхъ столбовъ и бочекъ. Тройная паутина мѣдной проволоки опутывала ее съ наружной стороны, а на вершинѣ гордо и весело развѣвалось широкое, красное знамя съ надписью: „Да здравствуетъ свобода!“ Нѣсколько разъ драгуны атаковали баррикаду, но маленькія злыя осы съ коварнымъ жужжаньемъ летѣли имъ навстрѣчу, впивались то въ одного, то въ другого, поражали людей и лошадей, и съ проклятьями драгуны мчались назадъ, волоча за собою раненыхъ товарищей и въ безсильной злобѣ разстрѣливая по дорогѣ мирныхъ прохожихъ. А ледяная баррикада стояла все такая же гордая и неприступная, и красное знамя весело трепетало надъ

нею, бросая въ воздухъ свой молчаливый кличь: „Да здравствуетъ свобода!“

— Надо непременно взять эту проклятую баррикаду!— говорилъ гвардейскій офицеръ отряду солдатъ, который угрюмо пробирался среди путаницы переулковъ, загроможденныхъ полуразрушенными баррикадами. — Это самый скверный пунктъ: тамъ, навѣрное, засѣло самое главное гнѣздо этихъ негодяевъ.

Солдаты молчали, искоса поглядывая по сторонамъ, вѣтъ ли гдѣ засады. Твердый снѣгъ звучно похрустывалъ подъ ихъ ногами, и мѣрный топотъ глухо отдавался въ предательской тишинѣ пустынныхъ переулковъ. Вечерѣло, но нигдѣ не было ни огонька,—все точно вымерло. Густой сумракъ чернѣлъ во впадинахъ запертыхъ воротъ, тая въ себѣ что-то загадочное и зловѣщее. Въ домахъ, еще недавно полныхъ жизни, звуковъ и свѣта, царило глубокое молчаніе; за окнами тускло бѣлѣли спущенныя шторы. Казалось, отсюда глядѣла сама смерть—жадная, злая, торжествующая смерть...

Солдаты молчали.

— Вотъ что, ребята!—продолжалъ офицеръ ласково, чуя смущенной душой тревожное настроеніе солдатъ.—Вы, ребята, ужъ постарайтесь! Сами знаете, надо хорошенько наказать измѣнниковъ. Послужите батюшкѣ-царю... получите хорошую награду! Разнесемъ въ дребезги эту подлую шайку!

— Рады стараться, ваше благородіе!—негромко отозвались солдаты.

Чу!.. что-то зашевелилось подъ воротами одного дома и кубаремъ покатилося черезъ улицу. Солдаты шарахнулись въ сторону; офицеръ помертвѣлъ и схватился за револьверъ.

— Тыфу, подлая! — сказала, наконецъ, одинъ изъ солдатъ.—Это собачонка!.. Пришибить бы ее, въдму!..

Они выстроились и снова пошли, косясь на дома, которые угрюмо смотрѣли на нихъ тусклыми бѣльмами своихъ завѣшанныхъ оконъ. Почему знать, можетъ быть, за однимъ изъ этихъ оконъ притаился кто-нибудь изъ *тѣхъ* и злорадно ждетъ удобной минуты, что бы пустить въ крадущагося врага предательскую пулю. Тошное ощущеніе смертельнаго страха леденить солдатскія сердца; они ежятся и замедляютъ шагъ. Ноги подламываются; мышцы слабнуть; въ рту—отвратительная, вязкая горечь. Одинъ спотыкается; прикладъ съ сухимъ стукомъ ударяется въ твердый снѣгъ.

— Падай!.. ч-чортъ...—зашипѣли на него товарищи.

Споткнувшійся оправился и что-то сердито пробурчалъ. Дома молчали; тускляя бѣльма изъ оконъ стали еще угрю-

мѣе, еще загадочнѣе. Казалось, тамъ кто-то кривлялся и хохоталъ беззвучнымъ, торжествующимъ смѣхомъ. Если бы ~~мы~~ увидеть, схватиться съ *ними* лицомъ къ лицу, грудь съ грудью,—это было бы весело, это совсѣмъ не страшно,—въ такомъ открытомъ бою есть смыслъ и красота. Но идти въ потемкахъ, на встрѣчу молчанію и пустотѣ, ждать пули изъ-за угла и самому бить неизвѣстно кого, неизвѣстно зачѣмъ,—это было отвратительно и страшно... Кто *они* такіе, эти смѣлые люди, загрозоздившіе городъ своими баррикадами? Чего *они* хотятъ? Почему *они* возстали на порядокъ и законъ?..

— Смир-рно!..—скомандовалъ вдругъ офицеръ хриплымъ шопотомъ.

Отрядъ замеръ. Вотъ она, эта проклятая баррикада! Безобразнымъ чудовищемъ расплзлась она на перекресткѣ двухъ длинныхъ, кривыхъ переулковъ, и съ побѣднымъ шумомъ трепещетъ надъ нею красное знамя, точно громадная огненная птица. Такъ же, какъ и вездѣ, ни одного огонька не было здѣсь,—всѣ фонари были срублены и пошли на постройку баррикады. Но гдѣ-то далеко на темнѣющемъ небѣ взвилось пламя пожара, и багряные переливы зарева играли на яркомъ, какъ кровь, лоскутѣ кумача. И золотыя слова: „Да здравствуетъ свобода!“—струились сверкающей зыбью, бросая искры въ темноту и холодъ угрюмаго декабрьскаго вечера.

Офицеръ вполголоса отдавалъ быстрыя, короткія приказанія. Солдаты разсыпались въ цѣпь и стали осторожно, по кошачьи подползать къ безмолвной баррикадѣ. Но тамъ уже были на-сторожѣ. Внезапно вспыхнулъ короткій, желтый огонекъ, шелкнулъ сухой выстрѣлъ, и одинъ изъ ~~на~~падавшихъ со стономъ приникъ къ землѣ.

— Пли!—бѣшено закричалъ офицеръ, хватаясь за саблю.

Туча пуль понеслась на встрѣчу одинокому выстрѣлу съ баррикады. Пули звучно шелкались въ дерево, съ визгомъ впивались въ ледяную стѣну; что-то шуршало и сыпалось кругомъ. Баррикада не торопилась отвѣчать, но каждый разъ, какъ тамъ вспыхивалъ огонекъ, сопровождавшійся негромкимъ звукомъ, на этой сторонѣ кто-нибудь вскрикивалъ и отползалъ къ стѣнамъ домовъ, зажимая рукой лившуюся изъ раны кровь.

Кровь и злоба опьянили гвардейцевъ. Офицеръ обнажилъ саблю.

— На приступъ, ребята!—закричалъ онъ.—Перебьемъ измѣнниковъ... За мной!

Солдаты съ проклятіями ринулись впередъ и, цѣпляясь руками за проволоку, разрывая ее прикладами и штыками,

яростно опрокидывая куски дерева и льда, начали карабкаться на ледяную стѣну. Еще двое упали по дорогѣ, но товарищи уже не обращали на нихъ вниманія и, топчя ногами ихъ тѣла, ворвались въ непріятельскую крѣпость.

— Ур-ра!..

Крѣпость была взята, и побѣдители, одинъ за другимъ перепрыгивая черезъ опрокинутые телеграфные столбы, вошли въ ея предѣлы. Зарево пожара становилось все ярче и ярче и кровавымъ отблескомъ обливало ихъ искаженныя злобой лица.

— Гдѣ они? Бей ихъ! Коли! Не давай пощады!—въ какомъ-то безуміи ревѣлъ офицеръ, размахивая саблей, которая въ свѣтѣ разгоравшагося пожара казалась обгащенной кровью.

Но, спрыгнувъ на землю, онъ остановился и съ удивленіемъ оглядѣлся кругомъ. Гдѣздо измѣнниковъ было въ ихъ рукахъ, но гдѣ же они сами? Торчатъ изъ груды обломковъ оглобли опрокинутыхъ саней; тускло поблескиваютъ громады буквы какой то вывѣски, поставленной стоймя,—и больше ничего и никого...

Баррикада была пуста.

— Мерзавцы... Трусые!—пробормоталъ смущенный офицеръ.—Попрятались каналыи..

Онъ не договорилъ. Грянулъ выстрѣлъ; офицеръ ахнулъ и сабля выпала у него изъ рукъ.

— Вотъ они! Вотъ они!—закричали солдаты, бросаясь въ уголъ баррикады, примыкавшій къ высокой каменной оградѣ какого-то сада.

Тамъ, скрытый густой тѣнью, падавшей отъ стѣны, стоялъ только одинъ человѣкъ и спокойно цѣлился въ офицера, готовясь повторить выстрѣлъ.

— Держи его... Хватай! Отберите у него револьверъ...—командовалъ офицеръ, съ болѣзненной гримасой стискивая лѣвой рукой раненое правое плечо.

Человѣкъ выстрѣлилъ еще разъ. Пуля съ визгомъ пронеслась подъ головой офицера и сбила съ него фуражку.

На мгновение солдаты растерялись, но потомъ всей грудой навалились на стрѣлявшаго, обезоружили его, толкали, били и одинъ изъ нихъ уже поднялъ прикладъ надъ его головой, готовясь размозжить ему черепъ.

— Стой, погоди, ребята!—крикнулъ офицеръ.—Раздѣлаться съ нимъ еще успѣемъ. Надо его допросить. Взяли у него револьверъ?

— Здѣсь, ваше благородіе!—отозвался одинъ изъ солдатъ, съ торжествомъ побѣдителя подымая надъ головой револьверъ.

— Ну... ведите его сюда.

Солдаты, потные, красные, тяжело дыша отъ неудовлетворенной злобы, потащили революціонера къ офицеру.

— Иди, дьяволь... Сколько народу загубилъ... Еще валандайся съ нимъ... Прикончить бы на мѣстѣ, какъ бѣшеную собаку!..

Кто-то не вытерпѣлъ и ударилъ революціонера по шеѣ. Озлобленные, голодные, уставшіе солдаты едва сдерживались, чтобы не растерзать его на части. Офицеръ прикрикнулъ на нихъ:

— Говорятъ вамъ, не трогайте его!

Солдаты, глухо ворча, подвели къ нему плѣнника. Теперь они стояли лицомъ къ лицу,—представители двухъ чуждыхъ міровъ,—аристократъ и сынъ народа, офицеръ и революціонеръ, оба молодые, оба—дѣти одной матери, Россіи, но страшно далекіе, страшно чужіе другъ другу. Они обмѣнялись взглядами,—одинъ тонкій, блѣдный, съ нѣжными, какъ у женщины, руками, съ надменнымъ и капризнымъ лицомъ; другой—коренастый, широкоплечій, съ сильными, упругими мышцами, съ темною обвѣтренною кожей, привыкшей къ воздуху и огню. И если офицеръ своей наруганностью напоминалъ хрупкую фарфоровую статуэтку, то защитникъ баррикады казался вылитымъ изъ стали и желѣза. Большіе черные глаза весело и дерзко сверкали на его смугломъ лицѣ; шапка во время свалки съ него свалилась, и короткіе, густые русые волосы вздымались надъ крутымъ четырехугольнымъ лбомъ. Чуть-чуть насмѣшливая улыбка подергивала его губы, опущенныя небольшими рыжеватыми усами. Одѣтъ онъ былъ въ короткую кожаную куртку, синюю рубаху безъ пояса и высокіе валеные сапоги.

Съ минуту офицеръ и плѣнникъ смотрѣли другъ на друга: офицеръ—съ брезгливою гримасой, плѣнникъ—вызывающе и насмѣшливо.

Потомъ офицеръ опустилъ глаза.

— Это ты стрѣлялъ въ меня?—спросилъ онъ отрывисто и враждебно.

— Я!—съ усмѣшкой отвѣчалъ революціонеръ.

— Н-негодяй...—морщась, промолвилъ офицеръ и потуже перетянулъ носовымъ платкомъ раненую руку.—Гдѣ же твои сообщники?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Какъ видите, я здѣсь одинъ.

— Лжешь!—закричалъ офицеръ раздраженно и топнулъ ногой.—Они попрятались, твои милые товарищи! Гдѣ они? Говори.

— Я одинъ!—спокойно повторилъ революціонеръ, и въ его прищуренныхъ глазахъ мелькнули веселые, злые огоньки.

— Одинъ! Ты еще скажешь, что ты одинъ перестрѣлялъ моихъ людей? Ты одинъ строилъ эту баррикаду? Ты одинъ палилъ отсюда въ казаковъ и драгунъ?

— Одинъ!—сказалъ молодой человѣкъ, и губы его задрожали отъ беззвучнаго смѣха.

Офицеръ взглянулъ ему въ лицо, и этотъ молчаливый смѣхъ привелъ его въ бѣшенство. Точно какая-то гранитная скала стояла передъ нимъ, и онъ чувствовалъ свое полное безсиліе сдвинуть ее съ мѣста. Кровь ударила ему въ голову. Онъ сжалъ кулакъ и сдѣлалъ порывистое движеніе къ революціонеру, какъ бы желая его ударить.

— Я тебя заставлю говорить, мерзавецъ! Я все выколочу изъ твоей глотки!..

Тотъ стоялъ и улыбался, гордо и презрительно глядя въ упоръ на своего врага. Офицеръ отступилъ и снова потупилъ глаза.

— Обыщите его!—хрипло проговорилъ онъ.

Солдаты тѣснымъ кольцомъ окружили молодого человѣка и закопошились около него, точно собаки надъ падающею. Они выворачивали сами его карманы, шарили у него за пазухой, стащили съ него валенки и вытрясли ихъ, но, кромѣ коробки папиросъ и спичечницы, ничего не нашли. Окончивъ обыскъ, они вопросительно поглядѣли на своего начальника, который стоялъ, отвернувшись, и хмуро наблюдалъ, какъ пятна крови расплзались по бѣлому платку, перетягивавшему его рану.

— Ничего нѣтъ, ваше благородіе, окромѣ что папиросы да спички.

— Разстрѣлять...—сказалъ офицеръ, и это коротенькое слово прозвучало въ багровой тишинѣ, какъ ударъ топора.

Солдаты схватили революціонера за руки, но онъ повелъ плечами и отстранилъ ихъ отъ себя.

— Не надо! Я могу умереть и безъ поддержки.

Оторопѣлые солдаты переглянулись. Молодой человѣкъ твердыми шагами отошелъ къ каменной оградѣ и, повернувшись къ ней спиною, выпрямился все такой же спокойный, смѣлый и улыбающійся. Розоватый свѣтъ пожара озарялъ его темное лицо съ упрямыми вихрами волосъ, вздымающимся надо лбомъ. Солдаты взяли винтовки на руку; звучно щелкнули затворы.

— Слушай, ты!—крикнулъ офицеръ.—Вотъ... я даю тебѣ одну минуту жизни... Скажешь ты, кто съ тобою здѣсь былъ?

Молодой человѣкъ взглянулъ на далекое небо, охвачен-

ное полымемъ пожара, на красное знамя, трепетавшее надъ баррикадой, и лицо его озарилось восторгомъ и торжествомъ, какъ будто онъ былъ не побѣжденный, а побѣдитель. Онъ поднялъ руки вверхъ.

— Прощайте, братья! За васъ умираю! За землю и народную волю! Да здравствуетъ свобода!

— Пли!—скомандоваль офицеръ.

Багровая тишина вздрогнула отъ залпа. Гулкій рокоть промчался по глухимъ переулкамъ и замеръ гдѣ-то далеко.

Революционеръ упалъ, — смерть была мгновенна. Но и мертвый онъ улыбался, и одна рука его такъ и осталась поднятой къ небу, точно онъ грозился кому-то...

На баррикадѣ стало тихо,—тихо, какъ въ могилѣ. Кровавыя волны перекатывались молчаливо на далекомъ небѣ; кровавое знамя молчаливо трепетало среди груды обломковъ. И было тихо...

— Снимите это...—сказаль офицеръ.

Солдаты безтолково затоптались на мѣстѣ, вполголоса переговариваясь и косясь на мертвеца. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, спотыкаясь и съ шумомъ за что-то задѣвая, взобрался наверхъ и сорвалъ съ древка красное знамя. Потомъ, подумавъ, онъ скомкаль его и бросиль на покойника.

На лету ткань развернулась, съ нѣжнымъ шелестомъ упала на трупъ и царственнымъ пурпуромъ одѣла его съ ногъ до головы.

Темное лицо стало еще темнѣе; отблескъ пожара отражался въ остеклѣвшихъ зрачкахъ; тускло блестя бѣлые зубы. Мертвецъ смѣялся и грозиль кому-то окоченѣвшею рукой.

И вдругъ странная жуть напала на всѣхъ. Молчаливые и смущенные, побѣдители поспѣшно выбрались изъ-за баррикады и пошли, не оглядываясь, назадъ. И чудилось имъ, что въ жуткой, красной тишинѣ встають безчисленныя полчища желѣзныхъ людей, подобныхъ тому, который лежалъ тамъ у стѣны одинъ, съ прострѣленной грудью и грозно поднятой рукой. И чьи-то торжествующіе клики гремѣли имъ вслѣдъ:

— Да здравствуетъ свобода!

Смерть Христа.

Часто снится мнѣ соборъ старинный...
Черный куполь въ дымныхъ облакахъ...
Входъ закрытый колоннадой длинной,
Сѣрый мохъ и плѣсень на стѣнахъ...

Тишина... Спать дряхлыя знамена...
Потускнѣли царскія врата..
У подножья золотого трона
Кровь струею алой разлита...

Умирили боги всѣ, какъ люди...
Такъ-же умеръ тихій Назорей
И теперь лежитъ онъ въ пыльной грудѣ
Старыхъ ризъ и восковыхъ свѣчей...

Въ даль уходятъ медленные годы
И на все кладутъ свою печать...
И никто подъ сумрачные своды
Не придетъ, какъ прежде, отдыхать...

В. Башкинъ.

Идейныя теченія современнаго народничества.

Въ ходѣ русскаго освободительнаго движенія крестьянскія волненія выдвинулись какъ-то внезапно и сразу заняли первенствующее мѣсто на фонѣ политической жизни, заставивъ съ собою серьезно считаться. Взоры всѣхъ политическихъ партій и правительственныхъ сферъ устремились на деревню, откуда раздаются — вотъ уже около двухъ лѣтъ, то стихая, то вновь вспыхивая, — раскаты народнаго восстанія. Правительство спѣшитъ провести одну реформу за другой, чтобы успокоить поднявшееся крестьянство; либеральная буржуазія, преслѣдуя ту же цѣль, стремится раздвинуть рамки своихъ программныхъ требованій и т. д. Словомъ говоря, при всякихъ политическихъ расчетахъ приходится теперь серьезно считаться съ выступленіемъ крестьянскихъ массъ, и вполне понятно, если партійныя платформы претерпѣли подъ влияніемъ этого обстоятельства извѣстное измѣненіе.

Измѣненіе это было произведено рѣшительно всѣми партіями, но обычно предпочитаютъ не замѣчать этого обстоятельства и выдвигаютъ напоказъ тѣ поправки, какія внесла въ свою программу по аграрному вопросу социаль-демократія. И конституціоналисты-демократы, и социалисты-революціонеры усиленно пользуются такимъ приѣмомъ и не упускаютъ случая послать социаль-демократіи упрекъ въ „приспособленіе“. Но одна ли с.-д. повинна въ этомъ, и не больше ли страдаютъ этимъ другія партіи, подчеркивающія свою проницательность и послѣдовательность въ программныхъ вопросахъ? Такъ, напр., одинъ изъ обличителей, г. Якобій, полагаетъ, что с.-р. „жизнь побудила лишь къ большей детализаціи аграрныхъ требованій программы, с.-д. же пришлось отказаться отъ старыхъ рѣшеній и искать новыхъ“¹⁾.

Мы могли бы привести безконечное число подобныхъ торжествующихъ заявленій, но при этомъ почти не встрѣтились бы съ попыткой объективно

¹⁾ М. Якобій. „Къ аграрному вопросу“, стр. I.
Янв. 1907 (II).

разобраться въ томъ, такъ ли все благополучно обстоитъ въ лагерѣ самихъ обвинителей, какъ это кажется имъ, и не измѣнили ли они кореннымъ образомъ своихъ взглядовъ подъ влияніемъ крестьянскаго движенія послѣдняго времени?

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду остановиться на этомъ вопросѣ, причѣмъ совершенно оставляю въ сторонѣ Б.-Д. и обращаю свое вниманіе исключительно на тотъ весьма интересный съ психологической стороны вопросъ, какую деформацію претерпѣли подъ влияніемъ „жизни“ взгляды народничества. Я не ставлю себѣ полемическихъ цѣлей. Моей задачей будетъ прослѣдить эволюцію взглядовъ идеологовъ мелкой буржуазіи подъ влияніемъ активнаго выступленія крестьянскихъ массъ и перемѣнѣ, происшедшихъ въ группировкѣ общественныхъ силъ,—иначе говоря, я желаю прослѣдить, какъ отразились измѣненія въ объективномъ ходѣ вещей въ головахъ „сознательныхъ личностей“, и какъ деформировалось подъ влияніемъ этого обстоятельства сознание „творцовъ активнаго прогресса“.

I.

Народникамъ-утопистамъ не разъ приходилось становиться лицомъ къ лицу съ суровой дѣйствительностью и подвергать испытанію свою теорію самобытнаго развитія Россіи, долженствующаго якобы привести ее къ социализму помимо капиталистической стадіи. Шагъ за шагомъ жизнь пробивала одну брешь за другой въ этой когда-то стройной теоріи. Такъ, напр., съ теченіемъ времени перестало подвергаться сомнѣнію капитализированіе городской промышленности, но земледѣлію и понынѣ приписываются еще самобытные пути эволюціи, некапиталистической, и въ русскомъ мужикѣ попрежнему многими усматривается „врожденный социализмъ“.

Затѣмъ поблекъ энтузіазмъ къ общинѣ, „артельнымъ начинаніямъ“ и т. д., но сохранилась все-таки вѣра въ самобытныя формы хозяйственной жизни,—осталась еще увѣренность въ томъ, что путь къ социализму лежитъ черезъ общину, артельные хозяйства и т. д.

Факты вѣдренія буржуазныхъ тенденцій въ крестьянскую среду съ теченіемъ времени перестали оспариваться, но имъ не придавалось существеннаго значенія, такъ какъ крестьянство въ массѣ своей есть и будетъ „трудовымъ“ элементомъ, а „психологія каждаго труженника по существу социальна“¹⁾, — слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній опасаться за ближайшую эволюцію въ деревнѣ: крестьянство, незараженное собственническими инстинктами, скоро восприметъ пропаганду „сознательныхъ лич-

¹⁾ Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 49.

ностей“ относительно „соціализаціи“ и проч. и открыть дорогу къ соціализму.

Въ такихъ радужныхъ краскахъ положеніе дѣла и настроеніе „трудящихся массъ“ рисуется еще и донынѣ едва ли не большей части народниковъ.

Крестьянское движеніе послѣднихъ 1-2 лѣтъ произвело новыя трещины въ зданіи народнической утопіи и заставило поколебаться самыя основы народнической догмы — вѣру въ соціалистическія чаянія русскаго мужика: по всѣмъ направленіямъ эсъ-эртства идетъ ломка прежнихъ устоевъ, совершается ревизія старыхъ взглядовъ, а не только того или другого пункта программы.

И раньше, конечно, голоса въ деревни должны были бы наводить на невеселыя размышленія сторонниковъ „самобытныхъ путей“, и раньше они могли бы видѣть, какое исключительное мѣсто въ крестьянскомъ сознаніи занимаютъ партикуляристическіе, а не „общенародные“ интересы. Словомъ, они могли бы видѣть, если бы не закрывали глаза передъ дѣйствительностью, буржуазный характеръ идеологии обвинявшихъ бунтарей. Но они были ослѣплены народническими предрасудками, а то обстоятельство, что движеніе до самаго послѣдняго времени не выходило изъ рамокъ единичныхъ вспышекъ, оставляло еще мѣсто для оптимистическихъ надеждъ въ указанномъ выше направленіи.

Теперь вмѣстѣся налицо опытъ широкаго крестьянскаго возстанія; крестьянство такъ или иначе возвысило свой голосъ, и въ немъ явственно зазвучали отнюдь не соціалистическія ноты.

Въ происходящихъ бунтахъ, въ этомъ стихійно-разрушительномъ движеніи изголодавшагося крестьянства, при самой пылкой фантазіи нельзя усмотрѣть ничего, кромѣ протеста противъ отживающаго крѣпостного строя, закабалившаго крестьянина и держащаго его на положеніи, граничащемъ съ полнымъ разореніемъ. „Мы хотѣли и хотимъ есть“, отвѣчали властямъ курскіе крестьяне (въ началѣ 1905 г.). Подъ этимъ лозунгомъ совершалось все погромное движеніе крестьянства за послѣднее время; при этомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе примѣнялась элементъ злобы и жажда мести „Усмирителямъ“.

Крестьянское движеніе, какъ извѣстно, не ограничилось „бунтами“, этой стихійной формой протеста. Наряду съ погромами, поджогами и т. п. все сильнѣе и сильнѣе пробивалась струя сознательнаго, болѣе или менѣе организованнаго, движенія. Для насъ въ настоящее время это движеніе представляетъ интересъ лишь постольку, поскольку оно вылилось въ форму сколько-нибудь опредѣленныхъ требованій политическаго и соціальнаго характера. Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ многочисленныя приговоры, наказы, петиціи, а также революціи крестьянскихъ съѣздовъ.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ представляются чаянія бунтующихъ крестьянъ на основаніи указанныхъ выше заявленій.

Отбрасывая всё частности, мы можемъ свести содержаніе этихъ заявленій къ двумъ основнымъ требованіямъ: къ требованію демократизаціи политическаго строя и къ скорѣйшему осуществленію земельной реформы въ смыслѣ удовлетворенія крестьянской нужды въ землѣ.

По поводу требованій перваго рода намъ нечего особенно распространяться. Можно спорить о томъ, насколько масса населенія прониклась сознаніемъ необходимости „воли“, но нельзя отрицать того, что эти требованія болѣе или менѣе удачно формулируютъ тѣ демократическія задачи, которыя выдвигаются передъ крестьянствомъ,—сознаеть оно это въ своей массѣ или нѣтъ—безразлично.

Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ требованіемъ „земли“. Выкладываютъ ли крестьяне въ него тотъ же смыслъ, что и эсъ-эры, которымъ въ каждомъ бунтующемъ мерещится социализмъ, добивающійся „націонализаціи“ и „уравнительнаго землепользованія“? Достаточно поверхностнаго взгляда на крестьянскіе приговоры, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Въ этихъ заявленіяхъ наиболѣе „сознательной“ части крестьянства недвусмысленно проглядываетъ буржуазный характеръ требованія „земли“. Ни о націонализаціи, ни о социализаціи, ни объ уравнительномъ пользованіи въ нихъ, за единичными исключеніями, не упоминается ни слова. Лейтмотивомъ всѣхъ ихъ звучитъ одно и то же: „добывайте намъ землю“, „твердо стойте за землю“, „требуйте землю“.

„Крестьяне страстно желаютъ получить землю, но прежде всего каждый крестьянинъ, каждая деревня — для себя... Наряду съ этимъ необходимо отмѣтить довольно *равнодушное отношеніе* крестьянскихъ массъ къ формамъ, въ какихъ онѣ могутъ получить землю“. Мало того. Имѣется на-лицо и прямо враждебное отношеніе къ „уравнительному землепользованію“, къ поравненію. Поэтому „представляется опаснымъ даже... давать поводъ думать, что предполагается осуществлять нѣчто подобное“¹⁾.

Все это говорить не кто иной, какъ г. Пѣшехоновъ, вчера еще, можно сказать, исповѣдавшій догматъ о социалистическомъ черепѣ русскаго мужика. Отказываясь отъ „поравненія“, г. Пѣшехоновъ, по мнѣнію своего бывшаго товарища по партіи В. М. Чернова, вынимаетъ „душу“ у народническаго „идеализма“²⁾. Мы вполнѣ можемъ понять поэтому, насколько г. Чернову „больно констатировать“³⁾ отказъ своего соратника отъ „души идеализма“, а также признаніе г. Пѣшехонова, что крестьяне враждебно настроены къ „уравнительному землепользованію“, что они лишь „желаютъ получить землю, а не отдать ее“, что эсъ-эры „вынуж-

¹⁾ См. „Русское Богатство“, 1906 г., августъ, стр. 202 и 205.

²⁻³⁾ См. „Сознательная Россія“, № 3, стр. 32 и 29.

дены считаться съ привитыми уже ей (крестьянской массѣ) чувствами собственности по отношенію къ надѣльнымъ землямъ“¹⁾.

Къ такому заключенію г. Пѣшехонова привелъ анализъ всего крестьянскаго движенія послѣдняго времени. Мы не можемъ не согласиться съ г. Пѣшехоновымъ въ этомъ взглядѣ. Соціалъ-демократія постоянно указывала, насколько народническія представленія относительно якобы социалистическихъ стремленій крестьянской массы грѣшатъ предвзятымъ мнѣніемъ, утопизмомъ. Такую именно оцѣнку эсъ-эрта пришлось, между прочимъ, давать намъ лично на страницахъ „Образованія“²⁾ не далѣе, какъ за мѣсяць до появленія, покаянной статьи г. Пѣшехонова. Я указывалъ тамъ, что „крестьянство не задумывается надъ проектами водворенія уравнительнаго землепользованія, а тѣмъ болѣе не стремится къ социализаціи земли“. Я говорилъ также о томъ, что „уравнительныя тенденціи въ крестьянскомъ движеніи выдвигаются не въ смыслѣ урегулированія пользования землей, а лишь въ отношеніи захвата ея“.

Къ такому выводу приводить не только анализъ крестьянскихъ приговоровъ, но и революцій крестьянскихъ съѣздовъ, участники которыхъ, какъ казалось, должны были бы больше быть подвержены влиянію „сознательныхъ личностей“, чѣмъ рядовые крестьяне. Мы видимъ, однако, что и тутъ о „соціализаціи“ не заходитъ даже и рѣчи, такъ же, какъ и объ „уравнильномъ землепользованіи“,—этихъ двухъ китахъ ортодоксальнаго эсъ-эрта. Какъ въ приговорахъ, такъ и въ резолюціяхъ съѣздовъ (исключая областного сѣвернаго, носившаго интеллигентскій—эсъ-эртскій характеръ) выдвигался „трудоваго“, а не „уравнильный“ принципъ: землей долженъ пользоваться только тотъ, кто трудится на ней съ своей семьей, безъ наемнаго труда. При этомъ у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что если отобрать землю у помѣщиковъ, удѣловъ и пр., то ея съ избыткомъ хватитъ всѣмъ „трудящимся“. „Сколько нужно, столько и получай“, говорилъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ делегатъ Владимірскаго губерніи.

Вотъ эта-то именно надежда получить при передѣлѣ помѣщичьихъ и пр. земель въ „общенародную собственность“ „сколько нужно“ и составляетъ основной тонъ большинства крестьянскихъ заявленій. По этому поводу г. Громанъ вполнѣ основательно замѣчаетъ: „Классъ самостоятельныхъ производителей, мелкихъ и среднихъ хозяйственныхъ мужиковъ ищетъ наиболѣе удобной и выгодной ему формы земельного строя, находитъ ее въ правѣхъ cadaque, желающаго обрабатывать землю, на пользованіе землей“³⁾.

1) См. „Народно-соціалистическое обозрѣніе“, № 2, стр. 15.

2) „Образованіе“, 1906 г., № 8, стр. 16—17.

3) „Матеріалы къ крестьянскому вопросу“, стр. 13.

Намъ придется еще дальше остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, пока же лишь отмѣтимъ, что буржуазныя тенденціи проявлялись въ крестьянскомъ движеніи на каждомъ шагѣ: въ петиціяхъ, въ революціяхъ съѣздовъ, наконецъ, въ Думѣ, гдѣ образовалась сплоченная масса крестьянскихъ депутатовъ, пришедшихъ „не отдавать, а получать“ землю и отвергнувшихъ аграрный проектъ „эсъ-эровъ“.

Это теченіе признаютъ теперь основнымъ и многіе народники. О мнѣніи г. Пѣшеконова я говорилъ уже выше. Послушаемъ теперь другихъ, незначащихся въ спискахъ оппортунистовъ. „Такъ, напр., одинъ изъ анонимныхъ максималистовъ утверждаетъ, что хотя „малоземельные и безземельные крестьяне хотятъ земли, но чтобы они ясно понимали социализацию земли такъ, какъ понимаютъ это социалисты-революціонеры, — большинство крестьянъ, не увлекаясь, нельзя сказать“¹⁾.

Въ словахъ лидера ортодоксальнаго эсъ-эрта, г. Чернова, также звучитъ сомнѣніе. По его признанію, „индивидуалистическія тенденціи... представляютъ опредѣленную опасность для судебъ крестьянскаго движенія, угрожая расколоть его на мелкія группы, расхватывающія земли въ свое исключительное достояніе — кто что себѣ достанетъ, каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“²⁾.

Наряду съ такими болѣе или менѣе осторожными оцѣнками движенія изъ среды народниковъ продолжаютъ раздаваться прежніе восторженные гимны коллективистскому черепу крестьянина. Въ противоположность г. Пѣшеконову, который полагаетъ, что крестьяне встрѣтятъ въ колы всякаго, кто вздумаетъ заикнуться о „поравненіи“ надѣльныхъ земель, — г. Новоторжскій, напр., категорически настаиваетъ на томъ, что крестьяне единогласно утверждаютъ, „что надѣльныя земли надо „смѣшать“, пустить „въ смѣсь“, причеиъ всѣми (съ кѣмъ сталкивался г. Н.) ясно сознавалась необходимость и послѣдовательность такого рѣшенія“. „Да и въ тысячахъ крестьянскихъ приговоровъ, — говоритъ онъ, — нигдѣ нѣтъ оговорки, что надѣльныя земли должны хотя бы временно остаться на старомъ основаніи“³⁾. По словамъ г. Новоторжскаго, всѣ крестьяне — сознательные сторонники „социализаціи“.

Также и по мнѣнію максималиста Е. Таг—ина, „факты работы среди трудового крестьянства наглядно, лучше цифръ и „науки“, показываютъ, съ какою жадностью впитываетъ въ себя крестьянинъ мысли объ общественной организаціи хозяйства“⁴⁾.

¹⁾ „Прямо въ цѣли“, стр. 14.

²⁾ См. „Сознательная Россія“, кн. III, стр. 31.

³⁾ „Значеніе права на землю“, стр. 12.

⁴⁾ „Принципы трудовой теоріи“, стр. 50.

Другой максималистъ полагаетъ, что „крестьяне въ своихъ приговорахъ, союзахъ, наказахъ членамъ Думы стоять за социализацію земли“¹⁾.

По убѣжденію г. Рощина, „социализація земли соотвѣтствуетъ основному міросозерцанію трудового крестьянства“²⁾.

Мы могли бы привести немало подобныхъ противорѣчивыхъ утверженій относительно „склонности крестьянъ къ „социализаціи“, „уравнительному землепользованію“ и т. д., но и указанныхъ [выше, намъ думается, достаточно, чтобы видѣть, какая путаница царитъ въ умахъ народниковъ по поводу оцѣнки крестьянскаго движенія и его перспективъ. Тутъ сколько головъ, столько и рѣшеній, причеиъ 'разногласіи выходятъ' изъ рамокъ франкціонныхъ группировокъ. А вѣдь это и есть основной вопросъ, это „душа идеализма“ народниковъ и, если вынуть эту душу, какъ дѣлаетъ, напр., г. Пѣшехоновъ и пр., то народническая догма распалется по всѣмъ швамъ, придется признать тогда, что пресловутая община отнюдь не воспитывала въ крестьянахъ социалистическій духъ. Мало того,—придется, какъ это и дѣлаетъ г. Пѣшехоновъ, отрясти прахъ социалистическихъ мечтаній изъ боязни напугать крестьянина, думающаго лишь о расширеніи своихъ владѣній на счетъ помѣщичьихъ земель.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что современное крестьянское движеніе ребромъ поставило передъ народниками тотъ вопросъ, который всегда задавали имъ „буржуазные“ социаль-демократы: вопросъ о „типѣ аграрной эволюціи“. То, что не могли сдѣлать доводы логики, совершили факты жизни, и часть народниковъ, продолжая упрекать социаль-демократовъ въ „буржуазности“³⁾,—открыто повернула свой руль въ море оппортунизма, начертавъ на своемъ знамени: защита собственническихъ инстинктовъ крестьянскихъ массъ⁴⁾. Другая часть народниковъ еще колеблется и продолжаетъ вдыхать „душу идеализма“ въ умирающую догму; нак онецъ, третья часть, драпируясь въ громкія фразы, сбѣжить „прямо къ цѣли“, чтобы теперь же осуществить анархическій мѣщанскій социализмъ.

Крестьянское движеніе, выступленіе массъ на политическую сцену, послужило, такимъ образомъ, самымъ лучшимъ реактивомъ для разоблаченія мелкобуржуазнаго характера народническихъ утопій.

Очертивъ въ общихъ штрихахъ тѣ основныя теченія, которыя возникли въ настоящее время въ средѣ народничества, перейдемъ теперь къ болѣе подробному анализу психологическихъ элементовъ этихъ теченій.

Начнемъ съ *максималистовъ*.

1) „Прямо къ цѣли“, стр. 3.

2) „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.“, стр. 121.

3) См. статью Пѣшехонова въ „Трудовомъ Народѣ“, № 1, стр. 10—11.

4) См. статью А. Пѣшехонова. „Русское Богатство“. 1906 г., августъ, стр. 203.

II.

Нилкая фантазія народолюбивой интеллигенціи всегда была склонна опережать ходъ событій. Медленными и ненужными казались ей переходныя стадіи экономического развитія; ея мечты о будущем „справедливомъ устройствѣ общества“ питались вѣрой въ своеобразную укладъ русской деревни, въ воспитательное значеніе общины и п. т. пережитки „самобытности“.

Съ этой точки зрѣнія между капитализмомъ и социалистическимъ строемъ не только не мыслилось преосветленной связи, но усматривался даже рѣзкій антагонизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, торжественное шествіе капитализма лишь подтачиваетъ самобытныя, якобы полусоциалистическія, формы жизни,—не приближаетъ, а лишь удаляетъ моментъ наступленія социалистической эры. Вся философія народника, поэтому, подсказывала ему, что *нужно* миновать капиталистическую стадію искушенія. Данные для такого минованія имѣлись, по убѣжденію народника, налицо; все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы развить сознание „трудящихся массъ“ и подвинуть ихъ на борьбу за социализмъ. Въ этомъ направленіи и должна была работать „сознательная личность“, творецъ „активного“, а не „механическаго“ прогресса. Народникамъ-утопистамъ казалось, что достаточно воспламенить сознание массъ относительно несправедливости существующаго строя, достаточно даже просто вызвать стихійное возстаніе „трудящихся“, и гнилой буржуазный строй рухнетъ, а на остаткахъ его расцвѣтетъ „социализмъ“, предпосылки для котораго заложены въ хозяйственномъ укладѣ деревни и въ психологіи крестьянина-труженика.

Въ такой атмосферѣ пышнымъ цвѣтомъ распускались „самобытныя“ формы анархизма, бунтарства и пр., и пр. Особенно богата въ этомъ отношеніи исторія 60-хъ и 70-хъ гг. Въ послѣдующее время, подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности, оптимизмъ народниковъ полекъ: русскій мужикъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ по части водворенія „социализма“; предстояло поэтому еще не мало работать надъ просвѣщеніемъ сознания этого „природнаго социалиста“,—и мы видимъ, что въ 80—90-ые годы анархическія и бунтарскія теоріи перестаютъ быть властителями думъ народолюбивой интеллигенціи, хотя основная философія бунтарства продолжаетъ оставаться фундаментомъ народническихъ утопій.

И вотъ теперь, когда казалось уже, что анархическая стадія, въ ея чистомъ видѣ, давно уже отошла въ область преданій, она снова рѣзко и опредѣленно всплыла на общественную сцену. Могучее революціонное движеніе послѣдняго времени подняло самую муть народнической утопій, долго лежавшую подъ спудомъ. Возстаніе крестьянъ, котораго не удалось вызвать „сознательнымъ личностямъ“ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому

назадъ,—теперь разразилось съ небывалой стихійной силой и вскружило эспансивныя головы, продолжавшія исповѣдывать символъ вѣры „самобытности“ и возможности для Россіи миновать капиталистическую стадію развитія. Опять, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, раздалась призывы ити „прямо къ цѣли“, въ царство „соціализма“ и отрясти прахъ „буржуазности“ отъ ногъ своихъ.

Знамя это поднято и теперь анархической вѣтвью народничества (максималистами), которая ничему не научилась, но многое позабыла за истекшее время.

Реальное значеніе максимализма,—этого перелицованнаго на современный ладъ анархическаго народничества,—само по себѣ невелико, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ для насъ мало интереса: это лишь накипь на бурномъ революціонномъ движеніи, всколыхнувшемъ самыя низы населенія.

Для насъ гораздо интереснѣе разобрать указанное теченіе съ его психологической стороны и прослѣдить тѣ метаморфозы, какія претерпѣла въ данномъ случаѣ философія народничества.

Уже самое поверхностное знакомство съ максималистскою философіей сразу вводитъ насъ въ кругъ идей „русской субъективной школы“. Всѣ основныя предпосылки взяты ею изъ арсенала стараго народничества и выводы изъ нихъ сдѣланы весьма послѣдовательно. Не вина максималистовъ, если они, отправляясь логическимъ путемъ отъ этихъ предпосылокъ, пришли къ абсурдному заключенію.

Вѣрные народническимъ традиціямъ, максималисты представляютъ себѣ процессъ общественнаго развитія, какъ непрестанную борьбу „личности“ за сохраненіе и развитіе своей „индивидуальности“. „Общество,—говоритъ Е. Таг—инъ,—стремится уничтожить въ немъ (въ человѣкѣ) всѣ индивидуальныя проявленія“. Достигнуть вполне этой цѣли оно, однако, не можетъ, такъ какъ „этого не допустить вѣчная, бдительная мысль и создающая воля человѣка“. Несмотря, такимъ образомъ, на противодѣйствіе „общества“, въ жизни совершается „прогрессъ“, который является „результатомъ дѣйствія имманентныхъ (внутренне-присущихъ) законовъ, лежащихъ въ конечномъ счетѣ въ природѣ человѣка“¹⁾.

Въ центрѣ историческаго развитія находится „сознательная личность“, которая „творитъ прогрессъ“, опираясь на массы. „Роль единичныхъ личностей въ освобожденіи трудового класса огромна,—говоритъ тотъ же г. Таг—инъ,—но она не все. Борьбу рѣшаютъ массы“. Назначеніе „сознательныхъ личностей“ заключается въ томъ, чтобы подавать „примѣры борьбы“ и развивать такимъ образомъ „не только сознание, но и волю и настроеніе массъ“²⁾. Развитію объективныхъ факторовъ,—

¹⁾ Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 11.

²⁾ Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 73—74 и 18.

производительныхъ силъ, техники, максималисты придаютъ, конечно, самое второстепенное значеніе, потому что, „если бы даже техника оставалась болѣе или менѣе на одномъ уровнѣ, сознаніе общности и однородности людей все равно просачивалось бы въ массы, только значительно медленнѣе“ ¹⁾.

Итакъ, рано или поздно, но независимо отъ степени хозяйственнаго развитія страны, происходитъ „возмущеніе сознательныхъ силъ“. Въ этомъ, по мнѣнію максималистовъ, и заключается смыслъ всякой революціи. Историческій процессъ мыслится ими, какъ постепенное накапливаніе „сознательности“, какъ развертываніе имманентныхъ силъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка. На извѣстной стадіи этого накапливанія совершается „возмущеніе сознательныхъ силъ“, прогрессъ совершается усиленнымъ темпомъ, иначе говоря, наступаетъ революція ²⁾.

Въ сущности, такая конструкція „прогресса“ обща всемъ отгѣнкамъ народничества ³⁾, разница заключается только въ томъ, что одни приписываютъ больше, другіе меньше значенія объективнымъ факторамъ, какъ тормазу историческаго процесса ⁴⁾.

Чтобы наглядно демонстрировать различіе этихъ отгѣнковъ, возьмемъ, напр., вопросъ объ отгѣнкѣ текущаго момента различными теченіями народнической мысли.

Исходя изъ субъективныхъ предпосылокъ, народники убѣждены въ томъ, что

Россію аршиномъ общимъ не измѣрять;

Въ Россію надо вѣрить.

¹⁾ Свѣтловъ. „Задачи грядущаго“, стр. 9.

²⁾ По мнѣнію максималистовъ, теперь наступилъ моментъ социальной революціи; теперь, благодаря извѣстному накопленію сознательности, „надежды (народниковъ) на то, что революціоннымъ путемъ удастся круто поворотить развитіе нашей земледѣльческой страны на путь развитія трудового, а не буржуазнаго хозяйства, начинаютъ осуществляться“ (См. „Протоколы 1-го сѣзда партіи с.-р.“, стр. 110).

³⁾ Л. Шишко. „По программнымъ вопросамъ“, стр. 33 и 108.

⁴⁾ Интересныя пренія о роли „экономическаго фактора“ и „сознательной личности“ въ историческомъ процессѣ возникли на первомъ сѣздѣ с.-р. Часть делегатовъ сѣзда рѣзко нападала на выработанный бюро проектъ *введенія* къ программѣ. Въ немъ она усматривала „явно матеріалистическій характеръ, какъ результатъ вліянія марксизма“ (Рѣчь г. Павлова, см. стр. 101 „Протоколовъ“). Авторамъ проекта пришлось оправдываться и клясться въ непричастности къ марксистской ереси и въ вѣрности народнической догмѣ. Г. Тучкинъ полагалъ, что хотя въ проектѣ экономическіе факторы занимаютъ видное мѣсто, но, если посмотреть въ корень дѣла, то общаго у марксистовъ съ этимъ проектомъ ничего не окажется — имѣется лишь общая „терминологія“ (стр. 136). — Въ результатѣ сѣздъ постановилъ „рѣзче подчеркнуть этическое обоснованіе социалистическаго идеала“ (стр. 241).

И народники „вѣрятъ“, что Россіи суждено пріобщиться къ социализму не въ примѣръ прочимъ странамъ, вслѣдствіе „самобытныхъ началъ“. Такъ, напр., одинъ изъ правовѣрныхъ эсъ-эровъ, г. Л. Шишко, полагаетъ, что „соціалистическій переворотъ... не можетъ быть обоснованъ научно исключительно изъ условій успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капиталистическаго способа производства“. Даже наоборотъ, „сила сопротивленія, встрѣчаемая рабочимъ движеніемъ со стороны буржуазіи въ слабо промышленныхъ странахъ, пропорціонально гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ развитою капитализма“. Иначе говоря, „слабо-промышленныя страны“ (читай: Россія) должны открыть путь къ социализму.

Такого же мнѣнія держатся минималисты и максималисты народничества. Разница между ними заключается лишь въ оцѣнкѣ момента; весь вопросъ сводится къ тому: настало для Россіи такое время или еще нѣтъ, когда крестьянство должно проявить, наконецъ, свою „самобытность“ и шагнуть въ царство „соціализма“. Одни рѣшаютъ этотъ вопросъ положительно, другіе отрицательно. Къ числу первыхъ принадлежатъ, между прочимъ, максималисты.

По мнѣнію максималистовъ, въ Россіи имѣются всѣ данныя налицо для того, чтобы теперь же совершилась социальная революція. Доводы ихъ таковы:

Во-первыхъ,—и это самое главное,—„стремленіе народа покончить съ гнуснымъ старымъ существованіемъ и водворить новую (?) жизнь“ стало „неодолимымъ импульсомъ, надъ которымъ уже самъ народъ не властенъ“¹⁾.

„Весь народъ,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—сверху до низу охваченъ революціоннымъ процессомъ“, „недовольство и мятежный духъ проникаютъ даже въ такую среду, какъ дворники, монастырскіе послушники, духовенство, городовые и, наконецъ, казаки“²⁾. Такія эпохи, какъ настоящая, характеризуются „поразительно быстрымъ ростомъ революціоннаго настроенія и почти моляіеноснымъ распространеніемъ революціонныхъ идей“³⁾. Особенно слѣдуетъ имѣть въ виду, что почва для воспріятія этихъ идей подготовлена всѣмъ „самобытнымъ“ прошлымъ Россіи, что „психологическія предпосылки для перехода къ болѣе совершенному человѣческому общежитію безусловно назрѣли“⁴⁾.

Эта „новая жизнь“ и „болѣе совершенное человѣческое общежитіе“, подлежащія немедленному водворенію,—суть социалистическій строй. „Кто считаетъ русскій народъ способнымъ къ творчеству,—обращается г. Энгель-

1) М. Энгельгардтъ. „Задачи момента“. стр. 10.

2) Тамъ же, стр. 12.

3) Тамъ же, стр. 13.

4) А. Свѣтловъ, стр. 15.

гвдтъ съ упрекомъ къ эсъ-эрамъ,—а въ то же время утверждаетъ, что наша революція будеть буржуазной... тотъ впадаетъ въ глубочайшее противорѣчїе съ самимъ собой“. Творчество русскаго народа *должно* проявиться въ созданїи теперь же социалистическаго строя“ ¹⁾.

Во-вторыхъ, хотя „буржуазный строй безусловно изжилъ все свое духовное содержанїе“, но „сила и организованность буржуазїи могутъ легко вырасти до необходимости, и тогда уже будетъ поздно“ ²⁾. Настоящїй моментъ, слѣдовательно, является наиболѣе благоприятнымъ для осуществленїя социальной революціи.

Въ-третьихъ, русскїй народъ не имѣетъ „упованїа на представительныя учрежденїа“. А это-то именно „упованїе“ и „великая доброчивость“ къ представительнымъ учрежденїямъ „весьма серьезно вредятъ пролетариату на Западѣ“ въ его борьбѣ за социализмъ ³⁾.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, „случайное играетъ въ высшей степени важную роль въ исторїи революціи... роль и влїанїе отдѣльныхъ лицъ здѣсь также велики“ ⁴⁾.

Принимая во вниманїе всѣ эти „самобытности“ и „случайности“, максималисты полагаютъ, что „по матеріальнымъ и инымъ условїямъ она (социальная революція) уже и теперь осуществима“ ⁵⁾. „Соотношенїе силъ въ настоящїй моментъ въ Россїи и въ Западной Европѣ,—говоритъ г. Таг—инъ,—таково, что задачей дня является... созданїе новаго трудового царства“. Также и по мнѣнїю г. С. Максимова, въ наличности имѣются всѣ данныя для того, чтобы ставить „своей практической задачей немедленный социальный переворотъ“ (см. „Сущность максимализма“, стр. 6). Особенно подготовлена къ рѣшенїю этой задачи, какъ мы уже знаемъ изъ заявленїй максималистовъ, Россїя, такъ какъ въ ней „социалистическое сознанїе сдѣлалось господствующимъ и руководящимъ въ борьбѣ“, и такъ какъ въ ней имѣется налицо кадръ „социалистической интеллигенціи, богатой опытомъ другихъ странъ“ ⁶⁾.

И какъ вы думаете, почему „социалистическое сознанїе“ сдѣлалось вдругъ господствующимъ въ Россїи, когда, по признанїю самого же г. Таг—ина, развитїе классоваго самосознанїя задерживалось здѣсь „тысячелѣтнимъ плѣненїемъ во тьмѣ невежества, предрасудковъ и т. п.“ ⁷⁾. Для объясненїя этого выдвигается слѣдующїй доводъ: въ такіе

¹⁾ Энгельгардтъ, стр. 19.

²⁾ Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теорїи“, стр. 93.

³⁾ Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теорїи“, стр. 76.

⁴⁾ Ib., стр. 81, а также „Протоколы перваго съѣзда партїи с.-р.“, стр. 146 и 248 (слова Вазарова).

⁵⁾ Ib., стр. 76.

⁶⁾ Ib., стр. 75.

⁷⁾ Ib., стр. 49.

бурные періоды, какъ настоящій, быстро нарастаетъ „воля и настроеніе“ массы, живущихъ „въ крайне однообразной средѣ“¹⁾.

Итакъ, вотъ гдѣ корень всей русской „самобытности“ и предрасположенія мужика къ „соціализму“. Старая знакомая теорія! Она хорошо извѣстна читателю со временъ Н. К. Михайловскаго. Теперь повалообразно снова вытнута на свѣтъ Божій залежавшаяся теорія эпидемичности распространенія идей, „психической заразы“,—на почвѣ „крайняго однообразія среды“. Само собой разумѣется, что тутъ открывается широкій просторъ для „сознательныхъ личностей“ (героевъ) воспитывать „волю, сознаніе и настроеніе“ толпы,—главное, настроеніе,—культурный уровень которой не высокъ и индивидуумы которой живутъ въ ступляюще-однообразныхъ условіяхъ:

Эта вѣра въ возможность, при нѣкоторыхъ усиліяхъ со стороны „сознательныхъ личностей“, переродить психологію, поднять настроеніе „общества“, толпы, и составляетъ гвоздь всей пылкой философіи максималистовъ. Всѣ ихъ надежды питаются, въ сущности, расчетомъ на „психическую заразу“, которая, авось, охватитъ массы, пришедшія въ броженіе въ настоящую революціонную эпоху. А такъ какъ „психологія каждаго труженика, въ сущности, соціалистична“²⁾, то отсюда остается лишь одинъ шагъ до признанія „соціальной революціи задачей текущаго момента“. И, дѣйствительно, мы видимъ, какую огромную роль въ максималистскихъ настроеніяхъ играетъ эта увѣренность въ томъ, что „сознательной личности“ удастся вызвать взрывъ *стихійнаго* возстанія „толпы“. „Сознательное“ воздѣйствіе личности и „стихійная“ реакція со стороны толпы,—вотъ альфа и омега реставрированной максималистами теоріи „героевъ и толпы“, или, какъ говоритъ г. Таг—инъ, „теоріи массовыхъ увлеченій при наличности подходящей почвы“³⁾ въ видѣ „крайняго однообразія среды“.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что оцѣнка роли „сознательной личности“ у максималистовъ нѣсколько иная, тѣмъ у др. теченій народничества. Въ „сознательной личности“ максималистъ цѣнитъ прежде всего „застрѣльщика революціонно-соціалистической борьбы“. Всему складу души его противна фигура „обывателя-интеллигента“, играющаго въ общественномъ движеніи лишь „роль сводника“ между буржуазіей и „трудовыми элементами“. „Образованное общество,—говоритъ г. Таг—инъ,—плохая опера въ борьбѣ за социализмъ... Для него всего важнѣе правовое равенство, а не экономическое“. Поэтому „око и око имѣйте за этимъ класомъ, рабочіе!“, призываетъ г. Таг—инъ⁴⁾.

1) Ib. стр. 83.

2) Е. Таг—инъ, стр. 62.

3) Ib. стр. 95.

4) См. стр. 96.

Къ этому весьма понятному протесту революціоннаго чувства противъ „обывательско-интеллигентскаго“ руководительства у максималистовъ примѣшиваются специфическія ноты демагогін анархическаго пошиба. „Дѣло борьбы трудового класса должно находиться цѣликомъ въ рукахъ трудящихся,—заявляетъ тотъ же г. Таг—инъ,—остальные могутъ лишь помогать, но не управлять. Поэтому мы за лишеніе всѣхъ нетрудовыхъ элементовъ въ организаціи права рѣшающаго голоса... Они могутъ имѣть лишь совѣщательный голосъ. Чуждые труду, эти элементы слишкомъ легко склонны смотрѣть на него только, какъ на силу, и нерѣдко очень мало считаются съ его интересами“¹⁾.

Народничество вѣчно отмахивалось отъ того, чтобы подойти къ понятію „интеллигенція“ съ классовой точки зрѣнія: Еще недавно, напр., изъ авторитетныхъ круговъ заявлялось, что „соціалисты-революціонеры никогда... не соглашались разсматривать интеллигенцію, какъ классовый межеумокъ, или даже какъ извѣстный наростъ или придатокъ буржуазнаго общества... чѣмъ дальше, тѣмъ все больше проникающійся его идеологіей“. Теперь, по крайней мѣрѣ, часть народниковъ (напр., максималисты) отрѣшилась отъ этого взгляда и сопричислила интеллигенцію къ разряду „классоваго межеумка“. Но, витая въ области субъективныхъ построеній, максималисты не сумѣли избѣгнуть демагогін самаго низкаго калибра, и ихъ отрицательное отношеніе къ „интеллигенціи“, составляющей „наростъ“ у буржуазіи, перенеслось на всѣ „нетрудовые“ элементы безъ исключенія.

Рѣвче всего анархическая подкладка максималистской философіи сказалась, однако, не въ этомъ, а въ вопросѣ объ отношеніи къ политической борьбѣ. Мы говорили уже, что по мнѣнію максималистовъ задачей текущаго момента является осуществленіе соціальной революціи. По условіямъ даннаго момента, говорятъ они, это вполне разрѣшимая для Россіи задача. Каковъ тотъ „соціализмъ“, къ которому должна привести „соціальная революція“ максималистовъ,— это вопросъ иной, и мы разсмотримъ его дальше; а пока для насъ важно лишь отмѣтить, что максималисты видятъ въ происходящемъ на нашихъ глазахъ движеніи „соціальную революцію“ и съ негодованіемъ отвергаютъ всякую мысль о томъ, что совершается „буржуазная революція“. А разъ это такъ, разъ дѣло идетъ о захватѣ „трудящимися“ въ свои руки всѣхъ средствъ производства, то причемъ тутъ „политическая борьба“, борьба за какія-то тамъ свободы? Это дѣло нетрудовыхъ элементовъ; „осуществленіе демократическихъ реформъ должны брать не соціалистическія партіи, а демократическія (русскіе радикалы, к.-д., лѣвые к.-д. и имъ подобныя). Для соціалистовъ же добиваться политической свободы—значитъ „брать

¹⁾ См. стр. 95.

на себя чужую миссію“, такъ какъ всякій социалистъ, по мнѣнію г. Таг—нна, долженъ быть „убѣжденъ въ осуществимости социализма теперь же“ ¹⁾. Кто не имѣетъ такой вѣры, тотъ не социалистъ.

Изъ такого отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ вообще вытекаетъ также отрицательное отношеніе къ парламентской формѣ ея ²⁾. Мы видѣли уже, что, по мнѣнію максималиста г. Свѣтлова, западно-европейскому пролетариату много вредитъ „излишняя довѣренность и упованіе на представительныя учрежденія“ ³⁾. Эта „довѣрчивость“ мѣшаетъ пролетариату ринуться въ бой, „прямо къ цѣли“, за социализмъ. Ослабляя боевую энергію массъ, парламентаризмъ, съ другой стороны, не даетъ имъ практическихъ выгодъ. По крайней мѣрѣ „въ Западной Европѣ, гдѣ парламентаризмъ существуетъ много лѣтъ.... онъ ничего еще не далъ“ рабочимъ ⁴⁾. „Представительныя учрежденія... лишь разряжаютъ атмосферу революціонной ненависти и злобы, культивируютъ въ массахъ мѣщанско-консервативную психологію“ (Максимовъ, стр. 7 и 13).

У насъ же, въ Россіи, „при значительномъ преобладаніи сельскаго населенія, еще меньше тѣмъ на Западѣ, рабочіе сумѣютъ провести свою программу-минимумъ“ ⁵⁾. Ближайшимъ лозунгомъ момента должно быть выставлено поэтому требованіе не буржуазной, „демократической республики“, а „республики трудовой“ ⁶⁾: немедленно же „вся власть, вся земля, всѣ фабрики, заводы, рудники,—все, что служитъ въ рукахъ частныхъ лицъ источникомъ порабощенія, должно перейти въ руки всего трудящагося народа для общаго пользованія, для общаго блага“.

Итакъ, вотъ ближайшая цѣль социалистовъ, цѣль, осуществимая теперь же,—это „трудовая республика“. Программа же минимумъ, кромѣ своего характера „соглашенія“ съ буржуазіей, еще вдобавокъ и труднѣе осуществима, тѣмъ программа-максимумъ. Въ этомъ порукой опыты Западной Европы, гдѣ рабочіе не умѣютъ „провести свою программу-минимумъ“, и „самобытный“ характеръ русской жизни.

Посмотримъ теперь, что представляетъ изъ себя „социализмъ“ максималистовъ.

Не кто другой, какъ именно народники, показали, насколько разнообразный смыслъ можно вкладывать въ это пованіе. Это разнообразіе вполне согласуется въ субъективизмѣ народнической философіи.

Оставаясь вѣрными этой философіи, максималисты трактуютъ социализмъ, какъ „теорію наиболѣе справедливаго общественнаго устройства,

1) См. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 93—94.

2) См. С. Максимовъ. „Сущность максимализма“, стр. 7.

3) См. Свѣтловъ, стр. 12.

4) См. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 88.

5) „Прямо къ цѣли“, стр. 13.

6) Ib., стр. 16—5.

историческое наиболее справедливо воплощает в себя интересы трудовой личности" 1).

Все дело тут заключается в „справедливости“, „формы же социализма могут быть различны“. Такъ, напр., „социализм мыслить, какъ артельное хозяйство“ и какъ „кооперация сложнаго сотрудничества“. „Интересный опыт социализма в формѣ кооперации простаго сотрудничества,—говоритъ г. Таг—ина,—мы видимъ у духоборовъ-земледѣльцевъ въ Канадѣ 2).

Въ этихъ немногихъ словахъ выпукло очерченъ тотъ „социализмъ“, какой значится въ *максимальной* программѣ народническихъ-анархистовъ. Послѣ вышеуказаннаго заявленія мы вовсе не должны удивляться заявленію г. Таг—ина, что возможно „ввести социализмъ в одной коммуны, не вводя его въ то же время въ другихъ“. Весь вопросъ заключается въ томъ, „достаточно ли у коммуны силъ для противодѣйствія, чтобы отстоять себя“. Осуществить этотъ коммунальный социализмъ (социалистическій строй) возможно, „если врагъ достаточно дезорганизовать“. Вѣдь ввели же „социализмъ“, по мнѣнію г. Таг—ина, канадскіе духоборы, — такъ почему же нельзя ввести его въ нѣсколькихъ волостяхъ, напр., царевко-кшайскаго уѣзда 3)? Вѣдь для огражденія отъ вѣшняго „врага“ можно пустить въ ходъ „временно ...пошлины“. Максималисты и заявляютъ, что они „будутъ стоять за нихъ, за пошлины“ 4). А дезорганизовать „врага“ возможно путемъ „примѣрныхъ“ покушеній на царевко-кшайскаго околоточнаго!

Мелкобуржуазный, анархическій характеръ „социализма“ максималистовъ выступаетъ въ этомъ прожектерствѣ очень ярко. За громкими словами скромно кутятся проекты тмудараванскихъ „трудовыхъ республикъ“, планы артелей „трудовыхъ личностей“ и т. п. хламъ, приходящійся сродни старымъ народническимъ утопіямъ. Въ этомъ отношеніи максималисты только послѣдовательнѣе и откровеннѣе доводятъ до конца свою мысль, чѣмъ правовѣрные эсъ-эры и минималисты народно-социалистической партіи, стремленіе которыхъ причудливо связать „социализмъ“ съ „самобытными“ формами русской жизни—въ видѣ общины, артелей и пр. — носить на себѣ такую же печать мѣщанскаго прожектерства.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ: за революціонной фразой у максималистовъ скрывается самая

1) См. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 51.

2) *Ib.*, стр. 52.

3) По мнѣнію максималиста Горецкаго (см. „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.“, стр. 116), социальная революція начнется съ востока. Мы должны предвидѣть, говорилъ онъ, „что на Уралѣ... захватъ фабрикъ и заводовъ будетъ почти всеобщимъ“.

4) *Ib.* стр. 85—86.

мирная мѣщанская утопія артельного „соціализма“ въ деревнѣ (да и то не обязательно повсюду; можно ограничиться пока что „мѣстнымъ соціализмомъ“) и „сложнаго сотрудничества“ въ городахъ.

Программу-минимумъ (а она у нихъ почти та же, что и у эсъ-эровъ) максималисты не выставляютъ лишь потому, что боятся, какъ бы „толпа“ не соблазнилась „сдѣлкой съ буржуазіей“. Такая „сдѣлка“ лишь „усыпляетъ“ рабочихъ. „Урѣзавъ свои требованія, — говоритъ одинъ изъ максималистовъ, — рабочіе своими собственными руками погубятъ свое дѣло и, проливъ кровь свою, для себя не получатъ ничего, — ни 8-часового рабочаго дня, ни прочихъ благъ, общанныхъ въ программѣ-минимумъ с.-д. и с.-р., за исключеніемъ, конечно, политической „свободы“, и то, можетъ быть, значительно урѣзанной“ 1).

Какимъ-то торгашескимъ духомъ вѣетъ отъ этой мѣщанской философіи! Нужно запрашивать больше, тогда больше и дадутъ, причѣмъ въ роли маклера выступаетъ „сознательная личность“, которая прячетъ отъ неприсвѣщенной черни свою минимальную программу, да и врагамъ не полагаетъ виду, что въ крайнемъ случаѣ „максималисты не откажутся и отъ кучой конституціи, если не окажется силъ для захвата большаго“ 2). Какъ будто бы успѣхъ борьбы зависитъ отъ маклерства „героевъ“, а не отъ того или иного соотношенія силъ борющихся классовъ! Спрашивается, къ чему повадилось городить весь огородъ?

Не проще ли было бы сказать такъ: мы, максималисты, возлагаемъ всѣ свои надежды на стихійный бунтъ толпы. Попытаемся же бросить въ массы огонь „молніеносныхъ идей“, спрячемъ отъ нихъ истину относительно того, что полнота побѣды опредѣляется извѣстнымъ соотношеніемъ силъ и т. д. Авось, удастся такимъ путемъ перешагнуть прямо въ царство соціализма, миновавъ всякія „политическія свободы“, „демократическія республики“ и пр., и пр.

А не удастся, — унывать не приходится: вѣдь максималисты не откажутся отъ кучой конституціи, не потребуютъ возвращенія къ временамъ царя Гороха. {А „кучая конституція“ — все-таки шагъ къ „трудовой республикѣ“, хотя она и знаменуетъ „сдѣлку“ буржуазіи съ пролетаріатомъ“!

Такъ, по крайней мѣрѣ, была бы яснѣе выражена идея максимализма, этого „программнаго импрессионизма“, какъ удачно замѣтилъ г. Вадимовъ 3), чѣмъ всѣми мнимо-революціонными фразами объ осуществленіи „соціализма“ теперь же.

Анализъ философскихъ построеній и психологическихъ предпосылокъ максимализма хорошо показалъ намъ, съ кѣмъ въ данномъ случаѣ мы

1) „Прямо къ цѣли“, стр. 12.

2) См. Таг—инъ, стр. 91.

3) См. „Сознательная Россія“, вып. I, стр. 34

Янв. 1907 (II).

имѣемъ дѣло ¹⁾). Въ научномъ арсеналѣ максималистовъ помѣщаются всѣ виды народничества: тутъ и активный прогрессъ, и борьба сознательной личности съ обществомъ за свою индивидуальность; имѣются также чернь и толпа; превозносятся на словахъ „сознательность“, а на дѣлѣ—грубое преклоненіе передъ стихійностью ²⁾, подчиненіе „самобытному“ развитію. Имѣется также общинный и артельный „соціализмъ“ и т. д.

Основа, какъ видимъ, та же, что и у народниковъ. Разница заключается лишь въ томъ, что у максималистовъ всѣ эти построенія носятъ болѣе импрессионистскій характеръ и поэтому рѣзче бросаются въ глаза мѣщанскія черты народнической идеологіи, идеологіи „трудовой личности“.

Максималистамъ вскружило голову быстрое развитіе революціоннаго движенія, — вскружило настолько, что они злоупотребили народнической мадерой объективировать свои симпатіи и настроенія.

Марксъ какъ-то сказалъ, что всѣ великія всемірно-историческія событія и личности повторяются дважды: въ первый разъ они фигурируютъ въ трагическомъ видѣ, а второй — въ комическомъ. Это справедливо и относительно максималистовъ, утрировавшихъ до смѣшного и доведшихъ до абсурда предпосылки стараго народничества, съ его отрицательнымъ

¹⁾ О тактикѣ максималистовъ намъ нѣтъ надобности много распространяться: она всецѣло вытекаетъ изъ той оцѣнки, какая дается ими „сознательной личности“ въ ходѣ историческаго процесса. „Сознательная личность“ должна создавать „настроеніе“, своимъ примѣромъ, борьбой и т. д. Все зависитъ въ концѣ концовъ отъ этихъ „героевъ, такъ какъ „ростъ самосознанія (массъ) *цѣлкомъ* обусловленъ [личными усилиями творцовъ мысли, пропагандистовъ идей, возбуждителей и координаторовъ воли, дѣйствующихъ на объективной почвѣ интересовъ класса“ (См. г. Таг—инъ, стр. 43). Естественно, поэтому, что въ глазахъ максималистовъ особое значеніе приобретаетъ „партизанская война“ (Таг—инъ, стр. 96), имѣющая цѣлью устрашить „наиболѣе видныхъ эксплуататоровъ“ (стр. 96) и осуществить „принудительную частную экспроприацію средствъ производства въ общую собственность“ (стр. 17).

Затѣмъ, подробно анархистамъ-синдикалистамъ, максималисты придаютъ особенное значеніе пропагандѣ идеи всеобщей экономической етачки (см. Максимовъ, стр. 14).

Не малое значеніе придаютъ максималисты также разработкѣ плановъ „будущаго устройства“. „Не мѣшало бы готовиться къ этой работѣ теперь же, — говоритъ г. Энгельгардтъ, — составляя планы техническаго осуществленія новой общественной организаціи“ (См. „Задачи момента“, стр. 22).

²⁾ Одинъ изъ максималистовъ, г. Вазаровъ, говорилъ, напр., на первомъ съѣздѣ партіи с.-р.: „Въ революціонный моментъ народныя массы взволнованы до самыхъ низовъ... Революціонеры должны дорожить такими моментами, такъ какъ только тогда бываетъ, возможно радикальное разрѣшеніе надрѣвшихъ общественныхъ вопросовъ, — въ другое время массы легко идутъ на компромиссы, удовлетворяясь половинчатыми уступками“ (См. „Протоколы“, стр. 329).

отношеніемъ къ политической борьбѣ и пристрастіемъ къ самотытному „соціализму“¹⁾:

Старое народничество, крѣмъ того, не было проникнуто демагогіей (объ отдѣльныхъ личностяхъ этого направленія рѣчь, конечно, не идетъ), и въ этомъ отношеніи оно выгодно отличается отъ максимализма, имѣющаго самое тѣсное сопрякосновеніе съ вульгарнымъ анархизмомъ, съ этимъ, какъ извѣстно, тоже въ значительной степени „самотытнымъ“ явленіемъ русской жизни.

Оставимъ теперь на время импрессионистовъ народничества и обратимся къ оппортунистическому крылу его, къ „народнымъ соціалистамъ“.

III.

Съ психологической стороны типъ „народнаго соціалиста“ не менѣе интересенъ, кѣмъ типъ народника-импрессиониста. Помимо того, народники-соціалисты имѣютъ много данныхъ стать выразителями интересовъ значительныхъ слоевъ крестьянскаго населенія, по крайней мѣрѣ тогда, когда спадетъ революціонная волна и когда будутъ отброшены революціонныя декорациі мелкобуржуазной идеологіи, а на сцену выступитъ реальная политика мелкихъ собственниковъ, обезпечившихъ себя землей подъ флагомъ „трудоваго“ принципа. Это обстоятельство заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на „оппортунистическомъ“ теченіи въ народнической средѣ.

Было время, когда догматъ о вѣйклассовомъ характерѣ интеллигенціи, особенно русской интеллигенціи, считался въ народническихъ кругахъ не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это было то время, когда въ русской дѣйствительности отсутствовало разнообразіе классовыхъ группировокъ, когда на фонѣ общественности фигурировали главнымъ образомъ два элемента: „баринъ“ и „мужикъ“. Усложненіе жизни, увеличеніе силы и значенія др. классовъ (капиталистовъ, рабочихъ и т. д.), словомъ, усложненіе классовыхъ группировокъ—не могло не отразиться и на разслоеніи интеллигенціи.

Злѣмъ, послѣднее время усиленное развитіе революціоннаго движенія провело еще болѣе рѣзкія грани въ когда-то однородной, по представленію народниковъ, средѣ интеллигентовъ. Мы были свидѣтелями послѣдніе годы массоваго перехода „народолюбивой“ интеллигенціи въ станъ либеральной буржуазіи, идеологами и руководителями которой становились эти вчерашніе народники.

Процессъ этотъ—во всемъ его объемѣ—представляетъ крупный интересъ съ психологической стороны, но всестороннее изслѣдованіе его выхо-

¹⁾ Напоминаемъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ касается лишь теоретическихъ основъ максимализма.

дѣть изъ предѣловъ нашей задачи. Мы попытаемся лишь освѣтить уголокъ этого великаго иредвиженія интеллигенціи снизу вверхъ, или, какъ приято говорить, справа налево; вмѣсто,—мы оставимъ въ сторонѣ эволюцію обывательскаго народничества и перейдемъ къ разсмотрѣнію деформации „революціонно-соціалистической интеллигенціи“.

Мы видѣли, какъ максималисты прачуть подъ сукно всю минимальную программу эсъ-эровъ, полагая, что теперь совершается уже социальная революція или что таковую можно вызвать въ ближайшемъ будущемъ.

Принципіально противъ минимальной программы они ничего не имѣютъ, но признаютъ возможнымъ выставять ее лишь въ „мирное время“, такъ какъ „указаніе пути, по которому происходитъ дѣйствительное сокращеніе размѣровъ эксплоатаціи... очень плодотворно“. Но сейчасъ не такое время, говорятъ максималисты, чтобы выступать съ минимальными требованіями. Діаметрально противоположная оцѣнка текущаго момента дается другимъ крыломъ народничества, лидерами народно-соціалистической партіи. „Герои“ максималисты считаютъ опаснымъ выставять передъ „толпой“ свои минимальныя требованія, „герои“ же минималисты полагаютъ, что они не должны даже „давать поводъ думать“ толпѣ, что ими предполагается, хотя и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ „вѣчто подобное“ всеобщему поравненію, социализаціи земли и т. д. ¹⁾ Передъ массами опасно въ настоящее время фигурировать даже и съ нѣкоторыми пунктами минимальной программы (напр., съ идеей демократической республики, замѣны постоянной арміи миліціей, съ безвозмезднымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель и пр.). „Толпа“ не пойметъ этихъ требованій и, испугавшись, перейдетъ на сторону реакціи. Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, „требованіе демократической республики, напр.,—говоритъ г. Рождественскій,—въ русскихъ условіяхъ отдаляетъ партію отъ жизненной работы“ ²⁾.

Г. Пѣшеховъ, произведя цѣлый рядъ подобныхъ самоурѣзываній, утѣшается тѣмъ, что „программы - минимумъ (с.-р. и с.-д.) рассчитаны, въ сущности, на длительный и даже очень длинный періодъ“. Отсюда, т. е. изъ невозможности одновременнаго немедленнаго осуществленія требованій минимальной программы, г. Пѣшеховъ какимъ-то образомъ приходитъ къ заключенію, что „герои“, „сознательныя личности“ должны скрывать отъ „толпы“ свое *credo* и выступать лишь съ *платформой*, рассчитанной на самое „ближайшее время“ ³⁾.

„Мы желали бы,—говоритъ г. Пѣшеховъ,—перенести въ платформу основныя... положенія нашей программы: вся воля и вся земля всему на-

¹⁾ См. статью Пѣшехова. „Русское Богатство“. 1906 г. августъ, стр. 205.

²⁾ См. „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.“, стр. 93.

³⁾ „Русское Богатство“, стр. 196 и 195.

роду... Дѣло, однако, не въ нашихъ желаніяхъ только, но и въ возможностяхъ" ¹⁾).

Каковы же тѣ соображенія, которыя заставляютъ „сознательную личность“ г. Пѣшехова отказаться отъ проясненія сознанія „толщ“ относительно максимальной и большей доли минимальной программы? Къ этому его побудили два обстоятельства: во-первыхъ, опасеніе не получить ничего, если будешь требовать слишкомъ много, и во-вторыхъ, убѣжденіе, что русскій мужикъ ни о какой социализаціи не думаетъ, объ уравнительномъ землепользованіи не мечтаетъ и объ эсъ-эрсскихъ утопіяхъ слышать не хочетъ. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся доводы г. Пѣшехова противъ выставленія въ данный моментъ широкихъ программныхъ требованій.

„Русская революція,—говоритъ онъ,—представляетъ, въ сущности, неопредѣленную задачу...; въ ней двѣ искомыя величины, но одно уравненіе“. Искомыя величины суть—„вся земля и вся воля всему народу“, а извѣстныя (?) члены уравненія—это участвующія въ революціи силы. И вотъ спрашивается, если требовать много воли (одно неизвѣстное), то не останешься ли безъ земли (другое неизвѣстное), и наоборотъ. Пѣшеховъ разрѣшаетъ этотъ глубокомысленный вопросъ въ положительномъ смыслѣ ²⁾. По его выходить такъ: требуй меньше земли, тогда больше получишь воли, и обратно. Такимъ образомъ, „неопредѣленная задача“ революціи приведена софизмами г. Пѣшехова къ одному вполне опредѣленному рѣшенію: требуй меньше, и ты получишь тогда, въ воздаяніе твоей скромности, больше. Будь умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, и добродѣтель твоя вознаградится сторицей. Ты получишь землю за выкупъ (это арифметическое значеніе алгебраической величины: вся земля всему народу), получишь куцию конституцію вмѣсто всей воли (это другая подстановка опредѣленнаго рѣшенія).

Другой доводъ г. Пѣшехова въ пользу урѣзанія программы эсъ-эровъ („на практикѣ“, конечно, а не въ теоріи) болѣе убѣдителенъ и звучитъ нѣсколько трагично. Въ немъ слышится нота разочарованія въ социалистическомъ черепѣ крестьянина, этого „природнаго социалиста“,—подвергаются сомнѣнію народническія иллюзіи на счетъ providенціального назначенія общины и т. д. „Крестьяне страстно желаютъ получить землю, но прежде всего каждый крестьянинъ, каждая деревня—для себя“ ³⁾.

Развѣ легко было народнику во всеуслышаніе покаяться въ своемъ изначальномъ грѣхѣ? Г. Пѣшеховъ, надо отдать ему справедливость, на-

¹⁾ Ib., стр. 194.

²⁾ Ib., стр. 193.

³⁾ Ib., стр., 202. Подобное настроеніе крестьянъ съ прискорбіемъ констатировалъ на съѣздѣ с.-р. г. Пашинъ. Онъ призналъ, что у крестьянъ-общинниковъ „уже развито чувство собственности“ и поэтому „захваченную (у помѣщиковъ) землю они не будутъ склонны отдать въ народное владеніе“ (см. „Протоколы“, стр. 184).

шелъ въ себѣ мужество не покривить душой. Послушаемъ же его исповѣдь дальше.

„Наряду съ этимъ необходимо отмѣтить,—говоритъ онъ,—довольно равнодушное отношеніе крестьянской массы къ формамъ, въ какихъ она можетъ получить землю... Самый переходъ земли рисуется при этомъ, какъ переходъ отъ нетрудящихся къ трудящимся.“ Собственническіе инстинкты настолько укрѣпились въ сознаніи крестьянъ, что г. Пѣшехову представляется „даже опаснымъ возбудить вопросъ о перераспределеніи земли между трудящимися“.

Не правда ли, такое откровенное признание дѣлаетъ честь еще вчерашнему стороннику „поравненія“, „уравнительнаго землепользованія“ и т. п. утопій, находящему въ себѣ мужество прямо посмотрѣть дѣйствительности въ глаза. А эта дѣйствительность, какъ мы уже говорили, такова, что даже правовѣрные народники, которые вчера еще со всей энергіей наставляли на томъ, что русскіе мужики спятъ и видятъ, какъ бы подѣлать промежъ себя, уравнительно, по фдокамъ землю,—даже эти народники впали въ меланхолическій тонъ. Такъ, напр., г. В. Черновъ выражаетъ серьезное опасеніе за судьбы крестьянскаго движенія, въ виду того, что въ крестьянствѣ существуютъ сильныя „индивидуалистическія тенденціи“¹⁾.

Крестьянство не хочетъ воспринять идею „соціализаціи земли“, „уравнительнаго землепользованія“ и т. п. жупелы интеллигентскаго прожектерства. Какъ же должна реагировать на это „сознательная личность“,—приспособиться или бороться съ косностью толпы? Первый путь избрала народно-соціалистическая партія, по второму пошли правовѣрные эс-эры или, какъ говоритъ лидеръ ихъ г. В. Черновъ, „интегралы“. Цѣли у насъ одна и тѣ же, но пути различны: г. Пѣшеховъ и его народно-соціалистическіе товарищи хотятъ идти къ „соціализму“ „размѣреннымъ шагомъ“²⁾, лѣвые же народники рассчитываютъ, по выраженію г. Пѣшехова, сдѣлать скачокъ въ царство „соціализма“. Ни для тѣхъ, ни для другихъ не существуетъ, въ конечномъ счетѣ, необходимости въ экономическихъ предпосылкахъ для соціалистическаго строя.

Посмотримъ же, куда ведутъ оппортунистовъ народничества ихъ „размѣренные шаги“: въ царство ли соціализма, или въ объятія буржуазіи? Ближайшіе „размѣренные шаги“ народно-соціалистической партіи таковы: *во-первыхъ*, она отказывается пропагандировать идею конфискаціи земли и предпочитаетъ ей... въ данный моментъ выкупъ „трудowymi элементами“ помѣстій и вотчинъ „нетрудовыхъ“; *во-вторыхъ*, она отказывается не только пропагандировать, но даже „давать поводъ думать предполагать“,

1) „Сознательная Россія“, вып. III, стр. 31.

2) „Трудовой Народъ“, вып. I, стр. 11.

что въ ея максимальной программѣ значится „уравнительное землепользование“, „соціализація“ и т. д.

Нельзя закататься даже о томъ, что „въ конечномъ счетѣ“ надѣльнымъ земли пойдутъ въ общій передѣлъ, „поравненію“; теперешнее status quo—неодинаковое обезпеченіе „трудовыхъ хозяйствъ“—должно быть сохранено. Въ-третьихъ, народно-соціалистическая партія отказывается проводить лозунги: демократической республики, замѣны постоянной арміи народной милиціей и т. д.

Перекидывая первый мостъ для „размѣреннаго“ шествія, т. е. высказываясь противъ конфискаціи помѣщичьихъ земель, за выкупъ ихъ, г. Пѣшехоновъ полагаетъ, прежде всего, что самый „вопросъ о выкупѣ не можетъ считаться для крестьянской массы достаточно выясненнымъ“, и поэтому-то онъ, г. Пѣшехоновъ, считаетъ опаснымъ звать массы къ конфискаціи. Съ другой стороны, оказывается, что конфискація помѣщичьихъ земель будетъ даже и не въ интересахъ пропаганды соціалистическихъ идей, т. е. приближенія къ социализму. Путь въ нему лезить черезъ выкупъ латифундій „трудовымъ народомъ“¹⁾.

Въ доказательство этого категорическаго утверженія г. Пѣшехоновъ ссылается на весьма осторожныя слова Каутскаго, относящіяся къ тому же не къ періоду „буржуазной революціи“, а къ моменту „экспроприаціи экспроприаторовъ“. Приводимые Каутскимъ доводы за то, что „пролетарскій режимъ постарается избрать путь выкупа, т. е. вознагражденіе капиталистовъ и землевладѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность“²⁾,—совершенно отпадаютъ въ данномъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ отобраніи земель у крупныхъ владѣльцевъ крестьянской бѣднотой, огромной массой населенія. При этомъ, конечно, пострадали бы нѣкоторые мелкіе собственники, вложившіе свои капиталы въ вкладныя земельныя банкоты, но объ оппозиціи этихъ элементовъ едва ли приходится заботиться, когда рѣчь идетъ о ликвидаціи всего стараго режима, о борьбѣ съ реакціей феодальныхъ круговъ. Конфискація крупнаго землевладѣнія есть въ данномъ случаѣ, вопреки утверженію г. Пѣшехонова, наиболее прямой путь къ ликвидаціи этого режима. Интересно отмѣтить, между прочимъ, что въ недавно вышедшей брошюрѣ Каутскаго („Движущія силы и перспективы русской революціи“, стр. 20) категорически утверждается, что „конфискація крупной земельной собственности (въ Россіи) неизбежна, если хотять дѣйствительно помочь крестьянамъ“. Какъ видимъ, г. Пѣшехоновъ слишкомъ поспѣшилъ опереться на авторитетъ Каутскаго въ своей защитѣ выкупа земли.

Далѣе г. Пѣшехоновъ надѣется, что выкупъ земли сыграетъ роль троанскаго коня: благодаря ему, крестьянамъ будетъ легче воспринять идею

1) См. „Н.-с. обозрѣніе“, № 2, стр. 15.

2) К. Каутскій „Соціальный переворотъ“. Изд. „Молота“, стр. 15—16.

„соціалізація“ земли ¹⁾, а буржуазія, растроганная великодушнѣмъ плембса, дасть ему компенсацію въ области „правовъ“. Вѣдь, по словамъ г. Пѣшехонова, между требованіями земли и воли существуетъ „живенное противорѣчіе“: чѣмъ больше дадутъ одного, тѣмъ меньше отпустить другого ²⁾.

Для г. Пѣшехонова кажутся необѣдительными доводы его недавнихъ товарищей по партіи—гг. Чернова, Грея, Вадимова и др., которые полагають, что „выкупъ противорѣчитъ идеѣ обобществленія земли при господствѣ трудовыхъ хозяйствъ“ ³⁾. „Проповѣдь выкупа—говоритъ г. Черновъ,—естъ косвенная проповѣдь уваженія къ земельнымъ правамъ землевладѣльца, въ то время, какъ именно отсутствіе такого уваженія и взглядъ на частныхъ собственниковъ, какъ на узурпаторовъ земли, долженъ во что бы то ни стало поддерживаться и логически развиваться нашей программой“ ⁴⁾.

Такую же позицію заняли указанные два теченія и въ остальныхъ отмѣченныхъ выше вопросахъ: „уравнительнаго землепользованія“, „соціалізація“ и пр. *Минималисты* выдвигаютъ на первый планъ практическія соображенія и защищаютъ лишь „ближайше осуществимый“ минимумъ, отводя остальнымъ требованіямъ роль „уходящей въ даль перспективы“. *Интеграллисты* же, согласно заявленію г. Чернова, поддерживаютъ „дѣловую и единую концепцію, равно далекую и отъ фантастическаго прыжка прямо въ социалистическій элизіумъ однихъ, и отъ урѣзанія программы применительно къ балансу силъ другихъ“ ⁵⁾.

„Наша программа-минимумъ,—говоритъ другой „интегралистъ“ г. Вадимовъ,—строится не на зыбкой почвѣ постоянно измѣняющагося соотношенія силъ... Наша минимальная программа совершенно не зависитъ отъ того, въ какой моментъ намъ приходится дѣйствовать: въ моментъ революціи или затишья, и какими средствами: мирными или революціонными—намъ приходится ее осуществлять“ ⁶⁾.

Тактику минималистовъ „приспособляться“ къ колеблющемуся соотношенію силъ подвергъ рѣзкому и заслуженному бичеванію г. Черновъ въ своей статьѣ: „О народно-соціалистической партіи“ ⁷⁾. Онъ хорошо показалъ тамъ, что гг. Пѣшехоновы, идя „размѣреннымъ шагомъ“ по пути приспособленія, потеряли всякіе принципиальные критеріи и придали программѣ („платформѣ“) гибкость тактики, поступились „программною опредѣленностью въ угоду тактической гибкости“ ⁸⁾.

Это смѣшеніе *платформы* и *тактики* является чрезвычайно ха-

1) См. „Народ.-соц. обозрѣніе“, № 2, стр. 12.

2) См. „Русское Богатство“ 1906 г., августъ, стр. 194.

3) И. Грей. „Рабочій вопросъ и земельная реформа“, стр. 77.

4) См. „Вопросъ о выкупѣ“, стр. 13—14.

5) „Сознательная Россія“, № 3, стр. 19.

6) Тоже, № 1, стр. 32—33.

7—8) Тоже, № 3, стр. 14 и др.

рактернымъ для народно-соціалистической партіи. Приспосабливаясь къ колеблющемуся соотношенію силъ, народные социалисты не дѣлаютъ различія между программой и тактикой; по ихъ мнѣнію, „программа намѣчается... важнѣйшія принципиальныя основы тактики“¹⁾.

Признаться сказать, мы не можемъ проникнуться глубокимъ смысломъ этого заявленія лидера народно-соціалистической партіи. Тактика, какъ норма поведенія партіи, должна, конечно, находиться въ соотвѣствіи съ ея программой, но *намѣчается* тактика обычно не программой, а сравнительной оцѣнкой борющихся силъ. Рѣчь идетъ вѣдь о тактикѣ въ данный моментъ, а не о тактикѣ вообще.

Подвергая рѣзкой критикѣ оппортунизмъ гг. Пѣшехоновыхъ, интеграллисты не затронули совсѣмъ одинъ, наиболѣе существенный, вопросъ; а именно: чѣмъ вызванъ этотъ „оппортунизмъ“, это приспособленіе? А въ этомъ вѣдь и заключается вся суть.

Мы уже видѣли, какъ факты крестьянскаго движенія и большее знакомство съ психологіей крестьянина привели народныхъ социалистовъ къ пессимистическому выводу относительно склонности „трудящихся массъ“ къ воспріятію соціалистическихъ идей. Дѣло пропаганды „соціализма“ въ деревнѣ кажется г. Пѣшехонову до того безнадежнымъ, что онъ призываетъ строить зданіе будущаго „справедливаго устройства“... на собственническомъ инстинктѣ крестьянской массы. Крестьянство, говоритъ онъ, боится поравненія, каждый добывается земли только для себя, и народные социалисты должны „считаться съ првивыми уже ей (массѣ) чувствами собственности по отношенію къ надѣльнымъ землямъ“²⁾. Крестьянство до сихъ поръ только и жило, по увѣренію народниковъ, тѣмъ убѣжденіемъ, что „земли ничья, божья“, а тутъ вдругъ оказывается, что крестьяне еще „не уяснили себѣ“: нужно ли конфисковать помѣщичьи земли, или платить за нихъ выкупъ.

И вотъ, „этотъ камень, приготовленный для насъ жизнью, мы должны положить во главу угла нашей платформы“³⁾. Надо признаться, интересную работу беретъ на себя н.-с. партія, когда хочетъ построить на фундаментѣ собственническихъ инстинктовъ крестьянина зданіе социализма!

Противъ приспособленія зданія социализма къ „камнямъ“, приготовленнымъ жизнью, и ратуютъ интеграллисты.

Пусть такъ, говорятъ они: пусть мужику непонятна наша „соціализація“ и т. п.; пусть въ крестьянствѣ сильны „собственническія тенденціи“, — но мы *должны* высоко нести знамя „соціализація“, *должны* сохранить душу народническаго идеализма—требованіе „поравненія“ земли. „Мы должны“, но можемъ ли мы, даетъ ли намъ жизнь какія-либо даннія

1) См. статью В. Мякотина въ „Н.-с. обзорніи“, № 1, стр. 7—8.

2) См. „Народно-соціалистическое обзорніе“, № 2, стр. 15.

3) См. „Русское Богатство“ 1906 г., августъ, стр. 203.

итги съ успѣхомъ въ этомъ направленіи, не сведется ли вся наша работа въ донкихотству, къ отстаиванью принципа, отвергаемаго жизнью? Вотъ надъ чѣмъ должны были бы задуматься интеграллисты; а между тѣмъ, нападая на минималистовъ, они очень и очень осторожно обходятъ этотъ вопросъ. Мы не сомнѣваемся, что жизнь рано или поздно поставитъ передъ нг. интеграллистами этотъ вопросъ еще острѣе, еще рѣзче и категоричнѣе потребуетъ отъ нихъ отвѣта и заставитъ подвергнуть испытанію всю философію „сознательной личности“, народническіе взгляды о самобытныхъ формахъ развитія и т. д. Вудуть ли они тогда по-донкихотски сражаться за сохраненіе народническихъ традицій, или же откровенно повернуть въ сторону „собственническихъ инстинктовъ“ массы, откажутся отъ тумана социалистической фразеологии и явятся въ своемъ настоящемъ обличьи защитниковъ интересовъ крестьянской буржуазіи,—это покажетъ намъ будущее.

Въ заключеніе этой главы я хочу отмѣтить одно интересное обстоятельство. Минималисты-народники, „отступая въ порядкѣ“ „размѣреннымъ шагомъ“ съ одной позиціи на другую въ области аграрныхъ и общеполитическихъ требованій,—продолжаютъ обстрѣливать социаль-демократію за ея „буржуазныя“ тенденціи. Оппортунисты съ головы до ногъ, отказавшись отъ всей почти своей программы по земельному вопросу, чтобы подладиться подъ „соотношеніе силъ“ и не испугать буржуазію и деревенскихъ кулаковъ, минималисты, въ лицѣ г. Пѣшехонова, заявляютъ, что ихъ программа „не только въ конечномъ пунктѣ, но и на всемъ пути... по отношенію къ существующему строю революціонна“... „Въ этомъ отношеніи,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—заключается главное отличіе ея отъ программы социаль-демократической партіи“, такъ какъ въ с.-д. программѣ-минимумъ не найдется ни одного требованія, „которое было бы принципиально неприемлемо для буржуазіи“¹⁾.

Интересно было бы знать, кого думаетъ увѣрить г. Пѣшехоновъ, что н.-с. „партія намѣрена итти прямо къ своей конечной цѣли“. По мнѣнію максималистовъ, они также идутъ къ цѣли „прямо“. Очевидно, „прямо къ цѣли“ можно итти различными путями и, вопреки геометрической аксіомѣ, между двумя точками можно провести нѣсколько „прямыхъ“: и дѣйствительно, г. Пѣшехоновъ проводитъ нѣсколько „прямыхъ“ изъ одной точки (текущаго момента) въ другую („соціализація“ и пр.). Одна изъ этихъ „прямыхъ“ идетъ въ плоскости рабочаго вопроса, другая—аграрнаго вопроса (черезъ выкупъ латифундій), и, наконецъ, третья „прямая“ проводится черезъ купую конституцію къ „трудоу республікѣ“.

¹⁾ См. „Трудовой Народъ“, № 1, стр. 11 и 13, а также „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.“, стр. 113.

Всякая революціонная партія, незараженная оппортунизмомъ, приводитъ въ программныхъ вопросахъ лишь одну прямую линію, хотя *сила можетъ заставитьъ ее иной разъ сбиться на кривую*—отказаться отъ немедленнаго проведенія того или иного пункта минимальной программы. Но подъ вліяніемъ силы отказываться отъ программныхъ требованій вообще, безъ относительной возможности проведенія его въ данный моментъ, могутъ лишь оппортунисты.

Не болѣе, какъ смѣшными, кажутся слова г. Пѣшехова, гордо возвѣщающаго,—послѣ сдѣланнаго оппортунистскаго скачка,—что „нужна не компромисская, а принципиальная партія; не ошущью должна искать она дорогу,—ея путь съ самаго начала и до конца долженъ быть ясенъ“¹⁾.

Нелѣпо было бы ловить г. Пѣшехова въ противорѣчіяхъ: настолько они очевидны сами по себѣ. Мы позволимъ себѣ указать лишь еще одно изъ нихъ, отмѣчающее собой новую эволюцію теоріи героевъ и толпы. „Партія,—говоритъ г. Пѣшеховъ,—должна вѣсти по пути, который съ самаго начала и до конца долженъ быть ясенъ“. Это вѣрно. Но къ чему же тогда скрывать отъ массы требованіе демократической республики, и социализація земли, и уравнительности земли и проч. и проч.;—почему „опасно даже давать поводъ думать, что предполагается осуществить вѣчто подобное“²⁾? Выходитъ такъ, что въ „партіи“ г. Пѣшехова имѣются два отдѣленія: одно для массъ, которымъ „опасно давать поводъ думать“, и другое—для „сознательныхъ личностей“, для которыхъ все „съ самаго начала и до конца должно быть ясно“.

Вотъ это-то дѣленіе „партіи“ на два департамента—для героевъ и для простаго народа—и породило, между прочимъ, вполне законный протестъ максималистовъ противъ этого интеллигентскаго дирижерства, которое толкаетъ массы „размѣреннымъ шагомъ“ въ объятія буржуазіи.

IV.

Оппортунизмъ „народныхъ социалистовъ“ пришелся по душѣ многимъ „безпартійнымъ интеллигентамъ, которыхъ давно уже тяготила „прямолинейность и догматичность“ лѣвыхъ“³⁾. Теперь народно-соціалистическая партія дала имъ „платформу“, въ достаточной мѣрѣ гибкую, на которой они могутъ съ спокойной совѣстью продѣлывать разнообразныя передвиженія „размѣреннымъ шагомъ“, не считаясь съ какой-то тамъ максимальной программой, отъ которой всегда, какъ извѣстно, вѣетъ „прямолинейностью и догматичностью“.

¹⁾ Тамъ же, № 2, стр. 15.

²⁾ См. „Русское Богатство“, 1906 г., августъ, стр. 205.

³⁾ М. Туганъ-Барановскій. „Национализація земли“, стр. 152.

Таких прозелитовъ новой партіи не будетъ тревожить то обстоятельство, что народно-соціалистическіе лидеры таятъ гдѣ-то въ глубинѣ своей народнической совѣсти эсъ-эровскую программу: вѣдь они имѣютъ ее лишь про себя и считаютъ „опаснымъ даже давать поводъ думать“, что скрывается у нихъ на душѣ.

Эта таинственность накидываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ покровъ яко бы „принципіальности“ хотя бы... въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Послушаемъ, напр., что говоритъ г. Туганъ-Барановскій. По его мнѣнію, программа с.-р., „чтобы стать жизненной, должна быть введена въ рамки *возможнаго* и осуществимаго, должна быть приспособлена къ реальнымъ условіямъ момента“ ¹⁾. Онъ цѣнитъ эсъ-эровскую программу лишь постольку, постольку она „вѣрно намѣчаетъ то *общее направленіе*, ту руководящую цѣль, которую неизбежно должна поставить себѣ великая земельная реформа, предстоящая Россіи“.

Развѣ не то же почти слово въ слово говоритъ г. Пѣшеховъ, развѣ не пытается этотъ лидеръ народническаго оппортунизма убѣдить читателей въ томъ, что „дѣло... не въ нашихъ желаніяхъ только, но и въ *возможностяхъ*“, и поэтому онъ предлагаетъ отказаться пока-что отъ выставленія требованія уравнительнаго землепользованія, конфискаціи помѣщичьихъ земель, демократической республики и т. д.

По мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, предстоящая „великая реформа“ должна совершиться лишь „въ направленіи уравнительности“, причѣмъ сама „уравнительность эта по необходимости будетъ весьма и весьма неопасной и несовершенной“. Такъ же, какъ и Пѣшеховъ, Туганъ-Барановскій ратуетъ за выкупъ помѣщичьихъ земель. Онъ полагаетъ даже, что при конфискаціи „земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ ея обычнымъ капиталистическимъ способомъ“ ²⁾.

Г. Пѣшеховъ пока еще не идетъ такъ далеко „въ направленіи“ приспособленія: онъ считаетъ лишь, какъ мы видѣли, что нужно меньше запрашивать въ земельномъ вопросѣ для того, чтобы больше получить политической свободы.

Въ общемъ, и „бывшіе марксисты“ гг. Туганъ-Барановскіе и бывшіе столпы народничества гг. Пѣшеховы быстро, совсѣмъ уже не „размѣреннымъ шагомъ“, идутъ въ одномъ направленіи: они спѣшатъ, *отъ имени* „трудящихся массъ“, „трудового народа“, вступить въ сдѣлку съ буржуазіей, жажущей умиротворенія и опасующейся расширенія рамокъ революціоннаго движенія.

Послѣ долгихъ скитаній „совзательная личность“ народника-интеллигента обрѣла, наконецъ, свое тихое пристанище. Она выступаетъ теперь уже не въ роли борца, подающаго примѣръ массамъ, заражающаго ихъ своимъ

1) Тамъ же.

2) См. М. Туганъ-Барановскій, стр. 164.

идеализмомъ. Нѣтъ, она мирно и скромно начинаетъ звѣщивать, сколько слѣдуетъ запросить „воли“, чтобы буржуазные классы согласились уступить столько-то „земли“, конечно, за выкупъ. Она скромно удаляется въ кабинетъ, чтобы рѣшать „неопредѣленную задачу“ революціи,—а затѣмъ выйдетъ на политическую биржу и представитъ свои выкладки буржуазіи, которая изъ уваженія къ умѣренности маклера отпуститъ массамъ известную дозу воли и земли.

„Сознательная личность“ находится теперь на пути полного ликвидаціи народническихъ утопій,—практическіе шаги ею уже сдѣланы, она вступила въ область „реальной политики“.

Не однихъ, однако, разочарованныхъ въ революціонности крестьянъ и интеллигентовъ привлечь народно-соціалистическая партія въ свои ряды. Когда схлынетъ подъемъ революціоннаго возбужденія въ деревнѣ и когда самый острый земельный голодъ обнищавшаго населенія будетъ удовлетворенъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстныя въ неопредѣленной задачѣ получать еще меньшую величину,—тогда н.-с. партія водрузитъ свое знамя среди хозяйственныхъ мужичковъ, приходившихъ уже въ первую Государственную Думу „получить землю, а не отдать ее“, не пуститъ въ общій передѣлъ ради какихъ-то тамъ народническихъ утопій.

Отказываясь отъ проведенія принципа „уравнительнаго землепользованія“ и подставляя на мѣсто его „трудоваго“ принципъ, н.-с. снѣшать участь вліяніе именно этого класса. Вѣдь ему принадлежитъ будущее, съ его вкусами и желаніями больше всего должны считаться народные соціалисты!

Въ лицѣ „Трудовой Группы“ первой Государственной Думы мы имѣли уже прообразъ этой грядущей сельской демократіи. Не въ угоду ли ей гг. Пѣшехоновы поспѣшили пойти „въ направленіи“ отказа отъ старыхъ народническихъ традицій и вынули, по выраженію г. Чернова, „душу народническаго идеализма“, отказались отъ всеобщаго порачненія?

Пусть гг. Пѣшехоновы продолжаютъ увѣрять своихъ читателей, что соціаль-демократія воспріимаетъ силу „кулака“, что „капитализмъ является для нея богомъ, на котораго она молится“. Они никого уже не введутъ этимъ въ заблужденіе; читатель легко разберется въ томъ, кому навстрѣчу идутъ полнымъ ходомъ народные соціалисты, снѣшно сжигающіе то, чему они вчера еще поклонялись!

Подведемъ теперь нѣкоторые итоги слишкомъ затянувшейся статьѣ.

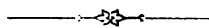
Мы видѣли, что русское народничество переживаетъ въ настоящее время глубокой кризисъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ усложнившейся дѣйствительностью, народники начинаютъ теперь, наконецъ, отказываться отъ нѣкоторыхъ утопій.

Часть народниковъ отказалась отъ проектовъ насажденія „соціализація“, „уравнительнаго землепользованія“ и, идя навстрѣчу крѣпущей буржуазной демократіи, спѣшить подвести идеологическій фундаментъ подъ буржуазныя требованія этихъ мелкихъ собственниковъ, которые не хотятъ и слышать о „поравненіи“ и т. п. утопіяхъ. Пройдетъ немного времени, и мы будемъ свидѣтелями того, какъ эта часть интеллигенціи окончательно станетъ во главѣ мелкой крестьянской буржуазіи, отбросивъ въ сторону революціонныя и соціалистическія фразы. Таковы *минималисты*. Другая часть „сознательныхъ личностей“ — *максималисты* — восприняла у стараго народничества его бунтарскія стремленія и, окрасивъ ихъ еще больше интеллигентскимъ анархизмомъ, — спѣшить использовать моментъ. Пользуясь всколыхнувшимъ самые низы революціоннымъ движеніемъ, эти рыцари безъ страха и упрека и... безъ логикъ, но съ большимъ темпераментомъ, надѣются провести контрабандой свои утопіи, представляющія воплощеніе мѣщанской обособленности и ограниченности. Для этого „импрессионистскаго“ народничества сочтены.

Наконецъ, остается еще одно промежуточное теченіе народничества, — именно *интеграллисты*, правовѣрные эсъ-эры. Ихъ догма о соціалистическомъ черепѣ русскаго мужика, о самобытныхъ путяхъ развитія Россіи поставлена теперь на карту ходомъ событій, разоблачившихъ окончательно классовую расчлененность крестьянскихъ массъ и буржуазную психологію „трудовыхъ“ крестьянъ.

Вся философія правовѣрнаго народничества поконится на вѣрѣ въ „самобытные пути“ и т. п. предрасудки. Жизнь рѣзко и беспощадно разрушаетъ эти иллюзіи, но хранители священнаго огня народническихъ утопій все еще пытаются сопротивляться, все еще настаиваютъ на томъ, что гора должна подойти къ Магомету, а не наоборотъ. Такимъ образомъ, то, что не въ состояніи были сдѣлать доводы марксистовъ, этихъ „доктринеровъ“, ничего якобы не смыслящихъ въ жизни русской деревни, то сдѣлало само крестьянское движеніе: оно окончательно подрываетъ сказку о соціалистическихъ чаяніяхъ мужика, о провиденціальномъ назначеніи общины и т. п. „Догма“ оказалась болѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ вѣра въ „самобытный укладъ“ русской деревни“.

Б. Веселовскій.

О суррогатѣ государственной росписи.

Волѣ сорока лѣтъ, изъ года въ годъ, перваго января опубликовывалась во всеобщее свѣдѣніе роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Этотъ обычай былъ впервые нарушенъ 1-го января 1907 года, когда вмѣсто государственной росписи появился въ печати документъ, скромно озаглавленный: „отъ министерства финансовъ“. Этотъ документъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, а потому онъ со всѣхъ сторонъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Правительство, почему-то скрывшееся за спиной министерства финансовъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что государственная роспись доходовъ и расходовъ появится только тогда, когда соберется народное представительство и утвердитъ государственный бюджетъ. Государственная Дума, какъ извѣстно, соберется 20-го февраля. Предположимъ, что 21-го февраля она откроетъ свои дѣловыя засѣданія и сразу же перейдетъ къ изученію и обсужденію государственной росписи. Если вторую Думу не постигнетъ злая участь первой, то можно предполагать, что обсужденіе и окончательное утвержденіе государственной росписи послѣдуетъ приблизительно къ июлю мѣсяцу. До июля, слѣдовательно, въ теченіе полугода, правительство будетъ расходовать казенныя деньги на тѣхъ основаніяхъ, о которыхъ оно говоритъ въ документѣ со скромнымъ заголовкомъ: „отъ министерства финансовъ“.

Правительство заявляетъ, что, опираясь на законъ, оно будетъ тратить въ мѣсяць одну двѣнадцатую часть годовой суммы бюджета по росписи 1906 года. Одна двѣнадцатая бюджета 1906 года это—168 милл. руб. Нужно замѣтить, что правительству довольно трудно будетъ соблюсти имъ же самимъ сочиненный законъ о послѣдовательномъ ежемѣсячномъ расходованіи $\frac{1}{12}$ годового бюджета въ теченіе шести мѣсяцевъ, вплоть до момента утвержденія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ народнымъ представительствомъ и послѣдующими встанціями. Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности ежемѣсячныя расходы государства никогда не представляютъ изъ себя величины, равной одной двѣнадцатой части годового бюджета государства. Въ 1906 году въ январѣ мѣсяцъ прави-

тельствомъ было израсходовано 224 милл. руб., въ февралѣ—185 милл., въ мартѣ—190 милл., въ апрѣлѣ—158 милл. и т. д., а одна двѣнадцатая часть государственнаго бюджета въ 1906 году, какъ мы говорили, составляла 168 милл. руб. Но предположимъ, что правительство, изъ-за „уваженія къ закону“, побѣдитъ солидныя техничeskія затрудненія и препятствія и до момента утвержденія государственной росписи 1907 года будетъ тратить въ теченіе перваго полугодія текущаго года ни больше, ни меньше, какъ по 168 милл. руб. въ мѣсяцъ. Помножая 168 милл. руб. на 6, получимъ сумму въ 908 милл. руб., которые и будутъ истрачены правительствомъ въ текущемъ году до момента утвержденія росписи. 908 миллионъ—почти половина государственнаго бюджета, и эта половина будетъ истрачена на тѣхъ основаніяхъ, которыя оглашены въ документѣ, носящемъ названіе: „отъ министерства финансовъ“. Такъ важенъ этотъ документъ, явившійся на свѣтъ 1-го января 1907 года въ качествѣ временнаго суррогата государственной росписи...

Роспись прошлаго года, существованіе которой неожиданно продолжено до іюля 1907 года, заключала въ себѣ слѣдующее мѣсто: „Высочайшими манифестами 6-го августа и 17-го октября 1905 года населенію Имперіи даровано право участія черезъ своихъ выборныхъ въ обсужденіи финансовыхъ смѣтъ и росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Представляемая Вашему Императорскому Величеству роспись доходовъ и расходовъ на 1906 годъ является поэтому послѣднею, разсмотрѣнною въ прежнемъ порядкѣ, безъ участія выборныхъ отъ населенія“.

Какъ бы отвѣчая на это всенародное заявленіе, официальный документъ 1907 года—„отъ министерства финансовъ“—говоритъ слѣдующее: „Нормальный порядокъ разсмотрѣнія росписи на 1907 годъ и установленные для этого сроки не могли быть, однако, соблюдены за воспослѣдовавшими по Высочайшему указу 8-го іюля 1906 года роспускомъ Государственной Думы и отсрочкою занятій государственнаго совѣта до 20-го февраля 1907 г. *За отсутствіемъ законодательныхъ (учрежденій)* (курсивъ нашъ) роспись доходовъ и расходовъ не можетъ быть разсмотрѣна и утверждена въ установленномъ порядкѣ къ вышеуказаннымъ срокамъ, а, слѣдовательно, и не можетъ быть опубликована въ обычное время—въ первый день наступающаго года“.

Въ настоящее время у насъ, въ Россіи, наряду съ другими „урегулированными“ дарованными свободами и „конституціонными правами“ появилось и обширное по своимъ размѣрамъ „урегулированіе“ бюджетнаго права, „октроированнаго“ народному представительству. Къ области этого „урегулированія“ относятся: „рядъ статей изъ апрѣльскихъ „основныхъ законовъ“, манифестъ съ приложеніями отъ 20-го февраля 1906 года „о измѣненіи учрежденія государственнаго совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы“, бюджетныя правила 8-го марта 1906 года, указъ

28-го марта 1906 года „о компетенціи и составѣ комитета финансовъ“.

При такомъ обилии „регулирующихъ“ законовъ, превратившихъ бюджетное право въ бюджетное безправіе, казалось, легко можно найти соответствующую статью закона, которая разрѣшаетъ опредѣленный конкретный случай: какъ поступать съ государственными доходами и расходами въ томъ случаѣ, когда „законодательныя учрежденія отсутствуютъ“? Что и кто уполномочиваетъ при такихъ условіяхъ правительственную и административную власть собирать государственные доходы и производить государственные расходы?

Обстановка данного случая очень конкретна и опредѣленна: законъ предписываетъ въ осеніе и зимніе мѣсяцы каждаго года представить на утвержденіе законодательныхъ учрежденій государственную роспись доходовъ и расходовъ. Указъ 8 го іюля прошлаго года создалъ другое конкретное и опредѣленное условіе для данного случая, названное въ документѣ 1-го января 1907 г. „отсутствіемъ законодательныхъ учрежденій“. Слѣдовательно, для опредѣленныхъ и конкретныхъ условій, совершенно не поддающихся ни распространительной, ни суживающей интерпретаціи, долженъ быть точный отвѣтъ въ бюджетныхъ законахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много появилось за послѣднее время. Этотъ отвѣтъ долженъ быть точнымъ выводомъ для всѣхъ данныхъ посылокъ.

Если читатель возьметъ на себя трудъ внимательно перечитать всѣ новые бюджетные законы, ведущіе свою родословную отъ манифеста 17-го октября, то онъ не найдетъ тамъ ни одной строчки, которая отвѣчала бы прямо и ясно на поставленный выше вопросъ: что уполномочиваетъ исполнительную власть собирать государственные доходы и расходовать собранныя деньги въ томъ случаѣ, если государственная роспись не могла быть утверждена вслѣдствіе „отсутствія законодательныхъ учрежденій“? Странно, но это—неоспоримый и несомнѣнный фактъ.

Изучая русскіе бюджетные законы, невольно поражаешься той изобрѣтательности и изворотливости бюрократическихъ авторовъ нашего многословнаго законодательства, съ какими сочинены эти законы. Пущены въ оборотъ всѣ ухищренія для того, чтобы всячески обезвредить бюджетное право въ рукахъ терпимаго народнаго представительства. Послѣ всѣхъ этихъ ограниченій отъ бюджетнаго права Государственной Думы, собственно говоря, ровно ничего не остается, кромѣ затяжной формальности: такъ ревниво, тщательно и предусмотрительно російская бюрократія оберегаетъ свое наследственное право безконтрольнаго и самовольнаго распоряженія колоссальнымъ государственнымъ бюджетомъ. При той скрупулезной и мелочной предусмотрительности, съ какою законодательствующая бюрократія обрѣзывала рядомъ послѣднихъ законовъ бюджетныя права народнаго представительства, фактъ умолчанія закона о способахъ разрѣшенія вышеуказан-

наго конкретного случая на первый взгляд становится прямо-таки паразитическим. Въ чемъ же, въ дѣйствительности, дѣло? Чѣмъ объясняется это краснорѣчивое молчаніе „основныхъ“ и всякихъ иныхъ законовъ по поводу такого конкретного случая, который былъ созданъ тогда, когда нашему „конституціонализму“ было безъ году надѣля?

Дѣло объясняется очень просто: въ бюджетныхъ законахъ есть точныя указанія относительно тѣхъ сроковъ, когда народное представительство ежегодно должно обсуждать и утверждать государственную роспись. Это— октябрь и ноябрь мѣсяцы. Но въ „основныхъ законахъ“ есть статья 105-ая, согласно которой Государственная Дума можетъ быть распущена въ любое время. Слѣдовательно, это любое время можетъ упасть на ноябрь мѣсяць. Такъ и случилось въ 1906 году. Оставалось ввести еще одинъ законъ, по которому государственная роспись, „вслѣдствіе отсутствія законодательныхъ учреждений“ въ октябрѣ—ноябрѣ, должна слѣдовать такимъ-то и такимъ порядкомъ. Тогда „законность“ несомнѣнно восторжествовала. Но ввести такую статью—значило произвести слишкомъ большой соблазнъ, значило—въ корень подорвать во всемъ мірѣ довѣріе къ русской конституціи. Тогда со всѣхъ сторонъ закричали бы: „Стало-быть, вы собираетесь каждый годъ разгонять Думу на октябрѣ—ноябрѣ мѣсяцы?“. „Вы не желаете серьезно подчинить русскіе финансы контролю народнаго представительства, какъ вы обѣщались передъ иностранной денежной публикой въ апрѣлѣ 1906 года, если вводите такую черезъ-чуръ „предусмотрительную“ статью?“ ...

Подобныхъ возгласовъ со стороны русскихъ гражданъ, хотя и крещенныхъ въ своемъ гражданствѣ огнемъ и желѣзомъ, правительство, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, могло и не бояться; но когда подобные возгласы нослышались бы изъ-за границы, то смущеніе было бы не малое: вѣдь наше правительство, при современномъ финансовомъ положеніи, хронически стоитъ „пакануйѣ кредитныхъ операцій“... Не даромъ министерство финансовъ и „освѣдомительное бюро“ чуть не каждую недѣлю опровергаетъ „слухи о новомъ займѣ“: вороны каркаютъ—будетъ дождь... Вотъ почему, думаемъ мы, законодательствующіе бюрократы рѣшились не „предусматривать“ въ „основныхъ законахъ“ такого конкретного и при данныхъ условіяхъ развитія русской „конституціи“ вполнѣ мыслимаго случая, характерно окрещеннаго въ официальномъ документѣ: „вслѣдствіе отсутствія (!) законодательныхъ учреждений“ ...

Но какимъ же образомъ можно ухитриться истратить миллиардъ казенныхъ денегъ при полномъ умолчаніи закона о полномочіяхъ на такую крупную денежную операцію? Это вѣдь не Лидвалю выдать 800 тыс. рублей, и для израсходованія миллиарда рублей одной храбрости Гурко какъ будто бы и мало...

Здѣсь нужно различать двѣ стороны: строго фактическую и юридическую. Остановимся прежде всего на фактической сторонѣ дѣла.

Открыть бюджетный годъ безъ законнаго бюджета, израсходовать на сомнительныхъ основаніяхъ около миллиарда рублей народныхъ денегъ, сдѣлать все это въ обстановкѣ такъ называемаго правового государства—значить рѣшиться на очень многое, значить предпринять весьма рискованный шагъ. Такой шагъ въ условіяхъ современнаго западно-европейскаго конституціоннаго государства былъ бы очень чреватъ сложными послѣдствіями. Прежде всего никто изъ гражданъ не могъ быть принужденъ къ платежу налоговъ. Но если въ современной русской обстановкѣ нарушеніе основныхъ бюджетныхъ законовъ проходить для финансовыхъ и правовыхъ условій и отношеній безслѣдно, то это только потому, что бюджетное правонарушеніе,—пусть оно будетъ самымъ возмутительнымъ, вопіющимъ,—не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить къ тому общему хаосу, который переживается современной Россіей. Лучшимъ доказательствомъ, весьма наглядной иллюстраціей къ нашему утвержденію можетъ послужить слѣдующее несомнѣнное обстоятельство: годъ тому назадъ Россія имѣла совершенно законный бюджетъ, но такая очевидная законность нисколько, ни на одну іоту, не улучшила финансоваго положенія государственнаго казначейства. Напротивъ, финансовая разруха не только не прекратилась, но, наоборотъ, по откровенному признанію министра финансовъ, усилила свое дѣйствіе... Но нужно ли говорить, что само по себѣ отсутствіе законнаго бюджета является нагляднымъ признакомъ неурядицы не только въ области финансоваго управленія, но и въ сферѣ общаго управленія, общей внутренней политики? Это обстоятельство несомнѣнно сильно смущало правительство, свидѣтельствомъ такого смущенія и явился новогодній документъ: „отъ министерства финансовъ“.

Этотъ документъ констатируетъ, что вопросъ о томъ, какъ поступать въ виду нарушенія „нормальнаго порядка разсмотрѣнія росписи на 1907 годъ за отсутствіемъ законодательныхъ учрежденій“, подвергался *обсужденію* совѣта министровъ. Если бы указанія закона для даннаго случая были бы ясны и опредѣленны, то и обсуждать было бы нечего: нужно было бы просто примѣнить статью закона и быть увѣреннымъ въ своей формальной правотѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что соотвѣтствующей статьи въ законахъ не оказалось, поэтому и потребовалось обсужденіе вопроса въ совѣтѣ министровъ.

Такое обсужденіе, очевидно, происходило въ началѣ осени прошлаго года, потому что соображенія совѣта министровъ на данную тему 19-го сентября 1906 года получили уже высочайшее утвержденіе. Въ № 41 „Вѣстника финансовъ“ за прошлый годъ есть статья, излагающая „руководящія начала составленія росписи на предстоящій смѣтный періодъ, которая,

по предложенію г. министра финансовъ, были обсуждены и приняты совѣтомъ министровъ и 19-го сентября высочайше утверждены“.

Было сдѣлано предложеніе издать государственную роспись въ порядкѣ гутапперчевой 87-ой статьи „основныхъ государственныхъ законовъ“. Какъ извѣстно, совѣтъ министровъ, подъ общимъ дирижерствомъ г. Столыпина, очень склоненъ пользоваться этою статьею даже для осуществленія величайшихъ социальныхъ реформъ, какъ, напр., уничтоженіе крестьянской общины. Но подходитъ ли эта статья къ бюджету? Буквально 87-ая статья гласитъ слѣдующее: „Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно... Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если надлежащимъ министерствомъ не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соответствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ“. Очевидно, что государственная роспись не подходитъ къ даннымъ условіямъ: во-первыхъ, она вызывается не „чрезвычайными обстоятельствами“, а самыми нормальными условіями веденія государственнаго хозяйства; во-вторыхъ, конецъ статьи 87-ой, въ случаѣ примѣненія этой статьи къ государственной росписи, грозитъ правительству неприятымъ сюрпризомъ: если Дума не приметъ росписи, наданной въ порядкѣ 87-ой ст., то вѣдь такая роспись исчезаетъ совершенно безслѣдно! Правительство теряетъ тогда все!.. Если вотъ Дума обсуждаетъ роспись, представленную въ законномъ порядкѣ, и не приметъ ея, то правительство можетъ выдвинуть на сцену предусмотрительно заготовленную статью 116-ую тѣхъ же „основныхъ законовъ“ и тѣмъ спасти свое положеніе...

Статья 116-ая, спасающая правительство въ „присутствіи“ законодательныхъ учреждений, оказалась неожиданно такъ же гутапперчевой, какъ и пресловутая 87-я статья. Оказывается, какъ это видно изъ новогодняго документа, что ст. 116-ая спасаетъ правительство не только въ „присутствіи“ законодательныхъ учреждений, но и въ ихъ отсутствіи! Документъ 1-го января 1907 года по этому поводу говоритъ слѣдующее: „По вопросу о томъ, на какихъ основаніяхъ правительство можетъ производить государственные расходы въ періодъ времени съ 1-го января 1907 года до утвержденія росписи, совѣтъ министровъ принялъ къ руководству ст. 116-ую основныхъ законовъ. Статья эта гласитъ: „Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обуславливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Впредь до обнародо-

ванія новой росписи, по постановленіямъ совѣта министровъ, въ распоряженіе министерствъ и главныхъ управленій открываются постепенно кредиты въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, не превышающіе, однако, въ мѣсяцъ во всей ихъ совокупности одной двѣнадцатой части общаго по росписи итога расходовъ“.

Таково то законное основаніе, на которое будетъ опираться „конституціонное“ правительство, собирая въ теченіе шести мѣсяцевъ государственные доходы и расходя миллиардъ рублей народныхъ денегъ.

Обратимся къ рассмотрѣнію этого „законнаго основанія“.

Когда законодательствующая бюрократія сочиняла бюджетныя правила, то, безъ сомнѣнія, всё ея помыслы были обращены на „сегодня“ и на „завтра“. Сегодня царствовала бюрократія съ „последней въ установленномъ порядкѣ утвержденной росписью“; завтра приходитъ настоящій хозяинъ финансовъ. Приходилось выдумывать способы, какъ бы сохранить „последнюю“ роспись, составленную при руководствѣ принципа „своя рука—владыка“. Вогъ откуда такъ много ссылокъ въ бюджетныхъ законахъ и въ основныхъ законахъ на „последнюю роспись“, причемъ эта „последняя“ роспись часто прямо называется росписью 1906 года. Предусмотрительность бюрократическихъ авторовъ бюджетныхъ законовъ и правилъ прямо-таки поразительна. Если, напримѣръ, Государственная Дума не захочетъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ и основаніямъ, утвердить представленной на ея рассмотрѣніе государственной росписи, то что должно сдѣлать правительство?

Въ странахъ, обладающихъ дѣйствительнымъ конституціоннымъ устройствомъ, истинными конституціонными правами, такой случай можетъ быть разрѣшенъ двумя способами: или весь министерскій кабинетъ подаетъ въ отставку, или будетъ распущенъ парламентъ. Въ первомъ случаѣ въ основу политики будетъ положено такъ ясно и рѣзко выраженное недоувѣріе къ правительству со стороны парламентскаго большинства; во второмъ случаѣ это недоувѣріе будетъ провѣрено правительствомъ черезъ новыя выборы (последній случай—ропускъ германскаго рейхстага изъ за неутвержденія колониальнаго бюджета). Тотъ и другой способъ одинаково забракованы русской законодательствующей бюрократіей: дѣйствительно, оба эти способа страшно „неудобны“ для русскаго „конституціоннаго“ правительства...

Русское правительство выбрало совершенно иной путь, весьма удобный для тѣхъ, кому всего дороже самовластье, кто стремится всяческими способами ограничить права народнаго представительства и принизить его значеніе. Въ мартовскихъ бюджетныхъ правилахъ есть для этого спеціальная статья 13-ая, буквально повторенная въ „основныхъ законахъ“ подъ № 116. Текстъ ея выше процитировавъ.

Контекстъ закона, именно, связь ст. 13-ой со ст. ст. 10, 11 и 12 тѣхъ же правилъ указываетъ безспорно на то, что означенная статья рассматриваетъ тотъ случай, когда Государственная Дума не хочетъ утвердить бюджета, выражая этимъ прежде всего свое недовѣріе къ правительству. Этотъ опредѣленный смыслъ статьи 13-ой мартовскихъ правилъ (она же—статья 116 основныхъ законовъ) настолько ясенъ, что не требуется обращеній къ мотивамъ закона, хотя въ этихъ мотивахъ есть недвусмысленныя указанія на выразительную опредѣленность этихъ двухъ статей въ только-что приведенной интерпретаціи.

Существованіе таковой статьи въ бюджетномъ законодательствѣ равносильно полному отрицанію бюджетнаго права: если народное представительство захочетъ, напримѣръ, только видоизмѣнить бюджетъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, а другія инстанціи пожелаютъ провести бюджетъ въ томъ его видѣ, какъ онъ приготовленъ въ бюрократическихъ лабораторіяхъ, то угроза статьей 116-ой „основныхъ законовъ“ способна парализовать всякую самостоятельность парламента. Изъ рукъ парламента въ данномъ случаѣ вышибаются все конституціонныя средства, что невольно толкаетъ его на „неконституціонный“ путь, а это, какъ извѣстно, влечетъ послѣдствія, заботливо предусмотрѣнныя въ ст. 105 „основныхъ законовъ“, т. е. роспускъ Думы.

Читатель видитъ, что статья 116-ая—орудіе специальное, направленное для цѣлей. Это — двѣнадцатифутовая пушка, созданная для того, чтобы ломать стѣны упорства, проявляемаго народными представителями. Но это — не дубинка, которой можно размахивать во все стороны и при всехъ обстоятельствахъ. Только развѣ при чрезвычайныхъ условіяхъ, переживаемыхъ современной Россіей, возможны такія метаморфозы, какъ превращеніе пушки въ универсальную дубинку. Только этими чрезвычайными обстоятельствами и можно объяснить на первый взглядъ довольно-таки неожиданное обстоятельство, что Государственная Дума еще ни разу не занималась обсужденіемъ имперскаго бюджета, а административная практика уже использовала въ своихъ интересахъ статью 116-ую „основныхъ законовъ“. Хотя въ условіяхъ случая съ бюджетомъ на 1907 годъ не было существенно важнаго признака пригодности къ данному случаю статьи 116-ой, именно, не было засѣдающей Думы, которая отказала бы въ утвержденіи государственной росписи, однако, совѣтъ министровъ, по представленію министра финансовъ, притянулъ за уши ст. 116-ую, открывъ на этомъ основаніи временныя кредиты и продолживъ дѣйствіе росписи 1906 г. съ соответствующими измѣненіями.

Въ документѣ 1-го января 1907 года правительство прибѣгаетъ къ выраженію: „на точномъ основаніи ст. 116-ой“, позабывъ уведомить налогоплательщиковъ о томъ, что самый документъ „отъ министерства финансовъ“ совершенно не предусмотрѣнъ закономъ и использованіе статьи

116-ой, влекущее за собою расходование половины всего бюджета, т. е. не меньшей мѣрѣ 1 миллиарда народныхъ рублей, явно противорѣчатъ тѣмъ самымъ законамъ, которые—о, иронія судьбы!—изобрѣтательная бюрократія сама придумала для своего обихода, для своихъ собственныхъ удобствъ и благополучія...

Небывалый случай съ государственною росписью является великолѣпной иллюстраціей къ характеристикѣ русскаго бюджетнаго безправія. Писанные законы и неописанное беззаконіе претворяются въ вопіющіе факты голой, неприкрашенной дѣйствительности. Тщетно старается бюрократическое самовластіе прикрыть эту голую дѣйствительность пустыми фразами о „точномъ основаніи“. Точное основаніе для расходованія миллиарда народныхъ денегъ безъ законныхъ разрѣшеній заключается въ томъ, что Россія, несмотря на гетакомбы жертвъ и бездну растроченной революціонной энергіи, все-же не овладѣла бюджетнымъ правомъ, а получила „ектроированное“ бюджетное безправіе...

Финансистъ.

Происхожденіе современнаго синдикализма.

Французская рабочая социалистическая партія въ современномъ смыслѣ этого понятія возникла въ 1879 году. Но прежде чѣмъ я стану говорить о ея отношеніяхъ къ экономическимъ организаціямъ и обратно, мнѣ приходится сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ царствованіе Наполеона III считались подозрительными *все* рабочія организаціи, преслѣдовалось огромное большинство изъ нихъ. Для этихъ преслѣдованій Наполеону не нужно было придумывать новыхъ законовъ, незачѣмъ было ковать новаго оружія. Арсеналъ французскаго законодательства былъ необычайно богатъ оружіемъ этого сорта, и безъ всякаго предварительнаго напряженія ума можно было приступить къ дѣлу.

Декретъ 25-го марта, 2-го апрѣля 1852 г. возстановилъ ст. 291, 292, 293, 294 уголовного кодекса, которыми запрещались собранія свыше 20 чел., требовались предварительное разрѣшеніе и присутствіе полиціи на собраніяхъ. Тотъ же декретъ возстановилъ законъ 10-го апрѣля 1834 г., которымъ запрещались собранія и союзы въ 20 и менѣе человекъ и союзы, раздѣленные на секціи въ 20 и менѣе человекъ. Петли сѣти были сдѣланы настолько узкими предусмотрительнымъ королемъ-буржуа, что сквозь нихъ не могли проскользнуть самые крохотные союзы, самыя ничтожныя организаціи.

Если вспомнить при этомъ, что эти мѣропріятія были пущены въ ходъ послѣ того, какъ Парижъ пережилъ подавленіе іюньскаго возстанія 1848 г., бойню 4-го и 5-го декабря 1851 г., разгромъ всѣхъ организацій и изгнаніе всѣхъ сколько-нибудь видныхъ людей въ послѣдующіе дни, если вспомнить все это, то станетъ ясно, почему въ первую половину правленія Наполеона III такое мертвенное молчаніе царило во Франціи.

Но время залечиваетъ всякія раны. Наполеонъ очень хотѣлъ убить всякую крамолу, но онъ не могъ убить промышленности, машиннаго производства, классоваго устройства общества.

Наоборотъ, эпоха его царствованія была настоящей длительной экономической революціей. Сѣть желѣзныхъ дорогъ увеличилась съ 1832 кил. до 17,500 кил.; ввозъ съ 219 милл. франковъ до 761 мил.; вывозъ съ 746 мил. до 1640 мил. ¹⁾ Потребности производства сказались скоро. Необходимость организацій, необходимость хоть какой-нибудь свободы собраний были почти одинаково велики для хозяевъ и для рабочихъ. Не даромъ рядомъ съ робкими попытками рабочихъ выступлений сталъ оживать приближенно молчавшій либерализмъ. Пришлось разрѣшить собранія, хотя и съ ограниченіями (законъ 6-го іюня 1868 г.); пришлось, если не разрѣшить, то терпѣть рабочія организаціи. Если нельзя предупредить и запретить, быть можетъ, можно направить и руководить?. Попытка была сдѣлана. Начата была кампанія въ пользу устройства обществъ взаимнаго страхованія на случай болѣзни, смерти, увѣчья. Правительство открыто шокровительствовало этимъ обществамъ и самъ Наполеонъ подписывался не разъ при сборахъ на организацію ихъ. Правда, онъ забывалъ потомъ внести подписанную сумму, но здѣсь уже, навѣрно, былъ не дорогъ подарокъ, дорога была любовь. Всѣ общества подобнаго рода и кромѣ того производительныя товарищества (довольно щедро субсидируемыя), многочисленные банки особенно процвѣтали, вѣрнѣе, процвѣли, во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ.

Правительство Наполеона надѣялось такимъ образомъ канализовать вновь поднимающуюся волну рабочаго движенія, т. е. надѣялось путемъ системы каналовъ отчасти направить ее въ определенное русло, отчасти разбить на небольшіе потоки и отвести въ сторону, словомъ, лишить волну ея силы и спастись отъ ея стремительнаго натиска не постройкой громадскихъ и раздражающихъ плотинъ, а наоборотъ—предусмотрительнымъ удаленіемъ препятствій съ пути ея, какъ это могло, по крайней мѣрѣ, показаться съ перваго взгляда. Невольнымъ, быть можетъ, идеологомъ этихъ правительственныхъ мѣропріятій явился Прудонъ съ его проповѣдью всевозможныхъ обществъ взаимопомощи ²⁾.

Съ другой стороны, во всѣхъ этихъ обществахъ естественно рекрутировались избиратели для правительственныхъ кандидатовъ, такъ называемыхъ—*candidats officiels*. Съ третьей,—правительство покрывалось лакомъ либерализма. Короче, предпріятіе было выгодное и общало много; но это мнимоходомъ.

Рядомъ съ этимъ официальнымъ рабочимъ движеніемъ существовало и усиливалось другое, свободное отъ опеки и революціонное; я говорю о движеніи, развившемся подъ знаменемъ Интернаціонала. Къ концу шестидесятихъ годовъ не было во Франціи почти ни одного значительнаго промышленнаго города, въ которомъ не было бы секціи Интернаціонала. Въ

¹⁾ Paul Louis. „Histoire du socialisme francais“, 226 p.

²⁾ См. Prudhom. „De la capacité politique des classes ouvrières“..

Парижѣ ихъ было 16. Кромѣ того Федеральная Палата, объединявшая сорокъ рабочихъ организацій, федеративная касса 5 сантимовъ (устроенная по инициативѣ типографовъ, специально для поддержанія стачекъ) ¹⁾ и не мало другихъ организацій примыкало къ Интернаціоналу.

Уже въ эту эпоху^{мы} видимъ двѣ вѣтви рабочаго движенія: одну—ищущую своей эмансипаціи въ политической боръбы, другую—ярко политическую, прообразъ грядущихъ социалистическихъ партій.

Но обѣ эти формы рабочаго движенія не успѣли окристаллизоваться; наполеоновская Франція огромными шагами приближалась къ своей гибели, въ которую она увлекла съ собой массу жизнеспособныхъ, много обѣщавшихъ ростковъ. Военный разгромъ Франціи, неудача героической попытки парижскихъ рабочихъ оспорить побѣду нѣмецкой арміи и въ то же время ограничить власть финансовой и сельской аристократіи надъ нарождающейся республикой расширеніемъ правъ пролетаріата и мелкой буржуазіи (самоуправляющаяся коммуна); неслыханно жестокое подавленіе парижскаго возстанія,—все это, вся эта почти исключительная въ исторіи современныхъ народовъ катастрофа смела всѣ начинанія, измѣнила, если можно такъ сказать, все устройство поверхности французской жизни, сдѣлавъ изъ нея сѣрую, угрюмую, безнадежную равнину; и должно было пройти нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ на этомъ однотонномъ пейзажѣ можно было различить образование новыхъ возвышенностей, утесовъ... пропастей.

Ускоренію этого процесса содѣйствовалъ необычайный подъемъ промышленнаго развитія Франціи. Этотъ подъемъ былъ неизбеженъ послѣ ликвидаціи политическихъ авантюръ. Достаточно—оставивъ въ сторонѣ другія причины—перечислить только войны, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Наполеона III и въ большинствѣ которыхъ принимала участіе Франція, чтобы понять, какой огромный гнетъ связывалъ всѣ ея экономическія силы, какое громадное препятствіе ставилось развитію промышленности и торговли, основнымъ, необходимымъ условіемъ котораго является увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. На протяженіи какихъ-нибудь полутора десятковъ лѣтъ мы видимъ цѣлый рядъ кровавыхъ столкновеній: Китайская экспедиція, Мексиканская экспедиція, войны—севастопольская, итальянская, датско-прусская, австро-прусская, франко-прусская... Разумѣется, исчезновеніе режима авантюръ должно было развязать всѣ экономическія возможности. Укажу, напр., что вывозъ изъ Франціи, равнявшійся въ 1866 в. 2.430 милл., поднялся въ 1876 г. до 3.307 милл.

Итакъ, если событія экономического характера дѣлали необходимымъ возрожденіе рабочаго движенія, то историческое „вчера“, только что пережитое и еще не забытое, вмѣстѣ съ мало отличавшимся отъ него „сегодня“ оказывали свое вліяніе на его формы.

¹⁾ Testut (Oscar). L'Internationale, 3-ième éd. 1871.

ГЛАВА I.

Первые шаги рабочаго движенія послѣ Коммуны.

Какъ и послѣ 1848 года, революціонное рабочее движеніе было опять обезглавлено, болѣе того—оно было обезкровлено. Побѣда крупной буржуазіи въ союзѣ съ "несознательной, реакціонной, руководимой черными людьми, деревней, символизировалась горой труповъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ. На время руководителями движенія становятся умѣренные сторонники третейскихъ судовъ и взаимопомощи (мютьюэллисты), проповѣдники кооператизма и моральнаго самосовершенствованія, рѣшительные враги рѣзкихъ заявленій и рѣзкихъ выступленій. По своему философскому вѣроисповѣданію (это были, въ большинствѣ случаевъ, прудонисты, рѣдко позитивисты; по своимъ политическимъ воззрѣніямъ—республиканцы. Между прочимъ, однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ ихъ въ пользу умѣренности и противъ стачекъ было указаніе на необходимость спасти республику, и такъ какъ это возможно только въ союзѣ съ буржуазіей, то нужно употребить всѣ мѣры, чтобы не напугать, не озлобить, не толкнуть эту послѣднюю въ объятія монархической реакціи. Эти вожди были маленькими Гамбеттами рабочаго класса.

Разумѣется, здѣсь ихъ вліяніе не могло быть продолжительнымъ, но и эти первые годы (послѣ разгрома Коммуны оно было все-таки преобладающимъ. Правительство съ своей стороны усиливало это вліяніе, тщательно устраняя всякое иное. Не надо забывать, что синдикаты попрежнему не были разрѣшены, но только терпимы, союзы же синдикатовъ преслѣдовались съ необычайной строгостью; что противъ международныхъ союзовъ вообще и особенно противъ Интернаціонала былъ созданъ спеціальныи законъ 14-го марта 1872 г., грозившій членамъ и должностнымъ лицамъ подобныхъ союзовъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, штрафомъ до 5000 франковъ и полицейскимъ надзоромъ до 10 лѣтъ; что, наконецъ, въ борьбѣ со стачками совѣтъ ни передъ чѣмъ не останавливались, какъ объ этомъ можно судить хотя бы по слѣдующей телеграммѣ, посланной Тьеромъ префекту Па-де-Кале по поводу стачка углекоповъ: „Тѣ, которые въ настоящій моментъ волнуютъ умы и угрожаютъ кредиту Франціи,—враги освобожденія территоріи. Ихъ надо немедленно покорить силой и справедливостью“¹⁾. Конечно, правительство, почувствуя дѣятельности умѣренныхъ и дѣлая невозможной какую-либо другую, не только усиливало ихъ вліяніе въ настоящемъ, оно дѣлало неизбежнымъ гибель этого вліянія въ будущемъ. Но такова, очевидно,

¹⁾ Цитир. по Вейлю. „Исторія социальнаго движенія во Франціи“. Русск. перев. Борисовича, стр. 184.

мечальная судьба всѣхъ современныхъ правительствъ: они дѣлаютъ подозрительныхъ все то, къ чему они относятся съ симпатіей и благоклонностью.

Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему возрождавшееся движеніе приняло почти исключительно мирныя формы. Характеръ движенія сталъ очевиднымъ для всѣхъ, когда въ 1876 г. удалось собрать первый рабочій конгрессъ въ Парижѣ. Наиболѣе характернымъ для него является заявленіе делегата изъ Рубэ, Шарля Бонна, что онъ не намѣренъ идти на приступъ крѣпости капитала, что, наоборотъ, по его мнѣнію, капиталъ и трудъ солидарны. Итакъ, если установлена принципиальная, такъ сказать, солидарность между трудомъ и капиталомъ, остается только соединить ихъ на дѣлѣ, или проще—нужно рѣшить вопросъ, какимъ образомъ рабочіе могутъ достать капиталъ. Конгрессъ отвѣчаетъ на это просто и категорично—необходимо устройство всякихъ видовъ кооперативовъ; въ кооперации нѣтъ спасенія; но тѣмъ самымъ онъ призналъ, что въ рамкахъ современнаго общества рабочій классъ *можетъ* найти спасеніе, хотя только въ кооперации. Мнѣ кажется, что лучшимъ изложеніемъ дѣйствительно господствовавшихъ на конгрессѣ воззрѣній являются двѣ странички брошюры, изданной по поводу конгресса коммунарами, жившими въ Лондонѣ. Онѣ цѣнны для насъ не только, какъ указаніе на характерную черту этого перваго рабочаго конгресса, онѣ цѣнны еще болѣе тѣмъ что говорятъ, какую позицію заняли по отношенію къ дѣятелямъ движенія, подводившаго свои итоги на конгрессѣ, если не социалистическая партія, еще не организовавшаяся, то, по крайней мѣрѣ, предшественники социалистовъ. Вотъ эти страницы: „Кажется чудовищнымъ, чтобы въ городѣ революціи, черезъ пять лѣтъ послѣ борьбы Коммуны, у могли убитыхъ, при переполненныхъ тюрьмахъ и Нушейской каторгѣ, могли найтись люди, осмѣливающіеся взять на себя роль представителей пролетаріата для того, чтобы отъ его имени принести повинную буржуазіи, отказаться отъ революціи, отречься отъ Коммуны. Такие люди нашлись, это синдикалисты, которые только что закончили свой конгрессъ.

Уже по одному тому, что для коммунаровъ революція является безпрестанной борьбой, ведущейся повсюду, гдѣ только это возможно, они не отрицаютъ необходимости и цѣнности движенія, въ результатъ котораго возникаютъ синдикальные палаты, кассы и общества сопротивленія, стачки, союзы объединенныхъ по профессіямъ рабочихъ и т. д. Совсѣмъ напротивъ, они видятъ во всемъ этомъ оборонительное оружіе, которымъ пользуется угнетенный трудъ въ своей повседневной борьбѣ; они видятъ въ этомъ проявленіе растущаго классоваго сознанія рабочаго, проявленіе увеличивающагося сознанія тяготящаго надъ нимъ гнета и стремленія его къ освобожденію; они видятъ въ этомъ начало и отправный пунктъ той боевой организаціи, которая, создавая силу въ рукахъ пролетаріата, одна

только может обеспечить ему побѣду посредствомъ настоящей, рѣшительной борьбы: борьбы вооруженной.

Но когда инициаторы этого движенія предлагаютъ въ качествѣ цѣли, въ качествѣ рѣшенія то, что на самомъ дѣлѣ есть только необходимость, только первый шагъ, отправный пунктъ, мы вправѣ ихъ спросить, откуда они пришли? Кто они? Чего они хотятъ? Сорвать съ нихъ маску является обязанностью¹⁾.

И дальше, опять указавъ на неестественность такого мирнаго настроенія послѣ кровавыхъ ужасовъ подавленія Коммуны, оставшіеся въ живыхъ защитники ея пишутъ: „Они (синдикалисты) явились объявить отъ имени—узурпированнаго ими имени—пролетаріата, того самаго пролетаріата, который вчера еще съ оружіемъ въ рукахъ стремился ниспровергнуть строй, который они хотятъ сохранить,—они явились объявить, что они принимаютъ современное общество съ его учрежденіями, съ его классами, его собственностью; что они удовлетворяются имъ, что они хотѣли бы, чтобы соблагволили разрѣшить имъ реформировать его, усовершенствовать и затѣмъ возможно лучше приспособиться къ нему. Они объявили, что уже не ждутъ болѣе своего освобожденія отъ силы и борьбы, но отъ дарованной свободы, всеобщаго голосованія, прогресса идей и нравовъ, отъ собственнаго благоразумія и расположенія ихъ господъ. Они объявили въ своемъ рабскомъ усердіи, что они жаждутъ только возможности найти мѣстечко у очага буржуазіи, отъ котораго ихъ отогнало несправедливое недоверіе; что ихъ поведеніе является достаточнымъ залогомъ для будущаго, чтобы привилегированные пригласили ихъ на общій совѣтъ и не изготавляли бы безъ нихъ законовъ, „которые они умѣютъ уважать даже тогда, когда эти законы не соотвѣтствуютъ справедливости“ (выраженіе одного конгрессиста). Они объявили, что, питая ужасъ къ насилію и революціямъ, они пришли добровольно предложить тѣ гарантіи порядка, безопасности, спокойствія, которыхъ бесполезно ищутъ въ кровавыхъ репрессіяхъ; что они не хотятъ оставаться долѣе непризнанными, не хотятъ, чтобы ихъ смѣшивали съ восставшими; что они хотятъ не разрушенія, а союза, примиренія классовъ, соглашенія труда и капитала; что, если они стремились войти въ законно существующее общество, то для того, чтобы защищать его; что, наконецъ, они устроили этотъ конгрессъ только для того, чтобы разсѣять незаслуженныя подозрѣнія и протянуть успокоенной буржуазіи братскую руку во имя общаго союза противъ Революціи, союза, блестящимъ свидѣтельствомъ котораго было слѣдующее заявленіе: „Хотя мы представляемъ собою массу и силу, мы не собираемся насилловать ничье сознаніе; вужно подтвердить блестящую истину, вышедшую изъ нѣдръ этого

¹⁾ Брош. Les syndicaux et leur Congrès 1876. London. Signé: La Commune révolutionnaire.

конгресса: мы не революціонеры, мы умиротворители (тройной варьнтъ ашпидментовъ“¹⁾).

Я привелъ эту длинную цитату потому, что, по моему мѣнью, въ ней, кромѣ понятнаго, негодующаго чувства авторовъ ея, коммунаровъ, въ ужасѣ спрашивавшихъ себя, къ чему были всѣ огромныя усилія, всѣ неопытныя жертвы, если такъ скоро рабочій классъ, повидимому, потерялъ себя; кромѣ, говорю я, этого чувства, здѣсь выражена съ приближительной точностью та точка зрѣнія, на которую впоследствии *фактически, на дѣлѣ* стали многочисленныя соціалистическія партіи Франціи. Мнѣ кажется, что въ противоположности позицій, занятыхъ коммунарами и конгрессистами, заключается уже верно того огромнаго *историческаго недоразумѣнія*, за неумѣніе разрѣшить которое до сихъ поръ платится французское рабочее движеніе. Конечно, я не хочу сказать, что это недоразумѣніе создано волей какихъ-нибудь злокозненныхъ личностей или что оно могло быть разрѣшено исключительно усиліями тѣхъ или иныхъ группъ. Я знаю, что огромную роль сыграли необычайно сложная политическая исторія Франціи, ея революціонное прошлое, ея экономическая отсталость, либерализмъ ея государственныхъ формъ и реакціонность, я сказалъ бы, феодализмъ въ отношеніяхъ общественныхъ классовъ.

Но въ этой статьѣ меня занимаетъ вопросъ не о причинахъ появленія этого „недоразумѣнія“, закономѣрность котораго я признаю, называя его *историческимъ*. Нѣтъ, я просто хотѣлъ отыскать въ предѣлахъ отмежеванной нашей дѣятельности свободы слѣды воздѣйствія сознательнаго элемента, я хотѣлъ найти синтезирующее вліяніе этого элемента, изучающаго явленія жизни при помощи правильнаго научнаго метода я провидящаго новые пути. Я искалъ все это, но почти не находилъ.

Возвратимся къ конгрессу. Чего хотѣлъ онъ? Онъ пытался—худо ли, хорошо ли—заложить основы пролетарской организаціи. Правда, онъ направлялъ ее на ложный путь,—въ этомъ его огромный недостатокъ, но онъ имѣлъ и свои хорошія стороны: это, во-первыхъ, чисто пролетарскій составъ, въ которомъ сказались классовая обособленность и классовое недовѣріе къ буржуазіи, несмотря на всѣ *рѣчи* о примиреніи; это, во-вторыхъ, указаніе на необходимость помочь себѣ исключительно собственными силами, въ которомъ выразилось инстинктивное пониманіе различія интересовъ и своей классовой силы, хотя и это не мѣшало *говорить* о солидарности интересовъ; это, въ третьихъ, рѣшеніе посылать въ качествѣ своихъ представителей въ парламентъ исключительно рабочихъ, рѣшеніе, тоже мало гармонировавшее съ положеніемъ объ общности интересовъ. Достаточно указать на эти три характерныя черты интересующаго насъ конгресса, чтобы стало понятнымъ, что фактически члены его плохо служили дѣлу социаль-

1) Тамъ же, стр. 6—7.

наго примиренія и вовсе не заповняли пропасти, отдѣляющей пролетаріатъ отъ буржуазіи, если не предположить, что эта пропасть можетъ быть заполнена словами. Правда, эти слова были опасны тѣмъ, что могли ввести въ заблужденіе рабочую массу, и мы должны признать всю огромность услуги, оказанной рабочему движенію критикой и дѣятельностью социалистовъ. Но если коммунары въ своей брошюрѣ блестяще охарактеризовали какъ самую позицію, занятую, главнымъ образомъ, на словахъ, конгрессистами, такъ и опасность ея, они не избѣгли сами другой опасности, опасности недооцѣнить значенія экономической борьбы пролетаріата, опасности не усмотрѣть въ соответствующихъ организаціяхъ его ничего другого, кромѣ небольшой и подчиненной части, ничего кромѣ „начала и отправного пункта той боевой организаціи, которая... одна только можетъ обезпечить пролетаріату побѣду посредствомъ настоящей, рѣшительной борьбы: борьбы вооруженной“.

Дальше мы не разъ еще будемъ имѣть случай указать, къ чему приводили на дѣлѣ эти неправильныя точки зрѣнія обѣихъ сторонъ. Здѣсь же оговорюсь: я не думаю, конечно, что коммунары, писавшіе цитированную мною брошюру, являются родоначальниками современныхъ французскихъ социалистовъ, но я настаиваю на томъ, что нельзя найти особаго различія въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ экономической борьбѣ пролетаріата.

Никакихъ особенно важныхъ событій въ экономической жизни Франціи между первымъ и вторымъ конгрессомъ не произошло. Политическое же положеніе не благоприятствовало распространенію социалистическихъ идей: необходимость защитить республику отъ реакціонныхъ поползновеній заставляла рабочихъ выступать въ качествѣ республиканцевъ, не позволяла дробить силы. Сознаніе этой необходимости создавало въ рабочей массѣ психологическую атмосферу, въ которой съ трудомъ отставляли свое существованіе немногочисленные ростки боевого социализма. Конечно, это положеніе вещей было временнымъ, и незадолго до второго конгресса, собравшагося въ Лионѣ въ январѣ 1878 г., всякая опасность для существованія республики была уже устранена. Но этотъ фактъ не успѣлъ еще въ достаточной степени отразиться на участникахъ съѣзда. Вы преждемъ видите передъ собой людей, считающихъ себя равноправными гражданами своего отечества, видите рабочихъ, у которыхъ общая съ либеральной буржуазіей борьба за республику поддерживаетъ иллюзію общности интересовъ. Нѣсколько выписокъ подтверждаютъ мою мысль. Секретарь организаціонной комиссіи, повторивъ, что рабочій классъ, находящійся дѣйствительно въ ужасномъ положеніи, ищетъ выхода изъ него посредствомъ исключительно мирныхъ способовъ, возражаетъ противъ обычныхъ и несправедливыхъ обвиненій, которыя „заставляютъ предполагать, будто рабочіе, дорожающіе своими интересами, гордые своимъ за-

ниемъ французскихъ гражданъ, дѣйствуютъ на пользу какихъ-то постороннихъ лицъ и провозглашаютъ Интернаціональ; противъ обвиненій, которыя стараются представить рабочихъ лишенными всякаго здраваго смысла и состраданія, тогда какъ за ними раздаются, быть можетъ, жалобные крики—„папа, мама, мнѣ холодно, я ѣсть хочу!“¹⁾ И дальше: „успѣхъ нашихъ работъ дастъ намъ возможность сдѣлать изъ нашихъ дѣтей честныхъ, интеллигентныхъ ремесленниковъ и хорошихъ гражданъ... Порядокъ, спокойствіе и умѣренность въ нашихъ работахъ насъ возвысятъ въ глазахъ всѣхъ“. Не менѣе характернымъ является заявленіе предсѣдателя перваго засѣданія, сказавшаго въ своей рѣчи: „Мы не безумные утописты, ненавидящіе все существующее“... Наконецъ, чтобы не скрыть ни одного изъ темныхъ пятенъ этого конгресса, нужно упомянуть, что предложенію резолюціи въ пользу амнистіи коммунарамъ вызвало такіе дебаты, что авторы взяли ее обратно; ихъ заявленіе объ этомъ было встрѣчено горячими аплодисментами²⁾. Этотъ поступокъ конгрессистовъ не можетъ не вызвать глубокаго негодованія: имъ показалось недостаточнымъ для „реабилитаціи“ рабочихъ въ глазахъ буржуазіи отвергнуть огромнымъ большинствомъ коллективистскую резолюцію о собственности, они сочли необходимымъ не подымать даже вопроса о коммунарахъ, не возвысить голоса противъ отвратительной жестокости побѣдителей, терзавшихъ уже седьмой годъ своихъ побѣжденныхъ враговъ.

Но зато на этомъ конгрессѣ еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ на предыдущемъ, замѣчаются признаки недалекаго разрыва съ теоріей гармоніи интересовъ и солидарности классовъ. На этомъ конгрессѣ впервые раздалась рѣчи о необходимости обобществленія орудій производства, рѣчи, встрѣченныя аплодисментами. Правда, на слѣдующій день начались протесты; такъ, Безансонскій делегатъ заявилъ, что они съѣхались для того, чтобы „попытаться улучшить участь рабочихъ при помощи немедленныхъ честныхъ и практическихъ средствъ. Протестовала и организаціонная комиссія... „après avis de l'administration supérieure“³⁾.

На этомъ конгрессѣ опредѣленно указывалось на существованіе двухъ классовъ (283 стр.), на то, что „союзъ между трудомъ и капиталомъ является самой большой химерой, какой когда-либо увлекался человѣчскій умъ“. На этомъ конгрессѣ съѣхавшіеся делегаты услышали настоящую обвинительную рѣчь буржуазіи; они услышали и слушали съ затаеннымъ дыханіемъ, что „нѣтъ такого закона, котораго бы буржуазія не нарушила, когда что-либо грозитъ ея интересамъ, такого способа голосованія, которымъ она не сумѣла бы злоупотребить, тюрьмъ, какихъ бы она не созидала,

1) Séances du Congrès ouvriers de France. Deuxième session, tenue à Lyon de 28 Janv. au 8 Fevr. 1878, p. 13.

2) Тамъ же, стр. 613.

3) Тамъ же, стр. 475.

гонений, какъ бы она не организовала, рѣзни, предъ которой она бы остановилась“ (стр. 335). Наконецъ, весь конгрессъ былъ единодушенъ въ протестъ противъ духовенства и религiи, этихъ лучшихъ слугъ буржуазнаго господства. Раздавались протесты противъ обученiя дѣтей закону Вожию; указывалось на необходимость, для возможности прочной связи городскихъ рабочихъ съ рабочими деревни, вырвать этихъ послѣднихъ „изъ когтей гнуснаго чудовища, голова котораго въ Римѣ, а огромныя руки давать весь мiръ“ (417).

ГЛАВА II.

Влiянiе социалистической пропаганды.

Эволюцiя влѣво, эволюцiя въ сторону яснаго классоваго самосознанiя медленно, но неуклонно дѣлала свое дѣло. Социалистическая проповѣдь, ведущаяся съ неутомимой энергiей, вмѣстѣ съ измѣнившимися политическими и экономическими условiями, видимо, ускоряли ее. Два слова объ этихъ объективныхъ условiяхъ. Конецъ семидесятыхъ годовъ является концомъ огромнаго промышленнаго подъема, наступившаго послѣ паденiя Второй Имперiи. Промышленный кризисъ, начавшiйся во второй половинѣ 78-го года, сразу отразился на профессиональной дѣятельности рабочихъ: съ большимъ трудомъ организовуются синдикаты, все чаще кончаются поражениемъ стачки, съ угрожающей быстротой растетъ армiя безработныхъ и десятками погибаютъ общества взаимопомощи и кооперативныя общества. Эти послѣднiя, какъ предпрiятiя, наиболѣе слабыя въ экономическомъ отношенiи, падаютъ первыми жертвами промышленной эпидемiи. Если въ перiодъ процвѣтанiя кооперативныя общества обвинялись и справедливо, въ томъ, что они раздѣляютъ рабочiй классъ, создавая группы привилегированныхъ, что вся ихъ роль сводится къ тому, что они немногихъ рабочихъ превращаютъ въ мелкихъ собственниковъ, а многимъ прививаютъ вредныя иллюзии на счетъ возможности такого превращенiя для массъ, то въ эпоху кризисовъ, наоборотъ, они безжалостно разбиваютъ эти иллюзии, однимъ ударомъ превращая сотни вчерашнихъ хозяевъ въ нищихъ. Въ эпоху кризисовъ рабочiе легче всего отдаютъ себѣ отчетъ въ жалкой непригодности этой буржуазной панацеи. Такъ было и теперь: прежнiе защитники кооперации изъ рабочихъ открыто признавались въ своей ошибкѣ, больше того — они поняли, почему ее проповѣдывала буржуазiя, почему въ свое время поощрялъ образованiе всякихъ производительныхъ товариществъ Наполеонъ III. Эту перемѣну во взглядахъ въ остроумной формѣ отиѣтилъ Исидоръ Финансъ: „какъ Наполеонъ I убаюкивалъ своихъ солдатъ, убѣждая ихъ, что у каждаго изъ нихъ въ ранцѣ имѣется маршальскiй жезлъ; только немного храбрости, самопожертвованiя — и вчерашнiй

солдатъ надѣнеть расшитый золотомъ мундиръ маршала, — такъ и Наполеонъ Маленькій убаюкивалъ рабочихъ сказкой, говоря имъ: „миллионъ, къ которому ты стремишься, у тебя въ карманѣ, ты можешь добыть его своимъ умомъ и энергіей... при помощи коопераціи“. Разочарованіе ждало убаюкиваемыхъ въ обоихъ случаяхъ: въ началѣ вѣка сотни тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ, погибшихъ, не успѣвъ достать изъ ранца завѣтной палочки, — и десятокъ маршаловъ; въ концѣ — тысячи обвинявшихъ, выбитыхъ изъ колен и оторванныхъ отъ общепролетарской борьбы рабочихъ — и десятокъ мелкихъ хозяйчиковъ!

Политическія условія тоже измѣнились — существованію республики не грозила никакая опасность, исчезла необходимость союза между пролетариатомъ и буржуазіей, и пролетариатъ опять получилъ полную свободу дѣйствій. Но теперь не только исчезла необходимость союза, наоборотъ, становилась все болѣе очевидной необходимость борьбы. Поведеніе республиканскаго правительства при возникновеніи стачекъ вызывало гнѣвъ и негодованіе рабочаго класса. Не было ни одной сколько-нибудь крупной стачки, при которой бы не посылались въ „угрожающую“ мѣстность войска. Для подавленія стачекъ все пускалось въ ходъ — аресты, высылки, судебные процессы за „покушенія на свободу труда“, всѣ виды устрашенія, всѣ способы давленія.

Соціалисты, пользуясь благопріятно (для пробужденія классоваго самосознанія) складывающимися обстоятельствами, повели самую рѣшительную кампанію, знакомя рабочій классъ съ теоріей научнаго социализма (и знакомясь съ нею въ то же время сами), борясь съ сильными еще въ его средѣ предрасудками, увлеченіями и иллюзіями. Работа, совершить которую предстояло имъ, была по-истинѣ огромна. Нужно было уничтожить остатки вѣры во всеисцѣляющую мощь коопераціи; нужно было бороться съ воздержаніемъ отъ голосованія однихъ и съ желаніемъ голосовать за „республиканцевъ вообще“ другихъ; нужно было доказать всю непрочность надеждъ на государственное вмѣшательство для борьбы съ кризисами и безработицей; нужно было вообще уничтожить вѣру въ возможность придумать какое бы то ни было всеисцѣляющее лекарство. Правда, какъ я уже сказалъ, французскіе соціалисты, уча другихъ, въ то же время учились сами. Въ ихъ статьяхъ вы встрѣчаете колебанія, къ ихъ марксистскимъ взглядамъ примѣшивается еще нѣкоторая доля анархистскихъ воззрѣній, но въ общемъ они идутъ по правильному пути, дѣйствуя примѣромъ и убѣждающимъ словомъ на рабочихъ.

Первые французскіе соціалисты-марксисты группировались вокругъ газеты „Egalité“, главнымъ редакторомъ которой былъ Жюль Гэлъ. Ихъ было не много, у нихъ не было почти никакихъ средствъ, но это скорѣе увеличивало ихъ энергію. Цѣлью ихъ было созданіе во Франціи социалистической рабочей партіи, партіи класса. Въ этомъ своемъ стремленіи они

натолкнулись въ области экономической на вѣру въ кооперацію, въ области политической на непониманіе необходимости классовыхъ кандидатуръ у широкихъ слоевъ рабочихъ и на нежеланіе участвовать въ избирательной борьбѣ у наиболѣе передовыхъ изъ нихъ.

Доводы социалистовъ противъ коопераціи сводились къ указаніямъ на то, что производительныя коопераціи возможны только въ отсталыхъ производствахъ, что кредитныя товарищества могутъ оказаться полезными только для начинающихъ мелкихъ собственниковъ, что нѣкоторый *raison d'être* имѣютъ только потребительныя общества, но и то не слѣдуетъ забывать, что при сколько-нибудь серьезномъ расширеніи ихъ операций неизбѣжно паденіе заработной платы. Впрочемъ, опытъ гораздо убѣдительнѣе всѣхъ разсужденій заставлялъ французскихъ рабочихъ отказаться отъ этой панацеи. Гораздо болѣе трудной оказалась борьба съ заблужденіями въ области политической, трудной особенно потому, что въ самой редакціи „Egalité“ не существовало единаго отношенія къ политической борьбѣ, не было общаго всѣмъ ея членамъ взгляда на значеніе и цѣль этой борьбы.

Уже въ первомъ номерѣ, вышедшемъ 18-го ноября 1877 г. „Egalité“ указываетъ на необходимость для рабочихъ именно въ интересахъ экономической борьбы не оставлять политической власти въ рукахъ буржуазіи. „Наемный рабочій находится въ полной зависимости отъ буржуазіи не только потому, что въ ея рукахъ концентрируется исключительное владѣніе земельнымъ и промышленнымъ капиталомъ, что она владѣетъ орудіями труда, но еще и потому, что она является хозяйникомъ всей правительственной машины, что она располагаетъ могучимъ аппаратомъ репрессивныхъ мѣръ, при помощи которыхъ она безопадно подавляетъ всякую попытку къ освобожденію.

Рабочаго гнететъ не только экономическій произволъ, но и произволъ финансовый, административный, судебный, полицейскій и онъ не могъ бы надѣяться избавиться отъ этого многообразнаго произвола, продолжая при-мѣнять гибельную систему воздержанія“ ¹⁾).

Если изъ этой выдержки можно заключить, что будущая рабочая партія должна поставить своей задачей завоеваніе политической власти, то нужно признаться, что это соображеніе, *этотъ* доводъ въ пользу участія въ политической борьбѣ встрѣчается рѣже всего среди ряда доводовъ, выдвинутыхъ социалистами. Чаше встрѣчаются указанія на то, что классовыя кандидатуры даютъ возможность противопоставить пролетаріатъ буржуазіи, даютъ поводъ вести пропаганду и агитацію, революционизирующее вліяніе которыхъ неоспоримо. Такой взглядъ получилъ свое выраженіе въ статьѣ „О прямомъ представительствѣ“.

Но въ ней же очень горячо оспариваются возможные выводы изъ вы-

1) „Egalité“, 30—XII—1877.

шеприведеннаго отрывка. Авторъ ея подчеркиваетъ, что пролетаріатъ не можетъ надѣяться на то, что представители когда-нибудь окажутся въ большинствѣ въ парламентѣ. Если будетъ недостаточно давленія на избирателей буржуазныхъ капиталовъ, правящіе классы пустятъ въ ходъ противъ избранныхъ и противозаконныя средства, о которыхъ даже такія событія, какъ 18 Брюмера и 2 декабря могутъ дать лишь слабое представленіе.

„Армія, чиновничество, полиція, администрація—всѣ репрессивныя органы современнаго государства—были созданы и существуютъ съ единственной цѣлью не допустить къ власти трудящееся большинство. Съ другой стороны, если даже допустить невозможное и предположить, что представители пролетаріата окажутся въ большинствѣ въ парламентѣ, то и этотъ фактъ не подвинетъ ни на шагъ дѣла соціальной революціи, потому что парламенты могутъ подъ давленіемъ обстоятельствъ только освятить, санкціонировать новый экономическій порядокъ, но создать его они безсильны“¹⁾. „Наконецъ, что касается свободы печати, собраній, союзовъ и пр., то всего этого можно добиться и отъ буржуазныхъ радикаловъ.

Къ концу перваго періода существованія „Egalité“ оговорки, слѣдующія постоянно за основнымъ положеніемъ—„мы являемся горячими сторонниками политической борьбы и представительства пролетаріата въ парламентѣ“—становятся все многочисленнѣе и первая серія газеты зачивается совсѣмъ абстенціонистскимъ аккордомъ. Въ статьѣ подъ названіемъ „Приманка“ вы находите уже рядъ доводовъ противъ участія въ выборахъ. Участіе въ избирательной кампаніи раздѣляетъ пролетаріевъ, не могущихъ сойтись при выборахъ своихъ политическихъ господъ, придаетъ видимость законности теперешнему порядку вещей, внушаетъ ложныя надежды на возможность постепенно, мирно и законно освободиться отъ угнетенія... Правда, классовыя кандидатуры могли бы принести нѣкоторую пользу, концентрируя въ себѣ все негодованіе, весь гнѣвъ пролетаріата, огъ, пожалуй, дали бы возможность—не захватить, разумѣется, организованную противъ рабочаго класса государственную власть,—но подсчитать силы, выбрать подходящий моментъ, огъ могли бы дать толчокъ къ организаціи, но на самомъ дѣлѣ, несмотря на соотвѣтствующія резолюціи Парижскаго и Ліонскаго конгрессовъ, подобныхъ результатовъ не замѣчается. Выводъ: необходимость бороться съ избирательными увлеченіями массъ“²⁾.

Само собой понятно, что крайности и неправильности этого взгляда не раздѣлялись всей редакціей, что появленіе ихъ на столбахъ „Egalité“ обязано тому обстоятельству, что въ то время соціалисты и анархисты работали еще вмѣстѣ. Разгромъ Коммуны и торжество буржуазіи заставили

¹⁾ „Egalite“, 13—I—1878.

²⁾ „Egalité“, 14—VII—1878 г.

соединиться всѣхъ враговъ существующаго порядка, тѣмъ болѣе, что ихъ было не такъ много. Но не менѣе ясно и то, что и социалисты того времени не возлагали особыхъ надеждъ на парламентскую дѣятельность. Они считали необходимымъ участіе въ политической борьбѣ, но не особенно надѣялись и дорожили непосредственными результатами. Это становится вполне очевиднымъ, когда присматриваешься къ дѣятельности ихъ *послѣ* разрыва съ анархистами, разрыва именно по вопросу объ участіи или не участіи въ политической борьбѣ. Но объ этомъ дальше. Здѣсь же я хочу объяснить, почему я считаю нужнымъ въ статьѣ объ отношеніяхъ социалистовъ къ экономической борьбѣ пролетаріата останавливаться на ихъ отношеніи къ политической борьбѣ. Дѣло въ томъ, что въ исторіи французской социалистической партіи отношенія социалистовъ къ той и другой формѣ пролетарской борьбы находятся въ такой тѣсной зависимости другъ отъ друга, что отдѣлить ихъ невозможно. Скажу больше,—мнѣ представляется, что усиленіе политической борьбы заставляло забрасывать экономическую и наоборотъ, т. е. умѣренное отношеніе къ политической борьбѣ давало возможность правильно отнестись и оцѣнить все огромное значеніе экономической борьбы и экономическихъ организацій.

Къ рассмотрѣнію отношенія группы „Egalité“ къ этой борьбѣ и со-
отвѣтствующимъ организаціямъ я перехожу.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ газеты названная группа пишетъ: „Въ экономической области организація наемныхъ рабочихъ для сопротивленія капиталистамъ явится единственно полезной дѣятельностью; стачка, тщательно подготовленная и во-время начатая, явится единственнымъ барьеромъ, который можно будетъ противопоставить капиталистической эксплуатаціи, единственнымъ способомъ обуздать ее. Итакъ, рабочіе, за дѣло, за созданіе обществъ сопротивленія“¹⁾. Этотъ призывъ повторяется постоянно.

Призывая рабочихъ къ организаціи и самодѣятельности, социалисты признавали полезнымъ даже созданіе кооперативовъ; они боролись только съ иллюзіей, что всѣ эти организаціи *сами по себѣ* могутъ избавить пролетаріатъ отъ эксплуатаціи, боролись съ предположеніемъ, что онѣ *достаточно* для эмансипаціи его, что онѣ являются *альфой и омегой* пролетарской борьбы. Въ тоже время всякія экономическія организаціи они считали безусловно необходимыми, считали условіемъ *sine qua non* освобожденія рабочаго класса. И для того, чтобы сдѣлать эту свою мысль вполне ясной, они пишутъ въ статьѣ „Организуйтесь!“: „Именно отсутствіе организаціи той массы, которая представляетъ собою четвертое сословіе, и сдѣлало безплодными всѣ предшествовавшія революціи, совершенныя, однако, при содѣйствіи, или даже только пролетарскими руками“. Чтобы

1) Egalité. 30—XII—1877.

не было сомнѣній на счетъ того, о какой организаціи они говорятъ, они продолжаютъ: „Чѣмъ же являются на самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны быть синдикаты и всякія кооперативныя общества... какъ по тѣмъ органамъ, котораго всегда недоставало французскому пролетаріату и вѣтъ котораго онъ, конечно, сможетъ быть массою, но никогда не будетъ силою?“ Наконецъ, указавъ еще разъ на опасныя стороны кооперативовъ, они заключаютъ: „Что касается другихъ формъ группировки пролетаріата, особенно группировки профессиональной, то сколь бы консервативнѣе, сколь робокъ ни былъ бы проникающій ихъ въ данный моментъ духъ, мы считаемъ ихъ столь существенными, что если бы не боязнь слишкомъ успокоить наши правящіе классы, мы заявили бы, что покуда такая группировка не будетъ достаточно развита, ихъ привилегіи не подвергаются никакой опасности“.

Не знаю, нужно ли упоминать, что больше всего мѣста занималъ вопросъ объ обобществленіи орудій производства, что ему удѣлялся тахитимъ вниманія, посвящалось наибольшее количество силъ. По этому вопросу не было разногласій въ редакціи „Egalité“, и неустанная пропаганда социалистическаго идеала скоро принесла плоды.

Итакъ, вы видите, что несмотря на нѣкоторую невыдержанность взглядовъ, социалисты въ общемъ и цѣломъ правильно указывали французскому пролетаріату великую цѣль и пути для достиженія ея. Этотъ періодъ ихъ дѣятельности можно было бы изобразить круто поднимающейся линіей. Съ невольнымъ уваженіемъ останавливаемся передъ этой маленькой группою, совершившей такую огромную работу. Все влечетъ къ ней,—широта взглядовъ, чисто юношеская энергія, отсутствіе личныхъ столкновеній, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся преданность дѣлу. Членамъ этой группы тѣсно было въ рамкахъ маленькой газеты, и борьбу съ существующимъ порядкомъ они со столбцовъ ея переносятъ въ самую жизнь. Они пробѣгаютъ Францію изъ конца въ конецъ, повсюду устраивая митинги, собранія, читая доклады, распространяя брошюры. Они посылаютъ вызовы инакомыслящимъ и съ принимающими ихъ устраиваютъ настоящіе словесные поединки. Они съ социалистической точки зрѣнія рассматриваютъ всѣ вопросы современной дѣйствительности, освѣщаютъ самыя темныя уголки жизни буржуазнаго общества. Они, наконецъ, безпощадно критикуютъ правительство и развѣнчиваютъ авторитеты, презрительной и ядовитой насмѣшкой отвѣчаютъ на преслѣдованія и замолкаютъ, уступая только грубому насилию.

Случай подсчитать результаты этой лихорадочной дѣятельности представился скоро. Во второй половинѣ 1879 года собрался въ Марсели третій рабочій съѣздъ. И по настроенію, и по содержанію онъ рѣзко отличался отъ предшествующихъ. Огромнымъ большинствомъ принимается на немъ резолюція объ обобществленіи орудій производства, земли и гѣдръ ея. Точно также принимается резолюція, гласящая, что „кооперативныя

общества ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться средствами, достаточными для освобожденія пролетаріата“. Подтверждается необходимость прямого представительства пролетаріата въ парламентѣ. Наконецъ, признается необходимость основать рабочую партію. Какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть огромную перемѣну, происшедшую во взглядахъ французскихъ организованныхъ рабочихъ за истекшіе три года, жившіе въ Лондонѣ коммунары прислали привѣтственный адресъ конгрессу. Итакъ, эволюція почти закончена. Оставалось только выработать программу и сумѣть провести ее въ жизнь. Оговорюсь, впрочемъ: эволюція была чересчуръ быстрой. Нѣкоторые слои даже организованныхъ рабочихъ не могли поспѣть за ея, почти головокружительной, быстротой, и расколъ, предвѣстники котораго замѣтны были на Марсельскомъ съѣздѣ, сдѣлался неизбежнымъ. Онъ и произошелъ на конгрессѣ въ Гаврѣ, принявшемъ программу новой рабочей партіи. Положимъ, этотъ расколъ правильнѣе назвать отпаденіемъ дѣйствительно отсталыхъ элементовъ и, чтобы ни говорили буржуазные историки (см., напр., Seilhas „Les congrès ouvriers de France“), онъ никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе движенія не оказалъ. Отпавшіе устроили еще два конгресса, но число участниковъ ихъ сократилось до смѣшного; такъ, въ Бордо было всего 27 представителей, изъ нихъ отъ рабочихъ города 23 и отъ остальной Франціи 4, и они разошлись, не имѣя возможности создать какую-либо организацію. Взгляды ихъ совершенно ясно объясняютъ причины ихъ неудачи: они отрицали самое существованіе пролетаріата, какъ класса, какъ четвертаго сословія; они объявили утопией стремленіе пересоздать общество; они заявили, что рабочимъ необходимо только завоевать довѣріе, чтобы добыть нужные капиталы, а эта задача еще облегчается тѣмъ, что благодаря накопленію капиталовъ процентъ понижается настолько, что капиталъ скоро станетъ доступенъ рабочимъ. Въ качествѣ шедевра можно указать на тѣ соображенія, по которымъ они отрицательно отнеслись къ организаціи пенсіонныхъ кассъ. Оказывается, что онѣ не выгодны не только потому, что въ конечномъ итогѣ рабочіе будутъ на свой счетъ поддерживать ихъ, но еще и потому, что „онѣ уменьшаютъ въ человѣкѣ заботу о будущемъ, ослабляютъ чувства привязанности и доброты... Нужно улучшать нравы, а не издавать законы. Привязательныя и преданныя дѣти— вотъ настоящія пенсіонныя кассы на случай старости!“

Во Франціи конца XIX столѣтія среди рабочаго класса, надъ пробужденіемъ сознанія котораго такъ энергично и такъ успѣшно работали французскіе социалисты, подобныя идеи не могли найти послѣдователей. И причина пораженія „умѣренныхъ“ именно въ этомъ, а не въ возняхъ „соціалистическихъ вожаковъ“.

Гаврскій конгрессъ въ 1880 г. принялъ, какъ я уже упомянулъ, программу новой партіи, выработанную Гэдомъ вмѣстѣ съ Марксомъ и Эн-

гельсомъ. Но этотъ моментъ является кульминаціоннымъ пунктомъ плодотворной дѣятельности первыхъ французскихъ социалистовъ-марксистовъ, т. е. если онъ является результатомъ, увѣличивающимъ всю предшествовавшую работу ихъ, то въ то же время онъ же есть и отправная точка паденія.

Глава III.

Увлеченіе политической борьбой.

„Французскіе рабочіе-соціалисты, ставя цѣлью своихъ усилій политическую и экономическую экспроприацію класса капиталистовъ и возвращеніе обществу всѣхъ средствъ производства, рѣшили, *какъ средство организаціи и борьбы* (курсивъ мой), принять участіе въ избирательной кампаніи, выставивъ слѣдующія непосредственныя требованія...“¹⁾.

Средствомъ организаціи и борьбы является участіе въ избирательной кампаніи. Это ясно и безспорно. Участіе избирательной кампаніи безусловно является средствомъ организаціи; несомнѣнно, является одной изъ формъ борьбы. Но достаточно только повторить нѣсколько пространнѣе это положеніе, чтобы замѣтить, что, будучи слишкомъ сжатымъ, такимъ, какимъ оно формулировано въ программѣ, оно даетъ мѣсто двумъ совершенно различнымъ толкованіямъ: участіе въ избирательной кампаніи является *однимъ изъ средствъ* или является *единственнымъ* средствомъ... Если принять послѣднее толкованіе, становится само собою понятнымъ, каково будетъ отношеніе людей и группъ, стоящихъ на такой точкѣ зрѣнія, къ экономическимъ организаціямъ пролетаріата. Какое же толкованіе принято было французскими социалистами? Сперва не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Самая программа, изъ которой сдѣлана вышеприведенная выдержка, называлась *Избирательной Программой*, чѣмъ подчеркивалось, что она не претендуетъ выразить въ себѣ всѣ формы классовой борьбы. Далѣе, въ революціи областного съѣзда, на которомъ впервые была принята эта программа (Congrès de la région du Centre), сказано, что „политическая дѣятельность подчинена социалистическому движенію и служитъ ему только средствомъ“. Наконецъ, въ самой программѣ говорится, что „для организаціи пролетаріата въ отдѣльную политическую партію должно употребить всѣ средства, какими пролетаріатъ располагаетъ, *включая сюда всеобщее голосованіе*“ (курсивъ мой. *Вл. III.*).

Итакъ, ясно, что политическая организація пролетаріата оставляетъ мѣсто еще другой, по крайней мѣрѣ, столь же необходимой; что политическая борьба не исчерпываетъ собою всѣхъ формъ борьбы. Наряду съ

¹⁾ La programme de la Partie ouvrière, ses considerants et ses articles par Jules Guesde et Paul Lafargue, 6 éd. Lille, 1902 г., стр. 8.

такимъ пониманіемъ политической дѣятельности пролетаріата мы встрѣчаемъ соотвѣтственное отношеніе и къ парламентской борьбѣ. Ее социалисты считаютъ составной и подчиненной частью всей пролетарской борьбы. Такъ, сообщая о благополучномъ выходѣ въ свѣтъ номера „Народной Воли“ отъ 14-го января 1880 г., „Egalité“ пишетъ по поводу напечатанной въ немъ программы Исполнительнаго Комитета: „Эти надежды на законодательную дѣятельность парламента послѣ революціоннаго ниспроверженія теперешняго правительства кажутся намъ менѣе цѣнными, чѣмъ рѣшительное провозглашеніе социалистическихъ принциповъ, которое мы находимъ въ началѣ программы“¹⁾. Въ комментаріяхъ къ своей программѣ французскіе социалисты выражались не менѣе ясно: „Рабочая партія вступаетъ въ избирательную кампанію не для того, чтобы добыть себѣ мѣста совѣтниковъ и депутатовъ, которыя она предоставляетъ геморойнымъ буржуа всѣхъ цвѣтовъ²⁾, но ради пропаганды своихъ идей и разоблаченія буржуазныхъ вождей. Если же случайно нѣкоторымъ социалистамъ удастся проникнуть въ представительныя собранія, то они этимъ воспользуются *только* въ интересахъ той же пропаганды. Социалистическая печать вполне раздѣляла эти взгляды, и ихъ развивала особенно убѣдительно редакция „Egalité“, хотя, какъ я уже упоминалъ, въ это время анархисты ушли изъ нея.

Но это умѣренное отношеніе къ политической борьбѣ продолжалось не долго. Скоро она поглотила всѣ мысли, всѣ силы французскихъ социалистовъ. А недостаточно ясная формулировка основнаго положенія „избирательной программы“, быстро утеравшей первую половину своего названія, какъ бы освящала неправильное толкованіе этого положенія. Нѣкоторую роль здѣсь сыгралъ все тотъ-же кризисъ, при которомъ стачечная борьба стала почти невозможной. Эта невозможность ощущалась такъ остро, что анархисты, оказавшіеся въ большинствѣ на Марсельскомъ областномъ конгрессѣ, вынесли резолюцію, отвергающую стачки, какъ безсильныя улучшить положеніе пролетаріата. Съ другой стороны, сказались увлеченія борьбой, становившейся все болѣе ожесточенной, съ анархистами, еще усерднѣе, чѣмъ стачки, отвергавшими участіе въ избирательной кампаніи. Наконецъ, рѣшающимъ моментомъ надо признать успѣхъ одной социалистической кандидатуры въ провинціальный Окружной Совѣтъ. Трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на социалистовъ этотъ, въ сущности малоначительный, фактъ. Какъ ни грѣшимъ мы, русскіе социал-демократы, оптимизмомъ, какъ охотно ни перепрыгиваемъ мы отъ буржуазной революціи черезъ „перманентную“ къ социальной, наши увлеченія объясняются все-таки переживаемымъ революціоннымъ моментомъ. Увлеченія же французскихъ социалистовъ въ 1880 г., въ сѣрую эпоху консо-

1) „Egalité“, 11-го февр. 1880 г.

2) La programme de la partie ouvrière, стр. 30—31.

лидаціи буржуазной республики, остаются необъяснимыми. Въ „Egalité“ по поводу этихъ удачныхъ выборовъ появляется статья „Начало конца“, которая своимъ названіемъ говоритъ объ огромномъ полетѣ фантази. Авторъ ея утверждаетъ, что на ближайшихъ законодательныхъ выборахъ коллективисты соберутъ не больше, не меньше, какъ *1 миллионъ голосовъ*. Напомню, что теперь, по истеченіи четверти вѣка, коллективисты все еще не собрали этого желаннаго и, казалось, столь близкаго миллиона. Въ зависимости отъ этихъ радужныхъ предвидѣній измѣнилась и оцѣнка политической борьбы. Избирательная кампанія является для партіи теперь „полемъ для маневровъ, на которомъ можно собрать свои войска, упражнять ихъ, дисциплинировать, приучить къ ежедневной борьбѣ и подготовить ихъ къ борьбѣ революціонной“. Дальше—больше: „Мы—сторонники участія въ избирательной борьбѣ, ибо *только оно* (курсивъ мой. *Вл. Ш.*) дастъ намъ возможность создать свою армію и дать административный опытъ рабочимъ, призваннымъ, на слѣдующій день послѣ революціи, взять въ свои руки завѣдываніе производительными силами“. Параллельно съ измѣненіемъ отношенія къ политической борьбѣ, рядомъ съ эволюціей взгляда, по которому „первымъ актомъ организаціи класса необходимо является отдѣленіе пролетаріата отъ буржуазныхъ политическихъ партій, отдѣленіе, долженствующее произойти на избирательной почвѣ, при помощи того самаго избирательнаго бюллетеня, который создалъ политическое смѣшеніе классовъ“, рядомъ съ эволюціей этого взгляда въ сторону признанія перваго акта—единственнымъ, происходило измѣненіе отношенія къ экономической борьбѣ и соответствующимъ организаціямъ. Въ номерѣ той же „Egalité“, въ третій разъ выступавшей на арену борьбы, въ номерѣ отъ 8-го января 1882 г. Гэдъ писалъ по поводу стачекъ: „Не въ борьбѣ на экономической почвѣ, не въ качествѣ все болѣе и болѣе зависимыхъ наемныхъ рабочихъ борющіеся пролетаріи добьются своего освобожденія. Они смогутъ создать свободу для себя и для всего человечества только на политической почвѣ, выступивъ на борьбу въ качествѣ гражданъ и овладѣвши политической властью съ цѣлью экспроприровать своихъ эксплуататоровъ“.

Не приходится удивляться тому, что это перенесеніе центра тяжести въ теоріи должно было на практикѣ выразиться въ ослабленіи вниманія къ экономической борьбѣ. Словесныя оговорки много помогали дѣлу. Точно такъ же, какъ *избирательная* программа партіи превратилась въ программу просто—по крайней мѣрѣ никакой другой не было,—такъ и утвержденіе, что „завоеваніе центральной власти должно быть единственной политической задачей партіи“, превратилось чуть ли не въ свою противоположность благодаря незамѣтному исчезновенію подчеркнутаго слова. Измѣняя такимъ образомъ свою фисіономію, партія дѣлала все болѣе непрочными свои связи съ массой. Она указывала на новые пути, она все

рѣшительнѣе заявляла, что *только* они ведутъ къ освобожденію, она съ вѣрой неофита сокращала ихъ длину и намекала на возможность реализаціи социалистическаго идеала въ самомъ недалекомъ будущемъ. Повторяю, эта ея вѣра является одной изъ причинъ пониженія интереса къ экономической борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если черезъ какой-нибудь годъ партія соберетъ подъ свои знамена миллионъ избирателей, отчего черезъ пять лѣтъ ей не собрать вдвое больше? Если это такъ—а это, разумѣется, такъ, разсуждали социалисты—черезъ нѣсколько лѣтъ политическая власть перейдетъ отъ буржуазіи къ намъ, быть можетъ, даже безъ особенныхъ осложнений. Зачѣмъ же тогда растрчивать свои силы, заниматься дѣлами *второстепенной* важности и, такимъ образомъ, только тормазить дѣло эмансипаціи пролетариата?! Кто рѣшится осудить людей, которые, видя предъ собой прекрасный идеалъ, зная путь для достиженія его и вѣря въ то, что этотъ путь можетъ быть пройденъ въ одинъ историческій день, пожалуй, въ одинъ историческій часъ, пошли по этому пути... если, конечно, ихъ вѣра была на чемъ-нибудь основана? Къ сожалѣнію, она была основана на заблужденіи, и самое скверное заключалось въ томъ, что, когда факты доказали ошибочность всѣхъ предположеній, социалисты стали искать причинъ неудачи далеко не тамъ, гдѣ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Наоборотъ, они продолжали вѣрить, что нашли, наконецъ, ту, упоминаемую еще коммунарами, „боевую организацію, которая одна только можетъ обезпечить пролетариату побѣду“ и для которой организаціи экономической борьбы являются только „началомъ и отправнымъ пунктомъ“.

Политическая борьба съ необычайной быстротой завоевываетъ все вниманіе партій, скоро она становится единственнымъ ея *raison d'être*. Съ этого-же момента начинается распаденіе, почти распыленіе французской социалистической партіи. Поводомъ послужила, какъ и слѣдовало ожидать, неудача, постигшая партію на муниципальных и законодательныхъ выборахъ 1881 г. На муниципальных выборахъ партія получила 40 тысячъ голосовъ, на законодательныхъ вмѣсто одного миллиона—50 тысячъ. Ударъ былъ жестокой, и всѣ члены партіи стали искать причинъ пораженія. Лафаргъ, казалось, подошелъ очень близко къ основной причинѣ; онъ писалъ въ одномъ частномъ письмѣ: „потому что мы во все горло кричали о нашей партіи, о рабочей партіи, то вы думали, что дѣло сдѣлано, что партія дѣйствительно существуетъ и представляетъ полный организмъ съ руками, ногами, животомъ и головой; партія имѣетъ пока только глотку, стоящую, правда, четырехъ, рабочая партія не существуетъ“ ¹⁾. Несомнѣнно, причина указана вѣрно, но какъ помочь дѣлу? Лафаргъ, Гэдъ и группировавшіеся вокругъ нихъ социалисты рѣшили, что надо удвоить

¹⁾ Цит. у Вейль: „Исторія соціальнаго движенія во Франціи“, перев. М. Ворисовича, стр. 237.

энергію, интенсифицировать пропаганду и агитацію и вести работу въ томъ же направленіи, но въ большемъ масштабѣ и въ ускоренномъ темпѣ. Остальные же члены партіи съ Вруссомъ, Аллеманомъ и Малонемъ во главѣ винили во всемъ программу партіи, которая, съ одной стороны, пугаетъ избирателя, съ другой, не указываетъ ему никакихъ непосредственныхъ выгодъ отъ избранія социалистовъ, и требовали поэтому, чтобы кандидаты партіи имѣли право измѣнять ее въ согласіи съ поддерживающими ихъ кандидатуру федераціями и избирательными комитетами. Какъ всегда бываетъ, это коренное различіе взглядовъ осложнилось личными столкновениями, ускорившими расколъ. Въ 1882 году во Франціи образовалось уже двѣ социалистическихъ партіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ партія Врусса (поссибилиста) раскололась въ свою очередь. Отъ нея отпали аллеманисты, обвинявшіе поссибилистовъ въ томъ же, въ чемъ этихъ послѣднихъ, въ свое время, обвиняли гадисты, т. е. въ отказѣ отъ усиленной пропаганды, въ погонѣ за мѣстами депутатовъ и муниципальных совѣтниковъ, въ приниженіи принципиальныхъ положеній программы въ угоду неразвитымъ избирателямъ, въ отсутствіи дисциплины въ партіи и т. д. Приблизительно въ то же время организовалась партія бланкистовъ и нѣсколько позже группа независимыхъ социалистовъ.

Но здѣсь меня не интересуютъ этотъ процессъ постепеннаго распада партіи, процессъ, конечно, самъ по себѣ интересный и въ высокой степени поучительный; для моей цѣли достаточно только указать на него и на обстоятельства, его вызвавшія. Не менѣе важно указать на то, что въ свои распри названныя политическія партіи увлекали связанная съ ними экономическія организаціи. Здѣсь слова еще разъ разошлись съ дѣломъ, хотя всѣ социалистическія партіи признавали необходимость нейтральности профессиональных союзовъ, всѣ онѣ имѣли *свои* профессиональныя организаціи. Эти послѣднія также утверждали, что онѣ безпартійны, но ужъ одно то, что онѣ не сливались, доказывало обратное. Легко понять, конечно, какъ все это отражалось на веденіи экономической борьбы.

Влад. Шахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Община и указъ 9-го ноября ¹⁾).

Условія, при которыхъ состоялся разгонъ Думы, совершенно ясно отвѣчаютъ на вопросъ о конституціонности „законодательной“ дѣятельности кабинета Столыпина, и не съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать указъ 9-го ноября. Для анализа отдѣльныхъ актовъ этой дѣятельности указанная точка зрѣнія совершенно бесплодна: стать на нее—значило бы отказаться отъ такого анализа и остаться при голомъ отрицаніи дѣятельности современнаго кабинета.

Никого не обманеть и та плохо скрытая политическая мысль, которая руководила правительствомъ при изданіи этихъ актовъ. Потрясеніе, испытанное Россіей благодаря революціи, таково, что сохраненіе стараго строя, долго скрывавшаго развитіе страны, стало невозможнымъ. Въ частности, въ области крестьянскаго законодательства нельзя уже было поддерживать прежнюю обособленность „податнаго“ сословія, скрѣпленную радомъ мѣръ, въ числѣ которыхъ замкнутая община и неотчуждаемость надѣловъ играли не послѣднюю роль. Оставаться цѣликомъ на старой почвѣ не могъ и совѣтъ министровъ, но контръ-революціонному правительству нужно было сохранить наибольшее число старыхъ позицій. Поэтому мѣры, проводимыя имъ, не могутъ удовлетворить общества.

Будущія законодательныя учрежденія должны пересмотрѣть „временныя“ законодательныя мѣры совѣта министровъ съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ и отвергнуть то, что противорѣчитъ этимъ послѣднимъ. Иначе говоря, они должны будутъ разсмотрѣть эти мѣры *по существу*.

Съ этой точки зрѣнія взглянемъ на нихъ и мы и прежде всего прослѣдимъ ту юридическую почву и тѣ хозяйственныя потребности, которыя необходимо имѣть въ виду при пересмотрѣ нормъ, регулирующихъ общинныя отношенія.

---

¹⁾ Настоящая статья представляетъ докладъ, читанный въ Вольно-экономическомъ обществѣ 13-го декабря 1906 г. Въ него внесены лишь редакціонныя исправленія, а нѣкоторыя мысли его развиты подробнѣе, въ связи съ замѣчаніями, которыя онъ вызвала.

I.

Земельныя права крестьянъ опредѣляются далеко не однороднымъ переплетомъ различныхъ нормъ, въ которыхъ есть не мало пробѣловъ. Однако, основной тонъ въ этой области дается законодательными актами 19-го февраля 1861 года, касающимися бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Положеніе 1861 года сводило до минимума роль крестьянъ въ опредѣленіи размѣра и цѣнности выкупаемыхъ земель. Но зато оно признавало за крестьянами право полной собственности на эти земли по окончаніи ихъ выкупа. До уплаты ненормально высокаго выкупного долга права крестьянъ еще подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ для обезпеченія фискальных интересовъ государства. Но съ уплатой долга ограниченія эти падаютъ. „По уплатѣ сей ссуды распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ въ отношеніи земель, прибрѣтенныхъ крестьянами въ собственность“ (ст. 106 пол. о вык., изд. 1902 г. ¹). При этомъ права отдѣльныхъ членовъ общины вовсе не поглощались общимъ правомъ ея. Напротивъ, имъ отдавалось предпочтеніе. Сообразно съ этимъ, по уплатѣ выкупной ссуды „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, прибрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ его долей участія въ прибрѣтеніи сей земли“ (ст. 12 общ. полож., изд. 1902 г. ²).

То обстоятельство, что земли отводились цѣлымъ обществамъ, было лишь формой поземельнаго надѣленія и нисколько не опредѣляло преимущественныхъ правъ общества передъ отдѣльными домохозяевами. Такъ, статья 107-ая Пол. вык. (изд. 1902), по которой земля, „выкупленная цѣлымъ обществомъ, признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами“, вполне аналогична статьѣ 10-ой общ. пол. (того же изд.), предоставляющей совершенно тѣ же права обществамъ, прибрѣтающимъ землю въ собственность, независимо отъ своего надѣла, причѣмъ эти права нисколько не поглощаютъ правъ отдѣльныхъ общинниковъ, установленныхъ цитированной уже статьѣй 12-ой того же положенія.

Перечисленныя нормы опредѣляли условія выкупа не только по законамъ 19-го февраля 1861 г., 27-го іюня 1862 г., но и по закону 28-го декабря 1861 г., сдѣлавшему выкупъ общеобязательнымъ.

Какъ извѣстно, удѣльные крестьяне, какъ и помѣщичьи, перешли на выкупъ по законамъ начала 60-хъ годовъ, и ихъ право на выкупленныя земли одинаково съ правомъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ иномъ положеніи находятся государственные крестьяне, которымъ земли были первона-

¹) Ст. 159 Пол. о вык. 1861 г.

²) Ст. 36 Общ. пол. 1861 г.

чально уступлены на условіи уплаты постоянной оброчной подати. Въ мѣстностяхъ общиннаго владѣнія досрочное погашеніе этой подати и выдѣлъ участковъ въ подворное владѣніе допускался лишь по постановленію $\frac{2}{3}$ членовъ общества. Послѣдовавшій подъѣзъ переводъ государственныхъ крестьянъ на выкупъ преслѣдовалъ преимущественно фискальныя цѣли, принципиальные вопросы имъ забывались—и законъ 12-го іюня 1886 года былъ настолько неполонъ въ этомъ отношеніи, что не опредѣлялъ ясно даже того, что выкупу подлежитъ именно земля, благодаря чему нѣкоторые публицисты до послѣдняго времени утверждали, что собственно выкупается оброчная подать, земля же, какъ и раньше, остается собственностью государства. Точно такъ же не были опредѣлены и права отдѣльныхъ домохозяевъ на выкупленную землю, на основаніи чего еще въ истекшемъ году „Русскія Вѣдомости“ утверждали, что эти права опредѣляются уже цитированными нормами первоначальнаго Положенія о госуд. крестьянахъ 1866 г. (ст. 4 б.—нынѣ ст. 33 полож. кр. кав., изд. 1902 года).

Но несмотря на пробѣлы и противорѣчія дѣйствующаго законодательства, общее обозрѣніе его позволяетъ установить то направленіе, въ какомъ эти пробѣлы должны заполняться. Тѣ отношенія къ надѣльной землѣ, въ которыя первоначально были поставлены одни помѣщичьи крестьяне, постепенно распространялись и на государственныхъ крестьянъ, которые также перешли на выкупъ. Если законъ, опредѣляющій земельныя права государственныхъ крестьянъ, не полонъ, то пробѣлы его разрѣшаются нормами болѣе полнаго акта 1861 г., которому этотъ послѣдующій актъ лишь подражалъ; неполнота послѣдующаго акта не можетъ толковаться въ томъ смыслѣ, что навсегда сохраняется раздѣленіе крестьянства на два разряда съ разными правами, обусловливаемыми лишь историческимъ прошлымъ этихъ разрядовъ. Наоборотъ, съ уничтоженіемъ сословнаго строя должны пасть не только эти различія внутри крестьянства, но и земельное право всѣхъ крестьянъ вообще станетъ тождественно съ земельнымъ правомъ остальныхъ гражданъ. Какъ извѣстно, эта идея лежала, между прочимъ, и въ основѣ актовъ 1861 года.

Изложенныя положенія представляютъ уже прочное приобрѣтеніе крестьянскаго права. Сенатъ призналъ, что надѣленныя государственнымъ крестьянамъ земли „со дня выдачи владѣнныхъ записей перестали быть собственностью казны, а переходятъ въ собственность крестьянъ“ (рѣш. гражд. кассац. деп. сената 1890 г., № 110). И коммиссія по составленію гражданскаго уложенія также признаетъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ *крестьянами-собственниками*, причемъ она ссылается на преобразование оброчной подати въ выкупные платежи ¹⁾. Статья 33 пол. кр. кав.

¹⁾ Проектъ третьей книги, т. III, стр. 112.

(изд. 1902 года), допускающая выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяйствамъ лишь съ согласія $\frac{2}{3}$ членовъ общества, какъ видно изъ ея заключительной части, относится лишь ко времени, когда выкупные платежи еще не уплачены. Теперь она теряетъ свое значеніе и на ея мѣсто должна выступить ст. 12-ая Общ. положенія.

Постепенно „Общее положеніе“ сдѣлалось законодательнымъ актомъ, опредѣляющимъ права *всѣхъ* разрядовъ крестьянъ, и эту роль оно уже играетъ въ послѣднемъ изданіи свода законовъ („Особ. прилож.“, т. IX, изд. 1902 г.). То же значеніе имѣетъ теперь и ст. 12-ая, опредѣляющая права отдѣльныхъ общинниковъ на землю. Поэтому, важно выяснитъ, какими мотивами руководствовался законодатель при установленіи этихъ правъ, отдавая имъ преимущество передъ правами общинъ.

Въ „Матеріалахъ редакціонныхъ комиссій“ по освобожденію крестьянъ находимъ эти мотивы: „вопросъ объ общинѣ и личномъ владѣніи долженъ быть въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей“; „законъ въ этомъ случаѣ долженъ служить только точкой опоры для постепенно развивающагося сознанія народнаго“.

Итакъ, несомнѣнно, что права общинниковъ на землю твердо установлены дѣйствующимъ законодательствомъ, что съ этими правами придется считаться всякому будущему законодательству и что установленіе этихъ правъ вызвано не враждебностью къ общинѣ, а мыслью о необходимости дать исходъ развитію формъ народной жизни.

Въ какомъ же отношеніи къ этой почвѣ стоитъ указъ 9-го ноября? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Кауфманъ, съ которымъ въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться: „Фактъ, что составители указа 9-го ноября дѣйствительно стоятъ на почвѣ дѣйствующаго закона и только „устраняютъ затрудненія“ къ проведенію въ жизнь указаній этого закона“ („Р. В.“, № 280).

Но тотъ-же авторъ въ послѣдующихъ статьяхъ отводитъ этотъ доводъ: „Не положенія 19-го февраля, — говоритъ онъ, — создали крестьянскую общину; они такъ или иначе, правильно или неправильно отнеслись къ уже до нихъ существовавшимъ общиннымъ формамъ владѣнія землей“ („Вѣсти. нар. св.“, № 41). Такой отводъ могъ бы показаться сильнымъ, но онъ смѣшиваетъ двѣ вещи: порядки землепользованія и право собственности. Дѣло въ томъ, что общинное пользованіе возможно не только на земляхъ, принадлежащихъ общинѣ на правѣ собственности, — оно возможно и на земляхъ, принадлежащихъ на правѣ собственности другому лицу, которыя община держитъ на иномъ правѣ, напримѣръ, арендуетъ. И до освобожденія крестьянъ въ Россіи несомнѣнно существовало общинное пользованіе, но оно практиковалось на землѣ, которая принадлежала на правѣ собственности не крестьянскому міру, состоявшему изъ крѣпостныхъ, а помещику.

Положенія 1861 года одинаково являются основаніемъ существующей собственности не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ, и этого не слѣдуетъ забывать. Крестьянскую собственность на землю они создали; для помѣщичьей опредѣлили ея размѣры, и не согласіе съ народнымъ сознаніемъ, а именно согласіе съ положеніями 1861 года опредѣляютъ признаваніе правъ собственности и ихъ судебную защиту.

Такъ какъ доводы, о которыхъ идетъ рѣчь, высказаны лицомъ, принадлежащимъ къ партіи народной свободы, то намъ легче будетъ пояснить нашу мысль примѣромъ.

Несомнѣнно, что размѣры помѣщичьей собственности, какъ они были установлены положеніями 1861 года, далеко не отвѣчали народному сознанію. Въ народномъ сознаніи всѣ земли, бывшія въ пользованіи крестьянъ, являлись крестьянскими. Тѣмъ не менѣе, положеніе отрѣзало у крестьянъ въ пользу помѣщиковъ болѣе 5-ти миллионныхъ десятинъ, и партія народной свободы считаетъ возможнымъ отчудить ихъ лишь на условіи выкупа „по справедливой оцѣнкѣ“, т. е. признаетъ права помѣщиковъ на эту землю. Права общинниковъ на выкупавшуюся ими землю, вѣроятно, болѣе соотвѣтствуютъ народному сознанію. Во всякомъ случаѣ, они твердо установлены положеніями 1861 года. Ясно, что конституціонно-демократическая партія не имѣетъ основанія отрицать правъ отдѣльныхъ крестьянъ, основанныхъ на тѣхъ-же положеніяхъ 1861 г., которые явились основаніемъ и для признаваемыхъ ею правъ помѣщиковъ.

Для насъ несомнѣнно, что ни указъ 9-го ноября, ни будущее законодательство, признающее право собственности вообще, не могутъ отрицать правъ общинниковъ на землю, ихъ права требовать укрѣпленія за ними въ личную собственность причитающейся имъ части общинной земли.

Но еще важнѣе для насъ другой вопросъ: отвѣчаетъ ли такое право дѣйствительно существующимъ хозяйственнымъ потребностямъ. Для ясности скажемъ два слова о хозяйственномъ значеніи общины.

II.

Не касаясь вопроса о происхожденіи общины, необходимо, однако, отмѣтить, что она постоянно и неуклонно исполняла функціи органа финансового и политическаго господства государства. Съ этой точки зрѣнія она являлась весьма удобнымъ институтомъ. Подъ ея покровомъ проходила политика земельного обдѣленія крестьянства; она „гарантировала“ немнѣрно высокой выкупной долгъ и обеспечивала исправное поступленіе платежей по нему. Въ періодъ полного несоотвѣтствія платежей съ доходностью земли она скрѣпляла воедино готовое разсыпаться населеніе и объединяла его въ удобный объектъ фискальной обработки. Поскольку финансовая система была основана на высокомъ обложеніи массъ, хотя бы

и маломущихъ, и на пробѣлахъ въ обложеніи болѣе богатыхъ слоевъ, — передѣльная функція и общинное равеніе являлись полезной деталью въ этой системѣ.

Въ виду сказаннаго, община являлась обязательной и поддерживаемой, хотя и не всегда любимой, организаціей. Выходъ изъ нея на сторону былъ по возможности затрудненъ и, во всякомъ случаѣ, былъ обставленъ существенными невыгодами для выходящаго. Такимъ образомъ, внѣшняя организація общины въ значительной мѣрѣ обуславливалась фискальной ролью, которую она должна была играть. Но, помимо этой стороны, община тѣснѣйшимъ образомъ связана съ хозяйственной жизнью населенія.

Я совершенно отрицаю точку зрѣнія абсолютнаго вреда или абсолютной пользы общины. Она болѣе, чѣмъ какой-либо другой общественный институтъ, — явленіе относительное. Въ частности это справедливо по отношенію къ состоянію техники крестьянскаго хозяйства.

Нельзя считать справедливымъ часто высказывавшееся мнѣніе, что общинная форма землепользованія можетъ явиться абсолютной преградой для развитія земледѣльческой техники, препятствіемъ, его же не преидеши. Она можетъ играть такую роль при извѣстныхъ условіяхъ и нѣкоторое время, на примѣръ, когда необходимость удобренія полей назрѣваетъ, но еще не стала повелительной. Въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, общинная жизнь и распорядки сами слѣдуютъ за состояніемъ техники крестьянскаго хозяйства ¹⁾.

При низкомъ уровнѣ техники, при полной зависимости результатовъ хозяйства отъ силъ природы, община еще долго будетъ необходима, содѣйствуя равномерному распредѣленію между общинниками естественныхъ выгодъ и страху до извѣстной степени отъ неравномерно дѣйствующихъ стихійныхъ бѣдсгвій. Общій выпасъ по пару и живью усиливаетъ выгодность общины при данныхъ условіяхъ. Передѣльная община весьма хорошо уживается въ районѣ наиболѣе экстенсивнаго крестьянскаго хозяйства. Географически наиболѣе „жизненныя“ формы передѣльной общины совпадаютъ съ райономъ все учащающихся голодовокъ. Переходя къ сѣвернымъ и западнымъ частямъ полосы общиннаго землевладѣнія, замѣчаемъ другое. Въ районѣ постояннаго и обязательнаго удобренія и болѣе высокой техники крестьянскаго хозяйства передѣловъ почти не

¹⁾ Тутъ надо отмѣтить и довольно распространенный предрасудокъ въ пользу общины. Говорятъ нерѣдко, что община не только не препятствуетъ, но даже содѣйствуетъ переходу къ высшимъ формамъ хозяйства, напр., переходу къ травосѣянію. Факты этого не подтверждаютъ. Община, правда, не можетъ задержать такого перехода, но и серьезнаго содѣйствія ему оказать не можетъ. Травосѣяніе на крестьянскихъ земляхъ гораздо сильнѣе распространено въ районахъ подворнаго землевладѣнія, чѣмъ въ земской и общинной Великороссіи.

бываетъ, и крестьяне владѣютъ землею на правѣ семейно-участковомъ. То же отчасти замѣчается и въ черноземномъ центрѣ, на западѣ общинной области, гдѣ земли очень дороги и гдѣ крестьяне за нихъ крѣпко держатся.

Если принять во вниманіе оговорку о мѣстностяхъ, переходящихъ къ удобренію, нужно признать, что въ большинствѣ случаевъ община совершенно неповинна въ низкомъ состояніи техники крестьянскаго хозяйства. Но въ той формѣ, въ которую она сложилась, она является социальнымъ институтомъ, во всякомъ случаѣ не безразличнымъ для развитія хозяйственной жизни.

Если общинное землевладѣніе далеко не вездѣ сопровождается уравнительными передѣлами, этой—по выраженію „Русскаго Богатства“—самой дорогой чертой русской общины, или—по выраженію А. А. Чушрова—„своеобразной формой взаимнаго страхованія противъ многосемейности“, то вездѣ оно является формой, приспособленной къ опредѣленному, неподвижному укладу жизни: русская община признаетъ интересы только населенія, остающагося на мѣстѣ, при этомъ не выходящаго изъ обычныхъ рамокъ веденія хозяйства. При сохраненіи ихъ, подъ покровомъ общины, населеніе могло терять свое хозяйство, сдавать свои надѣлы богачамъ за безцѣнокъ; разслоеніе его въ этомъ отношеніи не задерживалось общиной. Но для всѣхъ, выходящихъ изъ этихъ рамокъ, община являлась не матерью, а мачехой.

Въ этомъ смыслѣ характерно отношеніе общины къ земледѣльческимъ переселенцамъ и къ лицамъ, ушедшимъ на заработки. Община не принимаетъ никакихъ мѣръ къ облегченію переселенія на сторону и хозяйственному обзаведенію переселенцевъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, община геригутеровъ. Наоборотъ, переселенцы изъ общинныхъ мѣстностей менѣе всѣхъ обезпечены, такъ какъ должны были бросить свои земли безъ всякаго вознагражденія. Ушедшіе на сторонніе заработки (особенно малосемейные) самое большее могутъ сдать свои земли въ аренду за ничтожную плату или запустить ихъ, но не найти въ нихъ опоры для сторонней дѣятельности.

Между тѣмъ оба эти явленія—неизбѣжныя, и имъ предстоитъ еще развиваться. Существовавшая доселѣ община ихъ не устраняетъ, она только обездливаетъ слушниковъ обычнаго уклада. Наконецъ, надо отмѣтить еще одно безусловно живенное явленіе. При извѣстной площади землепользованія и извѣстномъ уровнѣ хозяйственныхъ силъ, хозяйство на отрубномъ участкѣ представляетъ несомнѣнныя преимущества. До сихъ поръ образованію ихъ по индивидуальной починѣ ставились непреодолимая преграды.

Но и при сохраненіи череполосицы можетъ быть важно укрѣпленіе за хозяиномъ опредѣленныхъ полосъ. Мы уже отмѣтили выше этотъ мо-

ментъ. Когда назрѣваетъ потребность въ переходѣ къ удобренію полей,— а эта задача стоитъ предъ громадною частью нашего трехпольнаго чернозема, а затѣмъ станетъ на очередь и для переложнаго чернозема,—тогда висящій надъ головами передѣлъ безусловно задерживаетъ всякія попытки къ такому переходу, и общинныя порядки тормазятъ удобреніе полей. Нельзя преувеличивать значенія этого факта, теперь общепризнаннаго.

Подводя итоги сказанному нами о хозяйственномъ значеніи общины, мы должны сдѣлать слѣдующіе выводы.

Поскольку общинныя порядки сами слѣдуютъ за состояніемъ хозяйства, нужно признавать вредными, а отчасти и безнадежными, всё попытки искусственно „разрушить общину“.

Но община не можетъ считаться вѣчной формой, и современная ея организація не должна являться препятствіемъ къ хозяйственному развитію страны. Между тѣмъ, современная принудительная община несомнѣнно играетъ такую роль то въ томъ, то въ другомъ отношеніи. Необходимо замѣна принудительной общины общиной свободной. А достиженіе этой цѣли возможно лишь при признаніи правъ отдѣльныхъ общинниковъ на землю.

Необходимо особенно подчеркнуть эту задачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо отмѣтить условія ея выполнения. Ясно, что почти всегда въ каждый данный моментъ тѣ представители деревни, которые выходятъ изъ-подъ власти общины, будутъ въ меньшинствѣ. Оградить ихъ права необходимо, такъ какъ этого требуютъ интересы развитія страны. Но такое огражденіе вовсе не связано съ нарушеніемъ правъ остающихся въ общинѣ ея членовъ, съ помѣхами въ веденіи ими собственнаго хозяйства.

Таковы задачи будущаго законодательства въ этой области. Государственная Дума должна будетъ имѣть ихъ въ виду при пересмотрѣ указа 9-го ноября, и критика указа съ этой точки зрѣнія крайне необходима. При этомъ обнаруживаются огромныя недостатки указа.

Важнѣйшимъ вопросомъ явится опредѣленіе доли, на которую имѣетъ право выходящій изъ общины домохозяинъ. На вторую очередь станетъ вопросъ о выдѣлѣ земель такого домохозяина къ одному мѣсту, и, наконецъ, мы рассмотримъ остальные части указа.

III.

По уже цитированной 12-й статьѣ Общаго положенія, каждый членъ сельскаго общества, требующій укрѣпленія въ частную собственность своей доли изъ общественной земли, имѣетъ право на участокъ, „соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи сей земли“. Этотъ принципъ легко осуществить по отношенію къ землямъ, купленнымъ обществами. Но по отношенію къ надѣлу задача много труднѣе.

Послѣ многихъ лѣтъ выкупа, послѣ частныхъ и, можетъ быть, общихъ передѣловъ, измѣнившихся доли землепользованія, а, стало быть, и долей въ платежахъ; послѣ того, какъ вопросъ объ участіи въ платежахъ осложнился неравномѣрно накопившимися недоимками и перекладкой платежей по круговой поруцѣ и, наконецъ, при отсутствіи—какъ общее правило—записей объ этихъ платежахъ невозможно точно опредѣлить указанную долю.

Остается лишь одинъ способъ разрѣшить вопросъ: опредѣлить причитающийся каждому общиннику участокъ по тѣмъ принципамъ, которые практикуются и общиной при распредѣленіи землепользованія. Другого способа не указалъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу.

Остановимся прежде всего на общинахъ, гдѣ практикуются общіе передѣлы.

Здѣсь, повидимому, легко констатировать принципъ, которымъ руководствуется община при распредѣленіи земель: это основаніе разверстки при послѣднемъ передѣлѣ. Это единственная твердая почва, на которую можетъ опереться и община, и общинникъ при опредѣленіи своихъ правъ.

Но если выдѣлъ участка происходитъ не одновременно съ передѣломъ, а по истеченіи нѣкотораго срока послѣ него, то въ этому моменту можетъ перемѣняться какъ общее число разверсточныхъ единицъ въ общинѣ, такъ и наличное число разверсточныхъ единицъ въ данномъ дворѣ. Нельзя предоставить отдѣльному домохозяину права требовать выдѣла всей той земли, которую онъ владѣетъ по передѣлу. Это значило бы поощрять выдѣла тѣхъ, въ чьихъ рукахъ имѣется земли больше, тѣмъ они имѣютъ право по наличному составу ихъ семьи; это значило бы на соотвѣтствующую величину обезземелить остальныхъ членовъ общины. Чтобы оградить интересы остающихся (а также выходящихъ) членовъ общины, надо сдѣлать слѣдующее. Сохраняя установленное послѣднимъ передѣломъ основаніе разверстки, необходимо пересчитать число разверсточныхъ единицъ во всей общинѣ въ моментъ выдѣла; опредѣлить, сколько земли причитается на каждую единицу и отвести данному домохозяину угодій на столько разверсточныхъ единицъ, сколько ихъ имѣется налицо въ его дворѣ¹⁾.

Указъ 9-го ноября какъ бы признаетъ несправедливость выдѣла по фактическому владѣнію. Онъ принимаетъ исходъ, средній между фактическимъ владѣніемъ и изложеннымъ выше „мысленнымъ передѣломъ“ г. Чупрова. Не требуя пересчета разверсточныхъ единицъ во всей общинѣ и новаго опредѣленія размѣра разверсточной доли, онъ требуетъ, однако,

¹⁾ Точноѣ другихъ формулировалъ приемы этого „мысленнаго передѣла“ доцентъ петербургскаго политехникума г. Чупровъ (ср. статья въ №№ 283 и 287 „Рус. Вѣдомостей“).

пересчета наличнаго количества разверсточныхъ единицъ во дворѣ выдѣляющагося домохозяина. Послѣдній имѣетъ безусловное право лишь на участокъ, причитающійся на наличное количество разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ.

Въ качествѣ практическаго исхода, менѣе сложнаго, чѣмъ „мысленный передѣлъ“, такой расчетъ могъ бы еще показаться приемлемымъ. Но и этотъ принципъ не выдержанъ указомъ. Во-первыхъ, община все-таки не можетъ сохранить за собою этого излишка фактическаго владѣнія надъ тѣмъ количествомъ земельныхъ „душъ“, на который домохозяинъ имѣетъ право по указу. Этотъ излишекъ во всякомъ случаѣ поступаетъ выдѣляющемуся хозяину, онъ обязанъ только за него заплатить. Эта несправедливость еще усугубляется способомъ оцѣнки: платежъ сообразуется со средней стоимостью земли по расчету выкупной ссуды; вмѣсто дѣйствительной цѣны домохозяинъ платитъ выкупную, которая во всякомъ случаѣ ниже дѣйствительной; мало того, выкупаая, какъ увидимъ, главнымъ образомъ пашню, платитъ по средней стоимости всей земли вообще. Наконецъ, и это правило о доплатѣ касается лишь угодій, находящихся въ постоянномъ пользованіи. Въ угодьяхъ, передѣляемыхъ на особомъ основаніи, напр., сѣвкосныхъ, лѣсныхъ и т. д., выдѣляющійся хозяинъ сохраняетъ право пользованія въ неизмѣнной долѣ, которая опредѣляется уже прямо по фактическому владѣнію.

Такимъ образомъ, признавая фактическое владѣніе несправедливымъ основаніемъ для выдѣла изъ передѣльной общины, указъ тѣмъ не менѣе почти цѣликомъ принимаетъ это основаніе. Домохозяевамъ, имѣющимъ случайно сравнительно много земли въ фактическомъ владѣніи, тѣмъ самымъ выдается незаслуженная премія за выдѣлъ. Этимъ извращается весь смыслъ выдѣла. Вмѣсто того, чтобы руководиться соображеніями удобства веденія своего хозяйства, при такой постановкѣ дѣла выдѣлъ часто будетъ опредѣляться случайной возможностью захватить побольше земли и обезземелить (частично) своихъ однообщественниковъ.

Трудно сомнѣваться, что такая редакція указа продиктована чисто политическими цѣлями: правительство рассчитывало, повидимому, поощрить выдѣлъ общинниковъ изъ общины, искусственно ускорить ея разложеніе и внести раздоры въ крестьянскую среду.

Эта политическая цѣль указа необычайно грубо и съ полнымъ презрѣніемъ къ праву подчеркнута позднѣйшимъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ циркуляръ останавливается на томъ случаѣ, когда тотъ или другой домохозяинъ заявитъ желаніе выйти изъ общиннаго владѣнія въ то время, когда общество уже рѣшило произвести новый общій передѣлъ и постановило о томъ приговорѣ.

Несмотря на то, что въ этомъ случаѣ уже имѣется приговоръ о передѣлѣ, постановленный независимо отъ желанія общинника выйти изъ общины,

несмотря на то, что приговоръ о передѣлѣ и приговоръ объ укрѣпленіи земли въ частную собственность выходящаго общинника должны пройти совершенно одинаковыя инстанціи, а стало быть, ранѣе постановленный приговоръ о передѣлѣ долженъ и раньше войти въ законную силу,—несмотря на все это, циркуляръ предписываетъ другой порядокъ: „когда заявленіе о выходѣ изъ общиннаго владѣнія сдѣлано до вступленія въ законную силу общиннаго приговора о новомъ передѣлѣ“, расчетъ количества земли, укрѣпляемой въ личную собственность домохозяина, „долженъ производиться на основаніяхъ разверстки, дѣйствующей до составленія приговора“, т. е. по предпоследнему, а не по последнему приговору о передѣлѣ. Такой порядокъ позволяетъ земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ съѣздамъ тормазить утвержденіе приговоровъ о передѣлахъ, прямо помогаетъ крестьянамъ-широкодачаикамъ нарушать волю міра и укрѣплять въ свою личную собственность участки земли, которыми они уже не могутъ пользоваться по ясно выраженному правильному сознанію общества. Это, дѣйствительно, только приѣмъ для искусственнаго разрушенія общины.

Эта часть указа, въ связи съ ея толкованіемъ въ циркулярахъ, безусловно должна быть исправлена при первой возможности.

Надо отмѣтить еще, что споръ о правѣ на землю между общиной и отдѣльнымъ домохозяиномъ, по существу гражданскій споръ, разрѣшается въ концѣ концовъ земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ съѣздомъ, которыхъ никто не признаетъ компетентнымъ судебнымъ органомъ. Компетенція земскихъ начальниковъ въ этихъ дѣлахъ также немедленно должна быть уничтожена.

Перейдемъ къ безпередѣльнымъ общинамъ.

Ясно, что въ безпередѣльныхъ общинахъ критеріемъ для опредѣленія размѣра выдѣла можетъ служить лишь размѣръ постояннаго землепользованія домохозяина. Земли, находящіяся въ фактическомъ пользованіи хозяина, въ такихъ общинахъ очень часто находятся въ пользованіи даннаго домохозяина и его наслѣдодателей съ самаго момента перехода на выкупъ. Указъ относитъ къ безпередѣльнымъ общинамъ тѣ, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ выдѣлу. Какъ практическій исходъ изъ запутаннаго донинѣ положенія, срокъ этотъ, вѣроятно, придется принять. Его нельзя считать слишкомъ короткимъ. Споръ, поднятый относительно этого срока, я не считаю существеннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для настоящаго момента срокъ этотъ охватываетъ весь періодъ, когда выкупъ сдѣлался общеобязательнымъ, а также весь періодъ усиленнаго передѣльнаго движенія среди общинъ. Въ дальѣйшемъ общины, въ которыхъ вопросъ о передѣлѣ уже назрѣлъ, могутъ имѣть въ виду этотъ срокъ и не допускать зачисленія себя въ разрядъ безпередѣльныхъ, производя своевременно передѣлъ. Мы должны напомнить при этомъ,

что выше мы уже высказались противъ всякихъ циркуляровъ и законовъ, затрудняющихъ общинамъ передѣлы.

До недавняго времени дѣло осложнялось вопросомъ о частныхъ передѣлахъ. Въ рукахъ домохозяина въ „безпередѣльной“ (въ смыслѣ указа) общинѣ могли находиться надѣлы, данные ему общиной лишь во временное пользованіе. Спрашивается, не можетъ ли онъ потребовать укрѣпленія въ личную собственность также и этихъ участковъ?

Упомянутый циркуляръ разъясняетъ, что укрѣпляться въ собственность могутъ лишь надѣлы, находящіеся въ постоянномъ пользованіи, т. е. предоставленные хотя бы по частнымъ передѣламъ „въ постоянное владѣніе безъ указанія срока или впредь до слѣдующаго общаго передѣла“. Надѣлы же, данные на опредѣленный срокъ или на особыхъ условіяхъ, къ участкамъ постоянного пользованія причислены быть не могутъ. Такимъ образомъ своевременно выраженная воля общины признана подлежащей удовлетворенію, и потому такой исходъ мы считаемъ правильнымъ. Кромѣ того, къ участкамъ постоянного пользованія въ безпередѣльныхъ общинахъ причислены надѣлы, приобретенные покупкою, что также нельзя оспаривать.

Въ статьѣ, которую отозвался г. Чупровъ на этотъ циркуляръ („Рус. Вѣд.“, № 2, 1907 г.), онъ говоритъ: „Мы не возражаемъ по существу противъ рѣшенія г. Столыпина. Напротивъ, признаніе частныхъ передѣловъ вполне отвѣчаетъ нашей точкѣ зрѣнія. Какъ мы надѣемся, оно во многихъ случаяхъ оградитъ интересы малоземельныхъ членовъ общины противъ притязаній ихъ сосѣдей, стремящихся къ выдѣлу“.

Такъ какъ насъ интересуетъ главнымъ образомъ существо нормъ, опредѣляющихъ права общинниковъ, мы можемъ ограничиться тѣмъ, что отмѣтимъ совпаденіе нашей точки зрѣнія съ точкой зрѣнія г. Чупрова и выскажемъ пожеланіе, чтобы указанный порядокъ былъ закрѣпленъ Государственною Думой ¹⁾.

Этотъ отдѣлъ мы закончимъ пожеланіемъ, чтобы Государственною Думой было восстановлено право обществъ замѣнять денежнымъ вознагражденіемъ выдѣлъ участковъ въ натурѣ для хозяевъ, которымъ этотъ выдѣлъ нуженъ не для веденія хозяйства на мѣстѣ.

1) Нападки на циркуляръ за то, что онъ узаконяетъ частные передѣлы, запрещенные якобы закономъ 8-го іюня 1893 г., мы считаемъ преувеличенными. Законъ 8-го іюня ограничилъ, но не запретилъ частныхъ передѣловъ. По дѣйствующему законодательству, надѣлы могутъ попадать въ руки общества (или прямо отбираться имъ) по цѣлому ряду поводовъ, и общество можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, въ томъ числѣ и передавать другимъ домохозяевамъ (см. ст. 33 и 34 Общ. полож., изд. 1902 г.).

Это право надо пополнить еще правомъ преимущественной покупки общиною тѣхъ надѣловъ, которые поступать въ продажу. Не затрудняя выхода изъ общины, эти права могутъ быть полезны для остающихся въ ней членовъ.

IV.

Вопросъ о выдѣлѣ участковъ къ одному мѣсту въ указѣ 9-го ноября совершенно отдѣленъ отъ укрѣпленія полосъ въ частную собственность. Укрѣпленіе надѣловъ во всякомъ случаѣ предшествуетъ выдѣлу; за укрѣпленіемъ полосъ въ частную собственность можетъ и не последовать выдѣлъ ихъ къ одному мѣсту.

Напомнимъ правила о выдѣлѣ. Въ моментъ совершенія передѣла право требовать перехода на отрубной участокъ принадлежитъ какъ выдѣляющемуся домохозяину, такъ и обществу. Требованіе домохозяина и общества одинаково подлежитъ обязательному удовлетворенію. Такимъ образомъ, черезполосность укрѣпленныхъ въ личную собственность и общинныхъ земель вовсе не представляется безысходной для общества, какъ это доказывали нѣкоторые публицисты. Наоборотъ, право общины при этомъ абсолютно. Какъ бы давно ни произошло укрѣпленіе полосъ въ частную собственность (хотя бы, напр., по ст. 165 пол. вык. въ старой редакціи), община при передѣлѣ можетъ свести ихъ къ отрубному участку (ст. 14 и 17, отд. I указа 9-го ноября). Правда, такъ же право общины можетъ осуществиться лишь одинъ разъ: когда выдѣлъ къ одному мѣсту уже произошелъ, община теряетъ всякую власть надъ землями выдѣливагося домохозяина.

Внѣ момента передѣла указъ 9-го ноября не только не преумалываетъ правъ общины соглашаться или отказывать въ выдѣлѣ, какъ этого, повидимому, многіе боятся, но даже отдаетъ безусловное преимущество правамъ общины передъ правами отдѣльныхъ общинниковъ. Правда, въ указѣ сказано, что домохозяину, укрѣпившему свои надѣлы въ личную собственность, предоставляется право во всякое время требовать выдѣла ихъ къ одному мѣсту. Но такое право требованія подлежитъ существеннѣйшимъ ограниченіямъ. Во-первыхъ, общество можетъ отвести хозяину участки въ любомъ мѣстѣ, причемъ право отказа отъ участка домохозяину не предоставлено. Во-вторыхъ, общество можетъ и совсѣмъ отказать въ выдѣлѣ такого участка. Тогда домохозяинъ можетъ или совсѣмъ отказаться отъ земли и требовать за нее вознагражденія, спредѣляемаго волостнымъ судомъ, или остаться при прежней черезполосицѣ.

Мы думаемъ, что права выходящихъ изъ общины членовъ ея требовать выдѣла участковъ къ одному мѣсту должны быть не сужены, а расширены въ томъ смыслѣ, что община обязана удовлетворить ихъ требованіе, когда число

требующих выдѣла достигаетъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ части общаго числа членовъ общины.

Отдѣлъ о выдѣлѣ участковъ къ одному мѣсту закончимъ разсмотрѣніемъ вопроса о чрезполосности укрѣпленныхъ въ собственность полосъ съ общинными землями.

Мы уже отмѣтили выше, что и безъ такого выдѣла на отрубной участокъ укрѣпленіе полосъ въ частную собственность можетъ представлять извѣстныя хозяйственныя выгоды. Хозяинъ фиксируетъ положеніе своихъ полосъ, что можетъ имѣть значеніе при переходѣ къ удобренію, не говоря уже о томъ, что хозяину можетъ представляться важной фиксація размѣровъ его владѣнія.

Указъ 9-го ноября, какъ извѣстно, допускаетъ укрѣпленіе полосъ въ личную собственность, безъ выдѣла ихъ къ одному мѣсту.

Противъ этого высказался цѣлый рядъ авторовъ. Соображенія ихъ о вредѣ такой чрезполосницы представляются намъ не только преувеличенными, но и прямо невѣрными. Такая чрезполосница нисколько не можетъ быть вреднѣй, чѣмъ существующая общинная чрезполосница.

Образцомъ такихъ преувеличеній являются разсужденія московскаго земскаго статистика и профессора г. Каблукова. При вводимыхъ указами порядкахъ, „каждое отдѣльное лицо можетъ поступить такъ, что сосѣди его разорятся, лишатся возможности вести хозяйство, держать скотину“. Для этого ему достаточно „построиться на нихъ (укрѣпленныхъ за нимъ полосахъ) около полосъ сосѣда или сосѣдей и поставить тѣхъ въ полную невозможность вести хозяйство“ (журн. „Самоуправленіе“, № 1).

Авторъ не обращаетъ вниманія на то, что на этихъ полосахъ не всегда возможно поставить избу, что на нихъ можетъ не быть воды и другого проѣзда, кромѣ проѣзда черезъ полосы сосѣдей. Допустимъ, однако, что авторъ говоритъ о какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ, напр., о желаніи поставить трактиръ на полевыхъ полосахъ, пересекаемыхъ большою дорогой. Это могло бы быть дѣйствительно неудобнымъ для сосѣдей. Но, рисуя свои ужасныя перспективы, авторъ просто обнаруживаетъ незнаніе закона. Изображаемыя имъ перспективы неосуществимы уже потому, что законъ категорически воспрещаетъ крестьянамъ не только при общинномъ, но и при подворномъ землевладѣніи застраивать полевую землю безъ согласія общества ¹⁾.

Не болѣе правдоподобны другія картины этого сорта. Нѣкоторые авторы высказали предположеніе, что выходящіе изъ общины домохозяева станутъ сѣять на своихъ полосахъ вику или клеверъ, когда у остальной общины данное поле паруетъ.

¹⁾ Соотвѣтствующія нормы авторъ найдетъ во всѣхъ почти мѣстныхъ положеніяхъ (см. Пол. крест. влад., изд. 1902 г., ст. ст. 12, 74, 98, 145, 197 и 309, п. 2).

Намъ кажется, что этимъ авторамъ охрана такихъ полосъ и возбужденіе исконъ о поправахъ представлялись слишкомъ ужъ легкими. Г. Масловъ переноситъ тѣ же страхи въ районы экстенсивнаго хозяйства. „Тамъ, гдѣ часть пашни на время запускается подъ выгонъ и обратно, гдѣ выгонъ идетъ подъ распашку, выдѣленіе одного-двухъ домохозяевъ можетъ создать *среди* общинной земли такую ловушку, что крестьянамъ-общинникамъ невозможно будетъ выпустить курицу на *свой* выгонъ, такъ какъ она можетъ попасть на поле выдѣлившагося домохозяина. Помѣщичьи отрѣзки, ловушки и проч. покажутся шуткой передъ этими новыми ловушками, которыя создаются новымъ закономъ. При такихъ условіяхъ одинъ домохозяинъ заставитъ всю деревню или перейти къ подворному владѣнію, или къ другой системѣ полеводства“ („Соврем. Міръ“, дек., 1906 г., отд. II, стр. 5).

При мелкомъ черезполосномъ владѣніи въ той формѣ, въ какой оно можетъ сложиться подъ вліяніемъ указа, абсолютно невозможно избѣгнуть проѣзда и прогона скота черезъ земли чужого владѣнія, и это одинаково справедливо не только по отношенію къ членамъ общины, но и по отношенію къ выдѣлившимся общинникамъ; право общаго выпаса необходимо какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Поэтому нарисованная г. Масловымъ картина абсолютно неправдоподобна, тѣмъ болѣе, что его искн о поправахъ относятся къ парамъ, живьямъ и залежамъ, т. е. къ угодыямъ ничтожной доходности, и никому не могутъ быть страшны.

Черезполосица земель личнаго и общиннаго землевладѣнія уже существовала при досрочномъ выкупѣ по 165 ст.; подобная ей черезполосица существуетъ въ районѣ подворнаго черезполоснаго владѣнія, и никакихъ исконъ о поправахъ никогда не возникло, такъ какъ они невозможны при условіяхъ крестьянскаго хозяйства.

Благодаря этой невозможности, и законодательству не приходилось касаться этого вопроса. Но ему приходилось говорить о черезполосицѣ съ помѣщичьими землями и тогда оно устанавливало право прогона, выпаса и общаго сѣвооборота.

Въ положеніи главн. комитета по кр. дѣлу, выс. утв. 4-го апрѣля 1865 г., находимъ: „Едва ли справедливо будетъ лишать крестьянъ такого права (права прогона), пока ихъ земли не будутъ вымежеваны къ однимъ мѣстамъ отъ находящихся въ общемъ съ ними сѣвооборотѣ помѣщичьихъ полей, а тѣмъ болѣе налагать на нихъ штрафы за поправки въ подобныхъ случаяхъ“ (дѣло идетъ о Юго-Западномъ краѣ).

Въ положеніи о межеваніи малороссійскомъ (27-го окт. 1859 г.) прямо постановлено (ст. 115) относительно оставшихся въ общихъ смѣнахъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, чтобы они въ пользованіи отводимыми имъ землями подчинялись общему сѣвообороту.

Мы еще можемъ понять, что абсолютные защитники общины думали

страшными перспективами совершенно задушить вопросъ о правѣ общинниковъ на землю. Для чего понадобилось г. Маслову рисовать его фантастическую картину—намъ непонятно.

V.

Разсмотримъ вкратцѣ прочія постановленія указа. Они относятся къ подворному землевладѣнію.

Отдѣлъ II указа имѣетъ технически юридическое значеніе и не затрагиваетъ существа дѣла. Онъ облегчаетъ порядокъ удостовѣренія правъ собственности на предназначенныя къ продажѣ земли подворнаго владѣнія. Если закономъ допускается вообще продажа надѣльныхъ земель,—а она была только ограничена, но не запрещена даже закономъ 1893 года,—то нельзя возражать противъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поставить такую продажу на твердую законную почву.

Должны быть принципиально одобрены и остальные отдѣлы указа о семейной собственности и правѣ подворныхъ владѣльцевъ подѣлиться на отрубы (III и IV отдѣлы указа).

Громкое заглавіе одной журнальной статьи: „Разрушеніе общей семейной собственности“ („Рус. Бог.“, ноябрь, 1906 г.) способно вызвать опасеніе, что братья (и другіе родственники въ боковой линіи) совладѣльцы въ общей семейной собственности лишаются земельныхъ правъ. И дѣйствительно, въ засѣданіи Вольно-экономическаго общества г. Пѣшеховъ уже оплакивалъ судьбу этихъ братьевъ-совладѣльцевъ. Но это обусловлено лишь незнакомствомъ съ указомъ 9-го ноября.

Недоразумѣніе это легко разсѣивается при прочтеніи 2-й ст. II отд. указа, по которой участки, находящіеся во владѣніи домохозяина и его родственниковъ въ боковой, линіи, „составляютъ общую ихъ собственность“. Что касается до нисходящихъ родственниковъ, то, если институтъ семейной собственности такъ хорошъ, то справедливо потребовать его введенія въ общее гражданское уложеніе, а не оставлять его однимъ крестьянамъ. Но защитниковъ такого института теперь мало.

По отдѣлу IV указа подворные владѣльцы получаютъ право переходить отъ черезполоснаго владѣнія къ отрубному по постановленію $\frac{2}{3}$ членовъ общества. Черезполосица въ связи съ принудительнымъ сѣвооборотомъ и общимъ выпасомъ до сихъ поръ дѣйствительно почти уничтожала выгоды подворнаго владѣнія. Выгодность отрубного владѣнія часто сознавалась, но тормазилась необходимостью единогласнаго рѣшенія всѣхъ безъ исключенія владѣльцевъ. Теперь единичные владѣльцы лишены возможности тормазить такой переходъ, если польза его признана громаднымъ большинствомъ общества. Печать почти единодушно привѣтствовала эту мѣру, и считаемъ мы ее также необходимой. Нельзя не отмѣтить здѣсь

совершенно нераціональнаго заявленія одного изъ утрированныхъ защитниковъ общины (г. Леонтьева изъ „Рус. Бог.“). Стоя на точкѣ зрѣнія абсолютнаго права собственности для общины, онъ отстаиваетъ такую же абсолютность и личнаго права собственности. Онъ требуетъ для каждаго отдѣльнаго владѣльца права тормазить раздѣлъ, полезный для всѣхъ остальныхъ хозяевъ, забывая, что теорія абсолютнаго и неограниченнаго права собственности давно утратила всякій кредитъ въ наукѣ права.

Резюмируемъ основной выводъ нашей статьи. Мы считаемъ нужнымъ уничтоженіе условій, стѣсняющихъ выходъ изъ общины, и необходимымъ созданіе свободной общины на почвѣ признанія правъ не только общины, но и отдѣльныхъ общинниковъ.

Такая постановка вопроса вполнѣ отвѣчаетъ не только почвѣ закона, но и потребностямъ хозяйственнаго развитія страны.

Эту почву имѣлъ въ виду указъ 9-го ноября, но связалъ практическое осуществленіе этой задачи съ принудительнымъ отчужденіемъ отъ общины за принудительную цѣну излишковъ надѣльныхъ земель, случайно находившихся въ рукахъ отдѣльныхъ дворовъ въ моментъ изданія указа.

Послѣднюю часть указа должна отбросить Государственная Дума, не выливая изъ ванны грязную воду, она не должна выбрасывать и ребенка.

Еще одно слово. Вопросъ о выдѣленіи участковъ общинной земли въ частную собственность²² инне связываютъ съ вопросомъ о возможномъ обезземеленіи части крестьянства.

Мы думаемъ, что деревенская Россія не можетъ избѣжать образованія крѣпкаго крестьянства на развалинахъ крестьянствъ натурального типа. Процессъ „усвоенія“ крестьянствомъ частновладѣльческихъ земель ясно подчеркивается такой исходъ. Съ этой точки зрѣнія мы высказываемся за свободную мобилизацію надѣльныхъ земель.

Но если бы даже мы признали необходимость ограниченій въ мобилизаціи мелкихъ владѣній, нельзя связывать этого вопроса съ общиной. Онъ долженъ быть разрѣшенъ внѣ сословныхъ и общинныхъ рамокъ. Оказывая въ этомъ дѣлѣ довольно сомнительныя услуги, община, припорошенная къ исполненію этой задачи, бѣдетъ далеко дальше поставленной цѣли, безусловно стѣсняя хозяйственное развитіе страны.

Возлагать указанную задачу на общину—значить поддерживать прешудительную, крѣпостную организацію ея. Какъ видно изъ предыдущаго, мы безусловно противъ такой постановки вопроса.

А. Лосицкій.

Изъ жизни и литературы.

„Они идутъ!“

Но — чу! Слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ - трамъ - трамъ. Идутъ предмѣстья. Трамъ - трамъ - трамъ. Идутъ защищать свободу!.. Рамъ-рамъ - рамъ. Горе измѣнникамъ! Трамъ-трамъ-трамъ. Горе предателямъ!...

Л. Андреевъ. „Такъ было“.

Въ этомъ году въ „Осеннемъ Салонѣ“ въ Парижѣ особенное вниманіе широкой публики привлекли двѣ вещи: огромное полотно художника Редона (№ 1453) и скульптура Сортини (1568).

„Марсельеза“ и „Выходъ изъ Биржи Труда“ — вотъ названія этихъ глубоко прочувствованныхъ произведеній.

Первое принадлежитъ кисти француза, второе — рѣзцу итальянца, уроженца Сициліи, одно относится къ 1793 году, второе — къ нашимъ днямъ.

Художникъ и скульпторъ посвятили свои краски и рѣзецъ *толтѣ*, не толпѣ-черни, а толпѣ-вершителя историческихъ судебъ, въ тотъ моментъ, когда она, охваченная энтузіазмомъ, идетъ навстрѣчу будущему и творить новую жизнь.

Тонъ картины какой-то необычный, точно огонь и кровь разлились въ воздухъ, слились съ солнечнымъ свѣтомъ, насытили собой атмосферу и бросили свой отблескъ на одежды и лица.

Они идутъ!

Впереди идетъ величественная, прекрасная женщина, въ рукахъ ея знамя, „бура духа“ отражается въ каждой черточкѣ ея лица, въ каждой складкѣ ея развѣвающейся одежды. Старики, юноши, дѣвушки, пяки, косы, ружья...

Они поютъ „Марсельезу“.

Плающія лица, горящіе глаза и огненные звуки.

Кажется, что великій гимнъ борьбы вселился въ эту толпу, въ этотъ „марширующій хаосъ“, въ этихъ „одержимыхъ“ однимъ великимъ героическимъ порывомъ.

Это не отдѣльные люди, не множество лицъ, это грядетъ сама „Марсельеза“ въ силѣ славы своей.

Вамъ даже начинаетъ казаться, что вы не видите картину, а слышите, слышите гордые звуки неумирающей пѣсни возставшихъ народовъ.

Изъ „Виржи Труда“ по широкой лѣстницѣ спускается громадная толпа рабочихъ и работницъ. Повидимому, только что закончился митингъ, и теперь „они идутъ“ въ предмѣстья. Они тоже поютъ, поютъ новый гимнъ угнетенныхъ—„Интернаціоналъ“, великій гимнъ, возвѣщающій освобожденіе пролетаріямъ всѣхъ странъ.

Ихъ много. Кто они? Итальянцы или французы, нѣмецкіе или русскіе рабочіе?

Скульпторъ-итальянецъ изобразилъ не націю, а классъ и массу угнетенныхъ, которымъ „нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей“, но которые сознаютъ, что они—сила и что они могутъ „приобрѣсти весь міръ“.

Ораторъ, котораго они несутъ на плечахъ, вѣроятно, только что говорилъ имъ объ этомъ, только что бросилъ въ этотъ „міръ голодныхъ и рабовъ“ великую мечту о лучезарномъ будущемъ. Отблескъ этого будущаго озаряетъ измощенныя, блѣдныя лица.

„Они идутъ“ къ этому будущему и поютъ: „Добьемся мы освобожденія своею собственной рукою“.

Не ищите въ этихъ произведеніяхъ отдѣльных лицъ, красивыхъ позъ тщательно отдѣланныхъ фигуръ. Передъ вами великое и могучее цѣлое, въ которомъ одна мысль, одно чувство, одинъ порывъ.

Въ этомъ цѣломъ отдѣльная личность не чувствуетъ себя, а зритель не чувствуетъ этой отдѣльной личности.

Когда я всматривался въ произведенія художника и скульптора, въ моей памяти звучали гимны угнетенныхъ массъ, и вставало вѣщее слово художника-писателя: „Но—чу! Слышенъ топотъ. Идутъ. Слово десятка гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ... Идутъ предмѣстья“...

Этотъ „топотъ“, это грозное „идутъ“ слышатся все громче и громче и въ жизни, и въ искусствѣ, отражающемъ жизнь. Этотъ „топотъ“, это „идутъ“ наполняютъ собою наши комнаты, отражаются на нашей психикѣ, воспроизводятся въ краскахъ и мраморѣ, звукахъ и словахъ.

„Не столпы общества“, прогнившіе насквозь и гордые своей мѣщанскою пошлостью и не „Враги народа“, состоящаго изъ тѣхъ-же благора-

зумно добродѣтельныхъ мѣщанъ, а движеніе массъ—вотъ, что привлекаетъ съ особенной силой художника нашихъ дней.

Не такъ давно художникъ былъ въ положеніи доктора Шевырева изъ разсказа Л. Андреева „Призраки“, когда онъ шелъ изъ загороднаго увеселительнаго дома „Вавилона“ въ лечебницу для умалишенныхъ въ пять часовъ утра послѣ нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго. Докторъ шагалъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему „попадались люди съ котомками, тѣ загадочные люди, которые всю жизнь куда-то идутъ, на зоряхъ, ранними утрами“...

Теперь отъ „людей съ котомками“ никакой докторъ Шевыревъ никуда не уйдетъ, ни въ лечебницу, ни въ „Вавилонъ“,—люди съ котомками заполнили своими массажи всю дорогу, они уже перестали быть загадочными, и уже не трудно видѣть, куда они идутъ „на зоряхъ, ранними утрами“.

Первымъ произведеніемъ, въ которомъ угнетенная масса выступаетъ со своимъ языкомъ, требованіями и борьбой, была геріальная драма Гауптмана „Ткачи“, появившаяся около десяти лѣтъ тому назадъ.

Уже тогда графъ Л. Н. Толстой привѣтствовалъ новое дѣйствующее лицо въ новой драмѣ. Послѣ „Ткачей“ Гауптмана читателю попадались десятки произведеній, рисующихъ съ большей или меньшей талантливостью жизнь массъ.

Искусство, какъ и знаменитый пасторъ Гёре, пошло на фабрику, туда, гдѣ между молотомъ и наковальней выковывается лучшая доля.

„Дурные пастыри“ Октава Мирбо, „Бартель Туразеръ“ Лангманна, „Сверхъ силъ“ Бьернсона подходятъ вплотную къ толпѣ, ставятъ ее лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кто благоденствуетъ тамъ на верхахъ.

Въ нашей литературѣ за послѣдніе два года „стихійное неудержимое движеніе“ массъ стало обычной темой художниковъ.

Пересмотрите всѣ 12 сборниковъ Знанія, начавшихъ выходить съ 1908 года.

Въ первыхъ книжкахъ едва чувствуется глухое, скрытое недовольство, но его отмѣчаетъ даже Бунинъ въ своемъ разсказѣ „Черноземъ“, описывающій и „тишину—хоть отбавляй“, и тревожные „сны“, которые безпокоятъ навойливо деревенскаго жителя.

Разсказы Серафимовича „Въ пути“ и Гусева-Оренбургскаго—„Въ приходѣ“, помѣщенные все въ томъ же первомъ сборникѣ, говорятъ, что гроза собирается, надо ждать бури. Но покуда еще нѣтъ выступленія массъ. Покуда задаетъ тонъ „Мирное житіе“, а читатель явственно слышитъ звукъ только топора—это рубятъ „Вишневы садъ“.

Но вотъ въ четвертой книжкѣ „Знанія“ появляется „Страна отцовъ“ Гусева-Оренбургскаго. Сильно и ярко написанная повѣсть указываетъ на порогъ русской революціи, и на этомъ порогѣ передъ завѣсой мы видимъ

не одинокую фигуру, не „русскую дѣвушку“, оторванную отъ народа, а тысячную толпу народа... Вспомните крестьянскую массу на громадной площади базара, бросающуюся освобождать, а не вязать своихъ борцовъ.

Въ VII книжкѣ „Знанія“ „Полевой судъ“ Скитальца (его же „Кандалы“ въ V книжкѣ) и „На островѣ“ Густава Данилевскаго рисуютъ великана, который пробуждается и начинаетъ борьбу, не выполнѣ отдавая отчетъ себѣ въ цѣляхъ и средствахъ этой борьбы.

„Кто за насъ, иди за нами“, поетъ поэтъ отъ лица поднявшейся толпы угнетенныхъ.

Въ своей драмѣ „Дѣти солнца“ М. Горькій рисуетъ оторванныхъ ученыхъ искателей истины отъ темной, измученной массы, въ холерный годъ избивающей докторовъ у оконъ того самаго дома, гдѣ мысль ученаго уносится отъ земли „къ звѣздамъ“.

Восьмой сборникъ почти весь посвященъ голодной, обездоленной, безправной толпѣ.

„Голодь“ С. Юшкевича, „Мужики“ Е. Чирикова, „Лѣсъ разгорался“ Скитальца свидѣтельствуютъ уже объ огромности движенія и о томъ, что уставшая терпѣть масса начинаетъ борьбу по всей линіи.

И здѣсь передъ лицомъ толпы, ставшей дѣйствующимъ лицомъ, отъ великаго „ожиданія“ перешедшей въ область великаго „дѣланія“, отдѣльная одинокая личность терается и забываетъ свои гордые слова.

И у Е. Чирикова, и у Скитальца люди, которые всю жизнь говорили и дѣйствовали за народъ и отъ имени народа, куда-то ступеваются, когда, наконецъ, „они идутъ“, когда, наконецъ, появляется на зовъ великій незнакомецъ со своими „неизбывными муками“.

Историческій моментъ оказывается въ положеніи Аэндорской волшебницы, которая вызвала тѣнь Самуила и до смерти напугала Саула...

Лѣсъ, наконецъ, разгорѣлся въ деревнѣ, все громче заявляли о своихъ священныхъ правахъ истинные хозяева жизни въ городѣ.

„Съ ослѣпительной ясностью встало передъ ними животворящее, объединяющее слово „товарищъ“, это слово родила и принесла въ жизнь угнетенная масса.

„Ужъ мы не стадо людей закованныхъ, ужъ мы стихіи, ужъ мы народъ“—могли о себѣ сказать тѣ, шаги которыхъ властно отдавались въ сердцахъ.

IX, X, XI, XII книжки „Знанія“ сибѣнать угнаться за огромнымъ потокомъ, художники даютъ цѣлый рядъ сценъ, картинъ и набросковъ изъ октябрьскихъ, ноябрьскихъ и декабрьскихъ дней. Тутъ и великія надежды, и страшное отчаянье, и зарево пожаровъ, и кровавое пятно, Марсельеза и „Вы жертвою пали“, баррикады и погромы—и надъ всѣмъ этимъ царить масса.

Можно сказать словами С. Юшкевича, что „толпа сидитъ въ душѣ“.

Но какими блѣднымъ и немощнымъ кажется слово художника передъ дѣломъ этой толпы! Ея говоръ, топотъ ея шаговъ заглушаютъ одинокіе голоса. Тутъ нужна эпопея, самъ народъ долженъ сложить пѣсни и словеса о пережитыхъ дняхъ и увѣковѣчать каждый шагъ на своемъ пути.

„Надзиратель“—Телешева (IX кн. „Званія“), „Похоронный маршъ“, „Среди ночи“ (IX), „На Прѣснѣ“ (X), „Въ семьѣ“ (XII)—Серафимовича, „Въ октябрѣ“ А. Кипень, наконецъ, двѣ драмы Л. Андреева—„Савва“ (XI) и „Зори“—Верхарна (XI), поэта, близкаго душѣ русскаго читателя,—вотъ произведенія художниковъ, попытавшихся опередить движенія массъ и возвѣстать міру то, чѣмъ переполнены „милліоны возставшихъ изъ мрака горящихъ сердецъ“...

Если прежде русская жизнь страшно отставала отъ образовъ художника, то теперь чувствуется наоборотъ: художникъ точно боится отстать отъ „бѣшеной тройки“, спѣшитъ, надорывается, хрипитъ, но не можетъ сдѣлать ничего сильнаго, что было бы достойно пережитаго, не можетъ перекричать бурю...

Изъ всѣхъ художниковъ, подошедшихъ къ толпѣ и посвятившихъ ей свое „слово“, только одинъ, думается мнѣ, не ограничился робкимъ описываніемъ факта и „осанной“ въ честь толпы. Только одинъ попытался разработать сырой матеріалъ и дать художественную сводку богатаго матеріала.

Я говорю о драмѣ Э. Верхарна „Зори“.

На этомъ произведеніи я бы хотѣлъ остановить вниманіе читателя. (О драмѣ Л. Андреева „Савва“ мы поговоримъ особо).

„Зори“ Эмиля Верхарна—это глубоко проникновенное произведеніе, это не голое описаніе, а пытлиное допрашиваніе будущаго и смѣлое обобщеніе.

Отъ драмы Э. Верхарна вѣетъ древней античной трагедіей съ ея „тайнствомъ великихъ и высшихъ силъ“, съ ея хорами и народными трибунами.

Презагравшая указатель „дѣйствующихъ лицъ“ драмы, вы на первомъ мѣстѣ читаете:

„Толпа“.

„Группы рабочихъ, нищихъ, фермеровъ, солдатъ, женщинъ, юношей, прохожихъ, мальчишекъ, стариковъ“.

Оканчивается это оглавленіе замѣчаніемъ автора: „Группы дѣйствуютъ, какъ одно многоликое и разнорѣчивое существо“.

Вотъ это многоликое и разнорѣчивое существо и выступаетъ передъ вами въ тотъ моментъ, когда „страна—въ огнѣ, огромное [зарезо вдали, набатъ“, когда и толпа и ея трибуны стоятъ „на порогѣ грядущихъ временъ“.

Художникъ самъ какъ бы подчеркиваетъ, что *толпа* у него главное дѣйствующее лицо.

Въ первомъ дѣйствиі, къ сожалѣнію, нѣсколько оторванномъ отъ послѣдующихъ, передъ вами проходятъ, какъ древніе хоры, разнообразныя „соціальныя группы“: нищіе, фермеры, рабочіе. У каждой свое прошлое, свой языкъ, свои идеалы.

Всѣ эти группы выступаютъ со своими обособленными интересами, тутъ городъ и деревня, мелкій собственникъ и батракъ готовы выместить другъ на другѣ свои вѣковыя обиды даже въ тотъ моментъ, когда ихъ городъ Опшидоманъ осажденъ непріателемъ, а въ самомъ городѣ готовится грозное восстаніе.

„Послѣднее отчаянье“ отражается на лицахъ фермеровъ и крестьянъ, этихъ жителей „опустошенной страны галлюцинирующихъ равнинъ“.

Группа нищихъ съ злорадствомъ смотритъ на пожары фермъ. „О, прекрасное неожиданное мщеніе! Теперь изгнаны тѣ, которые насъ выгоняли“...

Независть къ арендаторамъ сквозитъ въ каждомъ словѣ „нищихъ“: „Я ненавижу этихъ людей, что достойны дубинъ и камней“, говоритъ одинъ изъ нищихъ о фермерахъ.

Причина этой ненависти выясняется самими „нищими“.

„Въ дни, когда мы бунтарями-бродягами стали, всѣхъ насъ и ночью и днемъ фермеры мучили тяжкимъ трудомъ, бѣдностью насъ угнетали, яствами были они, голодомъ алчнымъ мы были“.

Эта ненависть, однако, не содержитъ въ себѣ творческаго начала. Оторванные отъ производства, „выгнанные“, эти бунтари-бродяги только объ одномъ и помышляютъ, гдѣ бы и чѣмъ имъ поживиться, чтобы *потребить*. Они говорятъ о себѣ: „Скупую землю мы съ налета *расхищаемъ*, какъ вороны, которыхъ гонягъ прочь“.

Эти „вороны“ ни къ чему иному не стремятся, ни съ кѣмъ не связаны. „Мы покоичили съ прошлымъ и настоящее принадлежитъ намъ“— вотъ *каковъ* ихъ лозунгъ.

Въ то время, какъ въ городѣ восстаніе, а самый городъ обложили непріатель, бунтари-бродяги занимаютъ промежуточную позицію между городомъ и лагеремъ врага.

Въ послѣднемъ дѣйствиі одинъ изъ нищихъ откровенно заявляетъ, что онъ съ другими бродягами былъ „попеременно на службѣ у двухъ партий... предавая тѣхъ и другихъ“.

Наша російская исторія тоже знаетъ не мало такихъ „перелетовъ“, когда-то совершившихся и нынѣ совершаемыхъ.

Если говорить о темнотѣ и нелѣпныхъ толкахъ, то ихъ надо *некакъ* въ этой средѣ „бродягъ-бунтарей“.

„Молчи,—говоритъ рабочій одному изъ такихъ бродягъ-бунтарей,—каждый зубъ твоей челюсти лжеть. Вотъ такіе люди, какъ ты, *распространяютъ* гнусныя слухи“.

Къ сожалѣнію, художникъ бросаетъ только нѣсколько черточекъ, *по и*

этого достаточно, чтобы обрисовалась социальная физиономия люмпен-пролетариата, физиономия „лохмотников“, этих шакалов народных движений.

Крестьянство—болѣе сложная социальная группа—и у художника она выступает на фонѣ агоніи и гибели мелкой собственности...

Не врагъ, а самъ фермеръ поджигаетъ свою усадьбу. Его врагъ—не эти ввезенные солдаты, а „время огня, чугуна и свинца“.

„Земль и пашни пой же *тѣсь свершенья*. Судьба послѣдняя пришла... Звоните—гей—въ колокола! въ колокола! И пойте міру погребенье“.

Скорбную повѣсть своего разоренья передаетъ въ цѣломъ рядѣ діалоговъ фермеръ дядя Гислэвъ. „Ліардъ по ліарду копейкъ мой отецъ, я то что онъ спряталъ, зарылъ, сохранилъ, какъ скупецъ, а нынѣ проѣлъ, потерялъ“.

Правдникъ посѣва давно уже уступилъ мѣсто суровымъ буднямъ. Когда-то „почва покорна была и животнымъ, и людямъ, нынѣ же почва страшить“... „Рельсы звечо за звономъ пролагаютъ свой путь по равнинамъ... Дымъ поглотилъ небеса“.

Почва истощена, натуральному хозяйству пришелъ конецъ, уже не проживешь „трусами рукъ своихъ“, земля уже больше не женщина, а публичная дѣвка, земля продается, „земля—достояніе капитала и капиталъ вызвалъ на борьбу силы неба; силы производства выступили противъ силъ стихій“. „Люди не чтутъ болѣе своей нивы, убиваютъ сѣмена, искусственно выращивая ихъ“... „Почвъ не нужны ни дождь, ни роса, почвъ не нужны снѣга на горахъ съ ясными, вѣжными днями и солнцемъ. Лучше покончить ударомъ однимъ, сельскій весь міръ уничтоживъ“.

Для Гислэна нѣтъ никакой надежды, онъ видитъ какое-то огромное неумолимое бѣдствіе въ каждомъ шагѣ исторіи, раньше онъ боролся, но теперь и для него „*возсіялъ ужасный смѣхъ*“. Онъ понималъ, что фермеры со своими прежними надеждами и старыми иллюзіями „клали ничтожную, слабую палку своего здраваго смысла въ ужасныя колеса судьбы“.

Городъ въ воображеніи крестьянъ вырастаетъ въ ненавистную враждебную силу и крестьяне на него обрушиваютъ свои проклятья, на него, превратившаго ихъ сыновей въ солдатъ, дочерей—въ проститутокъ, а кусочки земли—въ мертвую петлю.

Но и городъ видитъ въ равнинахъ страшную угрозу для себя, вѣдь оттуда, изъ глубины полей, идутъ крестьяне „жадною толпой“ и заполняютъ „мало-по-малу всѣ конторы земли“; горожане въ жителяхъ равнинъ видятъ „тѣсто, замѣшанное посредственностью“, причину „медленнаго паденія, косности, неподвижности“.

Самъ художникъ, однако, смотреть на крестьянъ далеко не такъ безнадежно. Огромный процессъ разрушенія фермы не только порождаетъ типы вроде дяди Гислэна, но и другіе.

Народный трибуна Эренъенъ—сынъ крестьянина и всѣ свои силы отдаетъ грядущему, съ возставшими рабочими связываетъ свою судьбу, онъ въ городъ принесъ „любовь и кровь и ревностное пламя“, съ нимъ вмѣстѣ сражается во имя перерожденія міра. Его отецъ до конца своихъ дней оставался въ равнинахъ, но все же онъ умеръ на пути къ городу, онъ хочетъ, чтобы трупъ его былъ перенесенъ туда, отецъ понялъ, что нужно уничтожить „всѣ старыя сѣмена: они покрыты затхлою пылью; они испорчены, загнили. Не съ ними земля будетъ праздновать свое обрученіе“, онъ знаетъ, что пашню надо засѣять „новыми сѣменами“. Свой послѣдній угасающій взоръ старикъ обращаетъ къ пылающему городу, тамъ, въ бурномъ пламени, онъ предвидитъ зарю будущаго, ощущаетъ „благой и побѣдоносный свѣтъ“, его принимаетъ за солнце, и отъ него ждетъ „обновленія единственно возможнаго“.

Этотъ гимнъ „обновленія“ можетъ противопоставить крестьянинъ тѣмъ изъ своихъ собратій, которые поютъ землѣ и пашнѣ „пѣснь свершенья“ и пророчатъ „міру погребенья“.

Здѣсь же въ этой толпѣ нищихъ и крестьянъ мы видимъ группу рабочихъ, поджидающую Эренъена, „учителя народа“.

Если бродяги-бунтари говорятъ о настоящемъ и живутъ только на часъ, а послѣ нихъ „хоть потопъ“, если большинство крестьянъ переносятся мечтой въ золотое время прошлаго, то группа рабочихъ всѣмъ сердцемъ отдается будущему, полна только имъ. Одинъ изъ этого хора рабочихъ, какъ бы запѣвало въ свѣзѣмъ отзывѣ объ Эренъенѣ, въ бесѣдѣ съ пастухомъ прекрасно выражаетъ основную черту своей группы: по его словамъ, Эренъенъ—

И въ этотъ мрачный часъ живеть
Для будущиыхъ вѣковъ, рукой ихъ осязая.
 Онъ лучше всѣхъ умѣетъ разсудить,
 Гдѣ нуженъ разумъ, гдѣ безумье
Для покоренья новыихъ дней.
 И книги ясныя его сознанье наше озаряютъ,
 Въ нихъ съ очевидностію видишь,
 Что къ лучшему ведетъ,
 Что дѣлаетъ людей богами въ мигъ иной.

Пастухъ спрашиваетъ этого рабочаго: „Вы, вѣрно, одинъ изъ сторонниковъ его тамъ, въ городѣ?“... На это рабочій съ гордостью отвѣчаетъ:

Есть сотни, тысячи людей,
 Готовыхъ слѣдовать за нимъ *до той черты,*
Гдѣ воплощаются заветныя мечты.

Итакъ, передъ нами не одноликая толпа, конгломератъ различныхъ социальныхъ группъ,—„многоликое, разнорѣчивое существо“.

Но что же собрало ихъ вмѣстѣ? „Мрачный часъ“.

Старыя сѣмена загнили, въ городѣ голодь и тяжелый трудъ, въ равнинахъ—разореніе.

Пожаръ войны освѣтилъ этотъ мракъ, обнаружилъ прорѣхи стараго міра, война своимъ страшнымъ кровавымъ ножомъ вскрыла гнойныя язвы прошлаго и настоящаго, она же, по волѣ монарха и его камарилья ставившая людей, какъ звѣрей, зачала и породила на свѣтъ великую идею о братствѣ всѣхъ угнетенныхъ, о борьбѣ противъ угнетателей, противъ угнетателей всего міра.

Повивальной бабкой явилась сила возставшаго городского пролетаріата и части солдатъ; народный трибунъ Эренъенъ облегчилъ муки родовъ.

Въ городѣ всеобщая забастовка.

Въ городѣ лицомъ къ лицу столкнулись два міра, прошлое и будущее, народъ и власть, опирающаяся на преторіанцевъ.

Городъ переживаетъ необычайный моментъ, время „наивныхъ жертвъ, трагическихъ рѣшеній, быстрыхъ исполненій. Презрѣніе къ жизни царствуетъ надъ всѣми“.

Во всѣхъ трехъ остальныхъ дѣйствіяхъ выступаетъ огромная толпа возставшихъ рабочихъ въ городѣ.

Художникъ не идеализируетъ толпу, онъ изображаетъ быструю смѣну ея настроеній, ея надежды и отчаянья, ея поклоненія и проклатій, ея отваги и малодушія, ея „товарищеской вѣрности“ и ея раздоровъ. Но художникъ, какъ и Эренъенъ, каждой сценой своей драмы говоритъ: „Никогда не нужно отчаиваться въ народѣ“—и не отчаивается: онъ увѣренъ въ побѣдѣ и въ великомъ героическомъ подъемѣ тѣхъ, кому нечего терять, „кромѣ дѣпей“.

У этой толпы цѣлый рядъ вождей: Эно, Ле-Врѣ, Эренъенъ, приходятъ къ толпѣ и провокаторы, подосланные властью, но истиннымъ народнымъ трибуномъ является только одинъ Эренъенъ—онъ умѣетъ вернуть народу его душу.

Типы вождей, особенно Эно и Эренъена, очерчены превосходно.

Эно и Эренъенъ, это представители двухъ тактикъ, двухъ укладовъ, двухъ точекъ зрѣнія.

Эно—это мечтатель террористъ. Весь старый порядокъ для него сдѣлать въ нѣсколькихъ лицахъ. Онъ никогда не считается съ соотношеніемъ силы, никогда не изслѣдуетъ обстоятельствъ, но онъ вѣчно строитъ планы, отъ которыхъ быстро отказывается: „необходимъ былъ планъ, хладнокровно выработанное рѣшеніе“, говоритъ онъ.

Онъ не знаетъ толпы, не умѣетъ подойти къ ея душѣ, минутами онъ ее ненавидитъ, а она его; тамъ, гдѣ нужно опираться на массы, онъ опирается на свои декреты и остается одинъ.

Когда уже необходимо отступить и собраться съ силами, предотвратить отчаянье и раздоры, какъ дѣлаетъ это Эренъенъ, для того, чтобы

нанести новый и смертельный ударъ непріятелю, Эно носится со своимъ вланомъ „продлить^ъ возстаніе, принять гражданскую всѣву, обострить нищету, завладѣть банками силою, казенными учрежденіями силою и судьбою силою же“.

Эренъень могъ бы протѣвпоставить этимъ *словамъ о силѣ*, этому *насилію дѣйствительную силу*, на которую онъ и опирается.

„Онъ смотритъ всегда дальше настоящаго, я его никогда не понимаю“, жалуются Эло на Эренъена.

Эренъень—не рабъ обстоятельствъ, а изслѣдователь ихъ. Нужно знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы дѣйствовать, и Эренъень—великій ученый и великій учитель, онъ руководитъ событіями, потому что предвидитъ ихъ, онъ, по его словамъ, „помогаетъ обстоятельствамъ“.

Новыя слова, свѣтлымъ витяземъ которыхъ является онъ въ борьбѣ съ отжившей славой прошлаго, новыя слова *неизбѣжны*, она на *перогѣ* и Эренъень вилить носителя этой славы въ толпѣ, даже въ тотъ моментъ, когда эта толпа на моментъ его проклинаетъ и кричитъ: „смерть ему“.

„Вы и я, мы живемъ лишь на половину, когда мы не вмѣстѣ“, говоритъ онъ толпѣ, и толпа въ восторгѣ его привѣтствуетъ.

Эно разрушаетъ, Эренъень создаетъ, Эно—заговорщикъ, Эренъень—трибуна народа. Онъ и толпа принадлежать другъ другу. „Я вижу себя въ другихъ, я въ другихъ себя чувствую, я во многихъ повторяю себя, я имъ уподобляюсь“.

Но Эренъень не оппортунистъ, отдающій великую цѣль движенія въ обмѣнъ на мелкую монету [повседневности. Онъ [всегда и всецѣло „во власти великой надежды, которая проходитъ черезъ мѣръ“.

Великая сила жизни, которой преисполненъ Эренъень, покоряетъ даже и Эно; и этотъ заговорщикъ въ послѣдній моментъ идетъ^ъ за Эренъеномъ.

Ле-Врѣ очерченъ слабо и занимаетъ среднюю позицію...^ъ

Художникъ заканчиваетъ драму торжествомъ братства народовъ и пораженіемъ войны.

Вчерашніе враги, обездоленные, измученные люди обвиняются, „занимаются зори“, толпа Опидомана поглощаетъ новую толпу вчерашнихъ враговъ.

Эренъень убитъ въ день торжества пулей провокаторовъ, но идеалы^ъ и надежды его не убиты, ихъ наследуетъ его маленький сынъ, ихъ понесетъ въ жизнь и завоюетъ та толпа, въ душѣ которой Эренъень и послѣ своей смерти „желаетъ, думаетъ, надѣется, дѣйствуетъ“.

Занимаются зори... Они идутъ!

В. Львовъ.

II

Апофеозъ догматовъ.

(По поводу произведеній г-жи Вербицкой.)

Есть два типа беллетристики. Одна—поучающая, по формѣ своей давно опредѣленная, давно безъ колебаній и праздныхъ сомнѣній вошедшая въ рамки; другая—вѣчно измѣняющаяся, ищущая. Первая почти не выбираетъ словъ, довольствуясь первымъ попавшимся выраженіемъ, презираетъ настроенія и никогда не пытается выразить чего-нибудь такого, что не сразу конкретизируется всѣми пятью чувствами. Она проста и въ наши мятежные дни, какъ была проста при Карамзинѣ и, подобно курсисткѣ старыхъ временъ, носитъ безцветныя одежды. Другая ищетъ какихъ-то новыхъ формъ, не останавливаясь надолго на одной, требуя новыхъ отвѣтовъ, гонимая за призракомъ, нерѣдко падая. Эта часто бываетъ фальшива и бываетъ одинаково похожа какъ на размалеванную комедіантку, такъ и на безумную съ горящимъ взоромъ.

Чѣмъ дороже идея, тѣмъ упорнѣе она въ своихъ поискахъ и, будто стремясь запечатлѣть вѣчное, суммируя мимолетное, отбрасываетъ заслушанные слова, намѣчаетъ новыя, штрихуетъ слегка, мѣняя приемы, идя впередъ съ великой вѣрой найти то вѣчное, что должно поднять искусство на высшую ступень и воплотить жизнь во всемъ ея плѣомъ. *Она мечтаетъ перелить жизнь въ слово.* Къ сожалѣнію, попытки ея слишкомъ часто бываютъ неудачны. Наши художники-искатели часто— вмѣсто легкаго абриса—въ нетерпѣніи спѣша, надавливаютъ кисть до опредѣленнаго вульгарной черты, что уже само по себѣ преграждаетъ путь къ исканіямъ. Новое искусство, какъ живопись, такъ и беллетристика, напоминаетъ первобытныя попытки пробудившихся дикарей—угловатыя, нечленораздѣльныя—крики скорѣе, нежели слова, но это драгоценныя попытки, которыя, быть можетъ, являются зачатками будущей понорамы или симфоніи. Пусть новыя дороги неизвѣстны и скользки, пусть цѣль ихъ туманна и многимъ кажется недостижимой, но надо помнить, что къ будущему ведутъ непройденныя тропы.

Браидесь говорить, что „языкъ похожъ на инструментъ, который долженъ отъ времени до времени настраиваться“. „Ибо подобно тому, какъ новое поколѣніе не можетъ удовлетвориться мыслями предыдущаго поколѣнія, и новую группу писателей не можетъ удовлетворять языкъ, на которомъ писала предшествующая группа. Она научается безконечно многому отъ своихъ предшественниковъ, но въ то же время она должна съ усиленіемъ или безъ него внутри себя самой создать свой языкъ, а первый шагъ для этого заключается въ томъ, чтобы настроить навое

языкъ. Въ области слова встрѣчаются виртуозы, обладающіе призваніемъ настройщика: они-то и настраиваютъ умы и литературу на цѣлую эпоху“.

Жизнь выдвигаетъ событія для всѣхъ и для каждаго въ отдѣльности; переживанія слишкомъ многообразны и не могутъ быть вылиты въ той формѣ, въ какой выливались 50 лѣтъ назадъ. Сегодня русскій языкъ обладаетъ бѣльшимъ количествомъ словъ, нежели при Рюрикѣ, и „новыя слова“, которыя черезъ 200 лѣтъ станутъ первобытными, хотя, можетъ быть, и рождаются съ усиленіемъ, какъ говоритъ Врандесъ, но рожденіе ихъ—естественное слѣдствіе прошлаго, какъ это ни неприятно нашимъ консерваторамъ...

Импрессионисты не выдумываютъ новыхъ словъ. Кто умѣлъ читать старую беллетристику, непременно отмѣтилъ въ ней зерна новаго. И лишь тотъ просмотрѣлъ эволюцію, думая, что новый стиль упалъ къ намъ съ неба, кто читалъ нашихъ старыхъ художниковъ ради развлеченія—на сонъ грядущій. Жизнь не признаетъ прыжковъ, а лишь одну непрерывную цѣпь безконечнаго развитія, но, конечно, въ посмѣненной эволюціи бывають періоды, когда творчество вспыхиваетъ ярче и мятежнѣе, отбрасывая старое слишкомъ ощутительно для вялыхъ умовъ. Для этихъ пріятнѣе имѣть дѣло съ опредѣленнымъ и знакомымъ, не требующимъ напряженія, нежели съ крикливымъ, новымъ искусствомъ. Они способны уснуть на словѣ, написанномъ кровью, и судятъ они объ искусствѣ съ высоты своей мудрости. Они и не пойдутъ искать вмѣстѣ съ нимъ, потому что они все нашли. Но, къ счастью, есть другой типъ читателей. Эти и въ старой беллетристикѣ сумѣли отмѣтить драгоценныя блестки исканій и въ новой отдѣляютъ подражаніе отъ истинныхъ всплшекъ творчества. Эти готовы вмѣстѣ съ художникомъ задуматься надъ теплымъ смысломъ случайнаго намека, угадывать творчество, которое, не довольствуясь указанной колеей, ищетъ и рвется—вѣчно мятежное, ненавидящее рамки.

Въ прошломъ году „Вопросы жизни“ печатали произведеніе Ремизова „Прудъ“. Мѣстами эта беллетристика—поистинѣ уродливая фурія, доходящая до постыдныхъ тѣлодвиженій, до выкриковъ и стenanій, очень похожихъ на гаерство. Но вотъ, въ одномъ изъ приложений „Нашей Жизни“ была напечатана беллетристика того же автора „Въ секретномъ“. Сорвавшаяся съ цѣпи, ищущая приняла въ рукахъ художника, на одно мгновеніе, истинно прекрасную форму. Она не удовлетворится и опять порветъ сегодняшнія путы и много разъ, быть можетъ, упадетъ въ безобразныхъ потугахъ, но минутами—въ мигъ правды—красота ея затмитъ многіе томы сѣрой добропорядочной беллетристики.

Передо мной восемь книжекъ г-жи Вербицкой. Я упоминаю о маленькомъ перлѣ Ремизова только для уясненія своей мысли. Это, можно сказать, два антипода. Однажды кто-то кого-то спросилъ: почему такъ расходятся романы Вербицкой? И послѣ небольшой паузы послѣдовалъ ковар-

ный отвѣтъ: „Тамъ очень много разговоровъ и сколько угодно о любви“. Этими двухъ моментовъ, конечно, достаточно для спроса на рынкѣ, но рассказы г-жи Вербицкой имѣютъ и другія, болѣе положительныя достоинства, и даже въ свое время по идеѣ своей они имѣли общественный интересъ. Что же касается формы, то съ этой стороны данный авторъ далеко не является „настройщикомъ“. Скромная, добропорядочная беллетристка г. Вербицкой не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ поискамъ. Приемы ея обыденны и общи и даже у самаго строгаго читателя не заслужаютъ упрека въ кривляніи. Она довольствуется старыми словами, а можно сказать, что старое здѣсь усугублено до послѣдней степени. Сущестуютъ, напримѣръ, давнишнія манеры—описывать наружность героини во всѣхъ подробностяхъ, причѣмъ авторъ награждаетъ обыкновенно свою любимицу ослѣпительной красотой. Г-жа Вербицкая всѣхъ дѣлаетъ красавицами. На первой же страницѣ ея повѣсти вы непременно найдете двухъ красавицъ и одного красавца. Если даже, вспомнивъ о справедливости равномернаго распредѣленія физическихъ силъ, авторъ и рѣшается заявить, что героиня его дурна собой, все же при каждой новой встрѣчѣ онъ награждаетъ ее всякими прелестями, такъ что, противъ воли автора, героиня оказывается красивой.

Однако, имѣя въ своемъ употребленіи только примелькавшіяся слова, авторъ не даетъ „чувствовать“ ихъ наружность, а только позволяетъ *знать*. Въ старой школѣ много такихъ беллетристовъ, рассчитывающихъ на вѣру и мало заботящихся о томъ *знать слова*, который долженъ быть выжженъ въ мозгу читателя. Вербицкая принадлежитъ къ нимъ. Сгущеніе недостатковъ ведетъ къ реакціи на нихъ. Художнику не мѣшаетъ почитать повѣсти г-жи Вербицкой, чтобы начать искать. Я пока имѣю въ виду только форму, что же касается содержанія, то оно свидѣтельствуетъ о добрыхъ принципахъ автора. Но не обладая способностью претворять идеи и образы и не научившись вырывать у жизни ея характерныхъ выраженій, авторъ заставляетъ своихъ персонажей произнести лишь то, что необходимо въ интересахъ данной темы. Благодаря такой служебной роли, беллетристка г-жи Вербицкой не даетъ ея персонажамъ яркихъ красокъ и они стираются изъ памяти читателя спустя нѣсколько дней. Г-жа Вербицкая принадлежитъ къ тому особому типу авторовъ-деспотовъ, которые не позволяютъ читателю дѣлать собственныхъ выводовъ. Тенденція ея доминируетъ съ первыхъ же страницъ, и отношеніе интеллигентнаго читателя ограничивается легонькимъ любопытствомъ: какими путями на сей разъ героиня добилась эмансипаціи? Женская эмансипація—ея конекъ. Подчинившись всецѣло этому догмату, авторъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ говорить въ защиту его. Но выросшему изъ вопроса о равноправіи скучно съ хорошенькими неистовствующими героинями. Кто не замѣтилъ, что спеціальныя заявленія женщинъ на недавнихъ

митингахъ встрѣчали улыбку у самыхъ женщинъ по адресу ораторшъ? Это значитъ ломиться въ открытую дверь. Женщина стала уже въ ряды шествія, которое влечетъ за собою народы и отбрасываетъ всё мелкіе вопросы. Да, наконецъ, *женскаго вопроса* уже не существуетъ. Съ одной стороны—его величество пролетаріатъ, съ другой—Ибсенъ рѣшили этотъ вопросъ. Рѣшеніе остается только комфирмовать. Въ Финляндіи оно уже комфирмовано, у насъ пока еще нѣтъ. Но очереди ждать намъ остается недолго—несмотря на то, что въ склѣбѣ умственнаго развитія Россія занимаетъ сороковую ступень и стоитъ между Колумбіей и Египтомъ. Но XX вѣкъ не соблюдаетъ очереди. Это вѣкъ событий... И когда одинъ изъ самыхъ угнетенныхъ народовъ требуетъ самоуправленія, когда рабочія одежды пали и пробужденная толпа ежечасно выбрасываетъ на поверхность своихъ Муцьевъ и Шарлоттъ Корде; когда женщина съ улыбкой встрѣчаетъ приговоръ о казни,—въ эту эпоху безумія храбрыхъ говорить о равноправіи женщинъ не стоитъ... Потому что нельзя „говорить“, окунувшись въ кровь. Потому что идея, принятая большинствомъ, перестаетъ быть идеей,—женщина идетъ отъ эшафота къ трибунѣ, и намъ остается только отмѣтить это побѣдное шествіе. Но надо отдать справедливость г-жѣ Вербицкой, напомнивъ, что ея повѣсти о борьбѣ женщинъ за равноправіе писались въ то время, когда русская женщина пребывала въ полудремѣ. Тогда ея произведенія дѣйствительно служили толчкомъ—и въ этомъ ихъ заслуга. Тогда социалистическія идеи прокрадывались къ намъ съ опасностью жизни и прорывались подобно живительнымъ подземнымъ ключамъ. И теперь, когда смыта вся верхняя толща, когда великое знамя охватило міръ, теперь выдѣлать женскій вопросъ, объявляя такимъ образомъ войну *товарищу*-мужчинѣ, было бы неумѣстно. Читателю остается отдѣлать только произведенія, затрагивающія темы переходящія, отъ другихъ, вѣчныхъ, поскольку вѣчность можетъ быть охвачена размахомъ его мысли.

Отодвигнувъ вопросъ о равноправіи, намъ необходимо рассмотретьъ, въ какомъ положеніи находятся другіе вопросы у того же автора, хотя бы въ его лучшемъ романѣ, — „Первая ласточка“. Если беллетристика должна служить средствомъ для человѣка развитъ свой кругозоръ, провѣрить сложившіяся воззрѣнія, то съ этой стороны беллетристика даннаго автора по этимъ другимъ вопросамъ оказывается несостоятельной. Въ „Первыхъ ласточкахъ“ женская эмансипація топчетъ подчасъ лучшія свойства человѣческія—свободу духа. Въ борьбѣ за матеріальную независимость героиня доходитъ до крайностей, которыя можно бы назвать геройскими, если бы онѣ не были отчасти вымышленіемъ героически настроеннаго автора, отчасти—наложениемъ кандаловъ на непосредственность порыва.

„Съ дѣтства Камелева мечтала быть писательницей“. Личная жизнь мѣшала ей въ достиженіи этой цѣли, и мы застаемъ ее въ зрѣломъ возрастѣ

съ тѣми же мечтами. Человѣкъ, съ которымъ она сошлась по долголѣтней взаимной страсти, скептически относится къ этимъ мечтаніямъ. О нарождающемся типѣ эмансипированной женщины онъ имѣетъ свое особое мнѣніе, выше всего ставя культъ семьи и обязанность жены облегчать трудовую жизнь мужу. На этой почвѣ создается конфликтъ между любовниками. Становясь на сторону героини (что не подлежитъ сомнѣнію), авторъ дѣлаетъ изъ ея возлюбленнаго нѣкоторымъ образомъ тормазъ на ея пути. Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ пера автора Чагинъ выступаетъ съ натурой мягкой, „жаждущей духовно слиться съ любимой женщиной“. Ему, казалось бы, не трудно привить болѣе широкіе взгляды, но авторъ очень ярко умѣетъ описывать борьбу чувственности съ принципами и потому, вмѣсто того, чтобы объяснить и внушить, героиня порываетъ со своимъ возлюбленнымъ. Получается цѣлая драма съ воплями и припадками. На мольбу Чагина жить вмѣстѣ героиня кричитъ, что онъ ее оскорбляетъ предложеніемъ идти „въ содержанки“. Будучи нѣкоторымъ образомъ въ курсѣ дѣла и зная объ интимныхъ ласкахъ двухъ возлюбленныхъ, читатель недоумѣваетъ—почему такъ вдругъ?..

„Побойся Бога,—говоритъ Чагинъ,—вѣдь мы любимъ другъ друга!“ На это краткое воззваніе героиня отвѣчаетъ бранью: „Подлый человѣкъ! Отдыхать въ объятіяхъ! Платить за объятія... не деньгами, конечно, это грубо... а ласками... Какъ вы смѣли! Да развѣ я похожа на женщину, ласка которой покупается?“ Кроткія мольбы возлюбленнаго заставляютъ ее только „задышаться отъ оскорбленія“. Наконецъ, она уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы „сдѣлаться писательницей“. Здѣсь-то авторъ проводитъ не первую писательницу по тернистому литературному пути къ нищетѣ и чухотѣ. Газеты, въ которыхъ она работаетъ, закрываются, редакторы ее эксплуатируютъ, повѣсти ея не имѣютъ успѣха. Когда все тотъ же любящій и любимый Чагинъ предлагаетъ ей денежную помощь, ничего не требуя взаимъ, она отталкиваетъ дружескую руку, стоя уже на краю могилы. Во всемъ этомъ авторъ видитъ геройство. Читатель не рѣшается безъ автора назвать вещи своими именами... но у него остается право недоумѣвать.

Чагинъ „жаждалъ отдаться ей всей душой“—самъ авторъ это говоритъ. *Товарищеская* помощь отвергнута *принципіально*, и принципъ разрастается въ какое-то чудовище, которое давитъ порывъ и накладываетъ вериги на непосредственное чувство. Замѣтила ли героиня, а также и самъ авторъ, что все ея настроеніе сводится къ мечтѣ „показать ему цифру своего мѣсячнаго заработка?“ Это и только это противопоставляется дружбѣ и любви и—увы!—беретъ верхъ. Героиня, очевидно, не доросла еще въ дни „Первыхъ ласточекъ“ до принципа товарищества, а также и до высшаго подъема чувства, которое уже само по себѣ претворяется въ идею, отбрасывающую все мелкое и взвнченное. Нѣтъ, героиня ня-

чуть не сомнѣвается въ совершаемомъ подвигѣ, и авторская рука не устаетъ держать надъ ея головою сіяющій ореолъ. За нѣсколько дней до смерти Каменева пишетъ, не отрываясь, коченѣющими пальцами исторію вдохновенной борьбы за женскую эмансипацію. Послѣ ея смерти Чагинъ издастъ повѣсть, которая имѣетъ успѣхъ. Въ общей сложности получается умилятельный образъ первой ласточки, пришибленный морозомъ. Получается также впечатлѣніе, будто идею тащили за волосы читателю въ назиданіе. Да, эмансипація—хорошая вещь, [имѣетъ собственный заработокъ—положительно рекомендуется, но почему не прибавить ко всему этому немножко справедливости?

Если бы тенденція автора не выпячивалась такъ назойливо, если бы высшая санкція автора всѣхъ несообразностей героини не была такъ очевидна, романъ не требовалъ бы объясненія—мало ли нелѣпыхъ женщинъ! И при несомнѣнномъ писательскомъ талантѣ г-жи Вербицкой мы просто считались бы съ однимъ изъ ея образовъ. Но къ сожалѣнію, г-жа Вербицкая не можетъ не выглядывать изъ-за спины своихъ персонажей. Поэтому приходится замѣтить самому автору, что когда энергія превращается въ упрямое біеніе стѣнки лбомъ, а естественное стремленіе къ матеріальной независимости—въ истерическое попираніе сокровищъ души; когда принципы накладываютъ вериги на непосредственное чувство,—тогда цѣль становится сомнительной, и пути къ ней загромождаются.

Но въ этой повѣсти есть много живыхъ и яркихъ мѣстъ, а затронутый въ ней вопросъ былъ въ свое время настолько острымъ, что, естественно, затенялъ у болѣе горячихъ приверженцевъ другіе вопросы.

Въ повѣсти „Злая роса“ авторъ отходитъ уже отъ своей излюбленной темы и занять невзрастениками конца вѣка. Не отыскавшіе смысла жизни, переу томленные въ сладострастіи, они заигрываютъ нищевскіе мотивы, какъ шарманки заигрываютъ великія симфоніи.

Главнымъ героемъ—Вородинымъ, занятымъ почти исключительно сладострастіемъ, авторъ иллюстрируетъ красивыя слова, повторяемые слишкомъ часто на всемъ протяженіи повѣсти: „Мы жатву собрали, но отчего всѣ плоды были блеклы и гнили? Какая злая роса упала на нихъ въ послѣднюю ночь?“

Такъ любятъ охарактеризовывать себя героя данной повѣсти, въ тайной гордости, что они думаютъ такими красивыми словами. Фальшь, которая чувствуется въ этомъ типѣ, вѣроятно, происходитъ отъ потугъ автора сдѣлать изъ своего персонажа нѣчто огромное, но надломленное безвременьемъ. На мой взглядъ—это скучающій недоучка-поверъ. Злая роса, упавшая на его маленькую голову, есть не что иное, какъ отсутствіе значній—гибельная привычка хватать верхъ и вывѣжать на афоризмахъ; не что иное, какъ неумѣніе думать самостоятельно—и даже хотя бы на помочать

тѣхъ же философовъ, лѣнь ума, которую всю до капли исчерпали Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ и отъ которой разбудилъ Россію голодъ и слагодѣтельный режимъ. Фигура Вородина нарисована авторомъ очень веровно—иногда рельефно, иногда слишкомъ громоздко—будто на нее навалено еще нѣсколько фигуръ. Здѣсь также крупно помѣхой является неспособность автора отрѣшиться отъ себя. Но курьезная неустойчивость отношенія къ свѣтому герою особнякомъ вредитъ. То авторъ какъ бы любитъ тѣмъ, кого принципиально отрицаетъ, то вдругъ сгущаетъ краски во спасеніе свое. Сейчасъ передъ нами красавецъ Вородинъ—цнигъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, фатъ и чувственникъ; вдругъ вмѣсто „черноброватаго лица“ на туловищѣ Вородина проявляется колющее, тоскующее лицо Андрея Блконскаго, услуженнаго въ себя,—и снова исчезаетъ, чтобы дать мѣсто недоучкѣ съ головой, наполненной афрризмами.

Въ этой повѣсти бережно упоминается имя Маркса и есть нѣсколько туманныхъ словъ о классовою борьбѣ. Но публика все ничтожная и если мужчины, хотя въ промежуткахъ между любовными эксцессами, цитируютъ философовъ и говорятъ стихи, зато женщины всѣ будто забыли о догматахъ, о которыхъ писала г-жа Вербицкая много лѣтъ, и заняты исключительно физиологическими переживаніями. Съ внѣшней стороны есть одинъ большой недостатокъ въ этой повѣсти. Это—бредо-фантазія, растянутая на 15 страницъ и долженствующая раскрыть красоты души Вородяна. Навивень пріемъ, которымъ пользуется авторъ въ данномъ случаѣ. Онъ, напримѣръ, заставляетъ бредить своего героя о XXX вѣкѣ. Передъ началомъ бреда авторъ выбрасываетъ аяшлагъ: „XXX вѣкъ“. Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе бреда. Изъ него мы узнаемъ, что въ XXX вѣкѣ Вородинъ проведетъ черезъ Сахару желѣзную дорогу; что по вертикальной линіи вагоны будутъ проваливаться изъ Стараго въ Новый Свѣтъ, и пр. и проч. Продолжая такимъ образомъ купаться въ собственной фантазіи, авторъ выбрасываетъ одинъ аяшлагъ за другимъ: „Греція временъ Перикла“—слѣдуетъ бредъ на эту тему и такъ далѣе на протяженіи 15 страницъ. Вѣроятно, нужно о бредѣ писать какъ-нибудь иначе! Но только не выкрикивать, подобно служителю у кинематографа, содержаніе каждой картины: „Бросаніе въ море съ высоты трехъ сажень!“, „Сахара съ гориллами“...

Но опять-таки и въ этой повѣсти встрѣчаю тся хорошія мѣста, какъ, напримѣръ, символикація умственной спячки и безволія.

Вородинъ со своими пріятелями живетъ въ подвальномъ этажѣ, темномъ и сыромъ. Мы расстаемся съ вашими неизлечимыми неврастениками у распахнутыхъ дверей подвала, который поглотитъ ихъ.

Но, главное, въ повѣсти нѣтъ неистовства догматовъ—болѣзнь всѣхъ героинь въ произведеніяхъ г-жи Вербицкой.

Впрочемъ, въ повѣсти „Чья вина?“ и мужчина оказывается не менѣе женственнымъ. Я останавливаюсь подольше на этой повѣсти, такъ какъ мимоходомъ въ ней затрагивается вопросъ, далеко еще не рѣшенный,—дѣтскій вопросъ.

Въ заглавіи какъ нельзя больше сказывается склонность автора. Призракъ судии уже стоитъ за спиной автора. Все же вопросительная форма—нѣкоторымъ образомъ обѣщаніе *не поучать*, а *искать*—подкунаетъ насъ. Авторъ вопрошаетъ, его берутъ сомнѣнія, этотъ великій рычагъ, который столько разъ оказывалъ истинѣ неоцѣнимую услугу. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли что жизнедѣятельнѣй прекраснаго „я сомнѣваюсь!“ Вѣдь только мудрый стоитъ на мѣстѣ... Но, съ другой стороны, есть ли что безотрадиѣ этого смыска виновнаго, этого ржанія: держи его!.. Потому что взысканная вина всегда вѣдь вваливается на голову маленькаго двуногаго, только послушнаго маленькаго преступника, все преступленіе котораго заключается въ добросовѣстномъ исполненіи роли, возложенной на него тысячелѣтіемъ. Я не знаю ничего безотрадиѣ одной поговорки, начинающейся словами: „говорила тебѣ я!..“ Эта поговорка имѣетъ хлопающіе глаза и лобъ, уставленный въ землю. Впервые ее произнесла супруга крикачника изъ Гостинаго двора. „Не послушалъ и покушалъ—вотъ темеръ вина твоя!“ Впослѣдствіи, въ значительно измѣненной формѣ, но въ томъ же духѣ, поговорка эта перешла и окончательнo утвердилась на страницахъ нашей старой беллетристики... Вотъ „чья вина“—держи его!.. Но вѣдь авторъ вопрошаетъ и зоветъ насъ къ поискамъ...

Нѣкій Станскій (красавецъ, какъ и всѣ герои г-жи Вербицкой), учитель словесности, былъ человѣкъ строгихъ, даже суровыхъ правилъ и принадлежалъ къ той категоріи людей, которые на всемъ протяженіи жизненнаго пути подхлестываютъ себя двумя кнутами: долгомъ и правомъ. Онъ стоитъ за эмансипацію женщины. Онъ горячо говоритъ о ея будущемъ, о лепчатомъ сокровищѣ ея душевныхъ силъ и считаетъ, что единственный путь къ развитію этихъ сокровищъ это — курсы, учительство, медицина, и одна изъ обязанностей человѣка,—не выдѣляясь изъ толпы, слившись съ ней, строить великое зданіе будущаго маленькими дѣлами. Когда невѣста заявляетъ ему о желаніи поступить на сцену, онъ требуетъ „служенія людямъ, а не искусству“, горячо доказывая, что театръ опошляетъ человѣка, и что служить искусству—значитъ служить сытой толпѣ и „своему самолюбивому „я“. Въ пылу спора съ Вѣрой онъ съ такой завидной памятью приводитъ длинныя цитаты изъ Милля и другихъ умныхъ писателей, а возраженія Вѣры такъ безцвѣтны, что мы начинаемъ усматривать солидарность автора съ героемъ. Вѣдь сидя за своимъ письменнымъ столомъ, авторъ имѣетъ время выписать всѣ эти длинныя цитаты и раздать тому, кому находить нужнымъ! Читатель съ узенькимъ кругозоромъ, естественно, ставовится на сторону краснорѣчиваго Станскаго. Этого-то и нужно автору.

Вмѣстѣ съ Станскимъ онъ очень неодобрительно относится къ стремленіямъ Вѣры „къ чему-то выше обывательскаго счастья“. Сколько сокровищъ пропадаетъ даромъ благодаря этимъ суетнымъ стремленіямъ! Вопросъ о служеніи искусству рѣшенъ безповоротно... И мы не будемъ спорить. Спорт—вещь, по большей части, бесполезная, особенно споръ въ пользу искусства, которое само по себѣ такъ высоко поднимаетъ человѣка надъ „обывательскимъ счастьемъ“, что даже умныя цитаты строгаго Станскаго кажутся ему дѣтскимъ лепетомъ. И принципы автора и Станскаго не помѣшали Вѣрѣ поступать на сцену.

Съ помощью своего писательскаго таланта авторъ очень искусно подчеркиваетъ суетность женщины, имѣющей ребенка и такого мужа, какъ Станскій, и стремящейся къ самоуслажденію на театральныхъ подмосткахъ. Онъ позволяетъ читателю видѣть одну только сторону медали: прекраснаго мужа, нужнаго для общества, ребенка, жизнь, полную смысла, когда жена можетъ быть другомъ и помощницей, и рядомъ съ этимъ какія-то суетныя стремленія. Въ лицѣ мужа Вѣра встрѣчаетъ такую непримиримость, такое неистовство, что о соглашеніи и рѣчи быть не можетъ. „Если бы она просилась на курсы, онъ отпустилъ бы ее, хотя это ему и неудобно“, на сцену же—ни въ какомъ случаѣ! Тогда она для него умерла. И не только для него, но, главное, и для ребенка. Вѣра хотѣла пріѣзжать въ семью на время прекращенія спектаклей; она хотѣла бы жить въ одномъ городѣ, но все это отвергается съ великимъ страданіемъ, но непреклонно. Жена для него погибла.

Ошибка Станскаго, полагаетъ авторъ, „только въ томъ, что онъ вздумалъ перевоспитать женщину въ 22 года“. И теперь для него „чтобы поддержать слабѣющія узы семьи, необходимо, по мѣнью автора, кому-нибудь ступеваться, похоронить свое „я“. Такимъ образомъ, служеніе искусству обусловливается жертвоприношеніемъ—другихъ выходовъ нѣтъ. Введеніемъ новаго персонажа—пошлой маман, т. е. тещи, которая покровительствуетъ „безумствамъ Вѣры“, авторъ окончательно подтверждаетъ наши подозрѣнія въ солидарности [его съ прямолинейнымъ Станскимъ. У нихъ нѣтъ сомнѣній. Ребенку заявлено, что мать его умерла—„честной“ и „чистой“, но—умерла. Спустя нѣсколько лѣтъ Стаяскій ищетъ забвенія и сходится съ другой женщиной. Ребенокъ растетъ въ тоскѣ по матери. Страданія его, рельефно описанныя авторомъ и нужныя ему для того, чтобы подчеркнуть легкомысліе матери, наталкиваютъ, наконецъ, автора на сомнѣнія.

Очень часто заглавіе произведенія подыскивается послѣ того, какъ оно написано. Я думаю, что, дописавъ до этого мѣста, перо авторское дрогнуло и онъ внесъ въ заголовкѣ своей повѣсти вопросъ „Чья вина?“ Но это былъ единственный моментъ и единственная дань „великому рычагу“.

Вѣра сдѣлалась знаменитостью. Такъ заманчиво для беллетриста на писать знаменитую пѣвицу, у которой отняли ребенка. „Знаменитость“ собственно мѣшаетъ развитію главной идеи автора. Слава не даромъ дается, слава импонируетъ и, пожалуй, требуетъ пересмотра кой-какихъ принциповъ, но авторъ не выдерживаетъ искушенія. Къ тому же принципы его незыблемы. Теперь авторъ не можетъ не вложить въ уста пѣвицы краснорѣчивыхъ словъ. Но Вѣра-Лола защищаетъ не право матери, у которой отняли ребенка, а все тотъ же скучный вопросъ о правѣ женщины служить искусству. А какъ же быть съ ребенкомъ, когда люди расходятся?

Кто этотъ верховный судія, который въ теченіе цѣлаго дѣтства держитъ своего ребенка въ состояніи тоски по мнимо-умершей матери? Смѣетъ ли одинъ изъ супруговъ, проникшись сознаниемъ собственнаго превосходства, поднять на „виновнаго“ карающую руку? Авторъ не внушилъ читателю сомнѣній въ непогрѣшимости поступковъ Станскаго. Напротивъ, ореолъ суроваго долга неизмѣнно сіяетъ надъ его головой. И надо полагать, что въ осужденіи и выполненіи приговора было участіе автора. Но кто смѣетъ окутать жизнь ребенка ложью? Какіе человѣческіе законы выше чувства ребенка къ отцу? Какой „вины“ достаточно для того, чтобы задушить принципами трепетную дѣтскую жизнь?

Вѣра виновна въ томъ, что предпочла сцену медицинѣ. Этого и для автора достаточно, чтобы при свѣтѣ ореола санкционировать право отнять ребенка и живо похоронить любимое имъ существо. Съ точки зрѣнія какой-либо г-жи Изановой для такого же возмездія достаточно вины ея мужа, проигрывающаго свой заработокъ въ карты. Съ чьей-нибудь еще точки зрѣнія, вообще допускающей право „убить“ и опирающейся на какой-нибудь догматъ, есть еще болѣе вопіющія вины... Слѣдующая, напри- мѣръ, комбинація въ нашу эпоху обостренія политическихъ настроеній признаетъ достаточно правъ и основаній для экспериментовъ надъ дѣтской душой и надъ „виновнымъ“. Мать—либералка и даже—лѣвая, отецъ—консерваторъ и даже совсѣмъ правопорядочный.

Если для Станскаго достаточно основаній отнять ребенка у Вѣры, то не достаточно ли основаній у революціонно-настроенной матери отнять ребенка у правопорядочнаго отца?

Когда писался романъ „Чья вина?“. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Свѣтлый человѣкъ не остановился передъ вопіющимъ насиліемъ и отнял у матери ребенка за ея служеніе искусству. Въ наше время тѣ же принципы насилія примѣняются при другихъ условіяхъ. Мы хотимъ устранить ребенка отъ дурнаго вліянія—развѣ это не прекрасная цѣль?—и мы не остава- вляемся передъ средствами. У насъ даже нѣтъ сомнѣвій. Но увѣрены ли мы, что черезъ 20 лѣтъ человѣчество не выработаетъ другихъ принциповъ,

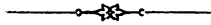

порицающих бомбы во всѣхъ видахъ и разрѣшающихъ *дѣтскій вопросъ* свободной прививкой ребенку критическаго взгляда на обѣ враждующія стороны? И, можетъ быть, тотъ первый, кто сдѣлаетъ эту рискованную пробу; кто не оторветъ сына отъ виновной матери и способомъ разъясненій и свободнаго выбора противопоставитъ дурному влиянію свое; кто упразднитъ классъ ищеекъ и судій,—можетъ быть, этотъ новаторъ внесетъ свѣжую струю въ жизнь дѣтей и сдѣлаетъ первый шагъ къ разрѣшенію дѣтскаго вопроса... Потому что женскаго вопроса нѣтъ, а есть только дѣтскій вопросъ. Потому что только этотъ *дѣтскій вопросъ* давить и накладываетъ прежнія цѣпи на людей, разлюбившихъ другъ друга. И будетъ давить до тѣхъ поръ, пока надъ ребенкомъ и надъ „виновнымъ“ производится насиліе... Этотъ человѣкъ долженъ быть фанатикомъ свободы внутренней и не побояться широко распахнуть двери передъ своимъ ребенкомъ. Онъ не задавить тогда ни одной мысли. Ему не придется лгать своему ребенку подобно герою романа г-жи Вербицкой, и онъ не высочитъ вдругъ изъ всѣхъ своихъ принциповъ при первомъ же испытаніи. Это испытаніе судьба преподнесла Станскому въ лицѣ знаменитой Лолы-Вѣры, ослѣпившей его своей славой. Онъ готовъ уже сойтись съ отвергнутой женой...но автору необходимо спасти догматъ—увы, увы!—на сей разъ не равноправія, а... цѣломудрія. Авторъ придерживается старинныхъ мнѣній о сценѣ. Для того, чтобы стать знаменитой артисткой, надо сдѣлаться публичной женщиной. Авторъ заставляетъ Вѣру сознаться въ своихъ паденіяхъ. Хотя ослѣпила взоры и потрясла мудрыхъ, хотя и талантъ, и доказала свое право на искусство, а все-таки—пала... „Говорила тебѣ я!“ Говорилъ Станкій, что сцена опошляетъ!.. Ему осталось еще разъ сдѣлать надъ собой усиліе воли и ретироваться съ гордо поднятой головой. Клятвы Вѣры, что она любила только его одного, не помогаютъ. Надо спасти цѣломудріе! Мягкотѣлые и безкровные всегда остаются вѣрны себѣ. Страсти какъ не бывало. Это уже не защита женскаго вопроса, а апофеозъ догматовъ—наперекоръ самой природѣ. Сначала требовали отъ женщины, чтобы она презрѣла искусство и слилась съ толпой, но талантъ оказался сильнѣй—и у нея отняли ребенка. Затѣмъ у нея требуютъ вѣрности къ тому, кто ее вышвырнулъ и самъ сошелся съ другой женщиной—во имя цѣломудрія ей запрещено забвеніе. Авторъ спрашиваетъ: чья вина? Мы спрашиваемъ: гдѣ свобода? Отступивъ отъ спеціальной темы, авторъ вдругъ запутывается въ принципахъ и пишетъ романъ чуть не въ духѣ Домостроя. Мы не совѣтуемъ автору указывать перстомъ на кого-либо изъ своихъ героевъ. Пусть авторъ сдѣлаетъ шире кругъ—отъ себя и къ себѣ... потому что „герои“, какъ и всякое маленькое двуногое, есть продуктъ... И потому еще, что есть образы, которые слишкомъ прикрѣплены къ автору, они даже не творенія его, а части его...

Произведенія г-жи Вербицкой расходятся повторными изданіями—въ

Этомъ, конечно, виновать ея писательскій талантъ; но когда писатель специалистъ смотритъ однимъ глазомъ, когда за отсутствіемъ художественнаго чутья онъ ограничивается „умѣніемъ“,—можно сказать навѣрняка, что даже при самыхъ строгихъ принципахъ и специальный, любимый вопросъ можетъ вдругъ оказаться разрѣшеннымъ вкривь. И читателю остается тогда искать и сомнѣваться.

О. Миртовъ.

На Западѣ.

(изъ Франціи).

Стачка французскихъ рабочихъ.

Стачка—это гражданская война.
Жюль Симонъ.

Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть результатъ болѣе или менѣе скрытой гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ.

К. Марксъ.

Всеобщая Конфедерація Труда.

Люди часто бываютъ склонны переоцѣнивать значеніе нѣкоторыхъ событий общественной жизни и, наоборотъ, проходить иногда мимо другихъ, не замѣчая ихъ глубокой соціальной важности. То, что производитъ больше шума, или то, что затрагиваетъ непосредственно интересы минуты, привлекаетъ къ себѣ обыкновенно больше вниманія поверхностныхъ наблюдателей жизни, чѣмъ явленія, смыслъ которыхъ скрытъ въ ихъ будущемъ.

Въ такого рода событіямъ надо отнести широкую стачку французскихъ рабочихъ, съ необыкновенной силой развернувшуюся въ маѣ 1906 года на пространствѣ всей Франціи. Пока буржуазія со страхомъ и трепетомъ ожидала къ 1-му мая предсказаннаго реакціонными пророками крушенія міра и принимала всѣ мѣры, чтобы спасти свое достояніе отъ ожидавшагося разгрома,—можно было думать, судя по газетамъ, что человечество находится наканунѣ грандіозныхъ событий. Но какъ только день перваго мая прошелъ, вопреки всѣмъ предсказаніямъ и провокаціямъ реакціи безъ открытаго выступленія пролетаріата на улицахъ, безъ сраженія на баррикадахъ,—филистеры немедленно же успокоились и стали равнодушно взирать на начавшееся послѣ этого широкое стачечное движеніе. Выборы въ парламентъ, покушеніе на испанскаго короля, пріѣздъ Камбоджскаго царька съ его танцовщицами, побѣда англійской лошади на скачкахъ въ Лоншанъ стали больше интересоваться такъ называемое общественное мнѣніе, чѣмъ глухая, но упорная борьба рабочихъ за 8-ми ча-

совой день. Такое отношеніе къ майской стачкѣ вполне понятно. Передъ 1-мъ мая буржуазія со страхомъ спрашивала себя, на что способны выростшіи и воспитавшіися въ прежней борьбѣ рабочій классъ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ готовившіися опредѣленно къ забастовкѣ въ маѣ 1906 г., и недовѣрчиво смотрѣла на ближайшее будущее. Майская стачка ясно показала, что рабочіе и въ ней еще только готовятся къ болѣе рѣшительной борьбѣ и что часъ послѣдняго суда еще не пробилъ. И люди, для которыхъ принципъ „довлѣетъ днѣви злоба его“ опредѣляетъ все содержаніе ихъ жизненныхъ интересовъ, немедленно же перешли въ свое обычное безопасное состояніе.

Но тотъ, кто привыкъ смѣло и увѣренно смотрѣть впередъ и видѣть за моремъ человѣческихъ страданій, „за далью непогоды“ современной жизни „блаженную страну“ лучшаго будущаго, долженъ совершенно иначе оцѣнить майское движеніе рабочихъ во Франціи.

Его главный смыслъ заключается въ томъ, что оно отмѣчаетъ крупный этапъ въ исторіи борьбы французскаго пролетаріата, является новымъ исходнымъ пунктомъ для ея дальнѣйшаго развитія и усиленія. Майская стачка, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и прекрасный примѣръ, на которомъ теоретики и практики социалистическаго движенія могутъ многому поучиться; мировое рабочее движеніе рѣдко еще выдвигало такіе наглядные образцы классовой борьбы широкихъ массъ пролетаріата. Настоящая статья является усиленной попыткой познакомить съ майскими событіями русскихъ читателей. Но прежде чѣмъ перейти къ ихъ изложенію, необходимо въ краткихъ чертахъ охарактеризовать современное состояніе организованнаго рабочаго движенія во Франціи.

Отсталость французскаго рабочаго движенія давно уже стала у насъ ходячей поговоркой. Но это положеніе далеко не такъ вѣрно, какъ это принято думать. Если, говоря о слабости французскаго движенія, имѣютъ въ виду социалистическую партію или партіи, такъ какъ лишь очень недавно многочисленныя фракціи французскаго социализма объединились въ одну организацію, то это положеніе болѣе, чѣмъ вѣрно. Оппортунизмъ, глубоко выдвигавшійся въ теорію и практику французскихъ социалистовъ, ихъ вѣчныя братоубійственныя распри, какъ неизбежное слѣдствіе, паразитическая организаціонная слабость достаточно объясняютъ это.

Но глубоко заблуждается тотъ, кто заключаетъ отсюда о слабости рабочаго движенія вообще. Такое заключеніе, невѣрное само по себѣ, въ особенности невѣрно по отношенію къ Франціи. Благодаря особымъ спеціальнымъ условіямъ, французское организованное рабочее движеніе пошло—и въ особенности идетъ за послѣднее время—далеко не тѣмъ путемъ, который предначертали ему слишкомъ упрощенныя формулы вульгаризаторовъ марксизма. Бѣглый историческій очеркъ можетъ дать представленіе о томъ, какъ постепенно создавалась во Франціи независимая *рабочая партія*,

которая объединение пролетариата строила на объединении его профессиональных организаций.

Поль Лунъ въ своей „Исторіи французскаго социализма“ отмѣчаетъ, что хронологически возрождение синдикальнаго, какъ его называютъ во Франціи, движенія предшествовало возрожденію социализма.

Почти на другой день послѣ Коммуны, говоритъ онъ, рабочія организациі пытаются возстановить свое существованіе и расширить свою дѣятельность ¹⁾.

Въ 1872 году были образованы 12-ю парижскими профессиональными организациями „Союзъ синдикатовъ“, немедленно же распущенный правительственной властью, несмотря на всю умѣренность и скромность его программы. Но профессиональныя организациі, вызываемыя къ жизни мощной силой тѣхъ условій, въ которыхъ находится рабочій классъ, продолжали образовываться и расти, вопреки всѣмъ препятствіямъ, вопреки тому, что законодательство не обезпечивало тогда свободы ихъ существованія. Въ 1876 году состоялся съѣздъ представителей различныхъ корпорацій рабочихъ, на которомъ приняли участіе 360 делегатовъ. Послѣ этого подобныя съѣзды стали повторяться ежегодно и именно на этихъ съѣздахъ социализмъ сдѣлалъ свои первыя завоеванія. Социализмъ, какъ теорія, пришелъ къ рабочему классу черезъ посредство профессиональныхъ союзовъ; въ нихъ онъ нашелъ единственно существовавшія тогда организаціонныя ячейки пролетариата, на которыя могла и должна была опереться социалистическая доктрина.

Пропаганда социалистовъ принесла свои первые плоды на корпоративномъ съѣздѣ рабочихъ 1878 года въ Лионѣ, гдѣ среди делегатовъ насчитывалось 8 коллективистовъ. Въ слѣдующемъ году на съѣздѣ въ Марселѣ социалистическая программа была уже принята 73 голосами противъ 27 ²⁾.

Я не буду продолжать дальше подробнаго историческаго анализа, такъ какъ онъ слишкомъ далеко увлечь бы насъ въ сторону. Исторія рабочихъ организациі и социалистическихъ партій съ 1880 года представляетъ собою исторію постоянныхъ расколовъ, вѣчнаго дробленія силъ; рисуетъ намъ картину чрезвычайно запутанныхъ и смутныхъ соотношеній между многочисленными фракціями. Но въ этомъ хаосѣ борьбы партій и борьбы отдѣльныхъ вождей не трудно выдѣлить двѣ основныя тенденціи.

Съ одной стороны, социалистическая партія, впервые выработавшая определенную программу въ 1880 году, постоянно раскалывалась на

¹⁾ Paul Louis. „L'histoire du socialisme français“. 1901.

²⁾ Необходимо при этомъ замѣтить, что марсельскій конгрессъ не былъ уже только съѣздомъ профессиональныхъ организациі, — на немъ получили представительство и политическія группы.

враждовавшия между собою фракціи и, по мѣрѣ того какъ вступала на путь парламентской дѣятельности, она постепенно ослабляла свою связь съ массовымъ движеніемъ рабочихъ. Происходила своего рода пульверизація социалистическихъ силъ.

Съ другой стороны, организованное профессиональное движеніе постепенно обособлялось отъ страшно ослабленныхъ такой пульверизаціей политическихъ социалистическихъ партій. Первоначально, какъ это было въ 1880 году на съѣздѣ въ Гаврѣ, отъ нея отказались наиболѣе отсталые элементы рабочаго движенія, не желавшіе связывать судьбу своихъ организацій съ революціонной дѣятельностью социалистовъ. Но затѣмъ это соотношение совершенно измѣнилось. Социалистическія фракціи теряли связь съ массовымъ движеніемъ параллельно и въ зависимости отъ того, какъ постепенно суживали свою работу рамками исключительно-парламентской дѣятельности и связанными съ нею выборами. Веденіе классовой борьбы стало переходить въ руки рабочихъ синдикатовъ, получившихъ послѣ изданія въ 1884 году закона о профессиональныхъ союзахъ чрезвычайно широкое развитіе, обособившихъ мало-по-малу свои организаціи отъ политическихъ партій и смѣло взявшихъ въ свои руки знамя революціонной пролетарской борьбы. Ростъ синдикатовъ достаточно краснорѣчиво говоритъ о мощности этого движенія. Въ 1885 году ихъ было всего 221, въ 1890—1.066, въ 1900—3.287. Число объединенныхъ въ нихъ рабочихъ опредѣлялось въ 1890 году въ 139.692 человека, въ 1900 оно возросло до 588.832 ¹⁾. Къ 1 января 1903 года официальная статистика насчитывала уже 4.934 синдиката съ 643.657 членами ²⁾.

Попытка социалистическихъ организацій объединить профессиональное движеніе подъ флагомъ политическихъ партій закончилась полной неудачей. Въ 1886 году была образована гѣдистами такъ называвшаяся „Федерація рабочихъ синдикатовъ Франціи“, но она окончательно распалась въ 1895 г., не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ печальнаго воспоминанія.

Между тѣмъ объединеніе синдикатовъ въ одну общую организацію, что лишало профессиональное движеніе неизбежнаго иногда въ первой стадіи его развитія кастоваго духа, шло своей самостоятельной дорогой. Синдикальное движеніе все болѣе и болѣе принимало характеръ широкаго классоваго движенія.

Объединеніе началось, главнымъ образомъ, съ образованія широкихъ мѣстныхъ союзовъ, группировавшихъ различные профессиональные синдикаты около получившихъ во Франціи широкое развитіе „Виржъ Труда“. Параллельно же съ этимъ, но болѣе медленно и съ большимъ трудомъ происходило объединеніе однородныхъ профессиональныхъ организацій въ широкія „національныя федераціи“.

1) H. Lagardelle. „L'évolution des syndicats“. 1901.

2) L. Barthau. „L'action syndicale“, стр. 15.

Эти двѣ самостоятельно разившіяся вѣтви получили скоро и общія организаціи.

Въ 1892 году была уже образована „Федерация Биржъ Труда“, объединившая всѣ подобныя учрежденія Франціи. Черезъ 10 лѣтъ, на съѣздѣ въ Алжирѣ, эта Федерация представлена была 83 Биржами Труда, объединившихъ въ общей сложности 1.112 синдикатовъ ¹⁾. Это была уже очень внушительная сила, въ особенности, если принять во вниманіе широкую дѣятельность Биржъ Труда, играющихъ очень крупную роль въ развитіи французскаго рабочаго движенія.

Въ 1895 году на съѣздѣ профессиональныхъ союзовъ въ Лиможѣ было положено основаніе новой широкой организаціи—„Всеобщей Конфедерации Труда“, которая составила изъ нѣсколькихъ десятковъ „національныхъ федераций“, т. е. союзовъ, объединявшихъ рабочихъ по профессіямъ. Въ 1900 году въ нее входили уже 16 такихъ федераций и больше 50 изолированныхъ синдикатовъ ²⁾. Но первое время существованія конфедерации не было для нея особенно благоприятнымъ. Только послѣ состоявшагося съѣзда въ Мошеле ³⁾, гдѣ произошло объединеніе Конфедерации Труда съ болѣе жизненной Федерацией Биржи, открывается настоящая эра усиленной дѣятельности и еще болѣе усиленнаго роста сплотившихся, наконецъ, въ одну общую организацію синдикатовъ. На слѣдующемъ конгрессѣ въ Буржѣ въ 1904 году Конфедерация Труда состояла уже изъ 53 федераций и въ общей сложности изъ 1860 синдикатовъ. Въ настоящее время эта организація включаетъ въ себя, по приблизительному подсчету, до $\frac{2}{3}$ всѣхъ организованныхъ въ профессиональные союзы рабочихъ, именно около 450.000 человекъ.

Конечно, всѣ эти данныя не могутъ еще отвѣтить вполне на вопросъ, какую же роль играетъ Всеобщая Конфедерация труда въ ходѣ рабочаго движенія. Но одно уже сравненіе приводимыхъ мною цифръ съ официальной статистикой социалистической партіи, которая къ 1 іюня 1906 года насчитывала всего на всего 46.000 членовъ, можетъ дать нѣвѣстное представленіе о значеніи той и другой организаціи.

Что касается программы Конфедерации Труда, то она, конечно, не можетъ удовлетворить тѣхъ, кто хотѣлъ бы видѣть въ ней полное выраженіе принциповъ научнаго социализма. Первый параграфъ ея устава говоритъ очень кратко о томъ, что Конфедерация объединяетъ рабочихъ для защиты всѣхъ ихъ интересовъ, ведетъ борьбу за „уничтоженіе наемнаго труда и института хозяевъ“.

¹⁾ X congrès de la fédération des Bourses du Travail. Compte-rendu. Paris. 1901.

²⁾ „Mouvement socialiste“. 1904. Октябрь-декабрь.

³⁾ „Mouvement socialiste“, январь 1903. „Congrès de la Confédération generale de Travail“.

Но о Всеобщей Конфедерации Труда, болѣе чѣмъ о чемъ-либо другомъ, надо судить не по ея словамъ, а по ея дѣламъ. Все дальнѣйшее изложеніе должно подтвердить вѣрность этой мысли. Оно покажетъ намъ, что Конфедерация Труда организовала и блестяще провела первую грандіозную стачку французскаго пролетаріата, выставивъ ея лозунгомъ уменьшеніе рабочаго дня. Оно же покажетъ намъ, что социалистическая партія не имѣла никакого отношенія къ этому движенію. Майская стачка 1906 года была приведена въ исполненіе рѣшенія съѣзда Конфедерации Труда. Вотъ почему, описывая эту стачку, нельзя было не начать со Всеобщей Конфедерации Труда и ея краткой исторіи.

Борьба за уменьшеніе рабочаго дня.

Рабочее законодательство французской республики, какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, значительно отстало не только отъ большинства западно-европейскихъ странъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ Россіи. Въ области законодательнаго ограниченія рабочаго дня это обстоятельство сказывается особенно ярко.

Декретомъ временнаго революціоннаго правительства въ 1848 году продолжительность рабочаго дня была ограничена 10 часами для Парижа и 11 часами для провинціи. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Національное Собраніе отменило этотъ декретъ, установивъ норму рабочаго дня въ промышленности въ 12 часовъ. Съ тѣхъ поръ эта норма продолжаетъ существовать, подвергаясь лишь нѣкоторымъ частичнымъ измѣненіямъ и, что всего хуже, продолжаетъ существовать въ значительной мѣрѣ лишь на бумагѣ. Законъ 30-го мая 1900 года уменьшилъ рабочій день для женщинъ и для рабочихъ, не достигшихъ 18 лѣтняго возраста—до 10 часовъ. Законъ 29-го мая 1905 года ограничилъ продолжительность работъ въ рудникахъ 9 часами ¹⁾.

Но наряду съ этимъ законодательство допускаетъ цѣлый рядъ исключеній въ обратную сторону. Ристъ въ своей монографіи о продолжительности рабочаго дня во Франціи утверждаетъ слѣдующее: „Законъ даетъ возможность при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ занимать рабочимъ именно въ промышленности по 14 и даже по 15 и 16 часовъ въ сутки“ ²⁾. Тотъ же Ристъ замѣчаетъ, что законъ фактически можетъ быть примененъ къ очень незначительному количеству предпріятій, что на практикѣ осуществленіе его встрѣчаетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ препятствій и что часто фабричные инспектора даже не могутъ, если бы они этого и хотѣли,

¹⁾ Это уменьшеніе производится постепенно и къ 1909 году должно достигнуть окончательной нормы въ 8 часовъ. Но англійскіе углекопы какъ, на примѣръ, въ Дуркгаймѣ работаютъ уже по 6 часовъ.

²⁾ Rist. „La journée du travail en France“. 1898. Стр. 92.

строго контролировать предпринимателей. Действительно, отчеты фабричных инспекторов постоянно констатируют многочисленные случаи злоупотреблений, доходящих иногда по своему характеру до настоящих преступлений. Такъ, въ 1895 году инспекторъ Визъ обнаружилъ въ Нормандіи одну бумажную фабрику, на которой рабочихъ заставляли работать по 24 часа подрядъ. Въ Бретани въ 1896 году фабричнымъ инспекторамъ были констатированы въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ рабочіе дни продолжительностью въ 15, 18, 20 и даже 36 часовъ! ¹⁾).

Если правительственный контроль вскрываетъ отъ времени до времени подобнаго рода нарушенія закона, то легко себѣ представить, насколько онъ распространенъ вообще и въ особенности въ той области, куда не заглядываетъ глазъ мало любопытнаго въ этомъ отношеніи фабричнаго инспектора.

Что касается, напримѣръ, тѣхъ отраслей труда, которыя законъ совсемъ лишаетъ своего покровительства, то даже официальная статистика даетъ достаточно краснорѣчивыя цифры. Служащіе въ магазинахъ и базарахъ работаютъ по 12, 14 и 16 часовъ въ сутки. Парикмахеры бываютъ заняты отъ 14 до 18 часовъ. Булочники, кондитеры, служащіе въ колбасныхъ и съѣстныхъ лавочкахъ работаютъ по 12, 15, 18 и даже 20 часовъ ²⁾, лакеи въ ресторанахъ и кафе по 13—18 часовъ въ сутки ³⁾.

Не менѣе продолжительна также и работа извозчиковъ, кондукторовъ на omnibusахъ и трамваяхъ, работа прислуги, и, наконецъ, всей той многочисленной арміи труженниковъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, тяжелыя условія жизни которыхъ ускользаютъ отъ наблюденія официальныхъ и неофициальныхъ статистиковъ.

Но уже одно то, что даютъ намъ эти статистики, позволяетъ сдѣлать опредѣленное заключеніе о продолжительности рабочаго дня во Франціи. Именно, онъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ промышленныхъ странъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи или Соединенныхъ Штатахъ ⁴⁾. Съ одной стороны, рабочій день длиннѣе, такъ какъ выше установленная закономъ норма, съ другой—явленіе общеизвестное въ рабочемъ движеніи всѣхъ странъ—рабочій день длиннѣе вопреки этому закону.

Здѣсь, конечно, не приходится останавливаться на томъ, какое значеніе имѣетъ вообще уменьшеніе рабочаго дня въ жизни рабочаго класса. Наивозможно короткій рабочій день—это своего рода прямая линия, соединяющая

¹⁾ Rapports pour 1895, стр. 196. Rapports pour 1896, стр. 192 и 288.

²⁾ Conseil superieur du travail. Rapports, documents. 1901, стр. 49, 58, 104.

³⁾ Bulletin d' office du travail. 1903, стр. 827.

⁴⁾ См. Pelloutier. „La vie ouvrière en France“ и L. March. „Les salaires et la durée du travail dans l'industrie française“. 1898.

Къ такому же выводу приходитъ и авторъ недавно вышедшей брошюры. M. Lecoq. „vers la journée des 8 heures“. 1906, стр. 89—106.

двѣ точки—исходный и конечный пункты рабочаго движенія,— и, такъ же, какъ въ геометріи, для насъ является нетребующей доказательствъ аксіомой та истина, что эта линія есть кратчайшее разстояніе, отдѣляющее эксплуатируемаго пролетаріата отъ свободнаго члена трудовога общества. Но я хочу еще остановить вниманіе читателей на томъ, какую роль вообще играетъ борьба за уменьшеніе рабочаго дня въ процесѣ организациі пролетарскихъ силъ. На мой взглядъ нельзя оцѣнить вполне правильно майскую стачку французскихъ рабочихъ, не установивъ предварительно вполне опредѣленную точку зрѣнія на этотъ вопросъ.

Марксъ въ главѣ „Капитала“ о рабочемъ днѣ даетъ такое опредѣленіе этой борьбы: „Въ исторіи капиталистическаго развитія,—говоритъ онъ,—нормировка рабочаго дня представляетъ собою борьбу между совокупнымъ капиталистомъ, т. е. классомъ капиталистовъ и совокупнымъ рабочимъ, т. е. классомъ рабочихъ“¹⁾. Несомнѣнно, уменьшеніе рабочаго дня, неизбежно влекущее за собою уменьшеніе резервной арміи безработныхъ и пониженіе нормы прибыли, гораздо сильнѣе затрагиваетъ общіе интересы капиталистовъ, чѣмъ, напримѣръ, частичныя повышенія заработной платы. Поэтому, какъ мы это увидимъ дальше на примѣрѣ майской стачки, борьба пролетаріата за короткій рабочій день оказывается достаточно сильнымъ стимуломъ для объединенія капиталистовъ въ союзы. Въ своихъ широкихъ проявленіяхъ эта борьба является своего рода „погромами“ капиталистической системы, противъ которыхъ немедленно же вооружается „самооборона“ капитала.

Еще большее значеніе имѣетъ организація рабочихъ силъ для успѣшной борьбы пролетаріата за нормированіе рабочаго дня. Въ силу самаго своего характера и значенія, эта борьба для рабочихъ представляетъ выполненіе чрезвычайно трудной задачи и они не могутъ браться за нее, не организовавшись предварительно въ широкіе и прочныя союзы. вмѣстѣ съ тѣмъ, а отчасти и вслѣдствіе этого, стремленіе уменьшить рабочій день есть стремленіе нѣсколько высшаго порядка, чѣмъ, напримѣръ, возникающее въ первой же стадіи рабочаго движенія, въ моментъ его появленія, стремленіе увеличить заработную плату. Борьба за короткій рабочій день предполагаетъ уже извѣстный культурный уровень массъ рабочихъ, извѣстную необходимость имѣть больше свободнаго времени для удовлетворенія возросшихъ и усложнившихся потребностей. И если борьбу рабочихъ за увеличеніе заработка можно сравнить съ первоначальной школой, въ которой они получаютъ свое пролетарское воспитаніе, то борьбу за короткій рабочій день можно назвать средней школой, которая даетъ имъ социалистическое образованіе.

Исторія стачекъ во Франціи является блестящимъ подтвержденіемъ вѣрности этого положенія: исторически оправдывается то, что сейчасъ

¹⁾ „Капиталъ“, т. I, стр. 175.

намъ представлялось вѣрнымъ теоретически. Мы видѣли только-что, какой чрезмѣрной продолжительностью отличается рабочій день во Франціи. И между тѣмъ, въ первой стадіи своего развитія рабочее движеніе, поскольку проявлялось въ стачкахъ, было направлено главнымъ образомъ въ сторону увеличенія заработной платы.

Въ періодъ 1868—1870 годовъ Франція впервые была охвачена сильной стачечной лихорадкой. Одинъ изъ публицистовъ того времени такъ опредѣляетъ ихъ характеръ: „Стачки почти всегда имѣютъ своей цѣлью увеличеніе заработной платы“¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку уже тогда выдвигалось рабочими требованіе уменьшить продолжительность ихъ работы, оно стремилось принять форму болѣе широкихъ, болѣе обобщенныхъ и координированныхъ дѣйствій. Нѣкій Надо, останавливаясь въ своихъ статьяхъ на этомъ вопросѣ, совѣтовалъ въ то время рабочимъ предъявить свое требованіе одновременно въ 20—30-ти городахъ²⁾. Но время для такой широкой манифестаціи тогда еще не пришло и долго еще послѣ того стачки съ требованіемъ уменьшить рабочій день занимали въ общемъ незначительное мѣсто въ общей стачечной борьбѣ пролетаріата. За періодъ съ 1875 года по 1889 во Франціи было въ общей сложности 1.404 стачки³⁾. Изъ 1.080 этихъ стачекъ можно выдѣлить слѣдующія ихъ группы: 447 стачекъ были вызваны требованіемъ увеличить заработную плату, въ 267 случаяхъ рабочіе боролись противъ уменьшенія платы и только въ 62 стачкахъ ими было выставлено требованіе уменьшить рабочій день; остальные стачки были вызваны другими поводами, которые мы сейчасъ оставляемъ въ сторонѣ. Такимъ образомъ, лишь 5,7% общаго количества стачекъ приходится на борьбу рабочихъ за нормированіе рабочаго дня. Этотъ ничтожный процентъ станетъ вполне объяснимымъ, если мы вспомнимъ, что движеніе было въ то время еще очень слабо и плохо организовано и что за тотъ же періодъ въ среднемъ 59% стачекъ оканчивались полной неудачей рабочихъ и лишь 21% ихъ можетъ быть отнесены къ числу вполне успѣшныхъ попытокъ рабочихъ улучшить свое положеніе.

Но и въ дальнѣйшемъ борьба за уменьшеніе рабочаго дня продолжаетъ занимать второстепенное мѣсто въ общемъ стачечномъ движеніи. Рисуется приводить, классифицируя стачки по вызвавшимъ ихъ поводамъ, слѣдующія данныя для періода 1890—1896 годовъ:⁴⁾

1) Musée Social. „Les grèves de la période 1869—1870“. Статья изъ не-
известной газеты отъ 22-го іюня 1869 г., подписанная Ch. Gaumont.

2) „Reveil“. 1869 г., декабрь.

3) Заимствую эти данныя у Victor Turquam. „Statistique des grèves“.

4) Bist. „La journée du travail en France“, стр. 128.

Увеличеніе заработной платы	322.735 стачечниковъ
Другіе вопросы заработной платы	134.711
Уменьшеніе рабочаго дня	100.064

Общее количество стачечниковъ за тотъ періодъ было—795.654 и такимъ образомъ уменьшеніе рабочаго дня требовали 12,5% ихъ. Наконецъ, имѣется статистика стачекъ за самое послѣднее время, составленная на основаніи официальныхъ данныхъ ¹⁾. Группируя ихъ, я получилъ слѣдующіе характерные результаты. Изъ общаго количества 4.270 стачекъ, имѣвшихъ мѣсто за время съ 1899 по 1904 годъ, 2.407, или 56,3% были направлены къ увеличенію заработной платы. Изъ 1.119.050 стачечниковъ, бастовавшихъ за тотъ же періодъ, 457.780, или 38,4%, приняли въ нихъ участіе. Характерно, что процентъ стачечниковъ ниже процента стачекъ: это показываетъ, что въ среднемъ каждая такая стачка охватывала сравнительно небольшое количество рабочихъ. Совершенно обратное отношеніе получается для стачекъ, направленныхъ къ уменьшенію рабочаго дня. Число ихъ опредѣляется за тотъ же періодъ всего въ 557, или 13% общаго количества стачекъ. Число принявшихъ въ нихъ участіе рабочихъ достигаетъ 378.512, или 318% общаго количества стачечниковъ. Ясно, какъ Божій день, что каждая такая стачка носитъ болѣе широкій, чѣмъ предыдущія, характеръ, охватывая въ среднемъ гораздо большее количество рабочихъ ²⁾.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ росли и крѣпли рабочія организациі, по мѣрѣ того, какъ возрастали сила и сознаніе организованнаго пролетаріата, борьба за нормированіе рабочаго дня принимала болѣе широкій, болѣе интенсивный характеръ. Мы видѣли, что за періодъ 1875—1889 гг. процентъ стачекъ, требовавшихъ этого нормированія, составляли всего 5,7%. Для періода съ 1899 по 1904 годъ этотъ процентъ возросъ до 13. Но одновременно съ этимъ повысился и процентъ успѣшныхъ стачекъ, что означало собою усиленіе рабочаго движенія, тогда какъ полныя неудачи стали составлять всего 42,13% общаго числа стачекъ вмѣсто прежнихъ 59%.

Нетрудно показать при помощи статистическихъ данныхъ, на которыхъ я здѣсь не стану останавливаться, что это усиленіе борьбы за короткій рабочій день приходится (и должно приходится) на долю тѣхъ профессій, гдѣ продолжительность рабочаго дня сравнительно съ другими меньше, гдѣ заработная плата выше и гдѣ рабочіе лучше организованы ³⁾.

Такимъ образомъ, передовые элементы рабочаго класса оказываются,—

¹⁾ „Mouvement socialiste“. 1906, мартъ. Статя секретаря Конфедерациі Труда Гриффюэля.

²⁾ Одна стачка углекоповъ 1902 года, требовавшихъ тогда 8-ми часового дня, охватила 115. 240 рабочихъ.

³⁾ Ср. Rist, стр. 134.

что, впрочем, надо было предположить и раньше,—наибольше энергичными борцами за нормирование рабочего дня, и вовлечение в эту борьбу все больше и больше широких масс отъмчает собою всегда усиление и развитие этих передовых элементов пролетариата, который стремится слиться с ними в одно неразрывное целое.

Выступление международного пролетариата в день 1-го мая выдвигает каждый год, как лозунг, объединяющий рабочий класс всего мира, требование 8-ми часового дня. Нет другого такого лозунга, который бы на почве немедленных реформ так осязательно и реально объединял бы всех рабочих и противопоставлял бы их, как отдельный класс, всему буржуазному обществу. Поэтому борьба за 8-ми часовую день является и превосходной школой, в которой пролетариат получает свое боевое воспитание. Но, понятно, ее воспитательное значение тем действительнее, тем больше действительно и самостоятельно принимают в ней участие широкие массы рабочих.

Принципиально требование 8-ми часового рабочего дня принималось на съездах всех широких профессиональных организаций Франции чуть ли не с момента их возникновения. Но поскольку за этими съездами не стояли достаточно широкие массы организованных рабочих, их воти оставались платоническими пожеланиями избранных рабочего класса, не давая положительных воспитательных результатов. Наконец, в 1904 г. на съезде в Бурже Всеобщая Конфедерация Труда постановила подготовить и начать с мая 1906 года широкое движение с целью понизить продолжительность рабочего дня и объединить его одним общим лозунгом „8 часов!..“

Дальнейшее изложение покажет нам, какое значение эта кампания организованной классово борьбы имела для французского пролетариата. Сейчас же мы можем, руководствуясь всем вышесказанным, сделать следующее заключение: попытка начать широкое движение в пользу уменьшения рабочего дня говорить уже о том, что объединение рабочих синдикатов около Конфедерации Труда, действительно, создавало своего рода рабочую партию, партию класса, силы которой выросли не только количественно, что мы констатировали в предыдущей главе, но и качественно.

В течение 18 месяцев пролетариат готовился показать эту силу к 1 мая 1906 года. В этом заключается сущность майской стачки французских рабочих, и буржуазный мир очень быстро и правильно оценил всю серьезность, всю революционность готовившегося движения. Я не смогу лучше изобразить создававшегося тогда положения, чем это сделал один сотрудник довольно консервативной газеты „Temps“. Незадолго до 1-го мая он писал в ней: „В нашей стране желание не создавать затруднений для правительства превратило день первого мая в праздник. Рабочие

почти не бастовали, а собирались по вечерамъ въ театральныхъ залахъ... Такимъ образомъ, оправдывались слова Бриддзона: первое мая угрожаетъ превратиться въ праздникъ пѣсентъ. Но Конфедерація Труда бодрствовала. Она приняла священное знамя изъ рукъ обанкротившихся социалистовъ и на конгрессѣ въ Буржѣ заявила, что возьметъ въ свои собственныя руки соблюденіе покинутыхъ традицій. Съ нею первое мая перестаетъ быть „жуткой“¹⁾.

Подготовительная работа.

Международный социалистическій конгрессъ 1889 года постановилъ устраивать 1-го мая во всѣхъ странахъ манифестацію пролетарскихъ силъ, сдѣлавъ однимъ изъ ея лозунговъ 8-ми часовой рабочей день. Въ слѣдующемъ же году французская социалистическая партія сдѣлала первую попытку провести въ жизнь это рѣшеніе. Руководимая Ж. Гэдомъ „Федерация рабочихъ синдикатовъ Франціи“, о созданіи и гибели которой я уже говорилъ въ первой главѣ, организовала 1-го мая 1890 года забастовку и, помимо этого, постановила предъявить къ законодательной власти требованіе введенія 8-ми часового дня. Манифестъ федерации, выпущенный по этому поводу въ концѣ апрѣля, говорилъ: „Всѣ борющіеся за независимость рабочаго класса, къ какой бы политической школѣ они ни принадлежали, должны объединиться вмѣстѣ и обратиться къ палатѣ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы получить отъ народныхъ представителей рѣшительный отвѣтъ на наши справедливыя требованія“.

1-го мая депутація изъ 12 человекъ, въ числѣ которыхъ были Вальянъ и Гэдъ, прошла по переполненной народомъ и полиціей площади Со-гласія, проникла благополучно въ палату депутатовъ, была очень любезно принята президентомъ ея Флокэ и вручила ему петицію, требовавшую 8-ми часового дня и подписанную 82 рабочими синдикатами. Но затѣмъ все быстро вошло въ обычную колею, петиція была положена подъ сукно и на слѣдующій годъ, въ день 1-го мая, снова пришлось посылать новую делегацію, писать новую петицію. И снова парламентъ не простеръ своей внимательности дальше желанія выслушать петиціонеровъ. Хуже того. Когда въ 1891 году во время майской манифестаціи въ Фурми былъ произведенъ разстрѣлъ безоружной и мирной толпы рабочихъ, то министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчая на запросъ социалистовъ и защищая офицера, отдавашаго приказаніе стрѣлать, заявилъ съ министерской трибуны: „Я посылаю тому, кто для выполненія своего долга вынужденъ былъ, къ несчастью, сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, выраженіе своего глубокаго уваженія“. Большинство палаты апплодировало этимъ словамъ я, когда социалистъ Эрнестъ Рошъ среди грома апплодисментовъ крикнулъ въ отвѣтъ

¹⁾ „Temps“, 27-го апрѣля 1906.

министру: „Этот человек—убійца!“, то они же исключили его временно из своего состава ¹⁾). Таковъ былъ „рѣшительный отвѣтъ народныхъ представителей“, котораго ждала федерація рабочихъ синдикатовъ.

Я привелъ эту историческую справку не съ тою, конечно, цѣлью, чтобы доказать невозможность или ненужность законодательнаго вмѣшательства въ нормированіе рабочаго дня. Противъ такого анархическаго, по своему существу, разрѣшенія вопроса протестуетъ вся исторія рабочаго движенія, и теоретически социалисты были совершенно правы, указывая пролетаріату на необходимость закрѣпить законодательнымъ путемъ короткій рабочій день ²⁾. Но въ то же время ихъ историческій опытъ позволяетъ намъ сдѣлать другой крайне поучительный выводъ.

Всякій законъ можетъ быть провотированъ парламентомъ и, болѣе того, можетъ войти въ жизнь и не остаться мертвой буквой только въ томъ случаѣ, если рабочій классъ *вне парламента* представляетъ собою достаточно серьезную, организованную силу, способную оказывать воздѣйствіе на всю совокупность политическаго организма страны. Никакія делегации, никакіе представители, какими бы выдержанными социалистами они ни были, не въ состояніи замѣнить эту коллективную силу организованныхъ рабочихъ массъ. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомѣнію, что эта сила въ началѣ девяностыхъ годовъ находилась еще только въ зачаточномъ состояніи.

Затѣмъ—и это самое главное—перенесеніе центра тяжести борьбы за 8-ми часовую день на посылку делегаций въ парламентъ, что являлось логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слабости организованнаго рабочаго движенія, лишало тогда майскія манифестаціи ихъ самаго главнаго смысла—ихъ воспитательнаго значенія. Классовое революціонное воспитаніе пролетаріатъ получаетъ только въ процессъ своей собственной борьбы, только по мѣрѣ того, какъ растетъ и развивается его *самодѣятельность*. Это, конечно, азбука революціонной пролетарской педагогики. Но противъ этой азбуки погрѣшила—мы не можемъ обвинять въ этомъ вождей—исторія французскихъ социалистическихъ организацій. По мѣрѣ того, какъ они отрывались отъ массоваго движенія, дробились на фракціи и переносили центръ тяжести своей борьбы въ плоскость парламентской дѣятельности, они теряли возможность руководить воспитаніемъ пролетаріата въ его майскихъ выступленіяхъ.

Уже въ 1891 году, вслѣдствіе обострившихся расколовъ среди социалистовъ, въ палату депутатовъ явилось сразу три депутаціи. По мотивамъ чисто формальнаго характера ихъ отказались принять всѣхъ вмѣстѣ и депутаты ушли, выразивъ свой протестъ и унося съ собой свои петиціи.

¹⁾ „Journal des Debats“, 3-го мая 1892 г.

²⁾ Смотри манифестъ „Французской рабочей партіи“, выпущенный въ апрѣлѣ 1891 г. и подписанный Гэдомъ и Лафаргомъ.

Дальнѣйшее раздробленіе социалистическихъ силъ еще болѣе ослабило ихъ первомайскія выступленія. Въ 1893 году „Journal des Débats“ пишетъ: „Еще одно такое первое мая—и социалистическій праздникъ исчезнетъ окончательно“. Въ 1895 году социалисты оставляютъ, наконецъ, совершенно посылку делегацийъ въ парламентъ и ограничиваются устройствомъ собраній „при закрытыхъ дверяхъ“, какъ характеризуютъ ихъ нѣкоторыя газеты того времени.

Правда, то было время, когда во Франціи свирѣпствовало реакціонное министерство Шарля Дюпюи, когда подавляли всякія широкія проявленія рабочаго движенія и когда роялисты устраивали большіе митинги, кончавшіеся при крикахъ „да здравствуетъ король“¹⁾. Но съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, сила реакціи окончательно сломлена и республика спасена, а участіе социалистической партіи въ майскихъ манифестаціяхъ еще болѣе уменьшилось. Не трудно показать, что въ 1906 году это участіе фактически свелось къ нулю: партія ограничилась выпускомъ наканунѣ перваго мая традиціоннаго манифеста—и это было все. Ни одного собранія не было устроено социалистами въ Парижѣ въ день 1-го мая. Да и не для кого было ихъ устраивать, такъ какъ рабочіе шли на собранія, устроенныя ихъ синдикатами. Парламентскій социализмъ оказался въ этотъ день виѣ организованнаго рабочаго движенія.

Послѣ этой небольшой экскурсіи въ область исторіи намъ станетъ вполне понятной та тактика, которую приняла конфедерация труда въ подготовкѣ майской стачки. Мысль объ обращеніи съ петиціями къ законодательной власти была совершенно отброшена синдикалистами. И дѣйствительно, если это обращеніе нужно только для того, чтобы освѣдомить палату депутатовъ о требованіяхъ рабочихъ, то это происходитъ само собою, и нѣтъ нужды организовывать движеніе около такого лозунга. Наоборотъ, его успѣхъ зависитъ цѣлкомъ отъ концентраціи всего вниманія пролетаріата на широтѣ и размахѣ общерабочей манифестаціи. Это единственно надежный способъ вырвать у буржуазныхъ парламентовъ необходимые законы²⁾. Вмеѣстѣ съ тѣмъ это единственно правильный путь революціоннаго воспитанія и развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Съѣздъ въ Буржѣ, принявъ опредѣленное рѣшеніе подготовить къ 1 мая 1906 года широкое движеніе въ пользу 8 часового дня, назначилъ специальную комиссію „восьми часовъ“, задачей которой было

1) 30-го апрѣля 1895 г. въ Тулузѣ на одномъ такомъ митингѣ присутствовало болѣе 1000 человекъ. Въ то же время энергично дѣйствовала подъ покровительствомъ министерства „лига антисемитовъ“.

2) Яркимъ примѣромъ можетъ служить стачка австрійскихъ углекоповъ 1900 года. Въ результатѣ отчаянной борьбы 60.000 рабочихъ, не бывшихъ въ состояніи добиться уступокъ отъ предпринимателей, парламентъ провозгласилъ неожиданно для всѣхъ 9-ти часовой рабочей день. См. докладъ амстердамскому конгрессу.

изучение вопроса и подготовки пропаганды. Надо замѣтить, что вся организация конфедерации труда построена на принципѣ федерализма и что каждая ея составная часть пользуется самой широкой автономіей. Конфедеральный комитетъ, ея исполнительный органъ, и коммиссія „восьми часовъ“ не имѣла поэтому въ числѣ своихъ задачъ организационное руководство всѣмъ готовившимся движеніемъ. Они должны были только объединить его, внося извѣстное единство дѣйствія въ пропаганду и агитацию. Синдикаты же и ихъ федераціи оставались совершенно свободными и самостоятельными въ организациіи своихъ выступленій.

Такое положеніе вещей принесло прекрасные результаты и значительно опредѣлило собой широту майской стачки. Подготовка движенія фактически была перенесена на периферіи Всеобщей Конфедерации Труда, толкая и развивая такимъ образомъ самостоятельность составляющихъ ея элементовъ. Съ сентября 1904 года по май 1906 всѣ съѣзды отдельныхъ профессій обсуждали и вырабатывали свою программу дѣйствій, всѣ отдѣльные союзы опредѣляли болѣе точно, примѣнительно къ мѣстнымъ и специальнымъ условіямъ, ту почву, на которой они могли попытаться осуществить общій лозунгъ.

Восьмичасовой рабочий день былъ, да и долженъ былъ быть, только общей формулой, за которой скрывалось требованіе немедленнаго уменьшенія рабочаго дня. Синдикалисты не могли скрывать отъ себя, что переходъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ отъ 15 и 16 часового дня къ 8-ми часовому не можетъ быть дѣломъ одной стачки¹⁾. Но это не должно было уничтожать агитационнаго значенія лозунга „восьми часовъ“, который конфедерация труда несла по всѣмъ профессіямъ, по всѣмъ группамъ рабочихъ. Этотъ лозунгъ долженъ былъ стать принципиально лозунгомъ всего движенія, всѣхъ его элементовъ, и въ этомъ синдикалисты добились полнаго успѣха. Отдѣльныя группы рабочихъ видоизмѣняли предъявлявшіяся ими требованія. Такъ, напримѣръ, съѣздъ федераціи рабочихъ книжнаго дѣла въ 1905 году постановилъ добиваться въ маѣ мѣсяцѣ немедленнаго введенія 9-ти часового дня, но въ принципѣ выставилъ требованіе „восьми часовъ“. Извѣстное разнообразіе вносило и то обстоятельство, что нѣкоторые синдикаты, какъ, напримѣръ, рабочихъ, занятыхъ въ винодѣліи на югѣ Франціи и сейчасъ уже работающихъ *меньше* 8 часовъ, выдвинули требованіе 6-ти часового дня²⁾. Но это разнообразіе цифръ несколько, конечно, не уничтожало основного характера всей задачи, которую ставили себѣ рабочіе. Я не стану нагромождать примѣровъ, показывающихъ, насколько оживленную дѣятельность развила за этотъ періодъ

¹⁾ Такъ стоялъ вопросъ, напримѣръ, передъ многочисленными синдикатами дровосѣковъ центра Франціи. См. „La Voix du Peuple“, 12-го марта 1905.

²⁾ „La voix du peuple“, декабрь, 1905.

периферія профессиональныхъ организацій. Приведу лишь нѣсколько наиболее характерныхъ. Биржа Труда въ Неврѣ, съ цѣлью вовлечь въ движеніе возможно болѣе широкія массы, организовавъ въ августѣ мѣсяцѣ съѣздъ изъ представителей всѣхъ рабочихъ союзовъ цѣлаго департамента. Этотъ съѣздъ обсуждалъ исключительно вопросъ о майской стачкѣ. Федерация рабочихъ металлургической промышленности за нѣсколько мѣсяцевъ устроила около 150 агитаціонныхъ собраній болѣе, чѣмъ въ ста различныхъ городахъ. Федерация рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ пищевыхъ продуктовъ, гдѣ рабочий день отличается особенной продолжительностью, выдвинула вопросъ о праздничномъ отдыхѣ, этомъ необходимомъ дополненіи короткаго рабочаго дня. Цѣлый рядъ большихъ митинговъ, устроенныхъ въ Парижѣ, Мишѣ, Реннѣ, Тулузѣ и другихъ городахъ, постановляетъ присоединяться къ майскому движенію съ требованіемъ установленія обязательнаго праздничнаго отдыха ¹⁾).

Какими были результаты такой широкой и усиленной работы въ массахъ, можетъ дать нѣкоторое представленіе тотъ фактъ, что количество синдикатовъ, примыкающихъ къ конфедерации труда, возрасло съ 1800 до 2500. За одинъ этотъ подготовительный періодъ.

Съ своей стороны конфедеральный комитетъ и комиссія „восьми часовъ“ исполняли въ это же время возложенныя на нихъ задачи. Ими было выпущено нѣсколько манифестовъ и брошюръ специально по вопросамъ 8-ми часового дня и праздничнаго отдыха. Центральныи органъ конфедерации— „Голосъ Народа“—служилъ інформаціоннымъ и агитаціоннымъ вѣданіемъ, обслуживавшимъ готовившееся движеніе. Наконецъ, начиная съ декабря 1905 года Конфедеральный комитетъ предпринялъ устройство повсемѣстныхъ митинговъ, для чего были разосланы по всей Франціи профессиональные агитаторы. Специально было обращено также вниманіе на устройство собраній для рабочихъ, которые не были объединены въ союзы и оставались поэтому внѣ организаціоннаго воздѣйствія синдикатовъ.

Такъ, наиримѣръ, въ Парижѣ были устроены митинги специально для иностранныхъ рабочихъ, на которыхъ говорили ораторы всевозможнѣйшихъ національностей и на всевозможнѣйшихъ языкахъ.

Для поддержки всей этой пропаганды синдикаты вносили въ теченіе 18 мѣсяцевъ въ кассу конфедеральнаго комитета особые взносы, не превысившіе, правда, въ общемъ 14.000 франковъ. Въ отношеніи денежныхъ средствъ французскіе синдикаты вообще гораздо бѣднѣе какъ германскихъ профессиональныхъ союзовъ, такъ, конечно, и англійскихъ трэдъ-юнионовъ, этихъ плутократовъ пролетарскаго міра.

¹⁾ Надо замѣтить, что во Франціи закономъ такой отдыхъ для рабочихъ не установленъ и что проектъ его, принятый палатой депутатовъ еще въ 1902 году, до сихъ поръ не получилъ санкціи сената.

Таковы преимущества двухпалатной системы!

Но этот недостаток в деньгах французские синдикаты с избытком возмещают своей революционной энергией, которой такъ бедны нѣмецкіе и англійскіе союзы. И надо признать, что для пролетариата имѣеть гораздо больше дѣйствительной цѣнности именно эта монета, безъ помощи которой онъ никогда не сумѣетъ купить себѣ полное освобожденіе.

Правительство французской республики прекрасно поняло, что начавшееся движеніе сильно содѣйствуетъ повышенію этой цѣнности и немедленно же приняло мѣры. Биржи Труда, которыя служили повсюду очагами броженія и при большинствѣ которыхъ были образованы мѣстные комитеты „восьми часовъ“, обратили на себя особенное вниманіе властей. Пользуясь тѣмъ, что всѣ эти Биржи существуютъ на выдаваемые имъ субсидіи, противъ нихъ начали въ 1905 году настоящій походъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это было въ Санъ-Рафаэлѣ, дѣло доходило до закрытія Биржи; въ другихъ—изъ нихъ изгонялись „неблагонадежные элементы“. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года изъ парижской Биржи Труда была удалена имѣвшая до тѣхъ поръ тамъ свое постоянное помѣщеніе Всеобщая Конфедерація Труда и всѣ ея учрежденія. Это совершенно достаточно оцѣниваетъ роль и значеніе этой организаціи. Встревоженный буржуазный міръ увидѣлъ въ ней корень зла, главнаго виновника того, что на парижской Биржѣ Труда красовалась гордая надпись, формулировавшая своими большими красными буквами весь революціонный смыслъ начинавшагося движенія: „Съ 1-го мая 1906 года мы не будемъ работать больше 8-ми часовъ въ сутки“.

Мѣсяць гражданской войны.

Чѣмъ болѣе приближался день перваго мая, тѣмъ болѣе увеличивался страхъ буржуазіи. Реакціонная и консервативная печать въ одинъ голосъ кричала о приближающемся крушеніи общества. „*C'est la revolution qui vient*“—озаглавливаетъ свои статьи по этому поводу одна большая газета. Въ этихъ пророчествахъ, несомнѣнно, была значительная доля провокаторской политики. Подымавшаяся волна рабочаго движенія настолько пугала друзей порядка, что они стремились сами вызвать беспорядки, въ надеждѣ на ихъ кровавое подавленіе и усмиреніе борющагося пролетариата. Только этимъ можно объяснить тѣ экстраординарныя предохранительныя мѣры, которыя были приняты правительствомъ. Повсюду во Франціи города съ большимъ рабочимъ населеніемъ были превращены въ военные лагеря. Въ одинъ Парижъ было переведено 50.000 войскъ и гарнизонъ его вмѣстѣ съ полиціей былъ доведенъ до 90.000 вооруженныхъ людей. Торжественно было объявлено заранѣе, что всякая попытка устроить уличную манифестацію будетъ безпощадно подавлена. Характерно то, что по соглашенію съ русскимъ и германскимъ правительствами было

зваты даже войска отъ границъ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, что означала опасность вторженія пруссаковъ, которой такъ часто шовинисты пугаютъ страму, передъ опасностью выступленія внутренняго врага—рабочаго класса! Но мало было того, что рабочихъ заранѣ пугали вооруженной силой и размѣщали войска въ обычныхъ помѣщеніяхъ рабочихъ собраний; мало было приготовленнаго свинца и пороха, и правительство пустило въ ходъ обычный козырь всѣхъ шулеровъ политической игры, всегда держащихся известнаго правила: „Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose“. Претивъ рабочихъ организацій была пущена въ оборотъ клевета. За нѣсколько дней до 1-го мая были арестованы два секретаря конфедераціи труда—Гриффюэль и Леви—и секретарь комиссіи „восьми часовъ“ Монать. Такой выборъ достаточно краснорѣчиво говорить о настоящей цѣли арестовъ. Но для отвода глазъ одновременно съ обыскомъ въ Конфедераціи Труда были произведены обыски и аресты нѣкоторыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ претендентомъ на французскій престолъ, какъ, напримѣръ, графъ Ворегаръ и редакторъ монархической газеты „Autorité“ Виберъ. Въ обращеніе пускается грязный слухъ о тайныхъ сношеніяхъ синдикалистовъ съ бонапартистами и поддержкѣ послѣдними рабочаго движенія. Ясно, конечно, что призракъ монархіи былъ вызванъ съ единственной цѣлью спасти буржуазную республику отъ рабочей революціи ¹⁾. Но игра была слишкомъ откровенна, ея ничего нельзя было обмануть, и Гриффюэль былъ вполнѣ правъ, когда, говоря о мнѣческомъ заговорѣ, писалъ:

„Pas fort Clemenceau; ça manque d'esprit“.

Если у правительства нехватило разума на болѣе тонкую игру, то у него оказалось достаточно смѣлости, чтобы пустить противъ мирнаго, по своей формѣ, движенія рабочихъ всю собранную имъ военную и полицейскую силу и всѣми средствами затормазить начинавшуюся стачку. Кампанія, которую нельзя иначе назвать, какъ „скрытой гражданской войной“, началась съ первомайской манифестаціи.

Парижъ, гдѣ движеніе было, конечно, особенно сильнымъ, представлялъ собой въ день 1-го мая видъ города, покинутаго жителями и осажденнаго непріателемъ. Буржуазія заранѣ приготовилась къ этому. Капиталисты жервели часть своихъ капиталовъ въ заграничные банки, обыватели опасались провиніей на цѣлыя недѣли и боялись выглянуть дальше порога своей квартиры. Но если въ главныхъ частяхъ города царилъ тишина и безмолвіе ²⁾, еще болѣе увеличенныя всеобщей забастовкой извозчиковъ,

¹⁾ Такой методъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ далеко не новъ. Въ 1890 году была также распространена клевета объ участіи бонапартистовъ въ подготовкѣ майской манифестаціи.

²⁾ Насколько въ городѣ остановилась въ этотъ будничныи день нормальная жизнь, показываютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры. Метро-

то въ рабочихъ кварталахъ господствовало необычайное оживленіе. Отряды войскъ и полиціи занимали тамъ, по выраженію одного администратора, „всѣ стратегическіе пункты“. Флаги Краснаго Креста развѣвались надъ заботливо устроенными въ громадномъ числѣ походными медицинскими пунктами. Недоставало, однимъ словомъ, только пулеметовъ...

Толпы рабочихъ, въ громадномъ числѣ бросившихъ въ этотъ день работу, двигались по улицамъ, направляясь къ мѣстамъ своихъ собраний. На площади Республики, расположенной около Биржи Труда, центра всѣхъ собраний, въ теченіе цѣлаго дня ходили (стоять было строго запрещено) буквально сотни тысячъ людей. Это была внушительная манифестация, какъ ни старалась полиція, разгоняя и избивая собравшихся зрителей, помѣшать ея осуществленію. Насколько были велики старанія полиціи, можно судить по тому, что за одинъ этотъ день было арестовано до 900 человекъ, 60 получили серьезные ушибы отъ кудаконъ и сапоговъ разсвирѣпѣвшихъ полицейскихъ, около 15 человекъ были ранены холоднымъ оружіемъ въ то время, какъ разгоняли толпу мирно выходившихъ изъ Биржи Труда рабочихъ. Арестованныхъ, девять десятыхъ которыхъ были въ тотъ же вечеръ освобождены, за неизмѣнимъ какихъ бы то ни было уликъ, пропускали на чисто русскій манеръ сквозь строй, продѣлывали то, что французы называютъ „passage au tabac“. Таково было празднованіе перваго мая въ демократической республикѣ. Правда, въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, какъ, напримѣръ, въ Лионѣ, Брестѣ, Марселѣ состоялись настоящія манифестации и по улицамъ ходили кортежи изъ 2000—3000 человекъ. Но это не имѣло общаго характера дня перваго мая. Повсюду—аттаки кавалеріи, многочисленные аресты, избіенія манифестантовъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, не имѣвшихъ много назначенія, какъ провоцированіе рабочихъ на эксцессивные поступки. Тысячу разъ правъ былъ одинъ товарищъ, когда онъ писалъ на другой день въ „L'Humanité“: „Можно только удивляться тому, какъ рабочіе вели себя, несмотря на все это, относительно спокойно“.

Такое спокойствіе было проявленіемъ организованной силы пролетаріата, и ей должны мы отдать дань своего удивленія. Менѣе, чѣмъ чеголбо другого, хотѣли въ этотъ день рабочіе вооруженныхъ ствагокъ съ полиціей; менѣе всего готовились они къ возстанію и революціи. Синдикалисты даже не разсматривали готовившагося движенія, какъ попытки устроить всеобщую стачку, такъ какъ не скрывали своихъ дѣйствительныхъ силъ. И своимъ спокойствіемъ рабочіе съ достоинствомъ отвѣтили на провокаторскую политику властей: у насъ есть сейчасъ опредѣленная цѣль и мы найдемъ къ ней своимъ путемъ, а не тѣмъ, на который насъ хотятъ

политѣнъ 29-го апрѣля выручилъ 88.519 фр., 1-го мая 46.559 фр. Компанія омнибусовъ въ тотъ же день сдѣлала только половинную, по сравненію съ обычной, выручку.

толкнуть наши враги. Возникшая вслѣдъ затѣмъ грандіозная стачка прекрасно доказала это.

Такимъ образомъ, первое мая не оправдало надеждъ реакціи и только обнаружило лишній разъ позорную трусость и слабость буржуазіи. Ничего не можетъ быть характернѣе въ этомъ отношеніи, какъ откровенное признаніе одной очень распространенной буржуазной газеты. „Это бѣгство изъ города передъ возможностью безпорядковъ,—писала она черезъ два дня послѣ 1-го мая,—эти запасы провизіи, сдѣланные точно передъ долгой осадой, обнаружены, къ сожалѣнію, удивительное моральное безсиліе“¹⁾.

Первое мая, однако, было только первымъ шагомъ къ тому, что давно готовила Всеобщая Конфедерация Труда. Въ этотъ день бастовали нѣкоторыя группы рабочихъ, какъ, напримѣръ, парижскіе извозчики только для выраженія своей солидарности, не имѣя возможности начать тогда же борьбу за дѣйствительное уменьшеніе рабочаго дня. Они, такимъ образомъ, только заявили о своемъ требованіи.

Но уже за нѣсколько дней до 1-го мая другія профессіи, какъ, напримѣръ, федерация рабочихъ печатнаго дѣла, синдикатъ ювелировъ и пр. начали стачку за сокращеніе рабочаго дня. Со 2-го мая это долго готовившееся стачечное движеніе начинаетъ съ необычайной силой распространяться по всей Франціи, охватывая многочисленныя и самыя разнообразныя профессіи, проникая въ самыя глухіе углы.

Интересно, что въ этомъ движеніи приняли участіе также и сельскохозяйственныя рабочіе. Въ департаментъ Сены и Марны, въ центрѣ и на югѣ Франціи, возникаетъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ стачекъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочими было выставлено требованіе 8-ми и даже 6-ти часового дня.

Къ 10-му мая число стачечниковъ, постепенно увеличивавшееся, въ одномъ Парижѣ достигло 150.000. Немного повдигше оно уже превышало 200.000. Общее количество рабочихъ, принявшихъ участіе въ движеніи, сейчасъ не можетъ быть опредѣлено точно, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ, приближительное число ихъ должно быть очень недалеко отъ *милліона*, въ особенностъ, если принять во вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто принялъ въ немъ участіе лишь выраженіемъ солидарности — однодневной забастовкой первого мая,—а также тѣхъ, кто, не устраивая забастовки, какъ, напримѣръ, парикмахеры, булочники, энергично дѣйствовали въ это же время въ пользу осуществленія обязательнаго еженедѣльнаго отдыха. Кромѣ того, не надо забывать, что въ стачкѣ принимали участіе послѣдовательно различныя корпораціи и что на мѣсто оставившихъ борьбу являлись новыя

1) „Petit Parisien“, 3-го мая 1906.

группы стачечниковъ. Къ 25-му мая полиція опредѣлила число бастовавшихъ въ Парижѣ рабочихъ въ 43.274. Но того же 25-го мая только что начали борьбу за 10-ти часовую день многочисленныя рабочіе и работницы прачечнаго дѣла.

Для того, чтобы дать нѣкоторое представленіе о грандіозности этой борьбы, можно сравнить ее съ среднимъ количествомъ стачечниковъ, зарегистрированныхъ оффиціальной статистикой за прежніе года. Именно, за періодъ 1890—1898 годовъ это среднее количество составляло 83.085 чел. ¹⁾ за періодъ 1899 по 1904 это число было 186.508 ²⁾. Въ 1904 году, когда число стачечниковъ было выше, чѣмъ за всѣ предыдущіе года, оно достигло 271.097. Ничего равнаго, такимъ образомъ, майской стачкѣ Франція никогда еще не видала.

Въ первыхъ числахъ іюня стачечное движеніе уже замѣтно пошло на убыль, и къ 10-му іюля число бастовавшихъ рабочихъ не превышало уже обычной нормы, свойственной спокойнымъ періодамъ никогда не останавливающейся борьбы пролетаріевъ. Движеніе было окончено.

Полная исторія его можетъ быть темой для цѣлой монографіи. Нѣтъ возможности дать въ краткой статьѣ достаточно наглядную картину этой грандіозной стачки, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, это не была одна стачка, а скорѣе безчисленное количество отдѣльныхъ и разнообразныхъ стачекъ, объединенныхъ по времени и по одной общей цѣли, которую онѣ преслѣдовали. Въ Парижѣ, Сентъ-Этьенѣ, Лионѣ, Марселѣ, Лиллѣ, Тулузѣ, Врестѣ, Лиможѣ и тысячахъ другихъ городовъ Франціи рабочіе бросали работу и предъявляли требованія съ внѣшней, формальной стороны, отдѣльно и независимо отъ своихъ товарищей другихъ профессій и другихъ мѣстностей. Но организуя *врозь* свою борьбу, они, по существу, *вмѣстѣ* нападали на общаго врага, выставляя повсюду одинъ и тотъ же лозунгъ—уменьшеніе рабочаго дня. Кромѣ того, поскольку Конфедерация Труда объединяла все это движеніе, постольку оно носило и характеръ организационнаго единства. Можетъ быть, можно было пожелать вообще, чтобы этого единства было больше, но такое пожеланіе для даннаго момента было бы совсѣмъ нежелательно. Нужна очень и очень высокая степень организованности для того, чтобы извѣстная централизація руководства не тормазила самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ частей организаціи и не препятствовала проявленію съ ихъ стороны максимума энергіи. Кромѣ того, поскольку существуетъ разнообразіе входящихъ въ нее частей, постольку неизбѣжно должно сохраниться и разнообразіе дѣйствій.

Впрочемъ, результаты, достигнутыя майской стачкой, достаточно крас-

¹⁾ Uhry. „Les grèves en France“. 1903, стр. 55.

²⁾ „Mouvement socialiste“, мартъ 1906 г.

норѣчиво говорятъ о томъ, что при всей своей раздробленности она имѣла полный возможный успѣхъ. Она была фактически настоящей гражданской войной между двумя непримиримо-враждебными классами и ясно опредѣлила позицію каждаго изъ нихъ. Незадолго до перваго мая Клемансо сказалъ довольно окровенно представителямъ Конфедераціи Труда: „Мы не находимся съ вами по одну сторону баррикадъ“. Дальнѣйшія событія только подтвердили эти слова, воздвигнувъ своего рода баррикаду между буржуазной республикой и социалистическимъ пролетариатомъ. Въ этомъ—все значеніе майскаго движенія.

Правительство, во главѣ котораго, точно по ироніи судьбы, стояли радикаль-соціалистъ Клемансо и соціалистъ Брианъ, постаралось дать рабочему классу хорошій политическій урокъ. Послѣ перваго мая войска не только не были удалены, а, наоборотъ, подкрѣплены новыми отрядами, и на всемъ пространствѣ Франціи, вмѣстѣ съ полиціей, обращены въ орудіе подавленія стачки. По улицамъ разъѣзжали патрули, заводы охранялись войсками, малѣйшія группы стачечниковъ на улицахъ разгонялись полиціей. Аресты, избиенія, высылки иностранныхъ рабочихъ, жестокіе судебные приговоры,—все было пущено въ ходъ для того, чтобы подъ флагомъ такъ называемой „свободы труда“ защитить „свободу эксплоатаціи“. До чего доходило дѣло, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, Пюто, гдѣ было всего 2.000 стачечниковъ, власти размѣстили, по просьбѣ маркиза Діона и другихъ предпринимателей, не болѣе не менѣе, какъ 6.000 солдатъ. 3 вооруженныхъ челоѣка на одного безоружнаго рабочаго,—развѣ это не достаточное подтвержденіе того, что сказалъ во время парламентскихъ дебатовъ Жорэсъ: „Никогда за все время существованія третьей республики рабочій классъ не былъ такъ лишенъ свободы, какъ при министерствѣ Клемансо-Бриана“.

Это же сказали себѣ и всѣ стачечники.

Не менѣе, если не болѣе, поучительнымъ было для рабочаго класса его столкновеніе съ капиталистами въ борьбѣ за восьмичасовой день. Буржуазные экономисты много кричали о томъ, что 8-ми часовой день неизбежно долженъ разорить всю промышленность и вызвать торговый кризисъ. Этими утвержденіямъ можно противопоставить слѣдующія достаточно краснорѣчивыя цифры. По довольно скромному разсчету, сдѣланному Жорэсомъ¹⁾, общая сумма богатствъ всей Франціи опредѣляется въ 175 миллиардовъ франковъ. Изъ нихъ 105 миллиардовъ принадлежатъ всего 221.000 лицамъ, тогда какъ болѣе 10 милліоновъ не имѣютъ ничего, кромѣ дневнаго заработка—если еще имѣютъ!—и умираютъ, не оставляя послѣ себя ни одной копейки.

Совсѣмъ недавно послѣдній русскій заемъ былъ покрытъ во Франціи

¹⁾ „L'Humanité“, 18-го іюня 1906. „La statistique sociale“.

подпиской 21 разъ. Это означаетъ, что на рынкѣ было предложено *тридцать миллиардовъ* франковъ свободныхъ денегъ. Эти 30 миллиардовъ франковъ составляютъ приблизительно *годовой заработокъ* милліона рабочихъ, требовавшихъ въ маѣ мѣсяцѣ 8-ми часового дня. *Multum et multa!*

Таковъ счетъ, который рабочіе могли предъявить капиталистическому обществу. Но уменьшеніе рабочаго дня—это пониженіе нормы прибыли и увеличеніе силы рабочихъ организацій. Поэтому всѣ силы буржуазіи были направлены къ тому, чтобы оказать отчаянное сопротивленіе майскому рабочему движенію.

Всеобщая Конфедерація Труда предложила рабочимъ два способа борьбы. Во-первыхъ, стачку до удовлетворенія требованія и, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ это возможно, революціонный захватъ восьмичасового дня, т. е. прекращеніе работъ по истеченіи этого срока.

На послѣднюю мѣру капиталисты повсюду отвѣтили локаутомъ, какъ было это, напримѣръ, въ Парижѣ съ попыткой землекоповъ и каменщиковъ по постройкѣ метрополитана. Локаутъ же оказался слишкомъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ, и рабочіе не въ состояніи были справиться съ нимъ. Дѣйствительно, какъ это еще разъ показалъ опытъ французскихъ рабочихъ, самовольный захватъ можетъ принести практическіе результаты только въ томъ случаѣ, если онъ примѣняется въ широкомъ масштабѣ и если рабочія организаціи достаточно сильны и богаты для того, чтобы выдержать очень продолжительную борьбу. Ни того, ни другого не было въ данномъ случаѣ въ наличности, и немногочисленныя попытки окончились неудачей.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рабочіе употребляли только стачку, и этой мѣрой они все же успѣли, хотя, конечно, и не въ такихъ размѣрахъ, какъ этого желали, добиться практическихъ результатовъ. Несмотря на сильное сопротивленіе предпринимателей и цѣлый рядъ полныхъ неудачъ, рабочіе въ довольно многочисленныхъ случаяхъ сумѣли добиться пониженія рабочаго дня и другихъ улучшеній своего положенія. Почти двухмѣсячная стачка рабочихъ печатнаго дѣла, федерація синдикатовъ которыхъ является одной изъ наиболѣе сплоченныхъ и богатыхъ организацій, привела къ уменьшенію рабочаго дня въ этой профессіи съ 10-ти до 9-ти часовъ болѣе, чѣмъ въ 90 городахъ Франціи и въ 350 типографіяхъ одного Парижа. Такое же сокращеніе достигнуто въ рядѣ отдѣльныхъ предпріятій другихъ профессій, причѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—по большей части въ сравнительно некрупныхъ предпріятіяхъ,—рабочіе добились и 8-ми часового дня.

Наряду съ этимъ увѣчалось извѣстнымъ успѣхомъ и движеніе въ пользу еженедѣльнаго отдыха. Парикмахеры въ Парижѣ, булочники въ

Марсель, Бордо, Лиможъ и другихъ городахъ добились обязательнаго недѣльнаго отдыха ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ несомнѣнностью можно утверждать, что въ результатѣ майской стачки средняя норма рабочаго дня во Франціи была фактически понижена. Сохраненіе этой нормы и ея дальнѣйшее пониженіе зависитъ, конечно, лишь отъ дальнѣйшаго роста рабочихъ организацій и ихъ усиленія. Воспитательное значеніе майской стачки, которое должно быть ясно читателю послѣ всего вышеизложеннаго, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что ростъ и развитіе рабочаго движенія получили въ ней могучій толчокъ для своего дальнѣйшаго усиленія и что будущее должно оправдать надежды синдикалистовъ. Не надо только забывать, что дѣятели Конфедерации Труда и заранѣе въ этомъ воспитательномъ значеніи видѣли главный смыслъ всего майскаго движенія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Бобуа писалъ о немъ: „Прежде всего, задача заключается въ томъ, чтобы въ надлежащей плоскости направить весь рабочій классъ противъ всего класса буржуазіи, для того, чтобы дать ему почувствовать и осознать весь антагонизмъ классовъ и революціонную цѣль, неизбѣжно присущую его движенію“ ²⁾.

Майская стачка, эта „скрытая гражданская война“, какъ выразился однажды Марксъ, принесла въ этомъ отношеніи блестящіе результаты. Наилучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить образованіе во время ея хода и подъ ея влияніемъ напущѣвшей уже во Франціи „Конфедерации ховяевъ“. Цѣлый рядъ синдикатовъ предпринимателей механическаго производства объединились въ одинъ общій союзъ борьбы со стачками. Каждый изъ нихъ долженъ вносить въ общую кассу 2% съ уплачиваемой заработной платы—новый налогъ на рабочихъ!—что составитъ въ общемъ около 6 милліоновъ франковъ въ годъ. Такова новая сила, которую хотятъ противопоставить рабочему движенію. И эта попытка—логическое слѣдствіе майской стачки: противъ класса—классъ, противъ конфедерации труда—конфедерация капитала.

„Это война,—пишетъ одинъ буржуазный органъ, по поводу майской стачки,—это печально, но это такъ. Капиталисты должны поэтому организоваться“ ³⁾.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой организаціи капитала будетъ, во-первыхъ, разореніе болѣе мелкихъ предпріятій и, слѣдовательно, дальнѣйшая концентрація производства, и, во-вторыхъ, дальнѣйшее усиленіе ра-

¹⁾ Характерно, что въ іюнѣ сенатъ довольно спѣшно приступилъ къ пересмотру проекта закона о еженедѣльномъ отдыхѣ, лежавшаго безъ движенія съ 1902 года.

²⁾ „Mouvement socialiste“, 1906, № 173.

³⁾ „Le monde economique“, 26-го мая 1906 г.

бочихъ организаціи. Центральныи органъ Конфедераціи Труда совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу:

„Концентрація силъ капиталистовъ неизбѣжно вызоветъ концентрацію силъ пролетаріата“¹⁾. Что и требовалось доказать. И находятся еще философы, утверждающіе, что классовая борьба ведетъ къ притупленію антагонизмовъ!

В ы в о д ы.

Во всемъ предыдущемъ изложеніи я стремился, попутно съ передачей фактовъ, выяснять и ихъ основное значеніе. Поэтому мнѣ остается теперь сказать лишь нѣсколько словъ для того, чтобы заключить тѣ выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе майской стачки французскихъ рабочихъ.

Эта стачка является, конечно, только эпизодомъ въ общемъ развитіи рабочаго движенія. Но главный ея интересъ—и въ этомъ заключалась главная задача моей статьи—мы должны искать, прежде всего, въ той роли, которую сыграла въ ней широкая синдикальная организація—Всеобщая Конфедерація Труда. Если въ теченіе этого мѣсяца гражданской войны существовала и проявила себя партія рабочаго класса, то это была только Конфедерація. Если майская стачка подвела извѣстный итогъ всей прежней организаціонной работѣ французскаго пролетаріата, то это былъ, въ значительной мѣрѣ, итогъ дѣятельности Конфедераціи. Если эта же стачка,—что для насъ несомнѣнно,—послужитъ, въ свою очередь, отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ усиленіи рабочаго движенія и ростѣ рабочихъ организаціи, то въ этомъ же будущемъ кроется и дальнѣйшее усиленіе и ростъ Конфедераціи Труда. Словомъ, мы не можемъ теперь отдѣлать рабочаго движенія отъ этой организаціи, въ своемъ настоящемъ и будущемъ онѣ неразрывно связаны между собою.

Съ самыхъ различныхъ сторонъ на Конфедерацію Труда сыплются упреки въ томъ, что она руководится анархической тактикой. Но это совершенно невѣрно. Невѣрно уже по одному тому, что широкое рабочее движеніе, по существу своему, не можетъ быть анархическимъ, и примѣръ майской стачки—наглядное тому доказательство. То же обстоятельство, что среди синдикалистовъ, дѣйствительно, имѣются, можетъ быть, анархисты, столько же измѣняетъ общій характеръ движенія, какъ то, что во главѣ нѣкоторыхъ синдикатовъ стоятъ чистѣйшей воды реформисты.

Революціонный синдикализмъ—то, что можно назвать теоріей современнаго синдикальнаго движенія во Франціи—по существу своему, не имѣетъ ничего общаго съ анархизмомъ. Одинъ изъ основныхъ егo принциповъ—непосредственное воздѣйствіе, *action directe*—въ примѣненіи къ

1) „La Voix du peuple“, № 234, 27-го мая 1906 г.

широкому рабочему движению не имѣть и не можетъ имѣть другого смысла, какъ тотъ, что центръ тяжести всего дѣйствія организованнаго пролетаріата лежитъ въ его коллективномъ вліяніи на всю совокупность общественной жизни; что непосредственно, своими массовыми выступлениями, рабочій классъ завоевываетъ себѣ новыя права и въ то же время развивая, такимъ образомъ, свою самодѣятельность, готовитъ себя къ окончательной побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ. Стихійно развитіе рабочаго движениа можетъ идти только такимъ путемъ, и всякія попытки теоретиковъ анархизма или реформизма не могутъ увлечь его на ложную дорогу. Каждое сколько-нибудь широкое выступленіе пролетаріата начисто сметаетъ всѣ ихъ построенія ¹⁾.

Другой упрекъ, бросаемый часто Конфедераціи Труда, заключается въ томъ, что она противъ политической борьбы. Но въ этомъ упрекѣ несомнѣнно заключается смѣшеніе двухъ вопросовъ. Если мы будемъ говорить о парламентской дѣятельности и выборной борьбѣ, то это совершенно вѣрно. Конфедерація, какъ гласитъ первый параграфъ ея устава, находится внѣ политическихъ партій, и ея выборные представители не могутъ быть депутатами, тогда какъ каждому входящему въ нее отдѣльному члену нисколько не возбраняется вести и принимать участіе въ политической борьбѣ. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего совершенно отрицающаго политическую борьбу,—здѣсь мы видимъ только исполнѣ законѣрно возникшее и, добавлю я, исполнѣ законное для даннаго момента и при данныхъ условіяхъ стремленіе оградить самостоятельность экономическихъ рабочихъ организацій отъ парламентской дѣятельности и ея вдохновителей.

Но если мы будемъ разсматривать политическую борьбу болѣе широко, какъ постоянное воздѣйствіе рабочаго класса на весь ансамбль политической жизни,—и если мы будемъ видѣть главную силу пролетаріата въ его вліяніи на законодательные органы *извнѣ* парламентовъ, то мы можемъ утверждать, что Конфедерація Труда сейчасъ уже ведетъ такую политическую борьбу. Это—логическое послѣдствіе ея классоваго характера.

Напомню для примѣра, что наканунѣ угрожавшей войны съ Германией Конфедерація не только обратилась съ воззваніемъ къ французскому пролетаріату, призывая его не допустить этой войны, но и вступила въ переговоры съ нѣмецкими рабочими организаціями по вопросу о подго- товкѣ совмѣстныхъ координированныхъ дѣйствій. Какъ проявленіе поли-

¹⁾ Интересно, что реформистъ Кейферъ, секретарь федераціи рабочихъ книжнаго дѣла, во время майской стачки ничего не могъ подѣлать съ дотолѣ умѣренными и послушными рабочими. Фактически они руководили имъ во время стачки.

тической дѣятельности, это имѣло, конечно, гораздо большее значеніе, чѣмъ любой запросъ или блестящая рѣчь въ палатѣ депутатовъ.

Въ настоящее время во Франціи—и это характерный симптомъ—среди социалистовъ серьезно возбужденъ вопросъ объ объединеніи съ Конфедераціей Труда.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разрѣшать его. Замѣчу только, что для правильнаго разрѣшенія надо прежде всего заняться изслѣдованіемъ, какъ и почему произошло раздѣленіе того, что теперь хотятъ объединить.

И какъ бы мы ни смотрѣли на политическую борьбу и ея роль въ подготовкѣ социальнаго переворота, это изслѣдованіе должно насъ неизбежно привести къ тому, что широкое объединеніе рабочаго класса невымыслимо въ рамкахъ такъ называемой политической партіи ¹⁾. Организационно классовая борьба пролетаріата не можетъ быть объединена на почвѣ парламентской дѣятельности. Исходнымъ и всеопредѣляющимъ пунктомъ рабочаго движенія является, конечно, экономическая борьба рабочихъ.

Эта борьба опредѣляетъ также и ту плоскость, въ которой пролетаріатъ прежде всего и сильнѣе всего сталкивается съ буржуазнымъ обществомъ, какъ непримиримо-враждебная сила. Вотъ почему экономическія организаціи рабочихъ въ своемъ развитіи не только могутъ, какъ показываетъ примѣръ Конфедераціи Труда, но и должны, въ конечномъ счетѣ, вести революціонную и широкую классовую борьбу.

Наконецъ, въ ихъ развитіи кроется и необходимый залогъ возможности осуществленія будущаго строя.

Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Западной Европы, все съ большей настойчивостью выдвигается жизнью вопросъ объ организаціи пролетаріата въ такую силу, которая могла бы, дѣйствительно, готовиться къ социальному перевороту, которая, на другой день послѣ него, смогла бы взять въ свои руки все общественное производство. Экономическія же организаціи пролетаріата однѣ будутъ въ моментъ этой революціи представлять собою необходимый базисъ для организаціи новаго способа производства.

Въ этомъ отношеніи вполне правъ Сорель, когда онъ говоритъ: „Все будущее социализма зависитъ отъ самостоятельнаго развитія рабочихъ синдикатовъ“ ²⁾. Иначе, дѣйствительно, нельзя понимать того, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ рукъ только самихъ рабочихъ.

¹⁾ Нельзя считать *организационно* объединенными тѣхъ 895.000 избирателей, которые подали въ 1906 году свои голоса за социалистическихъ депутатовъ. На одного члена социалистической партіи приходится 19 такихъ не связанныхъ съ нею организационно „социалистовъ“. Въ Парижѣ это соотношеніе выражается, какъ 1 къ 27, въ департаментѣ сѣвера, наиболѣе благопріятномъ для партіи, какъ 1 къ 11.

²⁾ Sorel. „L'avenir socialiste des syndicats“. Conclusions.

Все это должно намъ давать основной критерій для оцѣнки каждаго отдѣльнаго эпизода пролетарскаго движенія.

Разсматриваемая съ такой точки зрѣнія майская стачка французскихъ рабочихъ принимаетъ еще большее значеніе. Въ ней мы можемъ открыть серьезные шаги къ подготовкѣ „последняго и рѣшительнаго боя“, разогрѣваніе того желѣза, изъ котораго пролетаріатъ Франціи сумѣетъ въ надлежащій моментъ выковать себѣ прочную свободу. И—повторяю еще разъ это—основнымъ элементомъ этой подготовительной работы явилось, конечно, перенесеніе центра тяжести всего движенія въ область самостоятельной борьбы рабочихъ организацій.

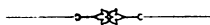
Нельзя лучше отбѣнить майское движеніе 1906 года, какъ сравнивъ его съ первой такой манифестаціей 1890 года. Тогда—толпы народа собирались около палаты депутатовъ, на Площади Согласія, гдѣ онѣ провозжали въ парламентъ рабочихъ делегатовъ, неслихъ туда свои петиціи; тогда—Биржа Труда, по постановленію социалистическихъ организацій, для выраженія солидарности со стачечниками, была закрыта.

Теперь—былъ закрытъ парламентъ, Площадь Согласія была совершенно пуста, но зато была открыта Биржа Труда и находящаяся около нея Площадь Республики была переполнена тысячами толпами рабочихъ.

Тогда—пассивная стачка-манифестація и ожиданіе законовъ отъ народныхъ представителей. Теперь—въ сотни разъ болѣе внушительная стачка вплоть до удовлетворенія требованій и активнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь буржуазной республики.

Тогда—попытка освободить рабочихъ черезъ посредство делегаций, теперь—угроза рабочихъ освободить себя своими собственными руками и новый крупный шагъ впередъ въ подготовкѣ этого освобожденія.

О. Езерскій.

Критика и библиографія.

Ю. Айхенвальдъ. *Силуэты русских писателей*. Выпускъ перв.
Изд. Науч. Сл. Цѣна 1 р. 50 к.

Чужое художественное созданіе, говоритъ Айхенвальдъ, уже само по себѣ становится природой, и, набрасывая силуэтъ какого-нибудь писателя, онъ пользуется собственными словами этого писателя, какъ пользуется художникъ синевой моря для выраженія своего внутренняго „я“. Временами фраза нашего критика сливается съ фразой поэта, отчего получается впечатлѣніе слиянія двухъ творчествъ—нѣчто удивительно красивое, какъ пѣсня, которую поэтъ изъ далекаго прошлаго приноситъ намъ въ объясненіе незамѣченнаго или непонятаго. Айхенвальдъ умѣетъ выдвинуть самое характерное въ чужомъ творчествѣ—съ удивительной мягкостью погружаетъ онъ перо въ сердце художника и пишетъ о немъ его же кровью, его же вдохновеніемъ. Это называется—брать сердцевину. Можетъ быть, благодаря такому оригинальному приему личность характеризуемаго писателя выступаетъ впередъ такъ торжествующе-радостно, словно впервые ему отведено мѣсто на жизненномъ пиру. Интересно, что для этихъ своихъ художественныхъ характеристикъ авторъ не пользуется ни интимной перепиской, ни случайно открытыми обстоятельствами изъ личной жизни. Что такое личная жизнь рядомъ съ творчествомъ? Какъ часто эта личная жизнь есть только вѣшняя оболочка, которую человекъ тщетно пытается сбросить.. И критикъ идетъ за человекомъ лишь въ тѣ минуты, когда человекъ восходитъ на высоты, когда онъ погружается въ глубины творчества. И онъ не навѣшиваетъ художнику ярлыковъ. Вѣдь изъ исторіи литературы мы давно узнали о значеніи того или другаго писателя, развѣ, напримѣръ, Михайловскій не объяснилъ намъ, что такое полезный и что такое вредный писатель? Айхенвальдъ подходитъ къ художнику съ иной стороны: онъ старается отдѣлать въ общемъ обликъ художника человека, въ этомъ чудномъ фокусѣ бытія, вѣчное отъ преходящаго.

Къ тонкому фотографическому портрету, приложенному къ каждому очерку, онъ прибавляетъ силуэтъ художника, написанный *словомъ*—этой

самой тонкой кистью жизни, которую так искусно пользуется наш критикъ. Онъ знаетъ, что лучше отраженіе души писателя — это его слово и онъ ищетъ глубокія слова въ чужомъ созданіи, эти падающія къ намъ искры, часто невидимыя нами; онъ подчеркиваетъ ихъ свѣтлой чертой безкорыстнаго служенія искусству и *любовь къ слову* сквозитъ въ каждой его строчкѣ. Одно творчество преломляется въ другомъ—вотъ почему силуэты русскихъ писателей у Айхенвальда такъ странно - живы, почти подвижны, какъ трепетное марево въ пустынѣ, которое является лучшимъ отраженіемъ сокровеннаго души. Вотъ Пушкинъ—„это эхо міра“, послушное и пѣвучее. Эхо, которое несется изъ края въ край, чтобы страстно откликнуться на все, чтобы не дать бесслѣдно замереть ни одному достойному звуку вселенской жизни. Эхо—не только вѣрное міру, но и любящее—Пушкинъ, кому презрѣніе къ пошлости толпы не мѣшало любить человѣчество; кто придалъ этической духъ своей поэзіи; кто сказалъ людямъ, что „ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей успокоить, едина развѣ—совѣсть“.

Вотъ силуэтъ Тютчева, — кто видѣлъ вѣщія сны и не умѣлъ оцѣнивать шумы политическихъ волненій. Вотъ трогательный силуэтъ Аксакова, этого старожилы съ удочкой надъ тихимъ озеромъ, этого милого чудака, ненавидящаго слово „бургъ“ и убѣдившаго насъ, „что всякая жизнь интересна, даже необразованныхъ оренбургскихъ помѣщиковъ, и что ни одна жизнь не заслуживаетъ смерти, ни одна смерть не права передъ человѣчествомъ“. Онъ роднитъ насъ съ чужими родными и заставляетъ грезить о зеленыхъ берегахъ Бугуруслана, о тихой старинѣ надъ тихими прудами..

А вотъ и Огаревъ — „блѣдный спутникъ блестящаго свѣтила“, живущій только воспоминаніями о прошломъ. Вотъ Гончаровъ—„литераторъ полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными, глазами“. Въ своихъ произведеніяхъ онъ далъ намъ свою внутреннюю автобіографію. „Стиль его напоминаетъ комнату съ мягкими коврами, гдѣ умѣряются диссонансы и волненія страстей“. А рядомъ—Успенскій, кричащій объ ужасѣ обыденности. У этого нехватало спокойствія и объективности для созданія законченной художественной галлерей и „паль поднимъ въ жизненной борьбѣ крылатый конь поэзіи“. Здѣсь, по выраженію Айхенвальда, художнику перешель дорогу публицистъ и художникъ сложилъ свои кисти передъ человѣкомъ.

Можно сказать, что силуэтъ Успенскаго написанъ самыми проникновенными словами любви къ искусству и человѣку. Въ очеркѣ о Гаршинѣ—объ этомъ „чистомъ родникѣ грусти“—и, особенно, о Короленкѣ, о „честномъ Короленкѣ“, тонъ этихъ словъ значительно пониженъ. Даже въ статьѣ о Короленкѣ есть что-то рѣзкое, что-то несвойственное обычной манерѣ нашего критика—какъ будто святая объективность наблюдателя на время оставляетъ его, будто онъ *сожалеетъ* о томъ, что Короленко

не то, чѣмъ онъ могъ бы быть. Въ цѣляхъ безпристрастной характеристикѣ Айхенвальдъ заставляетъ себя не забыть ничего цѣннаго въ произведеніяхъ этого писателя, кладущаго на все отпечатокъ человѣческаго... „узко-человѣческаго“, добавляетъ Айхенвальдъ, и это маленькое добавленіе сразу дѣлаетъ тонъ. Съ прямолинейностью, свойственной только людямъ касти и ненужной, пожалуй, для наброска „силуэта“, онъ варьируетъ этотъ мотивъ „узко-человѣческій“ и неожиданно, можетъ быть, благодаря именно этой рѣзкости, „силуэтъ“ Короленки уступаетъ мѣсто скульптурному изваянію. Вотъ передъ нами воплощеніе честности, гуманности и, увы! восклицаетъ Айхенвальдъ, требовательности, деспотической требовательности къ читателю—любить то, что любить Короленку, сострадать къ тому, чему страдаетъ онъ. Короленку лишаетъ читателя права быть замкнутымъ и суровымъ, онъ требуетъ, чтобы читатель приходилъ въ волненіе, чтобы читатель былъ добръ, и требуетъ этого не грубо, а „навязчиво“. И въ своей кастовой неудовлетворимости метафизика-индивидуалиста, нашъ критикъ заявляетъ, что въ человѣческой сферѣ, которую Короленку взялъ предметомъ творчества, онъ избралъ не самое глубокое, не самое существенное. Драмамъ его героевъ недостаетъ тонкости, страданія ихъ элементарны. Имъ недостаетъ едва уловимыхъ откликовъ чувствъ, ирраціональных волненій мятежной души. Человѣкъ у него страдаетъ только отъ другого человѣка и настроенія его носятъ характеръ „слишкомъ человѣческій“. И Айхенвальдъ противопоставляетъ этому трагедію неслышную, незримо созрѣваемую въ сердцахъ человѣческомъ на почвѣ сокровенныхъ впечатлѣній.

Что сказать о силуэтѣ Чехова? Нужно любить слово, нужно такъ узнать найти самое важное, чтобы написать *такой* силуэтъ. Но къ этому высоко-художественному образу, воскресшему еще разъ изъ-подъ пера Айхенвальда, мы отсылаемъ читателя. „Сердце человѣка обречено на то, чтобы разрываться“... Эти слова нашъ авторъ могъ бы вырѣзать на мраморной доскѣ у могилы Чехова. О Чеховѣ писали много—и хорошо и дурно, порицающе и восторженно. При жизни его всегда старались пристроить къ какой-нибудь партіи, всегда услужливо держали на-готовѣ какой-нибудь ярлыкъ; послѣ его жизни, т. е. послѣ его физической жизни, всѣ партіи разомъ безъ зазрѣнія совѣсти перетягивали его къ себѣ. Всѣ толстые журналы съ рѣзко-выраженными противоположными направленіями признавали его своимъ. Съ неподражаемымъ глубокомысліемъ каждый присяжный критикъ вопилъ: Чеховъ—„эсъ-декъ“, Чеховъ—„эсъ-эръ“. Но какъ ни благозвучна для каждаго собственная кличка, она отпадала отъ Чехова къ тайному завистливому недоумѣнію предпринимателя. Кому же достанется эта звѣзда?

Чеховъ—художникъ, говоритъ Айхенвальдъ, „писатель сумерекъ, онъ страстно любилъ солнце“.

Чеховъ—человѣкъ, „сердце человѣческое обречено на то, чтобы разрывался“. Критикъ не осмѣлился прилѣпить къ спиной Чехова преходящаго ярлыка. *Онъ взялъ искусство, и потому онъ вѣченъ...* И Айхенвальдъ не сожалѣетъ о томъ, что Чеховъ не эсъ-эръ.

О. Миртовъ.

Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія. Кн. IV. Изд. „Содружества“. Ц. 1 р. 50 к.

„Мои слова—упорный взглядъ сквозь стѣну черную, проклятую“—такъ рекомендуетъ г. Рукавишниковъ свою поэзію. Въ этихъ словахъ много правды: дѣйствительно, вниманіе поэта въ этой книгѣ стиховъ, какъ и въ предшествующихъ трехъ книгахъ, фиксировано на одной и той же „черной, проклятой стѣнѣ“—на безднѣ. Съ болѣзненнымъ любопытствомъ и пугливымъ содроганіемъ поэтъ упорно, не отрываясь, смотритъ туда, откуда нѣтъ исхода—въ тьму кошмаровъ, въ глубь паденія, на вершину гордости, на крутизну самовозвеличенія, въ тайну смерти. И еще одна правда есть въ приведенныхъ словахъ: поэтъ именно смотритъ, упорно и неподвижно, не подымаясь и не падая, и приближаясь, и не отходя. Психологически это роднитъ его съ По, но у г. Рукавишникова нѣтъ того проникновенія и остроты, того безстрашія и отваги, какими великъ и силенъ „безумный Эдгаръ“. У Эдгара По есть безпредѣльная, обнаженная искренность, которая захватываетъ и плываешь, а г. Рукавишниковъ не свободенъ отъ ходуль, фразы и выдумки.

Упомянуемъ объ Эдгарѣ По мы хотѣли только иллюстрировать сферу вниманія г. Рукавишникова, сравнивать же размѣры таланта обоихъ поэтовъ было бы, конечно, странно. Впрочемъ, поэтическіе ресурсы нашего автора больше, чѣмъ они обнаруживаются: въ угоду монотонической идеѣ, онъ противъ своей воли обезцвѣчиваетъ свою палитру и обезпложиваетъ свои порывы. Однообразіе формы его стиха заходитъ такъ далеко, что кажется нарочитымъ:

Къ безднѣ, ужасомъ зіяющей,
Къ черной безднѣ подойди,
Къ безднѣ, жизнь уничтожающей,
Къ безднѣ, душу увлекающей,
Къ голодной безднѣ подойди,
Гордо въ бездну погляди,
Погляди душой страдающей,
Погляди душой рыдающей,
Голой истины не знающей,
Долго въ бездну погляди
И отъ бездны отойди.

Вотъ какъ авторъ засушиваетъ трепещущею жизнью богиню—любовь:

Да, я хочу тебя любить,
 Но чтобы ты могла со мною жить
 Въ моей стражѣ,
 Гдѣ все во снѣ,
 Гдѣ правда смотритъ въ душу мнѣ,
 Да, чтобы ты была во мнѣ,
 Я сдѣлаю тебя богиней вдохновенія,
 Я сдѣлаю тебя восторгомъ сновидѣнія,
 Я сдѣлаю тебя строкой стихотворенія.
 И ты, раба законовъ примиренія,
 Ты, какъ богиня вдохновенія,
 Ты, какъ восторгъ ночного сновидѣнія,
 Ты, какъ строка стихотворенія,
 Сверкая искрами свободного огня,
 Войдешь въ меня.

Вообще авторомъ слишкомъ часто владѣютъ внѣшніе консонансы, поверхностныя созвучія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ внутренней музыкой стиха. Возьмите, напр., „Изъ смерти въ смерть“:

Я не солнце восходящее,
 Красной радостью кричащее,
 Я не солнце, степь палящее,
 Въ полдень съ тишью говорящее,
 Я не солнце заходящее,
 Краснымъ сномъ конца горящее, и т. д.

Или эти назойливыя, упрямыя и нисколько не усиливаюція впечатлѣнія повторенія: „Будь же сказкой, сказкой, сказкой, только сказкой, только сказкой, тихой сказкой, бѣлой сказкой“; ...„и слова мои—только сны весны, золотой весны, неземной весны, чуть понятной мнѣ“...

Въ результатѣ—не простого, фанатическаго и вмѣстѣ разсудочнаго характера своей поэзіи авторъ остается одинъ съ этой послѣдней, не увлекающая, не волнуя, не очаровывая. И это—не гордое одиночество орла, который промѣнялъ людей на холодныя высоты: это—болѣзненное самоотторженіе себя отъ міра во имя—не смерти даже, а разложенія... Отъ всей души жаль хорошее и искреннее дарованіе, которое сознательно уродуетъ и калѣчитъ себя.

— ий.

З. Н. Гиппиусъ. *Новые люди.* Рассказы. 2-ое изд. СПб. 1907 г. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 50 к. 432 стр.

Въ этой книжкѣ собраны лучшіе рассказы г-жи Гиппиусъ, которые могутъ дать понятіе не только о ея большомъ, цвѣтистомъ и яркомъ талантѣ, но и о весьма привлекательныхъ чертахъ ея внутренняго писателя-

екаго облика. Въ нихъ нѣтъ и признакъ той искусственности, манерности и ходульности, которыми окрашенъ ея послѣдній сборникъ: „Алый мечъ“. Нѣтъ и той специфической, узенькой, тепличной нео-христіанской философіи, которая является послѣднимъ словомъ идеалистическихъ исканій автора. Правда, къ одной изъ наиболѣе характерной вещи—сказкѣ „Время“ эпиграфомъ взяты слова Апокалипсиса, но родникъ философіи, проникающей ее, какъ и другіе рассказы этого сборника, несравненно глубже христіанства. Онъ—въ вѣковѣчныхъ запросахъ человѣческаго духа, надъ которыми „злой старичокъ Время“ дѣйствительно безсиленъ. Они были бы одинаково присущи людямъ и въ томъ случаѣ, если бы не существовало же только христіанства, которое теперь такъ стремятся возрождать, но и Христа.

Рассказы носятъ названіе „Новыхъ людей“, но, въ сущности, повѣствуютъ не о новыхъ людяхъ, а о *новомъ* въ людяхъ. Это „новое“ состоитъ въ необыкновенномъ пробужденіи у современнаго человѣка души и ея внутреннихъ сокровенныхъ запросовъ. Такъ долго опутанный цѣпями обыденности, человѣкъ затосковалъ въ нихъ, запротестовалъ, быть можетъ, впалъ въ противоположную крайность—пожелалъ того, „чего не бываетъ“... Съ вѣшной близорукости точки зрѣнія это можетъ даже показаться смѣшнымъ—желать того, чего не бываетъ. Но если вдуматься, что жъ тутъ смѣшного? А если меня не удовлетворяетъ то, что бываетъ и какъ бываетъ? Почему жъ мнѣ не пожелать, чтобы это было иначе, чѣмъ бываетъ, если мой умъ, мое сердце говорятъ мнѣ, что можетъ быть иначе?.. Эта требовательность и непримиримость въ большей или меньшей степени свойственны всѣмъ сложнымъ, утонченнымъ натурамъ. Но отсюда еще далеко имъ до права на названіе новыхъ людей. Дѣло въ томъ, что обыденность вѣдъ продолжаетъ полновластно царить надъ жизнью. Причины этого отчасти носятъ временный социальный характеръ, а отчасти вѣвременно—связаны съ неизбѣжностью прозы. И герои Гиппиусъ прекрасно сознаютъ эту роковую власть обыденной пошлости. Они почти не пытаются вступать съ нею въ борьбу, а только отмежевываются отъ нея и обыкновенно живутъ тягостною *двойною* жизнью. Отсюда ихъ безволие и крайняя пассивность, созерцательное отношеніе къ жизни. Въ этой же книгѣ помѣщено очень красивое стихотвореніе „Безсиліе“, могущее служить ключомъ для разгадки психологіи этихъ героевъ:

Смотрю на море жадными очами—
 Къ землѣ прикованный, на берегу.
 Стою надъ пропастью, надъ небесами—
 Но улетѣть къ лазури не могу!
 Не вѣдаю, возстать иль покориться,
 Нѣтъ смѣлости ни умереть, ни жить.
 Мнѣ близокъ Богъ—но не могу молиться,
 Хочу любви—и не могу любить.

Я тщетно къ солнцу руки простираю—
И вижу пологъ слѣдныхъ облаковъ...
Мнѣ кажется, что истину я знаю—
И только для нея не знаю словъ!

Наиболѣе полнымъ воплощеніемъ авторскихъ настроеній является поэтическая сказка о сиреневой принцессѣ, которая была всецѣло охвачена идеалистической тоской по томъ, „чего не бываетъ“. „Если есть время, значить нѣтъ ни радости, ни горя, значитъ, жизни нѣтъ,—разсуждала принцесса.—И въ душѣ человѣческой нѣтъ ни одного чувства, ни одного ей принадлежащаго, потому что ни одного нельзя удержать. На что мнѣ сирень, если она отдѣлится? На что мнѣ солнце, если оно закатится? Куда уйти отъ времени? Гдѣ найти то, что сливѣтъ времени?“ Своему юному поклоннику Челава она предъявляетъ требованіе любить ее такую любовью, какою еще никто никого не любилъ. „Каждое мгновеніе вашей жизни пусть будетъ полно только любовью,—говоритъ она,—и пусть не будетъ разницы между первымъ и послѣднимъ мгновеніемъ. Такая любовь—чудо, и если есть чудо на землѣ—значитъ, есть еще много, много чудеснаго и прекраснаго“. Челава не оказался достойнымъ довѣрія принцессы. Она постепенно зачахла оттого, что ея мечта не исполнялась. Но, умирая, она осталась вѣрна ей, вѣрна надеждѣ, что „есть такое, что есть всегда“...

Родственные другъ другу „новые“ люди больше всего цѣнятъ гармонию душъ, общность вкусовъ, эмоцій, возможность полного пониманія до дна. Узнавая другъ друга, иногда случайно—по одному, двумъ словамъ, они трепещутъ отъ восторга, отъ глубокой душевной радости (см. поэтический рассказъ „Голубое небо“). Но эти чувства почти всегда сопровождаются другими, ихъ отравляющими,—мучительной боязнью *ошибиться*, разрушить свою иллюзію. Героиня „Голубого неба“, послѣ пережитаго съ своимъ героемъ момента душевной близости, подъ вліяніемъ такого мнительнаго страха, настойчиво проситъ его не добиваться дальнѣйшаго сближенія, а уѣхать, оставивши ей радость иллюзіи. „Теперь я васъ не знаю (я вѣдь только угадываю), вы не знаете меня. Мы—чужіе. Богъ вѣсть, что будетъ послѣ. Но такъ хорошо, какъ теперь, какъ сегодня, не будетъ. Хочу, чтобъ это воспоминаніе осталось нетронутымъ. Мы ошибаемся—пускай! Ошибка не мучительна, когда все кончается раньше, чѣмъ отниметъ жизнь.. Не испортимъ дѣйствительностью, какова бы она ни была, наши мечтанья... Мнѣ слишкомъ дороги вотъ эти нѣсколько минутъ, когда я подумала... Оставьте мнѣ эту радость. Потомъ все испортится. Вѣдь не вѣрю я въ то, что мнѣ кажется, не могу вѣрить... И вы, какъ всѣ... Но дайте мнѣ вспоминать о васъ, какъ объ немъ“... Любопытно разобраться въ этой щепетильной боязни разочарованій. Объясняется ли она только утонченнымъ складомъ героевъ, ихъ непримиримою требовательностью и созна-

нѣмъ, что въ дѣйствительности возможны только мгновения *настоящей* красоты, любви и добра,—или еще и чѣмъ-нибудь другимъ? Быть можетъ, все неизбежно „портится“ потому, что въ насъ самихъ много случайнаго, и что желаніе гармоніи охватываетъ насъ не вполне искренно и глубоко? Дѣйствительно, *найдя*, трудно разочароваться, и ради основного созвучія можно примириться съ множествомъ дефектовъ. У героевъ же Гишпюсъ созвучія часто носятъ чисто случайный, внѣшній характеръ. Объ этомъ говорить и ихъ чрезмерный страхъ передъ всѣмъ вульгарнымъ, грубымъ и смѣшнымъ—вообще, несовершеннымъ, иногда по чисто внѣшнимъ, даже временнымъ причинамъ, онъ напоминаетъ капризный эстетизмъ Гедды Габлеръ, желавшей, чтобы любимый человѣкъ застрѣлился красиво—непремѣнно въ грудь или високъ. Герой разсказа „Вогня“ очень близокъ по психологіи къ Геддѣ. Онъ лелѣялъ мечту, что его избранница—существо совершенно особенное, изысканное, не похожее на другихъ—„вся оттуда“. Но послѣ того, какъ она во время прогулки упала въ воду, откуда онъ ее самъ вытащилъ мокрую, жалкую, смѣшную, да и самъ былъ смѣшонъ, все очарованіе мгновенно разсѣялось, какъ дымъ. Если онъ былъ затронутъ въ ней чѣмъ-нибудь дѣйствительно основнымъ, глубокимъ и важнымъ—отраженіемъ вѣчной красоты—то неужели это основное могло померкнуть отъ пустой случайности?

Безвольные герои Гишпюсъ придаютъ огромное значеніе своимъ тонкимъ сокровеннымъ вкусамъ и потребностямъ. Но, будучи рабами обыденности, они устраиваютъ свою жизнь помимо ихъ, вопреки имъ. Таинственные созвучія и волшебное счастье, пережитое съ *ней*, не мѣшаетъ герою разсказа „Миссъ Май“ заключить пошлый бракъ и потомъ годами дряхлѣть съ тупой и вульгарной женой. Да и тѣ изъ героевъ, которые не склонны къ компромиссамъ, всегда проповѣдуютъ одно и тоже: *покорность*. Это покорность не передъ неизбежными законами и сокровенными тайнами природы и жизни (была любовь, теперь ея нѣтъ; была жизнь, а за ней наступила смерть), а передъ несправедливостью людей, передъ ихъ ограниченностью и пошлостью, передъ тѣми несовершенствами, которыя ими вносятся въ жизнь. Она напоминаетъ теорію Толстого о непротавленіи злу и совершенно не соответствуетъ психикѣ дѣйствительно новыхъ людей. Понимать—не значить покоряться. Въ опредѣленіи основныхъ свойствъ новыхъ людей—счастливыхъ и могучихъ людей будущаго—гораздо болѣе правъ Пшибышевскій, приписывающій имъ большую активность—силу воли, страстность желаній и жажду творчества. „Новые“ же люди Гишпюсъ предаются только пассивному созерцанію жизни, брезгливо отвращаясь отъ всякаго участія въ ней. Ихъ внутренняя красота сама по себѣ, а занимаемое ими мѣсто въ жизни само по себѣ. Приторную покорность передъ „несправедливостями“ жизни испытываютъ всѣ ея герои, даже самая искренняя и живая изъ нихъ, „цыганка“ Аня.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о содержаніи разсказовъ г-жи Гиппиусъ. Но они захватываютъ читателя не только интереснымъ и поэтическимъ содержаніемъ, а и свѣжими своеобразными художественными приемами—умѣиемъ автора просто и неожиданно подойти къ самой сути внутренней драмы его героевъ. Языкъ разсказовъ красивъ, но недостаточно лириченъ и сжатъ, и потому не всегда соответствуетъ ихъ интенсивному настроенію.

Е. Колтоновская.

Библиотека великихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Байронъ. Т. III. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб.

Третій—послѣдній—томъ сочиненій Байрона, изданный подъ ред. С. А. Венгерова, достойнымъ образомъ завершаетъ изданіе произведеній великаго англійскаго поэта. Та же, что и въ первыхъ двухъ томахъ, тщательность въ выборѣ критическихъ переводовъ, изъ которыхъ иные впервые переведены для настоящаго изданія, такой же умѣлый подборъ иллюстрацій къ тексту, художественно исполненный, то же обиліе примѣчаній, разъясняющихъ многое непонятное для русскаго читателя и, наконецъ—это едва ли не важнѣйшее достоинство изданія—рядъ умѣло составленныхъ историко-литературныхъ предисловій къ отдѣльнымъ важнѣйшимъ произведеніямъ Байрона. На этихъ предисловіяхъ о руководящихъ статьяхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Перу Э. Л. Радлова принадлежатъ предисловіе къ мистеріи „Небо и земля“. Отмѣтивъ поэтическія достоинства пьесы, г. Радловъ вполнѣ вѣрно указываетъ на отсутствіе въ ней широкаго драматическаго интереса и на полную оригинальность творчества Байрона. Затѣмъ критикъ указываетъ на автобіографическіе элементы, отразившіеся въ поэмѣ, и основательно видитъ въ Авѣ отображеніе Терезы Гвиччіоли. Сопоставляя пьесу Байрона съ произведеніями Мура и Дея, г. Радловъ отмѣчаетъ превосходство творчества Байрона. Сопоставляя „Каина“ и „Небо и земля“, Э. Л. Радловъ вполнѣ основательно указываетъ на ослабленіе въ послѣдней мистеріи того безпросвѣтнаго тона отчаянія, которымъ отличается „Каинъ“. „Смѣшеніемъ субъективныхъ и реальныхъ элементовъ съ объективными и идеальными объясняется, мнѣ кажется, то двойственное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ читателѣ „Небо и земля“. Съ этимъ заключеніемъ почтеннаго критика слѣдуетъ согласиться.

Предисловія къ „Вернеръ или наследство“ и „Преображенный уродъ“ составлены Е. В. Аничковымъ. Авторъ вполнѣ удовлетворительно указалъ литературные источники пьесы и остроумно пользуется содержаніемъ „Преображеннаго урода“ для опредѣленія психологіи поэта въ періодъ, когда у него назрѣла идея разсматриваемаго драматическаго фрагмента.

Н. И. Карѣвъ въ небольшомъ, но весьма обстоятельномъ этюдѣ характеризуетъ дѣятельность Веронскаго конгресса 1822 г. и политику Священнаго Союза. Этотъ этюдъ составляетъ введеніе къ „Бронзовому шѣку“ Байрона.

Предисловіе къ „Острову“ составлено г. Вяч. Ивановымъ. Статья подраздѣляется на главы: I. Замыселъ произведенія. II. Анархическая идея и III. Музыка и мнѣе „Острова“. Въ первой главѣ г. Ивановъ указываетъ, что поэма была задумана во время періода творческаго затишья Байрона. Разсказъ о мятежѣ экипажа капитана Блэя въ связи съ идеями Руссо внушили Байрону мысль изобразить часть общества, чуждую „яда гражданственности“, и идиллическія отношенія, чуждыя всякой фальши и условности. „Островъ“ Байрова своего рода „утопія“. Во II гл. г. В. Ивановъ доказываетъ, что въ основѣ идей Байрона, когда онъ писалъ „Островъ“, были анархическія идеи и представленія, навѣянные литературой предмета о неиспорченности и чистотѣ некультурнаго человѣка. Въ III гл. критикъ анализируетъ музыкальную сторону „Острова“ и находитъ въ ней высокія достоинства. Кромѣ того, г. Ивановъ отмѣчаетъ миѣческую и историческую основу поэмы.

Весьма обстоятельную статью посвятилъ Н. П. Данилевичъ „Донъ-Жуану“ Байрона.

Опредѣляя участіе субъективныхъ элементовъ поэта въ героѣ его поэмы, г. Данилевичъ приходитъ къ такому выводу: „Это герой, выношенный въ душѣ самого поэта, взлелѣянный ея болѣзненной чувствительностью, скорбнымъ скептицизмомъ, и вмѣстѣ сынъ своего времени, англійскаго общества времени Георга III. Это былъ также отчасти двойникъ поэта, отражавшій отношеніе послѣдняго къ міру и испытывающій ту самую глубокую моральную болѣзнь, которая снѣдала самого поэта и порождала взрывы его смѣха“. Указавъ на главныя стадіи эволюціи типа Донъ-Жуана во всемірной литературѣ, г. Данилевичъ переходитъ къ характеристикѣ Байроновскаго героя и даетъ анализъ поэмы, исходя изъ положенія Гете, что Донъ-Жуанъ Байрона является одновременно и самымъ безнравственнымъ, и самымъ гениальнымъ произведеніемъ. Надлежащимъ образомъ отмѣченъ г. Данилевичемъ элементъ общественной и поэтической сатиры въ поэмѣ.

По мнѣнію критика, Байронъ „попытался охватить весь міръ чело-вѣческой жизни со всемъ его разнообразіемъ“. „Сила Байрона—въ его описаніяхъ“. Г. Данилевичъ согласенъ со словами Гете: „Байронъ великъ, пока остается поэтомъ, а когда разсуждаетъ, уподобляется ребенку“.

Редакторъ изданія не могъ остановиться на болѣе компетентномъ критикѣ для опредѣленія сущности байронизма, какъ Н. А. Котларевскій. Его обширный этюдъ даетъ полную характеристику того явленія, которое принято называть байронизмомъ. Г. Котларевскій исходитъ отъ того правдильнаго общаго положенія, что байронизмъ есть сочетаніе „торжеству

ющаго индивидуализма“ и „міровой скорби“. Подробному анализу этихъ положеній посвящено нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ. Не менѣе удачно переданы авторомъ перипетіи байроновскаго настроенія по его произведеніямъ, а также роль личныхъ, индивидуальныхъ обстоятельствъ жизни Байрона.

Критикъ приходитъ къ заключенію, что байронизмъ—явленіе, отошедшее въ прошлое и отошедшее навсегда. Очень интересно сопоставленіе г. Котляревскаго идей Байрона съ идеями Ницше.

Послѣдней статьёй третьяго тома соч. Байрона является обстоятельная біографія поэта, принадлежащая перу Е. В. Аничкова. Послѣ біографіи Байрона А. Н. Веселовскаго русскій читатель не найдетъ въ этюдѣ г. Аничкова новыхъ данныхъ, но критикъ въ совершенствѣ использовалъ переписку Байрона и весьма умѣло воспользовался свидѣтельствами современника, а также признаніями самого поэта для воспроизведенія не только вѣшней, но и внутренней жизни Байрона. Очеркъ проникнутъ искренней симпатіей къ великому поэту, борцу за свободу личности и народовъ.

Нельзя не порадоваться окончанію прекраснаго изданія Байрона и пожелать ему самага широкаго распространенія.

Л. Шепелевичъ.

О. Мирбо. *Дневникъ горничной.* Изд. С. Скимунта, перев. А. Чеботаревской. Спб. 1906 г. Ц. 1 р.

Книга Мирбо, долго находившаяся у насъ подъ своеобразнымъ цензурнымъ запретомъ—изъ-за боязни оскорбить чистоту нравовъ, пользуется совершенно несправедливой репутаціей. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ о ней было принято говорить съ двусмысленными улыбочками, „на ушко“, какъ объ остроумномъ порнографическомъ произведеніи. Между тѣмъ въ ней нѣтъ ничего порнографическаго. Правда, сцены буржуазной „любви“, изображаемыя авторомъ съ очень удобнаго пункта наблюденій, отличаются большою откровенностью, непривычною для русскаго читателя. Но ими не исчерпывается содержаніе книги. Цѣль ея—обычное для Мирбо страстное обличеніе не только нравовъ ненавистной ему, теперь господствующей буржуазіи, но и всего современнаго соціальнаго строя.

Нѣкоторымъ недостаткомъ книги является ея искусственная форма дневника, въ которой трудно выразить такое яркое и богатое общественное содержаніе, какимъ располагалъ авторъ. О томъ, что героиня его лицо, созданное его фантазіей, а не существовавшее въ дѣйствительности, нечего и говорить. Это ясно, хотя Мирбо въ своемъ предисловіи и говорить, что дневникъ „дѣйствительно написанъ“ какой-то горничной, Селестиной Р., а имъ только подвергнутъ обработкѣ. Можетъ быть, какая-нибудь наблюдательная горничная и сообщила ему свои интересныя впечатлѣнія.

Но отъ ея образа не осталось почти ничего. Въ началѣ книги авторъ еще старается примѣняться къ языку „горничной“ и ея точкамъ зрѣнія, но постепенно о ней забывается и иногда на цѣлыхъ страницахъ произносить свои гнѣвные рѣчи прямо отъ себя; забываетъ иногда о ней и читатель, захваченный чувствомъ автора...

Детальная и правдивая обрисовка одной изъ сторонъ современной жизни—безысходно тяжелаго положенія домашней прислуги—лишь частность въ интересной книгѣ Мирбо. Онъ даетъ въ ней смѣлыми штрихами болѣе широкую картину современнаго строя жизни, такъ рѣзко раздѣлившаго людей на двѣ половины: незаслуженныхъ властителей и голодныхъ рабовъ, которые даже въ мясныхъ лавкахъ за свои трудовые гроши получаютъ худшій кусокъ, чѣмъ собаки богачей. Онъ показываетъ, какъ деморализующе этотъ строй влияетъ на обѣ половины. Особенно удался автору многочисленные образы современныхъ буржуа, почти утратившихъ, отъ пресыщенія, человѣческой обликъ и вкусъ къ жизни. Капиталы, давшіе имъ внѣшнее преобладаніе, помогутъ имъ изощриться въ забавахъ и развлеченияхъ, чтобъ какъ-нибудь уйти отъ собственной пустоты и искусственно оживить дряхлое существованіе, вообще скоротать жизнь, но вдохнуть въ нихъ душу, сознание и творчество безсильны. Ихъ разрушеніе неизбежно. На смѣну ихъ должны придти другіе люди съ болѣе здоровыми тканями и творческимъ отношеніемъ къ жизни.

Не менѣе интересна вложенная авторомъ въ уста его героини характеристика класса прислуги. „Прислуга—не есть нормальное, общественное существо... Это что-то нелѣпое, составленное изъ обрывковъ и кусочковъ, которые не могутъ ни соединиться, ни разорваться... Это даже что-то еще худшее, какой-то чудовищный человѣческой улюдокъ. Онъ уже не принадлежитъ народу, изъ котораго вышелъ, ни тѣмъ болѣе буржуазіи, среди которой живетъ и къ которой льнетъ. Онъ утратилъ первобытную силу и широкую душу народа, отъ котораго онъ ушелъ. У буржуазіи онъ позавидовалъ всѣмъ постыднымъ недостаткамъ, наклонностямъ, но не получилъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Онъ получилъ отъ буржуазіи также низкія чувства, гнусную трусливость, преступные аппетиты, но безъ внѣшнихъ данныхъ, а слѣдовательно и безъ смягченій, которыми прикрываются богатые. Загрязнивъ себѣ душу, онъ постоянно вращается въ этой „честной“ средѣ, и отъ одного убійственнаго запаха этихъ гнилыхъ клоаковъ онъ утратилъ твердость мысли, опредѣленность собственнаго я“. Далѣе Селестана даетъ весьма тонкій анализъ тѣхъ „холопскихъ“ чувствъ, которыя побуждаютъ бѣдняковъ преклоняться передъ богатыми, несмотря на презрѣніе къ нимъ и сознание, что тѣ располагаютъ богатствомъ незаслуженно и случайно.

Свою благородную ненависть Мирбо съ одинаковымъ искусствомъ вложилъ и въ рисуемыя имъ картины жизни, и въ образъ героини, ко-

торая является смѣлой протестанткой противъ гнета и несправедливостей современной жизни.

Книга Мирбо появилась у насъ одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ. Лучшій изъ нихъ—въ смыслѣ точности и литературности—принадлежать г-жѣ Чеботаревской. Но и ея переводъ нельзя назвать безупречнымъ. Мѣстами онъ грѣшитъ несвойственными русскому языку оборотами, что сказывается въ особенности при перелатѣ разговоровъ, очень тонкихъ у Мирбо. Инкриминированныя „пикантныя“ мѣста тоже слишкомъ „смягчены“, что нѣсколько обезцвѣтило книгу.

Е. Колтоновская.

Г. Энгель и В. Гороховъ. *Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 гг.* СПб. Ц. 50 к.

Исторія студенческаго движенія въ Россіи—одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ русской общественности. Чуткій барометръ общественныхъ движеній, русское студенчество, въ силу особенности русской дѣйствительности и условій университетскаго быта, всегда отражало жизнь съ необыкновенной полнотой, яркостью и стремительностью. Въмѣстѣ съ обществомъ, производнымъ котораго оно является, студенчество безсильно и тускло пережило восьмидесятые и почти дѣвятидесятые годы; въмѣстѣ со всѣмъ обществомъ оно воспрянуло и зашевелилось къ концу 90-хъ гг. 1899 г. былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи студенчества; разразившіеся въ этомъ году такъ называемые „беспорядки“ были первымъ широкимъ проявленіемъ протестующаго духа; волненія сразу же охватили почти всѣ высшія учебныя заведенія и съ этой минуты уже никогда не прекращались, а лишь затихали временно. Понадобились сотни жертвъ, самыя суровыя кары вплоть до знаменитыхъ „Врем. Правилъ“ съ отдачей студентовъ въ солдаты, понадобились закрытія университетовъ, безчисленный рядъ забастовокъ и пр., пока былъ изданъ указъ Ванновскому о „сердечномъ попеченіи“. Принципіально важный, какъ признаніе негодности строя всей высшей школы, этотъ указъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій. Началась новая героическая борьба, въ результатъ которой за высшими учебными заведеніями была признана автономія. Въ короткій періодъ „дней свободы“ и растерянности правительства, прошлой зимой, автономныя университеты сыграли видную роль въ жизни страны и самая автономія была сравнительно полной и подлинной. Но долго продолжаться такое положеніе дѣлъ не могло: въ странѣ произвола и насилія не можетъ быть обособленнаго свободнаго островка, не можетъ быть оазиса гарантированныхъ правъ и свободы,—и на нашихъ глазахъ автономія высшей школы испытываетъ все большія и большія искаженія, нарушенія и ломку.

Авторы рецензируемой книги останавливаются главнымъ образомъ на

исторіи студенческаго движенія петербургскаго университета; въ разсматриваемый ими періодъ, 1899—1906 гг. петербургское студенчество, говоря вообще, стояло во главѣ движеній, какъ въ смыслѣ инициативы, такъ и въ смыслѣ глубины идейнаго вліянія. Авторы прослѣживаютъ различныя стадіи студенческихъ настроеній. Сначала идетъ періодъ академизма, т. е. періодъ, когда малосознательная масса студенчества добивалась достиженія академическихъ задачъ, не понимая ихъ непосредственной интимной связи съ общими вопросами жизни страны. За этой полосой идетъ періодъ радикализма, когда въ массы студенчества проникло убѣжденіе въ политическомъ характерѣ всякаго студенческаго движенія. Наконецъ, въ послѣдніе годы студенческое движеніе получило рѣзко выраженный политическій, революціонный характеръ; студенчество разслоилось, дифференцировалось и въ лицѣ болѣе активной части своей примкнуло къ различнымъ виѣ-университетскимъ политическимъ организациямъ; студенческое движеніе, какъ таковое, перестало существовать и потонуло въ широкомъ революціонномъ потокѣ, залившемъ всю страну.

Книжка гг. Энгеля и Горохова интересна главнымъ образомъ своимъ сырымъ матеріаломъ; здѣсь приведены резолюціи студенческихъ съѣздовъ и болѣе важныхъ сходовъ, различные циркуляры, свѣдѣнія о пресловутомъ профессорскомъ судѣ и пр. Факты эти интересны сами по себѣ, хотя изложены они довольно безпорядочно. Не всѣ части книги достаточно полны также: періодъ 1904—1906 гг., наиболѣе интересный періодъ, изложенъ здѣсь непропорціонально бѣдно и отрывисто.

Л. Вас—ій.

Проф. Г. Еллинекъ. *Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія.* Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ вступительной статьей Б. А. Кистяковскаго. Спб. 1907. Изд. маг. „Право“. 93 стр. Ц. 30 к.

Книжка извѣстнаго нѣмецкаго государствовѣда Г. Еллинека посвящена чрезвычайно интересному вопросу объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ конституцій въ новѣйшей исторіи. Авторъ останавливается на цѣломъ рядѣ явленій конституціонной жизни западно-европейскихъ государствъ, явленій, уже достаточно и рельефно опредѣлившихся въ самой жизни, но еще чрезвычайно мало освѣщенныхъ и истолкованныхъ учеными.

Первая половина чрезвычайно содержательной книжки Еллинека посвящена формальной сторонѣ измѣненій и преобразованій конституцій. Какъ мѣтко замѣчаетъ проф. Еллинекъ, „мы уже знаемъ, что законы обладаютъ гораздо меньшей силой, чѣмъ думали сто лѣтъ тому назадъ; что они всегда обозначаютъ только должное, которое въ полной мѣрѣ никогда не превратится въ сущее; что, поэтому, реальная жизнь постоянно порождаетъ явленія не соответствующія разумному плану, начертанному законодателемъ. И эта ирраціональная дѣйствительность свидѣтельствуетъ не только о не-

согласованности нормъ съ жизнью,—она направлена противъ нормы, какъ таковой. Законодатель вмѣстѣ дѣло съ силами, управлять которыми онъ считаетъ своимъ призваніемъ; но очень часто онѣ совершенно незамѣтно поднимаются противъ него и дерзаютъ даже занять его мѣсто. И эти силы не оставяли даже передъ наивысшими и глубочайшими законами. Призываемъ ли мы это, или вѣтъ, но основные законы, подобно всѣмъ другимъ, съ неотвратимою необходимостью вовлечены въ потокъ историческихъ явленій“ (4 стр.).

Уже Лассаль въ своей превосходной рѣчи „О сущности конституціи“ блестяще показавъ, что вопросы конституціи—суть вопросы соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ, и съ измѣненіемъ этого соотношенія мѣняется и „сущность конституціи“. Но крупной научной заслугой Еллинека надо признать систематическое и методически построенное доказательство измѣненія конституціи путемъ практики законодательныхъ учрежденій.

Авторъ прежде всего отмѣчаетъ то чрезвычайно любопытное явленіе что данно уже отмѣненныя конституціи продолжаютъ жить и въ правосознаніи, и въ законодательной практикѣ, если только онѣ оказались жизненны. Такъ, напр., политическая жизнь вытѣшней Франціи опирается на конституцію 1875 г. Въ этой конституціи совсѣмъ не упоминается о знаменитой деклараціи правъ, о неотъемлемыхъ основныхъ правахъ, провозглашенныхъ въ революціонную эпоху, но эти права настолько прочно и настолько неотъемлемо вошли въ общее сознаніе, что несмотря на непризваніе ихъ конституціей, съ ними и практики, и даже теоретики французскаго государственнаго права продолжаютъ считаться, какъ съ существующими. Во французской конституціи 1870 г. былъ провозглашенъ принципъ несмѣняемости судей, въ конституцію 1875 г. онъ уже не былъ включенъ, но это нисколько не мѣшаетъ считаться съ нимъ, какъ съ существующимъ.

Относительно конституцій нѣмецкихъ государствъ не специалисту, по словамъ Еллинека, трудно себѣ и представить, „до какой степени имперскіе законы изрѣштели ихъ“.

Конституціи Вюртенберга, Базена, Гессена и др. до сихъ поръ еще торжественно провозглашаютъ эти государства „гостями нѣмецкаго союза“ и предоставляютъ монарху право опубликовывать постановленія въ качествѣ соювныхъ законовъ, постановленія давнымъ-давно скончавшагося франкфуртскаго сейма!

„Очень часто,—говоритъ Еллинекъ,—положенія конституціи не ясны и растяжимы, и только законодатель послѣдующими законами, изданными на основаніи конституціи, придаетъ имъ опредѣленный смыслъ, точно такъ же, какъ лишь судья выясняетъ содержаніе законовъ, которые ему приходится примѣнять. Судебные приговоры при одинаковомъ текстѣ законовъ мѣняются въ зависимости отъ переходящихъ возрѣній и потребностей человѣка. Въ такой же зависимости отъ этихъ возрѣній и потребностей находится и

законодатель, когда онъ истолковываетъ конституцію. Что для даннаго времени является противнымъ государственнымъ установленіямъ, то въ слѣдующую эпоху представится согласнымъ съ государственными установленіями; такимъ путемъ конституція преобразуется по мѣрѣ того, какъ измѣняется ея интерпретація. И не только законодатель можетъ вызвать такое преобразование: практика парламента точно такъ же, какъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений, можетъ это сдѣлать и, дѣйствительно, дѣлаетъ. Имъ приходится интерпретировать законы—значить и конституціонные законы,—и въ ихъ рукахъ конституціонный законъ можетъ мало-по-малу приобрести совершенно иное значеніе въ правовой системѣ, нежели то, которое ему первоначально было присуще“ (13 стр.).

Во второй половинѣ своей книжки Еллинекъ затрагиваетъ еще болѣе интересный вопросъ о вліяніи внѣ-парламентскихъ социальныхъ факторовъ на измѣненіе и преобразование конституцій. Разсужденія автора здѣсь не полны; онъ совершенно не останавливается на роли классовой борьбы. Но онъ приводитъ массу примѣровъ, очень интересныхъ и самихъ по себѣ, и въ качествѣ симптомовъ проникновенія новыхъ социальныхъ вѣяній въ консервативную и формалистическую юриспруденцію.

Русскій переводъ снабженъ интереснымъ предисловіемъ Б. Кистяковского.

П. Берлинъ.

Р. Энзоръ. *Современный социализмъ* Перев. съ англ. А. Смирнова. Москва. 1906. Изд. Граната. 474 стр. Ц. 1 р.

Книга Энзора представляетъ собою социалистическую хрестоматію, въ которой приведены отрывки рѣчей, воззваній, программъ и статей различныхъ социалистическихъ писателей, дающіе въ совокупности общую картину современной социалистической мысли и практики. Авторъ ограничилъ свою задачу преимущественно *политическою* стороною вопроса, т. е. онъ излагаетъ современный социализмъ главнымъ образомъ постольку, поскольку онъ выступаетъ въ качествѣ политической партіи. Философскіе, социологическіе и т. п. вопросы, связанные съ социализмомъ, авторомъ совершенно не разсматриваются.

Авторъ предпослалъ своей хрестоматіи введеніе, гдѣ онъ общими чертами обрисовываетъ положеніе социалистическихъ партій во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Въ это предисловіе ворвались кое-какія недоразумѣнія.

Авторъ, напр., совершенно справедливо замѣчаетъ, что характеръ тактики социалистическихъ партій различныхъ странъ находится въ зависимости отъ характера политическаго строя данной страны.

Но при этомъ у автора Германія оказывается отнесенной къ группѣ

странъ съ „парламентарскимъ“, „но не демократическимъ представительствомъ“. Подобная классификація, кромѣ недоразумѣнія, ничего не можетъ породить. Парламентаризмъ—понятіе, вполне установленное и опредѣленное; это конституціонный порядокъ, при которомъ министры выбираются изъ среды господствующей въ парламентѣ партіи и отвѣтствены передъ послѣдними. Въ Германіи же министры назначаются короною внѣ всякой зависимости отъ парламентскаго большинства и выходятъ въ отставку опять-таки лишь въ зависимости отъ распоряженій короны. Это конституціонный, но не парламентарный строй.

Нельзя также не признать преувеличеніемъ, когда Эвзоръ утверждаетъ, будто кабинетъ Вальдека-Руссо и Комба „отличались плодотворною дѣятельностью съ точки зрѣнія рабочей партіи“ или что „во Франціи, Италіи и Даніи представители рабочихъ партій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывали рѣшающее вліяніе и даже господствовали въ правительствахъ“ (3 стр.).

Хорошо переведенная и прекрасно изданная книжка Эвзора сослужитъ очень полезную службу всякому, знакомящемуся съ социалистическими партіями на Западѣ.

П. Б.

- Фр. Мерингъ.** *Исторія германской социаль-демократіи.* Томы 1, 2, 3. Пер. М. Ландау. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и Ко“. М. 1906.
— *Исторія германской соц.-демократіи.* Пер. Я. Г. А—ова, вып. 1 и 2. Книгоизд. „Просвѣщеніе“. СПб.

Неизбѣжная логика вещей всякую классовую борьбу, непосредственно направленную на защиту экономическихъ интересовъ, превращаетъ въ борьбу политическую. Такъ и экономическая борьба рабочаго класса неизбежно должна была принять форму борьбы за политическую власть. Но эта борьба въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ ведется въ организованной формѣ, путемъ организаціи политическихъ партій. (Замѣтимъ встатѣ, что организованность борьбы нелѣпо отождествлять съ ея легальностью или исключительно парламентскими формами). Не разъ указывалось на тѣ условія, въ силу которыхъ рабочій классъ легче и удачнѣе всякаго иного класса (напр., крестьянства) справляется съ задачей веденія правильной политической борьбы. Въ Германіи эти условія оказались особенно благоприятными. Германскому пролетариату удалось создать поистинѣ удивительную по своей сплоченности, выдержанности и послѣдовательности политическую партію. Нѣмецкая социаль-демократія въ настоящее время заслуженно занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ тѣхъ отрядовъ международной арміи пролетариата, какими являются рабочія партіи отдѣльныхъ странъ. Не мало этому способствовало и то, что Германія была колыбелью современнаго научнаго социализма, хранитель-

ницей принциповъ коего—опять же съ наибольшимъ правомъ—считаетъ себя германская социаль-демократія.

Если добавить къ этому значеніе социализма, какъ центральнаго историческаго явленія XIX и XX вѣковъ, то легко понять, какой огромный смыслъ получаетъ исторія германской рабочей партіи. Но при этомъ выясняется также и трудность задачи—дать научную исторію этой партіи. Несомнѣнно, надлежащее выполненіе такой задачи составляетъ настоящій литературный подвигъ. Его и совершилъ извѣстный нѣмецкій публицистъ Францъ Мерингъ.

Мерингъ (род. въ 1846 г.) считается однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ „ортодоксовъ“. Тѣмъ не менѣе первый трудъ его по исторіи германской с.-д. „Zur Geschichte der Social-Demokratie“, изданный въ 1877 г., написанъ враждебно этой партіи съ точки зрѣнія нѣмецкихъ прогрессистовъ. Изъ другихъ литературныхъ работъ Меринга извѣстна его „Die Lessing-Legende“, помѣщенная въ научномъ органѣ германской с.-демократіи „Neue Zeit“ въ 1891 г., а также памфлеты противъ придворнаго проповѣдника Штекера и вождя свободомыслящихъ Евг. Рихтера. Первое изданіе (въ 2-хъ томахъ) теперешней „Исторіи германской с.-демократіи“ появилось въ свѣтъ въ 1897—98 г.; въ 1903—04 г. вышло второе изданіе (въ 4-хъ томахъ), съ котораго и сдѣланы русскіе переводы.

Весь матеріалъ расположенъ Мерингомъ въ такомъ порядкѣ. Первый томъ обнимаетъ періодъ до мартовской революціи 1848 г. Но такъ какъ „нѣмецкое рабочее движеніе и нѣмецкій социализмъ съ самаго начала отличались интернаціональнымъ характеромъ“, то въ первомъ томѣ мы находимъ іюльскую революцію 1830 г. и англійскій билль о реформѣ, утопическій социализмъ и очеркъ по исторіи англійскаго и французскаго рабочаго движенія. Все это составляетъ введеніе къ „Исторіи“. Первая же книга (въ 4 тома дѣлятся на 6 книгъ) носитъ заглавіе—современный научный коммунизмъ. Мерингъ изображаетъ какъ ту общественную обстановку, въ которой зародился научный социализмъ, такъ и тѣ идейныя теченія, которыя послужили для него исходнымъ пунктомъ (нѣмецкая классическая философія). Заканчивается 1-ая книга изложеніемъ содержанія знаменитаго коммунистическаго манифеста. Второй томъ охватываетъ періодъ съ революціи 1848 г. до прусскаго конституціоннаго конфликта 1862 года съ общимъ заглавіемъ „Мартовская революція и ея результаты“. Тутъ мы находимъ очеркъ революціи 1848 г. въ Германіи съ точки зрѣнія столкнувшихся въ ней классовыхъ интересовъ. Многочисленными цитатами изъ газеты „Neue Rheinische Zeitung“, которую издавалъ Марксъ, Мерингъ характеризуетъ отношеніе Маркса къ совершавшимся событіямъ и создаваемымъ ими положеніямъ. Затѣмъ появляется крупная историческая фигура истиннаго основателя современной гер-

манской соціалъ-демократіи, какъ политической партіи, фигура Фердинанда Лассалья. Третій томъ доводитъ исторію до франко-прусской войны 1870 г. и посвященъ описанію и характеристикѣ политической дѣятельности Лассалья, а во второй половинѣ—описанію борьбы двухъ фракцій—борьбы лассальянцевъ съ „эйзенахцами“. Наконецъ, въ четвертомъ томѣ Мерингъ даетъ исторію партіи за послѣдніа 30 лѣтъ, описывая объединеніе ея двухъ фракцій, жизнь и работу объединенной партіи подъ тяжестью закона о социалистахъ, изданнаго въ 1878 г. и послѣ его отмѣны въ 1891 году.

Этотъ краткій и голый перечень можетъ показать, съ какими обширными матеріалами имѣлъ дѣло Мерингъ. Характеръ предмета заставляетъ историка—если онъ правильно понялъ свою задачу—выйти далеко за предѣлы простого описанія разныхъ партійныхъ направленій, ихъ борьбы, смѣны и проч.

Поэтому нѣкоторыя главы въ книгѣ Меринга и представляютъ какъ бы самостоятельныя историческія очерки (укажемъ хотя бы на описаніе до-мартовской Германіи или мартовской революціи). Затѣмъ, не мало мѣсто удѣлено Мерингомъ исторіи развитія теоретическихъ принциповъ, которыми руководствуется современная с.-д., исторіи развитія научнаго социализма. Читатель найдетъ тутъ изложеніе главнѣйшихъ сочиненій Маркса, Энгельса, Лассалья, а также вообще тѣхъ писателей, которые оказали влияние на разработку социалистическихъ принциповъ. Почти всѣ идейныя теченія (литературныя, философскія) въ германской жизни второй половины XIX вѣка нашли отраженіе въ „Исторіи“ Меринга. Богатый, а—главное—недоступный для современнаго читателя матеріалъ даетъ Мерингъ въ выдержкахъ и цитатахъ изъ различныхъ періодическихъ изданій. Слѣдуетъ сказать еще о характеристикахъ отдѣльныхъ лицъ, которыхъ даетъ въ своей книгѣ Мерингъ, но это, пожалуй, относится уже не къ сырому историческому матеріалу, а къ его освѣщенію и къ его обработкѣ. Что касается послѣднихъ, то, конечно, Мерингъ стоитъ на точкѣ зрѣнія историческаго материализма. Но, какъ неоднократно онъ и самъ заявляетъ въ своей книгѣ, это не обязываетъ его принимать безъ критики все, что бы ни изрекли „отцы церкви“. Утопическія иллюзіи, которымъ поддавались даже сами основатели научнаго социализма, встрѣчаются со стороны Меринга критическое отношеніе. Даже житейское поведеніе Маркса, его подчасъ рѣзкіе, но далеко не безпристрастные приговоры о томъ или иномъ лицѣ, вовсе не исторгаютъ изъ груди „ортодокса“ Меринга умиленныхъ восклицаній, какъ это бываетъ съ другими „ортодоксальными марксистами высшей марки“. Добросовѣстное отношеніе къ своей задачѣ, безпристрастіе въ сужденіяхъ, основанныхъ на положительныхъ данныхъ, создавало для Меринга подчасъ даже нѣсколько натянутыя отношенія съ его партійными товарищами, какъ это можно видѣть

изъ его полемическихъ замѣчаній по адресу К. Эйснера въ примѣчаніяхъ къ 3-ему тому. Съ этой стороны задача Меринга была, несомнѣнно, не изъ легкихъ; вѣдь ему приходилось касаться такихъ фактовъ (и быть въ нихъ до известной степени судьей), которые могли больше затрагивать еще живыхъ людей.

Впрочемъ, Меринга не покидаетъ нѣсколько наивное стремленіе во всякомъ конфликтѣ (идейномъ или даже личномъ), какими богата жизнь крупной политической партіи,—найти такую примиряющую позицію, которая позволяла бы считать всѣхъ спорящихъ „товарищей“ людьми безупречными и только немного увлекающимися¹⁾. Психологически это, быть можетъ, и понятно, но не лучше ли и здѣсь на мѣсто психологіи поставить неумолимую логику? Не лучше ли безпристрастно оцѣнить отношенія Маркса къ Лассалю и сдѣлать соответствующіе выводы о характерахъ обоихъ великихъ людей? Историкъ партіи нѣтъ нужды канонизировать кого бы то ни было: это нехитрое дѣло можно бы предоставить бюстителямъ партійной „нравственности“...

Когда-то—и не такъ еще давно—защитники такъ называемой партійной централизаціи приводили на ряду съ другими въ пользу своихъ „принциповъ“ еще слѣдующаго рода доводъ. Для русской публики, а, слѣд., и для широкой массы партійныхъ работниковъ недоступна большая часть произведеній по теоріи и исторіи научнаго социализма. Непосредственно изъ этого источника могутъ черпать лишь лидеры партіи. А посему—слѣдовалъ выводъ—необходимо въ видахъ сохраненія чистоты ученія и правильности его примѣненія на практикѣ отдать все руководство партіей въ руки всемогущаго центра, составленнаго изъ такихъ „просвѣщенныхъ“ лидеровъ. Какъ ни нелѣпа такого рода аргументація—она имѣла раньше нѣкоторый призракъ доброкачественности: для русской публики многія сочиненія Маркса и др. социалистовъ, дѣйствительно, не были доступны. Теперь однимъ изъ безспорныхъ завоеваній революціи является то, что всѣ важнѣйшіе труды этого рода появились въ русскомъ переводѣ. Въ числѣ этихъ переводовъ имѣется и рецензируемый трудъ Меринга, изданный къ тому же сразу двумя книгоиздательствами. Всѣ непосвященные могутъ теперь обратиться непосредственно къ источникамъ мудрости, могутъ самостоятельно искать теоретическіе и историческіе аргументы въ пользу своихъ практическихъ дѣйствій, прежде продиктованныхъ лишь здоровымъ классовымъ инстинктомъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ политическаго воспитанія, значеніе „Исторіи германской социал-демократіи“ по-истинѣ громаднo. Долголѣтняя практика такой партіи вообще не можетъ не быть весьма поучительною. Для русскаго читателя

1) То же можно сказать и про примѣчанія Меринга къ письмамъ Лассалья къ Марксу и Энгельсу.

она интересна еще по 2 причинам: во-первых, потому, что судьба ставила германскій пролетаріатъ и его представителей въ правовую обстановку, весьма похожую на нашу, російскую,—именно, когда надъ ихъ головами висѣлъ законъ противъ „соціалистовъ; и во-вторыхъ, потому, что германской с.-демократіи много разъ приходилось разрѣшать какъ разъ тѣ самые тактическіе вопросы, изъ-за которыхъ идетъ борьба среди русскихъ с.-д. (вопросъ о выборахъ, о парламентаризмѣ, о соглашенияхъ и др.). Германская социаль-демократія знала фракціонный расколъ, она переживала періодъ анархическихъ иллюзій, подобно русской партіи. Разница лишь въ томъ, что общественно-экономическая отсталость Россіи представляетъ болѣе благопріятную почву для *зарожденія* и *возрожденія* всякихъ вздорныхъ иллюзій, вродѣ безотлагательнаго скачка въ царство социализма и т. под.

Конечно, сторонники такъ наз. „лѣваго“ крыла партіи не замедлятъ представить свои возраженія противъ правомѣрности проводить параллель между германской и русской с.-д. Они не преминутъ указать на несомнѣнно существующую разницу въ общественныхъ условіяхъ Германіи и Россіи. Но эта разница вовсе не исключаетъ возможности уловить тотъ „духъ германской социаль-демократіи“, которымъ пронизана ея тактика за все время существованія, начиная съ Лассаля и до нашихъ дней. Этотъ духъ заключается въ томъ, что всегда и во всемъ германская социаль-демократія остается партіей реальной политики, въ лучшемъ смыслѣ слова, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ развитію классоваго самосознанія и самостоятельности пролетаріата. Этотъ духъ всегда и при всѣхъ условіяхъ не позволялъ трескучее, шаблонное фразерство и заговорщическія иллюзіи поставить на мѣсто трезвой, послѣдовательной *классовой* (а не групповой, интеллигентской) политической борьбы.

Конечно, со скорбью приходится признать, что при этомъ германская социаль-демократія погрязло въ конституціонныхъ иллюзіяхъ худшаго меньшевистскаго пошиба, но что же дѣлать? Самъ Мерингъ непреложно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Для примѣра можно бы указать на отношеніе германской с.-д. къ вооруженному возстанію. Тутъ германскіе товарищи и даже Либкнехтъ несомнѣнно ввали въ полнѣйшую буржуазность, отрицая цѣлесообразность примѣненія старой баррикадной тактики въ современныхъ условіяхъ. Но самый фактъ постановки этого вопроса показываетъ, что и среди нѣмцевъ с.-д. были свои „большевики“ (перекочевавшіе, впрочемъ, потомъ въ лагерь анархистовъ). Въ этомъ отношеніи поучительны слова старика Либкнехта, сказанныя имъ 17-го марта 1879 года, о томъ, что с.-демократія есть „партія реформы въ строгойшемъ смыслѣ слова“ и что дѣланіе революціи—безсмысленно; это говорилъ тотъ самый Либкнехтъ, который въ концѣ 60-хъ годовъ призывалъ пролетаріатъ къ бойкоту выборовъ... Столь же любопытна рѣчь Фальтейха,

сказанная имъ въ рейхстагѣ въ 1880 году, или постановленіе с.-галленскаго парламентата 1887 года.

Надо надѣяться, что бланкистское крыло русскихъ с.-д. черезъ подлежащіе органы занесетъ „Исторію“ Меринга въ *index librorum prohibitorum* для своей вѣрующей паствы, дабы не соблазнился кто-либо изъ малыхъ сихъ.

Остается еще одна обязательная часть рецензіи: оцѣнка достоинствъ и недостатковъ перевода. На этотъ разъ оба перевода (по крайности, въ появившихся выпускахъ) надо признать по меньшей мѣрѣ выполненными добросовѣстно. Недостатокъ перевода М. Ландау (въ изданіи Граната)—чрезмѣрная близость къ подлиннику въ ущербъ литературности. Затѣмъ надо отмѣтить nepозволяемые для такого крупнаго изданія пропуски. Небольшіе пропуски отдѣльныхъ фразъ можно указать на стр. 16, 77, 132 перваго тома; но въ главѣ VII того же тома оставлено безъ перевода 1¹/₂ страницы нѣмецкаго текста (последніе абзацы главы)!

Изданіе бібліотеки „Просвѣщенія“, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ первымъ съ виѣшней стороны, но со стороны внутренней—также должно быть признано удовлетворительнымъ. Правда, въ этомъ переводѣ неточностей и даже искаженій больше, чѣмъ у г. Ландау, но все же читатель и по нему можетъ получить безусловно вѣрное представленіе объ „Исторіи“ Меринга. Явныхъ и поистинѣ убійственныхъ искаженій, на какія отваживаются наши люберальные соотечественники, занимающіе переводами съ иностранныхъ діалектовъ, такихъ явныхъ искаженій въ переводѣ почти нѣтъ. Особенно богата, однако, всякими погрѣшностями трудная для перевода глава, посвященная классической философіи.

Б. Володинъ.

Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики социаль-демократіи:

Н. Рожковъ. Капитализмъ и социализмъ. 10 к.

Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій. 12 к.

А. Голубковъ. Утопическій и научный социализмъ. 10 к.

М. М. Буржуазія и пролетаріатъ въ революціяхъ 1830 и 1848 гг. во Франціи. 20 к.

Станиславъ (А. Вольскій). Теорія и практика анархизма. 20 к.

Перечисленные брошюры являются частью задуманной систематической серіи (изъ 12—15 книжекъ), задача которой—познакомить съ программой и тактикой с.-д. широкія массы.

Объ брошюры г. Рожкова были бы недурны, если бы не страдали

отъ обычной манеры автора—стремленія дать на нѣсколькихъ страницахъ исчерпывающее изложеніе вопроса. Отсюда—конспективность, которая, несмотря на ясность и простоту языка, дѣлаетъ брошюры довольно трудными для чтенія. Обиліе матеріала, подавляющаго читателя, особенно чувствуется въ книжкѣ объ аграрномъ вопросѣ. Здѣсь разсказана исторія землевладѣнія въ Россіи за 1000 лѣтъ, охарактеризовано теперешнее состояніе аграрныхъ отношеній, рассмотрѣвъ вопросъ о капитализмѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, приведены и разобраны аргументы ревизионистовъ, сторонниковъ мелкаго хозяйства и производительныхъ товариществъ и, наконецъ (послѣ рѣшительнаго заявленія на 28-ой стр.: „мы такимъ образомъ познакомились со всѣмъ, что надо знать для рѣшенія аграрнаго вопроса“), изложены и раскритикованы аграрныя программы всѣхъ политическихъ партій. Все это на 40 страничкахъ. Брошюра принимаетъ характеръ такой-то справочной книжки. Неудивительно, что при такой манерѣ письма встрѣчаются неточности (напр., что изъ Россіи переселяется „какъ разъ столько народа, сколько вновь нарождается каждый годъ“— 29 ст.,—въ дѣйствительности во много разъ меньше), и неожиданныя для марксиста заключенія (аграрный вопросъ труденъ и *потому* разные партіи разрѣшаютъ его по-разному— 1 ст.). Брошюра о капитализмѣ того же автора лучше.

Проще и доступнѣе книжки Голубкова. Г. Голубковъ для характеристики утопическаго социализма останавливается на Оуэнѣ, Сент-Симонѣ и Фурье. Последняя глава, объ основахъ научнаго социализма, слишкомъ сжата и схематична. Отмѣчены причины, породившія утопическій и научный социализмъ, дана сдѣлка значенія утопистовъ. Въ основу своей работы авторъ взялъ известную брошюру Энгельса, котораго онъ мѣстами только перефразируетъ. Брошюра написана очень легко, это тѣмъ болѣе важно, что „Развитіе научнаго социализма“ Энгельса мало доступно для широкой массы.

Брошюра А. Вольскаго является наиболѣе интересной въ серіи. Авторъ останавливается исключительно на такъ называемомъ „коммунистическомъ анархизмѣ“, главнымъ образомъ, на Прудонѣ и Кропоткинѣ. Критика его резюмируется такъ: коммунистическій анархизмъ экономически невозможенъ, такъ какъ ведетъ къ раздробленію народнаго хозяйства; „уничтожая всякую власть надъ его отдѣльными членами, онъ даетъ просторъ не только товарищескимъ, но и буржуазнымъ наклонностямъ“ и тѣмъ „уничтожаетъ самъ себя“; „привязывая личность къ маленькой общинѣ, а не къ человечеству, дѣлаетъ сознаніе человѣка мелкимъ, узкимъ, ограниченнымъ“; онъ не наученъ, такъ какъ въ своихъ построеніяхъ опирается на воображаемый, идеальный народъ и, наконецъ, онъ „насквозь буржуазенъ“.

Вторая часть посвящена практикѣ анархизма. Осуществляя свои преддѣли на дѣлѣ, анархисты достигаютъ результатовъ, обратныхъ ихъ жела-

нѣмъ. Стремясь свергнуть буржуазное владычество, они въ дѣйствительности силачиваютъ буржуазію, обрушиваясь на государство, они своими дѣйствіями усиливаютъ государственную власть, давая ей въ руки новые полномочія. Они вносятъ духъ разрушенія въ ряды пролетаріата. Для иллюстраціи своихъ утвержденій авторъ очень удачно использовалъ извѣстное испанское возстаніе 1873 года и барселонскую стачку. Что касается блестящаго расцвѣта французскаго синдикализма, такъ онъ обусловленъ какъ разъ отказомъ отъ анархической теоріи и особенно отъ анархистской тактики. Увлекательную брошюру А. Вольскаго мы особенно рекомендуемъ читателю.

Въ концѣ каждой книжки (примѣръ, заслуживающей подражанія) указана литература для дальнѣйшаго изученія предмета. Не мѣшало бы отмѣтить, въ какой послѣдовательности читать рекомендованныя книги и что можно найти въ каждой изъ нихъ.

П. Л.

А. Клейнбортъ. *Безработица и движеніе безработныхъ.* Изд. ред. „Образованія“, стр. 72. Ц. 80 к.

Вотъ уже болѣе года (съ ноября — декабря 1905 г.), какъ хроническая безработица послѣднихъ 5—6 лѣтъ вступила въ острую фазу, и тѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать. Существенная роль въ этомъ принадлежитъ, конечно, экономическимъ причинамъ: стѣсненію денежнаго рынка, сокращенію казенныхъ заказовъ и т. д. Однако, наиболѣе характерной чертой настоящей безработицы является ея „контръ-революціонный характеръ“. Въ настоящее время, говоритъ г. Клейнбортъ, „выбрасываніе рабочихъ — актъ не чисто-экономическій. Оно является мстью и правительства, и буржуазіи за революціонныя выступленія пролетаріата, за рядъ забастовокъ, заставившихъ ихъ пойти на уступки“ и т. д. Въ интересной брошюрѣ г. Клейнборта хорошо подчеркнута и иллюстрирована фактами именно эта сторона теперешней безработицы — преслѣдованія рабочихъ предпринимателями и правительствомъ и обостреніе на этой почвѣ экономическаго кризиса. Съ другой стороны, и „движеніе безработныхъ“ разсматривается авторомъ, какъ часть „революціоннаго выступленія пролетаріата“, подчеркивается общность у насъ между движеніемъ безработныхъ и общепролетарскимъ движеніемъ.

Общій анализъ такого сложнаго явленія, какъ происходящая теперь въ Россіи „безработица“, приводитъ г. Клейнборта къ вполне основательной оцѣнкѣ тактическихъ задачъ пролетаріата въ данномъ отношеніи. Конечно, говоритъ г. Клейнбортъ, пролетаріатъ долженъ добиваться и общественныхъ работъ, и приостановки заказовъ за-границу, но основнымъ лозунгомъ должно быть требованіе „уничтоженія политики искусственнаго голода“.

Брошюра г. Клейнборга, трактующая одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ попытка освѣтить современную „безработицу“ съ точки зрѣнія борьбы революціонныхъ и контрреволюціонныхъ силъ. Слѣдуетъ лишь пожалѣть, что авторъ не достаточно подробно коснулся фактовъ такой борьбы въ провинціи, особенно въ Польшѣ и на югѣ. Мало затронуть также матеріалъ объ отношеніи провинціальныхъ городскихъ думъ къ безработнымъ; не мѣшало бы также подробнѣе остановиться на томъ, что и какъ дѣлалось городскими думами въ этомъ вопросѣ, привести соотвѣтствующій цифровой матеріалъ и т. п.

Б. В—ій.

Де-Воланъ. *Въ странѣ миллиардовъ и демократіи.* Очерки и замѣтки. Съ 12 иллюстр. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1907 г. Стр. 321. Ц. 2 р. 25 к.

Страна миллиардовъ и демократіи это, конечно, Американскіе Штаты— страна желтаго дьявола, свѣтлыя и темныя стороны которой вызывали къ себѣ самое разнообразное отношеніе многочисленныхъ писателей, посвящавшихъ Штатамъ свое вниманіе и талантъ.

Контрасты въ социальномъ строѣ, въ бытѣ и нравахъ достигли въ этой странѣ наивысшаго, не встрѣчающагося больше нигдѣ напряженія, но проныцательнаго наблюдателя американской жизни формы „новаго“ развитія могутъ поразить лишь колоссальностью своего размаха. Въ этой высотѣ подъема и глубинѣ паденія, которыя нерѣдко совмѣщены въ одномъ и томъ же явленіи,—чѣмъ и создается впечатлѣніе рѣжущаго контраста—мы открываемъ все тѣ же знакомыя намъ силы, которыя видоизмѣняли формы развитія человѣческихъ обществъ въ процессы эволюціи не только въ Европѣ, но вездѣ въ мірѣ. Такимъ образомъ, проныцательнаго наблюдателя въ Америкѣ поражаютъ лишь новыя формы, но не новыя силы, творчество и приспособленіе матеріальнаго рода, но не то, какое мы называемъ духовнымъ. Что касается наблюденій и впечатлѣній путешественника, который является въ Штаты безъ умѣнья вскрывать сущность явленій, не отменяя отъ нихъ шелухи вѣщности, который изучаетъ страну мимолетно изъ окна вагона, съ балкона фешенебельной гостиницы и схватываетъ скорѣе угловатости и острыя грани, выступающія въ изобиліи на фонѣ новой для него жизни и приступаетъ къ анализу ея съ очень мелкимъ содержаніемъ собственнаго міровоззрѣнія, то какое бы количество явленій ни вошло въ сферу его наблюденій, какую массу цифръ ни привелъ бы онъ изъ многочисленныхъ отчетовъ разныхъ официальныхъ и неофициальныхъ учрежденій,—въ концѣ концовъ даваемое имъ изображеніе коснется лишь вѣщности явленій, въ которомъ въ мигомъ величин и великолѣпіи выступятъ „свѣтлыя“ стороны заатлантической жизни.

Такова и разбираемая нами книга. Авторъ постигъ разныя ~~дѣла~~

Штатовъ, жилъ тамъ, былъ знакомъ съ выдающимися дѣятелями, наблюдалъ разнообразныя явленія во всей ихъ картинности (напр., выборы) и умѣеть вложить свои впечатлѣнія въ безыскусственной, непритязательной, въ то же время въ занимательной и живой формѣ. Въ описаніи быта удѣлено много мѣста собственнымъ впечатлѣніямъ, приводится множество интересныхъ случаевъ, слышанныхъ авторомъ отъ другихъ лицъ или вычитанныхъ изъ газетъ, и потому эта часть книги покажется всякому читателю, желающему получить первыя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, интересной. Другую часть составляютъ многочисленныя, часто очень свѣжія цифровыя данныя (статистика), вкрапленныя въ соответствующія главы, гдѣ авторъ помѣщаетъ также сплошь и рядомъ свои собственные сужденія, которыя очень часто таковы, что изобличаютъ, съ одной стороны, поверхностное знакомство автора съ описываемымъ явленіемъ, съ другой—мелководіе его собственныхъ идеаловъ. Для того, чтобы убѣдиться въ первомъ, достаточно прочесть главы 31 и 32 (промышленные союзы, заработная плата, рабочіе союзы и другія рабочія организаціи, борьба капитала и труда, стачки, социализмъ и т. п.), о второмъ же свойствѣ автора даетъ хорошее представленіе глава 25 (университеты, женское образованіе, народныя университеты, библіотеки). Напримѣръ, въ сужденіи своемъ о тактикѣ американскихъ рабочихъ авторъ болѣе чѣмъ наивенъ: такъ, онъ очень порицаетъ рабочихъ за стачки и рассуждаетъ объ ихъ упрямствѣ, тупости и лѣности такъ, какъ судилъ бы объ этомъ предметѣ, напр., генераль Ветрищевъ. Сравнивая американскихъ студентовъ съ русскими, авторъ приходитъ то въ восхищеніе, то въ негодованіе: въ Америкѣ студенты передъ ученьемъ собираются на общую молитву, а наши придумали стачки, чтобы не учиться. Въ Америкѣ студентки, живущія въ общежитіи, должны возвращаться къ опредѣленному, довольно раннему часу домой, а на экскурсіи отправляются подъ наблюденіемъ надзирательницы. „Свобода такая, къ какой вообще привыкли американцы. И тутъ не всѣ студентки богаты, и бѣдныя прислуживаютъ за столомъ, принеся работы, получаютъ стипендіи. Это не мѣшаетъ хорошимъ товарищескимъ отношеніямъ съ другими студентками, которыя побогаче“. Такъ заканчиваетъ авторъ свое описаніе университетскаго общежитія для студентокъ. Автора не шокируетъ, что бѣдныя студентки прислуживаютъ за столомъ богатымъ безъ ущерба товарищескимъ отношеніямъ, такъ же не шокируетъ, какъ не шокируетъ то обстоятельство, что въ Америкѣ вообще бѣдныя только и дѣлаютъ, что прислуживаютъ богатымъ, каковое обстоятельство не мѣшаетъ свободѣ и равенству въ ихъ взаимномъ обращеніи, въ чемъ и заключается американскій демократизмъ. Авторъ съ благоговѣніемъ повторяетъ въ вѣщую похвалу милліардерамъ, служителямъ желтаго Ваала, лицемѣрную и американски-наглую ложь милліардера Карнеги, который приписываетъ всѣ свои успѣхи на почвѣ обогащенія Providѣ-

мію! Подумаешь, не въ томъ ли тайна обогащенія и другого миллиардера, Гульда, который на сляотѣ дней своихъ содержалъ кругомъ себя стражу, ибо многочисленныя жертвы его мошенническихъ операцій, обобранныя до нитки, не разъ покушались на самую жизнь его?..

Необычайные успѣхи техники, кипучая промышленная дѣятельность, почти безграничная свобода личности, колоссальныя сооружеія и столь же колоссальныя затѣи и причуды, превосходныя школы, богатые университеты, общедоступность комфорта и тысячи другихъ явленій подкупають иноземца и заставляютъ его снисходительно прощать американцамъ ихъ отрицательныя стороны и странности. Съ двойственнымъ чувствомъ восхищенія и снисходительнаго порицанія онъ любитъ все растущей громадой, грозящей перерасти и задавить Европу. Онъ „не скрываетъ отъ себя темныхъ сторонъ“, но болѣе всего пораженъ,—пораженъ размѣрами, въ какіе выливается всякое явленіе, и такъ какъ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ переищиваютъ всѣ остальные, то въ концѣ концовъ грандіозность картины застилаетъ ясность критическаго взора и сжимаетъ углы вѣрнія на скрытыя подъ поверхностью жизни явленія. Впрочемъ, сами американцы охвачены самовосхищеніемъ, рѣдко случается, чтобы кто-нибудь рѣшилъ сорвать покровъ съ великолѣпія и обнажить хоть влочекъ зыбкой почвы, въ которую уходить все глубже и глубже считавшіеся нѣкогда неизблемыми великіе либеральныя принципы, на которыхъ знаменитые дѣятели XVIII в. построили зданіе американской общественности. Если же находится смѣлый, то передъ читателемъ развертывается картина такой глубины паденія, равную которой не сыскать нигдѣ. Нѣкоторыя иллюстраціи всеобщей продажности (суда, прессы, администраціи) читатель найдетъ въ разбираемой книгѣ, но если ему захочется познакомиться ближе съ подноготной великой заатлантической республики, то мы рекомендуемъ ему прочесть романъ „Джунгли“ (въ русскомъ сокращенномъ переводѣ въ „В. Е.“ за 1906 г. онъ озаглавленъ „Дебри“), который лучше книги де-Волана объяснить ему, какими несповѣдимыми путями американскіе миллиардеры наживаютъ миллиарды и какова цѣнность демократіи, въ обстановкѣ которой возможны ихъ подвиги.

Н. Березинъ.

К. Н. Вентцель. *Свободное воспитаніе и образованіе.* Подъ ред.

И. Горбунова-Посадова. Вып. 6.

— *Борьба за свободную школу.* М. 1907.

Теперь пробиваютъ себѣ дорогу къ осуществленію идеи единенія семьи и школы, педагогическаго оздоровленія вообще. И сборникъ г. Вентцеля, столь давняго и освѣдомленно тяготящаго къ обновленію школы, во всякомъ случаѣ можетъ служить какъ будущее подспорье для соответственныхъ об-сужденій. Если не нова, то безусловно цѣнна основа „вступленія“ книги: въ ребенкѣ „таится будущій творецъ новой жизни“, „творческія силы и

есть то самое, высшее, что мы должны воспитывать въ каждомъ чело-
вѣкѣ“. Далѣе идетъ нѣкоторый историческій очеркъ комиссіи 1903 г.
при московскомъ педагогическомъ обществѣ по вопросу объ организаціи
семейныхъ школъ. Такая „семейная школа основывается ассоціаціей ро-
дителей, соединившихся для того, чтобы общими усиліями организовать
воспитаніе и образованіе дѣтей“. Школа эта „не должна быть отрѣзана
отъ жизни, отъ дѣйствительности, отъ природы“. Оча даже готовятъ
„безкорыстныхъ общественныхъ работниковъ“. Живыя и интересныя сооб-
щенія и пренія комиссіи вращались,—пожалуй, по обыкновенію нашему,—
въ довольно общихъ теоретическихъ рамкахъ и свѣтлости тенденцій не
обнаруживали. Въ высшей степени любопытную и содержательную часть
книги составляютъ отзывы иностранцевъ - педагоговъ, высказавшихся о
дѣлахъ комиссіи. Несравненно стройнѣе и конкретнѣе заговорила комис-
сія, перейдя въ слѣдующій, что ли, фазисъ, когда слово „семейная школа“
окончательно „стало“ для нея синонимомъ „свободная школа“. Въ ре-
зультатѣ—30-го апрѣля 1905 г. имѣло мѣсто учредительное собраніе
„Союза Самообразования“. Самъ г. Вентцель уже видоизмѣнилъ свое отно-
шеніе къ „основнымъ задачамъ семейной школы“. Мы читаемъ на стр. 28
такую выноску: „Въ настоящее время авторъ придерживается другого
взгляда, который подробно развитъ въ имѣющейся появиться въ скоромъ
времени книгѣ „Какъ создать свободную школу“. Въ послѣдней части
сборника приведены выдержки „изъ сочиненій разныхъ писателей, касаю-
щихся значенія принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія и образованія“. Цитируются Монтэнъ, Коменскій, Руссо, Песталоцци, Спенсеръ, Гаральдъ,
Гейдингъ и др. Изъ русскихъ—Сковорода, Новиковъ, Пироговъ, Ушин-
скій, Стоюнинъ, Лесгафтъ, Толстой и др.

А. Налимовъ.

Д-ръ Л. Котельманъ. *Основы школьной гигиены.* Переводъ съ нѣмецкаго Д. Королькова, директора московской гимназіи имени Григорія Шеллаутяна. Подъ редакціей, съ дополненіями и примѣчаніями д-ра В. О. Игнатъева. Москва. 1906. 436 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

Русская гублика знакома уже съ основными положеніями этого руко-
водства по сокращенному переводу послѣдняго, сдѣланному д-ромъ Врейтма-
номъ и изданному въ 1901 г. редакціей журнала „Русская Школа“.

Несмотря на надлежащее, повидимому, знакомство съ предметомъ автора,
какъ бывшаго врача при среднемъ учебномъ заведеніи (Johanneum) въ
Гамбургѣ и редактора перваго школьно-гигиеническаго журнала, озна-
ченное сочиненіе не представляетъ ничего ни особенно новаго, ни ориги-
нальнаго, а является какъ бы копіей обычныхъ нѣмецкихъ руководствъ
по школьной гигиенѣ.

Авторъ оказывается довольно узкимъ спеціалистомъ по глазнымъ

дѣтскимъ болѣзнямъ, но мало знакомымъ съ физиологіею и психологіею дѣтскаго возраста, равно и съ тѣлеснымъ воспитаніемъ. Онъ заботится собственно объ обстановахъ ученика въ стѣнахъ школы, о вѣшной средѣ, но почти не входитъ въ подробности условій внутренней жизни ребенка, слабо выясняетъ значеніе умственной гигиены и совсѣмъ не касается гигиены нравственной.

Введеніе авторъ посвящаетъ исторіи школьной гигиены въ Германіи, забывая, что, кромѣ этой страны, о здоровьѣ учащихся заботились и въ другихъ странахъ, что подтверждается, впрочемъ, и самимъ авторомъ, когда онъ говоритъ о заслугахъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ и славянна Амоса Коменскаго.

Книга дѣлится на два отдѣла: гигиена школы и гигиена учащихся.

Опуская подробности касательно мѣстности и постройки школьныхъ зданій, равно площади и объема классныхъ помѣщеній, авторъ не говоритъ ничего и объ интернатахъ. Къ этому, въ книгѣ не находимъ почти упоминанія ни о школьныхъ душахъ, ни о рекреационныхъ помѣщеніяхъ, ни о столовыхъ (*cantines scolaires*), ни о школьныхъ дворахъ и аренахъ для игръ, ни о гимнастическихъ залахъ, если не считать отрывочныхъ о нихъ замѣчаній, разбросанныхъ по книгѣ. Зато авторъ не забываетъ деталей, взлюбленныхъ глазами врачами, и входитъ въ такія подробности обо всемъ, касающемся гигиены зрѣнія, что можно подумать, будто дѣло идетъ не объ учащемся или умственномъ рабочемъ, а объ какомъ-то писарѣ или чиновникѣ, ничего не знающемъ, кромѣ письма да чтенія. Такъ, объ искусственномъ освѣщеніи классовъ авторъ распространяется безъ нужды слишкомъ много, равно напрасно повторяетъ всѣмъ извѣстныя вещи о школьныхъ столахъ и скамьяхъ, не знакомя собственно читателя съ надлежащимъ ихъ распредѣленіемъ по возрастамъ и не дѣлая строгой оцѣнки имѣющимся ихъ образцамъ въ школахъ.

Во второмъ отдѣлѣ книги авторъ касается новѣйшихъ работъ психологовъ по утомленію учащихся, т. е. входитъ въ область психологіи, но, къ сожалѣнію, не говоритъ ничего о вліяніи умственного труда на чисто физиологическія отправленія, напр., на дыханіе, кровообращеніе и пр., на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, т. е. упускаетъ изъ виду данныя, наиболѣе любопытныя и необходимыя для гигиениста, для школьнаго врача.

Имѣются въ книгѣ подробности объ умственномъ переутомленіи учащихся, но, къ удивленію, авторъ не говоритъ ни слова о вліяніи на переутомленіе гнетущаго настроенія дѣтей, о вліяніи неподходящихъ методовъ обученія, о характерѣ и распредѣленіи учебныхъ предметовъ, о недостаточности сна и т. д.

О нервности учащихся сообщается мало поучительнаго. Противъ нейрастеніи (нервной слабости) авторъ совѣтуетъ физическій трудъ, между тѣмъ какъ большинство врачей считаютъ въ этомъ случаѣ лучшимъ средствомъ

полный отдых, а не усиленное мышечное упражненіе. Проф. Моссо справедливо доказываетъ, что, „утомленіе бываетъ только одно, нервное, и что предлагать замѣнять умственный или мозговой трудъ мышечнымъ—значитъ къ мозговому напряженію присоединять еще новое напряженіе, съ нимъ одинаково, и одинаково вредное для нервной системы“.

Не мало имѣется въ книгѣ свѣдѣній о мѣрахъ разныхъ германскихъ правительствъ къ улучшенію умственной гигиены учащихся, но авторъ не касается подобныхъ лучшихъ мѣръ, какія принимаются администраціею новѣйшихъ общеобразовательныхъ школъ, какъ, напр., аббатсгольмской, демелэнговской и пр.

При описаніи нервныхъ болѣзней авторъ говоритъ о двухъ обычныхъ школьныхъ порокахъ: объ употребленіи учащимися спиртныхъ напитковъ и о куреніи табака. Авторъ не выясняетъ только причинъ увлеченія этими пороками, да не указываетъ собственно никакихъ мѣръ борьбы съ ними, между тѣмъ какъ борьба эта составляетъ одну изъ насущныхъ задачъ для педагоговъ и школьныхъ врачей во всѣхъ странахъ.

Авторъ посвящаетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, вниманія вопросу о близорукости и искривленіяхъ позвоночника, этихъ излюбленныхъ областяхъ гг. окулистовъ, приписывающихъ все зло болѣзней учащихся школъ и ученію. Онъ повторяетъ подробности, давно извѣстныя, но забываетъ сказать, что новаго въ означенныхъ областяхъ внесено современными врачами и гигиенистами. Равнымъ образомъ авторъ отрицаетъ законность кривого почерка и упорно стоитъ за почеркъ прямой, отъ котораго отказываются теперь даже въ тѣхъ нюрнбергскихъ школахъ, гдѣ онъ былъ введенъ впервые.

Говоря о заразныхъ болѣзняхъ, авторъ приводитъ противъ нихъ только мѣры гигиеническія, забывая или, пожалуй, не желая упомянуть о мѣрахъ тѣлеснаго воспитанія (о закалываніи), которыя общающъ не менѣе, если не болѣе, успѣха въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.

Авторъ къ заразнымъ болѣзнямъ считаетъ цѣлесообразнымъ приурочить онанизмъ, вмѣсто того, чтобы говорить о немъ въ связи съ обычными пороками учащихся: алкоголизмомъ и куреніемъ табака.

Авторъ не выясняетъ причинъ развитія этого порока, хотя въ настоящее время имѣется уже, по нашему мнѣнію, достаточно данныхъ для рѣшенія вопроса.

Переводъ книги тяжеловатъ и мѣстами недостаточно точенъ. Недостаетъ въ книгѣ подробнаго оглавленія. Внѣшность изданія (бумага, печать, рисунки) весьма удовлетворительная. Цѣна книги (1 р. 75 к.) крайне умѣренная.

Вообще для обыкновеннаго, не посвященнаго въ гигиену, читателя книга даетъ значительное количество свѣдѣній, для врачей же, въ особеннѣности школьныхъ, далеко недостаточна.

А. Виреніусъ.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Евгеній Лексановъ. Стихотворенія. 1906 г. Ц. 40 к.

А. Амфитеатровъ. Сказанія времени. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. Легенда о Великомъ Инквизиторѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Берта Зуттнеръ. Долой оружіе! Романъ. Пер. съ нѣм. Юнаго Читателя. Ц. 15 коп.

О. Н. Краевъ. Женскій вопросъ. Ц. 1 р.

П. Оленинъ. Какъ онъ жилъ... Психологическій романъ. Ц. 50 коп.

Юлій Словацкій. Ангелы. Перев. В. Высоцкаго. Ц. 25 к.

Джекъ Лондонъ. На днѣ. Очерки изъ жизни лондонскихъ бѣдняковъ. Перев. съ англ. Е. А. Гурвичъ. Ц. 75 к.

Изданія ред. журн. „Русское Богатство“.

С. А. Савенкова. Годы скорби (Воспоминанія матери). Ц. 15 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. Безъ идей (Изъ разсказовъ о войнѣ). Ц. 75 к.

П. Лавровъ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Георетики сороковыхъ годовъ въ наукѣ и вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

В. Грагамъ. Соціализмъ, новый и старый. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Г. Адлеръ. Исторія соціализма и коммунизма. Ц. 15 к.

А. Шефеле. Сущность соціализма. Полн. перев. съ нѣм. Л. Чаплинскаго. Ц. 15 к.

Изданія Книгоиздательства „Дѣло“.

Атлантинусъ. Государство будущаго. Перев. съ нѣм. А. Гродзинскаго, подъ ред. и съ предислов. прив.-доц. М. В. Бернацкаго. Ц. 40 к.

Вильямъ Моррисъ. Вѣсти ни откуда. Утопія. Перев. съ англ. А. П. Ц. 50 к.

Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Перев. съ нѣмецк. Изд. Кн-ва „Мысль“ А. Миллеръ. Ц. 2 р.

Итоги и перспективы. Сборникъ статей. Ц. 80 к.

Изданія Т-ва „Знаніе“.

Евгеній Чириковъ. Разсказы. т. V. Ц. 1 р.

Иванъ Бунинъ. Стихотворенія. 1903—1906. Т. III. Ц. 1 р.

Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ ком-

мунистической партіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Пер. съ нѣм. А. Орловскаго. Ц. 12 к.

Августъ Бебель. Постоянная армія и народная милиція. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. П. Орловскаго. Ц. 15 к.

Изданія Кн-ва „Молодая Россія“.
Сергій Самыгинъ. Изъ прошлаго. Ц. 3 к.

И. Черновъ. Луи Бланъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к.

М. Гоць (М. Рафаиловъ). Система правды и наши общественныя отношенія. Вѣглыя замѣтки. (О критикѣ и догмѣ). Ц. 18 к.

Свободное Воспитаніе и Образованіе
Подъ ред. П. Горбучова-Посадова.

С. Дурманнъ. Въ школьной тюрьмѣ. Исповѣдь ученика. Ц. 15 к.

В. Ермиловъ. Дѣтская страда. Педагогическіе очерки. Ц. 20 к.

К. Н. Вентцель. Какъ создать свободную школу.

Его же. Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к.

Эрнестъ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Перев. съ англ. Ц. 40 к.

Пятая книжка педагогической психологии. Подъ ред. А. П. Нечаева. Ц. 70 к.

Н. И. Кулябко-Корецкій. Франція въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 75 к.

К. Брешенковъ. Курсъ русскаго синтаксиса. Ц. 50 к.

Eichard Dedekind. Непрерывность и ирраціональныя числа. Пер. съ нѣм. прив.-доц. С. Шагуновскаго. Ц. 40 к.

Проф. Дж. Перри. Вращающаяся волчокъ. Перев. съ англ. 60 к.

Германъ Шубертъ. Элементарное вычисленіе логарифмовъ. Перев. съ нѣм. А. Петрова. Изд. К. Тихомирова. Ц. 30 к.

Изданія Н. Е. Парамонова „Домашняя Рѣчь“.

А. И. Новиковъ. Наши братья. Ц. 3 к.

Его же. Какъ должны писаться законы. Ц. 5 к.

- А. Толстой.** Эзекучія. Стыдно. Ц. 2 к.
Его же. О смертной казни. (Глава изъ „Воскресенія“). Ц. 1 к.
Ольга Волькенштейнъ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германіи. Ц. 1 1/2 к.
Ея же. Для чего нужна свобода слова и собраній-сходокъ. Ц. 1 к.
Ея же. Почему у насъ требуютъ неприкосновенности личности и жилища. Ц. 1 к.
И. П. Бѣлоконскій. За что и почему? **Его же.** На высотѣ своего призванія. Ц. 3 к.
Его же. Деревенская конспирація. Ц. 2 к.
Его же. Голодъ, вырожденіе, вымираніе и невѣжество русскаго народа, какъ слѣдствіе полицейскаго строя. Ц. 3 к.
А. Сатуринъ. Германскій императоръ и народъ. Ц. 3 к.
Его же. Исторія одной стачки. Ц. 4 к.
В. Измайловъ. Мать. Ц. 3 к.
Его же. Какъ мужичокъ нашель то, что ему было нужно (Сказка). Ц. 1 к.
Н. А. Кабановъ. Какъ улучшить крестьянское хозяйство. Ц. 4 к.
Послѣдній день Малалева. Ц. 3 к.
Министры—слуги народа. Вып. I. **Министры въ самодержавномъ государствѣ.** Ц. 3 к.
Взятіе Бастиліи. Ц. 1 1/2 к.
Хаймъ Гершковичъ. Ц. 5 к.
Обзоръ литературы по крестьянскому вопросу. Ц. 5 к.
Ирландецъ Джонъ и голодаевскіе мужики (Не сказка). Ц. 1 1/2 к.
Слово о крестьянской бѣднотѣ. Ц. 10 к.
Ш. Ключковъ. Крестьянство и воля. Ц. 6 к.
Ө. Кайданова. Декабристы. Ц. 10 к.
А. П. Никифоровъ. Смертная казнь. Сборникъ. Ц. 6 к.
Г. К—ша. Национальныя мастерскія во Франціи въ 1848 г. Ц. 5 к.
М. Дятинъ. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами и „народомъ“. Ц. 20 к.
Мик. Рыбачій. Шестипалый. Ц. 4 к.
Емъ. На разсвѣтѣ. Состав. Л. А. Бессель. Ц. 20 к.
Владиміръ Беренштамъ. Рѣчь защитника поякутскому процессу. Ц. 15 к.
Ав. Бебель. Государство будущаго. Ц. 10 к.
Вас. Бруснянинъ. Заразные люди. Ц. 2 к.
Невозмогу. Изд. Н. Ө. Новожилова. Ц. 9 к.
Викторъ Гюго. Клодъ Ге. Перев. съ франц. Н. В. Ц. 3 к.
Батракъ. Товарищъ, не измѣняй. Ц. 2 к.
Маньковскій. У подножія висѣлицы. Ц. 6 к.
М. Поповъ. Къ биографіи Ипполита Никитича Мышкина. Ц. 5 к.
Алексій Народолецъ. Почему крестьяне требуютъ земли и воли. Ц. 3 к.
В. Федоровъ. Къ вопросу о воинской повинности въ Россіи. Ц. 8 к.
О. Мирбо. Крестичны. Проповѣдь (2 расказа). Ц. 1 1/2 к.
П. Кропоткинъ. Что дѣлать? (Къ молодежи). Перевъ съ франц. Н. Павловича. Ц. 4 к.
Георгъ Герронтъ. Судный день капитализма. Ц. 6 к.
Мих. Львовичъ. Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсень. Ц. 20 к.
А. Пѣшехоновъ. Основныя задачи аграрной реформы. Ц. 3 к.
Н. Дубровскій. Франція Буржуазія и пролетаріатъ въ іюльскіе дни (Очерки по исторіи 30 и 40 годовъ XIX ст. въ Западной Европѣ). Ц. 8 к.
С. Я. Надсонъ. Стихотворенія. Ц. 3 к.
- Изд. „Донская Рѣчь“.*
- Ламенне.** Слово вѣрующаго, подъ ред. Л. П. Никифорова. Ц. 6 к.
И. Франна. Лѣса и пастбища. Ц. 2 к.
Мазовецкій. Политическія партіи въ Польшѣ. Ц. 12 к.
Эрико Малачеста. Въ кофейнѣ. Ц. 7 к.
С. Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Ц. 25 к.
В. Алексѣевъ. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 20 к.
„Былое“, журналъ, издававшійся за границею подъ ред. В. Л. Бурцева. Вып. I. (1900—1902 гг.). Вып. II. (1903—1904 гг.). Ц. кажд. вып. 50 к.
Процессъ шестнадцати террористовъ. (1880 г.). Подъ ред. и съ прим. В. Бурцева. Ц. 60 к.
- В. Ө Герцъ.** Арифметика. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній и самостоятельнаго изученія. Ц. 80 к.
М. Олейникъ. Какъ рѣшить аграрный вопросъ? (Очерки). Ц. 20 к.
М. Назаровъ. Итоги голоднаго года. Изъ журн. Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1906 г. № 5.
Юлій Гессенъ. О жизни евреевъ въ Россіи. Записка въ Государственную Думу. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Ц. 75 к.

- А. Салюччи.** Теорія стачки. Перев. съ итальянск. Изд. С. Е. Коренева. Ц. 40 к.
- К. М. Вентцель.** Цѣпя невидимаго рабства. Изд. Кн-ва „Посредникъ“. Ц. 5 к.
- Ив. С. Абрамовъ.** Деревенскіе очерки. Изд. Кн-ва „Свободная жизнь“. Ц. 7 к.
- Мангеймскій партейтагъ германской соціалъ-демократіи.** Доклады и пренія о массовой стачкѣ съ пред. П. Орловскаго. Изд. Кн-ва „Интернаціональ“. Ц. 25 к.
- Автономная организація средней школы.**
- Максимъ Новалевскій.** Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патриархальной монархіи къ парламенту. Т. II. Ц. 2 р.
- Изданія М. В. Пирожкова.*
- П. М. Могилянскій.** Интернаціональ. Ц. 15 к.
- Эрнестъ Ренанъ.** Апостолы. Пер. Е. В. Святловскаго. Ц. 1 р. 50 к.
- Проф. Александръ Трачевскій.** Учебникъ новой исторіи. Ц. 1 р. 75 к.
- А. П. Шаповъ.** Сочиненія, т. I. Ц. 3 р.
- В. П. Аленсѣвъ.** Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. Изд. Е. В. Кожовникова и Е. А. Коломійцевой. Ц. 15 к.
- Изд. Кн-ва „Трудъ и Борьба“.*
- Ю. Делевскій.** Діалектика и математика. Ц. 20 к.
- Его же.** Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Ц. 25 к.
- Карлъ Наутопій.** Американскій и русскій рабочій. Перев. съ нѣм. А. Лурье, подъ ред. съ предисл. Б. Авилова. Изд. Т-ва „Знаніе“. Ц. 15 к.
- П. Умбрейтъ.** Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессиональныхъ союзовъ. Перев. съ нѣм. Изд. Кн-ва „Мологѣ“. Ц. 30 к.
- Задачи социалистической культуры.*
Изд. и перев. Б. Ревзина и Г. Постмана въ Берлинѣ.
- Эд. Давидъ.** Соціализмъ и сельское хозяйство. Ц. 20 к.
- Г. Линдеманъ.** Коммунальная политика соціализма. Ц. 15 к.
- А. фонъ-Эльмъ.** Соціализмъ и профессиональное движеніе. Ц. 15 к.
- Два закона. Изд. Кн-ва „Рабочій народъ“.*
- В. В. Бруснянинъ.** Судьба первыхъ депутатовъ. Изд. Кн-ва „Современникъ“. Ц. 20 к.
- Эмво.** Для чего нужно народное образование. Изд. Кн-ва „Вѣрный Путь“. Ц. 4 к.
- Всеобщая политическая забастовка на мангеймскомъ партейтагѣ.** Рѣчи Бебеля, Легина, Каутскаго, Р. Люксембургъ, Давида и Шмидта. Перев. съ нѣм. Ал. Витгина и Л. Жбанкова. Изд. С. Н. Гаврилова. Ц. 25 к.
- Иосифъ Дидгенъ.** Завоеванія (аквизитъ) философіи и письма о логикѣ. Перев. съ нѣм. П. Дауге и А. Орлова, съ предислов. къ русск. перев. Евген. Дидгена. Изд. П. Г. Дауге. Ц. 1 р.
- Сознательная Россія.** Сборникъ на современные темы. 1906 г. № 4. Ц. 20 к.
- Книга.** Еженедѣльный критико-библиографическій журналъ, № 1. Изд. Книжн. Склада „Земля“. Ц. 10 к.
- Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ Дѣтской Помощи въ С.-Петербургѣ.** Изд. Союзъ Учрежденій Дѣтской Помощи.
- Экономическое изслѣдованіе маслодѣлія въ Сибири.** Изд. Томскаго Юридическаго О—ва. Ц. 1 р.
- Статистическія свѣдѣнія о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа въ 1905 г.**
- Хозяйственно-статистическій Обзоръ Уфимской губ. за 1905 г.** Матеріалы по текущей статистикѣ. Годъ X. Изд. Уфимской Губерн. Земск. Управы. Ц. 2 р. 25 к.
- Отчетъ о дѣятельности Харьковской Комиссіи народныхъ чтеній за 1905 г.**
- Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1905 г.**
- Отчетъ Херсонской Общественной Библіотеки и двухъ ея отдѣленій за 1905 г.**
- Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1904 г.**
- Изданія книгоиздат. „Просторъ“.*
- М. Пьерро.** Синдикализмъ и революція. Пер. съ франц. И. Вѣтрова. Ц. 20 к.
- П. Эльцбахеръ.** Сущность анархизма. Пер. подъ ред. Мих. Андреева. Ц. 75 к.
- Бадуро.** Элементы современной механики. Пер. съ франц. А. Цѣхановичъ. Ц. 20 к.
- С. Шарпантъе.** Нищія у порога Европы. Ц. 60 к.

Отклики русской жизни.

Бѣлый терроръ и партизанскія выступленія.

I.

Задача массоваго „нападенія“ ушла вглубь—не то, что силъ не хватило, — такъ можно было характеризовать декабрьскія событія, — просто фантазіи не хватило, просто „сѣрый мужикъ“, до Думы проплетанный насквозь конституціонными иллюзіями, а сейчасъ уже готовившійся къ „осенней кампаніи“, остался у разбитаго корыта. Не только „день оный“ не былъ назначенъ съ высоты, даже частичныя выступленія сколько-нибудь массоваго масштаба пошли на убыль. Разсыпалось то, что было затануто однимъ узломъ, ливнія наибольшаго сопротивленія была потеряна...

Однако, если бы понадобилось словомъ охарактеризовать то, что сейчасъ происходитъ между правительствомъ и народомъ, едва нашлось бы понятіе болѣе подходящее, чѣмъ это: „нападеніе“. Движеніе расплылось, ударившись о желѣзо реакціи, — значить, не до открытыхъ формъ. Оно ушло въ подполье, какъ уходило въ него два-три года назадъ, какъ вѣстѣ съ нимъ начинаетъ уходить въ подполье сама старая власть. Возстанія въ смыслѣ „осеннихъ кампаній“, вооруженнаго возстанія не произошло. Но тѣмъ не менѣе [передъ нами война, именно вооруженная война.

Воздухъ, полный затаеннаго ужаса... таинственныя исчезновенія людей, зловѣщія шопоты... грохотъ адскихъ машинъ, открытыя заговоры, способы осуществленія которыхъ совершенствуются съ каждымъ днемъ, — страшна всякая смерть, даже та, послѣ которой вырывается вздохъ облегченія, но что сказать о смерти, организованной въ законъ! Вотъ они, стцы отечества, вытирающие окровавленныя руки о тексты закона... Точно только для этой цѣли государство мобилизовало всю мощь своей силы, и все дѣло только въ томъ, что у правительства не хватаетъ палачей, и вмѣсто того, чтобы коротко рѣшать „повѣсить“, приходится еще прятать „особую милость“...

„Милая мама,—стонуть на одномъ полюсѣ,—передай моиѣ друзьямъ, чтобы они не выступали за меня мстителеми. Я не хочу никакихъ новыхъ жертвъ“¹⁾. Исполнители циркуляровъ, эти хищные наслѣдники всего того, что осталось еще въ правительственномъ организмѣ, напротивъ, мстительно смакуютъ кровь, играютъ на нервахъ, берутся за ту роль, отъ которой отказываются послѣдніе отбросы общества... И льется кровь, и, кажется, наступилъ уже день, когда смерть сдѣлалась единственнымъ орудіемъ борьбы съ обѣихъ сторонъ...

Гдѣ же смыслъ этого момента? По словамъ гг. Щегловитыхъ, смыслъ въ томъ, что „революціонные социалисты составляютъ гусеницу, а анархисты—бабочку, изъ нея образовавшуюся,—такова особенность „политическихъ преступленій“,—значить отсутствіе казней было бы равносильно „отказу власти защищать своихъ вѣрныхъ слугъ“²⁾. Казни, молъ, питаются терроромъ. Обратнаго мнѣнія держится обыватель. Ему кажется, что все дѣло въ приемахъ власти, что не терроръ питаетъ акты правительственной мести, а правительственная месть терроръ, что если бы власть одумалась, смягчилась, и „онъ“ бы пересталъ стрѣлять.

Я одинаково чуждъ и той, и другой точки зрѣнія. Конечно, въ смыслѣ „близости къ истинѣ“ противъ этого взаимоотношенія ничего нельзя сказать. Но по существу оно сужаетъ вопросъ, лишая его той общности, въ перспективѣ которой вопросы только и могутъ быть поняты. Взаимоотношеніе вовсе не такъ непосредственно если бы власть могла отказаться отъ роли палача, то еще вопросъ, стались ли бы прятаться бомбы, и наоборотъ. Вся наивность и казеннаго, и обывательскаго пониманія именно въ томъ, что ни старая власть, ни революціонный народъ въ томъ положеніи, какое сейчасъ создалось и для власти, и для народа, не въ состояніи отказаться отъ вооруженной войны... какъ бы это ни было грустно съ партійно-тактической точки зрѣнія.

II.

Начнемъ съ власти.

Старая власть искони понимала значеніе смертной казни, какъ средства уничтожить своихъ враговъ, борцовъ за свободу и счастье народа. Еще Елизавета Петровна „отмѣнила“ смертную казнь за уголовныя преступленія. Разумѣется, въ административной практикѣ смертная казнь была такъ же упразднена, какъ въ свое время отмѣненная пытка. Попрежнему лизались языкомъ горячія печки, привокывались цѣпями,

¹⁾ „Народно-соціалистическое обозрѣніе“, сборникъ Х. А. Воеводина. „Убийцы-дѣти“, стр. 28. Спб. 1907 г.

²⁾ „Государственная Дума“. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ., Сессія первая, томъ II, засѣданіе 29, стр. 1430.

существовали желѣзные рогатки; попережнему же палачи одинаковымъ, повидимому, ударомъ кнута умѣли чуть прикоснуться къ тѣлу или переломать спинной хребетъ осужденнаго, попережнему же число ударовъ нерѣдко превышало не только узаконенную, но и смертельно-предѣльную норму. Удары при прогнаніи черезъ строй давались иногда въ количествѣ 10—12000; между тѣмъ половины ихъ достаточно, чтобы забить на смерть... Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что Елизавета Петровна осудила смертную казнь, какъ такую, которая недостойна лишь убійцы и воровъ, „съ которыми надо было бороться“—по мнѣнію ея, „не суровыми наказаніями, еще менѣе смертными казнями, а исправленіемъ народныхъ нравовъ“. Эту „отмѣтку“ подтвердилъ и Николай I. Только... одну категорію и Елизавета Петровна, и Николай I отказались включить въ свой законъ: крамольниковъ, тѣхъ, кто желалъ для народа свободу.

Не значило ли это сказать жителямъ злополучной страны—спрашиваетъ Бьернстерне-Бьерисонъ: „Если ты нарушаешь законъ съ цѣлью обогащенія, удовлетворенія ненависти, мщенія, низменныхъ appetitовъ, похоти, жажды крови,—ты останешься въ живыхъ. Но если ты нарушаешь законъ, чтобы спасти общество, проникнутое убѣжденіемъ, что служишь миліонамъ людей, не заботясь объ опасности, какой себя подвергаешь, то за это ты умрешь“¹⁾. Едва ли тогдашніе законодатели такъ уже сознавали, что, присуждая къ смерти революціонеровъ, они тѣмъ самымъ вызываютъ уменьшеніе высокихъ чувствъ, принижаютъ духовный уровень націи. Приговаривая къ смерти такихъ людей, какъ Радищевъ, Оболенскій, Кюхельбекеръ, Волконскій, Никита Муравьевъ, Трубецкой, Пуштинъ; вѣшая Пестеля, Рылѣва, Муравьева-Апостола, Вестужева-Рюмина, Каховскаго; разстрѣливая Бочарова, Голпкова, Бондарева, добываясь послѣ польскаго возстанія сразу 249 казней, тогдашняя власть такъ же мало уясняла себѣ истинный смыслъ этихъ „злѣдѣйствъ“, какъ мало сомнѣвалась въ своихъ прерогативахъ. Она знала, что ей опасаться еще нечего, что это еще отдѣльные лица. Вотъ, что читаемъ мы, напр., въ правительственномъ сообщеніи по дѣлу петрашевцевъ, по которому кромѣ самого Петрашевскаго, было приговорено еще 18 человекъ: „Въ Россіи, гдѣ святая вѣра, любовь къ монарху и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся неколебимо въ сердцахъ каждаго, только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большей частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности погрѣть священнѣйшія права религіи, закова и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ“. Итакъ, и „природныя свойства народа“,

¹⁾ „Противъ смертной казни“. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. В. Гольбовскаго и И. Н. Сахарова. Письмо Бьернстерне-Бьерисонъ. Москва, 1906 г., стр. 295.

доселѣ хравящіяся неколебимо, и ничтожныя развѣры зла, и если тѣмъ же менѣе и Елизавета Петровна, и Николай I оставляли себѣ право на жизнь именно „этихъ подданныхъ“, то таковъ уже истиннѣе власти, которой менѣе подозрительна тысяча воровъ, тысяча грабителей, чѣмъ одинъ подданный, начавшій критиковать ея авторитетъ...

Таковъ былъ истиннѣе дореформенной власти. Таковъ онъ былъ и въ „освободительную“ эпоху. „Великія реформы“ не только не мѣшали вѣшать и разстрѣливать противниковъ старыхъ порядковъ. Наоборотъ, можно сказать, годы реформъ были годами наибольшаго примѣненія смертной казни. Первый годъ освобожденія открывается разстрѣломъ крестьянина Петрова за крестьянскіе безпорядки. За нимъ слѣдуютъ офицеръ Арвогольдъ, офицеръ Сливикій, юнкеръ Востковскій, приговоренные въ 1862 году къ разстрѣлу за храненіе и распространеніе между солдатами брошюръ „взмутительнаго содержанія“, не говоря уже о тѣхъ приговоренныхъ, которымъ казнь замѣнена каторгою. Въ 1863 году являются жертвы польскаго возстанія; офицеръ Ушаковъ приговаривается къ смерти „за распространеніе вредныхъ идей между рабочими“. Въ 1864 году въ Казани разсматривается дѣло о такъ называемомъ „казанскомъ заговорѣ“, по которому 6-го іюня были разстрѣляны штабсъ-капитанъ Ивавицкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ. По тому же дѣлу въ 1865 г. былъ разстрѣлян сф. Чернякъ. Наконецъ, въ 1866 году попадаетъ на висѣлицу Дм. Караказовъ. Такъ, даже царь, который въ отличіе отъ другихъ русскихъ царей назывался царемъ-освободителемъ, какъ и Елизавета Петровна, Александръ I, Николай I, даже въ минуты своихъ „увлеченій“, превращалъ смерть въ орудіе политической борьбы, въ самыхъ „освободительныхъ“ актахъ подчркивая, что смерть въ Россіи есть не наказаніе, а образъ правленія, что послѣдній негодій имѣеть болѣе права на жизнь, чѣмъ тотъ, кто отрекся отъ этого образа правленія.

Такъ проявляло правительство свою власть надъ своими подданными въ доброе старое время. Согласитесь, теперь можемъ мы сказать, что можно даже вѣшать... добродушно. Это такъ, мы должны признаться, что „образъ правленія“ добрыхъ старыхъ нашихъ правителей по сравненію съ теперешнимъ былъ именно добродушенъ. Режимъ Николая I или Александра II былъ силой, которая, какъ всякая сила, была увѣрена въ каждомъ своемъ шагѣ, которой стоило святъ двѣ-три молодецкія голсы для того, чтобы новыя долго-долго не вырастали взамѣнъ отрубленныхъ. Ни отрубленные, ни вновь выросшія не выдвигали еще серьезно въпросъ о смертной казни, какъ о методѣ, единственномъ въ своемъ родѣ. Власть не представляла собой еще военный шагъ, не писала указы сатрапамъ завоеванныхъ областей: „моль, плѣвнымъ не имѣть, живыми не срать“, а если брать въ видѣ заложниковъ, то съ тѣмъ, чтобы при первомъ ослженіи между сторонами под-

вергнуть разстрѣлу. Увѣренной въ себя, въ своихъ слугахъ, на которыхъ она каждую данную минуту опиралась то здѣсь, то тамъ, то въ центрѣ, въ который только что поступилъ доносъ, то на мѣстахъ, никогда не эвакуированныхъ отъ всякаго рода неожиданностей, ей достаточно было обычнаго способа предупрежденія и пресѣченія преступленій, „удаленія изъ общества“, воиъхъ этихъ предварилокъ, участковъ, клоповниковъ, затѣмъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, крѣпостныхъ казематовъ, наконецъ, мѣсть не столь отдаленныхъ вплоть до ледяныхъ тундръ включительно, чтобы обезвредить себя отъ кучки крамольниковъ, возстановить неприкосновенность той основы, которой грозила опасность быть поколебленной. Да и была ли еще опасность! Косна человѣческая личность; немовѣрныхъ усилій, въ самомъ дѣлѣ неисчерпывающихся индивидуальной обстановкой, требуется для того, чтобы сколько-нибудь одвинуть личность съ разъ сложившагося психическаго уклада. Если же такъ обстоитъ дѣло съ отдѣльной личностью, то что сказать о цѣломъ такъ называемомъ обществѣ, которое отдѣльные смѣльчаки пытались тогда сдвинуть съ насиженнаго обывательскаго благополучія въ водоворотъ борьбы. Власть не могла не понимать, что общество того времени или не понимало, или прямо не сочувствовало, напр., террористическимъ выступленіямъ революціонервъ. Это была еще твердая власть...

Совершенно иное та политика кровавой анархіи, которая подготавлиалась уже съ 9-го января и вступила въ полный разгулъ именно съ того дня, когда съ наибольшей яркостью обозначились шансы революціонной Россіи. Ошибается тотъ, кто держится того мнѣнія, что правительство всегда произносило свои приговоры надъ борцами народа безъ извѣстнаго расчета. О, нѣтъ, до тѣхъ моръ, пока оно чувствовало подъ собой сколько-нибудь твердую почву, пока оно рассчитывало, что есть еще возможность обходиться „своими средствами“, оно, конечно, не упраздня самаго права — какъ можно упразднить „образъ правленія?“—тѣмъ не менѣе сознательно стремилось, по возможности, обходиться безъ смертныхъ приговоровъ. Мы видимъ цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ власть не произноситъ ни одного смертнаго приговора: таковы двѣнадцатилѣтіе съ 1846 по 1878 г., девятидесятые годы. Репрессіи не только не прекращались, но неизмѣнно росли. По ничтожному поводу люди ссылались въ Нарымскій край, запирались въ централки безъ суда, безъ срока, безъ слѣдствія, а все-таки было что-то, что задерживало на прокурорскихъ устахъ многіе смертные приговоры, что заставляло власть обставлять „самые приговоры обстановкой особой „законности“, точно власть сама не была въ полной мѣрѣ увѣрена въ таковой. Что-то какъ будто вода ея рукой всякій разъ, когда дѣло касалось жизни гражданина, сообщало кровавымъ подвигамъ того времени свою суровую, свою непреклонную закономѣрность...

Русское правительство, какъ всякая власть, конечно, достаточно плохо

видитъ даль, видитъ близоруко, но то, что дѣлалось подъ носомъ, оно всегда схватывало чисто практическимъ чутьемъ, котораго никогда не чужды реакціонеры, и если оно сейчасъ рѣшилось дѣлать то, что дѣлаетъ въ области репрессій, то это, безъ сомнѣнія, потому, что ему больше нечего терять, что это—единственный путь, какимъ оно въ состояніи еще поддерживать свои силы. Значитъ, пропасть, отдѣляющая сферы правящихъ и управляемыхъ, выросла въ такой степени, что приходится прямо ставить вопросъ—не о правительствѣ и народѣ, а о двухъ враждующихъ лагеряхъ, изъ которыхъ всѣ преимущества на сторонѣ одного, „нападающаго“, потому что у него штыки и пулеметы, всѣ же недостатки на сторонѣ другого, обороняющагося, ибо у него все еще... лишь рѣчи. Значитъ, корабль реакціи, который вчера еще такъ гордо расправлялъ свои члены, сообщая мановніемъ руки высочайшему революціонному акту значеніе героизма отчаянія, самъ потерялъ равновѣсіе подъ напоромъ этихъ самыхъ актовъ... Ему ли изображать въ себя еще представителя „законности“? Логика взаимнаго столкновенія живыхъ политическихъ силъ подсказываетъ ему, что вопросъ идетъ лишь о жизни и смерти, лишь о крайнемъ отчаянномъ рѣшеніи, томъ безпредѣльномъ размахѣ, который проявляется на краю ямы. Такъ игрокъ рѣшается послѣдней ставкой оттянуть моментъ...

Вотъ краеугольное различіе между тогдашнимъ правительственнымъ терроромъ и современнымъ. Были смертныя казни, но не было политики смерти,—тогдашній разстрѣлъ лишь сообщалъ должный привкусъ обычнымъ способамъ пресѣченія...

III.

Обывательское толкованіе творчества гг. Дубасовыхъ, Миновъ, Мелжеръ-Закомельскихъ сводится къ тому, что, молъ, цѣль ихъ — обуздать страхомъ революціонеровъ. Съ этой точки зрѣнія обыватель готовъ семь разъ въ недѣлю повторять, что это—глубокая ошибка, свидѣтельствующая о недомысліи, что ждать цѣлесообразныхъ результатовъ отъ такихъ наказаній нельзя; что жестокія кары не только не улучшали людей, а лишь озлобляли, не только не удерживали ихъ отъ нарушенія законовъ, человѣческихъ и божескихъ, но, наоборотъ, побуждали ихъ на повѣшеніе отвѣчать ножомъ, на массовыя казни—бомбой, доказывая тѣмъ самымъ, что мечомъ убивающій отъ меча и погибнетъ... Только гг. пулеметчики все не берутъ въ толкъ...?

Въ чемъ же недоразумѣніе? Что устрашеніе, какъ цѣль смертной казни, не достигаетъ цѣли, едва ли можетъ подлежать спору. Смерть могла бы пугать, если бы, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Э. Верштейнъ, у приговариваемыхъ была еще та вѣра въ вѣчныя мученія ада, ко-

торая господствовала во времена средневековых казней. Этого, конечно, нѣтъ. Во-вторыхъ, дѣйствительно, ничто такъ не научаетъ циничному презрѣнію къ жизни, какъ чужая кровь, никогда такъ мертвые не начинаютъ господствовать надъ живыми, какъ въ царствѣ крови. Смерть, какъ наказаніе, какъ средство возмездія, бессильно, бессмысленно съ самой утилитарной точки зрѣнія. Только что дать кому-либо право предполагать, что эти истины такъ уже малодоступны именно тѣмъ, кто имѣетъ непосредственный практическій опытъ? Вотъ уже 100 лѣтъ, какъ старая власть стремится потопить въ крови идею, ихъ носителямъ сообщить ореолъ мучениковъ,—развѣ былъ моментъ, когда бы кровь не рождала кровь, когда бы мертвецы не возвращались, развѣ такого опыта недостаточно для того, чтобы придти къ неизбѣжнымъ выводамъ? Дѣло въ томъ, что востоящія казни нельзя разсматривать съ *юридической* точки зрѣнія...

Было время, когда власть, казня, стремилась создать задерживающій центръ. Вспомните конецъ семидесятыхъ годовъ, затѣмъ восьмидесятые, процессы Ковальскаго, Соловьева, Олинскаго, событіе перваго марта, процессъ 16-ти, процессъ 193-хъ и пр., когда въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ были учреждены генераль-губернаторства, а прежнимъ предоставлены новыя полномочія, когда открылись военные суды, приговоры которыхъ и утверждали эти генераль-губернаторы,—тогда правительство ставило цѣлью устрашеніе революціонеровъ, только устрашеніе. Такова была система. Но обратите вниманіе хотя бы на вышнюю сторону. Какъ извѣстно, эти годы—годы кровавые по преимуществу. Что же мы видимъ? Вотъ цифры. Въ 1878 г. былъ разстрѣлянъ за вооруженное сопротивленіе жандармамъ едина Ковальскій, въ 1879 г. повѣшены офицеръ Дубровинъ, Брандверъ, Антоновъ, Осинскій, Горскій, Вильчанскій, Федоровъ, Чубаровъ, Лизогубъ, Давиденко, Виттенбергъ, матросъ Логовенко, Малинка, Дробезгинъ, Майданскій, Соловьевъ. Въ 1880 г. были повѣшены пятеро: Розовскій, Лованскій, Молодецкій, Квятковскій, Прѣсняковъ. Смертная казнь замѣнена каторгой восьмерымъ. Въ 1881 г. повѣшены: Желябовъ, Михайловъ, Кибальчичъ, Рысаковъ, Перовская, Легкій (за убійство тюремнаго надзирателя), не приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ четырьмя. Въ 1882 г. повѣшены трое:—отставной лейтенантъ Сухановъ, Желваковъ, Халтуринъ, замѣненъ приговоръ каторгой по отношенію къ 12 обвиняемымъ. Въ 1883 г. разстрѣлянъ учитель гимназій Неустроевъ, семь приговорены къ заключенію въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ всѣ умерли. Въ 1884 г. разстрѣяны Мышкинъ и Минаковъ за оскорбленіе надзирателя въ Шлиссельбургской крѣпости, затѣмъ Рогачевъ, бар. Штромбергъ, шестеро приговоренныхъ заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ 1885 г. повѣшены Лисянскій, Бордовскій, мировой судья, быв. студентъ Кунцукій, Петрусянскій, Оссовскій (последніе два по дѣлу „Пролетаріата“), рабочій Оссовскій. Въ 1886 г. повѣшенъ раб. Ковалевскій, въ 1887 г.—за по-

покушеніе на жизнь Александра III—студенты: Генераловъ, Осипановъ, Ульяновъ, Андреюшинъ и Шевыревъ, 7-ми обвиняемымъ по дѣлу Лопатина повѣшеніе замѣнено каторгой. Въ 1888 г. былъ приговоренъ на повѣшенію Оржихъ, но ни одна смертная казнь не состоялась. Въ 1889 г. за вооруженное сопротивленіе властямъ повѣшены Зотовъ, Коганъ-Верштейнъ, Гаусманъ. Вотъ цифры, которыя въ свое время казались небывальными, грандіозными... Наибольшій процентъ приходится на 1879 годъ, когда было разстрѣляно 15 человекъ, затѣмъ онъ начинаетъ опускаться. Что же? Подавила власть молодую рѣшимость, утопила идею? Исторія даетъ на это вполне недвусмысленный отвѣтъ: та грань, которая отдѣляла восьмидесятыя годы отъ девяностыхъ, отдѣляла не только смертные приговоры отъ несмертныхъ. Она знаменуетъ совершенно новый идейный подъемъ, совершенно новую фазу движенія... Но... опять-таки не въ этомъ дѣлѣ. Допустимъ, 3—4—5—6 казней въ годъ въ состояніи вліять на революціонное возбужденіе въ желательномъ духѣ, что 3—4—5 казней въ годъ недостаточно, чтобы „подлецъ-человѣкъ“ привыкъ къ нимъ, какъ онъ ко всему привыкаетъ, по словамъ Достоевскаго. Но поставьте тогда рядомъ съ этими цифрами какой-нибудь „современный“ итогъ...

Ну, хотя бы тотъ періодъ революціи, который предшествовалъ первой Думѣ—періодъ съ 9-го января по 27-ое апрѣля. Возьмемъ единственно казни по приговорамъ, казни совершившіяся (о 27 приговорахъ, не приведенныхъ въ исполненіе, и 8, судьба которыхъ осталась намъ неизвѣстной, въ 1905 году и 48 приговорахъ отмѣненныхъ и 51, результатъ которыхъ намъ не удалось установить, за первые 4 мѣсяца въ 1906 году не говоримъ). 1905 г. *Разстрѣляны*: за покушеніе на убійство начальника дисциплинарнаго батальона въ Херсонѣ (рядовыхъ); за беспорядки на „Прутѣ“ и пр. въ Севастополѣ 5 матросовъ; *повѣшены*: 12 человекъ, въ томъ числѣ Иванъ Каляевъ, Хаймъ Гершковичъ, рядовой Мочелдоберъ, покушавшійся на убійство командира полка. За 1906 г. янв., февр., мартъ, апрѣль *разстрѣляны*: за принадлежность къ боевой организаціи анархистовъ-коммунистовъ четверо, за вооруженное возстаніе лейт. Шмидтъ, кондукторъ Частинъ, командоръ Антоненко, машинистъ Гладковъ, кромѣ того, 26 человекъ. *Повѣшены*: за убійство Богдановича въ Тамбовѣ раб. Катинъ, за покушеніе на Курлова Пулиховъ, за убійство ген. Грязнова въ Тифлисѣ Джорджиашвили, кромѣ 39 человекъ.

Вотъ... Въ теченіе одного 1905 были разстрѣляны 9 человекъ, повѣшены—12. За первые 4 мѣсяца 1906 года разстрѣляны 34 человекъ, повѣшены—37. Надо ли добавлять, что эти числа неточны, что нѣтъ никакой возможности восстановить имена всѣхъ казненныхъ даже по приговорамъ? Однако, полагаемъ, даже неточныя цифры достаточно имѣть передъ собой, чтобы убѣдиться, насколько мало можетъ здѣсь идти рѣчь о казни, въ смыслѣ наказанія. Самыя цифры вопіютъ противъ, свидѣтельствуя, что

Если можно здѣсь говорить о чемъ-либо, то отнюдь не о боязни, а о не-
боязни смерти. Невольно приходится заподозривать иные мотивы, руково-
дящіе явными и тайными пулеметчиками, стоящими во главѣ администра-
тивной арміи, или плохо скрытый планъ заговора,—изъ тѣхъ, которые
уже не разъ всплывали на поверхность, или, наконецъ, чувство мести,
желаніе насладиться муками врага, котораго побѣдить въ равномъ бою
жельзя, который поэтому рано или поздно неизбежно самъ одержать по-
бѣду... Словомъ, безцѣльность юридической санкціи очевидна.

Но то, что кажется подозрительнымъ, становится прямымъ и яснымъ,
когда вспомнишь, что разница въ приговорахъ лишь одна разница обоихъ мо-
ментовъ, которые подлежатъ нашему сравненію. Для того, чтобы въ полной
мѣрѣ представить себѣ все различіе, вспомнимъ, что огромное большин-
ство людей покончили земные счета за этотъ періодъ отнюдь не по при-
говорамъ. Безъ разбора, безъ права протеста... Смертные приговоры при-
ходились, ну, одинъ-два въ недѣлю, десять дней. Жертвы же Дубасова,
Римана, Орлова, Ренненкампа и пр. гибли ежечасно. По даннымъ мо-
сковскаго медицинскаго бюро, съ 7 по 17 декабря однихъ убитыхъ въ
Москвѣ было 548 чел., въ числѣ ихъ 10 маленькихъ дѣтей отъ 1—5 лѣтъ.
По тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются, Риманомъ казнено: на
ст. Сортировочной 33 чел., въ Перовѣ—73, въ Люберцахъ—14, въ Ашит-
ковѣ—3, въ Голутвинѣ—27, итого 150 чел. Судя по одной прибалтій-
ской газетѣ, лишь въ Лифляндской губ., лишь за январь казнено 400 чел.
Попробуйте подвести итогъ всей дѣятельности ген. Орлова, всему, что тво-
рилось Ренненкампомъ и Меллеръ-Закомельскимъ, приказывавшими въ
Сибири на могилы казненныхъ вывозить нечистоты со станціи; Алихановымъ,
разрушавшимъ на Кавказѣ города, мѣстечки, деревни до основа-
нія... Только педантъ, который за вѣншей формой не видитъ живого
содержанія, разрываетъ эти два потока карательнаго творчества—
убійства по суду, по закону и убійства по прихоти флигель-адъютанта,
генералъ-губернатора, даже полицейскаго или кавалерійскаго офицера.
Какъ извѣстно, указаніе, которымъ руководились Минъ, Ренненкампфъ и
пр., гласило: дѣйствовать безопасно, арестованныхъ не имѣть, согласно
циркуляру самого тогдашняго премьера:—кромольниковъ сотни и тысячи,
а сотни и тысячи судить невозможно. Согласитесь, при такихъ указаніяхъ
не можетъ быть иллюзій. Можетъ ли идти рѣчь о чемъ-либо, что пред-
полагаетъ такъ или иначе исправленіе, восстановленіе добраго имени тамъ,
гдѣ преслѣдуются цѣль одна—уничтоженіе ради уничтоженія. Ген. Али-
ханову въ деревню, изъ которой не являлся хоть одинъ новобранецъ, по-
сылалъ отряды изъ 400 казаковъ при 4 пушкахъ, которые должны были
бомбардировать селеніе до тѣхъ поръ, пока оно вмѣстѣ съ его обитате-
лями не будетъ разрушено до основанія.—Согласитесь, и здѣсь трудно го-
ворить о „правомъ“ актѣ государственной власти. Это—война, гра-

жданская война. Это, съ одной стороны, „нападающая“, съ другой—обороная сторона. На войнѣ ни одна сторона не ставитъ себѣ цѣлю „наказать“ другую, а прямо беретъ область; на войнѣ никто не можетъ отказаться отъ пули и штыка, какъ единственныхъ орудій борьбы, ибо другого способа завоеванія военная техника не знаетъ. Такъ и здѣсь. Старая власть завоевываетъ область за областью, отказавшейся признать ея авторитетъ, такъ сказать, „собираетъ Русь“, какъ говорили въ старину. Одно осталось, выражаясь медицинскимъ терминомъ,—кровоусканіе. И вотъ слѣдуютъ провокаторскіе акты, цѣль которыхъ выманить на улицу наиболѣе сознательные элементы революціонной Россіи для того, чтобы воспользоваться удобнымъ предлогомъ, перестрѣлять революціонеровъ. Вспомните день 9-го января, октябрьскіе дни, когда цѣлый рядъ исполнителей правительственныхъ предначертаній какъ бы по одному плану усѣивали улицы и площади російскихъ городовъ трупами, вспомните еврейскіе погромы, пріобрѣвшіе столь яркій политическій смыслъ, наконецъ, „бостонки“ жандармскихъ правленій, тайныя типографіи г. Вуича... Правительство воюетъ, можетъ быть, не совѣтъ такъ, какъ оно воевало съ японцами, но тѣмъ не менѣе воюетъ... Это такъ ясно слѣдуетъ изъ подвиговъ гг. Миновъ и Орловыхъ. Почему же подвиги гг. Павловыхъ могутъ быть оцѣниваемы съ иной точки зрѣнія? Нѣтъ, смертныя приговоры гг. Павловыхъ уже не имѣютъ прежнихъ цѣлей, цѣлей добраго стараго времени; они являются частью той анархіи, которую правительство несетъ взамѣнъ какаго бы то ни было правового порядка.

IV.

Иллюстраціей нашей мысли является роль Думы въ вопросѣ о смертной казни, которая уже сконцентрировала около себя многія нити народной жизни, противопоставила правительственному механизму объединенный народный центръ.

Давно извѣстно, что собственно русскіе люди цѣнили и цѣнятъ свое правительство. Когда отъ края до края проносится какой-нибудь освободительный лозунгъ, вѣрьте, это кучка инородцевъ, это предательское золото, ничего общаго съ истинно-русскимъ духомъ не имѣющее. Русскій человѣкъ... бьетъ своихъ депутатовъ... Еще въ знаменитые октябрьскіе дни пронеслось по странѣ: „не обгаряйте страну кровью защитниковъ свободы“, и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы въ печати ли, на митингѣ ли на съѣздѣ—всюду, гдѣ только люди получали возможность общенія—не раздавался этотъ кличъ. Вѣдь нѣтъ народа, который, сбрасывая съ себя цѣпи вѣкового самодержавнаго гнета, не вспомнилъ бы прежде всего объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Такъ была она отмѣнена во Франціи въ 1848 году, въ цѣломъ рядѣ германскихъ госу-

дарствъ до тѣхъ поръ, пока темныя силы не всплыли вновь на поверхность въ этихъ государствахъ. Такъ было въ Швейцаріи. Но... что нашему правительству примѣръ Франціи или Швейцаріи? Развѣ истинная Россія сливалась для нея въ одномъ крикѣ? То былъ революціонный пролетаріатъ, который во всѣхъ странахъ является прежде всѣхъ бойцомъ за отмѣну смертной казни. Но мнѣніе власти о пролетаріатѣ не нуждается въ комментаріяхъ. Не мнѣніе ли студентовъ и курсистокъ считать ему мнѣніемъ Россіи! Вѣдь рядомъ съ пролетаріатомъ протестъ энергично шелъ и изъ учащихся круговъ. Конечно, просматривая протесты противъ смертной казни, вы находите и прямыхъ представителей общества—союзъ союзовъ, группу гласныхъ Москвы, гражданъ Ялты и Алтики, партію „народной свободы“ и пр., и пр., ¹⁾—но что значили всѣ эти протесты, пока были гласные (московская дума), которые называли измѣнниками всѣхъ, требовавшихъ помилованія севастопольскихъ матросовъ! Вотъ мнѣніе страны... Каждый разъ, когда раздавалось по странѣ: „довольно крови!“, гг. Щегловитовы и Павловы указывали на собраніе землевладѣльцевъ, „хладнокровно выслушивающее кровожадную рѣчь своего члена, который даже наше военное положеніе находить игрой и предлагаетъ вѣшать всякаго, кто потушитъ фонарь на улицѣ“. Вотъ „достоинѣйшіе, довѣріемъ народа облеченные“ люди! Кто убѣдитъ гг. министровъ въ противномъ?..

И вотъ пришлось убѣдиться осязательно, безповоротно...

§ 1. Смертная казнь отмѣняется.

§ 2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніи) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ ²⁾.

Вотъ статьи, которыя были приняты, когда со всѣхъ концовъ страны собрались дѣйствительно „достоинѣйшіе“, дѣйствительно облеченные довѣріемъ народнымъ. Вотъ два пункта, удовлетвореніе которыхъ требовалось сейчасъ, сію минуто, ибо „дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ является поправіемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ“, и въ Думѣ, среди тѣхъ, кого самъ царь называлъ представителями страны, не нашлось ни одного оратора, который бы поднялъ голосъ въ защиту смертной казни. Вотъ когда старая и новая Россія, съ одной стороны, авторитетъ пули и штыка, съ

¹⁾ Протесты противъ смертной казни перечислены въ сборникѣ „Противъ смертной казни“ (подъ редакціей М. Н. Гернета, О. В. Гольбовскаго и И. Н. Сахарова). Москва. 1906 г.

²⁾ „Государственная Дума“. Стенографическіе отчеты. 1906 г. Первая сессія, т. II, засѣданіе 29-е. Спб. Государственная типографія.

другой—авторитетъ народной воли, авторитетъ центра, станувшаго цѣлую сѣть народныхъ силъ, стали лицомъ къ лицу!

Такъ характерна самая сцена, разыгравшаяся 19-го іюня и облетѣвшая, благодаря новымъ „послабленіямъ“ въ области печати, всю Россію до „самаго сѣраго мужика“... Слово предоставляется главному военному прокурору генералу Павлову. Лишь только онъ появляется на трибунѣ, раздаются громкіе клики: „Палачъ, долой, не будемъ слушать вѣшателя, палача Шмидта! Долой, долой“. Прокуроръ неподвижно стоитъ на трибунѣ. Предсѣдатель усиленно звонитъ и говоритъ: „Если крики продолжатся, придется закрыть засѣданіе“. Шумъ и волненіе усиливаются, предсѣдатель прерываетъ засѣданіе. Депутаты встаютъ съ мѣстъ. Предсѣдатель и прокуроръ одновременно покидаютъ трибуну. Какъ только прокуроръ показывается изъ-за колонны, тѣ же крики нарастаютъ съ новой силой. Наконецъ, прокуроръ подъ тѣ же крики: „вонъ долой“, покидаетъ залъ ¹⁾. Вольно или невольно, даже „думское болшинство“ проявило себя въ конкретномъ актѣ. Выйдя изъ „предѣловъ парламентаризма“, въ которыхъ оно все стремилось удержать Думу, противопоставило себя правительству рѣшительно, рѣзко... Да что болшинство? Повторяемъ, ни одного „достойнаго“ не нашлось за смертную казнь...

Теперь допустите на мигъ невозможное, допустите, что это страна высказала правительству, которое еще держитъ бразды правленія по-настоящему, ну, 25-30 лѣтъ назадъ. Неужели слова такъ-таки никакого давленія не оказали бы? Неужели правительство, если бы не умѣрило свой пылъ, то стало бы удваивать, утраивать его? Вся дума вся страна—исно...

Что же отвѣтило правительство г. Горемыкина?

Подобно тому, какъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца въ свое время провучало: ни земли, ни воли, такъ теперь было заявлено прямо, открыто: какъ бы ни смотрѣла страна, въ глазахъ правительства смертная казнь была и останется символомъ его власти; оно, молъ, сумѣетъ доказать, насколько покуситься на это право, значить посягнуть на самую власть. Такъ оно заявило и, дѣйствительно, послѣ разгона Думы сумѣло дойти до такой степени совершенства, дальше которой идти уже, кажется, незачѣмъ. Такимъ образомъ, оказывается, Дума съ ея рѣшимостью не только не явилась какимъ-либо задерживающимъ центромъ, но совершенно наоборотъ: явилась тѣмъ факторомъ, который подлил масла въ огонь въ высшей мѣрѣ. Пока Дума продолжала засѣдать, министры лишь посмѣивались: напр., Дума дѣлаетъ запросъ о 8 рабочихъ, приговоренныхъ прибалтійскимъ ген.-губернаторомъ, а въ это время казнь уже оказывается

¹⁾ См. газеты отъ 20-го іюня. Въ стенографическій отчетъ эта сцена не попала, такъ что читатель не сразу ориентуется.

совершенной; то же по отношенію въ приговоренному военнымъ судомъ Яну Марчевскому ¹⁾). Но министры еще сами не уяснили себѣ, каковы силы, которыми располагаетъ народная воля, представленная въ Думѣ, какова организація этихъ силъ. Не мало было споровъ и колебаній въ придворныхъ сферахъ, прежде чѣмъ вопросъ о разгонѣ былъ рѣшенъ. Но только вопросъ былъ рѣшенъ, какъ всѣ силы ада, кажется, собрались, чтобы совершить свой судъ, всѣ черныя звѣринныя силы, на царство конихъ были занесены руки разогнанныхъ депутатовъ. Полюбуйтесь, въ самомъ дѣлѣ.

Миня знаменитый судъ въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ по дѣлу о безпорядкахъ послѣ разгона Думы, по которому 17 нижнихъ чиновъ и 3 штатскихъ были разстрѣляны, съ одной стороны, съ другой—поручикъ Емельяновъ и Каховскій, 24 нижнихъ чиновъ и 3 штатскихъ (кромѣ того, съ 13-го іюля по 26-ое августа казнено 29 человекъ, въ томъ числѣ 17 матросовъ въ Ревелѣ), наконецъ, цѣлый рядъ приговоровъ, судьба которыхъ намъ неизвѣстна, обратимся прямо къ истинно-русскому дѣтищу покойнаго Павлова, которое, съ Вожьей помощью, продолжаетъ свою адскую работу разрушенія до сего дня. Пусть говорятъ цифры...

Чтобы перечень не затянулся, не будемъ называть именъ, но будемъ говорить о дѣлахъ. Итакъ, *августъ* ²⁾: 26-го казнены три человека въ Митавѣ, 28-го повѣшена Кюнопляникова, 29-го казнены 13 человекъ въ Митавѣ, Ригѣ, Одессѣ, 31-го разстрѣляны двое въ Ригѣ.

Въ слѣдующей табличкѣ верхній рядъ цифръ обозначаетъ числа мѣсяца, остальные—число казней, падающихъ на данное число.

	1-го	2-го	3-го	4-го	5-го	6-го	7-го	8-го	9-го	10-го	11-го	12-го	13-го	14-го	15-го
Сентябрь . . .	3	2	4	2	21	6	2	2	5	5	8	10	3	6	5
Октябрь . . .	2	1	25	12	6	6	4	4	8	3	1	2	4	11	5
Ноябрь . . .	9	15	6	—	—	7	13	6	5	4	20	4	10	6	10

	16-го	17-го	18-го	19-го	20-го	21-го	22-го	23-го	24-го	25-го	26-го	27-го	28-го	29-го	30-го	31-го
Сентябрь 2	1	9	11	17	35	14	4	13	1	5	19	9	2	12	—	—
Октябрь 5	1	16	6	4	5	16	6	20	5	6	5	1	5	1	2	—
Ноябрь 12	3	10	7	15	2	10	4	4	4	3	2	10	13	10	—	—

Но продолжать ли? Не поставимъ ли точку? За 3 мѣсяца 4 дня 685 казней, не считая приговоровъ, о судьбѣ которыхъ не сообщалось! Сравните по мѣсяцамъ: цифра іюня въ іюлѣ поднимается въ 4 раза,

¹⁾ Вслѣдъ за самымъ постановленіемъ былъ разстрѣлянъ Марковскій въ Либавѣ. Приговоры слѣдовали одинъ за другимъ.

²⁾ Перечень составленъ по газетамъ, „Современной Лѣтописи“ въ журналѣ „Вылое“ и сборникамъ „На очередныя темы“ и „Новая Мысль“.

затѣмъ въ 2, затѣмъ въ 3! Сравните по днямъ: на первые дни расправы въ среднемъ приходится по 3 казни, затѣмъ по 7, затѣмъ по 10, затѣмъ по 11 и т. д.! Разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, прокуроры, разстрѣливаютъ всѣхъ—дѣтей, женщинъ, стариковъ по „закону“, безъ закона, по „печальному недоразумѣнію“, разстрѣливаютъ за все—за нападенія на должностныхъ лицъ, за преступленія противъ собственности—т. н. „эс-пропріаціи“, за агитацію, за беспорядки въ тюрьмахъ, за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ. Что же это? Какъ же это Дума, въ „успокоительной“ роли которой такъ было увѣрено цѣлое крыло русской социаль-демократіи,—почему такая Дума послужила тѣмъ пунктомъ, послѣ котораго старая власть сочла возможнымъ окончателно содрать фиговый листокъ, прикрывавшій священное право ея надъ жизнью каждаго красномольника, хотя бы для этого пришлось вступить въ бой со всѣмъ народомъ?

Очень просто. Значеніе Думы, которая какъ-никакъ собиралась даже опубликовать обращеніе къ народу, было въ томъ, что она открыто противопоставила себя старой власти. Какъ ни увѣряли себя калеты, что такой шагъ присвоилъ бы Думѣ всѣ черты, присущія конвенту, даже они тянулись въ хвостъ. Еще не звали народъ въ открытый бой—еще страна готовилась. Гдѣ, когда бой за свободу начинался по заранѣе назначенному плану? Ни разу еще правительство не чувствовало такъ конкретно близость катастрофы, не стояло такъ лицомъ къ лицу съ врагомъ. И оно „выиграло“. Оно прямо выставило пулеметы противъ... Таврическаго творца, прямо водрузило открытое знамя, на которомъ огромными буквами красуется надпись: да истечетъ кровью тотъ народъ, достойнѣйшіе коего суть Аладыны и Рамишвили!..

V.

Если судить по телеграммамъ, приговоры падаютъ, главнымъ образомъ, на города—на города Прибалтійскаго края, потомъ Царства Польскаго, потомъ юга и т. д. Почему это? Во-первыхъ, потому, что телеграммы обозначаютъ мѣсто казни. Во-вторыхъ, ошибочно думать, что съ тѣхъ поръ, какъ надъ страной простерлась столь же скорая, сколь ^крѣпительная юстиція, некому стало убивать безъ „суда“, безъ предварительнаго ареста—такъ, какъ „казнили“ большіе и малые Дубасовы въ декабрьскіе дни. Въ деревняхъ главнымъ образомъ и практикуются они до сихъ поръ. Разстрѣливаютъ „нечаянно“, „для острастки“, „по подозрѣнію“, подъ предлогомъ „попытки къ бѣгству“. Арестовали, напр., солдаты неизвѣстнаго человѣка и, вмѣсто того, чтобы отвести его къ начальству, по дорогѣ убиваютъ; за это даже такса есть: по 3, по 5 р. за человѣка. Или затѣютъ стрѣльбу „вдоль улицы“... „шутки ради“. Это продѣлывается вдоль улицъ Варшавы (4 и

30 окт.) или Лодзи (8 окт.),—отчего же въ деревнѣ] это себѣ не позволить... тоже „шутя“. Вотъ, напр., картинка (отъ 13 окт.): „Арестованный мало смущался своимъ арестомъ и по дорогѣ въ участокъ все время смѣялся. Смѣхъ этотъ раздражалъ одного изъ солдатъ, и онъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ арестованнаго“. Чего стоятъ набѣги стражниковъ, напр., на с. Жарково, на с. Колдансь, Ворщевскіе Пески, дер. Курево, с. Сокораницы ¹⁾. Подвиги ген. Литвинова къ Ставропольской губ.! Новые итоги прибалтійскихъ усмирителей!.. Но... надо ли еще этими расправами уснащать цифры? Онѣ вѣдь уже не отличаются отъ „приговоровъ“ той „юстиціи“, согласно которой строевые офицеры замѣняютъ не только судебную палату, окружный судъ, но даже мировые суды, ничѣмъ. Выше мы еще проводили разницу между разстрѣломъ по приговору и разстрѣломъ по „спискамъ“ любого „патрота“. Мы еще дѣлали уступку привычному взгляду, согласно которому произволь, оформленный видимостью суда, все же не простой произволь. Но что сказать о судѣ, въ составъ котораго не допускаются юристы, который лежитъ внѣ области юридической критики, который даже является исключеніемъ изъ судопроизводственнаго порядка, примѣняющагося на театрѣ военныхъ дѣйствій?

„Кротъ, ты славно роешь!“ Если кто-нибудь еще руководится критеріемъ „закона“ и „беззаконія“, тотъ долженъ, наконецъ, понять, какая разница была и будетъ между казнью по суду и простымъ убійствомъ; понять, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ шло дѣло не о наказаніи виновныхъ, а объ ихъ истребленіи, что судъ имѣлъ такое же право называть свое дѣло правосудіемъ, какъ стражникъ или казакъ, съ гикомъ и визгомъ проносящійся надъ дер. Горѣловой или Неѣловой...

Не осторожный расчетъ, а азартъ игрока, потерявшаго голову; не политика „порядка“, а политика [анархіи, на которую съ такимъ пафосомъ любятъ обрушиваться сами игроки, не опора государства, а злокачественный наростъ на тѣлѣ его—вотъ что родило законъ, по которому смертныя приговоры, исполняемые коллегіей дегенератовъ, должны прогрессировать въ прогрессіи 1, 2, 4, 8 и пр. Пробѣгая налитые кровью параграфы, кто не воскликнетъ: вѣтъ, это не актъ власти, утверждающей законъ; это, въ лучшемъ случаѣ, планъ, которымъ побѣдитель будетъ руководиться по отношенію къ побѣжденному. Съ сего дня вѣтъ, не можетъ быть разницы между казнью по приговору и убійствомъ безъ приговора.

Во что превратились хотя бы тѣ основанія, которыя составляли содержаніе дѣйствующаго по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ уголовного уложенія? Безспорно, подъ смертную казнь у насъ всегда могли быть подводимы не только посягательство на жизнь монарха и членовъ императорскаго дома или государственная измѣна, — какъ это

¹⁾ Мы беремъ первыя попавшіяся названія деревень.

устанавливаютъ 99, 100, 105 и 108-я статьи,— но самыя разнородныя политическія преступленія: для того, чтобы кругъ ихъ былъ расширенъ, достаточно было гдѣ-нибудь ввести усиленную охрану. Но такъ или иначе, требовалось преданіе суду, внесеніе въ судъ обвинительнаго акта, предварительное слѣдствіе, облеченное въ письменную форму. Требовалась сущность доказательствъ и уликъ, врученіе подсудимому списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора, предоставленіе ему суточного срока на выборъ защитника, на вызовъ новыхъ свидѣтелей, на заявленіе объ отводѣ судей и прокурора. Запрещается казнить малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ— для замѣны смертной казни каторгой достаточно одного смягчающаго обстоятельства. При этомъ, если въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны, признано необходимымъ принять мѣру, не предусмотрѣнную статьями уложенія, то лишь главнокомандующій дѣлаетъ распоряженіе о принятіи такой мѣры, донося о томъ государю.

Теперь взгляните на то, что оставилъ отъ всего этого г. Павловъ. Прежде всего было объявлено недоувѣріе гражданскимъ судьямъ, которые за все это время повнны въ крови лишь одного человѣка. Дѣло кровопусканія сосредоточилось въ военныхъ судахъ. Но и здѣсь оказалось не все одинаково. Хотя ни окружныя, ни морскіе, ни прочіе военные суды ни въ комъ недоувѣрія возбудить не могутъ своимъ поведеніемъ, тѣмъ не менѣе и они въ концѣ концовъ должны были „уступить“, т. е. или вовсе уступить мѣсто полевымъ судамъ, или настолько усвоить себѣ ихъ фizioномію со всѣми ихъ приемами, что ни о какихъ иныхъ, кромѣ полевыхъ, судахъ уже не могло быть рѣчи. И такъ... Гдѣ законъ, который лишаетъ подсудимаго защиты? Его нѣтъ, но защита не допускается, какъ нѣтъ и обвинителя. Гдѣ законъ, который обязываетъ судъ разбирать дѣло не медленнѣе, чѣмъ въ двое сутокъ? Его нѣтъ, но кому до этого дѣло? Даже не главнокомандующіе „дѣлаютъ распоряженіе“, а тѣ, кому надлежитъ по „циркуляру“... ¹⁾ простые строевые офицеры. Даже военныхъ юристовъ не полагается въ судѣ офицеровъ!.. Любой офицеръ рѣшаетъ, за что повѣсить, за что разстрѣлять. Ни кассацин, ни конфирмаціи— что ужъ говорить о вызовѣ свидѣтелей, объ отводѣ судей, о какихъ-то смягчающихъ обстоятельствахъ! О малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ!.. Хватай, рѣжь, руби— чѣмъ больше простору, тѣмъ лучше: все дѣло не въ статьяхъ уложенія, которыя, можетъ быть, не вредно прочесть, а въ томъ, чтобы судомъ своихъ въ возможно меньшій срокъ отправить на тотъ свѣтъ возможно больше не своихъ... чтобы получился собственно не судъ, а маленькая карательная экспедиція...

Вотъ, что значать тѣ приговоры, къ которымъ такъ шагъ за шагомъ направлялась правительственная политика. Это— убійства, не только лежащія внѣ юридической плоскости, но убійства, въ которыхъ— ари обычныхъ

¹⁾ См. циркуляръ ген. Павлова.

условіяхъ—содержатся всѣ признаки преступленія. Строевыхъ офицеровъ и ихъ „полевыхъ“ усмотрѣній законодательство не знаетъ, какъ, правда, ни широки его рамки въ области политическихъ пресѣченій. Передъ нами даже съ точки зрѣнія старой власти не организація „порядка“, каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, а организація анархія, не образъ политики, а образъ завоеванія. Чѣмъ ближе къ концу, къ послѣдней линіи, къ которой старая власть приближается, тѣмъ ярче выступаетъ все это...

VI.

Вѣдлый терроръ, поскольку онъ возникъ изъ революціи, рядомъ съ ея развитіемъ сталъ центральнымъ фокусомъ правительственной политики, выражаетъ агонію режима. Быть сейчасъ властью,—значитъ сумѣть оттянуть эту агонію, усидѣть на штыкахъ, имѣя противъ себя политическую силу всей страны. Да, исполнители правительственныхъ предначертаній такъ же въ состояніи сшить себѣ шубу изъ политическихъ совѣтовъ обывательскаго благоразумія, какъ тѣ активныя революціонныя силы, которыя являются могильщиками стараго режима, ставя уже его въ безвыходное положеніе, вызывая уже его ликвидацію...

Все течетъ въ этомъ мірѣ. Государственные мужи, которые вчера еще были столпами порядка, сейчасъ, оказывается, такіе же „потрясатели“ по отношенію къ нему, какъ революціонеры, которыхъ они разстрѣливаютъ. Политика режима выступить съ особой стороны, если мы рядомъ съ ней и поставимъ тѣ формы, въ которыхъ проявляются силы революціи.

Мы уже говорили, положительная работа у насъ сейчасъ отступила на задній планъ. Не разъ за массовымъ натискомъ у насъ наступала полоса затишья въ смыслѣ организаціи силъ революціи, и ей на смѣну выступали тѣ эффектные выступленія, тѣ попытки дезорганизаціи защитнаго механизма командующихъ слоевъ, которыя извѣстны подъ терминомъ партизанскихъ выступленій. Но такой полосы еще не было. Ростъ террористическихъ выступленій послѣ разгона Думы таковъ, что получается даже вѣдшимъ образомъ аналогія съ войной. Почтово-телеграфный чиновникъ, выбитый изъ колеи, эмигрантъ, безработный пролетарій, крестьянинъ, укрывающійся отъ преслѣдованія, тысячи людей, можетъ быть, еще недавно чуждыхъ какого бы то ни было сознанія, политическаго интереса, затѣмъ втннутыхъ въ тотъ центръ, который уже пытался однимъ ударомъ скрѣпить общую волю, теперь наполняютъ партизанскіе отряды, говорятъ взрывчатая рѣчи, готовятъ взрывчатая вещества. Не мытьемъ, такъ катаньемъ, не столбовой дорогой, такъ мелкими тропинками—волна бурлитъ, волна катится и, присматриваясь къ этому потоку, при всемъ своемъ хаосѣ представляющемъ такую остроту напора, такое брызжущее разнообразіе красокъ, невольно думаешь: неужели есть фантазеръ, который еще лепѣтъ въ душѣ мысль объ „устрашеніи“? Всѣ эти средства, со

всей ихъ экспансивностью и нетерпимостью становятся въ концѣ концовъ такими же единственными въ этой средѣ, какъ „приговоры“ стрелецкихъ офицеровъ въ рукахъ режима. Въдъ массы находятся въ такомъ состояніи, когда ружья, по одному выраженію, сами начинаютъ стрѣлять. Нѣтъ, тутъ не то...

Политическія убійства были средствомъ политической борьбы и въ семидесятые, и въ восьмидесятые годы. Потерпѣвъ неудачу въ деревнѣ, отчаявшись вызвать массовое движеніе, русскіе революціонеры тотчасъ же вступили на путь террора. Вспомните покушенія партіи „Народной Воли“ на жизнь Александра II 1879, 1880, 1881 г., покушенія, закончившіяся днемъ 1-го марта. Вспомните вооруженныя сопротивленія Ковальскаго, Чубарова, Бронтера, Осанскаго, Дубровина, Зотова, выстрѣлы Вѣры Заслуицъ, убійство такихъ лицъ, какъ Мезенцовъ, военный прокуроръ Стрѣльниковъ, харьковскій губернаторъ Крапоткинъ, Судейкинъ, убійство ряда шпионовъ. Тутъ и динамитъ, который вызываетъ столь сиверныя предчувствія даже у либеральнаго гражданина. Но то ли это было, что мы видимъ сейчасъ? Судите. То былъ „деорганизаціонскій отрядъ“, весьма небольшой, хотя и крѣпко сплоченный, не имѣвшій никакихъ корней въ массѣ, отрядъ революціонно настроенныхъ интеллигентовъ, которыхъ каждое выступленіе, требовавшее сколько-нибудь солидныхъ силъ и затратъ, сводили долго на нѣтъ и матеріально, и духовно. Покушенія создавали такую обстановку, въ которой всякая агитаціонная, всякая пропагандистская дѣятельность дѣлалась невозможной—на каждомъ шагу оказывались шпионы. Что стоить переловить кружки интеллигентовъ? И правительство, безъ сомнѣнія, недалеко было отъ истины, считая террористовъ единицами и утѣшая себя тѣмъ, что общество, въ широкомъ смыслѣ, не захвачено движеніемъ. Тогдашнее „общество“, конечно, едва ли стало бы скрывать террориста, оказывать ему матеріальную поддержку и пр. Стоило правительству справиться съ главными руководителями для того, чтобы все движеніе оказалось лишенымъ почвы, не выйдя за ограду кружковыхъ чувствъ, кружковыхъ намѣреній. Теперь загляните-ка въ лабораторію текущихъ политическихъ убійствъ,—такъ ли они готовятся, кѣмъ приводятся въ исполненіе, кто ихъ поддерживаетъ? Вотъ... Прежде всего статистика. Это статистика за додумскіе мѣсяцы ¹⁾.

	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.
Покушенія	72	3	20	31	34	13
Убійства	31	4	21	34	19	19
Бомбы	46	6	27	44	36	24
Подкопы и взрывы	—	1	3	—	—	—
Итого	150	14	71	109	89	56

¹⁾ Викторъ Обнинскій. „Полгода русской революціи“. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (окт. 1905—окт. 1906 г.) Вып. I.

Теперь послѣдумскій. Перечислять за все время невозможно. Ограничимся хотя бы однимъ мѣсяцемъ—ну, октяремъ. За октябрь, оказывается, убито, въ рѣдкихъ случаяхъ ранено:

Отвѣтств. должн. лицъ (губ., нач. охр. и жанд. кар. отр. и пр., тюремъ, уч. зав.)	12
Директоровъ фабрикъ	3
Приставовъ и помощн.	22
Солдатъ	8
Жандармовъ	28
Городовыхъ	40
Мастеровъ	4
Стражниковъ	28
Шпіоновъ	12
Черносотенцевъ	2

Таковъ октябрь. Да не подумаетъ читатель, что мы выбрали мѣсяць, избилующій особенно нападеніями. Наоборотъ, на октябрь не приходится ни такія событія, какъ на августъ (12-го—взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, 13-го—убійство Мяна, 14-го—Войнаральскаго, нѣсколько назадъ—покушеніе шестью бомбами на Скалона, Каульбарса, убійство губ. Блока, ген. Маркграфскаго и пр. ¹⁾), ни такія, какъ на декабрь (убійства Игнатъева, Лауница, Павлова и пр.). Это даже... тихій мѣсяць. Но сравните эту тишину съ трескомъ дней „Народной Воли“... Вооруженныя возстанія тогда приходились по одному на годы,—здѣсь вы насчитываете ихъ до полусотни въ мѣсяць. Однихъ бомбъ вы насчитываете до 15. Политическія убійства—сотнями. Ихъ не миновало ни одно жандармское управленіе, ни одинъ полицейскій участокъ, ни одинъ офицеръ, противъ которыхъ направленья гибель народный. Вспомните варшавскую рѣзню, когда по сигналу одновременно истреблялись полицейскіе стражники цѣлаго города. Еще важнѣе составъ исполнителей. „Народная Воля“ за все время своего существованія почти не знала рабочихъ. Совершенно обратное мы видимъ здѣсь: подавляющій процентъ здѣсь рабочіе, крестьяне. Если терроръ „Народной Воли“ былъ чисто-интеллигентскимъ, то какъ ни осуждать этотъ приѣмъ борьбы, принципиально нельзя не признать: настоящій терроръ есть выступленіе обывателя, стихійный, массовый. Что всего характернѣе, это то, что изъ всѣхъ этихъ сотенъ лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ террористамъ не удалось скрыться. Согласитесь, это было бы невысказимо, если бы нападающій не брался изъ вѣдръ населенія, если бы населеніе не только не сочувствовало, но не оказывало бы прямой поддержки. Со всѣхъ сторонъ чувствуется это покровительство, эти облегченные вздохи затравленныхъ людей, и въ этомъ вся сила, вся небывалая широта размаха партизановъ борьбы. Насколько это такъ, видно даже изъ того, какъ

¹⁾ См. Нашу „Хронику“ за августъ прошлаго года.

чувствовала себя старая власть послѣ процессовъ „Народной Воли“ и какъ чувствуетъ теперь. Смотрите, какъ мало увѣренности въ теперешнемъ торжествѣ, какъ жадно ищутъ побѣдители желающихъ изъ „лучшей части общества“ раздѣлить это торжество и какъ мало охотниковъ усѣсться въ триумфальную колесницу...

Нѣтъ того авторитета, въ силу котораго приемы борьбы не дѣлались бы здѣсь и тамъ жесточе и жесточе, который могъ бы вернуть прежнія отношенія управленія и подчиненія. Все дѣло въ средствахъ. Въ рукахъ одного—финансы и войско, въ рукахъ другого—мочка темная да умъ изобрѣтательный, и нѣтъ мѣста даже тѣмъ условностямъ, которыя имѣютъ мѣсто на войнѣ. Люди, всего себя, всѣ помыслы, всѣ стремленія отдавшіе служенію народу, люди, чистотѣ которыхъ нѣтъ ничего равнаго въ мірѣ, при одномъ имени которыхъ тысячи готовы благоговѣнно обнажить голову,—посмотрите, какъ эти люди должны дѣлать свое дѣло, крадучись, пускаясь на всевозможныя хитрости, такъ, какъ приближаются къ гадивѣ съ цѣлью ее убить... Бывали—не знаю, будутъ ли еще—моменты, когда наступали своего рода передышки, когда правительство дѣлало какъ будто видъ, что оно готово отступить, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, такую-то уступку, послѣ которой борьба приметъ сколько-нибудь „легальный“ характеръ. Но не успѣвали возникнуть 3—4 партійныхъ клуба, 3—4 профессиональныхъ рабочихъ организаціи, открытси нѣсколько независимыхъ органовъ печати, не успѣвалъ какой-нибудь революціонный кружокъ уже вынести постановленіе о томъ, съ какой стороны теперь подойти къ чудовищу, какъ это чудовище уже вновь держало мечъ въ рукахъ, и свистъ нагаекъ, и грохотъ пуль раздавался съ такой силой, какъ будто и партійные клубы, и профессиональные союзы, и независимая печать для того только и нужны были ему, чтобы возможно было удесатерить свои удары, видѣе было, гдѣ жатву жосить. И идетъ война, и все стихійнѣе становится революція...

VII.

Таковъ кровавый туманъ, не дающій опомниться вотъ уже мѣсяць за мѣсяцемъ. Таковы силы режима въ этомъ туманѣ, съ одной стороны, силы революціи—съ другой. Такъ, значить, власть „нападаетъ“, стремясь лишити революцію ея лучшихъ соковъ, такъ народъ „обороняется“, стремясь „деорганизовать“ своихъ мучителей хоть врасыпную, хоть по одиночкѣ, хоть какъ-нибудь...

Какъ же отнестись къ этой безконечной тратѣ силъ? Не съ точки зрѣнія простого констатированія, конечно, а съ точки зрѣнія сознательнаго внимательства въ водоворотъ этихъ событій?.. Ни одна, ни другой конецъ не есть выходъ... долженъ я сказать...

Осуждать дѣйствія старой власти не приходится. Я могу лишь принять

них за данное, как ту наклонную плоскость, по которой она катится съ непреборимостью историческаго процесса. Другое дѣло—терроръ революціонный. Я признаю всю объективную неизбежность его, въ силу которой отказаться отъ него—значить, сплошь и рядомъ отказаться отъ всякой борьбы. Тѣмъ не менѣе не могу не добавить: нѣтъ приѣмовъ борьбы, болѣе нецѣлесообразныхъ съ точки зрѣнія соотношенія дѣйствующихъ силъ, чѣмъ этотъ терроръ. Прежде всего, если тактика правительства есть тактика выжиданія, когда обыватель, измученный, издерганный кровавой вакханаліей, всѣми ужасами террористическихъ эксцессовъ, будетъ обезсиленъ до того, что окажется неспособнымъ къ какому бы то ни было проявленіямъ, то въ интересахъ правительства этотъ—болѣе, чѣмъ всякій другой—родъ борьбы. Стоитъ ему опереться на то „огромное достоинство партизанскоѣ войны“, которое, по мнѣнію г.г. большевиковъ, состоитъ въ томъ, что она „можетъ тянуться безконечно“¹⁾, чтобы получить такую поддержку въ борьбѣ, какую оно до сихъ поръ не имѣло. Затѣмъ, вѣдь положительной работы здѣсь нѣтъ. Идетъ дѣло разрушенія, одного разрушенія. Что же это за разрушеніе? Въ какой же формѣ оно происходитъ? Борьба идетъ не организованными силами, а отдѣльными натисками, не между реакціей и революціей, какъ таковыми, а между отдѣльными героями и отдѣльными вѣшателями. Не значить ли это—принижать революцію? размѣнивать ту же работу разрушенія? Вѣдь всякое дѣло, даже дѣло разрушенія, тѣмъ именно революціонно, что оно сплавляетъ, соединяетъ революціонные элементы? Что же здѣсь сплавляется, синтезируется? Здѣсь идетъ разрушеніе въ два фронта: безъ сомнѣнія, „деорганизируются“ и власти разнаго рода, но еще больше дезорганизуется собственное дѣло. Такова уже роль стихійныхъ дезорганизаторовъ правительственнаго механизма...

Можетъ быть, такъ критиковать—значить забывать, что все еще тянется первая стадія русской революціи. Вѣдь сознание народа пробуждается въ крайне примитивныхъ формахъ; а оно только еще пробуждается; трудно свой хлѣбъ добываетъ человѣкъ, духовный еще труднѣе, чѣмъ физическій, и не скоро массы всходятъ съ одной ступени на другую. А такъ какъ въ концѣ концовъ вѣтъ народныхъ массъ, вѣтъ той энергіи, которая накоплена на днѣ народной жизни, этихъ поисковъ выхода съ такимъ напряженіемъ, съ такой страстностью, рѣшительностью, нѣтъ мѣста ни одной тактикѣ, рассчитывающей сколько-нибудь на успѣхъ, то не попытаться ли сначала взять въ свои руки народную стихію въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется? Вѣспорно, партизанскія выступленія въ извѣстной степени лежатъ совершенно въ иной плоскости, чѣмъ мой критерій. Не дѣйствительно ли ужъ такъ велика пропасть? Дѣйствительно ли все дѣло въ томъ, что люди не въ состояніи подняться на высшую сту-

1) „Пролетарій“, № 4.

пень? Нѣтъ ли тутъ совершенно обратнаго процесса — пониженія политическаго расчета, революціонной идеи, нѣтъ ли тутъ людей, которые опустились съ высоты на торную привычную линію, соответствующую примитивной стадіи народнаго движенія? Вѣдь при такихъ условіяхъ тактика замалчиванія является тактикой простого приспособленія къ революціонному авантюризму... Дѣйствительно, теперь все болѣе устанавливается, что партизанскій лагерь испитъ не только тѣми, которые до него возвысились, но и тѣми, которые до него опустились. Это, въ подавляющемъ большинствѣ, бывшіе члены революціонныхъ организацій, мало того, члены, которые еще недавно навболѣе горячо относились къ дѣлу, — въ моментъ „передышки“, когда организаціонная работа кипѣла во-всю и шла отъ нея кругомъ такая здоровая атмосферная волна, что переманить отсюда кого-нибудь не было никакой возможности. Но вотъ правительство, вспомнивъ, что малѣйшія организаціонныя проявленія, малѣйшая ихъ легализація его убиваетъ, устраиваетъ декабрь, устраиваетъ 13-ое іюля и пр. Для людей, такъ внезапно нашедшихъ примененіе своей энергіи и такъ внезапно же лишенныхъ его, отъ прежняго дѣла не остается ничего. Ударъ за ударомъ сыплется, какъ изъ рога изобилія, окончательно выбиваетъ почву. Гдѣ тѣ условія, которые въ состояніи поддержать въ немъ вѣру въ то, что не все еще погибло, что, наоборотъ, все берется съ бою, что только тотъ, кто сто разъ потерпѣлъ поражение, чтобы въ сто первый разъ побѣдить, достоинъ настоящаго имени бойца? Положеніе рабочаго ужасно. Правительство не только путемъ кровопусканія истощаетъ революцію. Оно не менѣе стремится взять ее голодомъ. Составляется заговоръ съ капиталомъ, послѣ котораго сперва на казенныхъ, затѣмъ на частныхъ фабрикахъ и заводахъ расчитываются тысячи сознательныхъ рабочихъ, которые буквально попадаютъ въ условія нищенства. Мысли и чувства становятся еще постычнѣе, еще дальше отступаетъ возможность прежней работы... Такъ партизанъ борьбы готовъ, — партизанъ по страсти, по убѣжденію. Глубоко ошибается тотъ, кто думаетъ, что такихъ вышедшихъ изъ серьезныхъ массовыхъ организацій въ партизанской средѣ мало. Они никогда не были строгими выразителями партійной дисциплины, ихъ міросозерцаніе всегда было чрезвычайно несложно и малопродуманно и въ самомъ ихъ настроеніи скрывалось что-то стихійное, бессознательное, что не прорывалось тогда лишь потому, что не было вишнихъ толчковъ къ этому, — пускай такъ, но развѣ не таковъ вообще средній рабочій? Не рискуемъ ли мы, блюстители сознательнаго политическаго расчета, растерять еще столько же своихъ силъ, сколько уже потеряно, отсѣвая неустойчивые свои элементы, которые такъ легко порываютъ всѣ связи съ организаціей? Совершенно наоборотъ, мы должны идти за ними туда, куда ведетъ ихъ анархія, накаляя все выше и выше атмосферу, все приближаясь къ тѣмъ преждевременнымъ выступлениямъ, которые пережиты въ декабрѣ; объяснять, какъ мало служатъ они инте-

рессамъ классоваго движенія, и, наоборотъ, какъ много содѣйствуютъ имъ пораженію, не пытаясь поднять до себя движеніе новыхъ массъ съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, даже прямо сливаясь съ ними, мѣняя дѣло истинной политической борьбы на суррогатъ ея, который всегда былъ признакомъ политической слабости и пассивности.

Отвлечение силъ отъ дѣйствительной борьбы и преслѣдуетъ правительство, не позволяя ему выбраться изъ этого русла. Это отнюдь не „ошибка“ съ его стороны, какъ причины „партизанскихъ выступленій“ не лежатъ лишь въ смертныхъ приговорахъ. Они лежатъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ движенію легализироваться. Съ этой точки зрѣнія совершенно совмѣстимы ростъ смертныхъ казней и паденіе революціоннаго террора. Дайте лишь одновременно выходъ массовой работѣ, организациі народныхъ силъ около одного центра... Такіе моменты у насъ и наблюдались, напр., въ моментъ Думы, когда революціонныя организациі рѣшили приостановить терроръ, а правительство на это... отвѣчало новыми казнями...

Положеніе, создавшееся послѣ двухъ лѣтъ столь упорной борьбы, можетъ быть, еще дальше заведетъ въ тупикъ тѣ силы, которыя мобилизовала русская революція, дастъ возможность еще крѣпче удержаться на своихъ позиціяхъ правительственному механизму. Организациі революціоннаго натиска неизмѣримо отстала отъ работы революціонной стихіи, которая выбьетъ, что угодно, только не „режимъ“ изъ создаваемого имъ состоянія. Все дѣло въ положительной организациі массъ; даже тѣ же террористическіе акты имѣли значеніе лишь постольку, поскольку за каждымъ изъ нихъ слѣдовала широкая волна массоваго движенія. Между тѣмъ длительные способы борьбы, требующіе терпѣнія, послѣдовательности, уступили мѣсто судорожнымъ, конвульсивнымъ вспышкамъ, направленнымъ въ обходъ силамъ режима, неспособнымъ внести въ движеніе ничего, кромѣ узко-кружковой изолированности. Вспомните судьбу „Народной Воли“. Какъ разъ въ то время, какъ готовятся главныя выступленія лучшихъ силъ ея, во всей Россіи разражается промышленный кризисъ, который въ высшей степени рѣзко отражается на самочувствіи рабочихъ. Рядъ стачекъ начинается охватывать Петербургъ, Царство Польское, Прибалтійскій край, центральную Россію. Начинается рядъ бунтовъ, которые хотя и были направлены довкой рукой въ сторону—именно, противъ евреевъ,—но на самомъ дѣлѣ имѣли чисто-соціальную подкладку. Дѣйствительно, правительство, въ началѣ милостиво отвесившее къ движенію, въ скорѣи замѣтило, что оно переходитъ на конкретную почву и немедленно приняло рѣшительныя мѣры. Затѣмъ росли рабочіе кружки. Несомнѣнно, если бы нашлись тогда силы, способныя воспользоваться моментомъ, создалась бы такая организациі, съ которой правительство, можетъ быть, считалось бы не меньше, чѣмъ съ кружкомъ „Народной Воли“. Но до рабочихъ ли было тогда-

нимъ силамъ! Онѣ были поглощены подготовлявшимися убійствами. Даже всѣ прежнія связи въ рабочей средѣ пришли въ упадокъ. Такъ ими ничего и не было сдѣлано... Мы, конечно, далеки отъ предположенія, что и сейчасъ—при содѣйствіи г. Столыпина—партизанскій лагерь въ состояніи отвлечь лучшія силы революціонныхъ организацій. Но тѣмъ выше эти силы должны держать свое знамя, тѣмъ рѣшительнѣе бороться съ идеализаціей стихій и ея послѣдствіями.

Л. Клейнбортъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедельный критико-библиографический журналъ

КНИГА

под редакціей Мих. К. Лемке,

издаваемый книжнымъ складомъ „ЗЕМЛЯ“,

при участіи слѣдующихъ лицъ: "

М. Я. Абрамовичъ, С. А. Алексѣевъ, М. А. Антоновичъ, С. Ашевскій, Я. А. Бердяевъ, Н. И. Березинъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, А. И. Богдановичъ, Т. А. Богдановичъ, В. Богучарскій, Н. Борецкій, В. В. Брусянинъ, С. Н. Булгаковъ, В. Л. Бурцевъ, В. Вадимовъ, Н. Валентиновъ, Л. М. Василевскій, С. А. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. Н. Воробьевъ, М. О. Гершензонъ, Л. Герасимовъ, В. Л. Голубовскій, Г. Громанъ, А. И. Даринскій, М. Днѣпровъ, И. А. Дубровскій, И. П. Житецкій, Д. Е. Жуковскій, Д. М. Зайцевъ, Ф. Ф. Зѣлинскій, Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Иващенко, Н. И. Иорданскій, Н. И. Карвевъ, А. А. Кауфманъ, Н. А. Котляревскій, Н. П. Коломійцевъ, П. А. Комскій, К. Р. Качоровскій, В. А. Кудрявцевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Ларскій, А. И. Лебедевъ, М. К. Лемке, Е. К. Леонтьева, И. Н. Леонтьевъ, А. А. Локтинъ, Н. П. Ложкинъ, Н. О. Лосскій, А. Е. Лосицкій, Г. А. Лучинскій, Е. А. Ляцкій, Н. В. Марковскій, И. Ю. Марковъ, П. П. Масловъ, Д. С. Мережковскій, А. В. Меркуловъ, П. Г. Мижуевъ, А. П. Налимовъ, П. И. Новгородцевъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, М. И. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, П. П. Румянцевъ, С. Ф. Русова, А. А. Русовъ, П. П. Семеновъ, М. Н. Слѣпцова, Е. Смирновъ, В. Ф. Соловьевъ, В. Н. Сперанскій, П. Б. Струве, Е. В. Тарле, А. С. Токаревъ, В. Ф. Тотомианецъ, М. И. Туганъ-Барановскій, В. Н. Тукалевскій, А. Ю. Фининъ, М. Я. Ховенъ, В. И. Чернолуцскій, Г. А. Черняловъ, Н. В. Чеховъ, В. А. Шагинъ, П. Е. Щеголевъ, А. И. Яцимирскій и др.

Журналъ „Книга“ ставитъ своей задачей дать возможность читателю, интересующемуся текущей литературой, а также библиотекамъ, учебнымъ заведеніямъ, книжнымъ складамъ и магазинамъ, ориентироваться въ той массѣ литературы, которая въ послѣднее время поступила и поступаетъ на книжный рынокъ.

Являясь виѣспартійнымъ органомъ, „Книга“ будетъ давать читателямъ еводные критико-библиографическіе обзоры и отдѣльныя рецензіи книгъ по социальнымъ наукамъ, вопросамъ общественной жизни и народнаго образованія, философіи, психологіи, исторіи литературы, беллетристики и искусства.

Литература социалистическихъ партій будетъ рецензираться соотвѣтствующими специалистами. Въ тѣхъ случаяхъ, если представителемъ одной изъ этихъ партій будетъ написанъ обзоръ литературы по какому-либо вопросу текущаго момента, то въ слѣдующемъ же номерѣ будетъ данъ обзоръ той же литературы, написанный представителемъ другой партіи.

Считая одной изъ главныхъ своихъ задачъ широкое удовлетвореніе читателей, ищущихъ систематическаго самообразованія, редакция „Книги“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлъ отвѣтовъ на вопросы по организаціи самообразованія, чтенія вообще, а также книжнаго дѣла. Кромѣ того въ журналѣ будетъ помѣщаться хроника литературной жизни и книго-жидательскаго дѣла. Всѣ книги, присланныя въ редакцію для рецензій, будутъ регистрироваться въ особомъ отдѣлѣ.

(См. на оборотѣ.).

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 2 р. 50 к., на полгода 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 85 к. и на 2 мѣс. 60 к. (мѣсячный номеръ не принимается). Цѣна отдѣльнаго № въ продажѣ 15 коп.

Объявленія при журналѣ принимаются по тарифу:

Тарифъ объявленій на обложкѣ:		Тарифъ объявл. послѣ текста вмѣромъ газеты. столбца.	
1 страница	40 р. — к.	За страницу	30 р. — к.
Полстраницы	22 „ — „	„ полстраницы	16 „ — „
Четверть страницы	12 „ — „	„ четверть страницы	9 „ — „
За строку	— „ 30 к.	„ строку	— „ 20 „

Адресъ редакціи и конторы журнала „Книга“ — книжный склад „ЗЕМЛЯ“, СПб., Владимірскій пр., 7. Телеф. 51—01.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г. НА

Большую ежедневную политическую газету

общедоступную ежедневную политическую и литературную газету

„РѢЧЬ“,

„РЕФОРМА“,

выходящія въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи

П. Н. МИЛЮКОВА и І. В. ГЕССЕНА.

Газета „Реформа“ пользуется матеріаломъ, помѣщеннымъ въ газетѣ „Рѣчь“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

газеты „РѢЧЬ“:	газеты „РЕФОРМА“:
въ Россіи на г.—12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р. 15 к., 2 м.—2 р. 15 к., 1 м.—1 р. 10 к.	въ Россіи на годъ—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 р. 10 к., 1 м.—55 к.
за границу на годъ—20 р., 9 м.—15 р. 75 к., 6 м.—11 р., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р.	за границу на годъ—15 р., 6 м.—8 р., 3 м.—4 р., 2 м.—3 р., 1 м.—1 р. 50 к.

При подпискѣ въ иностранныхъ почтамтахъ плата значительно понижается. Отдѣльные №№ газеты „РѢЧЬ“ по 5 коп. | Отдѣльные №№ газ. „РЕФОРМА“ по 3 к. При непосредственномъ обращеніи въ главную контору предоставляются слѣдующія скидки съ подписной цѣны:

- учащимся въ высш. учебн. заведеніяхъ, учителямъ и учительницамъ нѣшн. учеб. завед., фельдшерамъ, акушеркамъ и сельскимъ священникамъ на газ. „РѢЧЬ“—25%, за границу—10% и на газ. „РЕФОРМА“—10%;
- служащимъ въ нравительствѣ, обществ. и крупныхъ торгово-промышлен. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ вазначеевъ и дѣлопроизводителей на обѣ газеты—10%;
- книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ, комисіонерамъ и др. посредникамъ по пріему подписки—5%.

Въ кредитъ и наложеннымъ платежомъ газеты „Рѣчь“ и „Реформа“ не высылаются.

Редакція, Главная Контора, Экспедиція и Типографія: С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21. Адресъ для телеграммъ: СПб. Рѣчь. Телефонъ редакціи № 728. Телефонъ главной конторы и экспедиціи № 245—04.

Городскія конторы въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, 80, д. Учетнаго Банка. Телефонъ № 787. 2) Кировная, 24, кв. 21. Телефонъ № 3383.

Пріемъ подписки и розничная продажа обѣихъ газетъ производится также въ большихъ крупныхъ отдѣльныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ, кіоскахъ, почтовыхъ конторахъ и другихъ т. п. учрежденій.

Издатель Ю. Б. БАНЪ.

Открыта подписка на 1907 годъ
на иллюстрированный еженедельный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія. — Этнографія. — Романы и повѣсти, изображающіе разные приключенія на сушѣ и на морѣ. — Очерки и рассказы современныхъ иностранныхъ беллетристовъ. — Стихотворенія. — Научно-популярныя статьи о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. — Биографія научныхъ дѣятелей. — Обзоръ событий текущей иностранной жизни. — Библиографія. — Вопросы и отвѣты. — Спортъ. — Картины. — Иллюстраціи. — Портреты. 1.200 столбцовъ текста.

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМИИ ПОДПИСЧИКАМЪ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ БУДЕТЪ ДАНО

РѢДКОЕ ПО БОГАТСТВУ И РАЗНООБРАЗІЮ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 КНИГЪ иллюстрированное СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

(до 2.500
страницъ).

извѣстнаго американскаго писателя-юмориста, блестящаго рассказчика, тонкаго наблюдателя челоуѣческой природы

МАРКА ТВЭНА,

произведеніями котораго ЗАЧИТЫВАЮТСЯ юности и взрослые Стараго и Новаго свѣта. „Принцъ и нищій“. „Приключеніе Тома Сойера“. „Приключенія Хэккльберри Финна“. „Американскій истецъ“. „Наши простаки дома“. „Наши простаки за границей“. „Жизнь на рѣкѣ Миссисипи“. „Искры американскаго юмора“, очерки и рассказы.

Въ отдѣльной продажѣ названныя книги стоятъ 9 руб.

12 выпусковъ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Полная иллюстрированная энциклопедія реальныхъ знаній. НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА для всѣхъ и каждаго, дающая разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ во всемъ отдѣламъ научнаго знанія, общественной жизни и домашняго быта.

Кромѣ того, съ приплатою ОДНОГО РУБЛЯ подписчики получаютъ полное ИЛЛУСТРИРОВАННОЕ изданіе хорошо извѣстнаго русской читающей публики ПРОИЗВЕДЕНІЯ **В. М. ДОРОШЕВИЧА**

САХАЛИНЪ,

стоящаго въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.

„Сахалинъ“ будетъ данъ подписчикамъ въ теченіе перваго полугодія 6-ю выпусками.

4 ЦѢНА НА ГОДЪ безъ книги **В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ“** съ перес. и доставкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 июля 1 р.

Адресъ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала „Вокругъ Свѣта“.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

5 ЦѢНА НА ГОДЪ съ книгою **В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ“** съ перес. и доставкой.

Отъ Самарскаго Комитета общественной помощи голодающимъ Самарской губ.

Въ г. Самарѣ организованъ Комитетъ общественной помощи голодающимъ, какъ мѣстный отдѣлъ центральнаго Московскаго и Петербургскаго Комитета. Во главѣ послѣднихъ стоятъ Всероссійское Пироговское Московское сельскохозяйственное, Петербургское вольно экономическое общества, широко популярныя по общей своей дѣятельности и работающія по борьбѣ съ голодомъ уже въ теченіе ряда лѣтъ. По мѣстнымъ условіямъ Самарскій Комитетъ возобновляетъ лишь дѣятельность Самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи голодающимъ, работавшаго въ 1898—1899 году.

Размѣры наступившаго голода далеко оставляютъ за собою всѣ предыдущія голодовки. Уже съ августа мѣсяца наблюдается недоѣданіе крестьянскаго населенія во многихъ мѣстахъ: ѣдятъ черезъ день, ѣдятъ по очереди, примѣняютъ систему „лежанія“, какъ средство утоленія голода, ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, съ желудями. Положеніе голодающаго населенія ужасно—и съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія суровой зимы, оно будетъ ухудшаться. Оно тѣмъ болѣе ужасно, что условія борьбы съ настоящимъ голодомъ исключительны вслѣдствіе переживаемыхъ нами общихъ событій. Средства помощи въ настоящую голодовку также до крайности ничтожны. Все это вмѣстѣ взятое должно вызвать на помощь голодающимъ самыя широкіе общественныя слои населенія. Дорога каждая копейка, ибо за 1 руб. 50 коп. можно прокормить голодающаго въ теченіе мѣсяца. Самарскій Комитетъ общественной помощи голодающимъ и вызываетъ къ самымъ широкимъ общественнымъ слоямъ о помощи.

Граждане! Отбросьте всѣ соображенія, думы и размышленія. Прислушайтесь только къ голосу сердца—и помните объ одномъ—Вашимъ братьямъ и сестрамъ грозятъ душевныя и физическія муки, болѣзнь и смерть отъ голода и Ваше сердце Вамъ повелительно скажетъ: **ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМЪ!**

Помощь будетъ цѣнна въ какой бы мѣрѣ и какой-бы формѣ она ни была.

Пожертванія деньгами, пищевыми продуктами, платьемъ просятъ направлять по адресу: г. Самара, Губернская Земская Управа, казначею Комитета общественной помощи голодающимъ В. К. Ромодановскому.

Бюро проситъ редакціи газетъ перепечатать настоящее воззваніе и открыть подписку въ пользу голодающихъ Самарской губерніи.

Бюро Комитета; г-жи Е. А. Бузкова, О. Б. Котельникова, Н. А. Хардина, гг.: Н. А. Гладышъ, М. М. Гранъ, А. Г. Кряжмискій. П. П. Крыловъ. В. Л. Ромодановскій.

18. *ИЗЪ ЖИЗНИ и ЛИТЕРАТУРЫ.* „Они идутъ!“ (По поводу нѣкоторыхъ сборниковъ „Знанія“). **В. Львова.** Апоеозъ догматовъ. (О сочиненіяхъ А. Вербицкой) **О. Миртова** . . . . . 78—99
19. *НА ЗАПАДѢ.* (Изъ Франціи). Стачка французскихъ рабочихъ **О. Езерскаго** . . . . . 100—127
20. *КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.*
1. Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. **О. Миртова.** 2. Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія. — **аго.** 3. Н. Гипціусъ. Новые люди. **Е. Колтоновской.** 4. Библиотека великихъ писателей. Байронъ. Проф. **А. Шепелевича.** 5. О. Мирбо. Дневникъ горничной. **Е. Колтоновской.** 6. Г. Энгель и Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія. **Вас—аго.** 7. Еллинекъ. Конституція, ихъ измѣненія и преобразованія. **П. Берлина.** 8. Р. Энзоръ. Современный социализмъ. **П. Б.** 9. Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи. **Б. Володина.** 10. Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики социаль-демократіи. **П. А.** 11. Л. Клейнбортъ. Безработица и движеніе безработныхъ. **Б. В—аго.** 12. Де-Волянъ. Въ странѣ миллиардовъ и демократіи. **Н. Березина.** 13. К. Н. Вентцель. Свободное воспитаніе и образованіе. Борьба за свободную школу. **А. Налимова.** 14. Д-ръ Л. Котельманъ. Основы школьной гігіены. **А. Виреніуса.** Новая книга поступившія въ редакцію . . . . . 128—159
22. Объявленія.

Новыя изданія редакціи журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“:

Къ чему приводитъ владычество буржуазіи.

Перев. съ французскаго **М. Д. Гродецкаго.** Ц. 50 к.

Соціализмъ и земледѣліе

Эм. Вандервельда, перев. съ французскаго. Ц. 40 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на

литературный и общественно-политический журналъ

„ОБРАЗОВАНИЕ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами въ 25 листовъ,

при редакціонномъ участіи:

М. Арцыбашева, Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Особое вниманіе обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Въ художественномъ отдѣлѣ: Л. Андреевъ, Л. Андрусонъ, М. Арцыбашевъ, В. Башкинъ, Валерій Брюсовъ, И. Бунинъ, Л. Василевскій, А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Г. Галина, А. Гольдебавъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, В. Дмитріевъ, О. Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, А. Каменскій, А. Крандівская, Маркъ Криницкій, А. Купринъ, Б. Лазаревскій, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Наживинъ, А. Рославлевъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, Н. Танъ, Е. Тарасовъ, Н. Тимковскій, Е. Чиринъ, С. Юшкевичъ и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: С. Ашевскій, В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкий, А. Богдановъ, М. Боголъповъ, Б. Веселовскій, В. Величина, Н. Воробьевъ, Г. Гроссманъ, Д. Зайцевъ, П. Звѣздичъ, А. Ершовъ, А. Ельницкій, И. Жилинъ, Л. Клейнбортъ, А. Коллонтай, Е. Колтоновская, А. Лосицкій, І. Любарскій, А. Луначарскій, М. Лунцъ, В. Львовъ, В. Мачинскій, П. Масловъ, П. Мижуевъ, А. Налимовъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, Е. Орловъ, П. Орловскій, П. Румянцевъ, И. Степановъ, В. Сторожевъ, В. Тотоміанцъ, А. Чеботаревская, А. Яблоновскій и др.

Въ ближайшихъ книжкахъ журнала будутъ напечатаны

слѣд. беллетристическія произведенія: Разсказъ **Леон. Андреева**, Милліоны. **М. Арцыбашева**, Тихій городъ. **В. Башкина**, Духъ времени. **А. Вербицкой**, Дѣло № 17. **С. Гусева-Оренбургскаго**, Весонница. **О. Дымова**, Люди. **А. Каменскаго**, Нервный. **Марка Криницкаго**, Любовь. **А. Крандівской**, Женщина. **А. Куприна**, Волѣнь. **Б. Лазаревскаго**, Бабыя жизнь. **В. Муйжеля**, Квазимодо. **Скитальца**, Амнистія. **Н. Тана**, Неприкосновенность. **Н. Тимковскаго**, Незвѣстный. **С. Юшкевича** и др.

Цѣна на годъ 7 рублей съ пересылкой, на полгода—
3 руб. 50 к., на мѣсяць—60 коп., за границу—9 руб.

Цѣна отдельной книжки—60 коп. съ перс. 4181

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: **СПБ. Моховая, 33.** Въ Москвѣ при книж. магаз. „Трудъ“, „Весна“ и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ кнжв. магаз. **С. Можаровскаго (Пассажъ)** и „Образованіе“ (Ришельевская).

